Дж. Р.Р. Толкин

Властелин Колец

III

Возвращение Короля

Возвращение Короля
Джон Рональд Руэл Толкин

Аннотация
Властелин Колец III. Возвращение Короля
КНИГА ПЯТАЯ
Глава I. Минас-Тирит
Глава II. Поход Серого Отряда
Глава III. Сбор Рохана
Глава IV. Осада Гондора
Глава V. Рейд рохирримов
Глава VI. Битва на полях Пеленнора
Глава VII. Погребальный костер Денетора
Глава VIII. Дома врачевания
Глава IX. Последний совет
Глава X. Черные Ворота открыты
КНИГА ШЕСТАЯ
Глава I. Башня Кирит-Унгол
Глава II. Земля Тени
Глава III. Гора Судьбы
Глава IV. Поле Кормаллен
Глава V. Наместник и Король
Глава VI. Сплошные разлуки
Глава VII. Дорога домой
Глава VIII. Очищение Шира

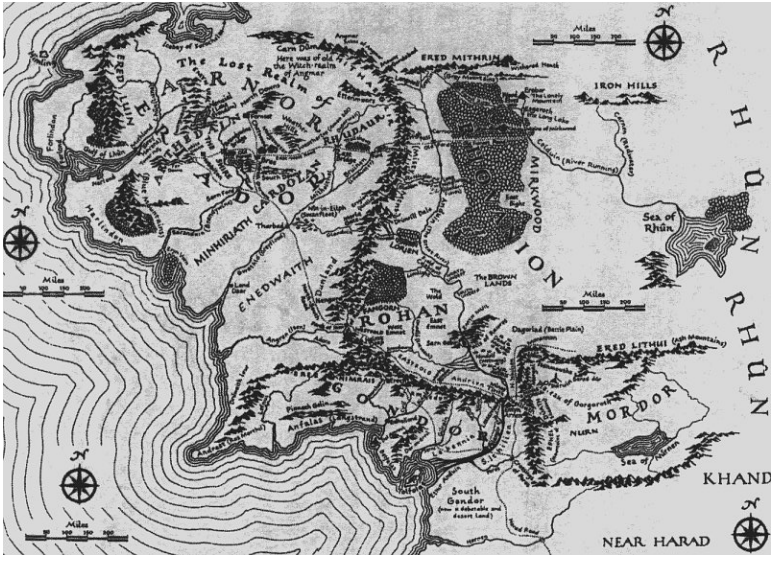
Глава IX. Серая Гавань
Приложения
От редактора
Приложение A. Анналы королей и правителей
I. НУМЕНОРСКИЕ КОРОЛИ
II. РОД ЭОРЛА
III. НАРОД ДЮРИНА
Приложение Б. Летопись. (Хронология Западных земель)
Приложение В. Семейные древа
Приложение Г. Календарь Шира
Приложение Д. Написание и произношение
Приложение Е

Аннотация

В пятой и шестой книгах «Властелина Колец» повествуется о последней, смертельной схватке светлых сил Средиземья с Тенью Мордора.

Читатели, полюбившие героев Дж. Р. Р. Толкина, найдут в приложениях пространные дополнительные сведения о них, о событиях, предшествовавших приключениям, запечатленным на страницах бессмертной эпопеи, и последовавших за ними, а также полезную информацию об особенностях языков и народов Средиземья.

Властелин Колец III
Возвращение Короля


The Lost Realm of ARNOR
ARTHEDAIN
CARDOLAN
RHUDAUR
ENEDWAITH
ERED MITHRIN
IRON HILLS
MIRKWOOD
Sea of Rhûn
RHÛN
THE BROWN LANDS
ROHAN
Dagorlad (Battle Plain)
ERED LITHUI (Ash Mountains)
GONDOR
MORDOR
NURN
Sea of Nurnen
KHAND
South Gondor
NEAR HARAD
Miles

КНИГА ПЯТАЯ

Глава I

Минас-Тирит

Пиппин выглянул из-под плаща Гэндалфа, служившего ему убежищем. И не сразу понял, все еще спит или уже проснулся. Темный мир проносился мимо, и ветер громко свистел в ушах. Пиппин не видел ничего, кроме качающихся звезд, а справа огромной тенью уходили назад горы Юга. Он попытался определить время и понять, который день они в пути, но в памяти все было запутанно и неопределенно.

Пиппин вспомнил, с какой ужасной скоростью мчались они сперва, не делая остановок до тех пор, пока не увидели на рассвете тусклый блеск рассветного золота и не прискакали в безмолвный город, в большой пустой дом на холме. Едва успели они тогда добраться до убежища, как Крылатая Тень вновь пролетела над ними, и люди от страха потеряли присутствие духа. Но Гэндалф успокоил их, и Пиппин уснул в уголке тревожным сном, смутно чувствуя, как приходят и уходят люди, как они разговаривают и как Гэндалф отдает приказания. Потом они снова

помчались вперед и пробыли в пути целую ночь. Это была вторая, нет, третья ночь с тех пор, как он заглянул в волшебный камень. И от этого ужасного воспоминания он проснулся окончательно и задрожал, и шум ветра наполнился угрожающими голосами.

В небе зажегся свет — вспышка желтого пламени за темной грядой. Пиппин снова укрылся, сжавшись от страха, воображая, в какую страшную страну перенес его Гэндалф. Но протер глаза и сразу увидел, что это всего-навсего луна, почти полная, встает в восточной части неба. Значит, до утра еще далеко и им предстоит несколько часов пути. Он шевельнулся и спросил:

— Где мы, Гэндалф?

— В королевстве Гондор, — ответил волшебник. — В земле Анориен.

Какое-то время молчали. И вдруг Пиппин, вцепившись в плащ Гэндалфа, вскрикнул:

— Что это? Смотрите! Огонь, красный огонь! В этой земле есть драконы? Смотрите, вон еще один!

Вместо ответа Гэндалф громко обратился к своему коню:

— Вперед, Обгоняющий Тень! Мы должны торопиться. Время не ждет. Ты видишь? Горят маяки

Гондора, взывая о помощи. Война началась. Вспыхнул огонь на Амон-Дине, мерцает пламя на Эйленахе, и дальше на запад загораются огни: Нардол, Эрелас, Мин-Риммон, Каленад и Халифириен у границ Рохана.

Но Обгоняющий Тень замедлил свой бег, поднял голову и заржал. Из тьмы донеслось ответное ржание, и вскоре послышался топот копыт. Мимо пролетели, как призраки в лунном свете, три всадника и исчезли на западе. Обгоняющий Тень, собравшись с силами, рванулся вперед, и ночь понеслась мимо, как воющий ветер.

Пиппин хотел спать и почти не слушал рассказа Гэндалфа о гондорских обычаях и о том, как Повелитель Города установил на холмах маяки и организовал посты, где всегда находятся свежие лошади, если нужно послать всадников на север, в Рохан, или на юг, в Белфалас.

— Уже очень давно не загорались эти маяки, — сказал Гэндалф, — а в древние времена они вообще были не нужны, потому что у Гондора были Семь Камней.

Пиппин беспокойно пошевелился.

— Спи, не бойся! — успокоил Гэндалф. — Ты едешь не в Мордор, как Фродо, а в Минас-Тирит, и там ты будешь в безопасности, насколько это

вообще возможно в наши дни. Если Гондор падет, а Кольцо достанется Врагу, тогда и в Шире ты не найдешь убежища.

— Не очень-то вы меня успокоили, — заметил Пиппин и все-таки сдался на милость сну. Последнее, что он запомнил перед этим, был белоснежный пик, возвышающийся над облаками и отражающий свет заходящей луны. И Пиппин с тоскою подумал: «Где теперь Фродо? Неркели в Мордоре? Да жив ли он?» Откуда ему было знать, что Фродо в эту минуту глядит на ту же луну, плывущую над Гондором, и ждет наступления дня.

Пиппин проснулся от звука голосов — миновал еще день в укрытии и ночь в дороге. Наступили предутренние сумерки, приближался холодный рассвет, и все вокруг было окутано промозглым серым туманом. Обгоняющий Тень стоял взмокший, от него поднимался пар, но он гордо выгибал шею и не показывал виду, что устал. Рядом с ним толпилось много высоких людей, закутанных в плащи, а за ними в тумане виднелась каменная стена. Она казалась частично разрушенной, но Пиппин услышал шум напряженной работы: удары молота, перестук мастерков и скрип колес. Кое-где из тумана проступали факелы и костры. Гэндалф разговаривал с людьми, преградившими

ему путь. Прислушавшись, Пиппин понял, что речь идет о нем.

— Да, верно, мы знаем вас, Митрандир, — говорил предводитель людей, — и вы знаете пароль Семи Ворот и можете свободно проехать. Но мы не знаем вашего спутника. Кто он? Гном из Северных Гор? Нам теперь не нужны чужеземцы, если только они не могучие воины, в чью преданность и готовность помочь мы могли бы поверить.

— Я поручусь за него перед Денетором, — возражал Гэндалф. — Что же касается доблести, то не нужно судить о ней по фигуре. Он прошел через большее количество битв и опасностей, чем вы, Инголд, хотя вы вдвое выше его. Он прошел от Исенгарда, взятого штурмом, о чем мы везем известие, и очень устал, иначе я разбудил бы его. Его зовут Перегрин, он очень храбрый человек.

— Человек? — с сомнением переспросил Инголд, а остальные засмеялись.

— Человек? — воскликнул Пиппин, окончательно проснувшись. — Человек! Еще чего! Я хоббит, и отнюдь не храбрец, разве что иногда, в случае крайней необходимости. Так что не слушайте Гэндалфа, он вводит вас в заблуждение.

— Многие совершающие великие подвиги не могли бы сказать о себе больше, — заметил Ин-

голд. — Но что такое хоббит?

— Халфлинг, — уточнил Гэндалф. — Нет, не тот, о ком говорилось в пророчестве, — добавил он, заметив удивление на лицах людей. — Не он, но один из его родичей.

— Да, и тот, кто путешествовал с ним, — добавил Пиппин. — И с нами был Боромир из вашего города, он спас меня в снегах Севера, но был убит, защищая меня от множества врагов.

— Постой! — крикнул Гэндалф. — Новость об этом горе следовало прежде сообщить отцу.

— Об этом догадывались, — сказал Инголд, — были дурные видения и предзнаменования. Проходите быстрее! Повелитель Минас-Тирита захочет увидеть того, кто несет ему последние вести о его сыне, будь он человек или...

— Хоббит, — подсказал Пиппин. — Невеликую службу могу я сослужить вашему повелителю, но сделаю все, что смогу, в память о храбром Боромире.

— Доброго пути! — пожелал Инголд.

Люди расступились, и Обгоняющий Тень прошел через тесный проем в стене.

— Да будет добрым ваш совет Денетору и всем нам, Митрандир! — воскликнул Инголд вдобавок. — Пришли вы с известиями о горе и опасности.

Говорят, таково ваше обыкновение.

— Я прихожу редко и лишь тогда, когда помощь моя необходима, — ответил Гэндалф. — Что же касается совета, то я сказал бы, что поздно чинить стены Пеленнора. Теперь вашей лучшей защитой будет мужество — мужество и надежда, которую принес я. Ибо не все мои новости плохие. Оставьте мастерки и точите мечи!

— Работа будет закончена до наступления вечера, — сказал Инголд. — Эта часть стены обращена к нашим друзьям в Рохане, отсюда мы не ждем нападения. Вы знаете что-нибудь о рохирримах? Откликнутся ли они на наш зов?

— Да, они придут. Но они выдержали немало сражений у вас за спиной. Ни эта дорога, ни любая другая не ведет больше в безопасное место. Да преисполнятся сердца ваши отвагой! Вы скорее увидите вражеское войско, выходящее из Анориена, чем всадников Рохана. Прощайте и не теряйте бдительности!

Теперь Гэндалф ехал по широкой равнине за Раммас-Эхором. Так люди Гондора называли внешнюю стену, построенную ими с огромным трудом после того, как Итилиен оказался в Тени Врага. Более чем на десять лиг тянулась она от подножия гор, ограждая поля Пеленнора — пре-

красные плодородные земли на длинных склонах и террасах, спускающихся к Андуину. В самом далеком пункте, на северо-востоке, стена отстояла от городских ворот всего на четыре лиги и с хмурого откоса смотрела на низины у Реки. Люди сделали ее здесь высокой и прочной: именно в этом месте дорога от бродов и мостов Осгилиата подходила к охраняемым воротам между укреплениями. В самой близкой части, юго-восточной, от стены до города оставалось не более лиги. Здесь Андуин, сделав широкий изгиб у холмов Эмин-Арнена в южном Итилиене, резко поворачивал на запад, и внешняя стена возвышалась на самом берегу Реки. Под нею находились причалы гавани Харлонд для кораблей, приплывающих вверх по течению из южных областей.

Земли за стеной лежали богатые, с обширными пашнями, множеством садов и ферм, с печами для сушки хмеля, амбарами, загонами и хлевами, со множеством ручьев, бегущих по зеленым полям с гор к Андуину. Но населявшие их пастухи и земледельцы были невелики числом, большей частью люди Гондора жили в семи кругах Города, или в высокогорных долинах Лоссарнаха, или дальше на юге, в прекрасном Лебеннине, с его пятью быстрыми реками. Здесь, между гора-

ми и Морем, обитал суровый народ. Эти люди считались гондорцами, но кровь у них была смешанной, они были смуглые, высокого роста и происходили от забытых людей, проживавших в тени холмов в Темные Годы, до прихода королей. А дальше, в обширной области Белфалас у Моря, в своем замке Дол-Амрот правил принц Имрахил, такой же благородный, как все его люди, стройные, гордые, с глазами серыми, как морская волна.

Спустя еще какое-то время свет нового дня забрезжил в небесах, и Пиппин, встряхнувшись, огляделся по сторонам. Слева лежало море тумана, поднимаясь к унылой тени на Востоке; зато справа великолепные горы вздымали свои вершины, выстроившиеся с Запада до внезапно обрывающегося края, словно, когда была сотворена эта земля, Река прорвалась сквозь величественную преграду, раздробив громадную долину и сделав ее землею споров и сражений на все времена. И там, где кончались Белые Горы Эред-Нимраиса, Пиппин увидел — как ему и обещал Гэндалф — темную массу горы Миндоллуин, темно-лиловые тени ее высоких долин и ее исполинский лик, белеющий в отблеске рассвета. И на ее выступающем склоне стоял Укрепленный

Город с его семью каменными стенами, такими мощными и старыми, что казалось, они не построены людьми, а высечены гигантами из костей земли.

Пока Пиппин изумленно смотрел туда, цвет стены переменился с серого на белый и внезапно из восточной тени выглянуло солнце, послав луч, осветивший лицо города. Пиппин невольно вскрикнул: Башня Эктелиона, стоящая высоко в пределах верхней стены, воссияла до небес, мерцая, как жемчужно-серебряный колос, невероятно стройная и прекрасная, и ее шпиль блестел так, будто сработан из хрусталя; и белые флаги рвались из зубчатых стен, развеваясь в утреннем бризе, а ввысь и вдаль летел чистый звук, словно пели серебряные трубы.

Так Гэндалф и Перегрин на восходе солнца подъехали к большим воротам Гондора, и железные створы распахнулись перед ними.

— Митрандир! Митрандир! — кричали люди. — Теперь мы знаем, что буря действительно близка!

— Она уже над вами, — сказал Гэндалф. — Я прилетел на ее крыльях. Пропустите меня! Я должен увидеться с повелителем Денетором, пока длится его наместничество. Что бы ни случилось,

нынешнему Гондору пришел конец. Пропустите меня!

Люди расступались, услыхав его властный голос, и ни о чем не решались спросить, хотя и дивились на хоббита, сидевшего перед ним, и на лошадь, что принесла гостей. Люди Гондора редко использовали лошадей, которых лишь изредка можно было увидеть на улицах, когда скакал какой-нибудь всадник со срочным поручением повелителя. И они говорили:

— Это, конечно, один из лучших коней короля Рохана. Может, и сами рохирримы скоро явятся к нам на помощь.

Обгоняющий Тень гордо поднимался по извилистой дороге.

Минас-Тирит был построен на семи уровнях по склону холма. Каждый уровень окружала стена, и в каждой стене были свои ворота, но они располагались не на одной линии. Большие ворота первой городской стены выходили на восток, следующие — на юго-восток, третьи — на северо-восток, и так далее. Поэтому мощеная дорога, ведущая к цитадели на вершину холма, все время поворачивала, и каждый раз, пересекая линию больших ворот, она проходила через туннель, пробитый в скале, Чей выступ делил

на две части все круги Города, кроме Первого. В глубине большого двора возвышался каменный бастион с краями острыми, словно у корабельного киля, созданный частично формой самого холма, а частично работой людей древности. Он поднимался вверх, до внутреннего круга, где находилась еще одна линия укреплений. Благодаря этому находившиеся в цитадели могли, как матросы огромного корабля, смотреть прямо вниз, на ворота, расположенные в семи сотнях футов Под ними. Вход в цитадель также глядел на восток, но был вырублен прямо в скале. Отсюда длинный освещенный фонарями склон вел к седьмым воротам. Входивший добирался наконец до высокого дворца и площади с фонтаном у подножия белой башни, стройной, высотой в пятьдесят саженей от основания до вершины. На этой вершине, вздымающейся на тысячу футов над равниной, развевался стяг наместника.

Это была неприступная крепость, и никакое войско не могло овладеть ею, разве что враг зашел бы сзади, влез на Миндоллуин и оттуда по узкому отрогу, соединявшему холм Стражи с горой, подобрался к городу. Но этот отрог, поднимавшийся на уровень пятой стены, был перегорожен мощным валом, доходившим до самой пропасти

у его западного края: в этом месте стояли дома и куполообразные гробницы умерших королей и правителей Города.

Пиппин с нарастающим удивлением смотрел на огромный каменный город, такой обширный и великолепный, что и во сне не привидится. Больше и могущественнее, чем Исенгард, и гораздо прекраснее. И это при том, что город уже давно за годом год переживал упадок. Нынче его население было существенно меньше числом, чем в былые времена. На каждой улице Гэндалф и Пиппин проходили мимо больших каменных домов, двери и ворота которых с арками были украшены прекрасными надписями, древними и загадочными. Пиппин предположил, что это имена великих людей, некогда живших здесь. Однако теперь дома пустовали, на широких мощеных дворах не было слышно шагов, голоса не звучали в залах, в дверных проемах и пустых окнах не мелькали лица.

Наконец прибывшие вступили в тень седьмых ворот, и горячее солнце, сиявшее за Рекой, где Фродо шел по долинам Итилиена, здесь отражалось от гладкой поверхности, осветив многочисленные столбы и большую арку с замковым камнем, вырезанным в виде венценосной голо-

вы. Гэндалф спешился, поскольку с лошадьми входить в цитадель запрещалось, и Обгоняющий Тень после нескольких негромких слов хозяина позволил себя увести.

Стражники у ворот были одеты в черное, их головы покрывали высокие шлемы с длинными защитными пластинами, плотно пригнанными к щекам, поверх этих пластин крепились белые крылья морских птиц. Шлемы, сделанные из митрила, наследия стародавней славы, серебрились на солнце. Черные плащи украшала вышивка: под серебряной короной и звездами — дерево, цветущее белым. То была одежда наследников Элендила, и никто не носил ее во всем Гондоре, кроме стражей цитадели перед Фонтанным Двором, где некогда росло Белое Древо.

Весть о прибытии Гэндалфа и хоббита опередила их, и обоих немедленно, не задавая вопросов, пропустили. Гэндалф стремительно пересек вымощенный белым камнем двор. Приятно журчащий фонтан переливался в лучах утреннего солнца, позади раскинулась ярко-зеленая лужайка; но посреди нее, нависая над водой, стояло мертвое дерево, и капли печально падали, срываясь с его засохших и надломленных ветвей.

Пиппин, едва поспевая за Гэндалфом, взглянул

на дерево. «Выглядит мрачно», — подумал он, удивляясь, почему оставили мертвое дерево в этом месте, где все остальное выглядит таким ухоженным.

«Семь звезд и семь камней, и дерево снега белей», — вспомнились ему слова, которые не так давно бормотал Гэндалф. И тут же Пиппин обнаружил, что стоит у дверей большого зала внизу светящейся башни; вслед за волшебником он миновал высоких безмолвных часовых и вошел в холодную гулкую тень каменного дома.

Они прошли по мощеному коридору, длинному и пустому, и Гэндалф тем временем негромко наставлял Пиппина:

— Будь осторожен в выборе слов, мастер Перегрин! Сейчас не время для хоббитских дерзостей. Теоден — добрый старик. Денетор — совсем иного сорта: гордый и проницательный, человек с гораздо более древней родословной и гораздо могущественней, хотя и не называет себя королем. Он станет говорить в основном с тобой и подробно расспрашивать тебя, поскольку именно ты можешь рассказать ему о его сыне Боромире. Он крепко любил его. Может быть, слишком крепко, и главным образом потому, что они были очень похожи. Но эта любовь не заставит его забыть о

том, что у тебя легче выведать все необходимое, чем у меня. Не говори ему больше, чем спросит, и ни слова о том, что поручено Фродо. В должное время я поговорю с ним об этом. И ничего не говори об Арагорне.

— А почему? При чем тут Скороход? — прошептал Пиппин. — Он ведь собирался прийти сюда, разве не так? Да и наверняка придет.

— Возможно, возможно, — сказал Гэндалф. — Хотя если придет, то путем совершенно неожиданным, в том числе и для Денетора. Так будет лучше. Во всяком случае, мы не должны извещать о его приходе.

Гэндалф остановился перед широкой дверью из полированного металла.

— Послушай, мастер Пиппин, сейчас уже нет времени преподавать тебе историю Гондора, хотя было бы лучше, если б ты понаторел в ней, вместо того чтобы разорять птичьи гнезда, прогуливая уроки в ширских лесах. Делай, как я велю! Весьма неразумно, когда приносишь могущественному повелителю весть о смерти его наследника, разглагольствовать о ком-то, кто может явиться и предъявить права на корону. Ясно?

— На корону? — удивленно спросил Пиппин.

— Именно, — подтвердил Гэндалф. — Если в

последнее время ты ходил с заложенными ушами и ничего не соображал, очнись хоть сейчас!

Он постучал в дверь.

Дверь открылась, но того, кто ее отворил, не было видно. Пиппин заглянул в большой зал, освещенный двумя рядами глубоких окон с обеих сторон, за высокими колоннами, поддерживавшими кровлю. Высеченные из цельных кусков черного мрамора, они поднимались к роскошным капителям, украшенным резными изображениями удивительных животных и растений. Далеко вверху в полумраке широкий свод мерцал тусклым золотом с плавным многоцветьем узорчатых инкрустаций. В этом огромном торжественном зале не было ни одного ковра, ни одного занавеса, ни одной вещи из ткани или дерева. Между колоннами безмолвным строем стояли высокие статуи, высеченные из холодного камня.

Пиппин вдруг вспомнил о статуях Аргоната и ощутил благоговейный страх, взирая на череду давно почивших королей. В дальнем конце зала на помосте со множеством ступеней был установлен высокий трон под куполом из мрамора в форме крылатого шлема. За ним в стене было вырезано изображение цветущего дерева, украшенное драгоценными камнями. Трон был пуст.

У подножия помоста, на самой нижней широкой ступени, стояло каменное кресло, черное, без всяких украшений. В кресле сидел старец, глядевший себе на колени. В руках он сжимал белый жезл с золотым набалдашником. Сидевший не поднимал головы. Гости торжественно приблизились к нему и остановились в трех шагах от ступеней. И Гэндалф заговорил:

— Приветствую, повелитель и наместник Минас-Тирита, Денетор, сын Эктелиона! Я пришел с советом и известием в этот темный час.

Старец поднял взор. Пиппин увидел точеное лицо с гордыми чертами и кожей цвета слоновой кости, с длинным орлиным носом между темными глубокими глазами. Это лицо напомнило ему не столько Боромира, сколько Арагорна.

— Час действительно темный, — согласился старец. — У вас привычка появляться в такие часы, Митрандир. Но хотя все признаки говорят о том, что судьба Гондора вот-вот решится, для меня эта тьма светлее, чем моя собственная. Мне говорили, что с вами пришел тот, кто видел смерть моего сына. Это он?

— Да, — сказал Гэндалф, — один из двоих. Второй теперь с Теоденом из Рохана и прибудет позднее. Оба — халфлинги, но ни один из них не

является тем, о ком говорилось в вещем сне.

— Да, халфлинг... — угрюмо сказал Денетор. — Мало любви внушает мне это слово с тех пор, как проклятая загадка встревожила наши сердца и увела моего сына на гибель. Мой Боромир! Как мы сегодня нуждаемся в нем! Вместо него должен был идти Фарамир.

— И он пошел бы, — сказал Гэндалф. — Не будьте в своем горе несправедливы. Боромир потребовал, чтобы дело поручили ему, и не потерпел бы другого решения. Он был сильным человеком и добивался того, чего хотел. Я долго путешествовал с ним и хорошо узнал его. Но вы говорите о его смерти. Вы знали о ней до нашего прихода?

— Я получил это, — сказал Денетор и, положив жезл, поднял с колен предмет, на который смотрел. В каждой руке он держал по половинке большого рога, сломанного посередине, — рога дикого быка, окованного серебром.

— Это рог, который всегда носил с собой Боромир! — воскликнул Пиппин.

— Верно, — сказал Денетор. — И я в свое время носил его, и так делали все старшие сыновья нашего дома еще с древних времен, до ухода короля, когда Эарендил, отец Мардила, охотился за диким быком в далеких Полях Руна. Тринадцать дней

назад я услышал голос этого рога, доносившийся с северных границ, и потом Река принесла мне его обломки. Больше он не зазвучит никогда.

Денетор прикрыл глаза, наступило тягостное молчание. Неожиданно он взглянул на Пиппина:

— Что вы скажете на это, халфлинг?

— Тринадцать, тринадцать дней, — заикаясь, проговорил Пиппин. — Да, по-моему, так и есть. Да, я был рядом с ним, когда он трубил в свой рог. Но помощь не пришла. Только множество орков.

— Итак, — сказал Денетор, пристально глядя Пиппину в лицо, — вы были там? Расскажите мне! Почему не пришла помощь? И как случилось, что вы спаслись, а он — нет, он, такой могучий человек, с которым было не справиться ни одному орку?

Пиппин вспыхнул и забыл свой страх.

— И самого могучего человека можно убить одной стрелой, — сказал он, — а Боромира пронзила не одна. Когда я последний раз видел его, он прислонился к дереву и вырвал у себя из груди стрелу с черным оперением. Потом я потерял сознание и оказался в плену. Но я преклоняюсь перед его памятью, потому что он был настоящим храбрецом. И умер, спасая нас, меня и моего родича

Мериадока, окруженных в лесу солдатами Темного Лорда. И хотя ему не удалось нас отбить, моя благодарность не становится от этого меньше.

Тут Пиппин взглянул старцу в глаза. Презрение и подозрительность, сквозившие в его холодном взгляде, подхлестнули гордость хоббита.

— Конечно, такому великому повелителю людей халфлинг из далекого Саутфартинга может сослужить лишь невеликую службу, но все же я ее предлагаю.

Откинув серый плащ, Пиппин выхватил свой маленький меч и положил его к ногам Денетора.

Бледная улыбка, подобная блеску холодного солнца в зимний вечер, скользнула по лицу старца. Он склонил голову и отложил обломки рога.

— Дайте мне оружие!

Пиппин поднял меч и протянул его рукояткой вперед.

— Откуда он? — спросил Денетор. — Печать глубокой древности лежит на нем. Несомненно, в далеком прошлом этот клинок принадлежал нашим родичам с Севера.

— Он из могилы на границе моей страны, — ответил Пиппин. — Но теперь там обитают лишь злые духи, и мне не хочется говорить о них.

— Я вижу, удивительные истории сплетаются

вокруг вас, — заметил Денетор, — и мне известно, что внешность человека или халфлинга может оказаться обманчивой. И все же принимаю предложение. Ибо вас не устрашить словами, вы вежливы и речь ваша учтива, хотя и непривычна для слуха южан. Нынче мы нуждаемся в храбрых воинах, велики они ростом или малы. А теперь поклянитесь мне в верности!

— Возьмись за рукоять, — подсказал Гэндалф, — и повторяй за повелителем, если твое решение твердо.

— Твердо, — сказал Пиппин.

Денетор положил меч себе на колени, а Пиппин взялся за рукоять и медленно произнес вслед за наместником слова клятвы:

— Клянусь верно служить Гондору, повелителю и наместнику королевства, говорить и молчать, делать и предполагать, приходить и уходить, в горе и радости, в войне и мире, в жизни и смерти, начиная с этого часа и до тех пор, пока мой повелитель не освободит меня, или пока меня не постигнет смерть, или пока не придет конец света. Так говорю я, Перегрин, сын Паладина, из Шира, халфлинг.

— А внимаю сказанному я, Денетор, сын Эктелиона, повелитель Гондора, наместник Высокого

Короля, и я не забуду этого и не забуду воздавать вам за содеянное: награждать за верность любовью, за доблесть почестями, а нарушение клятвы карать возмездием.

Пиппин получил свой меч и вложил его в ножны.

— А теперь, — сказал Денетор, — мой первый вам приказ: говорите без утайки. Расскажите мне все, что можете, о моем сыне Боромире. Садитесь и начинайте!

Он ударил в маленький серебряный гонг, стоящий рядом с креслом, и тут же появилось несколько слуг. Пиппин понял, что они все время стояли в нишах с обеих сторон, невидные ему и Гэндалфу.

— Принесите вина, еды и сиденья для гостей, — велел Денетор, — и пусть в течение часа нам никто не мешает. Это все, что я могу вам уделить: нынче приходится заниматься очень многим, — пояснил он, обращаясь к Гэндалфу. — Многим, наверное, более важным, хотя что для меня может быть важнее нашей беседы? Но, вероятно, к концу дня нам удастся еще раз поговорить.

— Надеюсь, что раньше, — уверенно сказал Гэндалф. — Я не для того примчался сюда из Исенгарда, преодолев полторы сотни лиг со скоростью

ветра, чтобы доставить вам маленького воина, пускай даже и необычайно вежливого. Разве для вас ничего не значит, что Теоден выиграл большое сражение, что Исенгард разрушен и что я переломил посох Сарумана?

— Для меня это значит немало. Я понимаю, насколько эти деяния важны для моего противостояния угрозе с Востока. — Он взглянул на Гэндалфа, и Пиппин уловил их сходство и почувствовал между ними напряжение: словно огненная линия связала два взгляда.

Денетор, в сущности, гораздо больше, чем Гэндалф, походил на могущественного мага: более величавый, красивый и властный. И выглядел более старым. Но Пиппин чувствовал, что Гэндалф обладает гораздо большей силой и более глубокой мудростью, обладает могуществом, до сих пор не проявившим себя. И он старше, гораздо старше наместника. «Сколько же ему лет?» — задумался Пиппин и отметил про себя, что никогда прежде не задавался этим вопросом. Древобородый что-то говорил о волшебниках, но тогда Пиппин не принял Гэндалфа в расчет как одного из них. Кто такой Гэндалф? Когда и где явился он в мир и как скоро покинет его? На этом его размышления прервались. Он заметил, что

Гэндалф и Денетор всё еще смотрят в глаза друг другу, словно читают потаенные мысли. Денетор первым отвел взгляд.

— Да, — сказал он, — хоть палантиры и утрачены, говорят, что повелители Гондора по-прежнему обладают более острым зрением, чем обычные люди, да и знают побольше. Прошу вас, садитесь!

Слуги принесли кресло и маленький ослон, потом один из слуг явился с подносом, на котором были серебряный кувшин, чашки и белый хлеб. Пиппин сел, но не мог оторвать взгляда от старого повелителя. Было ли это на самом деле или только померещилось ему, но, сказав о камнях, Денетор со странным блеском в глазах взглянул на Пиппина.

— Теперь расскажите мне свою историю, мой верный вассал, — сказал Денетор отчасти добродушно, отчасти насмешливо. — И можете не сомневаться: слово того, с кем так подружился мой сын, будет встречено с пониманием.

Пиппин на всю жизнь запомнил этот час в тронном зале под проницательным взглядом повелителя Гондора: и задаваемые им время от времени коварные вопросы, и ощущение присутствия Гэндалфа, который смотрел, слушал и — Пиппин чувствовал это — сдерживал на-

растающий гнев и нетерпение. По прошествии отведенного времени Денетор снова ударил в гонг, Пиппин почувствовал себя выдохшимся. «Теперь не может быть больше девяти часов, — подумал он. — А я мог бы съесть три завтрака подряд».

— Отведите Митрандира в приготовленные для него покои, — распорядился Денетор. — Его спутник может находиться с ним, если пожелает. Но да будет известно, что он принес клятву служить мне верой и правдой, а стало быть, Перегрин, сын Паладина, должен быть обучен малым паролям. Сообщите капитанам, что они должны ждать меня здесь после третьего часа. А вы, Митрандир, можете приходить, когда захотите. Никто не смеет и не станет препятствовать вашим посещениям в любое время, кроме кратких часов моего сна. Не гневайтесь на глупого старика.

— Глупого? — удивился Гэндалф. — Нет, мой повелитель: выжив из ума, вы сразу умрете. Даже свое горе вы умеете использовать как завесу. Вы думаете, я не понял, с какой целью вы битый час расспрашивали того, кто знает меньше меня?

— Если вы это поняли, то будьте довольны, — заметил Денетор. — Действительно, глупостью было бы отвергать в трудном положении совет

и помощь. Но вы предлагаете дары на свой лад и вкус. Отныне повелитель Гондора не будет оружием в чужих руках, пусть и вполне достойных. И для него нет доли более высокой, чем польза Гондора. И править Гондором буду я, и никто другой, кроме короля, если он вернется.

— Если король вернется? — переспросил Гэндалф. — Ну что ж, господин наместник, в этом ваша задача, о которой теперь мало кто вспоминает: сохранить власть, чтобы передать ее возвратившемуся королю. В этом я окажу вам всю возможную помощь. Но должен сказать следующее: я не правлю никаким королевством — ни Гондором, ни иным, ни великим, ни малым. Однако защита всего доброго в нашем мире — это и моя забота. И даже если Гондор исчезнет, я буду выполнять свои задачи, чтобы в грядущем хоть что-нибудь могло расти, цвести и плодоносить, потому что я тоже наместник. Вы не знали этого?

С этими словами он повернулся и зашагал к выходу. Пиппин побежал за ним.

Гэндалф, пока они шли, не смотрел на Пиппина и не сказал ему ни слова. Провожатый вышел с ними из зала, провел по двору с фонтаном и по узкой улочке между высокими каменными

зданиями. После нескольких поворотов они подошли к дому рядом с северной стеной цитадели, вблизи отрога, связавшего холм с горой. Миновав первый этаж, поднялись по широкой ровной лестнице и очутились в прекрасной комнате, полной воздуха и света, с красивыми занавесками, расшитыми тусклым золотом. Мебели здесь почти не было — лишь маленький стол, два стула и скамья. Но с обеих сторон видны были занавешенные альковы, а в них — кровати со всем необходимым, кувшины и чаши для умывания. Три узких высоких окна выходили на север, за ними виднелась большая дуга Андуина, все еще затянутая туманом, ползущим к Эмин-Муилу и далеким водопадам Рауроса. Пиппин влез на скамью, а с нее — на широкий каменный подоконник.

— Вы сердитесь на меня, Гэндалф? — спросил он, как только проводник вышел, прикрыв за собой дверь. — Я старался сделать как лучше.

— Ты и сделал! — сказал Гэндалф и неожиданно рассмеялся.

Он подошел и встал рядом с Пиппином, положил руку хоббиту на плечо и поглядел в окно. Пиппин с некоторым удивлением уставился на такое близкое теперь лицо: смех был весе-

лым и радостным. Но сначала ему видны были только линии заботы и печали, избороздившие лицо волшебника, и только потом, присмотревшись внимательно, он различил под всем этим великую радость: настоящий фонтан веселья, который, хлынув, заставил бы смеяться все королевство.

— Ты все сделал замечательно, — вновь заверил его волшебник, — и надеюсь, не скоро опять окажешься загнанным в угол между двумя ужасными стариками. Впрочем, повелитель Гондора узнал от тебя больше, чем ты догадываешься, Пиппин. Ты не сумел скрыть от него тот факт, что не Боромир вел отряд от Мории, и что среди нас был человек высокой чести, который придет в Минас-Тирит, и что у него имеется знаменитый меч. Люди много размышляли над рассказами о древних временах Гондора, и Денетор со времени ухода Боромира немало думал над загадкой и значением слов «Яд Исилдура». Он не похож на других людей нашего времени, и, каким бы ни было его происхождение, кровь людей Запада ощущается в нем, так же как и в его втором сыне Фарамире. У Денетора острый взгляд. Напрягая свою волю, он может постигнуть многие мысли людей, даже тех, что живут далеко. Трудно об-

манывать его и опасно даже пытаться. Помни об этом! Потому что ты поклялся служить ему. Не знаю, что в твоей голове или сердце заставило тебя так поступить, но выбор правильный. Я не остановил тебя, потому что уверен: не следует мешать благородным порывам, испытывая их холодным рассудком. Твой поступок тронул его сердце и, насколько я могу судить, позабавил его. По крайней мере, теперь ты можешь свободно расхаживать по Минас-Тириту, когда не будешь занят своими обязанностями. Но у твоего поступка есть и другая сторона: ты в его распоряжении, и он этого не забудет. Поэтому будь осторожен! — Он умолк и вздохнул. — Не будем думать о том, что может принести нам утро. Я уверен, что наступающие дни будут хуже предыдущих. Я ничего не могу сделать. Доска установлена, и фигуры двинулись. И одну из них я очень хочу увидеть. Это Фарамир, наследник Денетора. Не думаю, что он в городе, но у меня еще не было времени собрать новости. Я должен идти, Пиппин. Должен идти на Совет повелителя и узнать все, что необходимо. Но теперь — ход Врага, он вот-вот начнет игру, и пешкам тоже придется туго. Так что, Перегрин, сын Паладина, солдат Гондора, остри свой меч!

Уже в дверях Гэндалф обернулся.

— Я тороплюсь, Пиппин, — сказал он. — Сделай мне одолжение. Прежде чем ляжешь спать, если ты не слишком устал, разыщи Обгоняющего Тень и посмотри, как о нем позаботились. Здешние люди добры к животным, это хороший и мудрый народ, но не слишком искусный в обращении с лошадьми. — С этими словами Гэндалф вышел, и в ту же секунду раздался приятный чистый звон с башни цитадели. Колокол ударил трижды, будто рассыпав в воздухе серебро, — минул второй час от восхода солнца.

Через минуту Пиппин вышел, спустился по лестнице и выглянул на улицу. Солнце сияло тепло и ярко, башни и высокие дома отбрасывали на запад длинные отчетливые тени. Высоко в голубом воздухе воздела свой белый шлем и снежный покров гора Миндоллуин. Вооруженные люди сновали взад и вперед по улицам города: пробил час смены постов и дежурств.

— Мы, в Шире, называем это девятым часом, — вслух сказал самому себе Пиппин. — Подходящее время для доброго завтрака у открытого окна с весенним солнышком. Именно в этом я и нуждаюсь теперь! Бывает ли у этих людей завтрак? И когда у них обед, и где?

Вскоре он заметил одетого в черное с белым человека, шагавшего ему навстречу по тесной улочке из центра цитадели. Пиппин чувствовал себя одиноким и собирался заговорить, как только этот человек приблизится, но в этом не было необходимости. Тот и сам прямиком направлялся к нему.

— Вы халфлинг Перегрин? — спросил он. — Мне сказали, что вы поклялись служить повелителю и Городу. Добро пожаловать!

Он протянул руку, и Пиппин пожал ее.

— Меня зовут Берегонд, сын Баранора, — сказал человек. — Сегодня у меня свободное утро, и мне поручили обучить вас паролям и рассказать обо всем, что вы пожелаете узнать. В свою очередь, я хотел бы побольше узнать о вас. Никогда прежде не видели мы в своей земле халфлингов, и, хотя до нас доходили кое-какие слухи о них, в наших сказаниях очень мало говорится об этом народе. К тому же вы друг Митрандира. Вы хорошо знаете его?

— Ну, — ответил Пиппин, — я знаю его всю мою короткую жизнь. Мы вместе путешествовали. Он — словно книга, в которой многое можно прочесть, и я не поклянусь, что сам прочел больше одной или двух страниц. Однако знаю его, навер-

ное, так, как знают немногие. Пожалуй, в нашем отряде один Арагорн знает его по-настоящему.

— Арагорн? — спросил Берегонд. — А кто это?

— О, — смутился Пиппин, — это один человек, он тоже шел с нами. Он сейчас в Рохане...

— Я слышал, вы тоже там побывали? Хотелось бы многое узнать от вас и об этой земле: мы надеялись на ее людей. Но я забыл о своем поручении: сначала мне следует самому ответить на ваши вопросы. Что вы хотели бы узнать, мастер Перегрин?

— Э... ну, — сказал Пиппин, — если можно так выразиться, меня теперь, пожалуй, занимает один жгучий вопрос — о том., ну, одним словом, как у вас насчет завтрака и всего такого? Я имею в виду, когда у вас время еды и где тут трапезная, если вообще имеется таковая? И существуют ли харчевни? По пути в цитадель я ничего подобного не заметил и все же не терял надежды получить по меньшей мере глоток эля в гостях у мудрых и вежливых людей.

Берегонд серьезно взглянул на него.

— Сразу видно старого служаку, — сказал он. — Говорят, люди после долгих военных походов прежде всего думают о еде и питье. Впрочем, самому мне не приходилось путешествовать.

Значит, вы еще не ели сегодня?

— Если честно, что-то такое было, — признался Пиппин, — но не больше чашки вина и одного или двух кусочков белого хлеба по доброте вашего повелителя. Но за это он целый час мучил меня вопросами, и я успел проголодаться.

Берегонд рассмеялся.

— У нас говорят, за столом и маленький человек способен на великие дела. Но вы получите еду, как все люди в цитадели, и с подобающими почестями. Здесь крепость и Башня Стражи, и мы на военном положении. Встаем до восхода, немного перекусываем в предрассветных сумерках и отправляемся выполнять свои обязанности. Но не расстраивайтесь! — Он снова засмеялся, заметив отчаяние на лице Пиппина. — Те, у кого тяжелая служба, получают для подкрепления кое-что в средине утра. Затем, в полдень или когда позволяют обстоятельства, у нас бывает завтрак. Потом люди собираются на обед, а вечером устраивается настоящий пир. Пойдемте! Тут совсем недалеко, возьмем еды и перекусим где-нибудь в укреплениях, любуясь прекрасным утром.

— Минутку! — воскликнул Пиппин, покраснев. — Жадность, или голод, выражаясь вашим учтивым языком, тому виной, но память у меня

отшибло. Гэндалф, по-вашему Митрандир, поручил мне отыскать Обгоняющего Тень, большую лошадь из Рохана и зеницу королевского ока — так мне о нем говорили, — которую король подарил Митрандиру в благодарность за помощь. Я думаю, новый хозяин любит это животное больше, чем многих людей, и, если его добрая воля что-то значит для Города, вы будете обращаться с Обгоняющим Тень с полным почтением и с большим вниманием, чем обращаетесь с хоббитом, если это возможно.

— С хоббитом? — переспросил Берегонд.

— Так мы сами себя называем, — пояснил Пиппин.

— Рад узнать это, — сказал Берегонд, — потому что теперь могу утверждать, что странный акцент не портит хорошей речи, а хоббиты — народ, умеющий ладно говорить. Идемте! Вы должны познакомить меня с этой лошадью. Я люблю животных, но мы редко видим их в нашем каменном городе, ведь мой народ пришел из горных долин, а еще раньше — из Итилиена. Не бойтесь! Посещение будет коротким, простым визитом вежливости, а оттуда мы прямиком направимся в кладовые.

Пиппин обнаружил, что Обгоняющего Тень раз-

местили хорошо и ухаживают за ним наилучшим образом. В шестом круге, вне стены цитадели, находились прекрасные конюшни, где содержали нескольких быстрых лошадей, используемых вестниками Гондора. Они всегда были готовы отправиться в путь по требованию Денетора или его капитанов. Но сейчас все лошади и всадники отсутствовали.

Обгоняющий Тень заржал и повернул голову, когда Пиппин вошел в конюшню.

— Доброе утро! — крикнул Пиппин. — Твой хозяин придет, как только сможет. Он занят, но посылает свои приветствия, а я должен посмотреть, не нуждаешься ли ты в чем-нибудь. Я надеюсь, ты отдохнешь после долгой работы.

Обгоняющий Тень покачал головой и переступил с ноги на ногу. Он позволил Берегонду потрепать себя по шее.

— Он выглядит так, будто его подготовили к бегам, — даже не скажешь, что он только что выдержал долгое путешествие, — заметил Берегонд. — Какой сильный и гордый! Где его упряжь? Она должна быть богатой и прекрасной.

— Любая упряжь недостаточно богата и прекрасна для него, — ответил Пиппин. — Поэтому у него и вовсе ее нет. Если он согласен везти вас,

то повезет без упряжи, а если не согласен, то ни угроза, ни кнут, ни узда не помогут. До свидания, Обгоняющий Тень! Потерпи немного! Битва приближается.

Обгоняющий Тень поднял голову и заржал так, что задрожала вся конюшня, а они закрыли уши. Проверив, полны ли ясли, Пиппин и его провожатый вышли.

— А теперь позаботимся о себе, — сказал Берегонд и повел Пиппина назад в цитадель, а там — к двери в северной части большой башни. Здесь они спустились по длинной и холодной лестнице в широкий коридор, освещенный фонарями. В стенах с обеих сторон были двери, и одна из них открыта.

— Это кладовая моего отряда гвардии, — сказал Берегонд. — Приветствую, Таргон! — обратился он к кладовщику. — Еще рано, но здесь новичок, которого повелитель принял к себе на службу. Он ехал долго и издалека с туго затянутым поясом, к тому же у него была сегодня трудная работа, и он голоден. Выдай-ка нам из того, что у тебя есть.

Они взяли хлеб, масло, сыр и яблоки из зимних запасов, сморщенные, но крепкие и сладкие, и кожаную фляжку с недавно приготовленным элем, а также деревянные тарелки и чашки. Всё это

сложили в плетеную корзину и снова поднялись на башню. Берегонд отвел Пиппина к месту на восточном конце большого выступающего укрепления, где в стене была амбразура с каменным сиденьем под нею. Отсюда они могли смотреть на утро над Миром.

Они ели, пили и разговаривали о Гондоре, его истории и обычаях, о Шире и о странах, которые повидал Пиппин. И пока они беседовали, Берегонд смотрел на Пиппина все с большим удивлением, а хоббит то сидел скрестив ноги то, встав на цыпочки, выглядывал через амбразуру.

— Не скрою от вас, мастер Перегрин, — сказал Берегонд, — что внешне вы, с нашей точки зрения, напоминаете ребенка, мальчика лет девяти. И, однако, вы испытали столько опасностей и видели такие чудеса, что мало кто из наших седобородых может сравниться с вами. Я думал, решение принять вас на службу — просто каприз нашего повелителя: так некогда, говорят, поступали короли. Но теперь вижу, что это не так, и прошу извинить меня за это заблуждение.

— Прощаю, чего там, — ответил Пиппин. — Хотя вы не слишком ошибаетесь. В представлении моего народа, я не намного старше мальчика, и пройдет еще четыре года, прежде чем я «приду

в возраст», как говорят у нас в Шире. Но не беспокойтесь обо мне. Расскажите лучше о том, что вокруг.

Солнце поднялось уже высоко, и туман в долине рассеялся. Последние его клочья уплывали, словно клочки белых облаков, подхваченные крепнущим восточным ветром, который трепал и дергал флаги и белые знамена цитадели, В глубине долины, на пять лиг и дальше, сколько хватал глаз, видна была серая и блестящая Великая Река, бегущая с северо-запада, поворачивающая на юг и снова на запад, пока не терялась в дымке и мерцании в том направлении, где далеко, в пятидесяти лигах, лежало море.

Пиппин мог видеть под собой весь Пеленнор, усеянный фермами и маленькими стенами, амбарами и хлевами, но нигде не было коров или других животных. Зеленые поля пересекались многочисленными дорогами и тропами, и на них было заметно оживленное движение: из широких ворот рядами выезжали телеги. Время от времени к воротам подъезжали всадники и, спешившись, торопились в город. Но движение в основном устремлялось по большой дороге прочь от города, на юг, где телеги поворачивали вместе с Рекой и скоро исчезали из виду. Дорога

была широкой и мощеной, вдоль ее восточной обочины шла зеленая верховая дорожка, а за ней — стена. По дорожке скакали всадники, а все полотно дороги было заполнено большими возами, двигавшимися к югу. Вскоре Пиппин заметил, что движение хорошо организовано — возы двигались в три линии: в первой преобладала наиболее скоростная конная тяга, в другой — большие тяжелые фургоны медленно тащили быки, а вдоль западной обочины катилось множество маленьких тележек, которые толкали люди.

— Это дорога к долинам Тумладен и Лоссарнах, к горным поселкам и дальше — в Лебеннин, — пояснил Берегонд. — Туда движутся последние возы, доставляющие в убежища стариков, детей и женщин. Все они должны выехать из ворот и дорога должна быть очищена на лигу до полудня — таков приказ. Печальная необходимость, — он вздохнул. — Вполне вероятно, многим из разлучившихся нынче не суждено встретиться вновь. В нашем городе всегда было слишком мало детей. Теперь их совсем нет, лишь несколько мальчиков не уехали — для них найдется дело. Среди них и мой сын.

Немного помолчали. Пиппин с тревогой по-

смотрел на восток, как будто в любую секунду ожидал увидеть тысячи орков, топчущих поля.

— Что я там вижу? — спросил он, указывая на середину большого изгиба Андуина. — Это что, другой город или?..

— Когда-то был город, — ответил Берегонд, — главный город Гондора, его крепость. По обе стороны Андуина вы видите руины Осгилиата, который много лет назад захватили и сожгли наши враги. В дни юности Денетора мы отбили его — не для того, чтобы жить в нем, а как передовой пост. Мы восстановили мосты, чтобы могла пройти наша армия. А потом пришли свирепые Всадники из Минас-Моргула.

— Черные Всадники? — спросил Пиппин, широко раскрыв глаза, в которых светился возвратившийся страх.

— Да, они были черные, — сказал Берегонд, — и я вижу, что вы кое-что знаете о них, хотя ни разу о Черных Всадниках не говорили.

— Знаю, — тихо сказал Пиппин, — но не могу говорить о них теперь, находясь так близко... так близко... — Он замолчал, посмотрев за Реку, и ему показалось, что он видит там громадную угрожающую тень. Возможно, это были маячившие на горизонте горы, чьи резкие очертания

смягчались завесой туманного воздуха толщиной в двадцать лиг, а может, всего лишь облако. Но пока Пиппин смотрел туда, ему показалось, что тьма растет и собирается, медленно поглощая области, освещенные солнцем.

— Так близко к Мордору? — спокойно договорил Берегонд. — Да, он лежит там. Мы редко называем его, но мы всегда жили на краю его тени. Порой она кажется слабее и дальше, иногда — ближе и плотнее. Сегодня она растет и темнеет, и вместе с ней растут наши опасения и тревоги. Свирепые Всадники меньше года назад опять захватили броды, и много наших лучших людей полегло, сражаясь за них. Боромиру в конце концов удалось отбить у врагов этот западный берег, и мы все еще удерживаем половину Осгилиата. Но теперь ждем нового наступления. Может быть, главного в надвигающейся войне.

— Когда? — спросил Пиппин. — У вас есть предположения? Прошлой ночью я видел маяки и скачущих всадников, и Гэндалф сказал, это значит, война началась. Он отчаянно торопился, а теперь все опять будто замерло.

— Только потому, что все уже готово, — пояснил Берегонд. — Это как глубокий вздох перед прыжком в воду.

— Но почему горели маяки прошлой ночью?

— Поздно посылать за помощью, когда осада уже началась, — ответил Берегонд. — Но я не знаю решения повелителя и его капитанов. У них много путей для сбора сведений. А повелитель Денетор не похож на других людей: он видит далеко. Поговаривают, что, когда ночью он, задумавшись, сидит один в своем высоком кабинете в башне, повелитель способен увидеть будущее и что иногда он даже испытывает ум самого Врага, вступая с ним в схватку. Вот почему он выглядит таким старым, слишком старым для своего возраста. А мой начальник Фарамир сейчас за Рекой выполняет какое-то опасное поручение и, возможно, уже послал нам важные вести. Но если хотите знать, когда я увидел горящие маяки, сразу подумал о вчерашних новостях из Лебеннина. Большой флот умбарских пиратов далеко на юге подошел к устью Андуина. Пираты всегда опасались могущества Гондора, теперь они заключили союз с Врагом и готовы нанести тяжелый удар, чтобы помочь ему. Этот удар отвлечет силы Лебеннина и Белфаласа, чей народ отличается храбростью и многочисленностью. Поэтому сейчас наши мысли устремлены на север, к Рохану, — тем более радуемся мы при-

везенному вами известию о победе. — Он умолк, встал и посмотрел на север, восток и юг. — И всё же события в Исенгарде говорят о том, что мы пойманы в большую сеть. Это уже не стычка у бродов, не набеги на Итилиен или со стороны Анориена, не засады и грабежи. Это большая, давно и тщательно запланированная война, и здесь лишь один из ее участков, как бы ни противилась этому наша гордость. Сообщают, что пришел в движение далекий Восток, за Внутренним морем, и Север, за Мерквудом, и Юг, в Хараде. Теперь все государства подвергаются испытанию — выстоят они или же падут перед Тенью. Однако, мастер Перегрин, у нас особая честь — мы должны выдержать главный удар Темного Лорда, чья ненависть восстала из глубины времен и морской пучины. На нас обрушится решающий удар молота. Вот почему именно сюда спешно прибыл Митрандир. Ведь если мы падем, кто тогда устоит? Как вы думаете, мастер Перегрин, мы устоим?

Пиппин не отвечал. Он глядел на могучие стены, на башни и знамена, на солнце в высоком небе, а потом, уставившись в сгущающуюся на востоке Тьму, подумал о ее длинных руках: об отрядах орков в лесах и горах, о предательстве Исенгарда, о птицах со злыми глазами и о Чер-

ных Всадниках, пробиравшихся даже на дороги Шира, о Крылатом Ужасе, о назгулах. Хоббит вздрогнул — надежда угасла. В тот же миг лучи солнца померкли, кто-то темный и крылатый на мгновение затмил солнце. Почти на пороге слышимости долетел до хоббита с неба высокий и далекий крик, слабый, но сжимающий сердце, жестокий и холодный. Пиппин побледнел и укрылся за стеной.

— Что это было? — спросил Берегонд. — Вы тоже что-то почувствовали?

— Да, — пробормотал Пиппин. — Это знак нашего падения, тень судьбы, это свирепый всадник в воздухе.

— Да, тень судьбы, — повторил Берегонд. — Боюсь, что Минас-Тириту суждено падение. Ночь надвигается. Кажется, кровь застывает у меня в жилах.

Некоторое время они сидели с опущенными головами и не разговаривали. Потом Пиппин поднял лицо и увидел, что солнце по-прежнему сияет и знамена развеваются по ветру. Он встряхнулся.

— Прошло, — сказал он. — Нет, сердце мое еще не повергнуто в отчаяние. Гэндалф пал и все же вернулся, он с нами. Мы выстоим, даже если придется стоять на одной ноге!

— Славно сказано! — воскликнул Берегонд, вскочил и в волнении прошелся вперед и назад. — Ну нет, пускай даже все Зло Мира соберется здесь, Гондор не исчезнет. Врагу придется оставить горы трупов перед нашими стенами, прежде чем он возьмет их. А есть и другие крепости, и тайные ходы в горах. Надежда и память сохраняются в скрытых долинах, где зеленеет трава.

— Хотел бы я, чтобы все поскорее кончилось, — сказал Пиппин. — Я не воин, и сама мысль о битве мне неприятна. Но ждать на краю, когда знаешь, что нельзя спастись, хуже всего. Какой долгий день! Мне было бы легче, если бы я не должен был стоять и ждать, не имея возможности ударить первым.

— Ах, вы коснулись раны, которую ощущают многие, — сказал Берегонд. — Но все может перемениться, когда вернется Фарамир. Он отважен, более отважен, чем считают многие: в наши дни люди не склонны верить, что капитан может быть мудрым, знать свитки и сказания и притом оставаться храбрым человеком, умеющим принимать быстрые решения на поле битвы. Таков Фарамир. Менее суровый и горячий, чем Боромир, но не менее решительный. Но что он может сделать? Не кинемся же мы в горы на штурм...

того королевства. Руки у нас коротки, и мы не перейдем в наступление, пока враг не приблизится к нам. Но уж тогда ему не поздоровится. — Он сжал рукоять меча.

Пиппин, не отрываясь, смотрел на него: высокий, гордый и благородный, как все люди этой земли. При мысли о битве глаза его загорелись. «Увы, моя собственная рука легка, как перышко, — подумал он, но вслух ничего не сказал. — Пешка, как сказал Гэндалф? Возможно, но на какой-то неправильной шахматной доске».

Так беседовали они, пока солнце не поднялось высоко. Внезапно зазвенели полуденные колокола, и в цитадели началось оживление: все, кроме часовых, спешили на обед.

— Пойдете со мной? — спросил Берегонд. — Сегодня вы можете присоединиться к моему отряду. Я не знаю, в какой отряд вас назначат, — повелитель может оставить вас при себе для поручений. Но вас встретят с радостью везде. И вам лучше поближе узнать как можно больше людей, пока еще есть время.

— Пойду с удовольствием, — сказал Пиппин. — Мне одиноко, по правде говоря. Лучший мой друг остался в Рохане, мне не с кем поговорить и пошутить. Может, я на самом деле присоединюсь

к вашему отряду? Вы его капитан? Если так, возьмите меня или замолвите за меня словечко.

— Нет, нет, — засмеялся Берегонд, — я не капитан. Всего лишь простой солдат Третьего Отряда цитадели. И все-таки, мастер Перегрин, быть даже простым солдатом гвардии башни Гондора очень почетно — такие люди пользуются большим уважением в нашей земле.

— Тогда это не для меня, — сказал Пиппин. — Отведите меня в нашу комнату, и, если Гэндалфа там нет, я пойду с вами — просто в качестве гостя.

Ни самого Гэндалфа, ни каких-либо сообщений от него не было, поэтому Пиппин пошел с Берегондом и познакомился с людьми Третьего Отряда. По-видимому, Берегонд пользовался у них большим уважением, и Пиппина приняли хорошо. В цитадели было много разговоров о товарище Митрандира и его долгой беседе с повелителем. Ходили слухи, что с севера прибыл принц халфлингов, чтобы предложить Гондору союз и пять тысяч мечей. Говорили также, что, когда прибудут всадники Рохана, каждый привезет за собой халфлинга, — может, и маленького, но отважного.

Хотя Пиппин с сожалением опроверг все эти об-

надеживающие слухи, он не мог объяснить свою новую службу ничем, кроме прежней дружбы с Боромиром. Солдаты поблагодарили его за внимание к ним, выслушали его рассказы о чужих землях и дали ему столько еды и эля, сколько он захотел. Единственной заботой Пиппина было сохранить «осторожность», как посоветовал ему Гэндалф, и не позволить своему языку свободно болтать, что обычно бывает с хоббитами среди друзей.

Наконец Берегонд поднялся.

— Я с вами на время прощаюсь, — обратился он к Пиппину. — До захода солнца мне нужно выполнять свои обязанности. Я думаю, остальные тоже будут заняты. Но если вы чувствуете себя одиноко, как вы сказали, может, вам нужен веселый проводник по Городу? Мой сын с радостью пойдет с вами. Он хороший парень. Если хотите, отправляйтесь в нижний круг, спросите старую гостиницу Рат-Келердайн на улице Фонарщиков. Там вы найдете ею вместе с другими мальчишками, оставшимися в Городе. У больших ворот должны произойти события, достойные того, чтобы их увидеть.

Берегонд вышел, вскоре за ним последовали и остальные. День по-прежнему был хорош, но

воздух подернулся дымкой. Для марта, даже так далеко на юге, было слишком жарко. Пиппин чувствовал сонливость, но в комнате оставаться не хотелось, и он решил погулять по Городу. Он захватил с собой несколько кусочков для Обгоняющего Тень, которые были с благодарностью приняты, хотя лошадь ни в чем не испытывала недостатка. Потом Пиппин пошел вниз по извивающимся улицам.

Люди смотрели на него, когда он проходил мимо. Приветствуя его, они были серьезны и вежливы, по обычаю Гондора склоняли головы, прижимая руки к груди. Но за спиной он слышал множество возгласов: с улицы кричали тем, кто оставался в домах, чтобы они вышли и посмотрели на принца халфлингов, товарища Митрандира. Многие говорили на вестроне, но вскоре Пиппин догадался о значении слов «Эрнил» и «Ферианнат» и понял, что так его называют в Городе.

Наконец по узким улицам, по многим пересекающимся дорогам он пришел в самый нижний и самый широкий круг. Ему показали широкую улицу Фонарщиков, ведущую прямо к большим воротам. Здесь он отыскал старую гостиницу — большое здание из серого обветренного камня,

с двумя крыльями, уходящими от улицы. Между ними была расположена небольшая лужайка, а за нею — дом со множеством окон. Вдоль всего дома тянулась колоннада, и к траве сбегала широкая лестница. Среди колонн играли мальчики — единственные дети, которых увидел Пиппин в Минас-Тирите. Он остановился, чтобы посмотреть на них. Вскоре один из мальчиков увидел его и с криком побежал по траве к улице, сопровождаемый несколькими товарищами. Они остановились перед Пиппином, разглядывая его с ног до головы.

— Привет! — сказал мальчик. — Откуда ты пришел? Ты не похож на жителя Города.

— Не был таковым, — ответил Пиппин, — но теперь, говорят, я стал человеком Гондора.

— О, мы все люди Гондора! — заявил мальчик. — Но сколько тебе лет и как тебя зовут? Мне уже десять, и скоро я буду пяти футов ростом. Я тебя выше. А мой отец в гвардии, он там один из самых высоких. А кто твой отец?

— На какой вопрос отвечать сначала? — спросил Пиппин. — Мой отец обрабатывает землю вокруг Уитвелла близ Тукборо в Шире. Мне скоро исполнится двадцать девять лет, так что я тебя обогнал; но, хотя во мне всего четыре фута,

вряд ли я вырасту больше, разве что в ширину раздамся.

— Двадцать девять! — удивился мальчик, присвистнув. — Ну, ты совсем старик! Старше моего дяди Иорласа. Но, — добавил он уверенно, — держу пари, что я сумею поставить тебя на голову или уложить на спину.

— Может, и сумеешь, если я позволю, — сказал Пиппин со смехом. — А может, я то же самое проделаю с тобой: мы в нашей маленькой стране знаем кое-какие хитрые приемы. Позволь тебе сказать, что я считаю себя большим и сильным и что никогда и никому не позволял ставить себя на голову. Так что если понадобится сопротивляться и другого выхода не будет, придется мне тебя прикончить. Когда вырастешь, узнаешь, что ни о ком не следует судить только по внешности, и, хотя ты принял меня за незнакомого слабого мальчишку и легкую добычу, позволь предупредить тебя: я не мальчишка, я халфлинг, жестокий, свирепый и злобный! — Пиппин скорчил такую страшную рожу, что мальчишка отступил на шаг, но тут же вернулся со сжатыми кулаками и огнем в глазах. — Нет! — засмеялся Пиппин. — Не верь всему, что говорит о себе чужеземец! Я не боец. Но с твоей стороны было бы вежливее назвать

себя, прежде чем лезть в драку.

Мальчик гордо ответил:

— Я Бергил, сын гвардейца Берегонда.

— Так я и думал, — сказал Пиппин, — потому что ты похож на отца. Я знаю его, и он послал меня к тебе.

— Почему же вы не сказали этого сразу? — воскликнул Бергил, и неожиданно отчаяние появилось у него на лице. — Не говорите мне, что он изменил свое намерение и отсылает меня с девчонками! Но нет... Последние телеги уже ушли.

— Его послание не так ужасно, — успокоил его Пиппин. — Он передал, что если ты откажешься от мысли поставить меня на голову, то можешь показать мне Город и скрасить мое одиночество. А я взамен расскажу тебе кое-что о других странах.

Бергил захлопал в ладоши и с облегчением рассмеялся.

— Замечательно! — воскликнул он. — Идемте! Для начала к воротам.

— А что там происходит?

— Ждут до захода солнца капитанов с юга. Пойдемте с нами, и сами увидите.

Бергил оказался хорошим товарищем, лучшего у Пиппина не было после разлуки с Мерри, и

вскоре они смеялись и весело болтали, шагая по улице и не обращая внимания на взгляды прохожих. Вскоре новые друзья оказались в толпе, направляющейся к большим воротам. Здесь Пиппин сильно поднялся во мнении Бергила, потому что, когда тот назвал свое имя и пароль, охранник отсалютовал и пропустил его, более того, он позволил Пиппину взять с собой своего спутника.

— Вот здорово! — обрадовался Бергил. — Мальчишкам больше не разрешается выходить за ворота без старших. Отсюда нам будет лучше видно.

За воротами, вокруг большой мощеной площади, где сходились все дороги, ведущие в Минас-Тирит, стояла большая толпа. Все взгляды были устремлены на юг, и вскоре поднялся гул:

— Там пыль! Идут! Идут!

Пиппин и Бергил пробрались в первый ряд и замерли в ожидании. Вдалеке протрубили в рог, шум приветствий приближался к ним, словно подгоняемый ветром. И все вокруг закричали:

— Форлонг! Форлонг!

Пиппин спросил:

— Что они говорят?

— Форлонг идет, — ответил Бергил, — старый

Форлонг Толстяк, повелитель Лоссарнаха. Там живет мой дед. Ура! Вот он! Добрый старый Форлонг!

Впереди отряда двигалась большая, с мощными ногами лошадь, а на ней сидел необыкновенной толщины человек, с широкими плечами, старый, седобородый, однако одетый в кольчугу, черный шлем и вооруженный длинным тяжелым копьем. За ним гордо маршировала запыленная колонна людей, хорошо вооруженных и несущих большие боевые топоры. У пришельцев были угрюмые лица, они были ниже ростом и смуглее, чем люди Гондора.

— Форлонг! — кричали встречавшие. — Честное сердце, истинный друг! Форлонг!

Но когда люди Лоссарнаха прошли, в толпе зароптали:

— Так мало! Всего две сотни. Мы надеялись, что придет в десять раз больше. Это из-за известия о Черном Флоте. Они смогли уделить лишь десятую часть своей силы.

Вновь и вновь проходили отряды, — их встречали приветственными криками, к воротам стекались жители соседних областей, явившиеся, чтобы защищать столицу Гондора в темный час. Но их было слишком мало, гораздо меньше, чем

надеялись увидеть горожане, меньше, чем требовалось. Люди из долины Рингло шли пешком за сыном своего повелителя, Дерворином, — триста человек. С нагорий Мортонда, из долины Блэкрут, — высокий Дуинхир со своими сыновьями и пятью сотнями лучников. Из Анфаласа, с далекого Лангстранда, тянулась длинная цепочка людей самого разного вида: охотники и пастухи, жители маленьких деревушек, плохо вооруженные, за исключением отряда Голасгила, их предводителя. Из Ламедона — несколько угрюмых горцев без предводителя. Рыбаки из Этира, несколько сотен снятых с судов моряков, Хирлуин Прекрасный с зеленых холмов от Пиннат Гелина с тремя сотнями нарядных, одетых в зеленое людей. И самый последний — гордый Имрахил, принц Дол-Амрота, родственник повелителя Гондора, с золочеными знаменами, украшенными изображением корабля и серебряного лебедя, с отрядом рыцарей в полном вооружении на серых лошадях. А за ними — семьсот пеших ратников, высоких, сероглазых и темноволосых.

Всей подмоги не набралось и трех тысяч. Больше некому было приходить. Крики и топот затихли в Городе. Зрители некоторое время стояли молча. Пыль висела в воздухе, потому что

ветер утих и наступивший вечер был душным. Приближался час закрытия ворот. Красное солнце скрылось за Миндоллуином. Город накрыла тень.

Пиппин поглядел вверх, и ему показалось, что небо стало пепельно-серым, словно над ними нависло огромное облако пыли и дыма, испускающее столбы закатного пламени. Теперь Миндоллуин выглядел черной громадой на фоне костра с пылающими углями.

— Так прекрасный день завершается гневом! — проговорил Пиппин, забыв о мальчике.

— Этим он и завершится, если я не вернусь до вечернего колокола, — сказал Бергил. — Скорее! Вот-вот прозвучит сигнал — и ворота закроют.

Рука об руку они последними проскочили в Город и, когда достигли улицы Фонарщиков, услышали торжественный звон. В окнах зажглись огни, а из домов и казарм доносились звуки песен.

— До свидания, — сказал Бергил. — Передайте привет моему отцу и поблагодарите за то, что прислал мне хорошего товарища. Завтра приходите снова. Эх, не было бы войны, мы смогли бы куда веселее провести время. Поехали бы в Лоссарнах в гости к моему деду: там так хоро-

шо весной, когда поля и леса полны цветов. Но, может быть, мы еще побываем там вместе. Нашего повелителя никому не победить, а мой отец очень храбр. До свидания и возвращайтесь!

Они расстались, и Пиппин поспешил в цитадель. Путь казался ему длинным, он вспотел и чувствовал сильный голод. Быстро стемнело. Ни одной звезды не было видно в небе. Берегонд с радостью встретил Пиппина, усадил его рядом и принялся расспрашивать о сыне. После еды Пиппин оставался недолго: ему захотелось увидеть Гэндалфа.

— Найдете дорогу? — спросил Берегонд, стоя у выхода из маленького зала в северной части цитадели, где они сидели. — Ночь темная, к тому же приказано скрыть все огни в Городе. Относительно вас получено распоряжение: завтра утром вы должны явиться к повелителю Денетору. Боюсь, не служить вам в Третьем Отряде. Но на встречу надеюсь. До свидания — и спите спокойно!

В комнате было темно, только на столе горел маленький фонарик. Гэндалф так до сих пор и не появился. Пиппин начал уже волноваться. Он взобрался на скамью и выглянул в окно, но это было все равно что смотреть в чернильный омут. Он слез со скамьи, закрыл ставни и улегся

в постель. Некоторое время Пиппин лежал, прислушиваясь, не возвращается ли Гэндалф, потом уснул беспокойным сном.

Он пробудился ночью и увидел Гэндалфа, расхаживающего взад и вперед по комнате. На столе горели свечи и лежали свитки пергамента. Пиппин слышал, как волшебник вздохнул и пробормотал:

— Когда же вернется Фарамир?

— Привет! — сказал Пиппин, высовывая голову из-за занавеса. — Я думал, вы совсем обо мне забыли. Рад видеть вас снова. День был очень длинным.

— А ночь будет слишком короткой! — отозвался Гэндалф. — Я вернулся сюда, потому что должен немного побыть в одиночестве. Спи, пока можешь. Как только взойдет солнце, я отведу тебя к Денетору. Нет, — как только придет вызов. Тьма уже здесь. Рассвета не будет.

Глава II

Поход Серого Отряда

Гэндалф ускакал на Обгоняющем Тень, топот копыт затих в ночи, и Мерри вернулся к Арагорну. Он оставил свой мешок в Парт-Галене, и теперь у него было при себе лишь несколько предметов, подобранных в разрушенном Исенгарде. Хасуфель была уже оседлана. Леголас и Гимли со своей лошадью стояли рядом.

— Итак, из всего Товарищества нас осталось четверо, — сказал Арагорн. — Мы поедем вместе. Но думаю, мы будем не одни. Король решил выступить немедленно. Со времени появления Крылатой Тени он хочет двигаться к горам под покровом ночи.

— А потом куда? — спросил Леголас.

— Пока не могу сказать, — ответил Арагорн. — Что же до короля, он отправится на сбор, назначенный им в Эдорасе через четыре ночи. Там он выслушает новости о ходе войны, и всадники Рохана двинутся в Минас-Тирит. Что же касается меня и тех, кто захочет идти со мной...

— Я захочу! — воскликнул Леголас.

— И Гимли тоже! — сказал гном.

— Да, что касается меня, — продолжал Арагорн, — путь мой темен. Я тоже должен явиться в Минас-Тирит, но каким путем — еще не знаю. Приближается долгожданный час.

— Не оставляйте меня, — попросил Мерри. — Знаю — пользы от меня было немного, но неужели я заслужил, чтобы меня отбросили, как лишний груз? Вряд ли всадники захотят беспокоиться обо мне. Хотя, конечно, король сказал, что я буду сидеть с ним рядом и рассказывать о Шире, когда он вернется домой.

— Да, — согласился Арагорн, — разумеется, Мерри, у нас с вами одна дорога. Но не ждите веселья в конце пути. Много времени пройдет, прежде чем Теоден спокойно сядет в Медусельде. Много надежд развеет эта горькая весна.

Скоро все было готово к отправлению: две дюжины лошадей, причем Гимли сидел за Леголасом, а Мерри — перед Арагорном. И вот они помчались сквозь ночь. Когда приблизились к бродам через Исен, их нагнал всадник.

— Повелитель, — сказал он, обращаясь к королю, — за нами конный отряд. Сначала мы сомневались, а теперь уверены в этом. Они догоняют нас.

Теоден немедленно приказал остановиться. Все развернулись и приготовили копья. Арагорн опустил Мерри на землю, спешился и, обнажив меч, встал у стремени короля. Эомер со своим оруженосцем отъехал в тыл. Мерри сильнее, чем раньше, чувствовал себя ненужным и размышлял, что же ему делать в случае схватки. Предположим, маленький отряд короля попал в засаду, а ему удастся скрыться в темноте: что он будет делать один в диких полях Рохана без всякого представления о том, где он среди этих бесконечных миль? «Плохо!» — подумал он, вытащил меч и потуже затянул пояс.

Ущербная луна, скрывшаяся было за небольшим летучим облаком, вновь показалась, и вокруг посветлело. Теперь все услыхали топот копыт и в тот же миг увидели темные фигуры, быстро приближавшиеся к ним со стороны бродов. Лунный свет блестел на остриях копий. Число преследователей определить было трудно, но казалось, их по крайней мере не меньше, чем всадников короля.

Когда они были уже в пятидесяти шагах, Эомер громко крикнул:

— Стойте! Стойте! Кто скачет в Рохан?

Преследователи остановились. Повисла тре-

вожная тишина. В лунном свете было видно, как один из всадников спешился и неторопливо пошел вперед. Руки его казались белыми, когда он протянул их ладонями вверх в знак мира. Но люди короля не спешили прятать оружие. В десяти шагах человек остановился. Он был высокого роста — темная, стройная тень. Затем раздался его ясный голос:

— Рохан? Вы сказали Рохан? Радостно слышать это слово. Мы спешим издалека в поисках этой земли.

— Вы нашли ее, — сказал Эомер. — Вы вступили в Рохан, как только преодолели броды. Это владения короля Теодена. Без его разрешения никто не смеет здесь проезжать. Кто вы такие? И почему так спешите?

— Я дунадан Халбарад, рейнджер с Севера, — ответил человек. — Мы ищем Арагорна, сына Араторна, и слышали, что он в Рохане.

— Вы нашли его! — воскликнул Арагорн, передавая поводья Мерри, и, выбежав вперед, обнял прибывшего. — Халбарад! Из всех возможных радостей эта самая неожиданная для меня.

Мерри вздохнул с облегчением. Он решил было, что это последняя уловка Сарумана, чтобы подстеречь короля, когда его охраняют лишь

несколько человек. Но теперь-то уж было ясно, что умирать, защищая Теодена, на сей раз не придется. Он вложил меч в ножны.

— Всё в порядке, — сказал Арагорн, оборачиваясь. — Это мои товарищи из далекой страны, где я живу. Халбарад расскажет нам, сколько их и почему они прибыли.

— Со мной тридцать человек, — сказал Халбарад. — Это все, кого мы сумели собрать в спешке; с нами братья Эльладан и Эльрохир. Мы скакали быстро, получив ваш вызов.

— Но я не вызывал вас, — сказал Арагорн, — разве что мысленно. Я часто думал о вас, однако не посылал ни слова. Но все это может подождать! Вы нашли нас в спешке и опасности. Поезжайте с нами, если король позволит.

Теоден обрадовался новости.

— Хорошо, — сказал он. — Если ваши товарищи хоть немного похожи на вас, мой Арагорн, тридцать таких рыцарей представляют силу, которой не измерить числом голов.

Всадники снова пустились в путь, и Арагорн некоторое время ехал с дунаданами. И когда они обменялись новостями Севера и Юга, Эльрохир сказал ему:

— Я привез вам слово моего отца. Он велел

передать: «Дни коротки. В спешке не забудь о Тропах Смерти».

— Да, слишком краткими кажутся мне дни, чтобы исполнить желанное, — ответил Арагорн. — Ия буду очень спешить, если вступлю на эту тропу.

— Скоро увидим, — заметил Эльрохир. — Но лучше не говорить о таких вещах на открытой дороге.

Арагорн спросил Халбарада:

— Что это вы несете с собой, родич?

Он заметил, что вместо копья Халбарад держит высокий шест, похожий на знамя, но крепко обвязанный черным полотном.

— Это дар, который я привез вам от госпожи Ривенделла, — ответил Халбарад, — она трудилась над ним тайно и долгие дни. Она также передала вам несколько слов: «Дни теперь коротки. Либо осуществится наша надежда, либо всякой надежде придет конец. Я посылаю тебе то, что изготовлено для тебя. Доброго пути, Эльфийский Камень!»

И Арагорн догадался:

— Теперь я знаю, что вы несете. Оставьте это при себе еще на некоторое время.

Повернувшись, он посмотрел на север под боль-

шими звездами и всю остальную часть пути был молчалив и задумчив.

Ночь подходила к концу и восток светлел, когда они миновали глубокую долину и подъехали к Хорнбургу. Здесь решили немного отдохнуть и посовещаться.

Мерри спал, пока его не разбудили Леголас и Гимли.

— Солнце высоко, — сказал Леголас. — Все уже встали и занялись делом. Пойдем, мастер лежебока, осмотрим это место, пока есть возможность.

— Три ночи назад здесь была битва, — добавил Гимли, — и мы с Леголасом играли тут в игру, в которой я обошел его лишь на одну оркскую голову. Не желаете посмотреть и послушать, как это было? Л какие здесь удивительные пещеры, Мерри! Как вы думаете, Леголас, мы сможем в них попасть?

— Нет! Сейчас не время, — сказал эльф. — Не нужно торопить приятные события. Я дал слово вернуться сюда вместе с вами, если вновь наступят мир и свобода. Но скоро полдень, — я слышал, что мы перекусим и сразу отправимся дальше.

Мерри встал и широко зевнул. Нескольких часов сна ему явно не хватило: он чувствовал себя усталым и несчастным. Он потерял Пиппина

и считал себя обузой, а вокруг все готовились к делам, которых он не понимал.

— А где Арагорн? — спросил Мерри.

— В высоких покоях Бурга, — ответил Леголас. — Полагаю, он не спал ни минуты. Он ушел туда несколько часов назад, сказав, что должен подумать, и только его родич Халбарад присоединился к нему. Мне показалось, что Арагорн чем-то встревожен.

— Удивительный народ эти вновь прибывшие, — заметил Гимли. — Сильные люди и величественные. Всадники Рохана кажутся рядом с ними мальчишками. Их суровые лица будто высечены из скалы, да и у Арагорна такое же лицо. И они так же молчаливы.

— Но если уж нарушают молчание, они и учтивостью равны Арагорну, — сказал Леголас. — А вы заметили братьев Эльладана и Эльрохира? Они прекрасны, словно эльфийские принцы. Не удивительно, ведь они — сыновья Эльронда из Ривенделла.

— Почему они пришли? Вы не слышали? — спросил Мерри. Он накинул свой серый плащ, и втроем они зашагали к разрушенным воротам Бурга.

— Откликнулись на вызов, как мы уже слы-

шали, — сказал Гимли. — Они сказали, что в Ривенделл пришла весть: «Арагорн нуждается в своих родичах. Пусть дунаданы скачут к нему в Рохан!» Но теперь они недоумевают: кто послал этот вызов? Вероятно, Гэндалф.

— Нет, скорее Галадриэль, — предположил Леголас. — Разве не она передала через Гэндалфа весть о приезде Серого Отряда с севера?

— Вероятно, вы правы, — согласился Гимли. — Леди Лориена! Она читает желания многих сердец. А почему бы и нам не подумать о наших родичах, Леголас?

Леголас стоял у ворот, устремив взгляд на северо-восток, — на его прекрасном лице было тревожное выражение.

— Не уверен, что они придут. Им не нужно искать войну: она уже сама надвигается на их земли.

Так, за разговором, трое товарищей миновали ворота, прошли мимо могильной насыпи на земляном поле у дороги и очутились на краю Пропасти Хельма. Отчетливо видны были следы деятельности хуорнов. Люди Данленда и жители Бурга работали в крепости, на полях и на обвалившихся стенах, но все казалось необыкновенно спокойным — усталая долина отдыхала

после сильной бури. Постояв здесь немного, они повернули и пошли обедать в зал Бурга.

Король тоже был здесь, и, как только они вошли, он подозвал Мерри и усадил его рядом с собой.

— Не совсем то, чего я хотел, — сказал Теоден. — Этот зал похож на мой, но, видно, еще не скоро мы с вами сможем посидеть за высоким столом в Медусельде, ведь даже когда я вернусь туда, не будет времени для пиров. А сейчас ешьте и пейте, и давайте поговорим, пока есть возможность, а потом вы поедете со мной.

Мерри удивился и обрадовался:

— Это будет прекрасно!

Никогда прежде не испытывал он такой благодарности за добрые слова.

— Боюсь, я не похож на сильных людей, — запинаясь проговорил он, — но я хотел бы сделать все, что в моих силах.

— Не сомневаюсь, — улыбнулся король. — Я приказал приготовить для вас хорошего горного пони. Он понесет вас так же быстро, как лошадь. Из Бурга мы двинемся горными тропами, а не равниной и прибудем в Эдорас через Данхэрроу, где меня ждет леди Эовин. Вы будете моим оруженосцем, если хотите. Есть ли здесь доспехи,

Эомер, пригодные для оруженосца?

— Здесь нет больших запасов, повелитель, — ответил Эомер. — Может, мы подберем для него легкий шлем, но кольчуги и меча, подходящих ему по размеру, нет.

— У меня есть меч, — сказал Мерри, поднимаясь и извлекая свой маленький яркий клинок. Полный любви к этому старику, он преклонил колено, взял руку короля и поцеловал. — Могу я положить меч Мериадока из Шира у ваших ног, король Теоден? — воскликнул он. — Примете ли вы мою службу?

— С радостью принимаю ее, — сказал король и, возложив свои длинные старые руки на каштановые волосы хоббита, благословил его. — Встаньте, Мериадок Роханский, оруженосец гвардии Медусельда! Возьмите свой меч, и пусть он верно служит вам.

— Вы для меня как отец, — сказал Мерри.

— К сожалению, ненадолго, — ответил Теоден.

Король и Мерри вели беседу во время еды. Но вот вмешался Эомер:

— Близок час, когда мы должны выступить, повелитель. Могу я приказать трубить в рог? Где Арагорн? Место его пусто, и он ничего не ел.

— Пусть все приготовятся к выступлению,

— распорядился Теоден, — и пошлите сказать Арагорну, что час пробил.

Король со своей стражей и с Мерри вышел из ворот Бурга туда, где на зеленой траве собирались всадники. Здесь их было уже много. Выступал большой отряд: король оставлял в Хорнбурге лишь маленький гарнизон. Все, кто мог носить оружие, отправлялись с ним в Эдорас — около тысячи копий и более пятисот человек должны были идти с королем, по большей части это были люди с полей и долин Вестфолда.

Немного в стороне в строгом порядке стояли молчаливые, вооруженные копьями, луками и мечами рейнджеры. Они были одеты в темно-серые плащи. Лошади их, с гордой повадкой и покрытые грубой шерстью, были сильны. Одна из них стояла без всадника. Это была лошадь самого Арагорна, пришедшая с севера. Звали ее Рохерин. В одежде и оружии следопытов не было драгоценностей или золота, не было красивых вещей, у всадников не было никаких значков или символов, только плащ каждого из них был заколот на левом плече серебряной брошью в виде лучистой звезды.

Король сел на свою лошадь — Снежную Гриву, а Мерри — на пони по кличке Стибба. Вскоре из

ворот вышел Эомер. С ним — Арагорн, Халбарад, несущий завернутый в черное жезл, и два высоких человека, не старых и не молодых. Сыновья Эльронда были так похожи друг на друга, что немногие могли их различать: темноволосые, сероглазые, с прекрасными, как у эльфов, лицами, одинаково одетые в яркие кольчуги под серебристо-серыми плащами. За ними шли Леголас и Гимли. Но Мерри смотрел только на Арагорна, пораженный происшедшей в нем переменой. За одну ночь как будто много лет прошло, оставив на нем отпечаток. Лицо у Арагорна было угрюмое, серое и усталое.

— Я встревожен, повелитель, — сказал он, останавливаясь подле лошади короля. — Я слышал странные слова и видел новые далекие опасности. Всю ночь провел я в размышлениях и, боюсь, теперь изменил свой план. Скажите мне, Теоден, скоро ли вы достигнете Данхэрроу?

— Только что минул час после полудня, — сказал Теоден. — К концу третьего дня мы придем в крепость. Луна будет на одну ночь старше полнолуния, и через день должен состояться назначенный мною сбор. Если мы хотим собрать силы Рохана, то быстрее мы не сможем двигаться.

Арагорн помолчал и после пробормотал:

— Три дня — и сбор Рохана лишь начнется. Но я вижу, что быстрее невозможно. — Он посмотрел вверх. Было похоже, что он принял решение: лицо его стало спокойнее. — Тогда, с вашего позволения, повелитель, я должен посоветоваться со своими родичами. Мы поедем собственной дорогой и впредь не станем таиться. Для меня время скрытности миновало. Я отправлюсь кратчайшим путем — по Тропам Смерти.

— Тропы Смерти! — воскликнул Теоден и содрогнулся. — Зачем вы говорите о них?

Эомер, повернувшись, взглянул на Арагорна, и Мерри показалось, что лица всадников, находившихся рядом и слышавших этот разговор, побледнели.

— Если эти Тропы и вправду существуют, вход в них находится в Данхэрроу, — продолжал Теоден. — Но ни один живой человек не может пройти через них.

— Увы! Арагорн, друг мой! — сказал Эомер печально. — Я надеялся, что мы вместе поедем на войну; но если вы ищете Тропы Смерти, мы должны расстаться, и маловероятно, чтобы мы еще раз встретились под солнцем.

— И все-таки я пойду этой дорогой, — сказал

Арагорн. — Но уверяю вас, Эомер, что в битве мы еще встретимся, хотя бы все войска Мордора разделяли нас.

— Поступайте так, как считаете нужным, Арагорн, — проговорил Теоден. — Должно быть, ваша судьба — идти такими путями, на которые не смеют ступить другие. Это расставание печалит меня и убавляет мою силу, но теперь я должен идти горной тропой и дольше задерживаться не могу. Прощайте!

— Доброго пути, повелитель! — пожелал Арагорн. — Скачите к великой славе! До свидания, Мерри! Я оставляю вас в хороших руках — лучших, чем мы надеялись, когда шли по следам орков к Фангорну. Гимли и Леголас опять пойдут со мной, но мы не забудем вас.

— До свидания! — выдохнул Мерри.

Он больше не нашел что сказать. Он чувствовал себя очень маленьким и был угнетен непонятными словами. Все были уже готовы, лошади беспокойно перебирали ногами. Мерри хотел, чтобы они поскорее тронули с места.

Теоден что-то сказал Эомеру, тот поднял руку, громко крикнул — и все всадники двинулись вперед. Они выбрались из Пропасти Хельма, проехали по глубокой долине, потом, резко свер-

нув на восток, вступили на дорогу, примерно на протяжении мили огибавшую подножие горы, а затем поворачивавшую к югу и исчезавшую из виду. Арагорн ждал, пока все люди короля не скрылись в долине. Потом повернулся к Халбараду.

— С ними ушли трое, которых я люблю, и самый маленький из них не самый последний, — сказал он. — Он не знает, к какому концу едет, но даже если бы знал, все равно не свернул бы.

— Маленький народец эти жители Шира, но многого стоят, — отозвался Халбарад. — Они не знают о нашей долгой работе по защите их границ, и все же я к ним не имею претензий.

— А теперь наши судьбы переплелись, — продолжил Арагорн. — И, однако, увы, мы расстаемся. Что ж, я немного поем, и мы тоже отправимся в путь. Леголас! Гимли! Присоединяйтесь. Поговорим за едой.

Они вернулись в Бург. Некоторое время Арагорн молча сидел в зале за столом, остальные ждали, пока он заговорит.

— Давайте, — сказал наконец Леголас. — Говорите и успокойтесь, стряхните тень! Что случилось с тех пор, как мы серым утром вернулись в это укромное место?

— Была борьба, более трудная для меня, чем битва за Хорнбург, — ответил Арагорн. — Я смотрел в Камень Ортанка, друзья.

— Вы смотрели в этот проклятый колдовской Камень? — со страхом и удивлением воскликнул Гимли. — И вы видели Его? Даже Гэндалф опасался такой схватки.

— Вы забыли, с кем говорите, — строго сказал Арагорн, и глаза его блеснули. — Я разве не провозгласил открыто свой титул у дверей Эдораса? Чего вы боитесь?.. Нет, Гимли, — добавил он более мягким голосом, и суровое выражение покинуло его лицо, Арагорн стал похож на человека, без сна проработавшего ночь напролет, — нет, друзья мои, я — законный хозяин Камня, у меня есть право и сила на то, чтобы им воспользоваться. Во всяком случае, так мне кажется. Право не может быть оспорено. Силы хватило — едва. — Он глубоко вздохнул. — Это была жестокая борьба, и усталость от нее проходит медленно. Я не сказал Ему ни слова и в конце концов подчинил Камень своей воле. Этого Ему не вынести. И Он видел меня. Да, мастер Гимли, Он видел меня, но в ином обличье, нежели видите вы сейчас. Если это поможет Ему, тогда я совершил ошибку. Хотя я так не думаю. Мне кажется, что для Него было ударом

узнать, что я жив и хожу по земле: до сих пор Он этого не знал. Глаза Ортанка не проникают под доспехи Теодена, но Саурон не забыл Исилдура и меч Элендила. Теперь, казалось бы в час исполнения Его желания, потомок Исилдура появился на свет и меч восстановлен: я показал Ему скованное заново лезвие. Он не настолько могуч, чтобы вовсе не ведать страха, и Его грызет сомнение.

— Но все же Он владеет огромными силами, — заметил Гимли, — и теперь поспешит нанести удар.

— Удар второпях редко бывает удачным, — сказал Арагорн. — Но и мы должны наступать на Врага, а не ждать, пока Он начнет. Понимаете, друзья, овладев Камнем, я узнал многое. Огромная опасность надвинулась на Гондор с юга, она отвлечет много сил от обороны Минас-Тирита. Если ее быстро не отразить, через десять дней Город падет.

— Тогда он погиб, — сказал Гимли. — Какую помощь мы можем послать туда и прибудет ли она вовремя?

— Мне некого послать на помощь, — сказал Арагорн, — поэтому пойду сам. Но лишь путь под горами приведет меня к береговой линии до того, как все погибнет. Это Тропы Смерти.

— Тропы Смерти! — воскликнул Гимли. — Какое странное название. Я заметил, что люди Рохана его не очень любят. Может ли живой использовать эту дорогу и не погибнуть? И даже если мы пройдем там, могут ли несколько человек противостоять силе всего Мордора?

— Живые никогда не использовали эту дорогу со времени прихода рохирримов, — сказал Арагорн, — она закрыта для них. Но в трудный час потомок Исилдура может воспользоваться ею, если посмеет. Слушайте, вот какие слова своего отца, мудрейшего из знатоков сказаний, передали мне сыновья Эльронда: «Прошу Арагорна помнить слова пророка и Тропы Смерти».

— А что это за слова пророка? — спросил Леголас.

— Так говорил пророк Малбет в дни Арведуя, последнего короля в Форносте, — пояснил Арагорн:

Долгая Тень упала на землю,

Крылья Тьмы простерлись на запад.

Дрогнула Крепость; к королевским могилам

Судьба подступает. Мертвецы пробудились;

Ибо клятвопреступников пробил час;

У Камня Эреха вновь они встанут

И услышат рог, трубящий в холмах.

Чей он будет? Кто вызовет их,

В забвение канувших, из сумерек серых?

Потомок того, кому принесли они клятву.

С Севера явится он, приведенный нуждою:

Он пройдет через Дверь заповедными Тропами Смерти.

— Тропы эти, несомненно, темны, — сказал Гимли, — но для меня не темнее этих строк.

— Если вы поймете их лучше, чем я, велю вам идти со мною, — сказал Арагорн, — а именно этим путем я и намерен идти. Но делаю это без радости: нужда заставляет меня; поэтому беру с собой только тех, кто согласен идти по доброй воле, ибо там ждут нас тяжелый труд и великий страх, а может, и еще что-нибудь похуже.

— Я пойду с вами по Тропам Смерти, куда бы они ни вели, — сказал Гимли.

— Я тоже пойду, — сказал Леголас, — потому что не боюсь мертвецов.

— Надеюсь, канувшие в забвение не забыли, как сражаться, — сказал Гимли. — А иначе не

понимаю, почему мы должны дрожать перед ними.

— Это мы узнаем, если доберемся до Эреха, — сказал Арагорн. — Они поклялись бороться с Сауроном и должны сражаться теперь, если хотят сдержать клятву. В Эрехе стоит Черный Камень, который, как говорят, был принесен из Нуменора Исилдуром. Камень был установлен на холме, и на нем Горный Король поклялся Исилдуру в дружбе в день основания Гондора. Когда Саурон вернулся и вновь обрел силу, Исилдур призвал горцев выполнить клятву, но они не сделали этого: они преклонились перед Сауроном в Темные Годы. Тогда Исилдур сказал их королю: «Ты будешь последним королем. И если Запад окажется сильнее Черного Господина, я налагаю на тебя и твой народ проклятие: не знать отдыха, пока ваша клятва не будет выполнена. Эта война продлится бесчисленные годы, и однажды вы будете призваны снова». И они бежали от гнева Исилдура, не осмелились выступить в войне на стороне Саурона, притаились в горных убежищах, порвали связи с другими людьми и медленно уменьшались в числе. Ужас бессонной ночи лежит на холме Эреха и на всех местах, где жили эти люди. Но я должен идти этим пу-

тем, потому что никто из живущих не поможет мне. — Арагорн встал и выпрямился. — Вперед! — воскликнул он, выхватив меч и взмахнув им в сумеречном зале Бурга. — К Камню Эреха! Я иду к Тропам Смерти. Идите со мной, кто может!

Леголас и Гимли молча встали и вышли из зала вслед за Арагорном. На лужайке ждали молчаливые и неподвижные рейнджеры в капюшонах. Леголас и Гимли сели на лошадь. Арагорн вскочил на Рохерина. Халбарад поднял большой рог, и рев эхом отдался в Пропасти Хельма. Всадники двинулись вперед, бурей пронеслись по долине, и люди с удивлением смотрели им вслед.

Пока Теоден пробирался по горным дорогам, Серый Отряд промчался по равнинам и в полдень следующего дня прибыл в Эдорас. Здесь сделали короткую остановку, проскакали долиной и к наступлению темноты были в Данхэрроу.

Леди Эовин приветствовала их и была им очень рада. Она никогда не видела таких сильных людей, как дунаданы и прекрасные сыновья Элронда, но чаще всего ее взгляд был устремлен на Арагорна. Когда все сели ужинать, она услышала обо всем, что произошло с отъезда Теодена: узнала о битве в Пропасти Хельма и о гибели врагов. Глаза ее сияли.

Но наконец она сказала:

— Господа, вы устали! Пройдите в покои, которые спешно для вас приготовлены. Завтра мы разместим вас лучше.

Арагорн ответил:

— Нет, леди, не беспокойтесь из-за нас! Если мы сможем переночевать и утром позавтракать — этого вполне достаточно. У нас срочное дело, и на рассвете мы выезжаем.

Она улыбнулась ему:

— Вы совершили добрый поступок, несколько свернув со своего пути, чтобы принести новости Эовин и поговорить с нею в ее изгнании.

— Ни один человек не счел бы такую поездку напрасной, — сказал Арагорн. — И, однако, леди, я не приехал бы сюда, если бы моя дорога не вела через Данхэрроу.

Она ответила, явно недовольная его словами:

— Тогда вы ошиблись: из Данхэрроу ни одна дорога не ведет на восток или на юг, вам придется повернуть назад.

— Нет, леди, — сказал он. — Я не ошибся. Я бывал в этих землях до того, как родились вы, чтобы украсить их. Из этой долины ведет одна дорога, по ней я и пойду. Завтра я двинусь по Тропам Смерти.

Эовин с ужасом смотрела на него. Лицо ее побледнело. Она долго сидела молча.

— Но, Арагорн, — сказала она наконец, — неужели ваша задача — искать смерть? Больше ничего не найдете вы на этой дороге. По ней не позволено идти живым.

— На этот раз мне могут позволить пройти, — возразил Арагорн, — по крайней мере я попытаюсь. Никакая другая дорога мне не подходит.

— Но это безумие! С вами славные и доблестные люди, они нужны на войне, а вы уведете их в тень. Прошу вас остаться и ехать с моим братом. Тогда наши сердца возрадуются, а надежда окрепнет.

— Это не безумие, леди, — ответил он, — я иду предназначенной мне дорогой. А те, кто идет со мной, делают это добровольно: ничто не мешает им остаться и отправиться с рохирримами. Но, если понадобится, я пойду Тропами Смерти один.

Больше они ни о чем не говорили и ели в молчании, но глаза Эовин не отрывались от Арагорна, и все видели, как она мучается. Наконец они встали, поблагодарили леди за заботу и отправились отдыхать.

Когда Арагорн подошел к палатке, установленной для него, Леголаса и Гимли, и его товарищи вошли туда, его окликнула леди Эовин. Он обер-

нулся и увидел ее, одетую в белое и мерцающую, словно лунный свет. Но глаза ее пылали огнем.

— Арагорн, зачем вы идете этой смертоносной дорогой?

— Это мой долг, — ответил он. — Только так надеюсь я сыграть свою роль в войне с Сауроном. Я не выбирал тропу опасностей, Эовин. Если бы я шел, куда хочу, то бродил бы сейчас далеко на Севере, в прекрасной долине Ривенделла.

Некоторое время она молчала, обдумывая его слова. Потом взяла его за руку.

— Вы мужественный и решительный человек, — сказала она. — Такие люди заслуживают славы. — Она еще помолчала. — Если вы должны идти, позвольте мне следовать за вами. Я устала скрываться в горах и хочу смотреть в лицо опасности и битве.

— Ваш долг — быть с вашими людьми, — возразил Арагорн.

— Слишком часто слышала я о долге! — воскликнула она. — Но разве я не из дома Эорла, разве я не умею держать меч? Я долго ждала. Разве я не могу теперь вести такую жизнь, какую хочу?

— Мало кто делает это с честью, — ответил он. — Что касается вас, леди, разве вы не приняли

на себя управление людьми до возвращения повелителя? Если бы на это место был назначен какой-нибудь маршал или капитан, смог бы он отказаться и уехать, сославшись на усталость?

— Я навсегда обречена быть избранной? — с горечью спросила она. — Я навсегда обречена оставаться, когда всадники уезжают, и беречь их дома, пока они завоевывают славу, и заботиться о том, чтобы, возвратившись, они нашли еду и постель?

— Может наступить такое время, — сказал он, — когда не вернется никто. Тогда слава потеряет смысл, ибо некому будет хранить память о делах, совершенных во время последней обороны наших домов. Но от этого деяния не станут менее славными.

И она ответила:

— Всё, что вы говорите, надо понимать так: ты женщина и твоя участь — оставаться дома. Когда мужчины с честью умирают в битве, ты можешь пропадать в доме, поскольку мужчины в это время не нуждаются в тебе. Но я из дома Эорла, я не какая-нибудь служанка. Я умею ездить верхом, я владею мечом, я не боюсь ни боли, ни смерти.

— Чего же вы боитесь, леди? — спросил Арагорн.

— Клетки! Сидеть за ее прутьями, пока не привыкнешь и не состаришься, достигнув возраста, когда великие деяния уже не под силу.

— И вы советуете мне отказаться от дороги, потому что она опасна?

— Так может один воин советовать другому, — сказала она. — Но я прошу вас не бежать от опасностей, а ехать на битву, где ваш меч заслужит и славу, и победу. Я не хочу видеть, как бесполезно пропадает высокая доблесть.

— Я тоже, — согласился он. — Потому и советую вам, леди, остаться! У вас нет дела на Юге.

— Нет его и у тех, кто пойдет с тобой... Они идут, потому что не хотят с тобой расставаться, потому что они... любят тебя.

Она повернулась и исчезла в ночи.

Лишь только свет нового дня разлился по небу, но не дожидаясь, когда солнце взойдет из-за высоких восточных хребтов, Арагорн приготовился к отъезду. Все его товарищи уже сидели верхом и сам он собрался вскочить в седло, когда леди Эовин вышла попрощаться с ними. Она была одета как всадник и вооружена мечом. В руке у нее была чаша. Поднеся ее к губам, она отпила немного и пожелала им доброго пути. Затем передала чашу Арагорну, — он отпил из нее и сказал:

— Прощайте, леди Рохана! Я пью за счастье вашего дома, за ваше счастье и счастье вашего народа. Передайте вашему брату — за завесой теней мы встретимся снова.

Гимли и Леголасу, стоящим поблизости, показалось, что она всхлипнула, и в сочетании с ее решительным и гордым видом эта слабость выглядела особенно горькой. Но Эовин сказала:

— Арагорн, ты уходишь?

— Ухожу, — отвечал он.

— И не позволишь мне ехать с твоим отрядом, как я просила?

— Нет, леди. Я не могу так поступить без разрешения короля и вашего брата, а они не вернутся до завтра. У меня же на счету каждый час, дорога каждая минута. Прощайте!

И вдруг она упала на колени.

— Я умоляю тебя!

— Нет, леди. — Арагорн бережно поднял ее. Поцеловав ей руку, он прыгнул в седло и поехал, не оглядываясь. И лишь те, кто хорошо знал его и ехал поблизости, видели, какую боль он испытывает.

Эовин стояла неподвижно, как высеченная из камня статуя, и, сжав руки, следила за всадниками, пока те не скрылись в тени Двиморберга,

Горы Призраков, в которой находились Врата Смерти. Когда отряд исчез из вида, Эовин повернулась и, спотыкаясь, как слепая, пошла к себе. Никто из ее людей не видел этого расставания: все были напуганы и прятались, пока чужеземцы не ушли. И некоторые говорили:

— Это эльфы. Пусть идут в темные места и никогда не возвращаются. Время и так злое.

Солнце все еще не поднялось из-за черных хребтов Горы Призраков перед ними, и свет по-прежнему был серым. Ужас охватил друзей, когда они проехали между рядами древних камней и оказались вблизи Димхолта. Здесь, в тени черных деревьев, которую даже Леголас не мог долго выдерживать, они нашли ровное место — долину, уходившую в гору. Справа от дороги стоял одинокий могучий камень, подобный персту судьбы.

— У меня кровь в жилах стынет, — сообщил Гимли.

Остальные молчали, и его голос утонул в толстом слое пихтовых игл, ковром лежавших у них под ногами. Лошади не хотели идти мимо грозного камня, пока всадники не спешились и не повели их. Так они подошли к концу долины. Здесь была крутая каменная стена, а в ней, как пасть ночи, зиял темный проем. Над ним на

широкой арке были вырезаны знаки и фигуры, слишком неясные, чтобы пытаться прочесть, и страх исходил от них, словно густой туман.

Отряд остановился, и не было сердца, что не дрогнуло бы, разве что сердце эльфа Леголаса, который не боялся призраков людей.

— Это злая дверь, — сказал Халбарад, — и моя смерть лежит за ней. Тем не менее я осмелюсь пройти в нее, но вот ни одна из лошадей не посмеет.

— Но мы должны войти, а значит, и лошади наши — тоже, — возразил Арагорн. — Потому что, если мы пройдем эту тьму, много лиг предстоит одолеть за нею и каждый потраченный нами час приближает триумф Саурона. Следуйте за мной!

Арагорн шагнул вперед, и сила его воли была такова, что все дунаданы со своими лошадьми последовали за ним. Любовь лошадей к рейнджерам была огромна: они шли за своими всадниками, преодолевая слепой ужас. Все, кроме Арода, роханского коня: он стоял, мокрый, и дрожал от страха, так что больно было на него смотреть. Однако стоило Леголасу, положив ему на глаза руку, что-то негромко проговорить, и Арод позволил ему провести себя через дверь. Снаружи остался только гном Гимли. Колени его дрожали,

он злился сам на себя.

— Неслыханно! — сказал он себе. — Эльф идет под землю, а гном не осмеливается!

С этими словами Гимли ринулся вперед. Ему показалось, что ноги его налились свинцом, глаза заволокло тьмой и он ослеп, Гимли, сын Глойна, который бесстрашно спускался в самые глубокие места мира!

Арагорн захватил в Данхэрроу факелы, и теперь он шел впереди, высоко подняв один из них. Эльладан с другим факелом замыкал шествие, и Гимли, спотыкаясь, догонял их. Он ничего не видел, кроме тусклого пламени факелов. Когда отряд останавливался, вокруг слышался гул голосов и шепот слов на языке, которого Гимли никогда не слыхал прежде.

Никто не нападал на отряд, не мешал ему пройти, но страх в душе гнома все возрастал, а повернуть назад было невозможно: все пути были заполнены невидимым войском, следовавшим за ними.

Так тянулось время, пока Гимли не явилось зрелище, о котором впоследствии он старался не вспоминать. Дорога была широкой, насколько он мог судить, но теперь отряд неожиданно очутился в большой пещере, и стен ни с одной, ни

с другой стороны не было. Ужас Гимли был так велик, что он с трудом передвигал ноги. Слева во мгле что-то сверкнуло. Арагорн остановился и пошел взглянуть, что это такое.

— Неужели он совсем не чувствует страха? — пробормотал гном. — В любой другой пещере Гимли, сын Глойна, первым побежал бы на блеск золота. Но не здесь! Да пропади оно пропадом!

Тем не менее он подошел ближе и увидел склонившегося Арагорна, в то время как Эльладан держал оба факела. Перед Арагорном лежал скелет могучего человека в кольчуге. Все его снаряжение хорошо сохранилось: воздух в пещере был сух, а кольчуга воина позолочена. Пояс на нем был из золота и украшен гранатом, шлем на черепе — с богатой золотой отделкой. Воин упал лицом вниз перед стеной пещеры. Перед ним высилась накрепко запертая каменная дверь. Костяшками пальцев скелет все еще цеплялся за едва заметную щель. Рядом лежал меч, весь в зазубринах: очевидно, воин в отчаянии рубил им камни.

Арагорн не тронул останков, но, молча осмотрев, выпрямился и вздохнул.

— Долгие годы лежит он у двери, которую не сумел открыть, — пробормотал он. — Куда ведет эта

дверь? И почему он пошел сюда? Никто не знает. Но это не мое дело! — воскликнул он, оборачиваясь и обращаясь к шепчущей тьме. — Храните свои сокровища и тайны в глубине Проклятых Лет! Нам нужно спешить. Пропустите нас и следуйте за нами. Я призываю вас к Камню Эреха!

Вместо ответа воцарилась полная тишина, еще более ужасная, чем шепот. Потом налетел порыв холодного воздуха, факелы замерцали и погасли, и вновь их зажечь не смогли. О том, что произошло затем, Гимли почти ничего не мог сказать. Все шли вперед, а он тащился сзади, преследуемый нарастающим ужасом, который, казалось, вот-вот захлестнет его с головой. До него доносился шум, напоминающий топот множества ног. Он упал и дальше передвигался ползком, как зверь, пока не понял, что больше не выдержит: либо этому наступит конец, либо он в приступе безумия кинется назад навстречу гибели...

Внезапно он услышал журчание воды, звук показался ему твердым и чистым, словно камень, запущенный в сонную тьму. Сделалось заметно светлее, и вдруг — о чудо! — отряд прошел через другую, широкую дверь с высокой аркой. Перед воинами, круто спускаясь вниз, открылась дорога между крутыми утесами, чьи острые края

виднелись высоко вверху на фоне неба. Таким глубоким и тесным было это ущелье, что небо отсюда выглядело темным и усеянным маленькими звездами. Но, как потом узнал Гимли, оставалось еще два часа до захода солнца того дня, когда они выступили из Данхэрроу.

Всадники вновь сели верхом, и Гимли вернулся к Леголасу. Ехали цепочкой. Наступил вечер, сгустился голубой сумрак, страх продолжал преследовать их. Леголас обернулся, чтобы сказать что-то Гимли, и гном увидел яркий блеск в глазах эльфа. За ними, замыкая цепочку, ехал Эльладан.

— Мертвецы идут за нами! — выдохнул Леголас. — Я вижу силуэты людей и лошадей, бледные, как клочья тумана; знамена и копья, как зимние заросли в туманную ночь. Мертвецы идут за нами!

— Да, мертвецы окружают нас. Они откликнулись на зов, — произнес Эльладан.

Отряд внезапно, как из пролома в стене, вышел из ущелья: перед всадниками лежала высокогорная равнина, с холодным шумом множества водопадов. Посреди равнины бежал ручей.

— В какой части Средиземья мы находимся? — спросил Гимли.

И Эльладан ответил:

— Мы у истоков Мортонда, длинной холодной реки, которая впадает в море, омывающее стены Дол-Амрота. Люди называют эти холмы Черный Корень.

На юге долина Мортонда глубоко вдавалась в горы. Ее крутые склоны поросли травой, но в этот час все было серым, потому что солнце зашло, и далеко внизу мигали огоньки в домах людей. Долина была богатой и густо населенной.

Не оборачиваясь, Арагорн громко, чтобы все слышали, воскликнул:

— Друзья, забудьте усталость! Вперед! Мы должны прибыть к Камню Эреха до конца этого дня, а путь еще долог.

И они, не оглядываясь, ехали, пока не добрались до моста через ручей, за которым дорога уходила вниз.

Огни в домах гасли, двери закрывались при их приближении, люди разбегались с криками ужаса, как преследуемая охотниками дичь. Из темноты доносились крики:

— Король Мертвых! Король Мертвых идет на нас!

Далеко внизу звонили колокола, и все бежали с приближением Арагорна. Но Серый Отряд

мчался без остановок, пока лошади не начали спотыкаться от усталости. И в полночной тьме, непроглядной, как тьма горной пещеры, они приблизились к холму Эреха.

Издревле ужас смерти лежал на этом холме и на окружающих его полях. На вершине холма стоял черный камень, круглый, как шар, и высотой в рост человека, хотя наполовину он был погружен в землю. Происхождение камня казалось неземным: он словно упал с неба, во что и верили некоторые. Но те, кто сохранил в памяти сказания Запада, говорили, что камень принесен из руин Нуменора и установлен здесь Исилдуром. Никто из жителей долины не осмеливался приблизиться к нему. Говорили, что это место встречи призраков, что во времена страха они толпами собираются вокруг камня и о чем-то перешептываются.

Подъехав к этому камню, отряд остановился в кромешной ночной тьме. Эльрохир передал Арагорну серебряный рог, и тот протрубил в него. Стоявшим рядом показалось, что они слышат ответный сигнал, будто эхо из далекой пещеры. Больше не было слышно ничего, но все были уверены, что огромное войско собралось вокруг холма, на котором они стоят. Холодный, как ды-

хание призраков, ветер долетал сюда с горных вершин. Арагорн спешился и, стоя у камня, громко крикнул:

— Нарушители клятвы, зачем вы пришли?

И далекий голос ответил из тьмы:

— Выполнить клятву и обрести покой!

Тогда Арагорн сказал:

— Час пробил. Я отправляюсь к Пеларгиру, что на Андуине, и вы пойдете за мной. И когда вся эта земля будет очищена от слуг Саурона, я, Элессар, потомок Исилдура Гондорского, признаю, что клятва выполнена, и вы получите покой и удалитесь навсегда.

Он велел Халбараду развязать большое знамя, что принес он с собой, и вот — оно оказалось черным, и если даже были на нем какие-нибудь знаки, они скрывались в темноте. И наступила такая тишина, что ни шепота, ни иного звука не раздалось до конца долгой ночи. Отряд разместился возле камня, но спали мало, ибо ужас присутствия мертвецов заполнял всё вокруг.

Когда наступил рассвет, холодный и бледный, — Арагорн немедленно встал и повел отряд дальше в поход, стремительный и тяжелый. Лишь воля их предводителя заставляла людей двигаться вперед. Никто из смертных не выдержал бы

такого путешествия, кроме дунаданов с Севера, а с ними гнома Гимли и эльфа Леголаса.

Они миновали горловину Тарланг и прибыли в Ламедон, а призрачное войско передвигалось за ними, и страх обгонял их. Пришли к Калембелу на Кириле, и кроваво-красное солнце закатилось за Пиннат-Гелин далеко впереди. Поселок и броды Кирила они обнаружили опустевшими, потому что многие мужчины были на войне, а все, кто остался, бежали в горы, услышав о приближении Короля Мертвых. Следующий день наступил, но рассвета не было, и Серый Отряд двинулся во тьму налетевшей из Мордора бури и скрылся от взора смертных. И мертвецы неотступно шли следом.

Глава III

Сбор Рохана

Все дороги вели теперь на Восток, навстречу войне и наступающей Тени. И в то время, когда Пиппин стоял у больших ворот Города и следил за приближением принца Дол-Амрота с его отрядом, король Рохана спускался с гор.

День убывал. В последних лучах солнца длинные и острые тени бежали впереди всадников. Тьма уже вползла под шорох лиственниц, стоявших на крутых горных склонах. Король к концу дня ехал медленно. Вскоре тропа обогнула крутую голую скалу и углубилась в полумрак тихо вздыхающих деревьев. Отряд двигался вниз длинной извивающейся цепочкой. Когда спустились на дно глубокого ущелья, обнаружили, что уже наступил вечер: солнце закатилось, сумерки легли на водопады.

Весь день перед всадниками бежал горный ручей, пробивая себе путь вниз среди поросших соснами скал. Теперь, вырвавшись из каменных ворот, он устремился в широкую долину. Всадники поспешили за ним, и вот впереди развернулась

Хэрроудейл, наполненная шумом воды. Здесь белая Сноуборн соединилась с другими потоками и бежала, пенясь вокруг камней, вниз к Эдорасу, к зеленым холмам и долинам. Справа, на краю большой долины, вздымался могучий Старкхорн, укутанный облаком, но его неровная вершина, одетая вечными снегами, сияла высоко над Миром, затененная синим с востока и окрашенная закатным пурпуром с запада.

Мерри с удивлением глядел на неведомую страну, о которой слышал так много историй во время своего долгого пути. Это был лишенный неба мир, в котором сквозь туманный воздух глазам открывались лишь склоны, большие каменные стены за другими стенами и хмурые пропасти, наполненные клубами тумана. Хоббит сидел в полудреме, слушая шум воды, шепот темных деревьев, треск камня и тишину, покрывающую все звуки. Мерри любил горы, вернее, любил их образ, проходящий через все рассказы о дальних краях; но теперь он был угнетен невыносимой тяжестью Средиземья. Он хотел бы закрыться от этой безбрежности в какой-нибудь маленькой комнате с камельком.

Он очень устал, потому что двигались хотя и не быстро, но почти без остановок. Три дня час

за часом прыгал он вверх и вниз по тропам, по длинным спускам, через множество ручьев. Там, где тропа становилась шире, он ехал подле короля, не замечая, как улыбаются всадники, завидев их рядом: хоббита на маленьком сером косматом пони и повелителя Рохана на великолепном белом коне. Они с Теоденом беседовали: хоббит рассказывал ему о своем доме и о жизни народа в Шире или, в свою очередь, слушал рассказы о Марке и ее былых могучих воинах. Но большую часть времени, особенно в последний день, он просто ехал за королем, ни слова не говоря и стараясь понять неторопливую звучную речь Рохана, которую использовали люди вокруг него. В этом языке было много знакомых ему слов, но произносились они не так, как в Шире. Он не мог повторить эти слова. Временами кто-нибудь из всадников начинал петь, и Мерри чувствовал, как сжимается у него сердце, хотя и не понимал, о чем поется в песне.

При всем при том ему было одиноко, особенно сейчас, под вечер. Мерри гадал, где в этой чужой земле может находиться Пиппин и что стало с Арагорном, Леголасом и Гимли. Затем внезапно, как холодное прикосновение к сердцу, пришла к нему мысль о Фродо и Сэме.

— Я забыл о них! — вслух с раскаянием сказал он. — А ведь они важнее нас всех вместе взятых. И я пришел сюда, чтобы помогать им. Но теперь они в сотнях миль отсюда, если вообще живы. — Мерри поежился.

— Ну, вот и Хэрроудейл! — возвестил Эомер. — Наше путешествие почти окончено.

Они остановились. Тропа, выбежав из узкого ущелья, круто уходила под гору. Внизу, лишь слабым проблеском, как сквозь высокое окно, виднелась большая долина и одинокий огонек мерцал у Реки.

— Это путешествие, может, и окончено, — сказал Теоден, — но путь нам еще предстоит долгий. Прошлой ночью было полнолуние, и утром я должен скакать в Эдорас на сбор Марки.

— Но если вы примете мой совет, — тихо сказал Эомер, — вы затем вернетесь сюда и дождетесь конца войны.

Теоден улыбнулся:

— Нет, сын мой — ибо отныне я так буду называть вас, — не шепчите в мои старые уши слов Змеиного Языка! — Он выпрямился и оглянулся на длинную линию всадников, исчезающую сзади в сумерках. — Долгие годы, кажется, минули с тех пор, как я был на Западе. Но никогда

впредь не стану я опираться на посох. Если война будет проиграна, зачем мне скрываться в холмах? А если мы победим, какая печаль в том, что погибну, истратив свои последние силы? Но хватит об этом. Нынешнюю ночь мы проведем в крепости Данхэрроу. Нам остался один мирный вечер. Едем!

В сгущающихся сумерках они спустились в долину. Здесь Сноуборн протекала вблизи западного склона, и вскоре тропа привела их к броду, где неглубокий поток громко журчал по камням. Брод охранялся. Когда король приблизился, множество людей вышло из тени скал. Узнав короля, они радостно закричали:

— Король Теоден! Король Теоден! Вернулся король Марки!

Один из них протяжно протрубил в рог. В долине раскатилось эхо. Другие рога протрубили в ответ, и на той стороне Реки вспыхнули огни.

И вдруг откуда-то сверху звонкие трубы пропели великолепным хором, родившимся в невидимой пустоте, что собрала множество голосов в один и отпустила его катиться, ударяясь о каменные стены.

Так король Марки победоносно возвращался с Запада в Данхэрроу у подножия Белых Гор. Здесь

он нашел оставшиеся силы своего народа уже собранными, и, как только стало известно о его прибытии, капитаны выехали ему навстречу к броду с посланиями от Гэндалфа. Дуинхир, вождь народа Хэрроудейла, был у них во главе.

— На рассвете три дня назад, мой повелитель, — сказал он, — Обгоняющий Тень примчался, как ветер, с запада в Эдорас и Гэндалф принес известие о вашей победе, наполнившее наши сердца радостью. Но он также принес и ваш приказ спешно собирать всадников. А затем появилась Крылатая Тень.

— Крылатая Тень? — повторил Теоден. — Мы тоже видели ее, но это было глубокой ночью, перед тем как уехал Гэндалф.

— Может быть, повелитель, — сказал Дуинхир. — Та же самая или другая, похожая на нее, летучая темень в форме чудовищной птицы пронеслась утром над Эдорасом, и все люди были охвачены ужасом. Она снизилась над Медусельдом и, когда летела низко, чуть не задела коньки крыши, — раздался крик, едва не остановивший наши сердца. Тогда-то Гэндалф и посоветовал нам не собираться в поле, а встретить вас в долине у гор. И он просил нас без крайней необходимости не зажигать огня и не разводить костров. Так мы и

поступили: Гэндалф говорил очень решительно. Мы поверили, что таково ваше желание. В Хэрроудейл эти злые существа не появлялись.

— Хорошо, — сказал Теоден. — Я поеду в Холд и, прежде чем отдыхать, встречусь с маршалами и капитанами. Пусть они явятся ко мне как можно скорее!

Дорога теперь вела на восток прямо через долину, которая в этом месте была шириной более полумили. Луга, заросшие высокой травой, серой в наступающей ночи, лежали вокруг, но впереди, на дальнем краю долины, Мерри увидел скалу — последний отрог Старкхорна, пробитый Рекой в далеком прошлом.

По всей равнине было великое скопление людей. Некоторые толпились вдоль дороги, приветствуя короля и всадников радостными криками; а позади них вдалеке стояли ровными рядами навесы и палатки, и линии верховых разъездов, и груды вооружения, ощетинившиеся копьями, похожими на заросли молодых саженцев. Однако теперь весь большой сбор был погружен в темноту. И, несмотря на холодный ночной ветер, прилетавший с горных вершин, не горело ни одного костра, ни одного огонька. Плотно закутанные часовые ходили взад и вперед.

Мерри задумался о том, сколько же здесь всадников. В темноте он не мог сосчитать, но ему показалось, что собралась великая армия, многотысячная. Пока он оглядывался по сторонам, королевский отряд приблизился к утесу в восточной части долины; отсюда дорога пошла в гору, и Мерри с любопытством посмотрел вверх. Он находился на дороге, каких никогда прежде не видывал. Она была сделана руками людей настолько древних времен, что от них даже песен не сохранилось. Дорога шла вверх, извиваясь, как змея, по крутому склону утеса. Словно крутая винтовая лестница, поднималась она, петляя, скрываясь за ним и появляясь вновь. По ней можно было подняться на лошади и медленно проехать на телеге. Но если дорогу защищали сверху, враг не мог пройти этим путем, разве что по воздуху.

На каждом повороте дороги стояли высеченные из камня человекоподобные истуканы: громадные и неуклюжие, они сидели, скрестив ноги и сложив на толстых животах короткие мощные руки. Некоторые с течением времени утратили все черты, остались одни глаза — черные дыры, уныло вытаращенные на проходящих мимо. Всадники не обращали на них внимания. Они

называли их пюкелменами и едва удостаивали беглого взгляда: ни силы, ни ужаса в них уже не осталось. Но Мерри смотрел на истуканов с изумлением, испытывая почти жалость во время этого траурного восхождения в сумерках.

Спустя некоторое время они поднялись уже на несколько сотен футов над долиной, но далеко внизу по-прежнему смутно виднелась длинная цепочка всадников, пересекавших брод и направлявшихся в приготовленный для них лагерь. Только король и его охрана поднимались на Холд.

Наконец отряд короля приблизился к обрыву, и тропа углубилась в расщелину. После короткого перехода открылось широкое высокогорье — зеленый горный луг над Сноуборн. Люди называли его Фириенфилд. На юге от него возвышался Старкхорн, на север уходила зубчатая гряда Айренсаги, а между ними, там, куда устремились взоры всадников, стояла мрачная черная стена Двиморберга, Горы Призраков. Разделяя высокогорье, двойная линия бесформенных камней уходила вдаль, истаивая в сумраке и теряясь в деревьях. Осмелившийся пойти этой дорогой вскоре достигал черного Димхолта под Двиморбергом, и угрозы каменного столпа, и

разверзшегося мрака запретной двери.

Таков был темный Данхэрроу, творение давно забытых людей. Имя их племени было утрачено, и ни в одной песне, ни в одной легенде не сохранилось упоминаний о них. Никто не мог сказать, с какой целью соорудили они это место: как тайное укрытие или же как могилу своих королей. Здесь работали они в темные годы, задолго до основания Гондора. Теперь они исчезли, и остались лишь старые пюкелмены, сидящие на поворотах дороги.

Мерри уставился на эти линии маршрующих камней: они были истерты и черны; некоторые покосились, другие были повержены, покрыты трещинами, разбиты; они выглядели как ряды старых и скудных зубов. Он пытался вообразить, чем они могут быть в действительности, и надеялся, что король не пойдет вслед за ними в потустороннюю тьму. Потом он приметил по обе стороны обставленного камнями пути группы навесов и палаток, но они были разбиты не ближе к деревьям, а, напротив, прижимались к краю обрывистого утеса. Больше их насчитывалось справа, где Фириенфилд был просторнее; а слева располагался лагерь поменьше, с высоким шатром по центру. Отсюда и выехал навстречу им

всадник, и они свернули с дороги.

Когда он приблизился, Мерри увидел, что всадник — женщина с длинными вьющимися волосами, сверкавшими в темноте. Женщина была одета как воин и вооружена мечом.

— Привет, повелитель Марки! — воскликнула она. — Мое сердце радуется вашему возвращению.

— Приветствую тебя, Эовин, — ответил Теоден, — всё ли в порядке?

— Все хорошо, — сказала она, но Мерри показалось, что голос противоречит ей. Он бы даже решил, что она недавно плакала, если бы мог представить слезы на таком строгом лице. — Все хорошо. Утомительная дорога ждала людей, и трудно было увести их из домов. Раздавались недовольные голоса: слишком давно война не отрывала людей от полей. Но до злых дел не дошло. Теперь всё в порядке, как видите. Покои приготовлены: час вашего прибытия был загодя мне известен.

— Значит, Арагорн сюда приходил, — заключил Эомер. — А может, он все еще здесь?

— Нет, он ушел, — сказала Эовин, отворачиваясь и окидывая взглядом горы, темнеющие на юге и на востоке.

— Куда он направился? — спросил Эомер.

— Не знаю, — ответила она. — Он прибыл вечером и уехал вчера утром до того, как взошло солнце. Он уехал.

— Ты опечалена, дочка, — заметил Теоден. — Что случилось? Скажи мне, он говорил об этой дороге? — Король указал на линию камней, уходящих к Двиморбергу. — О Тропах Смерти?

— Да, повелитель, — сказала Эовин. — И он ушел в тень, откуда никто не возвращается. Я не сумела переубедить его. Он ушел.

— Стало быть, наши пути разошлись, — сказал Эомер. — Он пропал. Мы должны ехать без него, и надежда наша теперь еще слабее.

Медленно проехали они через невысокие заросли вереска, больше не разговаривая, пока не приблизились к королевскому шатру. Мерри увидел, что все готово и что не забыли и про него. Рядом с королевскими покоями была установлена маленькая палатка. Здесь он сидел в одиночестве, пока люди сновали, совещаясь с королем и выполняя его приказы. Наступила ночь, вершины гор на западе увенчались звездами, но восток был черен и мрачен. Строй камней терялся из виду, но за ними, чернее ночи, возвышалась огромная тень Двиморберга.

— Тропы Смерти, — пробормотал про себя Мерри. — Тропы Смерти? Что все это значит? И все они покинули меня. Все ушли навстречу судьбе: Гэндалф и Пиппин — воевать на Востоке, Сэм и Фродо — в Мордор, Скороход с Леголасом и Гимли — по Тропам Смерти. Но, я думаю, скоро придет и наша очередь. Интересно, о чем они говорят и что собирается предпринять король? Ведь отныне куда он, туда и я.

Лишь теперь он вспомнил, что очень проголодался, и отправился посмотреть, не испытывает ли в лагере кто-нибудь того же самого. Но в эту секунду пропела труба, и его пригласили к королевскому столу.

Внутри павильона часть пространства была отделена занавесями и устлана шкурами. Здесь стоял небольшой стол, за ним сидели Теоден, Эомер, Эовин и Дуинхир, вождь Хэрроудейла. Мерри остановился возле короля и ждал. Старый король, очнувшись от глубокой задумчивости, заметил его и улыбнулся.

— Мастер Мериадок, — сказал он, — вы не должны стоять: пока я в своей земле, вы должны сидеть рядом со мной и веселить мое сердце рассказами.

Слева от короля для хоббита было оставлено

место, но никто не вспоминал о рассказах. Большую часть времени ели и пили в молчании, пока наконец, набравшись храбрости, Мерри не задал мучивший его вопрос:

— Дважды, повелитель, слышал я о Тропах Смерти, — сказал он. — Скажите, что это такое? И где Скороход — я имею в виду Арагорна, — куда он ушел?

Король вздохнул. Все молчали. Наконец заговорил Эомер.

— Мы не знаем, и на сердце у нас тяжело, — сказал он. — Что же касается Троп Смерти, то вы сами их видели. Нет, я не произнесу ни слова о дурных предзнаменованиях! Дорога, на которой мы попрощались, ведет к двери, там, в Димхолте. Но никто не знает, что лежит за дверью.

— Никто из ныне живущих, — сказал Теоден, — но в старых легендах, которые теперь вспоминают редко, кое-что говорится об этом. Если легенды, дошедшие до нас от первых сыновей Эорла, не лгут, то за дверью под Двиморбергом тайный путь под горами ведет к какому-то забытому холму. Но никто не осмеливается пройти по нему с тех пор, как Балдор, сын Брего, вошел в дверь и не вернулся. На пиру, который давал Брего, освящая завершение постройки Меду-

сельда, Балдор, выпив полный рог, произнес необдуманные слова похвальбы — и никогда больше не вернулся к высокому старцу, чьим наследником он был. Говорят, мертвецы Белых Гор охраняют путь и не позволяют живым ступать по нему. Иногда они выходят из двери, как тени, и спускаются по каменной дороге. И тогда люди в Хэрроудейле плотнее закрывают двери и окна и замирают от страха. Но мертвые выходят лишь изредка, во времена больших испытаний и наступающей погибели.

— Но в Хэрроудейле говорят, — тихо сказала Эовин, — что совсем недавно в безлунную ночь прошло большое войско теней. Откуда оно — никто не знает. Оно поднялось по каменной дороге и исчезло в горе, словно спешило к месту встречи.

— Тогда зачем Арагорн пошел этим путем? — спросил Мерри. — Вы знаете какое-нибудь объяснение?

— Никто в мире живых не знает его цели, если только он не говорит о ней сам, по-дружески, — пояснил Эомер.

— Он сильно изменился с тех пор, как я его впервые видела в королевском доме, — поведала Эовин. — Он стал угрюмым и постарел, мне он показался обреченным на смерть.

— Может, он и обречен, — задумчиво сказал Теоден, — и мое сердце говорит мне, что я никогда больше не увижу его. Но он благородный человек высоких достоинств. Утешься этим, дочка, ведь ты, как мне кажется, горюешь из-за нашего гостя. Говорят, когда Эорлинги с Севера прошли вдоль Сноуборн в поисках убежища, Брего и сын его Балдор поднялись по лестнице на холм и пришли к двери. На пороге сидел старик, такой древний, что возраст его невозможно было определить. Некогда был он высок и могуч, но теперь напоминал замшелый камень. Они сперва и приняли его за камень, потому что он не двигался и не говорил ни слова, пока они не прошли мимо, намереваясь войти в дверь. Тогда раздался голос, будто бы выходивший из-под земли. К их удивлению, он говорил на западном языке. «Путь закрыт», — сказал он. Они остановились, посмотрели на него и поняли, что он жив, но не смотрит на них. «Путь закрыт, — повторил его голос. — Он проложен мертвыми, и мертвые охраняют его до тех пор, пока не пробьет час. Путь закрыт». «И когда же пробьет час?» — спросил Балдор. Но не получил ответа, потому что старик умер и повалился лицом вниз. И больше ничего о древних жителях этих мест наш народ не узнал. Но, может, давно

предсказанный час пробил, и Арагорн сумеет пройти.

— Но каким способом человек может проверить, пробил ли час? Только осмелившись ступить за дверь, — сказал Эомер. — Я не пошел бы этим путем, даже если бы все войско Мордора стояло передо мной, а я был бы один и не имел другого убежища. Как жаль, что такая судьба выпала могучему человеку, необходимому нам! Разве мало зла на земле, чтобы искать его под землей? Тем более во время войны. — Он умолк, и в тот же миг снаружи донесся шум: кто-то выкрикивал имя Теодена.

Капитан королевской гвардии отодвинул полог.

— Вестник Гондора, повелитель, желает немедленно предстать перед вами.

— Пусть войдет! — сказал Теоден.

Вошел высокий человек, и Мерри с трудом сдержал крик: ему показалось, что воскрес Боромир. Потом он увидел, что это не так: человек был ему незнаком, хотя так похож на Боромира, что можно было принять их за родственников. Подобно Боромиру, был он высок, сероглаз и горделив. Поверх его кольчуги был накинут темно-зеленый плащ, на шлеме впереди сияла маленькая сереб-

ряная звезда. В руке он держал стрелу с черным оперением и стальным наконечником, окрашенным в красный цвет.

Он опустился на одно колено и протянул стрелу Теодену.

— Привет повелителю рохирримов, другу Гондора! — произнес он. — Я Хиргон, вестник Денетора, и принес вам знак войны. Гондор в большой опасности. Часто рохирримы помогали нам, но на этот раз повелителю Денетору нужны все ваши силы, и как можно быстрее — иначе Гондор погибнет.

— Красная стрела! — проговорил Теоден как человек, давно ожидавший вызова и в то же время боявшийся его. — За всю мою жизнь в Марке не видели красной стрелы! Неужели пришло время? И каковы же представления повелителя Денетора о числе и стремительности моих сил?

— Это лучше известно вам, повелитель, — ответил Хиргон. — Но Минас-Тирит может быть окружен, и, если у вас недостанет сил, чтобы разбить осадившие его силы, мой повелитель Денетор просил меня сказать, что сильные руки рохирримов скорее нужны внутри его стен, чем снаружи.

— Но он знает, что мы сражаемся верхом и в

открытых местах, что мы живем разбросанно и нужно время для сбора наших всадников. Правда ли, Хиргон, что повелитель Минас-Тирита знает больше, чем сообщил в своем послании? Ведь мы тоже воюем, как вы могли видеть, и вы не застали нас врасплох. Гэндалф Серый был среди нас, и даже теперь мы готовы к битве на Востоке.

— Что знает или о чем догадывается повелитель Денетор — я не могу сказать, — ответил Хиргон. — Но наше положение отчаянно. Мой повелитель не посылает никаких приказов, он только просит вспомнить старую дружбу и давно принесенные клятвы и для вашего же блага сделать все, что сможете. Нам сообщили, что многие короли прибыли с Востока, чтобы служить Мордору. На Севере, на поле Дагорлад, смятение и толки о войне. С Юга надвигаются харадримы, и все побережье охвачено страхом, так что мало помощи пришло к нам оттуда. Торопитесь! Ибо у стен Минас-Тирита решается судьба нашего времени, и если наводнение не будет остановлено там, оно зальет прекрасные равнины Рохана, и даже в этой крепости среди гор не будет спасения.

— Плохие вести, — согласился Теоден. — Но ничего неожиданного. Передайте Денетору, что, даже если бы Рохану самому угрожала опасность,

мы все равно пришли бы на помощь. Но мы понесли большие потери в битвах с изменником Саруманом и должны также думать о защите своих границ на севере и востоке, что ясно и из его послания. Такая сила, которой теперь обладает Темный Лорд, может одновременно связать наши войска в битве под стенами города и нанести мощный удар, перейдя через Реку за Королевскими Вратами. Но мы не станем говорить о благоразумии. Мы придем. Общий сбор назначен на завтра. Приведя все в порядок, мы выступим. Десять тысяч копий мог бы послать я на нашего врага. Однако боюсь, их будет меньше: я не могу оставить свои крепости без охраны. Но как минимум шесть тысяч выйдут со мной. И передайте Денетору, что на этот раз сам король Марки прибудет на землю Гондора, хотя, вероятно, ему и не суждено оттуда вернуться. Дорога длинная, а люди и лошади должны к концу ее сохранить силы для битвы. И с завтрашнего утра пройдет не меньше недели, прежде чем вы услышите крик сынов Эорла, идущих с Севера.

— Неделя! — воскликнул Хиргон. — Пусть будет так, если невозможно иначе. Но через семь дней вы можете найти лишь развалины, если к нам не подойдет какая-нибудь другая помощь. И даже

в этом случае вы, по крайней мере, помешаете оркам и темнокожим пировать в Белой Башне.

— В крайнем случае мы сделаем это, — сказал Теоден. — Но я сам только что прибыл с поля битвы и должен отдохнуть после долгого пути. Проведите здесь ночь. Утром вы увидите сбор Рохана и поедете обратно, приободрившись. Утро вечера мудренее, а ночь многое меняет. — С этими словами король поднялся, а за ним и все остальные. — Ступайте отдыхать, — сказал Теоден, — и спите хорошо. И вы, мастер Мериадок, сегодня мне уже не понадобитесь. Но будьте готовы к вызову, как только взойдет солнце.

— Буду готов, — сказал Мерри, — даже если вы велите мне ехать с вами по Тропам Смерти.

— Не говорите так — это дурная примета, — предупредил король. — Многие дороги могут заслужить это название. Но я не сказал, что попрошу вас ехать со мной. Доброй ночи!

— Я не хочу оставаться, не хочу ждать возвращения, — говорил Мерри. — Не хочу оставаться, не хочу. — Твердя это самому себе снова и снова, он наконец уснул в своей палатке.

— Проснитесь, проснитесь, мастер Холбитла! — воскликнул кто-то.

Мерри с трудом вырвался из сна и сел. Было

темно.

— В чем дело? — спросил он.

— Король зовет вас.

— Но солнце еще не взошло.

— Нет, и не взойдет сегодня, мастер Холбитла. Оно прячется за тучами. Но время не стоит на месте, хотя солнца и не видно. Торопитесь!

Накинув на себя одежду, Мерри выглянул наружу. Мир потемнел. Сам воздух казался коричневым, все вещи были черными или серыми; лишь на далеком западе, куда протягивал свои медные пальцы великий мрак, видны были еще проблески света. Над головой повисла тяжелая крыша, мрачная и бесформенная.

Мерри увидел множество людей, глядевших вверх и шептавших что-то. Лица их были бледны и печальны, некоторые испуганны. С тяжелым сердцем направился хоббит к королю. Перед королем стоял Хиргон, всадник Гондора, рядом с ним был другой человек, похожий на него и так же одетый, но меньше ростом и шире в плечах. Именно он разговаривал с королем, когда вошел Мерри.

— Это пришло из Мордора, повелитель, — говорил он. — Началось вчера на закате. На границах вашего королевства заметил я приближение

Тьмы, и всю ночь, пока скакал, она пожирала над моей головой звезды. И теперь огромная туча нависла над всей землей отсюда до Тенистых Гор. Тьма сгущается. Война началась.

Некоторое время король сидел молча, потом заговорил:

— Итак, мы подошли вплотную к главной битве нашего времени, в которой многое уйдет безвозвратно. Но, по крайней мере, больше нет необходимости скрываться. Мы поедем прямым путем по открытой дороге и как можно быстрее. Сбор начинается немедленно, мы не станем ждать задержавшихся. Много ли запасов в Минас-Тирите? Мы должны передвигаться стремительно и налегке, захватив с собой лишь немного воды и провизии.

— Наши запасы достаточно велики, — ответил Хиргон. — Вы можете отправляться немедленно.

— Тогда позовите герольдов, Эомер, — приказал Теоден. — Пусть всадники строятся походным порядком.

Эомер вышел, вскоре в Холде взревели трубы, и снизу им ответили другие, но эти звуки уже не казались Мерри чистыми и прекрасными, как вчера вечером: глухо, зловеще и хрипло раздавались они в тяжелом, неподвижном воздухе.

Король повернулся к Мерри.

— Я отправляюсь на войну, мастер Мериадок, — сказал он. — Скоро мы двинемся. Я освобождаю вас от службы мне, но не от моей дружбы. Вы останетесь здесь и, если пожелаете, можете служить леди Эовин. Она будет править народом Рохана в мое отсутствие.

— Но... но, повелитель! — задохнулся Мерри. — Я предложил вам свой меч. Я не хочу расставаться с вами, король Теоден. Все мои друзья будут участвовать в битве, и мне стыдно оставаться.

— Мы едем на высоких и быстрых лошадях, — пояснил Теоден, — и, хотя у вас мужественное сердце, вы не можете ехать на такой лошади.

— Так привяжите меня к лошадиной спине, подвесьте к уздечке или еще куда-нибудь, — чуть не плакал Мерри. — Бежать далеко, но я готов и на это, если не смогу ехать верхом, пускай прибегу на много недель позже.

Теоден улыбнулся.

— Да уж кажется, вы добежите скорее, чем если бы я вас повез на Снежной Гриве, — сказал он. — Ладно, можете поехать со мной до Эдораса и взглянуть на Медусельд. И туда вас понесет Стибба: большая скачка начнется, только когда мы достигнем равнины.

И тут поднялась Эовин.

— Идемте, Мериадок! — сказала она. — Я покажу приготовленные для вас доспехи.

Они вышли рука об руку.

— Об этом просил меня Арагорн, — призналась Эовин, когда они проходили между палатками. — Я обещала снарядить вас для битвы и сделала, что смогла. Ибо сердце мое подсказывает, что эти доспехи вам пригодятся.

Она провела Мерри к палатке в расположении королевской гвардии. Сюда оружейник принес маленький шлем, круглый щит и другие принадлежности.

— Мы не смогли подобрать для вас кольчугу, — сказала Эовин, — а времени на изготовление новой нет. Но здесь есть крепкий кожаный камзол, пояс и нож. Меч у вас тоже имеется.

Мерри поклонился, и леди протянула ему щит, похожий на щит Гимли, — с изображением белого коня.

— Возьмите все это, — сказала она, — и пусть сопутствует вам удача! Прощайте, мастер Мериадок! Надеюсь, мы еще встретимся.

Так, в сгущающейся тьме, король Марки готовился вести своих всадников на восток. В сердцах была тревога, и многие дрогнули под нависшей

Тенью. Но это был сильный народ, верный своему повелителю, и мало было слышно стенаний или плача, даже в Холде, где размещались беженцы из Эдораса: женщины, дети и старики. Судьба нависла над ними, и они безропотно смотрели ей в лицо.

Пролетели два быстрых часа, и вот король сел на свою сверкающую в полумраке белую лошадь. Он выглядел гордым и высоким, хотя из-под шлема его выбивались седые волосы. И многие приободрились от одного вида его стройной и непреклонной фигуры.

На широких полях у шумной Реки выстроились отряды — пять с половиной тысяч всадников в полном вооружении и много сотен других людей с запасными лошадьми. Пропела труба. Король поднял руку — и войско Марки двинулось. Впереди гарцевали двенадцать королевских гвардейцев, прославленных воинов. За ними — король с Эомером. Теоден попрощался с Эовин наверху, в Холде, и воспоминание об этом печалило его. Но теперь его мысли были заняты предстоящей дорогой. За ним на Стиббе ехал Мерри рядом с гондорским вестником, а дальше — еще двенадцать гвардейцев. Они проехали вниз мимо длинных рядов ожидающих людей со строгими

и неподвижными лицами. Когда приблизились к концу линии, один из них пристально поглядел на хоббита. Встретившись с ним взглядом, Мерри увидел, что это молодой человек, не такой высокий и крепкий, как большинство. Его ясные серые глаза сверкнули. Мерри подумалось, что перед ним лицо человека, лишенного надежды и ищущего смерти.

Отряд двигался по серой дороге вдоль Сноуборн, шумящей по камням, миновал деревушки Андерхэрроу и Анборн, где то и дело печальные женские лица глядели на всадников из темных дверных проемов. Так, без звуков рога или арфы, без музыки человеческих голосов, начался великий поход на Восток, о котором много поколений спустя сложили в Рохане песню:

Из потемневшего Данхэрроу хмурым утром

С таном и капитаном скачет Тенгела сын.

К Эдорасу едет, одетому мглою,

К правителей Марки древним чертогам,

Чьи балки златые закутаны в сумрак.

Простился с вольным своим народом,

С очагом и престолом, и святыми местами,

Где праздновал долго, покуда свет не померк.

Скачет вперед король, страх позади него,

Судьба впереди. Он держит данное слово;

Верен клятвам, выполнит он их все.

Скачет вперед Теоден. Пять дней и ночей

Скачут с ним обок Эорлинги на восток

Через Фолд и Фенмарч и Фириенвуд,

Шесть тысяч копий на Санлендинг,

На Мундберг могучий под Миндоллуином,

На город южных морских королей,

Осажденный врагами, окруженный огнем.

Судьба на них надвигается. Тьма обступает их,

Лошадь и всадника; разносится далеко

Звон копыт в тишине: так в песне по-

ется.

В сгущающейся, несмотря на полдень, тьме король прибыл в Эдорас. Здесь он ненадолго остановился и усилил свое войско тремя сотнями всадников, опоздавших на сбор. Но, подкрепившись, он захотел перед выступлением попрощаться со своим оруженосцем. Мерри в последний раз просил не оставлять его.

— Я говорил вам, что это путешествие не для Стиббы, — сказал Теоден. — И что вы станете делать, мастер Мериадок, на поле битвы, что ждет нас в Гондоре? Хотя вы и владеете мечом, а ваше сердце больше, чем может показаться, судя по вашему росту.

— Кто знает? — отозвался Мерри. — Почему вы не позволяете мне идти с вами, повелитель? Я не хочу, чтобы в песне пелось о том, как я отсиделся в тылу.

— Я оставляю вас ради вашей же безопасности и по необходимости, — ответил Теоден хоббиту. — Никто из моих всадников не сможет везти вас как ношу. Ваши деяния в битве у ворот вспомнят менестрели. Но до Мундберга, где повелителем Денетор, сто лиг. Больше мне нечего сказать.

Мерри поклонился, с несчастным видом отошел и окинул взглядом ряды всадников. Все

отряды готовились к выступлению: воины затягивали подпругу, осматривали седла и ласкали лошадей. Некоторые с тревогой посматривали на низкое небо.

Незаметно подошел всадник и тихо сказал хоббиту на ухо:

— Путь открывается там, где не ждешь. Так у нас говорят.

Мерри поднял голову и узнал молодого человека, замеченного им утром.

— Вы хотите отправиться туда, куда направляется повелитель Марки, — у вас на лице это написано, — добавил тот шепотом.

— Хочу, — подтвердил Мерри.

— Вы можете поехать со мной, — предложил всадник. — Я посажу вас перед собой и укрою плащом.

— Уж как я вам благодарен, — воскликнул Мерри, — как благодарен, сэр, хотя даже имени вашего не знаю!

— В самом деле не знаете? — тихо проговорил всадник. — Ну так зовите меня Дернхельмом.

Так вот и вышло, что, когда король пустился в путь, перед Дернхельмом сидел хоббит Мериадок, и большая серая кобыла Виндолфа почти не почувствовала тяжести: сам Дернхельм весил

меньше других всадников, зато отличался и большей гибкостью.

Ехали в сумерках. В ивовых зарослях на берегу Сноуборн, текущей к Энтвошу, в двенадцати лигах к востоку от Эдораса, разбили на ночь лагерь. Потом ехали через Фолд и через Фенмарч, где справа от них большие дубовые леса взбирались на темные холмы Халифириена у границ с Гондором, а слева в тумане лежали болота, питаемые устьем Энтвоша. И в пути до них дошел слух о войне на Севере. Люди, бегущие в страхе, сообщили о врагах, напавших на восточные границы, о полчищах орков, марширующих по пустынному нагорью Рохана.

— Вперед! Вперед! — кричал Эомер. — Слишком поздно поворачивать. Болота Энтвоша защитят наш фланг. Нужно торопиться. Вперед!

Так король Теоден вышел из своего королевства. Миля за милей убегала назад дорога, один за другим проплывали мимо холмы маяков: Каленхад, Мин-Риммон, Эрелас, Нардол. Но огни их были потушены. Все земли были серыми и недвижными, и Тьма впереди становилась все глубже, а надежда — слабее в каждом сердце.

Глава IV

Осада Гондора

Пиппина разбудил Гэндалф. В комнате горели свечи, поскольку в окна проникал лишь тусклый сумрак, и воздух был тяжелым, как с приближением грозы.

— Который час? — спросил Пиппин, зевая.

— Только что минул второй, — ответил Гэндалф. — Пора вставать и привести себя в приличный вид. Повелитель Города вызывает тебя, чтобы объяснить тебе твои обязанности.

— А он накормит меня завтраком?

— Нет, накормлю я. Вся провизия строго распределена.

Пиппин печально посмотрел на маленькую лепешку и, как подумал он про себя, гораздо меньший, чем следовало бы, кусочек масла, которые лежали на столе рядом с чашкой жидкого молока.

— И зачем вы только привезли меня сюда? — сказал он.

— Ты хорошо знаешь зачем, — ответил Гэндалф. — Подальше от греха. И если тебе тут не нравится,

пенять, кроме самого себя, тебе не на кого.

На это Пиппин не сказал ни слова. И после хранил молчание, пока они с Гэндалфом шли холодным коридором к дверям башни. В зале сидел опечаленный Денетор. Пиппин решил, что он напоминает старого терпеливого паука: похоже, со вчерашнего дня так и не двинулся с места. Денетор предложил Гэндалфу сесть, а Пиппин некоторое время оставался незамеченным. Наконец повелитель повернулся и к нему.

— Ну, мастер Перегрин, надеюсь, вы провели вчерашний день с пользой и в удовольствие. Хотя боюсь, что стол в этом городе скромнее, чем вам хотелось бы.

Пиппин испытал неприятное чувство: ему показалось, что большая часть сказанного и сделанного им каким-то образом стала известна повелителю Гондора. Он не ответил.

— Чем же вы станете заниматься у меня на службе?

— Я думал, сэр, что вы сами объясните мне мои обязанности.

— Объясню, когда определю, к чему вы пригодны, — сказал Денетор. — Но вероятно, это выяснится скорее, если стану держать вас при себе. Один из моих придворных эсквайров попро-

сил освободить его от службы, так что временно вы можете занять его место. Вы будете находиться возле меня, выполнять поручения, разговаривать со мной, если война и совещания дадут мне такую возможность. Вы умеете петь?

— Да, — ответил Пиппин. — Во всяком случае, достаточно для хоббита. Но у нас нет песен, пригодных для больших залов и трудных времен, повелитель. Мы редко поем о чем-нибудь более ужасном, чем ветер или дождь, и большая часть моих песен о таких вещах, которые заставляют нас смеяться. И, конечно, о еде и питье.

— И почему же такие песни не подходят к моим залам или к этим временам? Мы, так долго жившие вблизи Тени, разумеется, с радостью станем слушать эхо земель, не тронутых ею. Это наверняка позволит чувствовать, что наша доблесть не была напрасной, хотя за нее нас и не поблагодарят.

У Пиппина сжалось сердце. Его вовсе не радовала идея петь песни Шира повелителю Минас-Тирита, особенно шуточные, которые он знал лучше всего: они были уж слишком... ну... грубоватыми для такого случая. Однако на сей раз ему не приказали петь. Денетор повернулся к Гэндалфу, расспрашивая его о рохирримах, их по-

литике, о позиции Эомера, племянника короля. Пиппин удивлялся тому, как много знает повелитель о жизни людей, далеких от него, несмотря на то, что вот уже много лет никуда не выезжал.

Вскоре Денетор сделал знак Пиппину и отпустил его на время.

— Ступайте в арсенал цитадели, — распорядился он, — и получите там мундир и оружие гвардии Башни. Все должно быть готово. Вчера я отдал приказ. Полностью снарядившись, возвращайтесь!

Все было, как он сказал, и вскоре Пиппин облачился в необычные одежды черного цвета с серебром. Ему выдали кольчугу по росту, из стальных кованых колец, однако черную, словно гагат, и высокий шлем с маленькими крыльями и серебряной звездой. Поверх кольчуги надевался короткий черный камзол с серебряной вышивкой на груди — изображением дерева. Старую одежду у него отобрали, но разрешили взять серый плащ из Лориена, с условием не носить его, когда он на дежурстве. Он понял, что теперь действительно похож на Эрнила Ферианната, принца халфлингов, как называли его в Городе; но чувствовал себя неуверенно. Настроение продолжало портиться.

Весь день было темно и смутно. С бессолнечно-

го рассвета до вечера тяжелая тень непрерывно сгущалась, и все в Городе были угнетены. Далеко вверху большая туча, рожденная ветром войны, медленно, поглощая свет, двигалась на запад с Черной Земли. Под нею воздух был неподвижен, словно вся долина Андуина замерла в ожидании порыва разрушительной бури.

Около одиннадцати часов, на время освобожденный от службы, Пиппин отправился на поиски съестного, чтобы рассеять тяжелые мысли и сделать ожидание более сносным. В трапезной он вновь повстречал Берегонда, который только что прибыл из Пеленнора, где выполнял какое-то поручение. Вместе они направились к стене — Пиппин чувствовал себя как в тюрьме и задыхался в цитадели. Они опять сели у амбразуры, выходящей на восток, где ели и разговаривали накануне.

Был час заката, но на запад протянулась огромная пелена, и лишь когда она ушла наконец за море, солнце послало короткий прощальный луч — тот самый, что увидел Фродо, когда отблеск коснулся головы павшего короля на перекрестке дорог. Но на поля Пеленнора под тенью Миндоллуина свет не пробился — поля оставались бурыми и унылыми. Пиппину казалось, что с

тех пор, как он сидит здесь, прошел год, отделяющий полузабытые времена, когда он еще был хоббитом, легкомысленным путешественником, которого мало изменили пережитые опасности. Теперь он сделался маленьким солдатом города, готового отразить великий штурм, одетым в великолепный, но мрачноватый мундир Башни Стражи. В другое время и в другом месте Пиппину, может, и понравилось бы его новое положение, но теперь он знал, что принимает участие не в игре: он поклялся служить угрюмому господину в смертельной опасности. Он ощущал на своем теле тяжесть кольчуги и шлема. Плащ лежал рядом.

Пиппин отвел усталый взгляд от темных полей внизу, протяжно зевнул и вздохнул.

— Вы устали сегодня? — спросил Берегонд.

— Да, — ответил Пиппин, — очень. Устал от безделья и ожидания. И протер пятки у дверей в покои своего господина за долгие медленные часы, пока он совещался с Гэндалфом, принцем и другими важными персонами. Я не привык, мастер Берегонд, томиться от голода, когда другие едят. Это тяжелое испытание для хоббита. Несомненно, вы подумаете, что я недооцениваю оказанную мне честь. Но чего хорошего в этой

чести? Чего хорошего в еде и питье под этой наползающей тенью? Что она означает? Даже воздух кажется густым и бурым! У вас часто бывает такая тьма, когда дует восточный ветер?

— Нет, — отозвался Берегонд, — это не просто непогода. Это какое-то злое колдовство, какой-то черный дым, сваренный в недрах Огненной Горы и посланный Врагом, чтобы омрачать сердца и мысли. Хоть бы Фарамир поскорее вернулся! Уж он-то не дрогнул бы. Но кто знает, сумеет ли он теперь, во Тьме, перейти Реку?

— Да, — сказал Пиппин. — Гэндалф тоже беспокоится. Кажется, он был разочарован, не застав здесь Фарамира. А куда же Гэндалф теперь подевался? Он оставил совет у повелителя перед обедом и, похоже, ушел в плохом настроении. Возможно, у него есть какие-то дурные предчувствия.

Неожиданно они застыли, онемели, превратились как бы в два слушающих камня. Пиппин присел, прижимая руки к ушам, но Берегонд, который в это время выглядывал из укрепления, остался там, напряженно всматриваясь вдаль широко открытыми глазами. Пиппин узнал когда-то уже слышанный им крик: тот же раздавался и в Шире, но теперь сила и ненависть в этом вопле

возросли, пронзая сердце ядовитым отчаянием.

Наконец Берегонд с усилием заговорил:

— Они пришли! Наберитесь храбрости и поглядите! Что за свирепые твари там, внизу?

Пиппин неохотно сполз со своего места и выглянул через бойницу. Тусклый Пеленнор лежал перед ним, теряясь у едва различимой линии Великой Реки. Но теперь далеко внизу под собой хоббит заметил кружение пяти птицеподобных фигур, ужасных, как пожиратели падали, но размерами больше, чем орлы, и жестоких, как сама смерть. Вот они снизились, пролетев у стены на расстоянии выстрела из лука, повернули и улетели.

— Черные Всадники! — пробормотал Пиппин. — Черные Всадники в воздухе. Но смотрите, Берегонд! — воскликнул он. — Они кого-то ищут. Видите, как они кружат, как наклоняются вон к той точке? Что-то движется по земле. Маленькие темные фигурки. Да, люди на лошадях: четыре или пять. Ах, я не могу этого выдержать! Гэндалф! Гэндалф, на помощь!

Послышался еще один крик, и Пиппин отшатнулся от стены, дыша как загнанный зверек. Слабой и невероятно далекой после этого леденящего крика показалась ему музыка трубы,

завершившаяся высокой протяжной нотой.

— Фарамир! Лорд Фарамир! Это его сигнал! — воскликнул Берегонд. — Храброе сердце! Но как же он пробьется к воротам, если эти адские ястребы вооружены чем-нибудь, кроме страха? Смотрите! Люди отбиваются. Они рвутся к воротам! Нет, лошади понесли, сбросили их. Они бегут... Нет, один удержался в седле, но он возвращается к остальным. Это Фарамир! Его слушаются и люди, и лошади! Ах ты! Одно из этих страшилищ летит на него. На помощь! На помощь! Неужели никто не выйдет? Фарамир! — С этими словами Берегонд ринулся во тьму.

Стыдясь своего испуга — ведь Берегонд первым подумал о своем предводителе, которого он любил, — Пиппин вскочил, опять поглядел наружу и в тот же миг приметил серебристо-белую вспышку, несущуюся с севера, будто маленькая звезда, упавшая на мрачное поле. Сверкающая фигура двигалась со скоростью стрелы и все росла, стремительно приближаясь к четверке людей, бегущих к воротам. Пиппину показалось, что от нее распространяется бледный свет и расходятся тяжелые тучи; потом хоббит расслышал громкий голос.

— Гэндалф! Гэндалф! Он всегда появляется в

самую тяжелую минуту. Вперед! Вперед, Белый Всадник! Гэндалф! Гэндалф! — в восторге вопил Пиппин.

Мрачные летучие тени тоже заметили приближение противника. Одна из них повернула к нему. И Пиппину показалось, что Гэндалф поднял руку и из нее вверх ударил белый луч. Назгул протяжно взвыл и свернул в сторону. Остальные тоже повернули и, поднимаясь быстрой спиралью, помчались на восток и скрылись за низкими тучами. Мрак, нависший над Пеленнором, заметно поредел.

Пиппин видел, как встретились и остановились Гэндалф и всадник, поджидая остальных. Из города спешили люди. Вскоре все исчезли за внешней стеной. Пиппин понял, что они вошли в ворота. Решив, что они пойдут к наместнику, он кинулся в цитадель. Здесь к нему присоединились многие свидетели нападения, наблюдавшие за ним с высоких стен.

Вскоре с улицы, ведущей к внешним кругам, донесся шум: слышались приветственные возгласы, выкрикивали имена Фарамира и Митрандира. Пиппин увидел факелы. Сопровождаемые густой толпой, медленно двигались два всадника. Один — весь в белом, но он больше не сиял и казался

бледным в сумерках, словно истратил весь свой огонь. А второй, темный, ехал склонив голову. Они спешились и, когда их лошадей увели, направились к часовому у входа: Гэндалф — уверенно, отбросив свой серый плащ, в глазах его все еще пылало пламя; другой, одетый в зеленое, — медленно, пошатываясь, как смертельно уставший или раненый.

Пиппин протиснулся вперед и, увидев бледное лицо Фарамира, затаил дыхание. Это было лицо человека, испытавшего крайний ужас или боль, но поборовшего их и теперь спокойного. Гордо и серьезно говорил он с часовым, и Пиппин, всмотревшись внимательнее, увидел, как он похож на своего брата, Боромира, — Пиппину с самого начала понравился Боромир, с его огромной силой и горделивыми, но добродушными манерами. Однако тут в сердце Пиппина шевельнулось незнакомое ему чувство. Здесь стоял человек, отличающийся тем же благородством, что временами открывалось в Арагорне, — возможно, менее высоким, но все же высоким неизмеримо: один из людских королей, рожденных в позднее время, но отмеченных мудростью и печалью древней расы. Он понял, почему Берегонд произносил его имя с любовью: это был вождь, за

которым идут люди, идут даже под тень Черных Крыльев.

— Фарамир! — громко кричал он вместе с остальными. — Фарамир!

И Фарамир, уловив его непривычный голос среди общего гула голосов Города, повернулся и, увидев его, весьма удивился.

— Откуда вы? — спросил он. — Халфлинг, и в мундире Башни! Откуда...

Но тут к нему подошел Гэндалф и сказал:

— Он пришел со мной из земли халфлингов. Но не будем здесь задерживаться. Нам многое предстоит сказать и сделать, а вы устали. Он пойдет с нами. Он должен идти, если не забыл своих обязанностей. Пиппин, не отставай!

Наконец они прошли в покои повелителя Города. Здесь у жаровни с углями стояли глубокие кресла и приготовлено было вино. Пиппин, почти никем не замеченный, стоял за креслом Денетора и не чувствовал усталости — так напряженно он прислушивался к разговору.

Отщипнув кусочек белого хлеба и выпив глоток вина, Фарамир сел в низкое кресло слева от отца. С другой стороны немного в отдалении расположился Гэндалф. Казалось, он задремал. Фарамир сначала говорил только о поручении,

с которым был послан десять дней назад. Он принес новости об Итилиене и о продвижении Врага и его союзников. Он рассказал о схватке с людьми из Харада и их огромными животными. Капитан докладывал начальнику о своих делах, как это бывало и раньше: о пограничных стычках, которые теперь казались бесполезными.

Потом Фарамир неожиданно взглянул на Пиппина.

— Я подхожу к изложению удивительных событий, — сказал он. — Это не первый халфлинг, явившийся из северных легенд в южные края, которого я вижу.

При этих словах Гэндалф выпрямился и сжал подлокотники кресла, но ничего не сказал и взглядом остановил готового вскрикнуть Пиппина. Денетор взглянул на их лица и кивнул, как будто в знак того, что понял гораздо больше сказанного. Медленно, пока остальные сидели молча и неподвижно, Фарамир продолжил свой рассказ, глядя большей частью на Гэндалфа и изредка посматривая на Пиппина, как бы для того, чтобы оживить воспоминания о другом хоббите.

Когда его рассказ перешел от встречи с Фродо и его слугой к событиям в Хеннет-Аннуне, Пиппин увидел, что руки Гэндалфа, сжимающие резное

кресло, дрожат. Теперь они казались белыми и очень старыми, и, глядя на них, Пиппин с содроганием понял, что Гэндалф — сам Гэндалф! — встревожен, почти испуган. Воздух в комнате был душен и неподвижен. Наконец, когда Фарамир рассказывал о своем расставании с путешественниками и их решении идти к Кирит-Унголу, голос его дрогнул, он покачал головой и вздохнул. Гэндалф встрепенулся.

— Кирит-Унгол? Долина Моргула? — опросил он. — Время, Фарамир, время? Когда вы расстались с ними? Когда должны они достичь этой проклятой долины?

— Я расстался с ними утром два дня назад, — ответил Фарамир. — Оттуда до долины Моргулдуина пятнадцать лиг. Если они двинутся прямо на юг, окажутся еще в пяти лигах западнее проклятой башни. Они не могли прийти туда раньше, чем сегодня. Может, и теперь еще не пришли. Я понимаю, чего вы боитесь. Но Тьма не связана с ними. Она началась вчера вечером, и прошлой ночью весь Итилиен накрыло Тенью. И мне ясно, что Враг долго готовил нападение на нас и час нападения был назначен до того, как путники покинули наше убежище.

Гэндалф встал и прошелся по комнате.

— Утром, два дня назад, и оттуда три дня пути! Как далеко место, где вы расстались?

— Двадцать пять лиг по прямой, — ответил Фарамир. — Но я не мог прийти быстрее. Вчера вечером я лежал на Кайр-Андросе, длинном острове на Реке, который мы удерживаем. Лошади переправились на другой берег. Когда наступила Тьма, я понял, что нужно торопиться, поэтому поехал с тремя воинами. Свой отряд я отправил на юг, чтобы усилить гарнизон бродов Осгилиата. Надеюсь, я не сделал ничего дурного? — он взглянул на отца.

— Дурного? — воскликнул Денетор, и глаза его сверкнули. — Почему ты спрашиваешь? И люди были в твоем распоряжении. Или ты хочешь знать мое мнение о всех твоих делах? Не скоро же ты обратился ко мне за советом. Ты говорил искусно, как всегда, но разве я не видел, как ты заглядываешь в глаза Митрандиру, будто спрашивая, хорошо ли ты сказал и не сказал ли ты лишнего. Он давно уже захватил твое сердце. Твой отец стар, но еще не выжил из ума. Я вижу и слышу. И мало из того, что ты скрыл, о чем умолчал, неясно мне. Я знаю ответ на многие загадки. Увы, увы, Боромир!..

— Если то, что я сделал, вам не нравится, отец,

— спокойно сказал Фарамир, — то я хотел бы получить ваш совет до того, как принимать столь тяжелое решение.

— Разве твое решение изменилось бы от этого? — усмехнулся Денетор. — Я думаю, ты все равно поступил бы так же. Я хорошо знаю тебя. Ты желаешь быть таким же величественным, щедрым и добрым, как короли древности. Может, так и подобает человеку высокой расы во времена его могущества и мира, но в наши отчаянные дни великодушие может обернуться смертью.

— Пусть так, — сказал Фарамир.

— Пусть так! — воскликнул Денетор. — Но не только твоей смертью, Фарамир, но и смертью твоего отца и всего твоего народа, который ты теперь, после гибели Боромира, обязан защищать.

— Вы хотели бы, чтобы мы поменялись местами? — спросил Фарамир.

— Да, я хотел бы этого! — сказал Денетор. — Боромир был верен мне и не заглядывал в глаза колдунам. Он помнил бы о нуждах своего отца и не расточал бы того, что послала ему судьба. Он принес бы мне ее могучий дар.

На мгновение сдержанность изменила Фарамиру.

— Я прошу вспомнить, отец, почему я, а не он

оказался в Итилиене. Наши поручения были даны нам повелителем Города.

— Не добавляй горечи в мою чашу, — остановил его Денетор. — Разве не пил я ее много ночей? Если бы можно было все изменить! Тогда бы эта Вещь была моей!

— Успокойтесь! — сказал Гэндалф. — Боромир ни в коем случае не принес бы ее вам. Он умер, и умер достойно. Пусть покоится с миром. Он всего лишь протянул руку к Вещи, но если бы он получил ее, он бы тем более погиб. Он взял бы ее для себя, и вы не узнали бы сына по его возвращении.

Лицо Денетора сделалось твердым и холодным.

— Боромир оказался менее послушным, не так ли? — негромко спросил он. — Но я — тот, кто был его отцом, — говорю: он принес бы ее мне. Вы, может быть, и мудры, Митрандир, однако со всеми вашими тонкостями в вас еще не вся мудрость. Мудрость может найтись и не в сетях колдунов, и не в торопливости глупцов. В этом деле у меня больше знаний и мудрости, чем вы считаете.

— В чем же ваша мудрость? — спросил Гэндалф.

— Ее достаточно, чтобы проникнуть в дело, ко-

торое два глупца пытаются скрыть. Использовать Вещь опасно. Но в наше время отдать ее в руки безмозглых халфлингов и отправить в землю самого Врага, как сделали это вы и этот мой сын, — безумие.

— А что сделал бы повелитель Денетор?

— Уж во всяком случае, не отправил бы ее в глупой надежде, рискуя обречь разрушению Мир, туда, где Враг может найти то, что потерял. Нет, ее следовало спрятать, спрятать глубоко и надежно. Не использовать, говорю я, — разве только в одном крайнем случае, — но держать в недосягаемости для Врага. Только если его победа будет несомненна и то, что последует за ней, не будет уже тревожить нас, мертвых.

— Вы по привычке думаете только о Гондоре, повелитель, — сказал Гэндалф. — Но есть другие люди и другие жизни, и время не остановилось. Что касается меня, то я жалею даже его рабов.

— Где же станут другие люди искать помощи, когда Гондор падет? — спросил Денетор. — Если бы Вещь хранилась в глубоких подземельях моей цитадели, мы не дрожали бы тут от страха перед наступлением Тьмы. Если вы думаете, что я не выдержал бы испытания, вы плохо знаете меня.

— И все-таки я не верю вам, — сказал Гэндалф.

— Если бы верил, передал бы Вещь вам на хранение и избавил бы и себя и других от большой боли. А теперь, слушая ваши слова, я верю вам еще меньше, не больше, чем Боромиру. Нет, сдержите свой гнев! Я даже себе самому не доверяю в этом, я отказался от этой Вещи, даже когда ее добровольно передавали мне. Вы сильны и можете управлять собой, Денетор. Но если бы вы получили Вещь, она овладела бы вами. Даже если бы ее похоронили под Миндоллуином, она продолжала бы жечь ваш мозг во время наступления Тьмы, а ведь за нею грядут вещи и похуже.

Глаза Денетора молнией сверкнули в сторону Гэндалфа, и Пиппин вновь ощутил схватку могучих и властных. Теперь их взгляды показались ему клинками, что скрестились в ударе, рассыпая искры. Пиппин дрожал, опасаясь взрыва. Но Денетор внезапно овладел собой, лицо его вновь застыло. Он пожал плечами.

— Если бы... — проговорил он. — Что толку в словах теперь? Она ушла в Тень, и только время покажет, какая судьба уготована ей и нам. И ждать недолго. А в оставшиеся дни пускай все, кто борются с Врагом, держатся вместе и сохраняют надежду, и, даже если надежда иссякнет, можно будет по крайней мере умереть свободными.

— Он повернулся к Фарамиру: — Что ты думаешь о гарнизоне Осгилиата?

— Он недостаточно силен, — сказал Фарамир. — Я уже говорил, что послал свой отряд на его укрепление.

— Думаю, этого мало, — заметил Денетор, — ведь именно туда обрушится первый удар. Там нужен сильный капитан.

— И там, и повсюду, — сказал Фарамир и вздохнул. — Увы, нет моего брата, которого я так любил! — Он поднялся. — Разрешите, отец?

Он вдруг покачнулся и ухватился за кресло Денетора.

— Я вижу, ты устал, — сказал Денетор. — Ты ехал быстро и издалека. Мне говорили, что тебя преследовали злые существа с воздуха?.. Не будем об этом, — согласился Денетор, поняв жест Фарамира. — Иди отдыхать. Силы тебе еще понадобятся.

С разрешения повелителя Города все отправились отдыхать, пока была возможность. Когда Гэндалф и Пиппин с маленьким факелом в руках шли к себе, уже царила беззвездная тьма. Они молчали, пока не закрылась дверь у них за спиной. Тогда наконец Пиппин взял Гэндалфа за руку.

— Скажите мне, — попросил он, — есть ли надежда для Фродо?

Гэндалф положил руку на голову Пиппину.

— Надежда никогда не была особенно крепкой, — сказал он. — Безумная надежда, как я уже однажды говорил. А когда услышал о Кирит-Унголе... — Он умолк и уставился в окно, словно надеялся взглядом пронзить Тьму на Востоке. — Кирит-Унгол... — пробормотал он. — Почему именно этот путь? — Он повернулся. — У меня едва не остановилось сердце, Пиппин, когда я услышал это название. Но теперь мне кажется, что в рассказе Фарамира есть что-то обнадеживающее. Очевидно, Враг наконец начал войну и сделал первый ход, пока Фродо еще на свободе. Отныне в течение многих дней внимание Его будет устремлено сюда и, стало быть, оторвется от Его собственной земли. И однако, Пиппин, я издалека чувствую Его спешку и страх. Он начал раньше, чем собирался. Что-то подтолкнуло Его. — Гэндалф постоял в задумчивости. — Может быть, даже твоя глупость помогла, сын мой. Посмотрим: пять дней назад Он обнаружил, что мы низвергли Сарумана и взяли Его Камень. Ну и что? Мы не могли воспользоваться им, не могли смотреть в него так, чтобы Он не знал. А! Я

догадываюсь. Арагорн. Его время близится. И он могуч, Пиппин, он отважен, решителен и способен в случае необходимости на большой риск и на великие дела. Может быть, и так. Он вполне мог использовать Камень и показаться Врагу, бросить Ему вызов. Ну, ответа мы не узнаем, пока не прибудут всадники Рохана, если они придут не слишком поздно. Впереди у нас тяжелые дни. Спи, пока можно.

— Но... — начал было Пиппин.

— Но — что? Договаривай, только давай это будет последнее «но» на сегодняшний вечер.

— Голлум, — сказал Пиппин. — Как могли они идти с ним, больше того — идти за ним? И я видел, что Фарамиру то место, куда Голлум повел их, нравится не больше, чем вам. В чем же тут дело?

— Пока не могу ответить, — сказал Гэндалф. — Сердце мое предвещало, что Фродо и Голлум встретятся. К добру или к худу. Но о Кирит-Унголе я не стану говорить сегодня. Предательства, предательства я боюсь, измены этого жалкого существа. Но пусть будет так. Вспомним, что предатель может изменить себе и совершить доброе дело вопреки своим намерениям. Иногда бывает и так. Спокойной ночи!

Следующий день начался утром, словно за-

тянутым коричневой пылью, и сердца людей, немного приободрившихся с возвращением Фарамира, снова погасли. В этот день Крылатые Тени не появлялись, но время от времени высоко над городом раздавался слабый крик, и все, кто слышал его, застывали, пораженные ужасом. Менее стойкие дрожали и плакали. К тому же и Фарамир вновь покинул Город.

— Ему не дали даже отдохнуть, — ворчали некоторые. — Повелитель слишком жестоко обращается со своим сыном, и теперь ему приходится выполнять обязанности двоих — свои и того, кто уже не вернется.

И все поглядывали на север, спрашивая:

— Где же всадники Рохана?

Фарамир уехал и впрямь не по своей воле. Повелитель был главой городского Совета, созванного рано утром, и не склонен был прислушиваться к словам остальных. Все капитаны решили, что из-за угрозы на Юге их силы слишком малы, чтобы самим нанести удар, пока не прибудут всадники Рохана. До тех пор следует укрепить стены и ждать.

— Однако, — заявил Денетор, — мы не можем легко отказаться от внешней защиты, от Раммаса, укрепленного с таким трудом. И Враг должен

дорого заплатить за переход через Реку. Чтобы напасть на Город, Ему придется встать на этот путь. На севере, у Кайр-Андроса, мешают болота; на юге, у Лебеннина, Река слишком широка и требуется много лодок. Он ударит по Осгилиату, как в прошлый раз, когда Боромир остановил Его на переправе.

— Это будет лишь отсрочкой, — сказал Фарамир. — Сегодня мы можем заставить Врага понести вдесятеро большие потери, чем у нас, и все же пожалеть об этом. Потому что для Врага потеря целого войска не так страшна, как для нас — единственного отряда. А отступление тех, кто выйдет в поле, будет гибельным, если Враг все-таки переправит свои силы.

— А Кайр-Андрос? — спросил принц. — Его тоже нужно удерживать, если мы защитим Осгилиат. Не будем забывать об опасности слева. Рохирримы могут прийти, а могут и не прийти. Фарамир же сообщил нам об огромных силах, движущихся к Черным Воротам. Оттуда может выйти и ударить по нескольким проходам не одно войско.

— Мы многим рискуем в этой войне, — сказал Денетор. — В Кайр-Андросе есть свой гарнизон, и больше мы никого не можем послать туда. Но я не отдам Реку и Пеленнор без борьбы — не отдам,

если найдется здесь капитан, достаточно храбрый, чтобы выполнить волю своего повелителя.

Все молчали. Наконец Фарамир сказал:

— Я не противлюсь вашей воле, отец. Поскольку вы лишились Боромира, я пойду и как смогу заменю его, если вы прикажете.

— Я приказываю, — сказал Денетор.

— Тогда прощайте! Но если я вернусь, думайте обо мне лучше!

— Это зависит от того, с чем ты вернешься, — отрезал Денетор.

Гэндалф последним разговаривал с Фарамиром перед его отъездом.

— Не рискуйте жизнью в гневе или обиде. Вы еще понадобитесь здесь. Отец любит вас, Фарамир, и скоро вспомнит об этом. В добрый путь!

Так Фарамир снова отправился в путь, взяв с собой добровольцев и тех, кого смогли с ним отрядить. Со стен многие смотрели сквозь сумерки на разрушенный город, но там ничего не было видно. Другие по-прежнему устремляли взоры на север и считали лиги, отделяющие их от Теодена Роханского.

— Придет ли он? Вспомнит ли наш старый союз? — вопрошали они.

— Да, он придет, — успокаивал Гэндалф, — даже

если придет слишком поздно. Но подумайте! В лучшем случае он получил Красную Стрелу лишь два дня назад, а от нас до Эдораса долгие мили.

Ночью от брода прискакал человек и доложил, что большое войско вышло из Минас-Моргула и направляется к Осгилиату. К нему присоединяются отряды с Юга, свирепые верзилы харадримы.

— Мы узнали, — сказал гонец, — что войско вновь ведет Черный Капитан, и страх перед ним раньше него достиг Реки.

С этими предвещающими беду словами кончился третий день пребывания Пиппина в Минас-Тирите. Мало кто мог спать: ни у кого не оставалось надежды, что Фарамир сумеет удержать брод.

На следующий день Тьма сгустилась до предела. Она всей тяжестью навалилась на сердца людей, и многие были в ужасе. Снова поступили дурные вести. Брод через Андуин был захвачен Врагом. Фарамир отступил к стене Пеленнора, вновь собрав своих людей у ворот, но у противника было десятикратное численное превосходство.

— Если он сумеет пробиться через Пеленнор, враги станут преследовать его по пятам, — сказал вестник. — Переход обошелся им в немалую цену, но не так дорого, как мы надеялись. Их план

был тщательно разработан. Теперь ясно, что они втайне построили большую флотилию лодок и барж в восточном Осгилиате. Они кишели повсюду, как муравьи. Но мы отступили лишь из-за Черного Капитана. И мало кто может выстоять при одном известии о его приближении. Собственные солдаты дрожат перед ним и способны убить себя по его приказу.

— Тогда я там более необходим, чем здесь, — заявил Гэндалф и снова выехал из Города, и исходящее от него белое сияние скоро исчезло из виду.

Всю ночь Пиппин в одиночестве простоял на стене, глядя на восток.

Едва прозвучали колокола, возвестив начало дня, — звон их звучал насмешкой в беспросветной тьме, — как Пиппин увидел впереди, там, где стояли стены Пеленнора, тусклые огни. Часовой закричал — и все люди Города схватились за оружие. Время от времени видны были красные вспышки, и сквозь тяжелый воздух доносились глухие раскаты.

— Они взяли стену! — кричали люди. — Пробили в ней брешь! Они идут.

— Где Фарамир? — в отчаянии воскликнул Берегонд. — Не говорите, что он погиб!

Первые новости привез Гэндалф. С горстью всадников, сопровождавших в качестве охраны линию возов, он прискакал поздним утром. Возы были нагружены ранеными. Гэндалф немедленно отправился к Денетору. Повелитель Города находился в высоких покоях Белой Башни, с ним был Пиппин. Денетор пытался через тусклые окна разглядеть что-нибудь на севере, на юге и на востоке. Дольше всего смотрел он на север, прислушиваясь, будто какое-то древнее искусство давало ему возможность услышать топот копыт на далеких равнинах.

— Фарамир пришел? — спросил он.

— Нет, — ответил Гэндалф, — но он был жив, когда я уезжал. Он решил остаться с арьергардом, чтобы отступление через Пеленнор не превратилось в бегство. Возможно, он со своими людьми еще продержится какое-то время, но я сомневаюсь в этом. Он сражается со слишком сильным врагом. Пришел тот, кого я более всего опасался.

— Не... не Темный Лорд? — воскликнул Пиппин, в ужасе забыв о своем положении.

Денетор горько рассмеялся:

— Нет, пока еще нет, мастер Перегрин! Он придет лишь торжествовать надо мной, когда все будет кончено. Он использует других как свое

оружие. Так поступают все великие властители, если они мудры, мастер халфлинг. Иначе почему бы я сидел в своей башне, смотрел, размышлял и ждал, лишившись даже своих сыновей? Я ведь еще способен владеть мечом!

Он встал, отбросил длинный черный плащ, и вот — под плащом оказались кольчуга и пояс с длинным мечом в черно-серебряных ножнах!

— Так я ходил когда-то и так впервые за много лет спал, — сказал он, — хотя тело мое с годами утратило былые силу и стать.

— Однако теперь самый свирепый из капитанов Повелителя Барад-Дура захватил внешнюю стену, — заметил Гэндалф. — Король Древнего Ангмара, страшный колдун, Дух Кольца, Глава назгулов, Копье Ужаса в руке Саурона, Тень Отчаяния.

— Значит, Митрандир, вы встретили достойного противника, — сказал Денетор. — Мне-то давно известно, кто Главный Капитан войск Башни Тьмы. Вы явились, чтобы сказать это? Или отступили, потому что столкнулись с более грозной силой?

Пиппин замер, опасаясь гневной вспышки Гэндалфа, но опасения его оказались напрасными.

— Может быть, и так, — спокойно ответил Гэн-

далф, — но испытывать нашу силу еще не время. Если справедливы сказанные в древности слова, не от руки мужа он падет, и судьба, ожидающая его, скрыта от мудрых. Но все же Капитан Отчаяния не движется впереди. Скорее он действует, руководствуясь вашими словами, и, оставаясь в арьергарде, гонит перед собой своих рабов. Я же пришел охранять раненых, которых еще можно вылечить, — продолжал Гэндалф. — Брешь в стене Раммас широка, и войско Моргула скоро прорвется во многих участках. И вот еще для чего, главным образом, я пришел: скоро начнется битва на полях. Нужно приготовить вылазку, собрать всадников. В этом единственная наша надежда, только в этом Враг еще уступает нам: мало у него лошадей.

— И у нас их немного. Сейчас очень кстати было бы прибытие всадников Рохана, — сказал Денетор.

— Но скорее мы увидим прибытие других, — заметил Гэндалф. — К нам явились беженцы с Кайр-Андроса. Остров пал. Вторая армия, выступившая из Черных Ворот, пересекает Реку севернее.

— Некоторые принимают вас, Митрандир, за мастера дурных известий, — сказал Денетор, — но

для меня и это уже не новость: я узнал об этом накануне вечером. Что касается вылазки, то я уже думал о ней. Пойдемте вниз!

Время шло. Наконец зрители на стенах увидели отступление остатков защитников брода. Маленькие группы усталых и израненных людей вначале прибывали в беспорядке, некоторые бежали, как будто за ними гнались. На востоке мерцали едва заметные огни. Теперь казалось, что они ползут по равнине. Горели дома и амбары. Потом образовались маленькие реки огня и потекли по равнине, направляясь к широкой дороге, соединяющей ворота Города с Осгилиатом.

— Враг наступает, — говорили люди. — Стена прорвана. Они прошли через бреши. Они несут с собой факелы. Где же наши?

Приближался вечер; было так темно, что даже самые зоркие в цитадели мало что могли разглядеть на полях, кроме нарастающих числом пожаров и огненных линий, которые вытягивались в длину и двигались всё быстрее. Наконец примерно в миле от Города появилась группа людей в относительном порядке — они шли, а не бежали и держались вместе.

Наблюдатели затаили дыхание.

— Там должен быть Фарамир, — говорили они.

— Его слушаются люди и лошади. Он там!

Главные силы отступающих находились уже в полумиле. В самом тылу двигалась группа всадников. Время от времени они оборачивались, глядя на приближающиеся линии огней. Внезапно раздался хор яростных криков. Появились всадники Врага. Линия огня превратилась в стремительное течение, ряды орков несли горящие факелы, дикие люди Юга под красными знаменами, хрипло крича, догоняли отступающих. И с пронзительным воем с мрачного неба упали Крылатые Тени — назгулы, устремлявшиеся вниз, чтобы убивать.

Отступление превратилось в бегство. Люди бежали, бросая оружие, крича от ужаса, падая на землю.

И тогда в цитадели прозвучала труба — Денетор дал приказ начинать вылазку. Все всадники, оставшиеся в Городе, ждали этого сигнала у ворот и в тени внешней стены. Они галопом понеслись вперед и с силой ударили по наступавшим. Впереди под голубым стягом мчались рыцари Дол-Амрота во главе со своим принцем.

— Амрот за Гондор! — кричали они. — Амрот за Гондор! Амрот и Фарамир!

Как буря ударили они с обоих флангов отступ-

ления на врага, но один всадник опередил их всех — быстрый, как ветер, Обгоняющий Тень нес его. Всадник летел, отбросив серый плащ, свет струился по его воздетой руке.

Назгулы с криком свернули в сторону: их Капитан еще не ответил на вызов белого огня своего противника. Войско Моргула, увлекшись погоней за добычей, застигнутое врасплох, дрогнуло и рассыпалось, будто искры под порывом сильного ветра. Отступавшие с криками повернули и бросились на врага. Охотники превратились в преследуемых. Отступление перешло в атаку. Поле покрылось телами орков и людей, поднимался дым от чадящих факелов. Кавалерия пустилась в погоню.

Но Денетор не позволил уходить далеко. Хотя враг дрогнул и начал отступать, с востока подходили новые большие силы. Снова прозвучала труба, призывая к отступлению. Конница Гондора остановилась. Под ее защитой отступавшие перестроились. Они пошли к Городу, достигли ворот и гордо, с достоинством вступили в них. Люди Города с восхищением смотрели на них, выкрикивая слова похвалы, но в глубине сердца они были сильно встревожены. Отряды сильно поредели. Фарамир потерял треть своих людей.

И где же он сам?

Он появился последним. Люди его прошли. Вернулись конные рыцари, в тылу кавалерии ехал принц. Он держал в руках своего родственника Фарамира, сына Денетора, подобранного на поле боя.

— Фарамир! Фарамир! — кричали люди, вытирая слезы. Но он не отвечал, и его понесли по извивающейся дороге в цитадель, к отцу. В тот самый миг, когда Белый Всадник заставил назгулов свернуть, прилетела смертоносная стрела, и Фарамир, сражавшийся с предводителем харадримов, упал на землю. Только удар воинов Дол-Амрота спас его от красного меча южанина, готового разрубить лежавшего на земле Фарамира.

Принц Имрахил принес Фарамира в Белую Башню и сказал:

— Ваш сын вернулся, повелитель, совершив великие подвиги. — И рассказал о том, что видел.

Денетор поднялся и молча заглянул сыну в лицо. Он приказал устроить постель в своих покоях и уложить в нее Фарамира. А сам отправился в тайную комнату на вершине башни. И многие видели в ее узких окнах бледный свет. Затем Денетор спустился, сел рядом с сыном и долго

молчал. Лицо повелителя было серым и даже более неподвижным, чем лицо его сына.

Так был осажден Город, взят врагами в кольцо. Стена Раммас была пробита и весь Пеленнор захвачен врагами. Последнее известие, дошедшее извне, было принесено людьми, успевшими прибежать с Северной Дороги до закрытия ворот. Это были остатки отряда, охранявшего путь из Анориена и Рохана к броду. Ими командовал Инголд — тот самый, что пять дней назад пропустил в Город Гэндалфа и Пиппина, когда еще сияло солнце и утро питало надежды.

— Новостей о рохирримах нет, — доложил он повелителю. — Теперь уж Рохан не придет. А если и придет, то не спасет нас. Войско очень сильное: батальоны орков со знаком Глаза и бесчисленные толпы людей, каких мы не встречали раньше. Невысокие, но широкоплечие, угрюмые, бородатые, как гномы, вооруженные большими топорами. Мы думаем, они пришли из какой-то варварской земли на далеком Востоке. Они захватили Северную Дорогу и хлынули в Анориен. Рохирримы не смогут пройти.

Ворота закрылись. Всю ночь часовые на стенах слышали шум и голоса врагов, кишевших снаружи: они жгли поля и деревья, рубили подряд

всех людей, захваченных под стенами, живых или мертвых. Число врагов, перешедших Реку, в темноте трудно было определить, но когда над равниной поднялось утро, точнее, его тусклая тень, стало ясно, что даже во власти ночных страхов трудно преувеличить их число. Равнина потемнела от марширующих отрядов, и, насколько хватал глаз, повсюду, будто ядовитые грибы, вырастали лагеря черных и ярко-красных палаток.

Копошась как муравьи, орки торопливо копали глубокую траншею, кольцом охватывающую Город на расстоянии выстрела из лука. Когда траншея была окончена, ее заполнили огнем, хотя никто не видел, как он разжигался и поддерживался. Весь день продолжалась эта работа, а люди Минас-Тирита смотрели, не в силах помешать ей. Затем они увидели большие телеги, которые в сопровождении отрядов орков везли различные метательные снаряды. Из Города невозможно было достать их выстрелом и помешать этой работе.

Сначала осажденные смеялись и не очень опасались этих механизмов. Главная стена Города, очень высокая и толстая, была построена, когда еще помнили силу и искусство Нуменора: ее

внешняя поверхность, подобно башне Ортанка, была гладкой, темной и твердой, не боялась ни стали, ни огня — казалось, ее невозможно разрушить, разве что сама земля содрогнется в конвульсиях.

— Нет, — говорили жители Минас-Тирита. — Даже если бы Неназываемый пришел сюда, Он не смог бы войти, пока мы живы.

Но другие сомневались:

— Пока мы живы? Но долго ли мы протянем? У Него есть оружие, которое привело к падению многие крепости с начала Мира. Голод. Дороги отрезаны. Рохан не придет.

Но машины использовались не для бессмысленных попыток пробить стены. Не простой капитан или оркский вождь руководил наступлением на величайшего врага Мордора, но могущество и ум самой Злобы. Как только с неимоверными криками, со скрипом веревок и колес были установлены большие катапульты, они начали швырять снаряды удивительно высоко, так что те пролетали поверху и с грохотом падали внутри первого круга городских укреплений. Большинство снарядов, благодаря тайному искусству, взрывались огнем, достигнув земли.

Вскоре возникла опасность большого пожара,

и все, кто был способен, тушили огонь, вспыхивающий сразу во многих местах. Потом на Город обрушились другие снаряды, менее разрушительные, но не менее ужасные. На улицы Города посылались маленькие круглые снаряды, которые не взрывались. Некоторые люди побежали посмотреть, что это такое, и в ужасе громко закричали и заплакали: враг бросал в город головы тех, кто погиб в Осгилиате, в Раммасе или на полях. Страшно было смотреть на них: некоторые были разбиты и изуродованы, другие порезаны и порублены, но черты многих можно было разобрать и по ним судить, в каких мучениях они умирали. На всех было выжжено клеймо в виде лишенного век глаза. Часто случалось, что люди узнавали лица своих знакомых, хотя они были покалечены и поруганы, — тех, что недавно с оружием в руках гордо ходили по улицам, обрабатывали поля или приезжали на праздники из зеленых горных долин.

Впустую люди яростно потрясали кулаками в сторону врагов, толпившихся перед воротами. Те не обращали внимания на проклятия, да и не понимали здешнего языка, а их собственные хриплые выкрики напоминали вопли хищников или пожирателей падали. Но вскоре мало оста-

лось в Минас-Тирите таких, кто мог бы бросить вызов врагам. У Темного Лорда было и другое оружие, более быстрое, чем голод: ужас и отчаяние.

Снова появились назгулы, и, по мере того как Темный Лорд разворачивал свои силы, их голоса, выражавшие лишь Его волю, наполнялись злом и ненавистью. Они кружили над Городом, как грифы, ожидающие своей доли — человечьего мяса. От их голосов сотрясался воздух. С каждым новым криком становилось все труднее их выносить. Наконец даже самые сильные воины стали падать на землю, когда скрытая угроза пролетала над ними, или останавливались, выронив оружие из онемевших рук, а разум их затягивала тьма, и они больше не думали о войне, а только об укрытии, о бегстве, о смерти...

На протяжении всего этого черного дня Фарамир лежал в Белой Башне, сжигаемый лихорадкой. Кто-то сказал, что он умирает, и скоро это повторяли все люди на стенах и улицах. Рядом с ним сидел его отец, молчал, смотрел на него и совершенно не интересовался обороной Города.

Никогда, даже в плену у урук-хай, не переживал Пиппин таких мрачных часов. Его обязанностью было ждать повелителя, и он ждал, по-видимому забытый, стоя у двери в неосвещенной комнате и

стараясь справиться с собственным страхом. Хоббит смотрел, и ему казалось, что Денетор стареет на глазах, словно что-то согнуло его гордую волю и разрушает его строгий ум. Может, это было результатом горя и раскаяния. Пиппин видел слезы в этих глазах, никогда прежде не ведавших плача, и это было еще тяжелее, чем гнев.

— Не плачьте, повелитель! — запинаясь, пробормотал он. — Может, он еще поправится. Вы спрашивали Гэндалфа?

— Не успокаивайте меня колдунами! — ответил Денетор. — Надежды глупцов развеялись. Враг нашел его, и теперь приумножил свое могущество. Он видит все наши мысли. Все, что мы делаем, обречено на поражение. Я послал моего сына, не поблагодарив и не благословив его, послал в пекло, и вот он лежит с ядом в жилах. Нет, чем бы ни кончилась война, моя роль в ней сыграна, а дому наместников пришел конец. Низкие люди будут править последними остатками королевства, прячась в холмах, пока их всех не переловят.

К дверям подходили люди, звали повелителя Города.

— Нет, я не выйду, — отвечал он. — Я должен оставаться возле сына. Может, он еще заговорит перед смертью. Конец близок. Слушайтесь кого

угодно, хоть бы и Серого Дурня, все равно нет никакой надежды. Я остаюсь здесь.

Так Гэндалф принял на себя командование последней обороной столицы Гондора. И где бы он ни появлялся, люди приободрялись и Крылатые Тени уходили из их памяти. Без устали сновал он от цитадели к воротам, с севера на юг вдоль стен. Вместе с ним был принц Дол-Амрота в своей сверкающей кольчуге. Он и его рыцари по-прежнему вели себя как повелители, представляющие расу Нуменора. Люди, видевшие их, шептали:

— Старые предания говорили правду: в жилах этого народа течет кровь эльфов, потому что обитатели Нимродела жили когда-то в этой земле.

И они вспоминали и пели строки легенд о Нимроделе или другие песни долин Андуина давно минувших годов.

Но когда уходили эти смельчаки, Тень снова смыкалась над людьми, сердца их холодели и слава Гондора превращалась в пепел. Так медленно переходили тусклые дни страха в тьму ночей отчаяния. Теперь в первом круге Города уже не тушили пожары, и у гарнизона на внешней стене во многих местах были отрезаны пути отступления. Но мало кто оставался на своих местах, большинство бежало за вторые ворота.

А враги вдали от битвы быстро перекинули мосты через Реку, и весь день по ним подходили войска и подвозилось оружие. Наконец в середине ночи начался штурм. Авангард нападающих прошел через огненный ров по многочисленным мосткам. Враги двигались вперед, попадая в пределы досягаемости лучников, но не обращая внимания на потери. Впрочем, мало осталось таких, кто мог бы приносить им существенные потери, хотя свет огней превращал нападающих в отличную цель для лучников, чьим искусством некогда гордился Гондор. Почувствовав, что сопротивление Города слабеет, невидимый Капитан посылал вперед свои силы. Медленно катились вперед во мраке большие осадные башни, сделанные в Осгилиате.

В Белую Башню явились вестники, и Пиппин пропустил их, потому что они пришли со срочным сообщением. Денетор медленно отвел взгляд от лица Фарамира и молча взглянул на них.

— Первый круг Города охвачен пламенем, повелитель, — сказали они. — Что вы прикажете? Ведь вы по-прежнему повелитель и наместник. Не все идут за Митрандиром. Люди бегут со стен и оставляют их беззащитными.

— Почему? Почему эти глупцы бегут? — вос-

кликнул Денетор. — Лучше сгореть раньше, чем позже, раз уж мы обречены сгореть. Ступайте назад к своему костру! А я? Я пойду на свой погребальный костер. На погребальный костер! Не будет могилы Денетора и Фарамира. Не будет могилы! Не будет долгого медленного сна набальзамированных. Мы сгорим, как сгорали языческие короли, до того как корабли приплыли сюда с Моря. Запад обречен. Идите и горите!

Вестники без поклонов и ответа убежали.

Денетор встал и выпустил горячую руку Фарамира.

— Он горит, уже горит, — скорбно вымолвил он. — Дом его духа сломлен.

Подойдя к Пиппину, Денетор сверху вниз взглянул на него.

— Прощайте! — сказал он. — Прощайте, Перегрин, сын Паладина! Ваша служба была короткой и теперь подошла к концу. Я освобождаю вас от тех немногих обязанностей, что остались. Ступайте и умрите так, как считаете лучшим. И с кем хотите, хоть бы и с тем другом, чья глупость привела вас к этой смерти. Пошлите за моими слугами и уходите! Прощайте!

— Я не стану прощаться, повелитель, — сказал Пиппин, опускаясь на колени. Затем по-хоббит-

ски неожиданно вскочил и посмотрел в глаза старику: — Я воспользуюсь вашим разрешением, сэр, потому что очень хочу видеть Гэндалфа. Но он не глупец, и я не хочу думать о смерти, пока продолжается жизнь. И я не желаю освобождения от службы, пока вы живы. Если же враги ворвутся в цитадель, я надеюсь быть здесь, стоять с вами рядом и доказать, что вы недаром дали мне оружие.

— Поступайте как знаете, мастер халфлинг, — сказал Денетор, — моя жизнь разбита. Пошлите за моими слугами. — И он опять повернулся к Фарамиру.

Пиппин оставил его и кликнул слуг. Те пришли: шесть человек, сильных и красивых, — но от этого вызова они трепетали. Денетор спокойным голосом приказал им потеплее укрыть Фарамира и вынести его постель. Они подняли постель и вынесли ее из покоев. Шли медленно, стараясь как можно меньше беспокоить раненого, и Денетор, опираясь на посох, шагал за ними. Шествие замыкал Пиппин.

Как похоронная процессия вышли они из Белой Башни во тьму, где низко нависшие тучи озарялись далекими красными вспышками; пересекли двор и по приказу Денетора остановились у вы-

сохшего дерева.

Было тихо, гул войны едва доносился сюда снизу из Города, и все слышали, как печально капает с мертвых ветвей вода. Потом процессия прошла через ворота цитадели, где на нее с удивлением и отчаянием смотрели часовые. Повернув на запад, подошли наконец к двери в тыловой стене шестого круга. Эту дверь называли Фен-Холлен, и она отпиралась только в дни похорон, и лишь повелитель Города мог проходить этим путем, а также те, кто ухаживал за домами мертвых. За дверью оказалась извилистая дорога, спускавшаяся к тесной площадке в тени Миндоллуина. Здесь находились последние пристанища мертвых королей и их наместников.

В маленькой будке у дороги сидел привратник: со страхом в глазах он вышел вперед, неся в руке лампу. По приказу повелителя привратник открыл дверь, которая тихо скользнула в сторону. Они вошли, взяв у него лампу. Внутри тянулся темный спуск между древними стенами и многочисленными колоннами, которые вырывал из тьмы луч лампы. Гул шагов отдавался эхом, когда процессия медленно спускалась вниз, вниз, пока не пришла на Рат-Динен — молчаливую улицу, по сторонам которой видны были блеклые купо-

ла, пустые залы и изображения давно умерших людей. Процессия вошла в дом наместников. Ношу опустили.

Пиппин, в тревоге озираясь, увидел широкое сводчатое помещение, настолько темное, что свет фонаря с трудом достигал стен. Смутно виднелись ряды столов, высеченных из мрамора. На каждом столе лежало тело со сложенными руками, с головой на каменном изголовье. Один из столов, ближний, был пуст. На него по знаку Денетора положили Фарамира, и повелитель сам лег рядом. Их укрыли одним покрывалом. Слуги стояли с опущенными головами, как присутствующие на похоронах у гроба. И вот Денетор заговорил тихим голосом:

— Здесь он будет ждать, — сказал он. — Но не присылайте бальзамировщиков. Принесите сухих дров и уложите вокруг нас и под нами, полейте дрова маслом. И когда я прикажу, бросьте факел. Сделайте это и больше не разговаривайте со мной. Прощайте!

— С вашего разрешения, повелитель! — еле вымолвил Пиппин, повернулся и в ужасе кинулся прочь из этого дома смерти.

«Бедный Фарамир! Я должен найти Гэндалфа, — думал он. — Бедный Фарамир! Он нуждается в

лекарствах, а не в слезах. Где же мне найти Гэндалфа? В самой гуще событий, я думаю. И у него может не оказаться времени для умирающего и сумасшедшего».

У дверей Пиппин сказал одному из слуг, оставшихся на страже:

— Ваш хозяин не в себе. Не спешите, действуйте как можно медленнее. И не приносите сюда огня, пока жив Фарамир! Ничего не делайте до прихода Гэндалфа!

— Кто хозяин Минас-Тирита? — ответил тот хоббиту. — Повелитель Денетор или Серый Странник?

— Серый Странник или вообще никто, как мне кажется! — выкрикнул Пиппин и помчался по извивающемуся пути так быстро, как только мог, мимо изумленного привратника за дверь, вверх, пока не прибежал к воротам цитадели. Часовой окликнул его, и Пиппин узнал голос Берегонда.

— Куда вы бежите, мастер Перегрин? — спросил он.

— Искать Митрандира! — ответил Пиппин.

— Приказание повелителя срочное, и я не могу вас задерживать, — сказал Берегонд, — но ответьте мне коротко: куда пошел повелитель? Я только что заступил на дежурство, но слышал,

что он прошел в закрытую дверь и что перед ним несли Фарамира.

— Да, — сказал Пиппин. — На Безмолвную улицу.

Берегонд склонил голову, чтобы скрыть слезы.

— Я слышал, что он умирает, — сказал он, — стало быть, уже...

— Нет! — возразил Пиппин. — Еще нет. Я думаю, даже сейчас его смерть можно предотвратить. Но повелитель Города, любимый Берегонд, пал раньше, чем взят его город. Он безумен и опасен. — Пиппин быстро пересказал слова и странные поступки Денетора. — Я должен немедленно найти Гэндалфа!

— Тогда вам нужно вниз — туда, где битва.

— Знаю. Повелитель отпустил меня. Но, Берегонд, если сможете, сделайте что-нибудь, чтобы остановить непоправимое.

— Одетые в черно-серебряное могут оставить свой пост только по приказу повелителя.

— Что ж, вам придется выбирать между долгом и жизнью Фарамира, — сказал Пиппин. — Что же касается приказов, то теперь их отдает сумасшедший, а не повелитель. Я должен бежать. Вернусь, если смогу.

Он кинулся вниз к внешнему кругу. Мимо

бежали люди, спасающиеся от пожаров. Некоторые, завидев его мундир, оборачивались и что-то кричали, но он не обращал на них внимания. Наконец он добежал до вторых ворот, за которыми стеной поднималось пламя. Было необыкновенно тихо: ни криков сражения, ни звона оружия. И вдруг раздался ужасающий вопль и глухой раскат эха. Преодолевая приступ ужаса, который чуть не опустил его на колени, Пиппин повернул за угол и увидел площадь перед городскими воротами. Он застыл. Он нашел Гэндалфа, но отшатнулся, прячась в тени.

Решающий штурм начался в середине ночи. Загремели барабаны. С севера и с юга, отряд за отрядом, враги устремились к стенам. Словно ожившие дома, двигались мумаки — огромные животные из Харада, таща за собой через линии огня осадные башни и машины. Капитан Врага не очень заботился о том, что делают наступающие и сколько их убито: главная задача заключалась в том, чтобы испытать силу обороны и держать людей Гондора занятыми во многих местах. Главный удар обрушился на ворота. Ворота, сделанные из железа и стали, были очень прочны и охранялись башнями и укреплениями из несокрушимого камня, однако это был ключ, самое слабое место

всей высокой и неприступной стены.

Барабаны гремели все громче. Огни приближались. Большие машины ползли по полю, а в середине — огромный таран, в сотню футов длиной, подвешенный на могучих цепях. Давно ковали его в темных кузницах Мордора, а его отвратительный лоб из черной стали был отлит в виде воющего волка. Этот таран назывался Гронд, в память о молоте подземного мира древности. Большие животные тащили его, окруженные орками, а сзади шли горные тролли, чтобы управлять его работой.

Но у ворот сопротивление было по-прежнему упорным и сильным: здесь стояли рыцари Дол-Амрота и храбрейшие воины гарнизона. Стрелы и снаряды падали дождем. Осадные башни вспыхивали как факелы. Земля по обе стороны ворот была усыпана обломками и телами убитых. Но, как безумные, стремились вперед всё новые и новые враги.

Гронд медленно продвигался вперед. Огонь ему был не страшен. И хотя время от времени огромные животные, тащившие его, в безумии бросались по сторонам, топча бесчисленное количество орков, — тут же, отбросив трупы с дороги, другие занимали их место.

Гронд медленно продвигался вперед. Барабаны бешено гремели. Над горами трупов выросла страшная фигура — Всадник, высокий, с капюшоном, весь в черном. Медленно, попирая павших, ехал он вперед, не обращая внимания на стрелы. Он остановился и выхватил длинный бледный меч. И когда он сделал это, неописуемый ужас охватил всех — и защитников, и осаждавших. Руки людей опустились, ни один лук не выстрелил. На мгновение все затихло.

И вновь ударили барабаны. Гронд, направляемый огромной силой, качнулся и устремился вперед. Он достиг ворот. Ударил. Гул раскатился по Городу, как гром небесный. Но железные двери и стальные столбы выдержали удар.

Тогда Черный Капитан поднялся в стременах и возвысил ужасный голос, выкрикивая слова какого-то забытого языка, злобные и властные, потрясшие и сердца, и камни.

Трижды он крикнул. Трижды ударил тяжелый таран. И с последним ударом ворота Гондора разбились. Будто от взрыва, они подались, блеснул огонь, и обломки упали на землю.

Глава назгулов двинулся вперед. Высокая черная фигура маячила на фоне огня, распространяя ужас и отчаяние. Вперед под арку, куда никогда

не входил враг, въехал Глава назгулов, и все бежали перед ним.

Все, кроме одного. На площади за воротами молча и неподвижно ждал Гэндалф на Обгоняющем Тень. Лишь Обгоняющий Тень из всех лошадей мог выдержать этот ужас, не двигаясь, непоколебимый, как выгравированное изображение из Рат-Динена.

— Здесь ты не пройдешь, — крикнул Гэндалф, и огромная тень остановилась. — Возвращайся в бездну, приготовленную для тебя! Уходи! Провались в ничто, которое ждет тебя и твоего Хозяина! Прочь!

Черный Всадник откинул капюшон, и — о ужас! — он был увенчан королевской короной, но она сидела на невидимой голове. Красные огни посверкивали между короной и широкими черными плечами. Из невидимых уст донесся мертвящий хохот.

— Старый дурак! — прорычал Черный Всадник. — Старый дурак! Это мой час! Разве ты не узнаешь смерть? Умри и пропади всуе! — С этими словами он высоко поднял меч — пламя пробежало по лезвию.

Гэндалф не двигался. И в это мгновение на каком-то городском дворе прокричал петух. Резко

и чисто прозвучал его голос. Не зная ничего ни о колдовстве, ни о войне, он приветствовал утро, которое пришло далеко и высоко над Тенями смерти.

И, словно в ответ, издалека донеслись трубные звуки. Один, другой, третий... Темные склоны Миндоллуина отразили их протяжным эхом. Звучали боевые рога северян. Рохан пришел на помощь.

Глава V

Рейд рохирримов

Было темно, и Мерри, лежащий на земле, завернувшись в одеяло, ничего не мог разглядеть. Однако, хотя ночь была тихой и безветренной, он слышал, как вокруг него тихонько шумят невидимые деревья. Мерри поднял голову. И снова услышал слабый звук — как будто где-то далеко в лесистых холмах и на горных склонах били барабаны. Звук затихал, потом доносился из другого места, то ближе, то дальше. Мерри не мог угадать, слышат ли его часовые.

Он не видел их, но знал, что вокруг разместились отряды рохирримов. Он чувствовал во тьме запах лошадей, слышал их фырканье и негромкий стук копыт, переступавших по земле, покрытой мхами. Войско остановилось на ночлег в сосновом лесу, раскинувшемся вокруг маяка Эйленаха — высокого холма, выступающего из длинной полосы леса Друадан, идущего вдоль большой дороги в восточном Анориене.

Хотя Мерри очень устал, он не мог спать. Они ехали уже четыре дня, и все сгущающаяся тьма

сказывалась на его настроении. Он начал размышлять, зачем так стремился ехать, когда у него была уважительная причина и даже прямое приказание остаться. Он понимал также, что старый король, если узнает о его непослушании, разгневается. А может, и нет. Казалось, существует какая-то невидимая связь между Дернхельмом и Эльфхельмом, маршалом, командовавшим эордом, в котором они ехали. Маршал и его люди не обращали на Мерри внимания и делали вид, что не слышат, когда он говорит, будто он — какой-то мешок при Дернхельме. Вряд ли можно было назвать хорошим попутчиком Дернхельма: он почти не разговаривал. Мерри чувствовал себя маленьким, никому не нужным и одиноким. Сейчас они находились примерно в дневном переходе от внешней стены Минас-Тирита, окружавшей пригородные поля. Вперед были высланы разведчики. Некоторые не вернулись. Другие, быстро вернувшись, сообщили, что дорога впереди охраняется. Вражеское войско стоит на ней лагерем в трех милях к западу от Амон-Дина, некоторые его отряды движутся по дороге и сейчас находятся не более чем в трех лигах. Холмы и леса вдоль дороги кишат орками. Ночью король и Эомер устроили совещание.

Мерри очень хотел, чтобы кто-нибудь поговорил с ним, и подумал о Пиппине. Но от этой мысли ему только стало еще тревожнее. Бедный Пиппин, заключенный в огромном Каменном Городе, одинокий и напуганный. И Мерри хотелось быть высоким всадником, как Эомер, чтобы протрубить в рог и помчаться на выручку. Он сел, прислушиваясь к барабанам, которые теперь загремели гораздо ближе. Вскоре он расслышал также голоса и увидел, как за деревьями пронесли тусклые, открытые наполовину фонари. Люди начали нерешительное передвижение в темноте.

Высокий человек споткнулся о него, обругав древесные корни. Пиппин узнал голос маршала Эльфхельма.

— Я не корень, сэр, — сказал он, — и не мешок, а хоббит, получивший хорошего пинка. Вместо извинения не скажете ли вы мне, что происходит?

— Все что угодно может происходить в этой дьявольской тьме, — ответил Эльфхельм. — Мы получили распоряжение быть в готовности: в любую минуту может прийти приказ о выступлении.

— Значит, враг приближается? — взволнованно спросил Мерри. — А эти барабаны? Я думал, что

они мне мерещатся, поскольку никто не обращает на них внимания.

— Нет, нет, — сказал Эльфхельм, — враг и на дороге, и на холмах. Вы слышите восов, диких лесных людей. Говорят, они всё еще живут в лесу Друадан. Остатки древних племен скрываются — их мало, они дикие и осторожные, как звери. Они не воюют ни с Гондором, ни с Маркой, но теперь встревожены темнотой и нашествием орков. Они боятся возвращения Темных Времен, которое кажется теперь весьма вероятным. И надо радоваться, что им не приходит на ум охотиться на нас: говорят, они используют отравленные стрелы, а в знании леса никто с ними не может сравниться. Они предложили свои услуги Теодену. Сейчас одного из их вождей ведут к королю. Вон там, где фонари. Так я слышал, но больше ничего не знаю. А теперь мне пора заняться своими делами. Упакуйтесь получше, мастер Мешок! — И он исчез во тьме.

Мерри не понравился этот разговор о дикарях и об отравленных стрелах, но ужас, охвативший его, объяснялся не этим. Ожидание становилось невыносимым. Он хотел знать, что происходит. Мерри поднялся и устало двинулся за последним фонарем, исчезнувшим среди деревьев.

Вскоре он вышел на поляну, где под большим деревом для короля была установлена маленькая палатка. Большой фонарь, закрытый сверху, свисал с ветки и отбрасывал вниз бледный круг света. Здесь были Теоден и Эомер, а перед ними на земле сидел странный низкорослый человек, угловатый, как старый камень, волосы редкой бороды торчали на его шишковатом подбородке, как сухой мох. У него были короткие ноги и толстые крепкие руки, одеждой ему служила лишь трава, свисавшая с пояса. Мерри показалось, что он его уже где-то видел, и вдруг он встрепенулся и вспомнил пюкелменов из Данхэрроу. Одно из этих древних изображений теперь словно ожило: вполне вероятно, перед ним сидело существо, происходящее по прямой линии от тех давно исчезнувших, которые служили моделями забытому скульптору.

Когда Мерри подобрался ближе, стояла тишина, а потом дикарь начал говорить, по-видимому отвечая на какой-то вопрос. Голос у него был низкий и гортанный, но, к удивлению Мерри, он говорил на общем языке, хотя и запинаясь и время от времени употребляя непонятные слова.

— Нет, Отец Всадников, — сказал он, — мы не сражаемся. Только охотимся. Мы убиваем горгу-

нов в лесах, ненавистное оркское племя. Вы тоже ненавидите горгунов. Мы поможем вам, если сумеем. У диких людей длинные уши и длинные глаза. Они знают все дороги. Дикие люди жили здесь до каменных домов, до того, как Высокие пришли по воде.

— Но нам нужна помощь в битве, — сказал Эомер. — Чем вы и ваш народ поможете нам?

— Приносить новости, — ответил дикий человек. — Мы глядим с холмов вдаль. Взбираемся на большую гору и смотрим вниз. Каменный Город заперт. Огонь горит снаружи; теперь внутри тоже огонь. Вы хотите идти туда? Вы должны быть быстрыми. Но горгуны и люди из далекой страны, — он махнул короткой шишковатой рукой на восток, — сидят на лошадиной дороге. Очень много: больше, чем всадников.

— Откуда вы это знаете? — спросил Эомер.

Плоское лицо и темные глаза дикого человека ничего не выражали, но голос потускнел от неудовольствия.

— Дикие люди не дети, — ответил он. — Я великий вождь Ган-Бури-Ган. Я считаю множество вещей: звезды на небе, листья на дереве, людей в темноте. У вас десять раз двадцать на двадцать воинов и еще пять раз. А у них больше. Большая

битва, а кто победит? И еще много их ходит вокруг Каменного Города.

— Увы! Он прав, — сказал Теоден, — и наши разведчики сообщили, что они видели траншеи и завалы поперек дороги. Мы не можем рассчитывать на неожиданный удар.

— И все же мы должны торопиться, — сказал Эомер. — Мундберг в огне!

— Пусть Ган-Бури-Ган закончит, — сказал дикий человек. — Он знает больше, чем одну дорогу. Он поведет вас по дороге, где нет ям, где ходят не горгуны, а только дикие люди и звери. Много дорог было проложено, когда народ каменных домов был сильнее. Они резали холмы, как охотники — мясо зверя. Дикие люди думают, камни им были вместо еды. Они проезжали через Друадан и Риммон на больших возах. Больше они не ездят. Дорога забыта, но не дикими людьми. Над холмом и за холмом она лежит под травой и деревьями, оттуда к Риммону и вниз, в Доун, и назад к концу лошадиной дороги. Дикие люди покажут вам эту дорогу. Тогда вы убьете горгунов и прогоните плохую Тьму ярким железом, и дикие люди смогут вернуться спать в диких лесах.

Эомер и Теоден поговорили на своем языке. Наконец Теоден повернулся к дикому человеку.

— Мы принимаем ваше предложение, — сказал он. — Что с того, что мы оставляем позади себя вражеское войско? Если Каменный Город падет, мы всё равно не вернемся. Но если он будет спасен, тогда само войско орков будет отрезано. Если вы сдержите свое слово, Ган-Бури-Ган, мы щедро вас наградим и вы навсегда приобретете дружбу Марки.

— Мертвецы не друзья живым и не дают им даров, — ответил дикарь, — но если вы переживете Тьму, дайте диким людям свободно жить в лесах и больше не гоните их, как диких зверей. Ган-Бури-Ган не заведет вас в ловушку. Он сам пойдет с Отцом Всадников, и, если он поведет вас неправильно, вы убьете его.

— Да будет так! — провозгласил Теоден.

— Сколько времени потребуется, чтобы пройти мимо врагов и снова выйти на дорогу? — спросил Эомер. — Нам придется идти пешком, если вы поведете нас, и я не сомневаюсь, что дорога узкая.

— Дикие люди быстро ходят пешком, — сказал Ган. — Путь шириной в четыре лошади в Долине Каменных Возов, вон там, — он махнул рукой на юг, — но в начале и в конце узкий. Дикие люди могут пройти отсюда до Доуна между восходом солнца и полуднем.

— Тогда для передовых должно получиться около семи часов, — сказал Эомер. — Но всего мы должны рассчитывать на десять часов. Непредвиденные обстоятельства могут задержать нас, и, даже если мы их преодолеем, пройдет немало времени после выхода из холмов, прежде чем войско построится. Который час?

— Кто знает? — сказал Теоден. — Теперь все время ночь.

— Все время темно, но не все время ночь, — возразил Ган. — Когда восходит солнце, мы его чувствуем, даже если оно скрыто. Оно уже поднялось над восточными горами. В небесных долинах начало дня.

— Тогда мы должны выступить как можно скорее, — сказал Эомер. — Но и так мы не успеем прийти на помощь Гондору сегодня.

Мерри не стал больше ждать и ускользнул в сторону, чтобы подготовиться к началу марша. Это был последний переход перед битвой. Ему казалось маловероятным, что многие переживут ее. Но он подумал о Пиппине и горящем Минас-Тирите и отбросил в сторону свой страх.

Все в этот день шло хорошо, и они не слышали и не видели врагов. Дикие люди выставили охрану из опытных охотников, так что ни один

орк или другой шпион не мог узнать о движении в холмах. Свет становился все более тусклым, по мере того как они приближались к осажденному Городу, и всадники двигались длинными цепями, как тени людей и лошадей. Каждый отряд получил проводника из диких лесных людей; но сам старый Ган шел рядом с королем. Выступление получилось не таким быстрым, как надеялись, поскольку всадникам, ведущим своих лошадей в поводу, понадобилось время, чтобы отыскать пути через густые заросли за лагерем в скрытую Долину Каменных Возов. Уже далеко за полдень передовые вышли к широкой серой чаще, протянувшейся по восточной стороне Амон-Доуна и скрывавшей большой проход через линию холмов, который вел из Нардола в Доун с запада на восток. Здесь в древности была проложена большая дорога, спускавшаяся к главному тракту из Минас-Тирита в Анориен; но много веков назад она заросла деревьями и исчезла, разбитая и погребенная под опавшей листвой неисчислимых лет. Однако именно эти заросли давали всадникам последнюю надежду незаметно подойти к месту открытой битвы; далеко впереди лежали дорога и равнины Андуина, а на востоке и на юге — лишь голые скалистые склоны: там холмы,

будто скорчившись от боли, собирались вместе и громоздились, бастион на бастион, сливаясь с главным массивом и отрогами Миндоллуина.

Передовой отряд остановился, и следующие за ним, выходя из Долины Каменных Возов, расходились по сторонам и приступали к разбивке лагеря под серыми деревьями. Король созвал капитанов на совещание. Эомер разослал разведчиков в разные стороны, но старый Ган покачал головой:

— Плохо посылать лошадиных людей. Дикие люди увидят все, что можно, в этом дурном воздухе. Они скоро придут и все мне расскажут.

Собрались капитаны. Потом из-за деревьев осторожно вышли другие пюкелмены, так похожие на старого Гана, что Мерри с большим трудом мог их различить. Они разговаривали с Ганом на своем гортанном языке.

Вскоре Ган обратился к королю.

— Мои люди рассказали много, — сказал он. — Первое — берегитесь! Много людей в лагере у Доуна в часе ходьбы, вон там, — он махнул рукой на запад в сторону Черного маяка. — Но между ними и новыми стенами Каменного Города никого не видно. Многие заняты там. Стены больше не стоят: горгуны разбили их земляными громами и дубинами из черного железа. Они очень заняты и

ни на что не обращают внимания. Они считают, что их друзья следят за всеми дорогами! — И тут старый Ган испустил забавный булькающий звук. Было похоже, что он смеется.

— Хорошие новости! — воскликнул Эомер. — Даже в этой мгле засветилась надежда. Часто изобретения врага действуют ему во вред. Эта проклятая тьма послужит нам укрытием. А теперь, желая уничтожить Гондор и разобрать его по камешку, орки устранили самую страшную для нас опасность. Внешнюю стену можно было долго удерживать против нас. Теперь же мы проскользнем.

— Еще раз благодарю вас, Ган-Бури-Ган Лесной, — сказал Теоден. — Пусть сопутствует вам удача за то, что помогли нам.

— Смерть горгунам! Смерть племени орков! Нету слов приятнее для диких людей, — ответил Ган. — Прогоните плохой воздух и Тьму ярким железом.

— Для того мы и приехали так далеко, — сказал король, — и сделаем все возможное. Но что из этого выйдет — покажет только утро.

Ган-Бури-Ган присел на корточки и коснулся земли ороговевшим лбом в знак прощания. Затем поднялся, собираясь уходить, но внезапно

замер и принюхался, глядя вверх, как испуганное лесное животное. В его глазах блеснул огонь.

— Ветер меняется! — воскликнул он, и с этими словами в мгновение ока он и его товарищи растворились во тьме.

Больше ни один из всадников Рохана их не видел. Далеко на востоке вскоре снова послышались слабые звуки барабанов. Однако ни у одного из людей в войске Теодена не возникло опасения, что дикие люди предали их.

— Больше нам не нужны проводники, — сказал Эльфхельм. — В войске есть всадники, бывавшие в Мундберге в дни мира. Я, например. Когда достигнем дороги, она свернет на юг и до внешней стены пригородных полей останется еще семь лиг. По обе стороны дороги много лугов с высокой травой. Считалось, что здесь вестники Гондора развивают наибольшую скорость. Мы можем ехать быстрее и без шума.

— Поскольку следует опасаться нападения и нам понадобятся все наши силы, — сказал Эомер, — считаю, что сейчас мы должны отдохнуть и выступить ночью. Надо будет так рассчитать, чтобы прийти к Городу утром.

Король согласился с этим, и капитаны ушли. Но вскоре Эльфхельм вернулся.

— Разведчики ничего не обнаружили, повелитель, — сказал он, — за исключением двух человек. Точнее, два мертвеца и две мертвые лошади.

— Ну и что? — спросил Эомер.

— А вот что: это вестники Гондора. Вероятно, один из них — Хиргон. В руке он все еще сжимает Красную Стрелу, но головы у него нет. И еще вот что: по следам похоже, что они перед смертью скакали на запад. Я понимаю это так: они обнаружили врага у внешней стены или столкнулись с ним, возвращаясь, и это было две ночи назад, если они использовали свежих лошадей с застав, как у них принято. Они не могли добраться до Города и повернули назад.

— Увы! — огорчился Теоден. — Значит, Денетор не получал известий о нашем выступлении и не знает, что мы придем.

— Горе торопит, и лучше поздно, чем никогда, — заметил Эомер. — Может быть, на этот раз старая поговорка окажется справедливей, чем когда-либо раньше.

Наступила ночь. По обеим сторонам дороги молча двигалось войско Рохана. Теперь дорога, проходя мимо отрогов Миндоллуина, повернула на юг. Далеко и прямо впереди на черном небе

виднелось красное зарево, и склоны огромной горы казались черными на его фоне. Всадники приближались к Раммасу у Пеленнора, но день еще не пришел.

Король ехал в середине передового отряда, в окружении своей гвардии. Дальше ехал эорд Эльфхельма. И вот Мерри заметил, что Дернхельм оставил свое место и в темноте украдкой двинулся вперед, пока не оказался в тылу королевской охраны. Всадники остановились. Мерри услышал впереди негромкие голоса. Прискакали разведчики, которые уезжали вперед, к самой стене. Они докладывали королю.

— Там большие пожары, повелитель, — сказал один. — Город окружен огнем, и в поле видимо-невидимо врагов. Но все заняты штурмом. И насколько мы можем судить, на внешней стене осталось мало врагов и они увлеклись разрушением и потеряли бдительность.

— Вы помните слова дикого человека, повелитель? — спросил другой. — Я жил на открытом нагорье в дни мира, меня зовут Видфара, и мне воздух сообщил нечто новое. Ветер переменился. Он дует с юга, в нем теперь соленый морской привкус, хотя и слабый. Утро принесет новые известия. Когда мы минуем стену, начнется рас-

свет.

— Если вы говорите правду, Видфара, желаю вам долгих благословенных лет после того, как переживете этот день! — воскликнул Теоден. Он повернулся к своей гвардии и заговорил ясным голосом, так что всадники первого эорда тоже услышали его: — Пробил час, всадники Марки, сыновья Эорла! Враг и огонь перед вами, а ваши дома далеко позади. Но хотя вы сражаетесь на чужих полях, слава, которую вы здесь завоюете, навсегда останется вашей. Мы давали клятвы — теперь пора все их исполнить: клятву повелителю, клятву родине и клятву дружественному союзу!

Воины ударили копьями по щитам.

— Эомер, сын мой! Вы поведете первый эорд, и он пойдет за королевским знаменем в центре. Вы, Эльфхельм, ведите свой отряд направо, как только минуем стену. А Гримболд пойдет налево. Остальные отряды, разделившись, последуют за первыми тремя по своему выбору. Ударяйте по любому скоплению вражеских сил. Других планов мы не можем строить, не ведая, что происходит на поле битвы. Вперед, и не страшитесь Тьмы!

Передовой отряд немедленно выступил и дви-

гался быстро, как мог: было по-прежнему темно, несмотря на предсказание Видфары. Мерри сидел за Дернхельмом и держался левой рукой, а правой старался достать меч из ножен. Теперь он горько сознавал правду королевских слов: «Что вы станете делать, мастер Мериадок, на поле битвы?» «Только одно, — подумал он, — постараюсь не мешать всаднику в надежде, что удержусь на лошади и не буду затоптан насмерть копытами».

Оставалось не больше лиги до внешней стены. Скоро они достигли ее, слишком уж скоро, по мнению Мерри. Послышались крики и звон оружия, но все это продолжалось недолго. Орков на стене было немного, их захватили врасплох и перебили или разогнали.

Перед развалинами северных ворот Раммаса король снова остановился. Первый эорд проехал мимо него. Дернхельм держался рядом с королем, хотя отряд Эльфхельма повернул направо. Люди Гримболда тоже свернули и прошли через широкую брешь в стене дальше к востоку.

Мерри смотрел из-за спины Дернхельма. Далеко, может быть в десяти милях или больше, поднималось большое зарево, а между ним и всадниками широким полумесяцем тянулись огни. Ближайшая точка этого полумесяца нахо-

дилась менее чем в лиге от них. Мерри мало что различал на темной равнине и не видел никаких проблесков утра, не чувствовал изменения ветра.

Войско Рохана незаметно устремилось на поля Гондора, как мощный прилив через бреши плотины, которую люди считали целой. Но мозг и воля Черного Капитана были полностью поглощены гибнущим Городом, и никаких известий не получал он о том, что в планы его вкралась ошибка, просчет.

Через некоторое время король повернул со своими людьми немного к востоку, чтобы пройти между осаждающими и огнями на полях. Их по-прежнему не замечали, и Теоден по-прежнему не давал сигнала. Наконец он снова остановился. Город был совсем уже близко. Воздух наполнился запахом дыма и смерти. Лошади волновались. Но король сидел на Снежной Гриве неподвижно, наблюдая агонию Минас-Тирита, будто пораженный внезапной болью или ужасом. Казалось, он сморщился, ссохся от старости. Мерри сам ощущал огромный вес ужаса и сомнения. Сердце его упало. Они опоздали! Слишком поздно — хуже, чем никогда. Наверное, Теоден дрогнет, склонит старую голову, повернется и ускользнет в проход

между холмами.

И тут Мерри ощутил внезапную перемену. Ветер подул ему в лицо! Сделалось чуть светлее. Далеко-далеко на юге смутно проявились облака, словно серые призраки, клубящиеся, плывущие по ветру, — за ними лежало утро. Но в тот же миг полыхнуло, будто молния прыгнула из земли под городом. На долю секунды от ослепительной вспышки все сделалось черным и белым, а верхняя башня промелькнула блестящей иглой, и, как только тьма сомкнулась опять, над полями прокатилось громадное «бу-у-ум».

При этом звуке согбенная фигура короля неожиданно распрямилась. Он вновь стал высоким и гордым. Поднявшись в стременах, Теоден крикнул громовым голосом:

Вставайте, вставайте, всадники Теодена!

Зло пробудилось: огонь и резня!

Копьям — трещать, крошиться — щитам!

День — клинок, окровавленный еще до рассвета!

Вперед, вперед! Вперед, на Гондор!

С этими словами он взял у Гутлава, своего ору-

женосца, большой рог и затрубил в него. И тут же затрубили все рога в войске, и звук рогов Рохана был подобен буре на равнинах и грому в горах.

Вперед, вперед! Вперед, на Гондор!

Король крикнул что-то Снежной Гриве, и лошадь вырвалась вперед. За ним развевалось на ветру королевское знамя — белый конь в зеленом поле, но он опережал его. Следом, как гром, летели рыцари королевского дома, но и они едва успевали за ним. И Эомер был здесь, и белый конский хвост развевался на его шлеме, и передовые ряды эорда летели вперед, словно бурун прибоя, но догнать Теодена было невозможно. Боевая ярость предков новым огнем вспыхнула в королевских жилах, он походил теперь на древнего бога, на Ороме Великого в битве валаров, когда Мир был еще молод. Его золотой щит сверкал подобием солнца, трава разлеталась зеленым пламенем из-под белых ног его лошади. Ибо утро пришло — утро и ветер с Моря; и Тьма отступила, и взвыли войска Мордора, и объял их ужас, и они побежали, и умирали, и копыта гнева топтали их. И тут все войско Рохана грянуло песню, и с песней разили они врага, охваченные радостью битвы, и звук их пения, прекрасный и вместе

ужасный, долетел даже до Города.

Глава VI

Битва на полях Пеленнора

Но не простой оркский вождь руководил осадой Гондора. Тьма рассеялась слишком быстро, раньше времени, назначенного ее Хозяином: удача на мгновение изменила Ему, и Мир повернулся против Него. Победа ускользала в тот самый миг, когда Он протянул к ней руки. Но это были длинные руки. Он все еще располагал огромными силами. Король, Дух Кольца, Глава назгулов, он владел многими видами оружия. Он покинул ворота и исчез.

Теоден, король Марки, достиг дороги, соединяющей Реку с Городом, и повернул к Городу, до которого теперь было не больше мили. Он немного придержал лошадь в поисках новых врагов, и рыцари, а с ними и Дернхельм, догнали его. Впереди, ближе к стенам, люди Эльфхельма появились у осадных машин. Они рубили, убивали, сбрасывали врагов в огненные ямы. Вся северная часть Пеленнора была захвачена, здесь пылали палатки, орки толпами бежали к Реке, как дичь перед охотниками. Рохирримы передвигались

свободно во всех направлениях. Но они еще не сняли осаду и не освободили ворота. Много врагов оставалось перед ними, а на другой половине полей их войска еще не вступили в бой. Южнее, за дорогой, находились главные силы харадримов, и здесь всадники южан собирались вокруг знамени своего вождя. Вождь увидел, что знамя короля Рохана находится далеко впереди и окружено лишь небольшим отрядом. Он громко крикнул, развернул свой стяг — с черным полумесяцем на алом фоне — и поскакал к белому коню во главе большого отряда. Кривые сабли южан блестели как молнии.

Теоден увидел это и, не дожидаясь удара, ринулся ему навстречу. Громкий лязг сопровождал их столкновение. Но ярость северянина была горячей, а рыцари короля оказались искусней во владении длинными копьями. Их было меньше, но они разбили южан, как молния сжигает лес. Прямо через толпу прокладывал себе путь Теоден, сын Тенгела, меч его, сверкая, обрушивался на врага и наконец разрубил древко знамени и самого знаменосца. Черный полумесяц закатился. Все уцелевшие всадники-южане повернули и обратились в бегство.

Но что это?! Неожиданно в расцвете славы

золотой королевский щит померк. Новое утро погасло. Тьма опустилась на поле. Лошади заржали. Люди падали с седел и лежали на земле.

— Ко мне! Ко мне! — кричал Теоден. — Вставайте, эорлинги! Не бойтесь Тьмы.

Но Снежная Грива в ужасе поднялась на дыбы, забила ногами в воздухе и с громким ржанием повалилась на бок: ее пронзила черная стрела. Король оказался под лошадью.

Громадная тень опускалась, точно падающее облако. Это было крылатое существо — птица, но больше всех других птиц, и оно было голое, без перьев и пуха. Его обширные крылья напоминали паутину между костяными пальцами, от него исходило зловоние. Может, это было существо из древнего мира, чьи родители, скрываясь где-то в забытых горах, дожили до этих дней и вывели в отвратительном гнезде своего птенца — воплощенное зло; а Темный Лорд взял его и кормил падалью, пока тот не стал больше всех летающих существ, и дал его своему слуге в качестве крылатого коня. Все ниже и ниже спускалась гигантская птица и наконец, сложив перепончатые крылья, издала хриплый крик и села возле упавшей Снежной Гривы, выпуская когти и вытягивая голую шею.

На птице верхом сидел всадник в черном, огромный и зловещий. На голове у него была корона, но между ее краем и одеждой не было ничего, кроме тусклого блеска глаз. Это был Глава назгулов. Он вернулся, вызвав своего крылатого коня, когда Тьма уже отступала. Он снова явился, неся с собой гибель, превращая надежду в отчаяние и победу в смерть. Он размахивал большой черной булавой.

Однако Теоден еще не всеми был покинут. Рыцари его лежали вокруг замертво; другие, не сумев справиться с безумием лошадей, были унесены ими прочь. Но один из рыцарей оставался здесь — юный Дернхельм, чья преданность была сильнее страха. Он плакал, потому что любил своего повелителя, как отца. Мерри, невредимый, прошел рядом с ним через всю атаку, но, когда пришла Тень, Виндфол в ужасе сбросил Мерри и теперь, обезумев, несся по равнине. Мерри полз на четвереньках, как оглушенный зверек, и такой ужас охватил его, что он ослеп и оглох.

«Слуга короля! Слуга короля! — вопило его сердце. — Ты должен остаться с ним! Ты сказал, что он будет тебе как отец!»

Но воля отказала ему: он весь дрожал, не осмеливаясь даже открыть глаза и оглянуться.

Потом сквозь тьму, охватившую сознание, ему послышался голос Дернхельма, но голос этот теперь казался странным и напоминал другой, женский, некогда слышанный голос.

— Убирайся, гнусная тварь, Повелитель Падальщиков! Дай мертвым покой!

Холодный голос ответил:

— Не становись между назгулом и его добычей! Или он не убьет тебя просто так. Он унесет тебя в дома плача, за пределы всякой Тьмы, где плоть твоя будет сожрана, а дрожащий разум предстанет нагим Безвекому Глазу.

Послышался звон меча, извлекаемого из ножен.

— Делай что хочешь. Но я помешаю, если смогу!

— Помешаешь мне? Глупец! Ни один живой муж не может помешать мне!

И тогда Мерри услышал звук, удивительный в такую минуту: Дернхельм рассмеялся, и его ясный смех был подобен звону стали.

— Но я не муж! Ты видишь женщину! Я Эовин, дочь Эомунда! Ты стоишь между мной и моим королем и родственником! Убирайся, если ты не бессмертен! Я убью тебя, посмей только притронуться к нему!

Крылатое существо зарычало на нее, но Дух Кольца не ответил, будто охваченный внезапным сомнением. Крайнее изумление победило страх Мерри. Он открыл глаза, и тьма отступила от него. В нескольких шагах от него находилась огромная птица, и все вокруг нее было во тьме: на птице сидел Глава назгулов, Тень Отчаяния. Немного левее, лицом к ним, стояла она — та, кого он называл Дернхельмом. Шлем упал с ее головы, и светлые волосы бледным золотом сверкали на ее плечах. Серые, как море, глаза смотрели твердо и жестоко, на щеках блестели слезы. В руке она держала меч и прикрывалась щитом от ужасных глаз врага.

Это была Эовин. В сознании Мерри вспыхнуло воспоминание о лице, которое он видел, когда уезжал из Данхэрроу, — лицо того, кто лишился надежды и ждет смерти. Жалость заполнила его сердце, и неожиданно проснулась медленно разгоравшаяся храбрость. Он сжал кулаки: она не должна умереть, такая прекрасная, такая отчаянная! Не должна умереть одна, оставшись без помощи!

Лицо врага было обращено не к нему, но Мерри по-прежнему не осмеливался двигаться, боясь, что на него упадет взгляд свирепых глаз. Мерри

медленно пополз, но Черный Капитан обратил на него не больше внимания, чем на червя, копошащегося в грязи.

Внезапно крылатое существо взмахнуло крыльями, и подул зловонный ветер. Оно поднялось в воздух и с криком упало на Эовин, угрожая клювом и когтями. Она не отступила, девушка из Рохана, дочь королей, хрупкая, но прочная, как сталь, прекрасная и ужасная. Она нанесла сильный быстрый удар, искусный и смертоносный. Ударила по вытянутой шее, и отрубленная голова упала как камень. Огромное существо рухнуло, раскинув крылья. Эовин отскочила, и на нее упал рассветный луч, и волосы ее засверкали.

Но тут же, невредимый, восстал Черный Всадник, громадный и грозный, возвысившись над нею. С воплем ненависти, жалившим уши, как смертельный яд, он обрушил свою булаву. Щит разлетелся на множество кусков, рука была сломана, и Эовин рухнула на колени. Он навис над ней как туча, сверкая глазами, и взметнул булаву для смертельного удара.

И вдруг он тоже пошатнулся, завопив от боли, и булава пролетела мимо Эовин и вонзилась в землю. Это Мерри ударил его мечом сзади, пробил черный плащ и под кольчугой перерезал

сухожилия могучего колена.

— Эовин, Эовин! — кричал Мерри.

Шатаясь, борясь с беспамятством, напрягая последние силы, она подняла меч и ударила под корону, когда широкие черные плечи наклонились к ней. Полетели искры, меч разбился на множество осколков. Корона со звоном откатилась в сторону. Эовин упала на своего врага. Но что это? Плащ и кольчуга пусты! Они, съежившись, бесформенные, лежали на земле, разорванные и разбитые. А в задрожавшем воздухе послышался крик, перешедший в резкий вой, унесенный ветром, бестелесный крик. Этот крик улетел, и больше никто никогда не слышал его в этом мире.

Хоббит Мериадок стоял среди груды тел, мигая, как сова при дневном свете. Слезы ослепили его: сквозь туман смотрел он на прекрасное лицо Эовин. Она лежала неподвижно. Он взглянул на короля, павшего в разгар своей славы. Снежная Грива в агонии придавила его. Лошадь стала причиной гибели своего хозяина. Мерри наклонился и поднял его руку, чтобы поцеловать ее. Но вот! Теоден открыл глаза — они были ясными, — он заговорил с усилием, но спокойно:

— Прощайте, мастер Холбитла! — сказал он

Мерри. — Тело мое разбито. Я иду к своим предкам. И даже в их могучем обществе мне нечего будет стыдиться. Я низверг черный полумесяц. Угрюмое утро, радостный день и золотой закат!

Мерри не мог говорить, он снова заплакал.

— Простите меня, повелитель, — сказал он наконец, — я нарушил ваш приказ, но не могу больше ничем послужить вам, только плакать при расставании.

Старый король улыбнулся:

— Не печальтесь. Я прощаю вас. Нельзя отталкивать щедрое сердце. Будьте благословенны. И когда мирно закурите свою трубку, вспомните обо мне! Ибо не сидеть мне с вами в Медусельде, как я обещал, не слушать ваших рассказов.

Он закрыл глаза, и Мерри склонился к нему. Король снова заговорил:

— Где Эомер? Глаза мои застилает тьма, а я хотел бы увидеть его перед уходом. Он будет теперь королем. И я хочу сказать слово Эовин. Она не хотела покидать меня, и теперь я не увижу ее. Она была мне дороже дочери.

— Повелитель, — начал разбитым голосом Мерри, — она...

Но в этот момент раздался гул, вокруг загремели рога и трубы. Мерри оглянулся: он забыл о войне

и обо всем на свете. Ему казалось, что много часов прошло после падения короля, хотя на самом деле прошло совсем немного времени. Тут он увидел, что находится в опасности: войска вскоре должны сойтись снова — и начнется битва.

Силы врага прибывали по дороге от Реки, а из-за стены выходили легионы Моргула. С Юга подоспели пехотинцы Харада, у них в авангарде развернулись всадники, а позади маячили огромные спины мумаков с боевыми башнями на них. С севера белый крест Эомера вел рохиррим, которых он снова собрал и построил, а из города выходили осажденные, отгоняя врага от ворот. И впереди виднелся серебряный лебедь Дол-Амрота.

На мгновение в сознании Мерри вспыхнула мысль: где Гэндалф? Нет ли его здесь? Он мог бы спасти короля и Эовин! Но вот подоспел Эомер, а с ним рыцари из королевской гвардии, сумевшие справиться со своими лошадьми. Они с удивлением смотрели на тело свирепого чудовища, их лошади не хотели идти дальше. Но Эомер соскочил с седла — печаль и отчаяние отразились на его лице, когда он подошел к королю и остановился в молчании.

Один из рыцарей взял из рук павшего королев-

ского знаменосца Гутлава знамя и поднял его. Теоден медленно открыл глаза. Увидев знамя, он сделал знак, чтобы его передали Эомеру.

— Приветствую тебя, король Марки! — проговорил он. — Вперед, к победе! Передай мое прощание Эовин!

С этими словами он умер, так и не узнав, что Эовин лежит рядом с ним. Окружившие его, восклицая: «Король Теоден! Король Теоден!», — заплакали.

Но Эомер сказал им:

Не скорбите слишком! Мужествен был павший,

Храбро встретил гибель. Холм ему насыпав,

Женщины оплачут. Нас же кличет битва! —

Но сам он плакал, когда произносил это.

— Пусть рыцари его останутся здесь, — сказал он, — и с почестями унесут тело с поля битвы! И всех королевских людей, что лежат здесь!

Тут он оглядел павших, вспоминая их имена. Он увидел Эовин, свою сестру, и узнал ее. На мгновение Эомер остановился, словно на полуслове

пронзенный стрелой в сердце. Затем лицо его смертельно побледнело, холодная ярость отразилась на нем, на какое-то мгновение он потерял дар речи.

— Эовин, Эовин! — воскликнул он наконец. — Эовин, как ты оказалась здесь? Какое же безумие, какое колдовство увлекло тебя? Смерть, смерть, смерть! Смерть забирает нас всех!

Ни с кем не советуясь, не ожидая приближения людей из Города, он помчался вперед, навстречу врагу, трубя в рог и громко крича. Над полем звенел его голос:

— Смерть! Вперед, вперед к гибели и концу света!

И все войско пришло в движение. Но рохиррим больше не пели. Громкими и ужасными голосами они кричали: «Смерть!» — и, набирая скорость, как огромный прибой, прокатились мимо своего повелителя и с ревом устремились на юг.

А хоббит Мериадок все еще стоял, моргая от слез, и никто не разговаривал с ним, никто даже не замечал его. Он вытер слезы, наклонился, подобрал зеленый щит, врученный ему Эовин, и повесил его на спину. Потом поискал меч, который теперь мог держать только левой рукой. Но

что это?! Меч его лежал рядом, лезвие же дымилось, как сухая ветвь, сунутая в огонь. И пока он смотрел на него, клинок сморщился, съежился, уменьшился и исчез.

Так пришел конец мечу из Курганов, сработанному на Западе. Но искренне обрадовался бы, узнав его судьбу, тот, кто выковал его давным-давно в Северном Королевстве, когда дунаданы были молоды, а главными их врагами были страшное Королевство Ангмар и его Король-Колдун. Никакое другое лезвие, сколь бы могучая рука его ни направляла, не нанесло бы такой раны и не рассекло бессмертной плоти, разрушив древнее заклятие, делавшее неуязвимым Главу назгулов.

Рыцари набросили на копья плащи и на этих носилках понесли короля в Город. Эовин тоже осторожно подняли и понесли за королем. Но рыцарей королевской гвардии унести не смогли: их пало здесь семеро, и среди них начальник гвардии Деорвайн. Только положили их в стороне от тел врагов и свирепого животного и воткнули над ними копья. Потом уже, когда все кончилось, люди вернулись сюда, разложили костер и сожгли тело крылатого чудовища. А для Снежной Гривы выкопали могилу и установили на ней камень с надписью на языках Гондора и Марки:

Верный слуга, но хозяину — рок несчастливый,

Жеребец легконогий по имени Снежная Грива.

Высокая зеленая трава выросла на могиле Снежной Гривы, но навеки голой осталась земля там, где сгорело чудовище.

Мерри медленно и печально шел за носилками, не обращая больше внимания на битву. Он устал и страдал от боли, все тело его дрожало, как от пронзительного холода. С Моря пришел сильный дождь. Казалось, весь Мир оплакивает Теодена и Эовин. Дождь серыми слезами погасил огни в Городе. Как сквозь туман Мерри увидел авангард защитников Гондора. Имрахил, принц Дол-Амрота, подъехал к ним и натянул поводья.

— Кого несете вы, люди Рохана?

— Короля Теодена, — отвечали ему. — Он мертв. Но войска в битву повел король Эомер, вон там его белый крест.

Принц сошел с коня, преклонил колени в знак уважения к павшему королю и не сдержал слез. Выпрямившись, он взглянул на Эовин и в изумлении воскликнул:

— Неужели это женщина? Неужели и женщи-

ны Рохана в случае необходимости выходят на войну?

— Нет! Только одна, — ответили ему. — Это леди Эовин, сестра Эомера. До этого часа мы не знали о том, что она с нами, и горько оплакиваем ее.

Принц, пораженный красотой девушки, хотя лицо ее было бледно и холодно, взял ее за руку. Наклонившись, он внимательно посмотрел на нее.

— Люди Рохана! — воскликнул он. — Есть ли среди вас лекарь? Она ранена, может быть, смертельно, но еще жива!

Он прижал к ее губам ярко сверкающий стальной нарукавник, и сталь едва различимо затуманилась.

— Нужно спешить! — сказал принц и послал одного из своих людей в Город за помощью.

Потом поклонился павшим, попрощался с ними и, вскочив на коня, умчался в гущу сражения.

И теперь битва еще яростнее разгорелась на полях Пеленнора, и грохот оружия поднимался ввысь, смешиваясь с криками людей и лошадиным ржанием. Ревели боевые рога, выли трубы, мычали мумаки, неволей ввергнутые в войну. Под южными стенами Города гондорские пехотинцы столкнулись с легионами Моргула, все

еще бывшими здесь средоточием силы. Но кавалерия устремилась на восток, на помощь Эомеру: Хюрин — Высокий Ключник и Лорд Лоссарнаха, и Хирлуин с Зеленых Холмов, и принц Имрахил Прекрасный со своими рыцарями, каждый не хуже его.

Но не слишком быстро пришла к рохирримам помощь: счастье изменило Эомеру и ярость предала его. Его гневный удар опрокинул переднюю линию врагов, и большой отряд всадников прошел сквозь ряды южан, отгоняя их кавалерию и убивая пехотинцев. Но к мумакам лошади не осмеливались подходить, они дрожали и сворачивали в сторону. Огромные чудовища были непобедимы, они возвышались как защитные башни, и харадримы собирались вокруг них. И вот наконец харадримы, втрое превышавшие численностью рохирримов, стали брать верх. По полям из Осгилиата двигались новые вражеские отряды. Здесь они собрались для разграбления и поругания Гондора и ждали только сигнала своего Капитана. Теперь он был уничтожен; но Готмог, лейтенант Моргула, бросил их в драку: истерлингов с секирами и вэрьягов с Ханда, южан в пурпуре и черных людей Дальнего Харада, похожих на полутроллей с белыми глазами и

красными языками. Некоторые спешили зайти рохирримам в тыл, другие устремились в западном направлении, чтобы отбросить силы Гондора и не допустить их соединения с Роханом.

И вот, когда удача отвернулась от Гондора, со стен Города послышался громкий крик. Была середина утра, дул сильный ветер, он унес на север дождевые тучи; ярко светило солнце. И в чистом воздухе часовые увидели зрелище, внушившее им ужас, и последние надежды покинули их.

Андуин после изгиба у Харлонда просматривается от Города на несколько миль, и люди с острым зрением издалека увидели приближающиеся корабли и закричали в отчаянии: на фоне блеска воды шел черный флот, подгоняемый ветром, — дромунды, снаряженные и парусами, и веслами, корабли большого водоизмещения со множеством весел и с черными парусами, раздуваемыми ветром.

— Пираты Умбара! — кричали люди. — Пираты Умбара! Смотрите! Идут пираты Умбара! Значит, Белфалас пал, захвачены Этир и Лебеннин! Пираты против нас! Это смертельный удар судьбы!

И некоторые без приказа, потому что никто не руководил ими в Городе, побежали и забили в тревожные колокола. Другие протрубили сигнал

отступления.

— Назад за стены! — кричали они. — Назад за стены! Возвращайтесь в город, иначе все погибнете! — Но ветер, надувавший паруса, уносил эти крики прочь.

Однако рохирримы не нуждались в этих криках, несущих тревожную новость. Они сами хорошо видели черные корабли. Эомер находился всего в миле от Харлонда, и большой вражеский отряд стоял между ним и гаванью. Со всех сторон его обходили враги, отсекая от принца. Он взглянул на Реку, и надежда умерла в его сердце, и ветер, который он раньше благословлял, теперь вызывал у него проклятия. Войско Моргула приободрилось и, полное новой ярости, кинулось в атаку.

Но Эомер не дрогнул. Голова его снова сделалась ясной. Он приказал трубить в рога, чтобы собрать всех людей у знамени: он хотел создать стену из щитов, стоять и бороться, пока не погибнут все, и совершить подвиги, достойные песен о битве на полях Пеленнора, хотя, может быть, на Западе не останется ни одного человека, чтобы вспомнить последнего короля Марки. Он въехал на зеленый холм и установил на нем свое знамя: белый конь на раздуваемом ветром полотнище,

казалось, бежит, точно живой.

Прочь сомнения, прочь тьму, навстречу рассвету

Я иду с песней в сиянии солнца, меч обнажив.

К концу надежды стремлюсь и крушению сердца:

Только гнева, только гибели и красных сумерек ради!

Такие строки произнес он, но при этом смеялся. Снова в нем проснулась радость битвы: он был королем. И, взглянув на черные корабли, Эомер поднял меч, бросая им вызов.

И тут его охватили удивление и великая радость: он подбросил меч, сверкнувший в лучах солнца, и запел, поймав его. Все посмотрели туда, куда и он: на передовом корабле развернулось большое знамя. На нем полыхало Белое Древо, знак Гондора, а над Древом — Семь Звезд и Корона — знаки Элендила, которых люди не видали уже много лет. Звезды пламенели в лучах солнца, вышитые из самоцветов руками Арвен, дочери Эльронда, корона ярко сверкала: она была сделана из митрила и золота.

Так пришел Арагорн, сын Араторна, Элес-

сар, потомок Исилдура, через Тропы Смерти, подгоняемый ветром, летящим с Моря, в королевство Гондор, и радость рохирримов обернулась потоком счастливого смеха и вспышкой взметнувшихся мечей, а восторг и изумление Города — музыкой труб и колокольным перезвоном.

Воины Мордора оторопели: им показалось колдовством, что их собственные корабли несут подмогу противнику. Черный ужас охватил людей Мордора: они поняли, что судьба повернулась против них и близок ее приговор.

На восток двинулись рыцари Дол-Амрота, гоня перед собой врагов: троллей, вэрьягов и орков, ненавидящих солнечный свет. В южном направлении ударил Эомер, и враги бежали перед ним: они оказались между молотом и наковальней, потому что теперь люди спускались с кораблей на причалы Харлонда и неслись как буря. Здесь были Леголас и Гимли с топором, и Халбарад со знаменем, и Эльладан, и Эльрохир со звездами на лбу, и суровые дунаданы, рейнджеры Севера, ведущие за собой большое войско Лебеннина и Ламедо на — южных областей Гондора. А впереди всех шел Арагорн с Пламенем Запада — Андурилом, горящим огнем, восстановленным Нарсилом, не менее смертоносным, чем в древно-

сти; и на лбу Арагорна горела Звезда Элендила.

Наконец Эомер и Арагорн встретились в гуще битвы. Опираясь на мечи, они взглянули друг на друга.

— Вот мы и встретились вновь, хотя все войска Мордора разделяли нас, — сказал Арагорн. — Разве я не говорил этого в Хорнбурге?

— Так вы говорили, — сказал Эомер. — Но надежды часто обманывают, а догадаться, что вы и есть человек, о котором было пророчество, я не мог. Но дважды благословенна счастливая внезапность, и никогда не была встреча друзей более радостной. А помощь более своевременной. Однако вы пришли не очень скоро, мой друг. Многое потеряно, и великая скорбь выпала на нашу долю.

— Так давайте мстить за нее, а не разговаривать, — воскликнул Арагорн, и они вместе кинулись в гущу сражения.

Им предстояла еще жестокая схватка и долгая работа: южане были храбры и отчаянное положение только усилило их ярость, а люди Востока сильны и опытны в военном деле и не просили пощады. То тут то там, у сожженной фермы или амбара, на холме или вокруг кургана, под стеной или в поле, они собирались и сражались, пока не

подошел к концу день.

Солнце зашло за Миндоллуин, заполнив все небо огромным заревом, так что холмы словно залило кровью. Огонь отражался в Реке, и трава Пеленнора алела в преддверии ночи. В этот час завершилась великая битва на полях Пеленнора. И ни одного живого врага не осталось внутри Раммаса. Все были убиты или канули в багровую пену Реки. Мало кто вернулся в Моргул или в Мордор, а в землю харадримов пришли только невнятные слухи — рассказы о гневе и ужасе Гондора.

Арагорн, Эомер и Имрахил ехали к воротам Города. Они так устали, что не чувствовали ни радости, ни печали. Они остались невредимы, ибо такова была их судьба, таковы искусство и мощь их рук — мало кто осмеливался противиться им или смотреть в их глаза в момент гнева. Но многие были ранены, искалечены или лежали мертвыми на полях. Форлонг, сражавшийся в одиночку и пешим, был изрублен секирами. Дуилин из Мортонда и его брат были растоптаны насмерть, когда напали на мумаков, подведя своих лучников на расстояние выстрела, чтобы попасть животным в глаза. Не вернется в Пиннат-Гелин и прекрасный Хирлуин, не вернется

в Гримслейд Гримболд, не покажется больше на Севере суровый следопыт Халбарад. Многие пали: славные и безвестные, капитаны и простые солдаты. То была великая битва, и никакой рассказ о ней не покажется достаточно полным. Так после пел о ней роханский сказитель в песни о могилах Мундберга:

Рога, звенящие в горах, нас известили
О сияющих мечах из Южного Королевства.
Кони мчались в Стоунингленд,
Словно утренний ветер. Война разгорелась.
Там пал Теоден, Тенглинг могучий,
К залам златым и пастбищам свежим
В равнинах Севера вовек не вернется,
Великий воитель. Хардинг и Гутлав,
Дуинхир и Деорвайн, доблестный Гримболд,
Херефара и Херубранд, Хорн и Фастред
Сражались и пали в стране далекой:
В могилах Мундберга лежат они прахом

Со своими союзниками, лордами Гондора.

Ни Хирлуин Прекрасный к дюнам у моря,

Ни старый Форлонг к цветущим долинам

Арнаха, его родимой сторонки,

Не вернутся с победой; ни стройные лучники

Деруфин и Дуилин — к темным водам

Озер Мортонда под горною тенью.

Смерть и утром и вечером забирала лордов

И тех, кто званием ниже. Долго им теперь спать

Под травою в Гондоре у Великой Реки.

Серая ныне, как слезы, с отблеском серебра,

Тогда была красной и с ревом катила волны:

Пена, с кровью смешавшись, пылала на солнце;

Как сигнальные башни, горы горели под вечер;

На Раммас-Эхор алая пала роса.

Глава VII

Погребальный костер Денетора

Когда мрачная тень отступила от ворот, Гэндалф продолжал сидеть неподвижно. Но Пиппин вскочил на ноги, будто с него свалилась огромная тяжесть. Он стоял, слушая голоса рогов, и ему казалось, что сердце его разорвется от радости. Никогда потом не мог он слышать отдаленные звуки рога без слез на глазах. И вдруг он вспомнил о своем деле и побежал вперед. В эту минуту Гэндалф шевельнулся, что-то сказал Обгоняющему Тень и собрался проехать в ворота.

— Гэндалф, Гэндалф! — закричал Пиппин, и Обгоняющий Тень остановился.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Гэндалф. — В Городе существует закон, по которому те, кто носит черное с серебром, должны оставаться в цитадели, если только сам повелитель не разрешит им уйти.

— Он разрешил, — сказал Пиппин. — Он отослал меня прочь. Но я боюсь. Может случиться что-то ужасное. Я думаю, повелитель сошел с ума. Боюсь, что он убьет себя и Фарамира. Вы можете

что-нибудь сделать?

Гэндалф посмотрел через разрушенные ворота на поля, откуда доносились звуки битвы. Он сжал кулаки.

— Я должен идти, — сказал он. — Черный Всадник там, он может погубить все. У меня нет времени.

— Но Фарамир! — воскликнул Пиппин. — Он не мертв, а они сожгут его живьем, если их не остановить.

— Сожгут живьем? — переспросил Гэндалф. — Что это значит? Быстрее!

— Денетор пошел к могилам, — сказал Пиппин, — и взял с собой Фарамира. Он сказал, что все сгорит, а он не хочет ждать, и что они должны сделать погребальный костер и сжечь его и Фарамира. Он послал людей за дровами и маслом. Я сказал Берегонду, но боюсь, он не осмелится оставить пост: он на страже. И что он может сделать? — Пиппин протянул руку и дрожащими пальцами коснулся колена Гэндалфа. — Вы же можете спасти Фарамира!

— Могу, — отозвался Гэндалф, — но если я это сделаю, боюсь, тогда умрут другие. Но раз уж никто, кроме меня, ему не поможет, должен идти я. Какое злое и печальное известие. Даже в сердце

крепости Враг сумел ударить нас: в этом я вижу Его работу.

Приняв решение, волшебник действовал быстро: подхватив Пиппина, он посадил его перед собой и повернул Обгоняющего Тень. Они поднимались по извилистым улицам Минас-Тирита, и гул схватки нарастал за ними. Люди очнулись от отчаяния и страха, потрясали оружием и кричали друг другу: «Рохан пришел!» Собирались отряды, слышались команды. Многие устремились вниз, к воротам.

Они встретили принца Имрахила, и он обратился к ним:

— Куда теперь, Митрандир? Рохирримы сражаются на полях Гондора! Мы должны собрать все силы.

— Вам потребуются все люди, — ответил ему Гэндалф. — Торопитесь. Я приду, как только смогу. Но у меня есть дело к повелителю Денетору, которое не терпит отлагательств. Примите командование в отсутствие повелителя!

Они двинулись дальше. Приближаясь к цитадели, почувствовали дующий в лицо ветер и увидели далеко на юге свет утра. Но это принесло им мало надежды: они опасались, что придут слишком поздно.

— Тьма отступает, — сказал Гэндалф, — но она все еще тяжко давит на Город.

У входа в цитадель они не увидели часового.

— Значит, Берегонд ушел, — с надеждой сказал Пиппин.

Они повернули и кинулись бегом к дверям. Они были широко распахнуты, привратник лежал возле. Он был мертв, ключ от дверей исчез.

— Работа Врага! — сказал Гэндалф. — Он любит такие дела: войну между друзьями.

Он спешился и попросил Обгоняющего Тень вернуться в конюшню такими словами:

— Мы с тобой, дружище, давно бы мчались на битву, если бы меня не отвлекло другое неотложное дело. Но когда я позову, не медли.

Они прошли в дверь и спустились по извивающейся дороге. Свет потускнел, и высокие колонны и резные фигуры по сторонам дороги уходили назад, словно серые призраки.

Внезапно тишину нарушили крики и звон мечей внизу — таких звуков это священное место не слышало никогда. Наконец они вышли на Рат-Динен и поспешили к Дому наместников, чей величественный купол выступал, возвышаясь, из мрака.

— Стойте, стойте! — крикнул Гэндалф, взбегая

на каменные ступени у входа в Дом. — Прекратите безумие!

Здесь стояли слуги Денетора с мечами и факелами в руках. На верхней ступени лестницы стоял один Берегонд, одетый в черный с серебром мундир гвардии: он защищал от них дверь. Двое из слуг уже наткнулись на его меч, окрасив ступени своей кровью. Остальные проклинали его, называя нарушителем законов и предателем своего господина.

Когда Гэндалф и Пиппин пробежали вперед, они услышали изнутри Дома Мертвых голос Денетора:

— Скорее, скорее! Исполняйте приказ! Убейте изменника! Или я должен сделать это сам?

Дверь, которую защищал Берегонд, распахнулась, и в проеме явился повелитель Гондора, высокий и свирепый. В глазах его металось пламя, в руках он держал обнаженный меч.

Но Гэндалф взбежал по ступеням, и люди расступились перед ним, закрывая глаза: его приход был подобен удару белой молнии в темном месте, и он наступал с великим гневом. Он вскинул руку — и меч вылетел из руки Денетора и упал в тень позади. Денетор отступил на шаг.

— В чем дело, повелитель? — возвысил голос

волшебник. — Дома мертвых не место для живых. И почему люди сражаются здесь, в священном месте, когда время сражаться у ворот? Или враг проник уже и на Рат-Динен?

— Повелитель Гондора не обязан отчитываться перед тобой, — ответил Денетор, — или я уже не могу распоряжаться собственными слугами?

— Можете, — сказал Гэндалф. — Но другие могут противиться вашей воле, когда она обращается к безумию и злу. Где ваш сын Фарамир?

— Лежит внутри, — ответил Денетор, — он горит, весь горит. Они подожгли его тело. Но скоро все сгорит. Запад погиб. Все погибнет в огромном огне, все будет кончено. Увы! Пепел и дым развеет ветер!

Гэндалф, убедившись в его безумии и опасаясь, что он уже совершил что-то непоправимое, двинулся вперед; за ним пошли Берегонд и Пиппин, а Денетор отступал, пока не остановился у стола внутри Дома. На столе лежал Фарамир, по-прежнему погруженный в лихорадку. Под столом и вокруг него были нагромождены дрова, политые маслом, даже одежда Фарамира и одеяла пропитались маслом, но огонь к топливу еще не подносили. И тут Гэндалф обнаружил скрывавшуюся в нем силу: он вспрыгнул на вязанки

дров, легко поднял больного, соскочил вниз и понес его к двери. Фарамир застонал и в бреду позвал отца.

Денетор, как будто проснувшись, вздрогнул, огонь в его глазах погас, он заплакал и сказал:

— Не отнимай у меня сына! Он зовет меня.

— Он зовет, — ответил Гэндалф, — но вы не можете еще прийти к нему. Прежде его нужно вылечить, остановив у самого порога смерти. И возможно, не дать его перейти. А ваше дело — участие в обороне Города, где, может быть, и вас ожидает смерть. Вы знаете это в глубине своего сердца.

— Он не проснется, — сказал Денетор. — И битва проиграна. Зачем нам жить? Почему бы не умереть вместе, рядом?

— Вам не дана власть, наместник Гондора, распоряжаться часом своей смерти, — ответил Гэндалф. — Только языческие короли под влиянием Темной Силы поступают так, убивая себя в гордости и отчаянии и убивая своих родственников, чтобы облегчить свою кончину.

И, пройдя через дверь, волшебник вынес Фарамира из Дома смерти и уложил его на носилки, на которых его принесли сюда. Денетор последовал за ним и стоял, дрожа и глядя в лицо сыну. На

мгновение, пока все молча и неподвижно следили за Денетором, тот замер, во власти сомнения.

— Решайтесь! — сказал Гэндалф. — Вы нужны еще там. Предстоит многое сделать.

И вдруг Денетор рассмеялся. Опять высокий и гордый, быстро отступил он к столу и приподнял изголовье. Подойдя к двери, откинул завесу, и — что это?! — в руках его был палантир. Когда Денетор поднял его, всем показалось, что внутри шара зажглось пламя, так что худое лицо повелителя озарилось красным и выглядело так, словно высечено из твердого камня, изборожденное черными тенями, величавое, горделивое и ужасное. Глаза его сверкали.

— Гордость и отчаяние! — воскликнул он. — Ты думаешь, что глаза Белой Башни слепы? Нет, я вижу больше, чем ты подозреваешь, Серый дурень! Твоя надежда объясняется невежеством. Иди и лечи! Иди и сражайся! Суета. Ты можешь отвоевать немного времени, торжествовать победу на день. Но ту силу, что теперь поднялась, победить невозможно. К Городу протянулся лишь один палец. Весь Восток пришел в движение. И даже сейчас ветер твоей надежды обманул тебя: он несет к Андуину флот с черными парусами. Запад проиграл. Для того, кто не хочет быть рабом,

пришло время уходить.

— Такие мысли сделают победу Врага несомненной, — заметил Гэндалф.

— Ну так тешь себя надеждой! — усмехнулся Денетор. — Разве я не знаю тебя, Митрандир? Ты рассчитываешь править за меня, стоять за каждым троном на Севере, на Юге и на Западе. Я прочел твои мысли, понял твою политику. Разве трудно было догадаться, почему ты приказал халфлингу молчать? Ты привел его, чтобы он шпионил за мной! И все же в нашем разговоре я узнал имена и цели всех твоих спутников. Да! Левой рукой ты используешь меня как щит против Мордора, а правой приводишь сюда рейнджеров с Севера, чтобы вытеснить меня. Но знай, Гэндалф Митрандир, что я не стану твоим оружием! Я наместник Дома Анариона. И не желаю быть управляющим, стоящим у трона выскочки. Ну и что с того, что он происходит от Исилдура? Я не желаю кланяться последнему представителю Дома нищих, давно лишившихся власти и достоинства.

— Как же вы поступили бы, будь ваша воля? — спросил Гэндалф. — Чего вы хотите?

— Я хочу, чтобы все шло так, как во все дни моей жизни, — ответил Денетор, — во дни жизни

моих предков: я хочу быть повелителем Города и оставить это место своему сыну, который был бы хозяином самому себе, а не учеником колдуна. Но если судьба отказывает мне в этом, я не желаю ничего: ни низкой жизни, ни любви вполсилы, ни попранного достоинства.

— Не думаю, что наместник, исполнивший свой долг, лишается достоинства или любви, — возразил Гэндалф. — И уж, во всяком случае, вы не должны убивать своего сына, пока его смерть под сомнением.

При этих словах в глазах Денетора снова вспыхнуло пламя. Взяв камень под мышку, он выхватил нож и двинулся к носилкам. Но Берегонд встал между ним и Фарамиром.

— Вот! — воскликнул Денетор. — Ты уже украл половину любви моего сына. Теперь ты крадешь сердца моих рыцарей. Но ты не помешаешь мне исполнить мою волю. Я сам распоряжусь своим концом. Сюда! — позвал он слуг. — Идите, если вы не изменники!

Двое слуг побежали по ступенькам к нему. Он выхватил из рук одного из них факел и устремился в Дом смерти. Прежде чем Гэндалф смог помешать ему, он швырнул факел на дрова, которые мгновенно, с треском и ревом загорелись.

Денетор прыгнул на стол и, окутанный дымом и пламенем, поднял посох наместничества, лежавший у его ног, и переломил его о колено. Швырнув обломки в огонь, он лег на стол, сжимая в руках палантир. И впоследствии, когда люди смотрели в камень, если только у них не хватало силы использовать его по своей воле, видели в нем лишь две старческие руки, охваченные пламенем.

Гэндалф в горе и ужасе отвернулся и закрыл двери. Некоторое время он стоял в задумчивости, а изнутри доносился рев пламени. Затем Денетор испустил громкий крик, и больше никто из смертных его не видел.

— Так уходит Денетор, сын Эктелиона, — сказал Гэндалф. Он обратился к Берегонду и слугам наместника, пораженным ужасом: — И так уходят известные вам дни Гондора. К добру или злу, но они кончились. Злые дела совершались здесь. Но теперь отбросьте всякую вражду, потому что она вызвана Врагом и служит Его целям. Вы пойманы в сеть противоречивых поступков, которую сплели не вы. Подумайте, слуги повелителя, слепые в своем повиновении! Если бы не Берегонд, то Фарамир, капитан Белой Башни, уже сгорел бы. Унесите из этого несчастного места своих

погибших товарищей. А мы унесем Фарамира, наместника Гондора, туда, где он сможет спокойно спать — или умереть, если такова его судьба.

Гэндалф и Берегонд подняли носилки и понесли их к Домам Врачевания, а Пиппин пошел за ними, повесив голову. Но слуги повелителя стояли, ошеломленные, и смотрели на обитель смерти. И не успел Гэндалф дойти до конца Рат-Динена, послышался громкий шум. Оглянувшись, он увидел, как треснул купол и из него вырвались клубы дыма. Затем разом и с грохотом камней он обрушился в огненный шквал, и пляшущие языки пламени, не утихая, взметнулись над руинами. Только тогда, охваченные ужасом, слуги кинулись вслед за Гэндалфом.

Наконец они снова подошли к главной двери, и Берегонд горестно взглянул на привратника.

— Я всю жизнь буду оплакивать этот свой поступок, — сказал он, — но я не мог ждать, а он не слушал и обнажил свой меч. — Ключом, давеча взятым у мертвого, он закрыл дверь. — Ключ я отдам повелителю Фарамиру.

— В отсутствие повелителя командует принц Дол-Амрота, — сказал Гэндалф, — но поскольку его здесь нет, я беру руководство. Сохрани этот ключ у себя до тех пор, пока в Городе не устано-

вится порядок.

Наконец они вошли в верхние круги Города, и в утреннем свете направились к Домам врачевания; то были особняком стоящие прекрасные здания для ухода за теми, кто был тяжело болен, но теперь они были приспособлены для приема раненных в сражении или умирающих. Они находились недалеко от входа в цитадель, в шестом круге, возле южной стены; вокруг них раскинулись сад и лужайка — единственные в Городе. Здесь постоянно находились женщины, которым позволено было остаться в Минас-Тирите, поскольку они были искусны в лечении или в помощи лекарям.

Но как только Гэндалф и его спутники приблизились с носилками к главному входу в Дома врачевания, они услышали громкий крик, поднявшийся с поля перед воротами, внезапно выросший, вонзившийся в самое небо и только там развеянный ветром. Так ужасен был этот крик, что на мгновение все замерли, а когда он затих, упавшие сердца внезапно взмыли, подхваченные такой надеждой, какой они не знали с тех самых пор, как Тьма пришла с Востока; и показалось им, что свет сделался ясным и солнце прорвало тучи.

Однако лицо Гэндалфа оставалось печальным и строгим. Попросив Берегонда с Пиппином отнести Фарамира в Дома врачевания, он направился к ближайшей стене. Здесь он стоял, как вырезанная из камня фигура, и смотрел вниз. И увидел данным ему зрением все происходящее. И только когда Эомер, вернувшись с битвы, подъехал к павшим, Гэндалф вздохнул, завернулся в плащ и ушел со стены. Покинув Дома врачевания, Берегонд и Пиппин увидели у входа Гэндалфа, стоявшего в задумчивости.

Некоторое время он молчал, потом обратился ко всем, кто был рядом:

— Друзья мои и все люди этого города и всех западных земель! Произошло славное и скорбное событие. Должны ли мы плакать или радоваться? Случилось то, на что мы не надеялись: уничтожен Капитан наших противников, и вы слышали эхо его последнего и отчаянного крика. Но он ушел не без борьбы и принес нам горькие утраты. Я мог бы предотвратить их, если бы не безумие Денетора. Как далеко протянулись руки Врага! Увы! Но теперь я вижу, как Его воля сумела проникнуть в самое сердце Города. Хотя наместники считали, что эта тайна известна лишь им, я давно догадывался, что в Белой Башне хранится один из семи

палантиров, чудесных камней дальнего зрения. В дни своей мудрости Денетор не использовал его, не желая бросать вызов Саурону и сознавая ограниченность своей силы. Но мудрость его слабела, и боюсь, что, когда возросла опасность для его королевства, он посмотрел в камень и был обманут: слишком часто обманывали его со времени ухода Боромира. Он был слишком велик, чтобы подчиниться воле Темной Силы, но, тем не менее, видел лишь то, что эта Сила позволяла ему видеть. Знания, которые он таким образом получал, несомненно, часто приносили ему пользу. Но вид великой мощи Мордора, которую ему показывали, сеял отчаяние в его сердце до тех пор, пока он не обезумел совершенно.

— Теперь я понимаю то, что казалось мне странным, — проговорил Пиппин, содрогаясь от воспоминания. — Повелитель уходил из комнаты, где лежал Фарамир. И когда он вернулся, я заметил в нем перемену: он выглядел постаревшим и разбитым.

— В тот самый час, когда Фарамира принесли в башню, многие из нас видели странный свет в верхних покоях, — сказал Берегонд. — Но мы замечали этот свет и раньше, и в городе давно говорили, что иногда повелитель мысленно бо-

рется с Врагом.

— Увы! Значит, я догадался верно, — сказал Гэндалф. — Так воля Саурона проникла в Минас-Тирит, и это меня задержало. Я вынужден буду еще некоторое время оставаться здесь, потому что, кроме Фарамира, скоро будут и другие раненые. А сейчас я должен спуститься, чтобы встретить тех, кто придет. Я видел на поле зрелище, опечалившее мое сердце, а может прийти еще большая печаль. Иди со мной, Пиппин! А вы, Берегонд, вернитесь в цитадель и расскажите командиру гвардии о том, что произошло. Его обязанностью будет, как я думаю, отстранить вас от службы в гвардии. И скажите ему, что я советую послать вас в Дома врачевания, чтобы вы охраняли своего капитана и служили ему, чтобы вы были рядом, когда он очнется — если он очнется, — ибо вы спасли его от огня. Идите же! Я скоро вернусь.

С этими словами Гэндалф повернулся и направился вместе с Пиппином в нижний город. И когда они спускались, ветер принес серый дождь — пожары погасли, и на их месте поднялись столбы дыма.

Глава VIII

Дома врачевания

Глаза Мерри застилало туманом от слез и усталости, когда он подходил к разрушенным воротам Минас-Тирита. Он мало внимания обращал на обломки и разрушения вокруг. Огонь, дым и зловоние заполняли воздух — много машин было подожжено и брошено в огненные ямы вместе с телами убитых. Тут и там лежали наполовину сгоревшие трупы огромных чудовищ, убитых камнями из катапульт или застреленных в глаз доблестными лучниками. Дождь на время прекратился, показалось солнце, но весь нижний город по-прежнему был окутан удушливым дымом.

Люди уже расчищали путь через обломки и другие следы битвы. От ворот принесли носилки. Эовин осторожно уложили на мягкие подушки, тело короля накрыли драгоценным золотым покрывалом. Перед ними несли факелы, и их пламя, бледное в солнечных лучах, раздувалось ветром.

Так прибыли в столицу Гондора Теоден и Эовин, и все, кто видел их, обнажили головы и покло-

нились. Процессия прошла через пепел и копоть сожженного круга и начала подниматься по каменным улицам. Мерри этот подъем показался вечным, каким-то бессмысленным путешествием в кошмарном сне, все длящимся и длящимся, движущимся к неизвестному концу.

Факелы перед хоббитом медленно потускнели, он шел во тьме и думал: «Это туннель, ведущий к могиле, здесь мы останемся навсегда».

Как вдруг в его грезы ворвался голос:

— Мерри! Хвала удаче, я нашел тебя!

Мерри поднял голову, и туман в его глазах немного рассеялся. Пиппин! Они лицом к лицу столкнулись на узкой пустой улочке. Мерри протер глаза.

— Где король? — спросил он. — И Эовин?

Потом повернулся, сел на какой-то порог и снова начал плакать.

— Их унесли, — сказал Пиппин. — Ты, наверно, уснул на ходу и свернул не в ту сторону. Когда обнаружилось, что тебя с ними нет, Гэндалф послал меня на поиски. Бедный старина Мерри! Как же я рад снова видеть тебя! Но ты устал, и я не стану беспокоить тебя расспросами. Скажи, ты ранен?

— Нет, — ответил Мерри. — Я думаю, что нет. Но у меня не действует правая рука, Пиппин, с

тех пор, как я ударил *его*. И мой меч сгорел, как кусок дерева.

Пиппин встревожился.

— Лучше пойдем поскорее, — сказал он. — Может, тебя понести? Ты не можешь больше идти. Тебе вообще нельзя было позволять идти, но прости их. Так много ужасного произошло в Городе, Мерри, что легко было просмотреть одного бедного хоббита, возвращающегося с битвы.

— Не всегда плохо, когда тебя не замечают, — сказал Мерри. — Меня не заметил... Нет, нет, не хочу об этом! Помоги мне, Пиппин! Все темнеет перед глазами, и рука у меня такая холодная...

— Обопрись на меня, Мерри! Идем! Потихоньку, шаг за шагом. Здесь близко!

— Ты пришел, чтобы похоронить меня? — вдруг спросил Мерри.

— Конечно нет, — ответил Пиппин, стараясь, чтобы голос у него звучал весело, хотя сердце его разрывалось от страха и жалости. — Нет, мы идем в Дома врачевания.

Друзья свернули с узкой улочки между высокими домами и стеной четвертого круга и вышли на главную улицу, поднимающуюся к цитадели. Шаг за шагом шли они, пока Мерри не зашатался и не принялся бормотать как в бреду.

«Я не доведу его, — подумал Пиппин. — Неужели никто не поможет мне? Не могу же я его здесь оставить».

И как раз в эту секунду сзади подбежал мальчик, и Пиппин узнал в нем Бергила, сына Берегонда.

— Привет, Бергил! — сказал он. — Куда ты идешь? Рад снова видеть тебя живым и невредимым.

— У меня поручение к лекарям, — ответил Бергил. — Не могу задерживаться.

— И не нужно! — заметил Пиппин. — Но скажи им, что у меня тут раненый хоббит, вернувшийся с битвы. Сам он дойти не сможет. Если Митрандир там, он будет благодарен за это сообщение.

Бергил убежал.

«Лучше я подожду здесь», — подумал Пиппин. Он осторожно опустил Мерри на мостовую и сел рядом с ним, положив голову друга себе на колени. Потом взял его за руки. Правая рука Мерри была холодна как лед.

Вскоре появился сам Гэндалф. Он склонился к Мерри и тронул его лоб, потом осторожно поднял его.

— Он заслужил честь быть почетным гостем в этом городе, — сказал волшебник. — Он оправдал мое доверие, ибо если бы Эльронд не послушался

меня, то ни ты, ни Мерри не выступили бы с нами, и тогда печальные дела этого дня были бы гораздо печальнее. — Он вздохнул. — Вот и еще один раненый на моем попечении, а в сражении до сих пор нет перевеса на нашей стороне.

И вот наконец Фарамира, Эовин и Мериадока уложили в постели в Домах врачевания, и там за ними хорошо ухаживали. Хотя знания древних в эти дни во многом были забыты, в Гондоре сохранилось умение лечить раны и болезни. Не умели только исцелять старость. И действительно, продолжительность жизни гондорцев теперь не намного превышала продолжительность жизни других людей и мало кто из них доживал до ста лет, за исключением семей с чистой кровью. Искусство врачевания переживало упадок в последние годы: появился недуг, названный *черной тенью*, потому что исходил от назгулов. Пораженные им впадали в глубокий сон, тело их становилось холодным, и они умирали. И лекари заключили, что халфлинг и леди Рохана тяжело поражены этой болезнью. Утром они бормотали в бреду какие-то слова, и лекари внимательно слушали их, надеясь узнать что-нибудь такое, что может облегчить их положение. Но скоро раненые вновь впадали в забытье, и, по мере

того как солнце склонялось к западу, лица их все более заволакивало тенью. Фарамир же горел в лихорадке, которую ничем не могли успокоить.

Гэндалф переходил от одного больного к другому, и ему передавали всё, что они сказали в бреду. Так тянулся день, а битва за стенами Города продолжалась, и всё новые странные известия приходили к Гэндалфу. А он по-прежнему ждал и наблюдал за больными. Наконец красный закат залил все небо, и свет через окна упал на серые лица больных. И стоявшим рядом показалось, что на этих лицах проступил слабый румянец и здоровье возвращается к ним, но это был лишь обман зрения.

Старая женщина по имени Иорет, старшая из обслуживающих Дома, глядя на прекрасное лицо Фарамира, заплакала, ибо, как все, любила его, и сказала:

— Увы! Он умрет. Если бы здесь были короли Гондора, как в старые времена. Ибо сказано в старину: руки короля — руки целителя. Так можно узнать законного короля.

И Гэндалф, стоявший возле, проговорил:

— Люди должны надолго запомнить ваши слова, Иорет! В них наша надежда. Может быть, король действительно вернулся в Гондор, или

вы не слышали странных новостей, достигших Города?

— Я была слишком занята, чтобы обращать внимание на разговоры.

Гэндалф поспешно вышел. К этому времени небесный пожар погас, холмы померкли и серый, как пепел, вечер наполз на поля.

На закате Арагорн, Эомер и Имрахил со своими капитанами и рыцарями подошли к воротам, и здесь Арагорн сказал:

— Поглядите на солнце, горящее великолепным пламенем! Это знак конца и крушения множества вещей, знак перемены в течении Мира. Но этот город и королевство долгие годы управлялись наместниками, и боюсь, что, если я войду незваным, возникнут сомнения и споры, а их не должно быть, пока не завершится война. Я не войду и не стану делать никаких заявлений, пока не станет ясно, кто побеждает: мы или Мордор. Мою палатку установят в поле, и здесь я буду ждать приглашения повелителя Города.

Но Эомер сказал:

— Вы уже подняли знамя королей и показали знаки Дома Элендила. Хотите скрыть их?

— Нет, — ответил Арагорн, — но я считаю, что время еще не пришло. Не хочу бороться ни с кем,

кроме нашего Врага и Его слуг.

И принц Имрахил сказал:

— Ваши слова мудры, если их сможет оценить повелитель Денетор. Он горд и обладает сильной волей, но он стар. К тому же после смерти сына он очень изменился. Но я не заставил бы вас оставаться у дверей, как нищего.

— Не как нищего, — сказал Арагорн, — а, скажем, как капитана рейнджеров, которые не привыкли к городам и домам из камня. — И он приказал свернуть свое знамя. Сняв Звезду Северного Королевства, он отдал ее на хранение сыновьям Эльронда.

Тогда принц Имрахил и Эомер Роханский оставили его, прошли через Город, через толпы людей и поднялись в цитадель. Они пришли в зал башни, разыскивая наместника. Но кресло его было пусто, а на помосте лежал король Марки Теоден. Около него горело двенадцать факелов и стояло двенадцать часовых — рыцарей Гондора и Рохана. Его ложе было застелено зелеными и белыми тканями, а сам король был по грудь укрыт драгоценной парчой, поверх которой лежал его обнаженный меч, а в ногах короля — щит. Свет факелов отражался в его белоснежных волосах, как солнце в брызгах фонтана. Лицо его было

прекрасно и молодо. Только вот спокойное выражение лица юности не свойственно. Казалось, король спит.

Принцы молча постояли возле короля, и Имрахил прошептал:

— Где наместник? И где Митрандир?

А Эомер добавил:

— Где леди Эовин, моя сестра? Она должна лежать рядом с королем. Куда ее положили?

Но Имрахил на это возразил:

— Леди Эовин была жива, когда ее несли сюда. Разве вы не знаете?

Надежда так неожиданно вспыхнула в сердце Эомера, а с ней страх и забота, что он больше ничего не сказал, а повернулся и стремительно покинул зал. Принц последовал за ним. Когда они вышли, уже опустился вечер и многочисленные звезды зажглись в небе. Подошел Гэндалф и с ним человек, закутанный в серое. Они встретились у входа в Дома врачевания. Поздоровавшись с Гэндалфом, они обратились к нему:

— Мы ищем наместника. Люди говорят, что он здесь. Неужели он ранен или болен? И где леди Эовин?

И Гэндалф ответил:

— Она лежит там! Она не мертва, но близка

к смерти. А Фарамир ранен злой стрелой, как вы, наверное, слышали, и он теперь новый наместник: Денетор ушел, и дом его превратился в пепел.

И они преисполнились горя и удивления от его слов.

— Итак, победа лишает радости. Какое горькое совпадение, что Гондор и Рохан в один день лишились своих повелителей. Но рохирримами правит Эомер. А кто будет править Городом? Не нужно ли послать за Арагорном?

И закутанный в плащ человек сделал шаг к лампе и сказал:

— Он пришел.

И они увидели, что это Арагорн, одетый в серый плащ из Лориена поверх кольчуги и не имеющий на себе никаких отличительных знаков, кроме зеленого камня Галадриэли.

— Я пришел по просьбе Гэндалфа, — сказал он. — Но пока я всего лишь капитан дунаданов из Арнора. Принц Дол-Амрота будет править Городом, пока не придет в себя Фарамир. И мой совет: пусть Гэндалф правит всеми нами во все последующие дни и во всех делах, связанных с Врагом.

И все согласились с ним.

Тогда Гэндалф сказал:

— Не будем стоять у дверей: время дорого. Войдем! Лишь в приходе Арагорна остается надежда для тех, кто лежит в Домах врачевания. Так сказала Иорет, мудрая гондорская женщина: «Руки короля — руки целителя, и так можно узнать истинного короля».

Арагорн вошел первым, остальные — следом. У входа стояли два стражника в мундирах цитадели: один — высокий, а другой — ростом с мальчика.

Маленький, увидев Арагорна, громко воскликнул от удивления и радости:

— Скороход! Как хорошо! Я догадывался, что это вы на черных кораблях. Но все кричали: «Пираты!» — и не слушали меня. Как вы это проделали?

Арагорн рассмеялся и взял хоббита за руку.

— Приятная встреча! Но сейчас не время для разговоров.

Имрахил же удивленно обратился к Эомеру:

— Разве так зовут нашего короля ? Может, он примет другое имя?

Арагорн, услышав его, обернулся и ответил:

— Вероятно, поскольку на высоком языке древности я — Элессар, Эльфийский Камень, и Энвиньятар, Обновитель. — И он снял с груди зе-

леный камень. — Но если будет основан мой Дом, имя ему будет Скороход. На высоком древнем языке это будет звучать не так прозаично — Тельконтар. Так будут называться и все мои потомки.

С этими словами они вошли в Дома врачевания, и по дороге к покоям, где лежали страждущие, Гэндалф рассказывал о деяниях Эовин и Мериадока.

— Я долго стоял над ними, — сказал он, — и они многое говорили в бреду, прежде чем впасть в смертельную тьму. К тому же мне дано видеть многое.

Арагорн прежде подошел к Фарамиру, потом к леди Эовин и наконец к Мерри. Всмотревшись в лица больных, он вздохнул:

— Мне придется применить всю мою силу и все искусство. Лучше бы тут оказался Эльронд: он старейший в нашей расе и обладает наибольшим могуществом.

А Эомер, видя, что Арагорн печален и устал, предложил:

— Может, вы сначала отдохнете хотя бы немного?

Но Арагорн отказался:

— Нет, эти трое, и особенно Фарамир, не могут ждать. Нужно торопиться.

Потом он подозвал Иорет и спросил:

— Есть ли в этом доме запас лечебных трав?

— Да, повелитель, — ответила она, — но, думаю, их недостаточно, они не помогут. Не знаю, где найти другие травы: все сгорело в эти несчастливые дни и все дороги закрыты. Уже много дней никто не приезжал с травами из Лоссарнаха. Но попробуем получше использовать то, что у нас есть, если вы знаете, что нужно делать.

— Посмотрим, — ответил Арагорн. — Но прежде всего: есть ли у вас ателас?

— Не знаю, повелитель, — сказала она, — во всяком случае, не под таким названием... Пойду спрошу знатока трав: ему ведомы все старые названия.

— Ее называют также *королевский узор*, — заметил Арагорн, — и может быть, вы знаете ее под таким названием, потому что в поздние дни так ее называли крестьяне.

— Ах это! Ну, если бы ваша милость так сразу и сказали, я бы ответила вам. Я уверена, что здесь этой травы нет. И я никогда не слыхала, чтобы она обладала каким-нибудь достоинством. Часто говорила я своим сестрам, когда мы встречали эту траву в лесу: «Королевский узор. Что за странное название! Интересно, почему ее так называют?

Если бы я была королевой, в моем саду росли бы растения покрасивей». Когда ее разотрешь, она приятно пахнет, верно? Приятно — не то слово. Может, правильнее сказать — полезно?

— Очень полезно, — сказал Арагорн. — Теперь, моя милая, когда вы действительно любите повелителя Фарамира, бегите так же скоро, как скор ваш язык, и принесите мне королевский узор, если в Городе найдется хотя бы листок.

— А если нет, — сказал Гэндалф, — я поскачу с Иорет в лес Лоссарнаха, и Обгоняющий Тень покажет, что такое скорость.

Когда Иорет ушла, Арагорн попросил других женщин приготовить горячей воды. Потом он взял руку Фарамира в свою, а другую руку положил больному на лоб. Фарамир не двигался и, казалось, не дышал.

— Он почти погиб, — сказал Арагорн, поворачиваясь к Гэндалфу. — Но не от раны. Смотрите: она излечена. Если бы его ударила стрела назгула, как вы думали, он бы уже умер. Он ранен стрелой южанина. Кто ее выдернул? Сохранилась ли она?

— Я вынул стрелу и остановил кровотечение, — сказал Имрахил. — Но стрелы я не сохранил: дел и без того хватало. Она была точно такой, какие

используют южане. Но я думал, она вылетела из Тени: иначе непонятно его состояние, ведь рана сама по себе неглубока. Как вы это объясните?

— Усталость, горе из-за отца, рана и... больше всего — Черное Дыхание, — сказал Арагорн. — Он человек сильной воли, потому и приблизился вплотную к Тени еще перед битвой. И она медленно захватывала его. Если бы я оказался здесь раньше!

Тем временем появился травник.

— Ваша милость спрашивает о растении, которое на простом языке называется *королевский узор*, а на высоком — *ателас*, — заговорил он. — А те, кто знает валинорский язык...

— Я знаю, — перебил его Арагорн, — и мне все равно, назовете ли вы его *асеа аранионом* или *ателасом*.

— Прошу прощения, ваша милость. Я вижу, вы не только военачальник, но и настоящий знаток трав. Но увы, сэр, мы не держим эту траву в Домах врачевания: здесь врачуются только серьезные недуги и тяжелые раны. А лечебные свойства этой травы нам неизвестны. Ее можно использовать, только чтобы был приятный запах в воздухе или чтобы разогнать легкую усталость. Впрочем, может быть, вы обратили внимание на странное

стихотворение, которое женщины, такие как наша добрая Иорет и ее подруги, повторяют, не понимая его значения:

Если Черным Дыханием веет,
И смертельная тень леденеет,
И свет в окоеме погас,
Приди, ателас! Приди, ателас! —
Мертвому жить веля,
Из рук самого Короля!

Но, боюсь, это просто бессмыслица, чепуха, сохранившаяся в памяти старух. Предоставляю вам самим судить о значении этой загадки, если сумеете. Но старики до сих пор используют настойку этой травы от головной боли.

— Тогда, во имя Короля, идите и отыщите этих стариков, меньше знающих, но более мудрых, отыщите у них эту траву! — воскликнул Гэндалф.

Арагорн наклонился к Фарамиру и положил ладонь ему на лоб. Окружающие видели, что идет борьба. Лицо Арагорна от усталости и напряжения сделалось серым. Время от времени он произносил имя Фарамира, каждый раз все тише и слабее, как будто сам Арагорн удалялся от них и

бродил где-то далеко в темной долине, призывая того, кто потерян.

Наконец прибежал Бергил и принес шесть листиков.

— Это королевский узор, сэр, но несвежий. Его сорвали не меньше двух недель назад. Надеюсь, он пригодится. — И, взглянув в лицо Фарамиру, он зарыдал.

Но Арагорн улыбнулся.

— Пригодится, — сказал он. — Худшее позади. Не плачь!

Положив на ладонь два листка, он подул на них, а потом размял, и странная живительная свежесть наполнила комнату, воздух будто зазвенел в ушах, искрясь радостью. Затем Арагорн бросил листья в котел с кипятком, и все почувствовали радость в сердцах, ибо доносившийся до них запах напоминал о прохладном утре и ярком солнце, озаряющем Мир, не знающий тени. Арагорн выпрямился, приободрившись, и в глазах его играла улыбка. Он поднес котел к лицу Фарамира.

— Ну кто бы мог поверить! — шепнула Иорет другим женщинам. — Эта трава лучше, чем я думала. Она напомнила мне о розах Имлот-Мелюи той поры, когда я была еще девчонкой.

Неожиданно Фарамир зашевелился, открыл глаза и взглянул на склонившегося к нему Арагорна. В глазах его вспыхнул свет сознания и любви, и он тихонько сказал:

— Повелитель, вы звали меня. Я пришел. Что прикажете мне?

— Не уходить больше в Тень и проснуться, — ответил Арагорн. — Вы устали. Немного отдохните, подкрепитесь и подготовьтесь к моему возвращению.

— Хорошо, повелитель, — сказал Фарамир. — Кто же станет лежать без дела, когда король вернулся!

— Тогда расстанемся на время, — сказал Арагорн. — Я должен идти к другим нуждающимся во мне.

И он вышел из комнаты вместе с Гэндалфом и Имрахилом. Но Берегонд и его сын остались, не в силах сдержать своей радости. Пиппин, семенивший за Гэндалфом, услыхал восклицание Иорет:

— Король! Вы слышали? А я что говорила? «Руки короля — руки целителя» — вот мои слова!

И вскоре по всему Городу распространилась из Домов врачевания весть о том, что вернулся король и что после войны он принесет исцеление.

Арагорн вошел к Эовин и сказал:

— Вот где самая серьезная рана и самый тяжелый удар. Сломанная рука получила нужное лечение и скоро срастется, если у Эовин будут силы для жизни. Поранена у нее левая рука, но главная опасность идет от руки, державшей меч. Она кажется неживой, хотя и не сломана.

— Увы! Она сражалась с врагом, превосходящим силы ее души и тела. Тот, кто поднимает оружие на такого врага, должен быть крепче стали — и все равно может погибнуть. Злая судьба привела ее на его тропу. Она прекрасная девушка, самая прекрасная из всех королев. И все же не знаю, как говорить с нею. Когда я впервые посмотрел на нее и понял, как она несчастна, мне показалось, что я вижу прекрасный и гордый белый цветок, похожий на лилию, нежный и в то же время прочный, будто выкован из стали. А может, это мороз превратил его сок в лед — и вот он стоит, все еще прекрасный, но обреченный на гибель. Ее болезнь началась гораздо раньше этого дня — верно, Эомер?

— Я удивляюсь, что вы спрашиваете меня об этом, — ответил Эомер. — Ведь Эовин, моя сестра, не была холодна, пока не увидела вас. Она была заботлива и неутомима и разделяла со мной все тревоги во дни Змеиного Языка и болезни

короля, и она ухаживала за королем с растущим в ней страхом. Но не это привело ее к такому состоянию.

— Друг мой, — вмешался в разговор Гэндалф, — у вас были лошади, воины, просторное поле, но она, от роду слабая девушка, в конечном счете оказалась сильнее духом и храбрее вас. А ведь она была осуждена находиться рядом со стариком, которого любила как родного отца, и видеть, как впадает он в позорное слабоумие, и ее роль казалась ей более низкой, чем посох, на который он опирался. Вы думаете, яд Змеиного Языка был предназначен только для ушей Теодена? «Старый дурак! Что такое Дом Эорла, как не крытый соломой сарай, где пирует банда пьяных в дым разбойников, а их отродье возится на полу с собаками!» — разве вы не слышали этих слов раньше? Их произнес Саруман, учитель Змеиного Языка. Хоть я и не сомневаюсь, что дома Змеиный Язык облекал их смысл в более хитрые речи. Повелитель, если бы любовь сестры к вам и сознание своего долга не запечатали ее уст, вы многое могли бы услышать. И кто знает, что говорила она наедине с собой, во тьме, в горечи своих ночных бдений, когда жизнь казалась ей конченой, а стены спальни смыкались вкруг нее, как прутья

клетки вкруг пойманной вольной птицы?

Эомер молча посмотрел на сестру, как бы заново переживая прошлое. Но Арагорн сказал:

— Я видел то же, что и вы, Эомер. Мало найдется в мире горестей, равных этой: видеть любовь прекрасной и отважной леди и не ответить на нее. Печаль и жалость сопровождали меня после нашей последней встречи в Данхэрроу. И не за себя боялся я, а за то, что может случиться с нею. И все же, я говорю вам, Эомер, она любит вас больше, чем меня. Вас она любит и знает. А во мне она любит лишь свое воображение и надежду на славу и великие деяния, надежду увидеть земли, далекие от полей Рохана. У меня, может быть, хватит сил исцелить ее тело, вывести ее из темной долины. Но для чего она очнется — для надежды, забытья или отчаяния, — я не знаю. И если для отчаяния, то лучше ей умереть, разве что придет другой исцелитель, более искусный, чем я. Увы! А ведь свершенное ею ставит ее в ряд с величайшими королевами.

Арагорн наклонился и посмотрел в лицо Эовин, белое как лилия, холодное как лед и твердое как гладкий камень. Поцеловав ее в лоб, он тихо позвал:

— Эовин, дочь Эомунда, проснись! Твой враг

ушел!

Она не шевельнулась, но все увидели, что она задышала глубже: грудь ее под белым покрывалом поднималась и опускалась. Арагорн снова растер два листка ателаса и бросил их в кипящую воду. Этой водой он смочил ей лоб и правую руку, холодную и бесчувственную.

— Проснись, Эовин, леди Рохана! — снова проговорил Арагорн и, взяв ее правую руку, почувствовал, как в нее возвращается жизнь. — Проснись! Тень ушла, и Тьма рассеялась!

Вложив ее руки в руки Эомера, он отошел и, проговорив: «Позовите ее», молча вышел из комнаты.

— Эовин, Эовин! — воскликнул Эомер, плача.

Она открыла глаза и улыбнулась:

— Эомер! Какая радость! Говорили, что ты убит. Нет, это были лишь темные голоса в моем сне. Долго ли я спала?

— Недолго, сестра, — ответил Эомер. — Но не думай больше об этом.

— Я страшно устала, — сказала она. — Мне нужно отдохнуть. Но скажи, что с повелителем Марки? Увы! Не говори, что это был сон: я знаю, что это не так. Он мертв, как и предсказывал.

— Он мертв, — подтвердил Эомер, — и просил

перед смертью передать прощальный привет Эовин, более дорогой для него, чем дочь. Он лежит теперь в цитадели Гондора.

— Как печально! — вздохнула она. — Но это все же лучше тех темных дней, когда я думала, что Дом Эорла впадает в бесчестье и скоро станет хуже пастушьего шалаша. А что с королевским оруженосцем, с халфлингом? Эомер, ты должен сделать его рыцарем Марки за храбрость.

— Он лежит поблизости в этом доме, и я пойду к нему, — сказал Гэндалф. — Эомер же останется здесь. Но не говорите о войне и о печали, пока не поправитесь. Великая радость видеть такую отважную леди возрожденной для здоровья и надежды!

— Для здоровья? — ответила Эовин. — Может быть, и так. По крайней мере, пока есть пустое седло какого-нибудь погибшего всадника и дела, которые нужно свершить. Но для надежды? Не знаю...

Гэндалф и Пиппин пришли в комнату Мерри и застали там Арагорна.

— Бедняга Мерри! — воскликнул Пиппин, подбегая к изголовью: ему показалось, что его друг выглядит хуже и лицо у него серое, словно груз скорбных лет лежит на нем. Вдруг Пиппина охва-

тил страх, что Мерри умрет.

— Не бойтесь! — сказал Арагорн. — Я пришел вовремя. Он устал и опечален, он получил такую же рану, как и леди Эовин при попытке поразить смертоносного врага. Но все это поправимо — так силен в нем дух жизни. Он никогда не забудет своего горя, но оно не затмит ему сердца, а лишь прибавит мудрости.

Арагорн положил руку на голову Мерри и, мягко проведя ладонью по кудрявым волосам, коснулся глаз и позвал его по имени. И когда аромат ателаса заполнил комнату, Мерри очнулся и сказал;

— Хочу есть. Который час?

— Время ужина прошло, — ответил Пиппин. — Но я постараюсь принести тебе чего-нибудь, если мне позволят.

— Позволят, — сказал Гэндалф. — Все, чего пожелает этот всадник Рохана, будет дано ему в Минас-Тирите, где отныне он станет пользоваться почетом и великим уважением.

— Замечательно! — сказал Мерри. — В таком случае я предпочел бы сначала ужин, а потом трубку. — И лицо его омрачилось. — Нет, не трубку. Я, наверно, брошу курить.

— Почему? — удивился Пиппин.

— Он умер, — медленно ответил Мерри. — Я все вспомнил. Он сказал, ему жаль, что у него не будет больше возможности поговорить со мной о травах. Это почти дословно, что он сказал. Никогда больше не смогу я курить, не вспоминая о нем и об этом дне, Пиппин, когда он приехал в Исенгард и был так добр к нам.

— Тогда курите и думайте о нем! — сказал Арагорн. — У него было щедрое сердце, он был великий король и всегда исполнял свои клятвы. Он встал из тени для этого последнего прекрасного утра. Хотя ваша служба ему была недолгой, память о ней будет приносить вам радость и славу до конца ваших дней.

Мерри улыбнулся.

— Ладно, — сказал он, — если Скороход снабдит меня всем необходимым, стану курить и думать. У меня в мешке было зелье из запасов Сарумана, но что стало с ним в битве — не знаю.

— Мастер Мериадок, — сказал Арагорн, — коли вы полагаете, что я с огнем и мечом прошел через горы в королевство Гондор, чтобы приносить трубочное зелье беспечному солдату, растерявшему свои вещи, то вы глубоко ошибаетесь. Если ваш мешок не найдется, пошлите за травником. И он скажет вам, что не знает, какие достоинства есть

у травы, которую вы хотите, но что она зовется *западянской травкой* на низком языке и *галенас* — на благородном и что у нее есть и другие названия, и, добавив несколько полузабытых строф, которых никто не понимает, он с сожалением сообщит вам, что этой травы нет в Домах врачевания, и оставит вас размышлять об истории языков. Точно так же поступлю и я. Ибо я не спал в такой постели со времени отъезда из Данхэрроу и не ел ни крошки с самого рассвета.

Мерри схватил его руку и поцеловал ее.

— Мне страшно жаль, — сказал он, — что вы уже уходите. С той самой ночи в Бри мы были для вас лишь обузой. Но мой народ привык в таких случаях говорить меньше, чем чувствует. Мы боимся громких слов.

— Я хорошо знаю это, иначе не имел бы с вами дела, — сказал Арагорн. — Пусть всегда царит благополучие в Шире!

Поцеловав Мерри, он вышел, и Гэндалф вышел за ним.

Пиппин остался.

— Есть ли кто подобный ему? — воскликнул он. — Кроме Гэндалфа, конечно. Я думаю, они как-то связаны между собой. Дорогой ты мой осел, твой мешок лежит у постели. Когда я нашел тебя, он

был у тебя на спине. Арагорн, разумеется, все время видел его. И в любом случае у меня есть для тебя кое-что. Это лонгботтомский лист. Набей трубку, пока я сбегаю и посмотрю насчет еды. И давай немного развеемся. Мы, Туки и Брендибаки, не можем все время оставаться на таких высотах.

— Да, — сказал Мерри. — Я не могу. Пока не могу. Но теперь, Пиппин, мы, по крайней мере, можем их видеть, эти высоты, и воздавать им должное. Лучше сперва полюбить то, что ты способен любить, я думаю: ты же должен откуда-то начинать и где-нибудь иметь прочные корни, а почва Шира глубока. Но все же есть вещи глубже и выше. И никакой садовник не может спокойно ухаживать за своим садом, зная о них. Я рад, что теперь о них знаю немного. Но не знаю, почему я говорю все это? Где лист? И достань мою трубку из мешка, если она цела.

Арагорн и Гэндалф отправились к смотрителю Домов врачевания и сказали, что Фарамир и Эовин останутся здесь и их нужно будет еще лечить много дней.

— Леди Эовин, — сказал Арагорн, — пожелает скоро встать и уехать, но ей нельзя позволить этого, по крайней мере раньше, чем через десять

дней.

— А что касается Фарамира, — добавил Гэндалф, — то он скоро узнает о смерти своего отца. Но всю правду о безумии Денетора ему нельзя рассказывать, пока он окончательно не поправится и не займется своими обязанностями. Проследите, чтобы Берегонд и периан, остающиеся здесь, не говорили с ним об этом.

— А что с другим периано́м — Мериадоком, который на моем попечении?

— Вероятно, он сможет ненадолго встать уже завтра утром, — сказал Арагорн. — Пускай встает, если хочет. Он может немного погулять под присмотром своих друзей.

— Замечательный народ, — сказал смотритель, качая головой. — Исключительно крепкого склада, как я полагаю.

Многие собрались у входа в Дома врачевания, чтобы посмотреть на Арагорна, и ходили за ним следом. Когда Арагорн утолил голод, его стали упрашивать, чтобы он вылечил раненых, лежавших под *черной тенью*. Арагорн послал за сыновьями Эльронда, и вместе они проработали почти всю ночь. И по Городу прошла весть: король действительно вернулся. И назвали его Эльфийским Камнем из-за зеленого камня, и так

имя, которое давно было предсказано, дано было ему его собственным народом.

Когда Арагорн окончательно выбился из сил, он набросил на себя плащ и выскользнул из города, добрался на рассвете до своей палатки и немного поспал. А утром из башни выплыло знамя Дол-Амрота — белый корабль, подобный лебедю, на голубой воде, и люди, глядя вверх, гадали, не был ли приход короля всего лишь сном.

Глава IX

Последний совет

Пришло утро после битвы, и оно было прекрасно. Легкие облака двигались на запад. Леголас и Гимли встали рано и попросили разрешения отправиться в Город: им хотелось увидеться с Мерри и Пиппином.

— Хорошо знать, что они живы, — сказал Гимли, — мы очень переживали за них по пути через Рохан.

Эльф и гном вместе вошли в Минас-Тирит, и народ, видевший их, бросал удивленные взгляды на таких друзей: Леголас был прекрасен лицом и пел ясным голосом песню на языке эльфов, а Гимли шел с ним рядом, поглаживая бороду и глядя по сторонам.

— Славная работа по камню, — сказал он, осмотрев стены. — Впрочем, можно было сделать и получше, да и улицы не мешало бы усовершенствовать. Когда Арагорн возьмет власть, я предложу ему услуги горных мастеров и мы сделаем Город таким, что им можно будет гордиться.

— Они больше нуждаются в садах, — возразил Леголас. — Дома мертвы, и слишком мало тут растительности. Когда Арагорн взойдет на престол, народ Леса доставит ему певчих птиц и бессмертные деревья.

Наконец они встретили принца Имрахила, и Леголас, посмотрев на него, низко поклонился: он почувствовал, что в жилах принца течет наполовину эльфийская кровь.

— Приветствую, повелитель! — воскликнул он. — Уже давно народ Нимродела покинул леса Лориена, и, однако, до сих пор видно, что не все уплыли из гавани Амрота на запад.

— Так говорят предания моей земли, — сказал принц, — но никого из прекрасного народа не видели у нас на протяжении многих лет. И я удивлен встрече с его представителем среди войны и скорби. Что вы ищете?

— Я один из девяти товарищей, выступивших из Имладриса во главе с Митрандиром, — ответил Леголас, — и этот гном, мой друг. Мы прибыли с лордом Арагорном. А теперь мы хотим повидать своих друзей, Мериадока и Перегрина, которые, как нам сказали, теперь в Городе.

— Вы найдете их в Домах врачевания, я отведу вас туда, — сказал Имрахил.

— Достаточно, если вы дадите нам проводника, повелитель; Арагорн посылает вам сообщение. Он не хочет снова входить в Город. Но есть необходимость, чтобы все капитаны посовещались, и он просит, чтобы вы и Эомер Роханский как можно скорее явились в его палатку. Митрандир уже там.

— Мы придем, — сказал Имрахил, и они учтиво расстались.

— Какой прекрасный и могучий повелитель людей! — заметил Леголас. — Если даже в дни упадка у Гондора есть такие, насколько же велика была его слава в дни расцвета!

— И конечно, работа по камню сделана в старину, при основании Города, — вторил Гимли. — Со всеми людскими начинаниями бывает так: ударят заморозки весной или зимой молния — и они отказываются от своих замыслов.

— Но их посевы редко пропадают зря, — сказал Леголас. — Зерно лежит в пыли и грязи и ждет своего часа. Дела людей переживут нас, Гимли.

— И все же в конце концов они ни к чему не придут, мне так кажется, — сказал гном.

— Об этом эльфы ничего не знают, — сказал Леголас.

Подошел слуга принца и отвел их к Домам

врачевания. Они нашли своих друзей в саду, и встреча их была веселой. Некоторое время они прогуливались и беседовали, наслаждаясь кратковременным миром и отдыхом в верхних кругах Города. Потом, когда Мерри устал, сели возле стены, где за их спинами была лужайка Домов врачевания. Перед ними сверкал на солнце Андуин, убегавший туда, где даже зоркие глаза эльфа не могли разглядеть широкие равнины и зеленые поля Лебеннина и южного Итилиена.

Леголас молчал, пока остальные весело болтали, и любовался Рекой: он заметил белых морских птиц, летающих над ней.

— Смотрите! — воскликнул он. — Чайки! Они залетели далеко от Моря. Как волнуют они мое сердце! Никогда в жизни я не встречал их, пока мы не прибыли в Пеларгир, и здесь, когда мы ехали на битву за корабли, я услышал их крики. Я замер и стоял неподвижно, забыв о войне в Средиземье: их плачущие крики говорили мне о Море. Море! Увы! Я до сих пор не видел его. Но глубоко в душе моего народа живет страсть к морю, и опасно затрагивать эту струну. Увы! Больше никогда не знать мне покоя ни под деревом, ни под кустом.

— Не говорите так! — воскликнул Гимли. — В

Средиземье найдется бессчетное множество вещей, на которые стоит посмотреть, и множество замечательных дел, достойных наших усилий. Но если весь ваш прекрасный народ уйдет в Гавани, этот мир станет тусклым для тех, кто обречен в нем остаться!

— Тусклым и унылым! — подхватил Мерри. — Вы не должны уходить в Гавани, Леголас! Здесь всегда найдется кто-нибудь, из великого или малого народа, и даже несколько гномов, таких же мудрых, как Гимли, кто будет нуждаться в вас. По крайней мере, я надеюсь на это. Хотя что-то мне подсказывает, что худшее в этой войне еще впереди. Как бы я хотел, чтобы все это поскорее кончилось, и кончилось хорошо.

— Не будь ты таким мрачным! — закричал Пиппин. — Солнце сияет, и мы снова вместе, на день или два по крайней мере. Я хочу еще кое-что услышать о вас всех. Давайте, Гимли! Вы и Леголас за это утро не менее дюжины раз упоминали свое страшное путешествие со Скороходом. Но вы ничего не рассказывали мне о нем.

— Может, здесь и сияет солнце, — сказал Гимли, — но даже при нем не хотел бы я вызывать из тьмы воспоминания об этой дороге. Если бы я знал, что меня ожидает, никакой дружбы ради не

ступил бы на Тропы Смерти!

— Тропы Смерти? — переспросил Пиппин. — Я слышал это от Арагорна, но не мог и вообразить, что он имеет в виду. Не расскажете ли вы нам поподробнее?

— Очень неохотно, — сказал Гимли. — Потому что на этой дороге я испытал стыд — я, Гимли, сын Глойна, считавший себя более крепким, чем люди, и уж под землей-то куда более сильным, чем любой эльф. Но сам убедился, что это не так; и провела меня по этой дороге только воля Арагорна.

— И любовь к нему, — добавил Леголас. — Ибо всякий, кто знает его, любит его по-своему, даже холодная рохирримская девушка. Ранним утром того дня, когда вы прибыли сюда, Мерри, мы покинули Данхэрроу, и такой страх охватил народ, что никто не вышел даже посмотреть, как мы выходим, никто, кроме леди Эовин, что лежит теперь, раненая, в Домах врачевания. Расставание было печальным, и даже я загрустил при виде его.

— Увы! Моего сердца хватило только на себя самого, — сказал Гимли. — Нет! Я не стану говорить об этом путешествии.

Он умолк. Но Мерри и Пиппин так настаивали,

что Леголас наконец сдался:

— Я поведаю вам достаточно, чтобы вы успокоились: я не испытывал ужаса и не боялся теней, на мой взгляд бессильных и хрупких.

Он быстро рассказал о подгорной дороге призраков, и о темной встрече у Эреха, и о большом переходе в девяносто три лиги оттуда до Пеларгира на Андуине.

— Четыре дня и четыре ночи мы ехали от Черного Камня, — сказал он. — И вот! Во тьме Мордора росла моя надежда, ибо во тьме призрачное войско становилось все сильнее и ужаснее на взгляд. Я видел всадников и пехотинцев, но все они двигались одинаково быстро. Безмолвны были они, но в глазах у них мерцал слабый свет. В верховьях Ламедона они нагнали наш отряд, окружили нас и проехали бы вперед, если бы Арагорн не запретил им. По его приказу они отступили. «Даже тени людей покорны его воле, — подумал я. — Даже они могут беспрекословно служить ему». Один светлый день мы ехали вперед, и пришел день без рассвета, но мы продолжали путь и пересекли Кирил и Рингло. На третий день мы достигли Линхира возле устья Гилрайна. И здесь обороняли брод люди Ламедона, сражаясь со свирепыми жителями Умбара и Хара-

да, приплывшими вверх по Реке. Но защитники и нападающие забыли о битве и бежали, когда пришли мы: они кричали, что на них идет Король Мертвых. Только Ангбор, повелитель Ламедона, нашел в себе мужество остаться, и Арагорн попросил его собрать свой народ и идти за нами, если они осмелятся, когда пройдет серое войско. «У Пеларгира вы будете нужны потомку Исилдура», — сказал ему Арагорн. Так мы перешли Гилрайн, разогнав союзников Мордора. Потом немного отдохнули. Но Арагорн скоро поднялся и сказал: «Минас-Тирит осажден. Боюсь, что он падет до того, как мы придем ему на помощь». И, не дожидаясь утра, мы снова пустились в путь и до самых равнин Лебеннина ехали с такой скоростью, какую только могли вынести лошади.

Леголас помолчал, вздохнул и, обратив взор к югу, тихо запел:

Серебро ручьями течет от Келоса до Эруи

В зеленых лугах Лебеннина!

Высокая там трава растет.

Под ветром, дующим с Моря,

Качаются белые лилии,

И звенят колокольца златые

Маллоса и альфирина
В зеленых лугах Лебеннина
Под ветром, дующим с Моря.

— Зелены луга, о которых поет мой народ. Но теперь они были темны — обширные серые пустыни во тьме вокруг нас. И по этим лугам, топча цветы и траву, гнали мы врагов днем и ночью, пока не дошли до Великой Реки. Тогда я почувствовал в глубине сердца, что мы подошли близко к Морю: широка была вода во тьме и бесчисленные морские птицы кричали по ее берегам. Увы! Разве не говорила мне Леди Галадриэль, чтобы я опасался их криков? Теперь я не могу их забыть.

— Что до меня, так я их и не замечал, — вмешался Гимли, — только и думал что о предстоящем сражении. Здесь, у Пеларгира, стоял главный флот Умбара — полсотни больших кораблей и неисчислимое множество мелких суденышек. И многие из тех, кого мы преследовали, раньше нас достигли гавани и принесли с собой страх. Многие из больших кораблей снялись с якоря, ища спасения выше по Реке или на дальнем берегу. Но харадримы, прижатые к берегу, отчаянно и яростно сопротивлялись. Увидев нас, они рассмеялись: нас было мало, а у них еще сохранялась

главная армия. Вот тогда-то Арагорн остановился и громко крикнул: «Теперь вперед! Призываю вас Черным Камнем!» И серое войско хлынуло, как прибой, заливая все, что было у него на пути. Я слышал слабые крики, отдаленные звуки рогов, ропот бесчисленных голосов — словно эхо какой-то давно забытой битвы из Темных Лет. Взметнулись бледные мечи, но я не знал, могут ли их лезвия разить, ибо казалось, что мертвым ни к чему другое оружие, кроме страха. Никто не смел противостоять им. Они взобрались на все корабли, прошли по воде даже на те, что успели отчалить: моряки от ужаса впали в безумие и прыгали за борт, кроме рабов, прикованных к веслам. Мы без пощады настигали своих разбегающихся врагов, топча их, как листья, и мчались, пока не достигли берега. И тут на каждый из оставшихся больших кораблей Арагорн послал по одному дунадану. Они успокоили пленников на борту, объявив, что отныне они свободны и не должны бояться.

Еще до того, как кончился темный день, никто уже не сопротивлялся нам: одни враги бежали, надеясь добраться до своих южных земель пешком, другие утонули. Я думаю: как странно и удивительно, что эти слуги Мордора побеждены

страхом перед Тьмой и смертью. Собственное оружие обратилось против них.

— Действительно странно, — согласился Леголас. — Я посмотрел на Арагорна и подумал, каким ужасным и великим повелителем мог бы он стать, если бы взял Кольцо себе. Не зря Мордор боится его. Но душа его благородней, чем может вообразить Саурон: Арагорн — потомок самой Лютиен! Никогда не прервется эта линия, хотя и пройдут бесчисленные годы.

— Такие предсказания не гномьего ума дело, — сказал Гимли, — но Арагорн в тот день действительно показал свое могущество. Весь черный флот оказался в его руках. Он выбрал для себя самый большой корабль и взошел на него. Потом приказал трубить в трубы, захваченные у врага, и все призрачное войско отступило к берегу. Здесь стояло оно в безмолвии, едва различимое, лишь в глазах мертвецов отражалось красное пламя горевших кораблей. И Арагорн громко крикнул: «Слушайте слово потомка Исилдура! Ваша клятва исполнена. Возвращайтесь и больше не тревожьте долины! Уходите и успокойтесь!»

И тогда Король Мертвых, возглавлявший войско, сломал свое копье и отбросил обломки в стороны. Потом низко поклонился и повернулся.

И все призрачное войско растаяло, как туман от неожиданного порыва ветра. Мне показалось, что я проснулся.

Той ночью мы отдыхали, а все остальные работали. Было освобождено много пленников и рабов — бывших жителей Гондора, захваченных при набегах. Собралось и большое количество людей Лебеннина и Этира. Прибыл со своими всадниками Ангбор из Ламедона. Теперь, когда исчез страх перед мертвецами, они пришли помогать нам и взглянуть на потомка Исилдура: слух о нем распространялся повсюду, как огонь в ночи.

Конец нашей истории близок. В течение вечера и ночи было подготовлено много кораблей, и на утро флот выступил. Теперь это кажется далеким прошлым, а ведь было только вчера, на шестой день после нашего отъезда из Данхэрроу. Арагорн очень боялся опоздать. «От Пеларгира до причалов Харлонда сорок две лиги, — сказал он. — Но мы должны прибыть к Харлонду завтра. Завтра или никогда!»

На веслах теперь сидели свободные люди, и работали они ожесточенно, и все же мы медленно плыли по Великой Реке, потому что шли против течения, хотя на юге оно не быстрое, вдобавок

и ветер нам не помогал. На сердце у меня было тяжело, но Леголас внезапно рассмеялся: «Выше бороду, сын Дюрина! Сказано ведь: счастье скоро покидает, а добрая надежда — никогда!» Но он не сказал, какую надежду разглядел вдали. И когда пришла ночь, наши сердца сжались: далеко на севере мы увидели под облаками красный отблеск, и Арагорн сказал: «Минас-Тирит в огне!»

Однако в полночь надежда наша и впрямь окрепла. Опытные моряки из Этира, глядя на юг, говорили, что ветер дует с моря и погода меняется. На рассвете мы подняли паруса и поплыли быстрее. Остальное вам уже известно: мы прибыли в третьем часу утра, развернув большое боевое знамя. Это был великий день и великий час, что бы ни ожидало нас впоследствии.

— Что бы нас ни ожидало, великие подвиги никогда не канут в забвение, — подхватил Леголас. — Великим делом был проход по Тропам Смерти, но еще более великие дела ожидают нас. И может, в Гондоре никого не останется, чтобы воспеть их.

— Может, и так, — проговорил Гимли. — Во всяком случае, лица у Арагорна и Гэндалфа хмуры. Любопытно, о чем они совещаются там, внизу, в палатке. Лично я солидарен с Мерри: очень хотелось бы, чтобы наша победа положила

войне конец. Но что бы ни случилось, я надеюсь принять в этом участие, во имя чести народа Одинокой Горы.

— А я — во имя народа Большого Леса, — отозвался Леголас, — и любви Лорда Белого Древа.

Товарищи замолчали и сидели, занятые каждый своими мыслями, а военачальники тем временем обсуждали положение.

Расставшись с Леголасом и Гимли, принц Имрахил немедленно послал за Эомером. Вместе вышли они из Города и пришли к палатке Арагорна, установленной в поле недалеко от места гибели короля Теодена. Здесь они совещались вместе с Гэндалфом, Арагорном и сыновьями Эльронда.

— Милорды, — начал Гэндалф, — слушайте слова наместника Гондора, сказанные им перед смертью: «Вы можете праздновать победу на полях Пеленнора, но силу, которая сейчас восстанет, победить невозможно». Я не хочу, чтобы вы отчаялись, подобно ему, но вдумайтесь в горькую истину этих слов.

Палантиры не лгут, и даже Лорд Барад-Дура не может заставить их сделать это. Он может выбрать, что показать слабому разуму, может исказить смысл видений. Но несомненно: когда

Денетор видел огромные силы, собирающиеся в Мордоре, он видел то, что есть на самом деле.

Наших сил едва хватило, чтобы отбить первый удар. Следующий будет сильнее. Денетор был прав: в этой войне у нас нет надежды. Победу нельзя добыть оружием, станем мы сидеть здесь, отбивая осаду за осадой, или перейдем Реку. Какой выбор сделать? Благоразумие подскажет вам укрепить Город и другие места и ждать нового штурма — так вы немного оттянете неизбежный конец.

— Так значит, мы должны отступить в Минас-Тирит, Дол-Амрот или Данхэрроу и отсиживаться там, как дети в песочном замке в ожидании прилива? — спросил Имрахил.

— Это не было бы новым решением, — ответил Гэндалф. — Разве не так вы поступили в дни Денетора? Но нет! Я сказал, что это было бы благоразумно. Но я не призывал вас к благоразумию. Я сказал, что победу нельзя добыть оружием. Но я по-прежнему надеюсь на победу, только не при помощи оружия. В центре событий сегодня Кольцо Власти, основа Барад-Дура и надежда Саурона.

Обдумав это дело, милорды, вы поймете наше положение и положение Саурона. Если Он получит Кольцо, ваша доблесть напрасна и победа Ею

будет быстрой и полной, настолько полной, что никто не сможет предсказать конец Его владычества, пока существует этот Мир. Если Кольцо будет уничтожено, Он падет, и падение Его будет таким глубоким, что не позволит предположить Его возвышения даже в самом далеком будущем. Ибо Он утратит главную часть своего могущества, свойственную Ему с самого начала. Все, что было сотворено или начато при помощи этого могущества, рухнет, и Он навсегда останется простым искалеченным духом злобы, грызущим себя во тьме, но никогда не сможет снова вырасти и обрести форму. Так будет уничтожено великое Зло в этом Мире.

Могут возникнуть другие злые силы, ведь Саурон сам по себе лишь слуга или посол. Но не наше дело заниматься всеми переменами в Мире. Мы обязаны заботиться лишь о том времени, в котором нам выпало жить, и подрубать корни у того зла, которое нам известно, чтобы те, кто будет жить после, получили для возделывания чистую почву. Что они вырастят в ней — мы знать не можем.

Теперь Саурону известно, что утерянная Им драгоценность снова найдена, но Он еще не знает, где она. По крайней мере, мы на это надеемся. И

потому Он сейчас в великом сомнении. Ибо если мы нашли Кольцо, значит, среди нас есть такой, кто имеет силу владеть им. Это Он тоже знает. Разве я не правильно догадался, Арагорн, что вы показывались Ему в Камне Ортанка?

— Я сделал это перед выездом из Хорнбурга, — ответил Арагорн. — Я решил, что время настало и что Камень появился у меня неспроста. Это было спустя десять дней после того, как мы расстались с Хранителем Кольца у Рауроса, и я подумал, что следует отвлечь Глаз Саурона от Его собственной земли. Слишком редко Ему бросали вызов, с тех пор как Он возвратился в свою башню. Хотя если бы я предвидел, каким быстрым будет Его ответный удар, может, и не осмелился бы показаться Ему. Я едва успел явиться вам на помощь.

— Но как же это? — спросил Эомер. — Все напрасно, говорите вы, если Он владеет Кольцом. А разве Он не должен думать, что бессмысленно нападать на нас, если мы владеем им?

— Он не уверен, — ответил Гэндалф. — К тому же мы не можем овладеть всей силой Кольца за один день. Оно может быть использовано только одним хозяином, а не многими. И Враг постарается ударить прежде, чем самый сильный из нас завладеет Кольцом и низвергнет остальных. В это

время Кольцо может сыграть Ему на руку, если удар будет внезапным.

Саурон не дремлет. Он видит и слышит многое. Его назгулы по-прежнему вездесущи. Они пронеслись над этим полем до восхода солнца, хотя мало кто из усталых и спящих заметил их. Он изучает знаки: меч, лишивший Его сокровища, скован вновь. Ветер судьбы поворачивает в нашу сторону. Его первый удар потерпел неожиданное поражение. Его Великий Капитан погиб. Сомнение Врага нарастает, и Глаз Его теперь устремлен к нам, не замечая больше ничего. Мы должны использовать это. Именно в этом заключена наша надежда. И вот мое мнение. У нас нет Кольца. По мудрости или глупости, мы отдали его, чтобы уничтожить прежде, чем оно уничтожит нас. Без него мы не можем победить Саурона силой. Но мы должны отвлечь Глаз от истинной опасности для Него. Мы не можем достичь победы оружием, но благодаря оружию мы можем дать Хранителю Кольца единственный, хотя и очень хрупкий шанс.

Мы должны продолжать начатое Арагорном. Необходимо заставить Саурона нанести последний удар. Мы должны вызвать на себя Его скрытую силу, чтобы вся Его земля опустела. Мы

должны немедленно выступить Ему навстречу. Мы должны послужить приманкой, даже если Его челюсти сомкнутся на нас. Он возьмет приманку в надежде и алчности, потому что подумает: это безрассудство отражает высокомерие нового Повелителя Кольца. И Он скажет: «Вот! Он слишком быстро и слишком далеко вытянул нос. Пусть идет! Он окажется в ловушке, из которой не сможет выбраться. Тогда я уничтожу его, и то, чем он владеет в своем высокомерии, будет снова моим навсегда».

Мы должны сознательно идти в ловушку, с храбростью, но не слишком надеясь на свои силы. Ибо, милорды, вполне вероятно, что никто из нас не выживет в черной битве вдали от живой земли. И даже если Барад-Дур будет уничтожен, мы не доживем до нового века, но таков, я думаю, наш долг. И это все же лучше, чем погибнуть зря. А мы несомненно погибнем зря, если станем сидеть здесь — сидеть и мучиться от мысли, что новый век никогда не наступит.

Некоторое время все молчали. Прервал тишину Арагорн:

— Как я начал, так я буду продолжать. Мы на самом краю пропасти. Дрогнуть — значит упасть. Не спешите опровергнуть сказанное Гэндалфом,

чья долгая борьба с Сауроном достигла решающего поворота. Если бы не он, все давно уже было бы потеряно. Но я никому не приказываю. Пусть каждый сделает добровольный выбор.

Слово взял Эльрохир, он был по-военному краток:

— Мы затем и пришли с Севера, и отец наш, Эльронд, думает так же. Мы не повернем назад.

— Что до меня, — сказал Эомер, — я не слишком разбираюсь в этих глубоких материях, но оно мне и не нужно. Я знаю — и с меня этого довольно, — что Арагорн помог мне и моему народу. Я пойду.

— У меня тоже нет сомнений, — сказал Имрахил. — Я считаю Арагорна своим королем. Его желание — закон для меня. Я тоже пойду... Но поскольку на мне все еще обязанности повелителя Гондора, должен в первую очередь подумать о его людях. Некоторое благоразумие все же необходимо. Необходимо предусмотреть любую возможность. Мы можем победить, и, пока на это есть надежда, Гондор должен оставаться под защитой. Я не хотел бы вернуться с победой в опустошенную страну и разрушенный город. А от рохирримов мы знаем, что на Севере осталась большая вражеская армия.

— Это верно, — согласился Гэндалф. — И я не

советую уводить из Города весь гарнизон. Больше того — армия, которая бросит вызов Мордору, должна быть невелика и способна быстро передвигаться. Поэтому я спрашиваю у капитанов: какой отряд мы сможем собрать, чтобы выступить не позже, чем через два дня? И воины этого отряда должны идти добровольно, сознавая ожидающую их опасность.

— Все устали, многие ранены, легко и тяжело, — сказал Эомер, — к тому же мы потеряли много лошадей, а эти потери труднее всего восполнить. Если мы должны выступить быстро, то я не могу повести больше двух тысяч, оставив столько же на защиту Города.

— Мы должны считать не только тех, кто сражался на этом поле, — заметил Арагорн. — Новые силы подходят из южных областей, так как берег теперь в безопасности. Два дня назад я послал четыре тысячи из Пеларгира через Лоссарнах, и возглавляет их бесстрашный Ангбор. Если мы выступим через два дня, они будут здесь к этому времени. Еще многим я приказал подниматься вверх по Реке в любых судах, какие они найдут. И с этим ветром они скоро будут здесь, несколько кораблей уже прибыло в Харлонд. Я считаю, что мы сможем повести с собой до семи тысяч всад-

ников и пехотинцев и в то же время оставить в Городе достаточный гарнизон для защиты от нападения.

— Ворота разрушены, — напомнил Имрахил, — и мы не владеем достаточным мастерством для их восстановления.

— В Эреборе, в королевстве Дайна, есть такие мастера, — сказал Арагорн, — и, если наши надежды не погибнут, со временем я пошлю Гимли, сына Глойна, за лучшими мастерами Одинокой Горы. Но люди надежнее ворот, и никакие ворота не защитят от врага, если люди их покинут.

Так закончился совет капитанов: они решили выступить на второе утро с этого дня с семью тысячами, если сумеют их собрать. Большая часть войска пойдет пешком, поскольку поход предстоит в труднопроходимые места. Арагорн возьмет две тысячи из тех, кого он привел с Юга. Имрахил — три с половиной тысячи. Эомер — пятьсот рохирримов, лишившихся коней, но готовых к боевым действиям, и пятьсот лучших всадников. Будет и еще один отряд в пятьсот всадников, среди которых поедут сыновья Эльронда, дунаданы и рыцари Дол-Амрота. Всего — шесть тысяч пехотинцев и тысяча всадников. Главные силы рохирримов под командованием Эльфхельма пе-

рекроют Западную Дорогу от врага, оставшегося в Анориене. Для сбора сведений быстрые всадники немедленно помчались на север, на восток от Осгилиата и на дорогу к Минас-Моргулу.

А когда были подсчитаны силы и сделаны все приготовления, Имрахил неожиданно и громко рассмеялся.

— Это лучшая шутка за всю историю Гондора, — воскликнул он. — С семью тысячами — во времена былого гондорского могущества они послужили бы лишь авангардом армии — мы собираемся штурмовать горы и неприступные ворота Черной Земли! Так ребенок может угрожать закованному в латы рыцарю своим луком из ивовой ветки! Если Темный Лорд в самом деле знает так много, как вы утверждаете, Митрандир, не улыбнется ли Он, вместо того чтобы испугаться, и не раздавит ли нас мизинцем, как комара, пытающегося Его укусить?

— Нет, Он попытается увлечь комара в ловушку и выдернуть у него жало, — возразил Гэндалф. — И среди нас есть такие, кто опаснее для Него, чем тысячи рыцарей в латах. Нет, Ему будет не до улыбок.

— И нам тоже, — сказал Арагорн. — Если это и шутка, то слишком горькая. Нет, это последний

ход в опасной игре, и для одной из сторон он будет означать конец. — Он достал Андурил и выпростал его, сверкающий на солнце. — Я не вложу его в ножны, пока не свершится последняя битва, — провозгласил он.

Глава X

Черные Ворота открыты

Через два дня армия Запада собралась на полях Пеленнора. Войско орков и жителей Востока подошло из Анориена, но под ударами рохирримов дрогнуло и в итоге недолгой схватки у Кайр-Андроса бежало. И после того, как была отражена угроза, и после прибытия подкреплений с юга город получил сильный гарнизон. Разведчики донесли, что к востоку до самого Перекрестка Поверженного Короля не видно врага. Все было готово для последнего удара.

Леголас и Гимли должны были ехать вместе с Арагорном и Гэндалфом в авангарде. Там же были дунаданы и сыновья Эльронда. Но Мерри, к своему несчастью, не мог ехать с ними.

— Вам не по силам такой поход, — сказал Арагорн. — Но не смущайтесь. Даже если вы больше ничего не совершите в этой войне, вы уже заслужили великие почести. С нами пойдет Перегрин — он будет представлять народ Шира. И не завидуйте тому, что он подвергается опасности: чего бы он ни сделал, он может лишь сравняться с

вами в подвигах. Но по правде говоря, все теперь находятся в одинаковой опасности. Если мы найдем конец у ворот Мордора, тогда и вам недолго останется. Прощайте!

И вот Мерри стоял и уныло смотрел на сбор армии. Бергил был рядом, и тоже расстроенный, поскольку его отец уходил во главе отряда горожан: он не мог присоединиться к гвардии, пока не рассмотрено его дело. В том же отряде, как солдат Гондора, шел и Пиппин. Мерри видел его: маленькая, но приметная фигурка среди высоких воинов Минас-Тирита.

Наконец пропели трубы, и армия пришла в движение. Строй за строем, отряд за отрядом, они поворачивали и уходили на восток. И долго после того, как скрылись они из виду, спустившись по большой дороге на мостовую, Мерри оставался на месте. Последний отблеск утреннего солнца сверкнул на копье или шлеме и пропал, а он все стоял, повесив голову и с тяжелым сердцем, переживая свое одиночество и разлуку с друзьями. Все, кто были ему дороги, ушли во Тьму, нависшую далеко на восточном горизонте, и слишком слабой была в его сердце надежда, что кого-нибудь из них он увидит еще раз.

Словно отвечая его мрачному настроению,

вернулась боль в руке, он почувствовал себя слабым и старым, и солнечный свет, казалось, уже не греет его. Очнулся он от прикосновения руки Бергила.

— Идемте, мастер периан! — сказал мальчик. — Вам все еще больно — я вижу. Я помогу вам вернуться к лекарям. Но не бойтесь! Они обязательно вернутся. Люди Минас-Тирита непобедимы. А теперь с ними лорд Эльфийский Камень и гвардеец Берегонд тоже.

В полдень армия прибыла в Осгилиат. Здесь трудилось множество рабочих и мастеров. Одни укрепляли паромы и лодочные мосты, наведенные врагом и частично разрушенные. Другие готовили запасы оружия и продовольствия. На восточном берегу Реки срочно возводились оборонительные укрепления.

Авангард миновал развалины старого города, пересек широкую Реку и двинулся по дороге, проложенной в дни расцвета и соединяющей прекрасную Башню Солнца с высокой Башней Луны, которая теперь стала башней Минас-Моргула в Проклятой Долине. В пяти милях за Осгилиатом войско остановилось, и на этом закончился первый день похода.

Но всадники продолжали движение и к вечеру

достигли перекрестка дороги и большого кольца деревьев. Все было тихо. Никаких следов врага, никаких голосов, ни одна стрела не вылетела из зарослей у дороги, но, двигаясь вперед, все ощущали на себе чье-то враждебное внимание. Дерево и камень, стебель и лист — все затаилось, словно прислушиваясь. Правда, тьма рассеялась, и далеко на западе солнечный закат озарял долину Андуина, и белые вершины гор сверкали в голубом воздухе, но тень и мгла сгущались над Эффел-Дуатом.

Арагорн послал на все четыре дороги, расходящиеся от перекрестка, трубачей, и они затрубили, а герольды громко возвестили:

— Повелители Гондора вернулись, и вся эта земля возвращается к ним!

Отвратительная оркская голова, посаженная на статую, была сброшена, и на ее место водрузили голову старого короля, все еще увенчанную белыми и золотыми цветами. А люди тщательно смыли со статуи надписи и рисунки, сделанные орками.

На совете кто-то сказал, что следует сначала напасть на Минас-Моргул и, если удастся его захватить, полностью разрушить.

— И может быть, — сказал Имрахил, — дорога,

ведущая оттуда к переходу, окажется легче для нападения на Темного Лорда, чем северные ворота в его убежище.

Но Гэндалф высказался против этого, имея в виду Зло, живущее в этой долине и способное вызвать в людях ужас, лишающий разума, а также принимая во внимание вести, принесенные Фарамиром. Если Хранитель Кольца отправился этим путем, следует всеми силами отвлекать от него Глаз Мордора. Итак, на следующий день, когда прибыло главное войско, они выставили на перекрестке сильный отряд для обороны, на случай если Мордор решит ударить со стороны долины Моргула или пошлет людей с Юга. В этот отряд назначили главным образом лучников, которые хорошо знали Итилиен и могли спрятаться в зарослях на склонах у дороги. Гэндалф и Арагорн с небольшим отрядом достигли начала долины Моргула и рассмотрели злой город.

Он был темен и безжизнен: орки и мордорские твари поменьше были уничтожены в битве и назгул выдворен за пределы этого Мира. Но воздух долины все еще был тяжелым от страха и вражды. И люди разрушили злой мост, пустили красное пламя на отвратительное поле и отправились дальше.

На следующий день, третий со дня выступления из Минас-Тирита, войско двинулось по дороге на север. От перекрестка до Моранноно было около ста миль, и никто не знал, что ждет их в конце этого пути. Они двигались открыто, но осторожно, выставив впереди и по сторонам, особенно с восточного фланга, отряды разведчиков. К востоку от дороги были густые заросли и глубокие овраги и ущелья, за которыми начинались длинные угрюмые склоны Эффель-Дуата. Погода оставалась прекрасной, держался западный ветер, но ничто не могло развеять мглу и унылые туманы, нависшие над Тенистыми Горами, и из-за них изредка поднимались столбы дыма.

Вновь и вновь Гэндалф посылал трубачей и герольдов, кричавших: «Идут повелители Гондора! Пусть все оставят эту землю или сдадутся им!» Но Имрахил поправил:

— Не говорите «повелители Гондора», говорите «король Элессар»! Ибо это правда, хотя он еще и не занял престол. И эти слова заставят Врага призадуматься.

И отныне трижды в день герольды провозглашали приход короля Элессара. Но никто не отвечал на этот вызов.

Тем не менее, хотя их движение было внешне

спокойным, на сердце у воинов было тревожно, и с каждой милей к северу недобрые предчувствия становились все сильнее. К концу второго дня после выхода у перекрестка они впервые встретили сопротивление: орки и истерлинги попытались заманить в засаду авангард армии. Это было в том самом месте, где Фарамир подстерег войско Харада и дорога проходила по глубокой выемке. Но капитаны Запада были предупреждены своими разведчиками, искусными людьми из Хеннет-Аннуна под предводительством Маблунга. И враг сам оказался в ловушке. Всадники помчались на запад и ударили во фланг и сзади, и войско врага было разбито и бежало на восток.

Но победа не очень подбодрила капитанов.

— Всего лишь ложный выпад, — заметил Арагорн, — и ею главная цель, как я думаю, заставить нас поверить в слабость противника, после чего он ударит всерьез.

Этим вечером появились назгулы и следили за каждым маневром армии. Они летали высоко, и их никто не видел, кроме Леголаса, и все же их присутствие ощущалось — как сгущающаяся тень, затмевающая солнце. И хотя Духи Кольца не спускались к войску Запада и не издавали криков, ужас перед ними сковывал сердца воинов.

Так продолжался этот безнадежный поход. На четвертый день после перекрестка, на шестой со дня выхода из Минас-Тирита, подошли к краю живых земель. Впереди лежала пустыня, за которой находился Кирит-Горгор. Воины могли разглядеть болота и пустоши, тянувшиеся к северу и западу до Эмин-Муила. Так велик был ужас, наполнявший эти места, что некоторые дрогнули и не могли двигаться дальше на север.

Арагорн смотрел на них, и в глазах его был не гнев, а жалость: это были юноши из Рохана, из далекого Вестфолда или семейные люди из Лоссарнаха и для них Мордор с детства был символом зла, но только символом, легендой, для которой не было места в их простой жизни. И теперь они двигались так, будто кошмарный сон стал реальностью, и недоумевали, почему судьба привела их в такое злое место.

— Ступайте! — сказал Арагорн. — Но сохраните достоинство, если сможете, и не обращайтесь в паническое бегство! Я поручаю вам задание, чтобы хоть немного умалить ваш позор. Двигайтесь на юго-запад, пока не придете к Кайр-Андросу, и если его все еще удерживает враг, как я считаю, отбейте его, если сумеете, и удерживайте как последнюю защиту Гондора и Рохана!

Одни, посрамленные его милосердием, одолели страх и продолжили поход. Другие, услышав, что и для них нашлось дело, приободрились и ушли в боевом порядке. И поскольку люди остались и у перекрестка, к Черным Воротам Мордора двинулось уже только около шести тысяч.

Теперь они двигались медленно, каждый час ожидая ответа на свой вызов, и держались вместе, посылая лишь небольшие отряды на разведку в стороны от главного войска. На пятый день после перекрестка разбили лагерь и окружили его кострами. Провели бессонную, тревожную ночь и были убеждены, что за ними наблюдает множество глаз. Слышался вой волков. Ветер утих, и воздух сделался неподвижным. Воины мало что видели: хотя небо было безоблачно и новолуние прошло четыре ночи тому назад, из земли поднимались дым и пар и белый полумесяц луны был затянут туманом Мордора.

Становилось холодно. Утром снова подул ветер, но теперь с востока и с каждым часом усиливаясь. Все ночные наблюдатели исчезли, земля выглядела совершенно пустой. На севере, среди отвратительных ям, лежали первые груды и холмы шлака, щебня и сожженной земли — рвотные массы Мордора. На юге, теперь уже гораздо

ближе, возвышался Кирит-Горгор. Там уже были видны Черные Ворота, обставленные с двух сторон башнями, что назывались Зубами Мордора. В последнем переходе капитаны свернули со старой дороги, поворотившей на восток, избегая опасности, притаившейся в холмах, и теперь направлялись к Моранноном с северо-запада, как в свое время поступил и Фродо.

Две огромные железные створки Черных Ворот под хмурой аркой были наглухо закрыты. На укреплениях ничего не было видно. Напряженная тишина. Итак, они приблизились к итогу своей безрассудной затеи и стояли, обреченные и застывшие в сером свете раннего дня, перед башнями и стенами, которые их армия не смогла бы преодолеть, даже если бы они привезли с собой осадные машины, а у врага не было других сил, кроме охраны этих ворот. Но они знали, что все холмы и скалы вокруг Моранноном кишмя кишат скрытыми врагами, а затененные углубления за воротами просверлены и уставлены дьявольскими изобретениями, и, стоя перед воротами, они видели, как парят над Башнями-Зубами назгулы, словно грифы, и всё следят, следят за ними. Но враг по-прежнему не подавал признаков жизни.

У них не оставалось выбора, кроме как идти

до конца. Поэтому Арагорн поставил войско в удобную позицию, разместив его между двумя грудами из обожженных камней, нагроможденных руками орков за годы работы. Отсюда и до самого Мордора пролегла как ров большая трясина с чередою зловонных омутов, покрытых тиной и ядовитыми испарениями. Когда все было приведено в порядок, военачальники выехали вперед к Черным Воротам в сопровождении большого отряда всадников, со знаменем, с герольдами и трубачами. Здесь были Гэндалф, и Арагорн с сыновьями Эльронда, и Эомер Роханский, и Имрахил. Леголаса, Гимли и Перегрина тоже попросили ехать, чтобы все враги Мордора могли быть свидетелями происходящего.

Они подъехали к Мораннону на расстояние крика, развернули знамя и затрубили в трубы. Герольды выступили вперед и воскликнули:

— Выходите! Пусть выходит Лорд Черной Земли! И да свершится над Ним справедливый суд. Ибо Он вероломно напал на Гондор и разорил его земли. Король Гондора требует, чтобы Он ответил за свои злодеяния. Выходите!

Повисла долгая тишина: со стен и от ворот в ответ не раздалось ни звука. Но у Саурона, видимо, был свой план, и Он хотел сперва поиграть с

мышью, а уж потом убить ее. И вот, когда капитаны уже собирались повернуть назад, тишина неожиданно прервалась. Послышался гул больших барабанов, похожий на гром в горах, а затем взревели рога и ревом своим сотрясли камни и оглушили людей. Дверь в середине Черных Ворот со звоном отворилась, и появилось посольство Башни Тьмы.

Впереди на черной лошади возвышалась зловещая фигура. Лошадь была огромна и отвратительна, морда ее напоминала страшную маску в виде черепа, а не живую голову, и в глазницах и ноздрях горело пламя. Всадник был полностью облачен в черное, черным был и его высокий шлем; но это был не Дух Кольца, а живой человек — лейтенант башни Барад-Дура, и имя его кануло в забвение, он и сам давно позабыл его и называл себя Рот Саурона. Говорили, что он предатель, из черных нуменорцев. Они поселились в Средиземье в годы господства Саурона и преклонялись перед ним, очарованные его злыми знаниями. И этот предатель поступил на службу в Башню Тьмы, когда она восстала вновь, и, благодаря своей ловкости, заслужил расположение своего повелителя. Он овладел волшебством, и хорошо узнал характер Саурона, и отличался большей

свирепостью, чем любой из орков.

Именно он выехал из ворот, и с ним был небольшой отряд солдат в черной одежде и единственное знамя — черное, но с горящим изображением красного злого Глаза. Посол остановился в нескольких шагах от капитанов Запада, осмотрел их сверху донизу и рассмеялся.

— Обладает ли у вас кто-нибудь достаточной властью, чтобы говорить со мной? Или хотя бы имеет достаточно разума, чтобы говорить со мной? Уж наверно, не ты, — усмехнулся он, с презрительной улыбкой оборачиваясь к Арагорну. — Чтобы стать королем, нужно нечто большее, чем кусок эльфийского стекла или подобный сброд. Любой разбойник с холмов был бы лучшим королем!

Арагорн ничего не ответил, но их взгляды встретились, и мгновение они стояли так. И хотя Арагорн не двинулся и не брался за оружие, его противник дрогнул и отшатнулся, словно от удара.

— Я герольд и посол, на меня нельзя нападать! — воскликнул он.

— Там, где исполняют этот закон, — вмешался Гэндалф, — существует также обычай, чтобы послы были менее высокомерными. Но никто тебе

не угрожает. Тебе нечего опасаться, пока твое поручение не выполнено. Но если твой хозяин не обрел новой мудрости, тогда ты, как все его слуги, находишься в большой опасности.

— Ах-х! — прошипел посол. — Так значит, парламентером будешь ты, седобородый? Думаешь, мы не слышали о тебе и о твоих блужданиях, о заговорах и шпильках на безопасном расстоянии? Но на сей раз ты сунул свой нос чересчур далеко, мастер Гэндалф, и увидишь, что происходит с теми, кто плетет свои глупые козни у ног Саурона Великого, И у меня есть кое-что, что я должен показать тебе — тебе в особенности, раз уж ты осмелился прийти.

Он сделал знак одному из солдат, и тот выступил вперед с узлом из черной ткани.

Посол развернул материю и, к удивлению и отчаянию всех капитанов, показал им сначала короткий меч, которым был вооружен Сэм, затем серый эльфийский плащ с эльфийской же брошью и наконец кольчугу из митрила, которую носил под одеждой Фродо. Тьма застлала им глаза, и в следующий миг молчания им показалось, что сердца их умерли, а последняя надежда растаяла как дым. Пиппин, стоявший за принцем Имрахилом, шагнул вперед с горестным криком.

— Молчать! — строго приказал Гэндалф и оттащил его назад, но посол громко рассмеялся.

— Значит, с вами еще один из этих бесенят! — воскликнул он. — Какая вам польза от них — я не знаю, но посылать их в Мордор в качестве шпионов — это превосходит всякое наше представление о глупости. И все же я его благодарю: теперь ясно, что этому щенку вещички знакомы, и не трудитесь отрицать.

— Я и не собираюсь отрицать, — сказал Гэндалф. — Я знаю их и знаю их историю, чего ты, грязный Рот Саурона, несмотря на свои насмешки, не можешь сказать о себе. Но зачем ты принес их сюда?

— Кольчуга гнома, плащ эльфа, меч давно погибшего Западного Королевства и шпион из маленькой крысиной земли, какого-то там Шира... Ну, не надо! Нам хорошо известны эти атрибуты тайного заговора. Может, тот, кто носил эти вещи, вам дорог, может, вам не хотелось бы его потерять. Если так, то прислушайтесь поскорее к подсказкам своего жалкого рассудка. Ибо Саурон не любит шпионов, и судьба одного из них зависит теперь от вашего выбора.

Никто не ответил ему, но он увидел, как побледнели от ужаса их лица, и снова расхохотался.

Ему показалось, что дело идет хорошо.

— Хорошо, хорошо! — сказал он. — Он дорог вам, я вижу. И его дело такое, что вам не хотелось бы, чтобы он потерпел поражение. Да, это так. А теперь ему придется выдерживать медленную пытку, такую медленную, какую только позволяет искусство Великой Башни. И ничто ему не поможет. Разве что когда он будет окончательно сломлен, — вернется к вам, и вы увидите, что с ним сделали. Так и будет — если только вы не примете условий моего Лорда.

— Назовите условия, — спокойно сказал Гэндалф, но стоявшие рядом видели гнев на его лице, и он показался старым и сморщенным, согбенным и потерпевшим поражение. Все решили, что условия он примет.

— Вот они, — ответил посол и улыбнулся, оглядывая их одного за другим. — Гондорский сброд и его обманутые союзники должны немедленно отступить за Андуин, предварительно поклявшись никогда больше не нападать с оружием на Саурона Великого, открыто или тайно. Все земли к востоку от Андуина отныне и навсегда будут принадлежать исключительно Саурону. Земли к западу от Андуина до Туманных Гор и прохода Рохана будут платить Саурону дань, — люди здесь

не имеют права носить оружие, но могут сами решать свои внутренние дела, и они должны будут восстановить Исенгард, который бессмысленно разрушили. Исенгард будет принадлежать Саурону, и в нем поселится Его лейтенант — не Саруман, но более достойный доверия.

Глядя в глаза послу, они прочли его мысль. Он будет этим лейтенантом, и все, что останется на Западе, попадет под его пяту: он станет их тираном, а они — его рабами.

Но Гэндалф сказал:

— Не многовато ли за освобождение одного слуги? Ваш хозяин хочет получить взамен то, что ему пришлось бы с трудом завоевывать. Или поля Гондора ослабили его надежду на победу в войне и он начал торговаться? И если мы действительно ценим этого пленника так высоко, кто даст гарантию, что Саурон, главный мастер коварства, и на этот раз не сыграет свою обычную роль? Где этот пленник? Пусть его приведут и отдадут нам, и тогда мы обсудим разумные условия.

Было такое впечатление, что Гэндалф, внимательно следя за своим врагом, нанес ему сильный удар, и посол на мгновение задохнулся. Но, опомнившись, он снова захохотал.

— Не перекидывайся в своем напускном высо-

комерии словами со Ртом Саурона! — воскликнул он. — Гарантии захотел! Саурон не дает никаких гарантий. Если вы просите его о снисходительности, то прежде должны выполнить его требования. Условия вам известны. Принимайте их или отвергайте.

— Вот что мы примем! — внезапно воскликнул Гэндалф — и распахнул свой плащ. Белый свет сверкнул, вырвавшись вперед, как меч, в этом мрачном месте. Перед его воздетой рукой вражеский посол отшатнулся, и Гэндалф подошел и отнял у него всё: кольчугу, плащ и меч. — Вот что мы примем в память о нашем друге! А что касается условий, мы отвергаем их полностью. Убирайся, твое посольство кончено, и смерть приблизилась к тебе. Мы пришли сюда не для того, чтобы вести долгие переговоры с проклятым лживым Сауроном, тем более — с одним из его рабов. Пошел вон!

Посол Мордора больше не смеялся. Лицо его исказилось от изумления и ярости и напоминало теперь морду хищника, который устремился к добыче и получил палкой по зубам. Ярость захлестнула его — он мог издавать лишь нечленораздельные, бессмысленные звуки. Но он посмотрел на суровые лица капитанов, загля-

нул в их полные смертельной угрозы глаза, и его страх оказался сильнее ярости. Он громко крикнул, развернул свою лошадь, и весь отряд стремглав поскакал назад к Кирит-Горгору. Солдаты протрубили в свои рога, подавая условный сигнал. И еще до того, как посольство достигло ворот, Саурон захлопнул ловушку.

Забили барабаны, взметнулись огни, большие створы Черных Ворот широко распахнулись. Оттуда стремительно, как вода, прорвавшая плотину, хлынуло большое войско.

Капитаны вскочили в седла и поскакали назад, и войско Мордора испустило издевательский вопль. Пыль поднялась в воздух, поблизости двинулась армия истерлингов, ждавшая сигнала в тени Эред-Литуя за дальней башней. От холмов с обеих сторон от Мораннона двигались бесчисленные орки. Люди Запада попали в ловушку, и вскоре их лагерь оказался в кольце, окруженный морем врагов, десятикратно и более, чем в десять раз, превосходивших числом их невеликие силы. Саурон стиснул предложенную приманку в стальных челюстях.

Времени для организации отпора у Арагорна было немного. На одном холме стоял он возле Гэндалфа, и здесь же прекрасно и отчаянно реяло

знамя Древа и Звезд. На другом холме стояли знамена Рохана и Дол-Амрота — белый конь и серебряный лебедь. На каждом холме воины построились кругом, ощетинившись копьями и мечами. А в направлении Мордора, откуда должен был прийти главный удар, стояли слева сыновья Эльронда с дунаданами, а справа принц Имрахил и люди Дол-Амрота, высокие и прекрасные, а с ними — гвардейцы Башни Стражи.

Ветер дул, и трубы пели, и стрелы жалобно выли; но солнце, теперь опустившееся к югу, было затянуто в пелену испарений Мордора, и сквозь угрожающую дымку оно мерцало, далекое, уныло-багровое, как будто наступил конец дня, а может, и всего белого света. И из нарастающего мрака явились назгулы, своими ледяными голосами издавая вопли, предвещающие смерть, — и всякая надежда погасла.

Пиппин был смят и сокрушен ужасом, когда услышал, что Гэндалф отвергает условия и обрекает Фродо на пытки в Башне, но овладел собой и теперь стоял рядом с Берегондом в переднем ряду людей Имрахила. Ему казалось заманчивым поскорее умереть и закончить горькую историю своей жизни, раз уж все погибло.

— Если бы Мерри был здесь! — услышал он сам

себя, и быстрые мысли пронеслись в его голове, пока он глядел на приближающихся врагов. — Ну, во всяком случае, теперь я лучше понимаю бедного Денетора. Уж если приходится умирать, лучше бы умереть вместе. Но Мерри здесь нет, и надеюсь, что у него будет легкий конец. А теперь я должен сделать все, что в моих силах.

Он выхватил меч и взглянул на него, на переплетающиеся красные и золотые узоры. Затейливые письмена Нуменора сверкнули на лезвии пламенем. «Он сделан для такого часа, — подумал Пиппин. — Если бы я смог ударить им этого грязного посла, может, тогда я сравнялся бы с Мерри. Ну, уж кого-нибудь из этих животных я успею ударить перед смертью. Эх, увидеть бы снова ясное солнышко и зеленую траву!»

И тут на них накатила первая волна наступающих. Орки, задержавшиеся в болоте, остановились и пустили в обороняющихся тучи стрел. Сквозь толпы орков вперед вышли, ревя как звери, горные тролли Горгорота. Они были выше и шире людей и одеты только в сети из роговых чешуек. А может, это была их отвратительная шкура. Они были вооружены огромными черными круглыми щитами и тяжелыми молотами. С ревом перешли они вброд болото и как буря

понеслись на линию людей Гондора, и лезвия о шлемы и копья о щиты зазвенели, будто в кузнице, где куют раскаленное железо. Страшный удар обрушился на Берегонда, он упал рядом с Пиппином. Огромный вождь троллей, нанесший этот удар, склонился над жертвой, вытянув когти: эти подлые существа перегрызали горло своей добыче.

И тогда Пиппин ткнул мечом снизу вверх, и расписное лезвие Запада прошло сквозь шкуру и глубоко вонзилось во внутренности тролля. Струей брызнула черная кровь. Тролль согнулся и, как скала, обрушился на Пиппина. Чернота, зловоние и сокрушительная боль разом навалились на Пиппина, и сознание его погрузилось в глубокую тьму.

«Вот и конец, как я и думал», — отметил он напоследок. Пиппину стало легко и весело: кончились все страхи, муки и сомнения. Но, прежде чем погрузиться в забытье, он услышал крики. Они доносились до него будто из далекого забытого мира:

— Орлы летят! Орлы летят!

На миг сознание вернулось к Пиппину, и он подумал: «Бильбо!.. Но нет. То было в его истории, давным-давно. А это моя собственная история, и

теперь она кончается. Прощайте!»

И с этим сознание его улетело далеко-далеко, и глаза его больше ничего не видели.

КНИГА ШЕСТАЯ

Глава I

Башня Кирит-Унгол

Сэм, испытывая сильную боль, поднялся с земли. В первые мгновения он не мог вспомнить, где находится, потом сознание отчаянного положения к нему вернулось: он в глубокой тьме перед подземным входом в крепость орков. Ее бронзовые двери закрыты. Ударившись о них, он, должно быть, потерял сознание. Но как долго пролежал здесь, сказать не мог. Тогда он был как в огне, яростный и отчаянный, теперь же дрожал от холода. Сэм подполз к двери и припал к ней ухом.

Далеко внутри он услышал слабые голоса орков, но вскоре они умолкли или ушли за пределы слышимости, все стихло. Голова раскалывалась, перед глазами плыли во тьме пятна света, но он заставил себя успокоиться. Во всяком случае ясно, что он не сумеет проникнуть в крепость через эту дверь. Вероятно, придется ждать здесь несколько дней, прежде чем ее снова откроют, но ждать нельзя: время сделалось теперь необычайно драгоценным. Он больше не сомневался по поводу

своего долга: необходимо освободить хозяина — или погибнуть при попытке освободить.

— Гибель более вероятна и будет теперь намного легче, — угрюмо сказал он себе, вкладывая Жало в ножны и отворачиваясь от бронзовых дверей. Сэм медленно двинулся назад по темному туннелю, не осмеливаясь использовать эльфийский свет и мысленно стараясь привести в порядок события после того, как он и Фродо покинули перекресток дорог. Он задумался о том, какое теперь время суток. Где-то между концом одного дня и началом следующего. Но сколько всего дней прошло, он не мог сказать. Он в стране Тьмы, где дни остального Мира забываются, и все, кто входит сюда, тоже погружаются в забвение.

— Интересно, думают ли вообще о нас, — прошептал Сэм, — и что там происходит со всеми?

Он неопределенно махнул рукой в воздухе — на самом деле он стоял лицом на юг, а не на запад, и снова оказался в туннеле Шелоб. А на западе Мир приближался к полудню четырнадцатого марта по календарю Шира, и в эту минуту Арагорн вел черный флот от Пеленнора, а в Минас-Тирите занимались пожары и Пиппин наблюдал за безумием, растущим в глазах Денетора. Но среди всех забот и страхов мысли друзей посто-

янно обращались к Фродо и Сэму, которые не были забыты. Но друзья были далеко, и помочь Сэмвайсу, сыну Хэмфеста, не мог никто, он был совершенно один.

Наконец Сэм опять очутился у каменной перегородки и, не найдя замка или затвора, как и по пути сюда, взобрался на нее и мягко соскочил. Украдкой пробрался он по туннелю, где на холодном сквозняке раскачивались обрывки паутины Шелоб. После подземелья воздух показался Сэму холодным и подбодрил его. Он осторожно выглянул наружу.

Там царило зловещее спокойствие. Свет напоминал сумерки в конце пасмурного дня. Испарения, поднимавшиеся из Мордора и двигавшиеся на запад, плыли низко над головой — огромное месиво из облаков и дыма, освещенное снизу тусклыми красными отблесками.

Сэм взглянул на башню орков, и внезапно в ее узких окнах, как в маленьких красных глазах, сверкнул свет. Сэм решил, что это какой-то сигнал. Страх перед орками, отступивший на время в гневе и отчаянии, вернулся. Насколько он мог судить, у него был только один путь: он должен отыскать главный вход в башню и попытаться войти. Но колени у него подгибались, он

обнаружил, что дрожит. Отведя глаза от башни и рогов ущелья, Сэм заставил свои непослушные ноги повиноваться и медленно, напряженно прислушиваясь, вглядываясь в тени по сторонам дороги, пошел дальше — мимо того места, где упал Фродо и где еще чувствовался запах Шелоб; он продолжал подниматься, пока не оказался у выхода из ущелья, где надевал Кольцо и где мимо него прошел отряд Шаграта.

Здесь он остановился и сел. Он почувствовал, что не может идти дальше. Если пройдет верхнюю точку перехода и сделает шаг вниз, в Мордор, назад дороги не будет. Он никогда не вернется. Без ясной цели Сэм достал Кольцо и надел его. Немедленно он ощутил его тяжесть и почувствовал — на сей раз гораздо отчетливей и сильнее — злобу Мордорского Глаза, ищущего, старающегося пронзить тень, наведенную ради его собственной защиты, но теперь мешающую разрешить его сомнения и тревоги.

Как прежде, Сэм почувствовал, что его слух обострился, но все предметы сделались нерезкими. Скалистые стены вдоль тропы выглядели бледными, словно затянутые дымкой. На расстоянии он вновь услышал ворчание Шелоб в ее логове и резко и ясно, совсем близко, как ка-

залось, услышал крики и металлический звон; вскочил на ноги и прижался к стене у дороги. Он радовался действию Кольца, потому что приближался еще один отряд орков. Или, вернее, так подумалось ему вначале. Потом он вдруг понял, что это не так. Его обострившийся слух обманул его: крики орков доносились из башни, что теперь возвышалась как раз над ним, с левой стороны ущелья.

Сэм содрогнулся и попытался заставить себя двигаться. Очевидно, происходило что-то важное. Возможно, несмотря на все приказы, жестокость орков взяла верх и они пытают Фродо или свирепо рубят его на куски. Сэм прислушался, и надежда снова вспыхнула в нем. Сомнений не было: в башне сражались, орки дрались друг с другом; наверно, Шаграт и Горбаг чего-то не поделили. И хотя надежда была слабой, ее оказалось достаточно, чтобы оживить Сэма. Любовь к Фродо победила все остальное, и, забыв об опасности, Сэм закричал:

— Я иду, мастер Фродо!

Он побежал вперед по извивающейся тропе. Дорога сразу же повернула налево и круто ринулась вниз. Сэм вступил в Мордор.

Он снял Кольцо, руководствуясь смутным пред-

чувствием опасности, хотя про себя решил, что просто хочет видеть более ясно.

— Лучше и самое плохое видеть, — пробормотал он. — Ничего хорошего не даст блуждание в тумане!

Твердой, злой и жестокой была земля, которую встретил его взгляд. Под ногами Сэма высочайший хребет Эффел-Дуата круто, большими уступами, опускался в темную котловину, на дальнем краю которой поднимался другой хребет, значительно ниже, — его изрезанные зазубренные очертания с утесами, похожими на клыки, стояли черные на фоне красного света: то был мрачный Моргай — внутреннее кольцо, ограждавшее эту землю. Далеко за ним, но прямо впереди, за обширным озером тьмы, испещренным крохотными огоньками, виднелось большое зарево; а из него поднимались огромные столбы клубящегося дыма, пепельно-красные у основания, черные вверху, где они сливались в волнующийся полог, накрывавший всю эту проклятую землю.

Сэм смотрел на Ородруин — Огненную Гору. Время от времени далеко внизу печи ее пепельного конуса разогревались и с гулким ревом и шумом выбрасывали потоки раскаленной лавы из щелей на склонах горы. Некоторые из этих

потоков по большим каналам текли к Барад-Дуру, другие прокладывали себе извилистый путь по каменистой равнине, пока не остывали и не ложились, подобно призракам драконов, извергнутым замученной землей. Как раз во время такой активности смотрел Сэм на Гору Судьбы и на ее огни, закрытые высоким Эффел-Дуатом от глаз того, кто взбирался по тропе с запада, а теперь отраженные в застывшей поверхности скал и окрасившие их в цвет крови.

В этом ужасном свете перед башней Кирит-Унгол во всей ее силе стоял Сэм — маленький хоббит. Шпиль, который он видел с другой стороны, был всею лишь ее верхушкой. Ее восточная сторона поднималась тремя большими ярусами из глубокой расщелины. Задней частью башня была обращена к большому утесу и соединялась с ним выступающими, один над другим, бастионами, уменьшающимися кверху, с крутыми стенами, сложенными из камня и выходящими на северо-восток и юго-запад. У нижнего яруса, двумя сотнями футов ниже того места, где стоял Сэм, стена с укреплениями окружала тесный двор. Ворота двора в юго-восточной стене выходили на широкую дорогу, тянущуюся по краю пропасти, затем поворачивающую на юг и уходя-

щую, извиваясь, вниз, во тьму, где соединялась с дорогой, идущей из долины Моргула, а затем через неровное ущелье уходила в Моргай, в долину Горгорот и дальше, в Барад-Дур. Узкая верхняя тропа, на которой стоял Сэм, по лестницам и крутым спускам стремительно опускалась к главной дороге под хмурыми стенами у входа в башню.

И вдруг Сэм понял, что эта крепость была построена для того, чтобы удержать врагов не за пределами Мордора, но внутри него. На самом деле это было создание древнего Гондора, восточный форпост обороны Итилиена, построенный, когда вслед за Последним Союзом люди Запада внимательно наблюдали за злой землей Саурона, где продолжали жить его создания. Но как было с Нархостом и Кархостом, Башнями-Зубами, так и здесь: внимание ослабло, и измена отдала эту башню Главе Духов Кольца, и с тех пор долгие годы ее удерживали злые существа. После своего возвращения в Мордор Саурон нашел ее полезной: у него было мало слуг, но много рабов, которых нужно было держать в страхе, и главной его целью, как и в старину, было предотвратить бегство из Мордора. Хотя, если бы противник оказался настолько безрассуден, что попытался бы тайно проникнуть в эту землю, башня послу-

жила бы непреодолимой преградой для тех, кто обманул бдительность Моргула и Шелоб.

Только теперь Сэм понял всю безнадежность попытки спуститься вниз на виду у множества окон и зорких ворот. И даже если бы он проделал это, все равно не ушел бы далеко по хорошо охраняемой дороге. Даже черные тени, залегшие глубоко, там, куда не достигало красное зарево, не могли бы спрятать его от видящих в темноте орков. Но хотя спуск представлялся отчаянным и безнадежным, его задача была гораздо труднее: не бежать и скрываться, но одному войти в ворота.

Мысли его обратились к Кольцу, но в них не было утешения, только ужас и опасность. Как только он очутился в пределах видимости Ородруина, горевшего далеко впереди, Сэм понял, что ноша его изменилась. Оказавшись вблизи огромных печей, где в глубокой древности оно было выковано, Кольцо приобрело огромную силу, сделалось более свирепым и непокорным, послушным лишь могучей воле. Хотя Сэм не надел его и оно висело на цепи у него на шее, он, стоя здесь, чувствовал, как Кольцо растет, расширяется, словно окутанное огромной искаженной тенью самого себя, — великая и зловещая

угроза, нависшая над стенами Мордора. Сэм понимал, что теперь перед ним лишь два пути: воздержаться от использования Кольца, несмотря на то что оно будет мучительно соблазнять его, или объявить его своим, бросив вызов силе, что сидит в темной крепости за долиной Теней. Кольцо искушало его, подтачивая волю и разум. Дивные картины мелькали в его сознании: он видел Сэмвайса Могучего, героя эпохи, идущего с пламенеющим мечом по темной земле, на его зов сбегались армии, и с ними он шел на Барад-Дур. Затем все тучи расходились, сияло солнце, и по его приказу долина Горгорот превращалась в цветущий сад. Ему нужно было только надеть Кольцо и объявить его своим, и все это сбылось бы.

В этот час испытания любовь к хозяину больше всего помогла ему устоять; но кроме того глубоко в душе сохранялся и непобедимый хоббитский здравый смысл: всем сердцем чувствовал он, что недостаточно значителен для такой Ноши, даже если его видения и не были простым обманом. Маленький сад вольного садовника — вот все, в чем он нуждался, а вовсе не сад, раздутый в целое королевство, и притом использовать только собственные руки, а не командовать чужими.

— И, как бы там ни было, а все эти идеи просто

уловка, — сказал он себе. — Он заметит меня и усмирит, так что я и пикнуть не успею. Он заметит меня еще быстрее, если я надену Кольцо здесь, в Мордоре. Что ж, могу сказать только: положение выглядит безнадежным, как мороз весной. Именно когда невидимость была бы исключительно полезной для дела, я не могу надеть Кольцо! А если пойду вперед, оно превратится в обузу, растущую что ни шаг. Что же делать-то?

На самом деле сомнений у него уже не осталось. Он знал, что надо спуститься к воротам и больше медлить нельзя. Поведя плечами, как бы сбрасывая тяжесть и разгоняя видения, он начал медленно спускаться. С каждым шагом Сэм, казалось, становился меньше. Он не много успел пройти, как вновь съежился до маленького испуганного хоббита. Теперь он проходил под самыми стенами башни, и крики и звуки борьбы доносились до его ушей без помощи Кольца. На этот раз шум, по-видимому, исходил со двора за внешней стеной.

Сэм был на полпути вниз, к тропе, когда из темных ворот в красное зарево выбежали два орка. Они направились не к нему, а к главной дороге, но, пробежав немного, словно споткнулись, упали на землю и замерли. Сэм не видел стрел, но

догадался, что орков застрелили из укреплений на стенах или из тени у ворот. Он продолжал идти, оставляя стену слева от себя. Один взгляд наверх убедил его, что перелезть через стену невозможно: она поднималась на тридцать футов без единой щели или выступа навстречу нависающим, как перевернутая лестница, утесам. Ворота оставались единственным путем.

Сэм крался вперед, размышляя, много ли орков живет в башне с Шаграт ом, и сколько привел Горбаг, и из-за чего они ссорились, если действительно ссорились. В отряде Шаграта было около сорока орков, а у Горбага вдвое больше. Но конечно, патруль Шаграта был лишь частью его гарнизона. Самое вероятное — они ссорились из-за Фродо и добычи. На секунду Сэм остановился, потому что внезапно все понял, словно увидел происходившее своими глазами. Митриловая кольчуга! Конечно, они обнаружили ее на Фродо. А из того, что слышал Сэм, он понял, что Горбаг будет ее домогаться. Приказ, исходивший из Башни Тьмы, требовал не вредить Фродо, но если они решат не подчиняться приказу, то могут в любую секунду убить Фродо.

— Вперед, жалкий трус! — подбодрил себя Сэм. — Пора браться за дело!

Он выхватил Жало и побежал к открытым воротам. Но когда он уже должен был миновать их широкую арку, испытал потрясение — будто налетел на преграду, подобную паутине Шелоб, только невидимую. Что-то гораздо более сильное, чем его воля, встало на пути. Он осмотрелся и в тени ворот увидел двух стражей.

Это были огромные фигуры, сидящие на тронах. У каждой было три соединенных туловища и три головы, смотрящие наружу в сторону, поперек ворот — на другую фигуру — и внутрь. Головы были как у грифов, а на больших коленях лежали руки с когтями. Казалось, они высечены в скале, и в то же время в них чувствовалась жизнь и какая-то зловещая бдительность. Они чувствовали врага. Видимый или невидимый, он не мог проскочить мимо, не замеченный ими. Они помешают ему войти и не позволят бежать.

Собрав всю свою волю, Сэм снова двинулся вперед и резко остановился, пошатнувшись, как от удара в грудь и в голову. Затем, подчиняясь сверкнувшей в голове мысли, медленно извлек сосуд Галадриэли и поднял его. От белого света у ворот побежали тени. Чудовищные стражи сидели холодные и неподвижные, во всем своем откровенном уродстве. На мгновение Сэм уловил

блеск в их черных каменных глазах, чье злобное выражение заставило его вздрогнуть. Но он чувствовал, как злая воля отступает и превращается в страх.

Он проскочил мимо изваяний. Но как только сунул фиал за пазуху, ему показалось, что сзади щелкнул стальной засов, и бдительность стражей ожила: из их глоток вылетел злобный и резкий крик, эхом отразившийся от стен. Высоко вверху, как ответный сигнал, раздался резкий удар колокола.

— Одно дело сделано — я позвонил во входной колокольчик, — подытожил Сэм и крикнул во все горло: — Эй, кто-нибудь, выходите! Скажите капитану Шаграту, что его вызывает большой эльфийский воин со своим эльфийским мечом наперевес.

Ответа не было. Сэм двинулся вперед. Жало голубым пламенем сверкало в его руке. Двор укрывала глубокая тень, но можно было разглядеть, что его мощеная поверхность усеяна трупами. Прямо у ног Сэма лежали два оркских лучника с торчащими из спин ножами. И дальше валялось множество мертвых орков, настигнутых выстрелом или сраженных ударом меча, по одному и по двое, перед смертью вцепившихся

в горло, бивших, душивших и кусавших друг друга. Камни мостовой сделались скользкими от темной крови.

Сэм заметил две разные формы одежды: одна была помечена красным глазом, другая — луной, обезображенной призрачным ликом смерти. Но он не задержался, чтобы рассмотреть подробности. На другой стороне двора дверь у подножия башни была полуоткрыта, и оттуда пробивался красный свет. Большой мертвый орк лежал на пороге. Сэм перепрыгнул через него, вошел и в недоумении огляделся.

Широкий гулкий коридор вел в глубину горы. Он был тускло освещен факелами, прикрепленными к стенам, но его дальний конец терялся в полумраке. Множество дверей и лазов виднелось с обеих сторон. Коридор был пуст, лишь на полу валялось несколько трупов. Из разговора начальников отрядов Сэм знал, что Фродо, живой или мертвый, должен, вероятнее всего, находиться в комнате на самом верху башни. Но можно было проискать целый день и не обнаружить пути наверх.

— Проход, наверное, где-то здесь, — пробормотал Сэм. — Вся башня наклоняется к горе. И вообще лучше идти по этим факелам.

Он осторожно двинулся вдоль коридора. Каждый шаг давался с трудом. Ужас опять нарастал в нем. Ничего не было слышно, кроме звуков его собственных шагов, которые, сливаясь, перерастали в сплошной гул, похожий на хлопанье больших рук по камню. Мертвые тела, пустота, черные стены, кажущиеся при свете факелов измазанными кровью, страх перед внезапной смертью, притаившейся за какой-нибудь дверью или просто в тени. А где-то позади — злобная бдительность истуканов-привратников. Все это было невыносимо. Сэм скорее приветствовал бы схватку — только бы не слишком много врагов сразу, — чем эту ужасную, тягостную неопределенность. Он заставил себя думать о Фродо, который лежит где-то в этом ужасном месте, связанный или уже мертвый, и пошел дальше.

По веренице факелов он добрался до большой двери в конце коридора; как правильно он догадался, дверь служила внутренней стороной подземного хода. Вдруг сверху донесся ужасный крик. Сэм замер. Раздался топот. Кто-то второпях бежал по лестнице вниз.

Воля Сэма оказалась слишком слабой, а реакция слишком замедленной, чтобы схватиться за оружие. Помимо своего желания он вытащил

цепь и сжал Кольцо, но не надел его, а просто прижал к груди. И в ту же секунду показался орк. Выскочив из темноты, он прямиком направился к Сэму. Оставалось всего шесть шагов, когда он поднял голову и увидел хоббита, и Сэм слышал его прерывистое дыхание и видел блеск в его налитых кровью глазах. Орк остановился, ошеломленный. Он увидел не маленького испуганного хоббита, старающегося достать меч. Нет, он увидел огромную молчаливую фигуру, одетую в серую тень, нависающую в дрожащем свете факела. В одной руке неведомый воин держал меч, один блеск которого уже причинял резкую боль, другая рука была прижата к груди, скрывая какую-то неизвестную, но невероятную мощь.

На мгновение орк припал к земле, затем с пронзительным воплем ужаса повернулся и кинулся назад. Ни одна собака не испытывала такого прилива сил, когда враг показывал ей хвост, как Сэм при этом неожиданном бегстве. С криком он бросился в погоню.

— Да, эльфийский воин свободен! — кричал он. — Я иду! Ты покажешь мне путь наверх, или я сниму с тебя шкуру!

Но орк находился у себя дома, к тому же был проворен и хорошо откормлен. А Сэм был здесь чу-

жаком, усталым и голодным. Лестница оказалась крутой и высокой, она извивалась бесконечно. И скоро Сэм начал задыхаться. Орк исчез из виду, и теперь слышался лишь затихающий топот его ног. Время от времени он испускал вопль, и эхо бежало вдоль стен. Потом все затихло.

Сэм продолжал подниматься. Он чувствовал, что находится на правильном пути, и настроение у него поднялось. Он спрятал Кольцо и затянул пояс.

— Ну-ну! — сказал он. — Если они все будут так относиться к тебе и Жалу, тогда дело не столь безнадежно, как я думал. И вообще, похоже, Шаграт, Горбаг и компания сделали за меня почти всю работу. Такое впечатление, что, кроме этой маленькой испуганной крысы, никого тут в живых и не осталось. — И тут он остановился, словно ударившись головой о каменную стену. Значение сказанного им обрушилось на него, как сильный удар. Никого не осталось в живых! Кто испустил этот пронзительный предсмертный крик? — Фродо! Хозяин! — вскрикнул Сэм, борясь со слезами. — Если они вас убили, что я стану делать? Я сейчас поднимусь наверх и посмотрю сам.

Он продвигался все выше и выше. Было темно, лишь на поворотах и у отверстий лазов, ведущих

на другие уровни башни, изредка встречались факелы. Сэм пытался считать ступеньки, но после двух сотен сбился со счета. Теперь он двигался осторожно: ему показалось, что он слышит откуда-то сверху голоса. Похоже, что не одна крыса осталась в живых.

Когда он почувствовал, что уже не может дышать и сгибать ноги в коленях, лестница кончилась. Сэм стоял тихо. Голоса звучали громче и ближе. Хоббит осмотрелся. Он взобрался на плоскую крышу третьего, и самого высокого, яруса башни — открытое пространство около двадцати ярдов в ширину с низким парапетом. Лестница кончалась в середине этого пространства и выходила в невысокое куполообразное помещение с низкими дверями, обращенными на восток и на запад. На востоке Сэм видел внизу обширные темные равнины Мордора, далеко впереди высилась пылающая гора. Из ее недр вырвалась свежая вспышка, и реки огня засверкали так яростно, что даже на расстоянии многих миль осветили вершину башни красным светом. Вид на запад был закрыт основанием башенки, стоявшей в глубине площадки и поднимавшейся высоко над окружающими холмами. В ее узких окнах-прорезях сверкал свет. Вход в нее находился не более

чем в десяти ярдах от того места, где стоял Сэм. Оттуда и доносились голоса.

Сначала Сэм не слушал. Он подошел к восточной двери и выглянул. Здесь схватка была наиболее яростной: весь двор был усеян мертвыми орками, их отсеченными головами и конечностями. Все место насквозь пропахло смертью. Презрительный возглас, сопровождаемый ударом и криком, заставил его снова нырнуть в укрытие. Послышался гневный голос орка, уже знакомый ему, хриплый, грубый, холодный. Это был Шаграт, капитан башни:

— Говоришь, больше не пойдешь? Будь ты проклят, Снага, ничтожный червяк! Если думаешь, что я настолько ранен, что надо мной безопасно насмехаться, то ошибаешься. Подойди сюда, и я выдавлю тебе глаза, как только что Радбугу. А когда придут новые парни, я с тобой окончательно рассчитаюсь: отправлю тебя к Шелоб.

— Они не придут, ты сдохнешь раньше, — угрюмо ответил Снага. — Я дважды говорил тебе, что свиньи Горбага первыми добрались до ворот, и ни один из наших не вышел. Лагдув и Муцгаш прорвались, но их застрелили. Я видел это из окна, говорю тебе. А они были последними.

— Ты должен пойти. А я — оставаться здесь.

Но я ранен. Черные ямы взяли этого грязного мятежника Горбага! — Послышались проклятия и отвратительные имена. — Я выдал ему, как полагается, но он меня ткнул, мразь, прежде чем я задавил его. Или ты пойдешь, или я живьем тебя съем. Новости должны быть доставлены в Лугбурц, иначе мы оба очутимся в Черных Ямах. Да, ты тоже! Ты не спасешься, отсиживаясь тут.

— Я не пойду вниз по этим проклятым ступенькам, — заявил Снага, — капитан ты все еще или уже никто. Э! А ну-ка руки с ножа, не то пущу стрелу тебе в кишки. Когда услышат о том, что здесь произошло, тебе недолго ходить в капитанах. Я сражался за башню с этими крысами из Моргула, но вы, два замечательных капитана, хорошенькую же вы здесь устроили потасовку из-за добычи!

— Ну ладно, хорош! — огрызнулся Шаграт. — У меня был приказ. Горбаг начал ссору, пытаясь захватить кольчугу.

— Ну-ну, и ты, такой высокий и сильный, дал ему отпор. А ведь у него ума-то было побольше твоего. Сколько раз он тебе твердил, что самый опасный шпион на свободе, да ты не желал слушать. И теперь не желаешь. Говорю тебе, Горбаг был прав. Здесь где-то большой воин, один из

этих кровавых эльфийских головорезов, а может, и грязный тарк. Он идет сюда, сказано тебе. И пока он близко, я вниз не пойду. Да будь ты хоть назгулом, я и то не пошел бы.

— Да неужто? — криво усмехнулся Шаграт. — Ты сделаешь это и не сделаешь то? А когда он придет, ты сдернешь отсюда и бросишь меня подыхать?

Из двери башенки выскочил мелкий орк. За ним гнался Шаграт, здоровенный, с длинными руками, едва не задевавшими землю. Но одна его рука висела неподвижно и была окровавлена, вторая сжимала большой черный узел. Сэм, прячась у лестницы, увидел его злобное лицо, все исполосованное, будто когтями, и вымазанное кровью, из раскрытой пасти с выступающими клыками капала слюна.

Сэм видел, как Шаграт гнался за Снагой по двору. Мелкий орк, увернувшись, с криком юркнул обратно в башенку и исчез. Шаграт остановился. Сэм через восточную дверь видел, как он стоял у парапета, тяжело дыша, его левый кулак слабо сжимался и разжимался. Положив узел на пол, орк правой рукой извлек длинный красный нож и плюнул на него. Подойдя к парапету, он наклонился над ним, посмотрел на двор далеко внизу

и дважды крикнул. Ответа не было.

Внезапно, когда Шаграт наклонился над перилами, обратившись спиной к площадке, Сэм с удивлением заметил, что одно из простертых тел зашевелилось. Поползло. Вытянуло руку и схватило узел. Шатаясь, поднялось. В длинной руке орк держал копье с широким наконечником и коротким обломанным древком. Копье уже было занесено для удара. Но в тот же миг раздался вопль боли или ненависти, и дыхание со свистом вырвалось сквозь зубы орка. Быстро, как змея, Шаграт скользнул в сторону, повернулся и ударил врага ножом в горло.

— Получил, Горбаг! — воскликнул он. — Еще не совсем подох, а? Ну, теперь я кончил дело.

Он прыгнул на труп врага и в ярости принялся топтать и пинать его, время от времени наклоняясь и ударяя ножом. Наконец, удовлетворенный, он откинул голову и испустил торжествующий крик. Потом облизал нож, взял его в зубы и, подхватив узел, направился к лестнице.

У Сэма не было времени на раздумья. Он мог бы проскользнуть в дверь, но боялся быть замеченным: долго играть в прятки с отвратительным орком ему бы не удалось. И он сделал, вероятно, лучшее из того, что мог, — с криком прыгнул

навстречу Шаграту. Он не держался за Кольцо, но оно было с ним — великая угроза для рабов Мордора, а в руке у него было Жало, и блеск его ударил орку в глаза, как свет жестоких звезд в страшных эльфийских краях — кошмарный сон, приводящий в ужас всех орков. К тому же Шаграт не мог одновременно сражаться и держать свое сокровище. Он остановился, рыча и скалясь, затем, когда Сэм прыгнул к нему, отклонился и, воспользовавшись тяжелым узлом как щитом и оружием, ударил им противника в лицо. Сэм пошатнулся, и прежде, чем он пришел в себя, Шаграт проскочил мимо и кинулся вниз по лестнице.

Сэм с проклятиями побежал было следом, но вспомнил о Фродо и о другом орке — укрывшемся в башенке. Вот и еще один ужасный выбор, а у него нет времени подумать. Если упустить Шаграта, он позовет на помощь и скоро вернется. Но если Сэм станет преследовать его, другой орк может совершить убийство. К тому же Сэм не обязательно догонит Шаграта, а может, и погибнет от его руки. Он быстро повернулся и бросился назад по ступенькам.

— Опять неправильно, как пить дать, — вздохнул он. — Но мое дело — идти наверх, что бы ни

случилось потом.

Далеко внизу Шаграт промчался по лестнице, пересек двор и выскочил из ворот, не выпуская своего драгоценного груза. Если бы Сэм видел его и знал, какое горе принесет его бегство, он, возможно, и усомнился бы в выборе пути. Но теперь его мысли были о другом. Он осторожно подошел к двери башенки и проник внутрь. За дверью было темно. Но вскоре глаза привыкли, и он разглядел справа тусклый свет, проникавший через проход на лестницу, темную и узкую. Похоже было, что это винтовая лестница, идущая вдоль внешней стены башенки. Где-то наверху горел факел.

Сэм начал осторожно подниматься. Он подошел к оплывшему факелу, укрепленному у двери слева. Дверь выходила к узкому окну на запад — это был один из тех красных глаз, которые они с Фродо видели снизу у выхода из туннеля. Сэм быстро прошел в дверь и поднялся на второй этаж, каждую секунду опасаясь ощутить на своем горле цепкие пальцы. Выше оказались еще одна дверь и окно, выходящее на восток. Над дверью горел еще один факел, и от нее в глубину башенки уходил коридор. Дверь была открыта, коридор темен, если не считать тусклого света факела и

красного отблеска снаружи. Сэм прокрался в темноту. С обеих сторон — низкие, прочно запертые двери. Не слышно ни звука.

— Тупик, — пробормотал Сэм, — и после всех этих подъемов! Это не может быть верхом башни. Но что ж мне теперь делать?

Он вернулся на первый этаж и проверил все двери. Они не открывались. Он снова поднялся наверх. Пот заливал ему лицо. Он чувствовал, что каждая минута драгоценна, но они одна за другой уходили, а он ничего не мог сделать. Сэм не помнил ни о Шаграте, ни о Снаге, ни о других орках, которые могли появиться. Он хотел только найти хозяина, увидеть его лицо, коснуться его руки.

Наконец, чувствуя себя окончательно разбитым, Сэм опустился на ступеньку лестницы и уронил голову на руки. Было тихо, ужасно тихо. Факел догорел, задымил и погас. Сэм чувствовал, как над ним смыкается тьма. И вдруг, к собственному своему изумлению, в самом конце тщетного путешествия, побуждаемый необъяснимым движением сердца, Сэм тихо запел.

Голос его дрожал в холодной темной башне — голос одинокого усталого хоббита, и ни один орк не обманулся бы теперь и не решил бы, что слышит ясную песню эльфийского лорда. Сэм

напевал старые детские мелодии Шира и обрывки песенок старого Бильбо, всплывающие в памяти, как картинки родного дома. И тут в нем неожиданно выросла новая сила, и голос его зазвенел, и полились собственные слова, в лад незамысловатому мотиву:

Под солнцем в западных краях
Весной цветы цветут,
Ручьи и зяблики в ветвях
Заливисто поют.
А может, там теперь стоит
Безоблачная ночь
И ожерелье звезд горит,
Алмазное точь-в-точь.
Пускай лежу в конце моей
Тропы, охвачен тьмой, —
Из-за могучих крепостей,
Над горною грядой
Сквозь тени все взойдет рассвет,
Его им не затмить.
И солнце не погаснет, нет,
И звездам вечно жить.

— Из-за могучих крепостей... — затянул он снова и умолк. Ему показалось, что в ответ он слышит слабый голос. Но вот голос замер, и возник шум приближающихся шагов. Вверху в коридоре тихо отворилась дверь, скрипнули петли. Сэм нагнулся, прислушиваясь.

Дверь захлопнулась с глухим стуком, и раздался ворчливый голос орка:

— Хо ла! Ты там, навозная крыса? Кончай визжать, а то поднимусь и разделаюсь с тобой. Слышь, ты?

Никто не ответил.

— Хорошо же, — прорычал Снага. — А все равно я приду и погляжу, как ты там.

Петли снова заскрипели, и Сэм, выглядывая из-за угла, увидел слабый свет и неясную фигуру орка. Тот, похоже, нес приставную лестницу. И тут Сэм догадался: наверх можно было подняться через люк в потолке коридора. Снага поставил лестницу и взобрался по ней. Сэм услышал, как щелкнул засов. Потом опять раздался отвратительный голос орка:

— Лежи тихо, ты, а не то пожалеешь! Спокойной жизни тебе осталось чуть-чуть; но если не хочешь, чтобы веселье началось прямо сейчас, заткни свою пасть, понял? Вот тебе для ясности!

— Раздался звук, похожий на щелканье хлыста.

И закипевшая в сердце Сэма ярость внезапно переросла в бешенство. Он подскочил к лестнице и вскарабкался по ней, как кошка. Голова его вынырнула в центре пола большой круглой комнаты. С потолка свисал красный фонарь; окно же, выходившее на запад, было высоким и темным. Что-то лежало на полу у стены под окном, тут же склонился темный силуэт орка. Он снова поднял хлыст, но второй раз ударить не вышло.

С криком Сэм перелетел комнату, сжимая в руке Жало. Орк повернулся, но сделать ничего не успел: Сэм отрубил руку, державшую хлыст. Взвыв от боли и страха, орк отчаянно кинулся на него. Сэм размахнулся, чтобы нанести еще один удар, но потерял равновесие, отступил на шаг и повалился, вцепившись в орка, перелетевшего через него. Не успев подняться, он услышал крик и глухой удар. Снага, оступившись, сорвался в открытый люк. Сэм больше не думал о нем. Он подбежал к съежившемуся на полу — то был Фродо.

Обнаженный, лежал он на груде грязного тряпья, как будто без сознания, руками закрыв голову. На боку был отчетливо виден багровый рубец от удара хлыстом.

— Фродо, мастер Фродо, дорогой вы мой! — кричал Сэм, почти ослепший от слез. — Это Сэм, я пришел!

Он приподнял хозяина и прижал его к груди. Фродо открыл глаза.

— Я еще сплю? — пробормотал он. — Но другие сны были кошмаром.

— Вы вовсе не спите, хозяин, — возразил Сэм. — Это на самом деле. Это я. Я пришел.

— Верится с трудом, — сказал Фродо, обнимая его. — Только что здесь был орк с хлыстом, и вдруг он превратился в Сэма! Значит, я не спал, когда услышал это пение внизу и постарался ответить? Это был ты?

— Да, мастер Фродо. Я потерял всякую надежду. Не мог найти вас.

— И все-таки нашел, Сэм, дорогой Сэм, — сказал Фродо и, лежа на руках у Сэма, закрыл глаза, как спящий ребенок, когда ночные кошмары развеяны любимым голосом или нежной рукой.

Сэм чувствовал, что мог бы сидеть так бесконечно, но нельзя. Мало найти хозяина, нужно еще попытаться спасти его. Он поцеловал Фродо в лоб.

— Пора! Вставайте, мастер Фродо! — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал бодро, словно он

отдернул полог летним утром в Бэг-Энде.

Фродо вздохнул и сел.

— Где мы? Как я сюда попал, Сэм? — спросил он.

— Нет времени для разговоров, пока мы не уйдем отсюда куда-нибудь в другое место, мастер Фродо! — ответил Сэм. — Мы на самом верху башни, которую видели снизу, из туннеля, прежде чем орки захватили вас. Как давно это было, я не знаю. Думаю, раньше, чем один день назад.

— Всего один день? — удивился Фродо. — Мне показалось, что прошло несколько недель. Ты должен будешь рассказать мне все, как только представится возможность. Что-то ударило меня, верно? И я провалился во тьму и в кошмарные сны, а пробудившись, обнаружил, что действительность еще кошмарнее. Вокруг меня были орки. Кажется, они влили мне в горло какой-то свой ужасно обжигающий напиток. Голова у меня сделалась ясной, но очень болела, и я совсем потерял силы. Они сняли с меня все, а потом пришли двое здоровенных скотов и допрашивали меня до тех пор, пока я не начал сходить с ума. А они все стояли надо мной, орали и размахивали мечами. Никогда не забуду их когтей и глаз.

— Не забудете, если станете говорить о них,

мастер Фродо, — сказал Сэм. — Но мы ведь не хотим увидеть их снова, а стало быть, чем скорее выберемся отсюда, тем лучше. Вы можете идти?

— Да, могу, — ответил Фродо, с трудом поднимаясь. — Я даже не ранен, Сэм. Только очень устал и вот здесь болит. — Он приложил руку к шее над левым плечом. Затем выпрямился, и Сэму почудилось, что он окутан пламенем: его нагая кожа алела в свете фонаря. Он дважды прошел по комнате из конца в конец. — Теперь лучше! — сказал Фродо, и настроение у него немного поднялось. — Я не смел двигаться, когда оставался один или приходил кто-нибудь из моих стражей. Пока не начались крики и драка. Двое здоровяков: кажется, они поссорились. Из-за меня и моих вещей. Я лежал здесь, испуганный до смерти. А потом наступила мертвая тишина, и это было еще хуже.

— Да, они повздорили, это очевидно, — сказал Сэм. — Тут этих грязных тварей, должно быть, не менее пары сотен было. Высоковат счетец для Сэма Гэмджи, если можно так выразиться. Но они все тут сами друг дружку поубивали. Хорошо, конечно, да только рано радоваться, пока мы не выбрались отсюда. Что же теперь делать? Не разгуливать же вам по Черной Земле нагишом, мастер Фродо.

— Они всё забрали, Сэм, — сказал Фродо. — Всё, что у меня было. Понимаешь? Всё! — Он опять опустился на пол, понурив голову, словно собственные слова разорили последнее прибежище его надежды, и отчаяние полностью овладело им. — У нас ничего не вышло, Сэм. И даже если выберемся отсюда, нам уж не спастись. Только эльфы могут спастись. Прочь, прочь из Средиземья, как можно дальше за Море. Если, конечно, и оно достаточно широко, чтобы преградить дорогу наступающей Тени.

— Нет, не всё, мастер Фродо, не всё. И наш путь не закончен, пока еще нет. Я взял *его*, мастер Фродо, прошу прощения. И сохранил. Оно теперь у меня на шее, и ох ужасная же это ноша! — Сэм протянул руку за Кольцом. — Но, я полагаю, вы должны взять его обратно.

И вдруг он почувствовал, что Кольцо будто бы не желает возвращаться к своему хозяину.

— Ты взял его? — выдохнул Фродо. — Оно у тебя? Сэм, ты чудо! — И вдруг тон его переменился, внезапно и странным образом. — Отдай его мне! — закричал он, вскочив и протягивая дрожащую руку. — Отдай сейчас же! Оно не твое!

— Хорошо, мастер Фродо, — ответил Сэм, слегка удивленный. — Вот оно! — Он медленно извлек

кольцо и потянул цепь через голову. — Но мы теперь в земле Мордор, сэр! Когда выйдете отсюда, увидите Огненную Гору и все такое. Кольцо теперь стало очень опасным и очень тяжелым. Если это дело слишком трудно для вас, я могу разделить его с вами.

— Нет, нет! — закричал Фродо, выхватывая цепь с Кольцом из рук Сэма. — Ишь чего захотел, воришка!

Он тяжело дышал и глядел на Сэма глазами, полными страха и враждебности. Потом, внезапно ошеломленный, застыл, сжимая Кольцо в руке. Туман, казалось, рассеялся перед его глазами, и он провел рукой по больному лбу. Ужасные видения на время заменили ему реальность, и он стоял, пораженный страхом и болью. Сэм в его глазах обернулся орком, претендующим на сокровище, тянущим к нему лапы отвратительным маленьким существом, с жадными глазами и слюнявой пастью. Но вот видение исчезло. Над ним склонился Сэм с лицом, искаженным страданием, как будто его ударили в сердце. Слезы текли у него по щекам.

— О, Сэм! — воскликнул Фродо. — Что это я сказал? Что я натворил? Прости меня. После всего, что ты сделал! Это все ужасная власть Кольца.

Лучше бы оно никогда не было найдено! Но не обращай на меня внимания, Сэм. Я должен нести эту ношу до конца. Этого не изменить. Ты не можешь встать между мной и моей судьбой.

— Все в порядке, мастер Фродо, — ответил Сэм, вытирая глаза рукавом. — Я понимаю. Но ведь я могу помочь. Я обязан вытащить вас отсюда. Немедленно, понимаете? И первым делом надо найти для вас одежду и еду. С одеждой проще. Раз уж мы в Мордоре. И к тому же у нас нет выбора. Боюсь, мастер Фродо, придется вам нарядиться орком, да и мне заодно. Если мы идем вместе, лучше выглядеть одинаково. Накиньте пока вот это!

Сэм снял свой плащ и набросил его на плечи Фродо. Потом снял мешок и положил его на пол. Извлек Жало из ножен. Лезвие оставалось тусклым.

— Я совсем забыл об этом, мастер Фродо, — сказал он. — Нет, далеко не всё у вас отобрали! Вы отдали мне Жало, если помните, и сосуд Леди. Они сейчас у меня. Но оставьте их мне еще ненадолго, мастер Фродо. Я должен пойти и поискать все необходимое. Побудьте здесь. Походите немного, чтобы размять ноги. Я скоро. Я не пойду далеко.

— Осторожнее, Сэм, — заволновался Фродо. — И побыстрее! Здесь могут быть еще орки.

Сэм скользнул вниз по лестнице. Через минуту вновь появилась его голова. Он бросил на пол длинный нож.

— Может, пригодится, — сказал он. — Он мертвый, тот, что хлестнул вас. Шею себе свернул. Поднимите лестницу, мастер Фродо, если хватит сил, и не опускайте ее, пока не услышите пароль. Я крикну: «Эльберет!» Так говорят эльфы. Ни один орк не выговорит такого.

Некоторое время Фродо сидел и дрожал. Страшные видения сменялись в его сознании. Потом он вскочил, завернулся в серый эльфийский плащ и, чтобы чем-нибудь отвлечь мысли, начал ходить взад и вперед, заглядывая во все уголки своей тюрьмы.

Вскоре — а от страха ему показалось, что прошел целый час, — снизу донесся негромкий голос Сэма: «Эльберет, Эльберет». Фродо опустил лестницу. Сэм поднялся, отдуваясь, с большим свертком на голове. Он выпустил его, и сверток с грохотом свалился на пол.

— Скорее, мастер Фродо! — заговорил Сэм. — Для нас я подыскал кое-что размером поменьше. Но мы должны торопиться. Я не встретил никого живого и ничего не видел, но что-то мне не по себе. Думаю, за этим местом следят. Не могу этого

объяснить, но мне кажется, один из этих страшных летающих всадников над нами, в темноте, не видимый отсюда.

Он развязал сверток. Фродо с отвращением осмотрел его содержимое, но делать было нечего: либо надевать эти вещи, либо ходить голышом. Здесь были длинные мохнатые штаны из какой-то звериной шкуры и грязный кожаный мундир. Он надел все это. Поверх мундира пошла кольчуга из стальных колец, слишком длинная для Фродо и тяжелая. Поверх кольчуги он надел пояс, с которого свисали короткие ножны с широким мечом. Сэм принес несколько оркских шлемов. Один из них подошел Фродо — черная шапка с железным ободком, покрытым кожей, и изображением красного глаза над защитной полоской для носа, похожей на клюв.

— Вещи из Моргула, из отряда Горбага, лучше подходят для нас и лучше сделаны, — сказал Сэм, — но я думаю, что не стоит ходить с их знаками по Мордору, тем более после того, что здесь приключилось. Ну, вот вы и готовы, мастер Фродо. Прекрасный маленький орк, если мне позволительно так выразиться, — особливо если прикрыть лицо маской, руки вытянуть, а ноги подогнуть. Вот это еще лучше. — И он набросил

на плечи Фродо большой черный плащ. — Ну и все. Когда пойдем, сможете подобрать щит.

— А ты, Сэм? — спросил Фродо. — Разве тебе не нужно одеться?

— Ну, я подумал, мастер Фродо, — ответил Сэм, — что лучше не оставлять мои вещи: уничтожить их мы не сможем. Но я не могу надеть оркскую кольчугу поверх своей одежды. Так что я просто прикроюсь слегка.

Он наклонился и осторожно свернул свой эльфийский плащ. Получился удивительно маленький узелок. Сэм сунул его в мешок и, поднявшись, закинул мешок на спину. Потом надел на голову оркский шлем и завернулся в другой, черный плащ.

— Готово! — сказал он. — Теперь мы похожи. Нужно торопиться!

— Я не смогу все время бежать, Сэм, — с усталой улыбкой сказал Фродо. — Надеюсь, ты расспросил насчет гостиниц по дороге? Или ты забыл о питье и еде?

— И точно, чтоб меня! — огорчился Сэм. Он присвистнул в отчаянии. — Разрази меня гром, мастер Фродо, но после вашего исчезновения я совсем не чувствовал ни голода, ни жажды! Не помню, когда в последний раз у меня во рту по-

бывала капля или кусочек. Я только и думал, как мне вас отыскать. Но постойте-ка! Когда я смотрел в мешок последний раз, там было достаточно путевого хлеба и того, что дал нам капитан Фарамир, чтобы удержать меня на ногах по крайней мере с неделю. Но если и есть хоть капля в моей фляжке, то у>к точно всего одна. В общем, на двоих этого все равно не хватит. Но разве орки не едят и не пьют? Неужто довольствуются затхлым воздухом и ядом?

— Нет, они едят и пьют, Сэм. Тень, вырастившая их, может создавать лишь подделки, сотворить что-то действительно новое ей не под силу. Не думаю, что она вдохнула в них жизнь, только испортила и исковеркала их. Если орки хотят жить, они должны уподобляться другим живым существам. Когда нет ничего другого, они пьют гнилую воду и едят протухшее мясо, но не яд. Они кормили меня. Где-то здесь должны быть питье и пища.

— Но нам некогда искать их, — сказал Сэм.

— Дело обстоит лучше, чем ты думаешь, — заметил Фродо. — Мне немножко повезло, пока ты отсутствовал. Они действительно взяли не все. Среди тряпок на полу я нашел свой мешок. Конечно, они разграбили его. Но, я думаю, им, как

и Голлуму, не понравился лембас. Он разбросан, разломан, но я собрал все, что смог. А вот еду, которой снабдил меня Фарамир, они забрали и фляжку мою разбили.

— Что ж, говорить больше не о чем, — заметил Сэм. — Для начала у нас достаточно. Но с водой дело плохо. Идемте, мастер Фродо! Нужно выбираться, иначе нас не спасет и целое озеро.

— Сначала поешь, Сэм, — возразил Фродо. — До этого я с места не двинусь. Скушай эльфийского хлеба и выпей последнюю каплю из твоей бутылки. Положение безнадежно, и незачем беспокоиться о завтрашнем дне. Может статься, что он не наступит.

Наконец они стартовали. Спустились по лестнице, и потом Сэм взял ее и положил в коридоре возле мертвого орка. Спуск был темным, но верхнюю площадку башни слегка освещал пепельно-красный отблеск горы.

Хоббиты пошли вниз по большой лестнице. Верхняя комната в оставшейся позади башенке, где они встретились, теперь казалась им почти уютной: они вновь стали незащищенными, и сами стены дышали ужасом. Все было мертво в башне Кирит-Унгола, но она по-прежнему была погружена в страх и Зло.

Но вот хоббиты добрались до выхода во внешний двор и остановились. Даже в том месте, где они стояли, их настигло злобное внимание стражей — двух черных безмолвных истуканов по обе стороны ворот, в чьих глазницах смутно угадывался свирепый взгляд Мордора. Каждый шаг по двору, усеянному трупами орков, давался с огромным трудом. Не дойдя до ворот, они вынуждены были остановиться. Продвижение даже на дюйм причиняло страшную боль. У Фродо не хватало сил для такой схватки. Он опустился на землю.

— Я не могу, Сэм, — пробормотал он. — Я сейчас потеряю сознание. Не понимаю, что со мной происходит.

— Я знаю, мастер Фродо! Держитесь! Это ворота. В них какая-то черная магия. Но я вошел сюда и выйду отсюда. Давайте за мной!

Сэм извлек эльфийский сосуд Галадриэли. И словно в знак преклонения перед его храбростью и для тою, чтобы оказать честь верной хоббитской руке, свершившей храбрые подвиги, фиал внезапно вспыхнул и осветил весь двор, как молнией. И продолжал гореть неослабевающим светом.

— Гильтониэль, а Эльберет! — воскликнул Сэм. Сам не зная почему, он вспомнил эльфов в Шире

и их песню, что прогнала Черных Всадников.

— Айя эленион анкалима! — подхватил за ним Фродо.

Воля стражей лопнула, как натянутая струна, и Сэм и Фродо, пошатываясь, двинулись вперед. Потом побежали через ворота, мимо огромных сидящих изваяний с их сверкающими глазами. Послышался треск. Ключевой камень арки рухнул почти на них, стена сверху треснула и упала. Прямо у них за спиной. Затрезвонил колокол, а стражи испустили высокий и ужасающий вой. Далеко вверху во тьме раздался ответ. С черного неба камнем падала крылатая фигура, разрывая тучи с пронзительным воплем.

Глава II

Земля Тени

У Сэма хватило духа сунуть фиал за пазуху.

— Бегите, мастер Фродо! — крикнул он. — Нет, не сюда! Здесь есть крутой спуск. За мной!

Они побежали от ворот вниз по дороге. Через полсотни шагов они скрылись от стражей за поворотом дороги, огибающей крутой утес. На мгновение они почувствовали себя в безопасности. Спрятавшись за скалой, они перевели дух, схватившись за сердце. Взгромоздившись на стену возле разрушенных ворот, назгул испускал свои страшные крики. Эхо от них отдавалось в утесах.

В ужасе, спотыкаясь, хоббиты снова кинулись бежать. Скоро дорога резко свернула на восток и на одно кошмарное мгновение открыла их для взора с башни. Обернувшись и увидев большую черную фигуру на укреплении, они нырнули в углубление между скалами, круто сбегавшее к Моргульской дороге, и вышли на нее. По-прежнему не было ни единого признака орков, не слышно было ответа на крик назгула; но они зна-

ли, что эта тишина не надолго. Теперь в любую секунду могла начаться погоня.

— Так не пойдет, Сэм, — сказал Фродо. — Будь мы настоящими орками, так бежали бы в башню, а не от нее. Первый же встречный враг разоблачит нас. В любом случае, мы должны уйти с дороги.

— Но мы не можем, — сказал Сэм. — По крайней мере, без крыльев.

Восточные склоны Эффел-Дуата опускались в ложбину двумя хребтами: внешним и внутренним. На коротком расстоянии от перекрестка, после еще одного крутого спуска, над пропастью висел легкий каменный мост. По нему проходила дорога на неровные склоны и плоскогорья Моргая. С отчаянными усилиями Сэм и Фродо бежали по мосту. Но не успели они добежать до его конца, как услышали, что погоня началась. За ними высоко над горными склонами возвышалась башня Кирит-Унгола, ее каменные стены тускло светились. Внезапно вновь прозвучал резкий удар колокола, рассыпавшийся в дребезжащий трезвон. Затрубил рог. Теперь с другого конца моста полетели ответные крики. В глубокой ложбине, отрезанные от зарева Ородруина, Фродо и Сэм не видели ничего впереди. Но слышали

топот подкованных железом ног, а на дороге — быстрый перестук копыт.

— Быстрей, Сэм! Перелезай! — крикнул Фродо.

Они взобрались на низкий парапет моста. К счастью, здесь их уже не ждало падение в глубокую пропасть: склоны Моргая в этом месте поднимались почти до уровня дороги, но внизу было темно, и они не могли увидеть, куда упадут.

— Ну, я пошел, мастер Фродо, — сказал Сэм, — не поминайте лихом!

Он прыгнул. Фродо за ним. Падая, они услышали, как всадники промчались по мосту, за ними бежали орки. Сэм рассмеялся бы, если бы посмел. Опасаясь разбиться о неведомые скалы, хоббиты после десяти — двенадцати футов полета приземлились туда, куда уж никак не ожидали, — в заросли колючих кустов. Здесь Сэм лежал молча, посасывая расцарапанную руку.

Когда топот и звуки шагов затихли вдали, он осмелился прошептать:

— Будь я проклят, мастер Фродо, если знал, что в Мордоре что-то может расти! Я чувствую, что эти колючки не меньше фута длиной. Они проткнули меня насквозь! Эх, не надел я кольчугу!

— Оркская кольчуга не спасает от этих колючек, — заметил Фродо. — Даже вместе с кожаной

курткой.

Хоббиты с трудом выбрались из кустов. Колючки и ветки были прочными, как проволока, и цепкими, как звериные когти. Прежде чем беглецы выбрались, изорвали плащи в клочья.

— Теперь вниз, Сэм, — прошептал Фродо. — Быстрее вниз, в долину, потом, при первой возможности, повернем на север.

В Мире снова начинался день, и далеко за мраком Мордора солнце поднималось над восточным краем Средиземья, но здесь было темно, как ночью. Гора тлела, огни ее потускнели. Погасло свечение утесов. Восточный ветер, который дул с того времени, как они покинули Итилиен, теперь утих. Медленно и превозмогая боль, Фродо и Сэм пошли вниз, спотыкаясь, падая, пробираясь среди скал до тех пор, пока уже просто не смогли идти дальше.

Они остановились и сели рядом, прижавшись спинами к камню. Оба вспотели.

— Если бы и сам Шаграт предложил мне стакан воды, я пожал бы ему руку, — сказал Сэм.

— Не говори так! — попросил Фродо. — Ведь от этого еще хуже.

Он вытянулся, изможденный и усталый, и долго не произносил ни звука. Наконец Фродо снова с

усилием сел. К своему удивлению, он обнаружил, что Сэм спит, как убитый.

— Сэм, проснись! Надо идти! Еще одно усилие!

Сэм вскочил на ноги:

— Неужто уснул? Я уж не помню, когда спал по-настоящему, у меня просто слипаются глаза.

Теперь Фродо пошел впереди, направляясь на север среди камней и булыжников, толстым слоем покрывавших дно ущелья. Вскоре он снова остановился:

— Нехорошо, Сэм! Я не вынесу этого в моем нынешнем состоянии. Кольчугу, я имею в виду. Даже моя митриловая казалась мне тяжелой, когда я уставал. А эта несравнимо тяжелее. И какая от нее польза? Мы ничего не добьемся оружием.

— Но мы ведь должны как-то защититься, — возразил Сэм. — Здесь есть ножи и стрелы. Да и Голлум все еще жив. Не нравится мне думать, что между вами и внезапным ударом из темноты будет только кожаная куртка.

— Послушай, Сэм, дорогой, — ответил Фродо. — Я очень устал, и у меня не осталось надежды. Но я должен попытаться дойти до горы, пока могу двигаться. Мне хватает Кольца. Эта дополнительная тяжесть просто меня убивает. Ее нужно сбросить. Но не думай, что я не благодарен тебе.

Мне страшно даже представить ту грязную работу, что ты проделал среди вражеских трупов, чтобы найти для меня эту кольчугу.

— Не надо об этом, мастер Фродо! Я понесу вас на спине, когда понадобится. Валяйте, бросайте!

Фродо снял плащ, потом оркскую кольчугу и отбросил ее в сторону. Его слегка лихорадило.

— Что мне на самом деле нужно, так это немного тепла, — сказал он. — Или становится холодно, или я простудился.

— Возьмите мой плащ, мастер Фродо, — предложил Сэм. Он развязал мешок и достал эльфийский плащ. — Закутайтесь в оркские тряпки, а сверху наденьте это. Непохоже на оркскую моду, но зато вам будет теплее. И осмелюсь сказать, этот плащ сохранит вас от врага лучше любого вооружения. Его ведь сама Леди пошила.

Фродо надел плащ и закрепил брошь.

— Так лучше! — сказал он. — Намного легче. Теперь я могу идти. Но слепящая тьма, кажется, проникает мне в сердце. Когда лежал в тюрьме, Сэм, я пытался вспомнить Брендивайн, и Бэг-Энд, и воду, бегущую у мельницы в Хоббитоне. Но не смог.

— А вот теперь вы, мастер Фродо, заговорили о воде! — заметил Сэм. — Если бы только Леди

могла видеть и слышать нас, я ей сказал бы: «Ваша милость, все, чего мы хотим, — это свет и вода, чистая вода и ясный дневной свет, более желанные, чем любые драгоценности, прошу прощения». Но далеко от нас Лориен.

Сэм вздохнул и махнул рукой в сторону вершин Эффел-Дуата, теперь, на фоне черного неба, совсем невидимых.

Они пошли дальше. Но вскоре Фродо остановился.

— Над нами Черный Всадник, — сказал он. — Я чувствую это. Нам лучше спрятаться на время.

Скорчившись за большим утесом, они сидели лицом на запад и некоторое время молчали. Потом Фродо с облегчением вздохнул:

— Пролетел!

Они поднялись и оба изумленно озирались. Слева, на юге, на фоне неба, сделавшегося серым, проявились темные очертания огромной цепи горных пиков и высоких хребтов. За ними нарастал свет, медленно, словно ползком, продвигаясь на север. Высоко в небесных просторах шла смертельная битва. Тучи Мордора волнами отбрасывало назад, и края разрывало им в клочья, по мере того как ветер из живого мира поднимался и выметал испарения и дымы обрат-

но в темную землю, откуда они исходили. Под задранными краями мрачного полога тусклый свет просачивался в Мордор, как бледное утро сквозь закопченное окошко тюрьмы.

— Взгляните, мастер Фродо! — обрадовался Сэм. — Видите? Ветер переменился! Что-то случилось. Не все идет так, как хотелось бы Ему. Его Тьма разбивается во внешнем мире. Эх, знать бы, что происходит на самом деле!

Было утро пятнадцатого марта, и над долиной Андуина солнце взошло над восточною тенью, и поднялся юго-западный ветер. Теоден умирал на полях Пеленнора.

Пока Фродо и Сэм стояли и глядели вдаль, кольцо света распространилось по всей линии Эффел-Дуата, и они увидели фигуру, двигавшуюся на огромной скорости с запада, поначалу всего лишь черным пятнышком на фоне сверкающей полосы над горными вершинами, но быстро выраставшую, до тех пор пока она не ворвалась в темный полог стрелою и не промчалась над ними. По пути она испустила долгий пронзительный крик, клич назгула, однако в этом крике не было прежней способности внушать ужас: то был вопль скорби и уныния, несущий дурные вести в Башню Тьмы. Повелитель Духов Кольца встретил

свою судьбу.

— Что я вам говорил? Что-то произошло! — воскликнул Сэм. — «На войне всё в порядке», — говорил Шаграт, но Горбаг не разделял его уверенности. И видимо, оказался прав. Очень похоже на то. Не прибавилось ли у вас теперь надежды, мастер Фродо?

— Нет, Сэм, не особенно, — вздохнул Фродо. — Это всё там, за горами. Но мы-то идем на восток, а не на запад. И я смертельно устал. Кольцо такое тяжелое, Сэм. Оно все время стоит у меня перед глазами, как большое огненное колесо.

Сэм опять приуныл. Он с тревогой посмотрел на хозяина и взял его за руку.

— Идемте, мастер Фродо! — позвал он. — Я получил кое-что из того, что хотел, — немного света. Хотя это и не слишком нам поможет: идти при свете опасней. Постарайтесь пройти немного, а потом мы сможем отдохнуть. Съешьте кусочек эльфийского хлеба, он подкрепит вас.

Разделив кусок лембаса и с трудом пережевывая его всухомятку, Фродо и Сэм побрели дальше. Серых сумерек было достаточно, чтобы понять: они находятся теперь в глубоком ущелье между горами.

На севере оно слегка поднималось, и по дну его

проходило русло высохшего ручья. Рядом с этим каменным потоком они увидели тропу, извивающуюся у подножия западных утесов. Если бы они знали о ней, могли бы достичь ее намного раньше, поскольку она отходила прямо от главной Моргульской дороги у западной части моста и по длинной лестнице, вырубленной в скале, опускалась на самое дно ущелья. Тропа использовалась патрулями или вестниками, доставлявшими приказы в малые форпосты и крепости на севере, между Кирит-Унголом и узким Исенмаутом — железными челюстями Карах-Ангрена.

Опасно было использовать такую тропу, но надо было спешить, и Фродо чувствовал, что карабкаться через бездорожные плоскогорья Моргая ему уже не под силу. К тому же он решил, что на севере преследователи будут меньше всего искать их. Они прежде и тщательнее всего станут обыскивать дорогу на Восток, к последней, самой отчаянной части их пути. Итак, хоббиты пересекли каменное русло и пошли по оркской тропе. Утесы слева нависали над ними и надежно укрывали сверху. Но тропа сильно извивалась, и на каждом повороте они хватались за рукояти мечей, продвигаясь вперед с опаской.

Свет не усиливался, потому что Ородруин

изрыгал громадные клубы дыма, которые под действием ветра поднимались все выше и выше, пока не достигали спокойных безветренных слоев, где они растекались огромным сводом, чей центральный столб вырастал из недоступного взору мрака.

Больше часа шли хоббиты по тропе, пока не услышали звук, заставивший их остановиться. Невероятный и несомненный. Звук капающей воды. Слева, в расщелине, такой острой и узкой, словно утес был расколот огромным топором, скопилась вода — последние остатки дождя, прилетевшего с далекого Моря, дождя, которому выпала злая доля упасть на бесплодные черные земли и бесполезно протекать через темень и грязь. По скале струился тоненький ручеек, пересекал тропу и, повернув на юг, терялся среди камней.

Сэм прыгнул к нему.

— Если когда-нибудь увижу Леди снова, расскажу ей об этом! — воскликнул он. — Сперва свет, а теперь пожалуйста — вода! — Тут он остановился. — Позвольте мне напиться первым, мастер Фродо.

— Хорошо, но здесь достаточно места для двоих.

— Я не это имел в виду, — сказал Сэм. — Я подумал, если вода отравлена и яд действует быстро, лучше отравиться мне, чем вам, хозяин, если вы меня понимаете.

— Понимаю. Лучше, конечно, испытать судьбу вместе, Сэм. Но будь осторожен, вода может быть слишком холодной.

Вода и впрямь была холодна, но не как лед, у нее был неприятный маслянистый вкус, она слегка горчила, как сказали бы дома. Однако здесь она была для хоббитов выше всех похвал, выше страха и благоразумия. Они напились вволю, и затем Сэм наполнил свою фляжку. После этого Фродо почувствовал себя лучше, и они прошли еще несколько миль, пока расширившаяся дорога и крепкая стена, выросшая на ее краю, не предупредили о том, что они приближаются к другой крепости орков.

— Здесь придется свернуть, Сэм, — сказал Фродо. — Мы обязаны двигаться на восток. — Он вздохнул и посмотрел на угрюмые хребты вдоль ущелья. — У меня осталось сил лишь на то, чтобы найти какую-нибудь нору. Я должен немного отдохнуть.

Русло ручья теперь находилось на некотором расстоянии от тропы. Хоббиты спустились и на-

чали пересекать это русло. К своему удивлению, они встретили темные лужи, питаемые тонкими струйками воды, текущими из какого-то источника выше по ущелью. На своей окраине у западной гряды Мордор был умирающей землей, но еще не умер. Даже здесь уцелела растительность, жесткая, искривленная, упорно цепляющаяся за жизнь. На плоскогорьях Моргая по другую сторону ущелья росли низкие чахлые деревья, затаившиеся и приземистые, грубые серые пучки травы сражались с камнями, и блеклые лишайники наползали на них, и повсюду, корчась и переплетаясь, тянулись заросли кустарника. В них попадались и длинные ранящие шипы, и крючковатые колючки, способные пронзать и резать, как ножи. Мрачные, съежившиеся, прошлогодние листья висели на них, грустно шурша и громыхая, а их изъеденные личинками почки раскрылись впустую. Мухи, коричневатые, серые или черные, отмеченные, подобно оркам, пятнышком в форме красного глаза, жужжали и жалили, и вдобавок над кустами, мельтеша и раскачиваясь, стояли тучи голодной мошки.

— Одежда у орков никуда не годная, — заявил Сэм, отмахиваясь руками. — Теперь я хотел бы испытать их убежища.

Наконец Фродо остановился, не в силах идти дальше. Они выбрались из глубокого тесного ущелья, но до последнего отвесного хребта предстоял еще долгий путь.

— Я должен отдохнуть, Сэм, и поспать, если смогу, — сказал Фродо.

Он осмотрелся, но вокруг не было видно ни единого живого существа, крадущегося в этой унылой стране. Вконец измученные, они забрались под завесу кустарника, свисавшую, как ковер, с невысокой скалы.

Здесь они сели и немного перекусили тем, что было. Стараясь растянуть драгоценный лембас надольше, чтобы хватило на черный день, они съели половину провизии Фарамира, остававшейся в мешке Сэма: горсточку сухих фруктов и по маленькому кусочку вяленого мяса, — всё это запили небольшим количеством воды. Они напились из ручья в долине, но теперь снова испытывали сильную жажду. Был в воздухе Мордора какой-то горький привкус, от которого пересыхало во рту. Стоило Сэму подумать о воде, и даже его неунывающий дух дрогнул. За Моргаем им предстояло пересечь смертоносную равнину Горгорот.

— Поспите прежде вы, мастер Фродо, — пред-

ложил Сэм. — Опять стемнело. Похоже, этот день кончается.

Фродо вздохнул и уснул раньше, чем эти слова были сказаны. Сэм боролся с собственной усталостью и держал Фродо за руку, и так сидел, молча, пока не спустилась глубокая ночь. Потом, чтобы не уснуть, он выполз из их убежища и огляделся. Земля вокруг была полна треска, скрипа, таинственных звуков, но не было слышно ни голосов, ни шагов. Далеко на западе, над Эффел-Дуатом, ночное небо было тусклым и бледным. Там Сэм увидел пробивающуюся сквозь облака над скалистой вершиной холма мерцающую белую звезду. Ее красота поразила его сердце, и надежда вернулась к нему. Его поразила холодная и ясная, как копье, мысль о том, что Тень — это незначительное и мимолетное явление: существовали свет и высокая красота за пределами ее досягаемости. Его песня в башне была выражением скорее отчаяния, чем надежды: тогда он думал только о себе. Теперь же собственная судьба и даже судьба хозяина перестали его волновать. Сэм снова заполз в убежище, лег рядом с Фродо и, отбросив все страхи, погрузился в глубокий, спокойный сон.

Проснулись они одновременно, рука в руке. Сэм чувствовал себя бодрым, готовым к новому дню,

но Фродо вздыхал. Его тревожный сон был полон огненных видений, и пробуждение не принесло ему успокоения. И все же сон немного исцелил его: он набрался сил для того, чтобы нести свою Ношу дальше. Они не знали, ни который теперь час, ни как долго они проспали. Но после куска еды и глотка воды они шли по ущелью до тех пор, пока оно не закончилось крутым склоном осыпей щебня и скользких камней. Здесь даже последние жалкие остатки живого прекращали сопротивление: вершины Моргая были без единой травинки, голыми, зазубренными, унылыми, как грифельная доска.

После долгих блужданий и поисков нашли место, где можно было взобраться, и, преодолев последние сто футов цепких кустарников, поднялись по склону. Они очутились в расщелине между двумя темными утесами и, пройдя через нее, вышли на самый край последней ограды Мордора. Под ними, на глубине в несколько сотен футов, лежала внутренняя равнина, расстилаясь вдоль и уходя в бесформенную мглу, за пределы видимости. Ветер внешнего мира дул теперь с запада, и большие облака, высоко взметенные им, уплывали на восток; но по-прежнему лишь сумрачный свет проникал на страшные поля

Горгорота. Здесь дымы стелились по земле и скрывались в ложбины, а сквозь трещины в земле просачивались испарения.

По-прежнему далеко, по крайней мере в сорока милях, они увидели Гору Судьбы, ее подножие коренилось в пепельных руинах, ее гигантский конус вздымался на огромную высоту, где курящаяся вершина была спелената облаком. Ее огни теперь потускнели, и она застыла в тлеющей дремоте, такая же грозная и опасная, как спящий свирепый зверь. Позади нее висела обширная тень, зловещий, как грозовая туча, занавес Барад-Дура, вознесенного на длинном отроге Пепельных Гор, протянувшихся с севера. Темная Мощь пребывала в глубокой задумчивости, и Глаз ее был обращен внутрь, с тревогой и смятением взвешивая полученные известия: сверкающий меч и неумолимое властное лицо занимали Его, и на время Он потерял из виду все остальное; и всю Его громадную твердыню, врата на вратах и башню на башне, окутал тягостный мрак.

Фродо и Сэм со смешанным чувством удивления и отвращения смотрели на эту ненавистную землю. Меж ними и дымящейся горой, а также к северу и к югу от нее все выглядело разрушенным и мертвым, выжженной и засоренной пустыней.

И они гадали, как Лорду этого королевства удается кормить и поддерживать существование своих рабов и своих армий. А ведь армии у Него были! Насколько хватал глаз, у подножия Моргая и дальше на юг всюду были видны лагеря, и не только палаточные, но и в виде небольших городков. Один из самых крупных лагерей раскинулся прямо под ними. В какой-нибудь миле от них находилось это подобие огромного осиного гнезда, с прямыми рядами хижин и длинными тускло-коричневыми бараками. А территорию вокруг лагеря покрывали движущиеся точки: широкая дорога тянулась с юго-востока наперерез Моргульской, и по ней двигались длинные колонны солдат.

— Не нравится мне все это, — сказал Сэм. — Я сказал бы, что картинка вполне безнадежная. Хотя, конечно, там, где так много народа, должны быть и источники воды, не говоря уж о пище. К тому же это люди, а не орки, если глаза меня не обманывают.

Ни он, ни Фродо ничего не знали о грандиозных усилиях рабов на южных полях этого обширного королевства, за дымами горы, у темных, печальных вод озера Нурнен. Не знали о широких дорогах, ведущих на юг и на восток к

завоеванным землям, из которых солдаты Башни Тьмы приводили длинные поезда больших телег, полных продовольствия, добычи и новых рабов. Здесь, в северных районах, находились шахты и кузницы, здесь готовилась давно запланированная война. Здесь Власть Тьмы, передвигая свои армии, как фигуры на доске, собирала их вместе. Ее первые ходы, первая проба сил, были отбиты на западе, юге и севере. На время она отвела свои армии и, призвав новые силы, концентрировала их у Кирит-Горгора для удара возмездия. И если целью ее было защитить юру от всех, кто попытается к ней приблизиться, вряд ли она могла сделать больше.

— Что ж! — подумал вслух Сэм. — Чего бы они там ни ели и ни пили, нам подкрепиться этим не светит. Тут нет пути вниз, насколько я вижу. И даже если спустимся, мы не сможем преодолеть всё это открытое пространство, полное врагов.

— Но мы должны попытаться, — сказал Фродо. — Пока все идет лучше, чем я ожидал. Я никогда и не надеялся пройти напрямик. И сейчас не надеюсь. Но я постараюсь сделать все, что в моих силах. Прежде всего — как можно дольше избегать плена. Думаю, мы должны продолжать идти на север, туда, где открытое пространство поуже.

— И чего же в этом хорошего? — спросил Сэм. — Там, где пространство уже, люди и орки расположены ближе друг к другу. Вот увидите, мастер Фродо.

— Надеюсь, что увижу, — сказал Фродо и отвернулся.

Скоро обнаружилось, что невозможно продолжать путь по гребню Моргая или где-нибудь вдоль его верхних уровней, лишенных тропинок и изрезанных глубокими разломами. В конце концов они были вынуждены вернуться к ущелью, по которому поднялись, и спуститься между хребтами в поисках дороги. Идти было труднее, поскольку они не осмеливались вступать на тропу в западной части долины. Одолев добрую милю, они увидели в углублении у подножия утеса крепость орков: стену и каменные лачуги, сгрудившиеся возле темного входа в пещеру. Там было заметно движение, но хоббиты пробирались осторожно, как могли, скрываясь в густом колючем кустарнике, которым заросли обе стороны высохшего русла.

Они прошли еще мили две или три, и крепость скрылась из виду. Но едва хоббиты вздохнули с облегчением, как послышались громкие хриплые голоса быстро приближающихся орков. Вскоре

показались двое. Один был облачен в изодранную коричневую одежду и вооружен луком. Он был из малорослого племени, темнокожий, с огромными широкими ноздрями, специально предназначенными для вынюхивания следов. Другой — здоровенный воин, похожий на солдат из отряда Шаграта, со знаком Глаза. У него тоже был лук и вдобавок короткое копье с широким наконечником. По своему обыкновению, они ссорились и, поскольку принадлежали к разным племенам, использовали общий язык.

Примерно в двадцати шагах от хоббитов мелкий орк остановился.

— Нар! — фыркнул он. — Я иду домой! — И он указал на оркскую крепость. — Незачем напрягать нос среди этих камней. Следа нет, говорю тебе. Я потерял его уже давно. Он уходил вверх, в горы, а не вдоль ущелья.

— Немного же от тебя пользы, сопатка, — проворчал большой орк. — Я считаю, что от глаз больше пользы, чем от ваших сопливых носов.

— И много ты увидал с ними? — огрызнулся мелкий. — Гарр! Ты даже не знаешь, что высматриваешь-то!

— А чья вина? — сказал солдат. — Не моя же. Это идет с самого верха. Сперва говорили о большом

эльфе в блестящих доспехах, потом о маленьком гномочеловечке, потом о банде мятежных урукхай. А может, все вместе?

— Ар! — сказал следопыт. — Головы они там потеряли, вот что. А кое-кто из начальничков потеряет и шкуру, если то, что я слышал, правда: башня разграблена, внутри сотни парней вроде тебя, все мертвые, а пленник сбежал. Если вы всегда так сражаетесь, не удивительно, что с поля боя вести плохие!

— Кто говорит, что есть плохие вести? — рявкнул солдат.

— Ар! А кто говорит, что их нет?

— Это проклятые мятежные разговоры, и я тебе врежу как следует, если не заткнешься, понял?

— Хорошо, хорошо! — сдался следопыт. — Я больше ничего не скажу, про себя буду думать. Но как со всем этим связан черный гаденыш? Этот жадюга с ухлопистыми руками?

— Не знаю. Может, никак. Но не к добру он тут шныряет кругом, держу пари. Чтоб ему! Не успел он от нас улизнуть, как пришел приказ схватить его живьем и как можно быстрее.

— Ну, надеюсь, его схватят и отделают хорошенько, — проворчал следопыт. — Он тут наследил, когда стащил эту поношенную кольчужку,

все кругом обшлепал, до того как я пришел.

— Она спасла ему жизнь, как-никак, — сказал солдат. — Я еще не знал, что его нужно взять живым, и выстрелил тютелька в тютельку ему в спину с пятидесяти шагов.

— Гарр! Ты просто его упустил, — сказал следопыт. — Сперва промазал, потом бежал слишком медленно — вот и пришлось посылать за бедным следопытом. Все, сыт я тобой по горло!

Маленький орк повернулся и побежал.

— Назад, ты! — заорал солдат. — Вернись, а то я доложу о тебе!

— Кому? Не твоему ли драгоценному Шаграту? Так он больше не капитан.

— Я сообщу твое имя и номер назгулу, — сказал солдат, понижая голос до шепота. — Один из них теперь присматривает за башней.

Мелкий остановился, и голос его задрожал от страха и ненависти.

— Ты проклятый вонючий доносчик! — завопил он. — Сам не можешь справиться со своей работой и даже не можешь держаться заодно со своим народом! Иди к своим подлым крикунам, и пусть они заморозят твою плоть! Если враг их самих прежде не уничтожит. Я слышал, что главного уже уделали, и надеюсь, это правда!

Большой орк с копьем в руке бросился за ним. Но следопыт, укрывшись за камнем, пустил ему в глаз стрелу, и тот с грохотом рухнул на землю. А мелкий снова кинулся бежать и скоро затерялся в долине.

Некоторое время хоббиты сидели молча. Наконец Сэм зашевелился.

— Что ж, — сказал он, — если дружба по этому прекрасному образцу распространится на весь Мордор, нам не о чем беспокоиться.

— Тише, Сэм, — прошептал Фродо. — Тут могут быть и другие. Нас ищут. Но таков дух Мордора, Сэм. Он царит во всех уголках. Орки всегда ведут себя так, когда предоставлены сами себе. Так говорится во всех сказаниях. Но не очень-то рассчитывай на это. Они ненавидят нас. Если бы мы попались этим двоим на глаза, они прекратили бы ссору ради того, чтобы дружно покончить с нами.

Последовало долгое молчание. Его вновь прервал Сэм, на этот раз шепотом:

— Вы слышали, что он сказал о черном гаденыше, мастер Фродо? Говорил я вам, что Голлум жив!

— Да, помню. Интересно, откуда у тебя такая уверенность? — спросил Фродо. — Думаю, лучше

нам не уходить отсюда, пока совсем не стемнеет. Поэтому можешь рассказать мне обо всем, что знаешь и что случилось. Но говори потише.

— Постараюсь, — сказал Сэм, — но когда я думаю об этом Голлуме, горячусь так, что могу закричать.

Так сидели хоббиты под покровом колючих зарослей, пока мрачный свет Мордора не обернулся глубокой беззвездной ночью. И Сэм на ухо шептал Фродо о предательском нападении Голлума, об ужасе Шелоб, о своих собственных приключениях среди орков. Когда он закончил, Фродо ничего не сказал, но взял руку Сэма и сжал ее. Наконец-то он пошевелился.

— Что ж, я думаю, мы можем идти, — сказал он. — Интересно, когда нас окончательно поймают и все наши блуждания и укрывательства окажутся напрасными? — Он встал. — Темно, но мы не можем использовать сосуд Леди. Сохрани его для меня, Сэм. Мне негде держать его, только в руках, а в этой слепой ночи мне понадобятся обе руки. И Жало останется у тебя. У меня оркский меч, но не думаю, что мне под силу сейчас отразить удар противника.

Трудно и опасно было идти ночью по бездорожью, но час за часом, спотыкаясь и падая,

хоббиты медленно двигались на север вдоль восточного края каменистой долины. Когда на западе, над вершинами хребта, появился серый свет, много позже начала дня в остальном Мире, они снова отыскали убежище и немного поспали по очереди. Во время своего дежурства Сэм был занят мыслями о еде. Наконец, когда Фродо поднялся и заговорил о продолжении пути, Сэм задал беспокоивший его вопрос:

— Прошу прощения, кластер Фродо, — сказал он, — но есть ли у вас представление о том, сколько нам еще идти?

— Нет, никакого ясного представления, Сэм, — ответил Фродо. — В Ривенделле накануне нашего похода мне показали карту Мордора, начертанную до того, как туда вернулся Враг, но я смутно помню ее. Вспоминаю, что на севере есть место, где западный и северный хребты почти соединяются своими далеко выступающими отрогами. Это примерно в двадцати лигах от моста у башни. Там лучший участок для перехода. Мы будем дальше от горы, примерно в шестидесяти милях, если, конечно, придем туда. И я считаю, что мы прошли от места примерно двенадцать лиг. Даже если все пойдет хорошо, вряд ли я доберусь до горы за неделю. Боюсь, Сэм, что Ноша станет очень

тяжелой и чем ближе мы будем подходить, тем медленнее я смогу идти.

Сэм вздохнул.

— Этого я и опасался, — сказал он. — Не говоря уж о воде, мы должны меньше есть, мастер Фродо, или идти быстрее, во всяком случае, пока мы еще в этой долине. Еще один привал — и вся провизия кончится, кроме лембаса.

— Постараюсь идти быстрее, Сэм! — Фродо глубоко вздохнул. — Идем! Пора выступать!

Было все еще достаточно темно. Спотыкаясь, они ковыляли сквозь ночь. Часами длился утомительный путь, лишь с несколькими короткими остановками. При первых же признаках серого света под краями темного полога тьмы они вновь спрятались в глубокой яме под нависающим утесом.

Медленно нарастал свет, пока не сделалось уже яснее, чем прежде. Сильный западный ветер разгонял испарения Мордора в верхних слоях воздуха. И спустя какое-то время хоббиты сумели разглядеть очертания земли на несколько миль от себя. Котловина между горами и Моргаем становилась все мельче, дно ее поднималось, и внешний хребет выглядел теперь всего лишь уступом в крутых склонах Эффел-Дуата, но во-

сточнее он круто спускался в Горгорот. Впереди сухое русло ручья обрывалось в нагромождении скал; там от главного хребта отходил высокий голый отрог, преграждавший восточное направление, подобно стене. Навстречу ему выбрасывал длинный выступающий рукав серый и туманный северный хребет Эред-Литуй; а между этими двумя отрогами находился узкий пролом — Карах-Ангрен, Исенмаут, за которым тянулась глубокая долина Удуна. В этой долине позади Моранноном располагались туннели и глубокие подземные арсеналы, устроенные слугами Мордора для защиты Черных Ворот. И здесь теперь их Лорд спешно собирал большие силы, чтобы встретить атаку капитанов Запада. На выступающих отрогах были возведены укрепления и башни, горели сторожевые огни. Поперек всего пролома был насыпан земляной вал и выкопан глубокий ров, через который можно было перебраться лишь по единственному мосту.

В нескольких милях к северу, в том месте, где западный отрог отклонялся от главного хребта, стоял старый замок Дуртанг — теперь одна из многочисленных оркских крепостей в долине Удуна. От него отходила извилистая дорога, едва заметная в сером свете. В одной или двух милях

от того места, где залегли хоббиты, она поворачивала на восток и вела на равнину и к Исенмауту.

Хоббитам с их места казалось, что все их путешествие бесполезно. Равнина справа от них была туманной и дымной, они не видели там ни лагерей, ни передвижения войск. Но весь этот район находился под бдительным вниманием укреплений Карах-Ангрена.

— Мы зашли в тупик, Сэм, — проговорил Фродо. — Если пойдем вперед, то попадем как раз в оркскую крепость, единственная дорога ведет туда. Не поворачивать же назад! Выходит, ни на восток, ни на запад нам нет пути.

— Значит, придется идти по дороге, мастер Фродо, — сказал Сэм. — Попытаем счастья на ней, если в Мордоре вообще есть счастье. Только нужно идти быстрее.

— Хорошо, Сэм! — согласился Фродо. — Веди меня! Пока у тебя остается хоть какая-то надежда, веди! У меня надежды не осталось. И я не могу идти быстрее, Сэм. Я побреду за тобой.

— Прежде чем выступить, мы должны поспать и поесть, мастер Фродо.

Он дал Фродо глоток воды и лишний кусок лембаса и устроил из своего плаща подушку для головы хозяина. Фродо слишком устал, чтобы

спорить, и Сэм не сказал ему, что отдал последнюю каплю воды и свою долю провизии. Когда Фродо уснул, Сэм склонился над ним, прислушиваясь к дыханию и вглядываясь в его лицо. Оно было худым и изможденным, но во сне казалось спокойным и довольным.

— Что ж, хозяин, — пробормотал Сэм, — мне придется оставить вас ненадолго и поискать удачи. Мы должны найти воду, иначе нам далеко не уйти.

Сэм ползком выбрался из убежища и, перебегая от камня к камню со своей исключительной хоббитской осторожностью, спустился к руслу ручья и некоторое время поднимался по нему на север, пока не подошел к каменным ступеням, с которых, несомненно, когда-то маленьким водопадом сбегал ручей. Теперь место было сухим и безмолвным. Не желая поддаваться отчаянию, Сэм наклонился и прислушался. К своей радости, он уловил слабое журчание и, взобравшись выше, отыскал тоненький ручеек темной воды, выбегавший из-под камня и наполнявший небольшую каменную впадину, откуда он вытекал вновь и тут же терялся среди камней.

Сэм попробовал воду, она показалась ему хорошей. Он напился, наполнил фляжку и повернулся,

чтобы идти назад. И тут он заметил черную фигуру, двигавшуюся в тени среди скал, недалеко от убежища Фродо. Сдерживая крик, Сэм отскочил от ручья и побежал, прыгая с камня на камень. Черное существо было осторожным, и рассмотреть его оказалось трудно. Но Сэм не сомневался, он знал, кто это, и жаждал добраться до горла этой твари, которая, услышав приближение Сэма, быстро скользнула прочь. Сэму показалось, что он видит его на краю восточной пропасти, но в следующее мгновение существо куда-то нырнуло и исчезло.

— Что ж, удача еще не покинула меня, — пробормотал Сэм, — но он подобрался так близко! Мало нам тысяч орков, еще и этот вонючий негодяй бродит вокруг да около. Жаль, что я не задушил его!

Он сел рядом с Фродо и не стал будить его, хотя сам спать не решился. Наконец, почувствовав, как слипаются глаза, Сэм осторожно разбудил Фродо.

— Боюсь, этот Голлум опять поблизости, мастер Фродо, — сказал он. — А если не он, то его двойник. Я ходил на поиски воды и, возвращаясь, увидел его. Мне кажется, нам небезопасно спать одновременно. Прошу прощения, но веки у меня

такие тяжелые, что больше мне их не удержать.

— Да что ты, Сэм! — воскликнул Фродо. — Ложись и спи! Но я предпочитаю Голлума оркам. Во всяком случае, он им нас не выдаст, пока его самого не поймают.

— Но он и без их помощи может грабить и убивать, — проворчал Сэм. — Держите глаза открытыми, мастер Фродо! Вот бутылка с водой. Пейте, мы наполним ее снова перед уходом.

С этими словами Сэм погрузился в сон.

Когда он проснулся, уже темнело. Фродо сидел рядом, прислонившись к стене, и тоже спал. Бутылка была пуста. Голлума не было видно.

Вернулась Тьма Мордора, и сторожевые огни на высотах горели ярким красным пламенем, когда хоббиты начали самую опасную часть своего пути. Сперва они подошли к ручейку, потом, после утомительного подъема, взобрались на дорогу там, где она сворачивала к Исенмауту, расположенному в двадцати милях. Дорога была не слишком широкой и без всяких ограждений вдоль края, а пропасть рядом с нею становилась все глубже и глубже. Прислушавшись, хоббиты не заметили никакого движения и ровным шагом пошли по дороге на восток.

Проделав около дюжины миль, они останови-

лись. Немного позади дорога слегка отклонялась на север, и участок, который они прошли, был скрыт от них. Это оказалось опасным. Они отдохнули несколько минут, потом пошли дальше. Но не сделали и нескольких шагов, как в ночной тишине услышали шум, которого все время опасались: топот марширующих ног. Звуки доносились сзади. Оглянувшись, хоббиты увидели, как из-за поворота, на расстоянии мили от них, появились мигающие факелы и стали быстро приближаться — слишком быстро, чтобы Фродо мог убежать от них.

— Я боялся этого, Сэм, — сказал Фродо. — Мы понадеялись на удачу, и она обманула нас. Мы в ловушке! — Он отчаянно посмотрел на стену, которую древние строители высекли в скале на много саженей выше головы. Подбежав к другой стороне дороги, он наклонился над краем и заглянул в пропасть. — Теперь мы окончательно пойманы!

Фродо опустился на землю у скальной стены и повесил голову.

— Похоже, что так, — сказал Сэм. — Что ж, подождем и посмотрим. — С этими словами он сел рядом с Фродо в тени утеса.

Долго ждать не пришлось. Орки шли быстрым

шагом. В первых рядах качались факелы. Их красные огни быстро вырастали во тьме. Сэм тоже наклонил голову, надеясь спрятать лицо от света. Щиты он поставил впереди, чтобы укрыть ноги.

«Может, они торопятся и не обратят внимания на двух уставших солдат», — подумал он.

Казалось, так все и выйдет. Передовые шеренги проходили мимо, тяжело дыша, наклонив головы. То был отряд мелких орков, которых гнали на войну. Все, чего они хотели, — это побыстрее закончить переход и избежать побоев. Рядом с ними, перебегая вперед и назад, шли два больших урук-хай, щелкая кнутами и покрикивая. Ряд за рядом проходили мимо, и свет факелов начал уже удаляться. Сэм сдерживал дыхание. Прошло уже больше половины отряда. И тут один из погонщиков увидел двоих у дороги. Он хлестнул их бичом и заорал:

— Эй, вы! А ну, встать!

Хоббиты не ответили, и он приказал отряду остановиться.

— Ну же, слизни! — закричал он. — Сейчас не время прохлаждаться. — Он сделал к ним шаг и увидел изображение на щитах. — Дезертиры, а? — прорычал он. — Или мечтаете об этом? Всему вашему племени полагается быть внутри Удуна

еще со вчерашнего вечера. Вы знаете это. Вставайте и пошли с нами, или я сообщу ваши номера кому следует!

Фродо и Сэм с трудом поднялись и, сгорбившись и хромая, как стершие ноги солдаты, поплелись в тыл отряда.

— Нет, не в хвосте! — закричал погонщик. — На три ряда вперед. И оставайтесь здесь, не то вы у меня узнаете, когда подойду.

Он щелкнул длинным бичом в воздухе над их головами. Еще один щелчок — и отряд снова двинулся рысью.

Дорога была тяжела для уставшего Сэма, но для Фродо она обернулась настоящей пыткой и кошмаром. Он сжал зубы и старался ни о чем не думать. Зловоние, исходившее от потных орков, душило его, а вдобавок мучила жажда. Они все шли и шли, напрягая всю волю, заставляя себя дышать и передвигать ноги. Но к какому злому концу они приближаются, Фродо не думал. Не было никакой надежды скрыться. Время от времени погонщик оглядывался и издевался над ними.

— Вот так! — скалился он, щелкая бичом. — Где кнут, там и рвение, слизнячки мои дорогие. Ну, погодите! Пока можете прохлаждаться, а вот придем в лагерь — отведаете моего кнута столько,

сколько выдержит ваша шкура. Вы что, не знали, что идет война?

Так проделали они несколько миль, и дорога пологим длинным уклоном начала спускаться к долине, когда силы оставили Фродо и воля его дрогнула. Он шатался из стороны в сторону. В отчаянии Сэм из последних сил поддерживал его, хотя чувствовал, что и сам с трудом делает каждый шаг. Он знал, что в любую секунду может наступить конец: хозяин упадет, все откроется, и их усилия окажутся напрасными. «Во всяком случае, я покончу с этим дьяволом-погонщиком», — думал он.

И вот, когда он уже положил руку на рукоять меча, пришло неожиданное спасение. Они уже находились на равнине и приближались ко входу в Удун. Немного впереди, перед воротами на другом конце моста, дорога встречалась с другими, идущими с юга и от Башни Тьмы. По всем дорогам двигались войска: капитаны Запада приближались и Темный Лорд собирал свои силы на севере. Случилось так, что несколько отрядов подошли к перекрестку одновременно. Начались споры, посыпались проклятья. Каждый отряд хотел первым пройти в ворота и закончить переход. Погонщики орали и щелкали бичами,

началась драка, и уже засверкали мечи. Отряд тяжеловооруженных урук-хай из Барад-Дура ударил по линии Дуртанга и привел ее в смятение.

Почти теряя сознание от боли и усталости, Сэм все же понял, что им предоставляется возможность спастись, и упал на землю, потащив за собой Фродо. Орки спотыкались о них, ругаясь и крича. Медленно, на четвереньках хоббиты выбрались из толчеи и, незамеченные, сползли с дороги. У дороги была высокая каменная обочина, чтобы предводители отрядов не потеряли ее ночью или в тумане, а полотно на несколько футов поднималось над окружающей местностью.

Некоторое время хоббиты лежали неподвижно. Было слишком темно, чтобы искать укрытие. Но Сэм знал, что нужно уходить как можно быстрей и как можно дальше от дороги и от света факелов.

— Идемте, мастер Фродо! — прошептал он. — Еще немного — и вы сможете отдохнуть.

Из последних сил Фродо приподнялся на руках и прополз около двадцати ярдов. Потом свалился в неожиданно открывшуюся перед ним яму и лежал неподвижно, как убитый.

Глава III

Гора Судьбы

Сэм положил свой изодранный оркский плащ под голову хозяину и укрыл его серым плащом из Лориена. И когда сделал это, мысли унесли его в прекрасную землю, к любимым эльфам. Сэм надеялся, что одежда, изготовленная их руками, послужит надежным укрытием в этой страшной земле. Он слышал, как затихают крики, по мере вступления войск в Исенмаут. Казалось, в сумятице и столкновении многочисленных отрядов самого разного сорта их исчезновения не заметили, во всяком случае — пока.

Сэм глотнул воды и заставил попить Фродо. Когда его хозяин немного пришел в себя, Сэм выдал ему большой кусок их драгоценного хлеба и сам пожевал немного. Потом, слишком усталые, чтобы бояться, они растянулись на земле и ненадолго забылись в беспокойном сне, беспокойном — потому что пот быстро остыл на холоде, острые камни язвили их, и оба дрожали. С севера, через Черные Ворота над Кирит-Горгором, сюда долетал, шелестя над землей, слабый прохладный

ветерок.

Утром вновь занялся серый свет, потому что высоко в небе продолжал дуть западный ветер. Но внизу, за Черными Воротами, воздух был неподвижным, холодным и удушливым. Сэм выглянул из ямы. Вокруг лежала унылая тускло-коричневая земля. На дороге не было заметно никакого движения, и все-таки Сэм опасался бдительных глаз, притаившихся на стенах Исенмаута, в четверти мили к северу. Далеко на юго-востоке, словно огромная стоячая тень, возвышалась гора. Дымы валили из нее и, поднимаясь высоко в небо, тащились на восток, одновременно большие клубящиеся облака спускались по склонам и расползались над землей. В нескольких милях к северо-востоку скалы в подножии Пепельных Гор стояли как мрачные серые призраки, за которыми туманные северные высоты вздымались, будто линия далеких облаков, значительно темнее нижней части неба.

Сэм попытался определить расстояние и выбрать путь.

— Примерно полсотни миль, — мрачно пробормотал он, глядя на угрюмую гору, — нам потребуется неделя. Мастер Фродо не выдержит.

Он покачал головой, и тут его посетила еще

одна мрачная мысль. Никогда прежде в глубине своего храброго сердца не переставал он надеяться на возвращение. Но наконец до него дошла горькая правда: провизии в лучшем случае хватит на то, чтобы добраться до цели, и, когда задача будет решена, они подойдут к концу, одинокие, лишенные крова и пищи посреди ужасной пустыни. Оттуда возврата не будет.

«Я чувствовал, когда начинал эту работу, — подумал Сэм, — что должен буду помочь мастеру Фродо сделать и этот, последний шаг и умереть вместе с ним. Так я и поступлю, раз по-другому нельзя. Но мне ужасно хочется снова увидеть Байуотер, и Рози Коттон с ее братьями, и Гаффера, и Мэриголд, и все остальное. Не думаю, чтобы Гэндалф послал мастера Фродо с таким поручением, если бы не было никакой надежды на возвращение. Все пошло плохо с тех пор, как он повел нас в Морию. Как же нам его не хватает сейчас. Уж он-то придумал бы что-нибудь».

Но в это мгновение, когда надежда умерла или Сэму показалось, что умерла, в нем проснулись новые силы. Ясное хоббитское лицо Сэма сделалось серьезным, почти угрюмым, и воля его окрепла, и он почувствовал, как по всему его телу прокатилась дрожь, как если бы он превращался

в существо из камня и стали, которое не могут остановить ни отчаяние, ни усталость, ни бесконечные пустынные мили.

С новым чувством ответственности осмотрел он местность поблизости, обдумывая следующий шаг. Когда стало немного светлее, он с удивлением обнаружил, что поверхность, издали казавшаяся ровной, на самом деле была пересеченным и изломанным полем. Вся поверхность равнины Горгорота была изрыта большими ямами, словно она состояла из мягкой грязи и по ней ударил поток огромных стрел и камней. Самые обширные из этих ям были оправлены грядами расколотых камней, и широкие трещины разбегались от них в разные стороны. То была земля, где представлялось вполне возможным перебираться от убежища к убежищу незаметно даже для самых бдительных глаз, по крайней мере с этим справился бы тот, у кого было бы достаточно сил и никакой необходимости торопиться. Голодному и усталому, уже проделавшему далекий путь с риском для жизни, открывшаяся картина не сулила ничего доброго.

Размышляя об этом, Сэм вернулся к хозяину, успевшему пробудиться без его помощи. Фродо лежал на спине с открытыми глазами и глядел в

затянутое облаками небо.

— Ну, мастер Фродо, — сказал Сэм. — Я тут осмотрелся и малость подумал. На дороге никого не видать, и лучше убираться отсюда поскорее, пока есть возможность. Выдержите вы переход?

— Выдержу, — сказал Фродо. — Обязан выдержать.

И вновь они двинулись вперед, ползком, от ямы к яме, используя любые укрытия и постепенно спускаясь все ближе к подножию северного хребта. Некоторое время дорога оставалась в поле их зрения. Ни человек, ни орк не показывались на ее плоском сером полотне: Темный Лорд почти завершил передвижение своих армий, к тому же Он и в оплоте собственного королевства предпочитал таиться в ночи, напуганный ветрами внешнего мира, что опять подули в Его сторону, прорвали Его покровы и встревожили известием о смелых шпионах, сумевших пройти сквозь все преграды.

Хоббиты одолели несколько мучительных миль и остановились. Фродо выглядел вконец изможденным, и Сэм понял, что ему не пройти далеко таким образом — ползком, нагибаясь, то очень медленно, с трудом выбирая путь, то бегом с места на место.

— Пока светло, пойдем по дороге, мастер Фродо, — предложил он. — Доверимся удаче еще разок! Она едва не подвела нас, но ведь не подвела! Быстрый переход в несколько миль, а потом хороший отдых.

Это было гораздо более рискованно, чем предполагал Сэм. Но Фродо был слишком занят своей Ношей и борьбой с кошмарными видениями, чтобы спорить. Положение казалось ему настолько безнадежным, что он ни о чем не заботился. Они выбрались на дорогу и открыто пошли по ней в направлении горы и башни. Но удача не изменила им, и до конца дня они никого не встретили, а когда опустилась ночь, скрылись во тьме Мордора. Все вокруг затихло, как перед сильной бурей: в это самое время капитаны Запада миновали Перекресток и предали огню смертоносные поля Умлад-Моргула.

Так продолжалось отчаянное путешествие, так Кольцо двигалось на юг, а знамена королей — на запад и север. Для хоббитов каждый день, каждая миля были хуже предыдущих, силы их таяли, а земля становилась все более злой. Днем они не встречали врагов. Иногда по ночам, укрываясь вблизи дороги, слышали крики, топот ног или лошадиных копыт. Но гораздо больше страшило

их постоянное присутствие угрозы, нарастающей по мере их продвижения, — зловещей угрозы Мощи, притаившейся, погруженной в глубокое раздумье и бессонную злобу за темным пологом своего Трона. Все ближе и ближе подступала она, все чернее и чернее очертаниями, подобно стене мрака, предстоящей миру в самом его конце.

И вот наступили зловещие сумерки, и час, когда капитаны Запада подошли к концу живой земли, для двух друзей стал часом черного отчаяния. Четыре дня миновало с тех пор, как они бежали от орков, но время это казалось им страшным сном. Весь последний день Фродо молчал, шел согнувшись и часто спотыкался, словно глаза его ничего не видят. Сэм догадывался, что Фродо приходится гораздо хуже, чем ему, — вес Кольца нарастал, и оно становилось непосильным грузом для тела и пыткой для души. Сэм с тревогой заметил, что левая рука хозяина часто поднимается, как бы отражая удар или заслоняя Кольцо от ужасного Глаза, который пронзает их взором насквозь. А иногда его правая рука подбиралась к груди и медленно, подчиняясь еще не сломленной воле Фродо, слабела и опускалась.

Теперь, когда возвратилась ночная тьма, Фродо сидел, уткнувшись лбом в колени, а руки его без

сил лежали на земле и слабо подрагивали. Сэм следил за ним, пока ночь не укрыла их даже друг от друга. Он не знал, что сказать, и вернулся к собственным черным мыслям. У него-то все еще, несмотря на усталость, сохранилось немного сил. Без лембаса они давно уж лежали бы где-нибудь, умирая от голода. Лембас не убавлял желания как следует поесть, и мысли Сэма были полны грезами о самых обычных кушаньях, ему хотелось простого хлеба с мясом. И все-таки в путевом хлебе эльфов были качества, несвойственные другой еде. Он укреплял волю, давал силы выдержать любые испытания, управлять телом далеко за пределами возможностей любого смертного. Теперь необходимо было принять новое решение. Хоббиты не могли больше идти по дороге: она уходила на восток, в тень, а гора возвышалась справа, и пора было поворачивать к ней. Несмотря на то, что перед нею простирался обширный кусок дымящейся, бесплодной, засыпанной пеплом земли.

— Вода, вода! — бормотал Сэм. Он ограничивал себя, язык в пересохшем рту казался толстым и шершавым. И тем не менее, при всех его стараниях, воды у них оставалось очень мало, каких-нибудь полбутылки, а идти предстояло

еще несколько дней. Вода уже давно кончилась бы, если бы они не осмелились идти по оркской дороге. Вдоль нее с большими интервалами были установлены цистерны, предназначенные для отрядов, спешно пересекавших безводные районы. В одной из них Сэм нашел немного воды, застоявшейся, грязной, однако пригодной для питья в их отчаянном положении. Но это было вчера. И никакой надежды отыскать еще хоть каплю.

Наконец, утомленный заботами, Сэм уснул, отложив решение на утро: больше он ничего не мог сделать. Сон и пробуждения мучительно чередовались. Он видел огоньки, похожие на жадные глаза, и ползущие темные фигуры, слышал голоса диких зверей и ужасные крики подвергаемых пыткам. Просыпаясь, встречал вокруг только черную пустоту. Однажды, когда пробудился окончательно, ему показалось, что он все еще видит бледные огоньки, похожие на глаза, но скоро они замигали и исчезли.

Ненавистная ночь отступала медленно и неохотно. Свет сменившего ее дня был совсем тусклым, ибо здесь, вблизи горы, воздух был затемнен и ночью и днем, пока от Башни Тьмы расползалась тень, которой окутал себя Саурон.

Фродо неподвижно лежал на спине. Сэм стоял

рядом, не в силах заговорить, но зная, что слово за ним: он должен заставить хозяина напрячь волю для следующего усилия. Наконец, наклонившись и погладив Фродо по лбу, он проговорил ему на ухо:

— Проснитесь, хозяин. Время выступать.

Пробудившись, как от внезапного удара, Фродо вскочил и решительно посмотрел на юг. Но, увидев гору и окружающую ее пустыню, дрогнул.

— Я не вынесу этого, Сэм, — сказал он. — Это такая тяжесть, такая тяжесть...

Сэм заранее знал, что сказанное им не поможет, что слова его напрасны и лишь усугубляют страдание, но не мог удержаться.

— Так позвольте мне немного понести *его*, мастер Фродо, — сказал он. — Вы же знаете, я сделаю это с удовольствием, пока у меня есть силы.

Дикий огонь блеснул в глазах Фродо.

— Прочь! Не прикасайся ко мне! — закричал он. — Оно мое, сказано тебе! Убирайся! — Рука потянулась к мечу, но тут же голос его изменился. — Нет, нет, Сэм, — сказал он печально. — Ты должен понять. Моя это ноша и больше ничья. К тому же слишком поздно, Сэм, дорогой. Этим ты мне не поможешь. Я теперь в *его* власти. Я не могу отдать *его*, и, если ты попытаешься взять *его*

силой, я сойду с ума.

Сэм кивнул.

— Понимаю, — сказал он. — Но есть кое-что еще, что мы в силах сделать. Почему бы не сбросить лишний груз? Мы идем прямо туда, — он указал на гору. — И незачем тащить на себе то, что нам больше не понадобится.

Фродо опять посмотрел на громадину Ородруина.

— Да, — сказал он, — нам немногое пригодится на этом пути, а в конце и вовсе ничего не понадобится.

Подняв оркский щит, он отбросил его в сторону, вслед за ним полетел и шлем. Скинув серый плащ, он развязал тяжелый пояс и дал ему упасть на землю, и с ним вместе упал меч в ножнах. Обрывки черного плаща он тоже снял и бросил.

— Больше я не орк, — воскликнул он, — и не возьму в руки оружия, ни грязного, ни прекрасного. Пускай берут меня, если сумеют!

Сэм тоже побросал вражеское снаряжение и вытряхнул все вещи из своего мешка. Каждая из них была ему дорога уже потому, что он нес их так далеко и с таким трудом. Тяжелее всего было расставаться с кухонной утварью. При одной мысли, что ее нужно бросить, слезы навернулись

ему на глаза.

— Помните кролика, мастер Фродо? — спросил он. — И наш обед на теплом взгорье в стране капитана Фарамира в тот день, когда я увидел олифаунта?

— Боюсь, что нет, Сэм, — ответил Фродо. — Вернее, я знаю, что все это было, но словно не могу разглядеть. В памяти не осталось ни вкуса пищи, ни звука ветра, ни образа луны или звезд, ни представления о траве или цветах. Я — голый во тьме, Сэм, и никакой преграды между мной и Огненным Колесом. Даже наяву, с открытыми глазами, я вижу его, и все остальное блекнет.

Сэм подошел к нему и поцеловал руку.

— Тогда чем быстрее мы избавимся от *него*, тем быстрее отдохнем, — сказал он, запинаясь, с трудом подбирая слова, и продолжал уже про себя. — Разговорами тут не поможешь, — бормотал он себе под нос, собирая вещи, которые они решили бросить. Он не хотел, чтобы они лежали в этой пустыне, у орков на виду. — Похоже, Вонючка подобрал оркскую стрелу. Он не прочь будет добавить к ней меч. Но я не позволю ему пачкать мои кастрюли!

С этими словами он отнес все вещи к одной из многих зияющих трещин, избороздивших

землю, и скинул их вниз. И звон его драгоценных кастрюль, падающих во тьму, показался ему похоронным.

Сэм вернулся к Фродо, отрезал кусок эльфийской веревки, сделал из нее пояс для хозяина, а остальную аккуратно свернул и спрятал в мешок. Рядом с веревкой положил остатки путевого хлеба и фляжку. На поясе у него висело Жало, а в нагрудном кармане хранились фиал Галадриэли и ящичек, подаренный ею же.

Наконец они повернулись лицом к горе и пошли, больше не думая об укрытии, сгибаясь от усталости и напрягая всю волю, чтобы продвигаться вперед. Во мгле этого страшного дня вряд ли кто-то мог их заметить, разве только столкнувшись с ними нос к носу. Из всех слуг Темного Лорда одни назгулы могли бы предупредить Его об опасности, ничтожной на вид, но неумолимо приближающейся к самому сердцу Его неусыпно охраняемого королевства. Но назгулы на своих черных летунах выполняли другие поручения, они были теперь далеко, они следили за маршем капитанов Запада, и туда же был устремлен взор Башни Тьмы.

В этот день Сэму показалось, что его хозяин нашел новые силы, и едва ли это можно было

объяснить избавлением от лишней тяжести. Они шли без остановки, и шли быстрее, чем он рассчитывал. Земля была по-прежнему неровной и враждебной, и всё же они продвинулись далеко, и Гора заметно приблизилась. Но когда день подходил к концу и тусклый свет начал слабеть, Фродо опять согнулся и стал спотыкаться, словно дневные усилия исчерпали остаток его сил.

Во время последнего привала он опустился на землю и сказал:

— Я хочу пить, Сэм. — И больше ни звука.

Сэм дал ему глоток воды, но сам пить не стал. Оставался еще один глоток. И теперь, когда над ними сомкнулась еще одна ночь Мордора, все мысли Сэма были обращены к воде. И каждый ручеек, каждый родник, каждая речка, которые он когда-либо видел в тени ветвей или под лучами солнца, теперь журчали и струились перед его мысленным взором, оборачиваясь жестокой пыткой. Он ощущал пальцами ног холодную воду, в точности как в то летнее утро, когда шлепал ими по поверхности Байуотерского пруда вместе с Джолли Коттоном, и Томом, и Нибсом, и их сестрой Рози.

— Нет, это было много лет назад, — вздохнул он, — и так далеко отсюда. Путь назад, если он

вообще существует, лежит через Гору.

Он не мог уснуть и продолжал спор с самим собой.

— Что ж, мы сделали больше, чем ты надеялся, — твердо заявил он. — Начало вообще было хорошим. Я вспоминаю, что мы прошли половину расстояния, прежде чем нас остановили. Еще один день — и все будет кончено.

Он умолк и тут же услышал собственный голос:

«Не будь болваном, Сэм Гэмджи! Хозяину не под силу идти так хотя бы еще один день, если он вообще сможет пошевелиться. Да и сам ты свалишься, отдавая ему всю воду и почти всю еду».

«Я могу пройти еще немного».

«Куда это?»

«На Гору Судьбы, конечно».

«Но что потом, Сэм Гэмджи, что потом? Что ты собираешься предпринять, оказавшись там? Ведь сам- то он ничего делать не станет».

К ужасу своему, Сэм понял, что на это у него нет ответа. Не было об этом никакого представления. Фродо не часто говорил с ним о своем деле, и Сэм знал только одно: Кольцо каким-то образом нужно бросить в огонь.

— Ущелье Судьбы, — пробормотал он всплыв-

шее в памяти древнее название. — Что ж, если хозяин знает, как найти его, то я — нет.

«Вот и все, — пришел ответ. — Все совершенно напрасно. Он сам так сказал. Дурень ты, дурень! Мог бы давно уж лечь и спать себе несколько дней подряд, если бы не был таким ослом. Но ты умрешь, а все равно ничего не добьешься. Можешь лечь хоть сейчас, и от этого ничего не изменится. Ты никогда не поднимешься на вершину».

— Поднимусь, если все оставлю позади, кроме своих костей, — вслух возразил Сэм. — И понесу на себе мастера Фродо, даже если это сломает мне спину и разобьет сердце. Так что нечего спорить!

В эту секунду Сэм почувствовал, как под ним задрожала земля, и услышал отдаленные раскаты грома, запертого под землей. В облаках мелькнула вспышка красного пламени и погасла.

Гора тоже спала беспокойно.

Наступил последний этап их пути к Ородруину, и он обернулся такой пыткой, что Сэм не мог даже представить себе, что сумеет вынести нечто подобное. Все тело стонало от боли, во рту так пересохло, что он не мог глотать. Было темно, и не только от дыма: казалось, приближается буря, и на юго-востоке в черном небе сверкали молнии.

Хуже всего было то, что воздух наполняли ядовитые испарения, каждый вдох давался с трудом и болью, голова кружилась, и хоббиты спотыкались и часто падали. А все же воля их не была сломлена, и они продолжали плестись вперед.

Гора приближалась. Наконец, когда они подняли свои тяжелые головы, она, нависая над ними, заполнила все поле зрения — огромная масса пепла, шлака и обожженного камня, а из нее к облакам поднимался исполинский конус. Прежде чем кончился дневной сумрак и опустилась настоящая ночь, они добрели до самого подножия.

Со стоном Фродо повалился на землю. Сэм опустился рядом. К своему удивлению, он обнаружил, что ему стало полегче, несмотря на усталость. Голова сохранялась ясной. Внутренние раздоры больше не беспокоили его. Он знал все доводы отчаяния и не прислушивался к ним. Воля его была крепка, и только смерть могла сломить ее. Нет, это не было бодростью. Он знал, что все пережитое, все опасности, все трудные мили привели их к решающей точке: следующий день будет днем судьбы, днем последнего усилия и, возможно, гибели.

Но когда же он придет? Ночь казалась бесконечной и лежащей вне времени, минута проходила

за минутой, не принося никаких изменений. Сэм уже подумал, что наступила окончательная Тьма и день не вернется, и коснулся руки Фродо. Она была холодна и дрожала.

— Эх, не надо было одеяло-то бросать, — пробормотал Сэм.

Обняв Фродо, он старался согреть его своим телом. Потом сон овладел им, и унылое утро застигло их лежащими рядом. Давеча целый день не утихал западный ветер, а теперь подул северный, быстро усиливаясь; и свет невидимого солнца медленно просочился вниз сквозь тень, в которой лежали хоббиты.

— Еще немного, одно, последнее усилие! — сказал Сэм, поднимаясь. Он наклонился к Фродо и осторожно поднял его. Фродо застонал, но огромным усилием воли выпрямился... и снова рухнул на колени. Он с трудом поднял глаза на темные склоны Ородруина, нависающие над ним, и пополз вперед, опираясь на руки.

Сэм смотрел на него, плача в душе, но ни слезинки не выкатилось из его сухих, истерзанных жгучей болью глаз.

— Я сказал, что понесу его, даже если сломаю спину, — пробормотал он, — и понесу! — Мастер Фродо! — воскликнул он. — Я не могу нести *его*

за вас, но я могу нести и вас, и *его* вместе с вами. Погодите! Мастер Фродо, дорогой, Сэм понесет вас! Скажите только куда.

Когда Фродо повис у него на спине, обхватив руками шею, Сэм поднялся на ноги и с удивлением понял, что груз невелик. Он боялся, что у него не хватит сил, чтобы поднять хозяина, и ожидал, что взвалит на себя вместе с Фродо ужасную тяжесть Кольца. Но все вышло иначе. То ли потому, что сам Фродо был изможден болью, ножевой раной и ядовитым жалом, тоской, страхом и долгой дорогой без крова над головой, то ли какой-то скрытый запас сил обнаружился в Сэме. Он поднял Фродо, прилагая не больше усилий, чем если бы ему пришлось поднимать хоббитенка на лужайке в Шире. Сэм глубоко вздохнул и сделал первый шаг...

Они подошли к подножию Горы с северо-западной стороны. Здесь ее длинные серые склоны, хотя и неровные, были не слишком крутыми. Фродо молчал, и Сэм решил просто идти все время вверх. Он поднимался все выше и выше, поворачивая то в одну, то в другую сторону, чтобы облегчить подъем, часто спотыкаясь, иногда падая, в конце концов ползком, подобно улитке с тяжелой ношей на спине. Когда воля отказала, и

руки-ноги уже отказывались ему повиноваться, Сэм остановился и осторожно положил хозяина на землю.

Фродо открыл глаза и вздохнул. Они поднялись уже выше облака испарений, лежавшего у подножия, и дышать здесь стало легче.

— Спасибо, Сэм, — хриплым шепотом сказал Фродо. — Далеко ли еще?

— Не знаю, — ответил Сэм, — я вообще не знаю, куда мы идем.

Он оглянулся, а потом посмотрел вверх и удивился тому, как далеко увел их последний бросок. Издали Гора казалась более зловещей и высокой. Теперь Сэм понял, что она не так высока, как горные переходы Эффел-Дуата, которые они с Фродо преодолели. Обширное основание Горы поднималось на три тысячи футов над равниной, а над ним на половину этой высоты вздымался центральный конус, похожий на дымовую трубу и заканчивающийся неровным кратером. Сэм находился уже выше средней линии основания, и равнина Горгорота, окутанная дымом и испарениями, смутно виднелась далеко внизу. Взглянув наверх, Сэм крикнул бы, но во рту пересохло: он ясно разглядел над собой среди скал, дорогу или тропу. Она петлей поднималась с запада и

извивалась по Горе, как змея, пока не пропадала из вида, и достигала начала конуса с восточной стороны.

Сэм не видел подхода к тропе. Перед ним находился крутой подъем, но он решил, что если они немного поднимутся, то доберутся до дороги. Тень надежды вернулась к нему. Они еще могут победить Гору.

— Неспроста здесь эта дорога, — пробормотал Сэм. — Если бы не она, я бы решил, что наступает конец.

Но дорога была проложена не для Сэма. Он и не подозревал, что смотрит на тропу Саурона, соединяющую Барад-Дур с Саммат-Науром — Чертогами Огня. Из широких западных ворот Башни Тьмы выходила она, по длинному железному мосту перекидывалась через глубокую пропасть, на протяжении многих миль шла по углублению в равнине Горгорота и так достигала восточного склона Горы. Поворачиваясь и кружа широкой петлей с севера на юг, поднималась она к конусу, но не к самой его вершине, а к темному входу, обращенному прямо на восток, к проему окна в мрачной крепости, где бодрствовал Глаз Саурона. Дорогу часто разрушали землетрясения и потоки лавы, но трудом бесчисленных орков ее быстро

восстанавливали и расчищали.

Сэм перевел дыхание. Дорога есть, но как добраться до нее — он не знал. Сначала нужно, чтобы перестала болеть спина. Он лег плашмя и немного полежал рядом с Фродо.

Оба молчали. Медленно светало. Внезапно Сэм почувствовал странное беспокойство, которое не мог объяснить. Он знал, что нужно торопиться. Словно кто-то позвал его: «Теперь, или будет слишком поздно!» Он взял себя в руки и встал. Фродо, казалось, тоже ощутил этот призыв. Он с трудом поднялся на колени.

— Я поползу, Сэм, — выдохнул он.

Так, за футом фут, как маленькие серые насекомые, ползли они вверх по склону и, добравшись до тропы, обнаружили, что это широкая дорога, вымощенная камнем и усыпанная пеплом. Фродо взобрался на нее и затем, будто повинуясь чьей-то воле, повернулся лицом на восток. Там висела Тень Саурона. Но, разорванная порывом ветра извне или каким-то внутренним волнением, завеса покачнулась и на мгновение разошлась. И Фродо увидел поднимающиеся черные, более черные, чем обожженные склоны, на которых он стоял, башни и укрепления Барад-Дура. Одно лишь мгновение были они открыты, но из

необыкновенно высокого и большого окна ударил луч красного света — взгляд пронзительного Глаза. Затем завеса вновь сомкнулась, и ужасное видение исчезло. Глаз не смотрел на них, он был обращен туда, где капитаны Запада бросили вызов, и на север была обращена вся злоба Саурона. Черная Мощь готовилась нанести смертельный удар. Но Фродо от этого мгновенного видения почувствовал себя смертельно раненным. Руки его ухватились за цепь на шее.

Сэм наклонился к нему. Он услышал слабый, почти неразборчивый шепот Фродо:

— Помоги мне, Сэм! Помоги мне! Держи мою руку! Я не могу остановить ее.

Сэм взял руки хозяина, сложил их вместе, ладонь к ладони, поцеловал и удержал в своих руках. Неожиданно ему в голову пришла мысль: «Он заметил нас. Все кончено или скоро будет кончено. Ну, Сэм Гэмджи, теперь уж действительно всё».

Он снова взвалил Фродо на спину, сложив его руки у себя на груди. Ноги Фродо повисли в воздухе. Нагнув голову, Сэм упрямо пошел вверх по дороге. Путь оказался не таким гладким, как выглядел снизу. Случилось так, что огненные потоки, вырвавшиеся наружу, когда Сэм стоял на

Кирит-Унголе, сбегали вниз главным образом по южному и западному склонам, и с этой стороны дорога не была перегорожена. Некоторое время она вела на восток, затем под острым углом повернула и повела на запад. Здесь, на повороте, она пробивала старый выветренный утес, когда-то давно извергнутый из пылающих недр. Тяжело дыша под своим грузом, Сэм миновал поворот и краем глаза приметил, как что-то похожее на осколок черного камня упало с утеса.

На него обрушилась внезапная тяжесть, и он повалился вперед, поранив руки, удерживающие хозяина. Сэм понял, что случилось, только услыхав над собой знакомый ненавистный голос.

— З-з-злой хоз-з-зяин! — свистел этот голос. — Злой хозяин облапошил нас! Облапошил Смеагола, голлум! Он не должен идти сюда! Он не должен уничтожать бесценность! Отдай ее Смеаголу, да, она наша! Она для нас-с-с!

С яростным усилием Сэм поднялся и выхватил меч, но сделать ничего не мог: Фродо и Голлум тесно переплелись. Голлум рвал на хозяине одежду, стараясь добраться до цепи и Кольца.

Только это, вероятно, могло раздуть затухающий огонь в сердце и волю Фродо — нападение, попытка силой отобрать сокровище. Он боролся с

яростью, изумившей Сэма, да и Голлума тоже. Даже и в этом случае дело могло обернуться плохо, если бы не изменился сам Голлум: то ли ужасные дороги, нескончаемый голодный и безводный путь, то ли грызущие его алчность и страх оставили на нем заметные следы. Он был истощен до того, что кости торчали под тонко натянутой кожей. Дикий огонь пылал в его глазах, но прежняя злоба уже не подкреплялась прежней силой.

Фродо отшвырнул его и, дрожа, поднялся.

— Вниз, вниз! — выдохнул он, прижимая к груди руки так, что под кожаной курткой он сжимал Кольцо. — Вниз, ты, ползучая тварь, и прочь с моей дороги! Твое время кончилось! Ты не можешь предать или убить меня сейчас.

И вдруг внезапно, как прежде на краю Эмин-Муила, Сэм увидел происходящее совершенно другим зрением. Скорчившееся существо, почти тень живого создания, почти уничтоженное и побежденное, но полное отвратительного желания и гнева. А перед ним — строгая, недоступная даже жалости фигура в белом, держащая на груди Огненное Колесо. Из этого огня доносился властный голос:

— Убирайся и не тревожь меня больше! И если еще раз дотронешься до меня, сам окажешься в

огне судьбы.

Скорчившаяся тварь попятилась, в ее мигающих глазах был ужас и все те же ненависть и алчность.

Затем видение растаяло, и Сэм увидел Фродо, с прижатыми к груди руками, тяжело дышащего, и Голлума у его ног, стоящего на коленях, опирающегося плоскими ладонями о землю.

— Осторожно! — крикнул Сэм. — Он прыгнет! — Сэм шагнул вперед, размахивая мечом. — Быстрее, хозяин! Идите! Не теряйте времени! Я справлюсь с ним. Идите!

Фродо посмотрел на него как будто издалека.

— Да, я должен идти, — сказал он. — Прощай, Сэм! Это конец. На Горе Судьбы свершится наша судьба. Прощай! — Он повернулся и быстро, не сгибаясь, пошел по извивающейся дороге.

— Ну, — сказал Сэм, — теперь я с тобой рассчитаюсь! — Он прыгнул вперед с обнаженным мечом. Но Голлум лишь прижался к земле и захныкал.

— Не убивай нас! — завыл он. — Не делай нам больно отвратительной жестокой железкой! Оставь нам жизнь, хоть ненадолго. Мы погибли. А когда исчезнет бесценность, мы умрем, да, превратимся в прах. — Он зарылся длинными костлявыми пальцами в пепел дороги. — Прах и

грязь, — шипел он.

Рука Сэма дрогнула. Сердце его пылало от гнева и беспощадных воспоминаний. Этот предатель и убийца многократно заслужил смерть. Да и самое безопасное теперь — убить его, не раздумывая. Но что-то в глубине души остановило Сэма: он не мог ударить существо, лежащее в пыли, одинокое, уничтоженное. Он сам — правда, лишь недолго — носил Кольцо и теперь смутно догадывался о той пытке, которую испытывали душа и тело Голлума, порабощенные Кольцом, неспособные найти мир или облегчение. Но у Сэма не было слов, чтобы объяснить свои чувства.

— Будь ты проклят, Вонючка! — проговорил он и добавил: — Убирайся! Прочь! Я не трону тебя, но уходи! Или тебе достанется от отвратительной жестокой железки.

Голлум встал на четвереньки, попятился, повернулся и, когда Сэм нацелился подогнать его пинком, кинулся вниз по дороге. Сэм больше не обращал на него внимания. Он сразу же вспомнил о хозяине. Посмотрев на дорогу, он его не увидел и быстро, как мог, припустил наверх. Если бы он оглянулся, то увидел бы, что Голлум тоже повернул и стремительно, но с опаской, с диким огнем безумия в глазах крался за ним, скрываясь

между камнями.

Дорога извивалась. Вскоре она вновь повернула и углубилась в расщелину на краю Горы. Здесь она подошла к черным воротам в скалистой поверхности, к вратам Саммат-Наура. Далеко на юге солнце, пробивая своими лучами дым и испарения, зловеще горело тускло-красным диском. Но весь Мордор лежал вокруг Горы как мертвая земля, безмолвная, затянутая тенью, в ожидании смертельного удара.

Сэм подошел к зияющему входу и заглянул внутрь. Там было темно, жарко и глухой отдаленный гул сотрясал воздух.

— Фродо! Хозяин! — позвал он.

Ответа не было. Сэм постоял немного, сердце его бешено колотилось от страха, потом пошел вперед. За ним метнулась черная тень.

Сначала он ничего не видел и поспешил извлечь фиал Галадриэли, но свет был бледным и холодным в его дрожащей руке и не разгонял мрака. Сэм находился в самом сердце королевства Саурона, у печей Древней Мощи, величайшей в Средиземье. Здесь другие силы отступали.

Боязливо сделал Сэм несколько неуверенных шагов, и тут к самому своду взлетела красная вспышка. Сэм увидел, что находится в длинной

пещере или туннеле, пронзающем дымящийся конус горы. Неподалеку пол и стены пещеры были перерезаны огромной расщелиной, в которой, то поднимаясь, то опускаясь, мерцало багровое пламя. Снизу доносился гул, как от работы больших машин.

Снова полыхнуло красным, — на самом краю пропасти, у самого Ущелья Судьбы, стоял Фродо, черный на фоне зарева, напряженный, прямой и неподвижный, будто превратившийся в камень.

— Хозяин! — закричал Сэм.

Фродо шевельнулся и заговорил ясным голосом, более ясным и сильным, чем Сэм когда-либо слышал. Этот голос, заглушая даже гул Ородруина, поднялся до самого свода.

— Я пришел, — провозгласил Фродо. — Но я не сделаю того, для чего пришел. Кольцо мое! — И неожиданно, надев его на палец, исчез из вида.

Сэм разинул рот, но крикнуть не успел: в ту же секунду произошло множество событий. Что-то яростно ударило Сэму в спину, и ноги его подкосились, он полетел в сторону и ударился головой о каменный пол. Черная фигурка пролетела мимо него. Сэм лежал неподвижно — на мгновение все покрылось мраком.

Далеко отсюда, когда Фродо объявил Коль-

цо своим и надел его на палец в самом сердце королевства Саурона, мощь Барад-Дура была потрясена, и башня дрогнула от основания до гордой вершины. Темный Лорд внезапно узнал о *нем*, Его Глаз, пронзая все равнинные тени, увидел врата и ущелье. В мгновение ока Ему открылась вся глубина Его заблуждений, и удушливый страх, как черное облако, поднялся в Нем. Он знал, какая смертельная угроза нависла над Ним.

Его ум сразу отшатнулся от политики, от сетей страха и предательства, от всех стратегий и войн. По всему королевству пробежала дрожь, рабы дрогнули, армии остановились, командиры застыли, лишенные воли, беспомощные и трясущиеся. Они были брошены на произвол судьбы. Весь Его рассудок, вся мощь, которой Он владел, устремилась к Горе. По Его приказу назгулы, Духи Кольца, с пронзительным криком, обгоняя ветер, устремились на юг, к Ородруину.

Сэм поднялся. У него кружилась голова, и кровь из раны на лбу заливала глаза. Он пошел вперед и увидел странное и ужасное зрелище. Голлум на краю пропасти боролся, как безумный, с невидимым врагом. Он раскачивался взад и вперед, то подходя так близко к краю, что чуть не падал туда, то отодвигаясь дальше, падая на землю,

вставая и снова падая. Он свистел, но не говорил ни слова.

Огни внизу проснулись в гневе, сверкнул красный отблеск, вся пещера наполнилась сиянием и жаром. И тут Сэм увидел, как длинная рука Голлума метнулась ко рту, блеснули белые клыки и щелкнули. Фродо испустил крик. Он стоял на коленях на самом краю пропасти. Голлум, приплясывая, как безумный, поднимал вверх откушенный палец с надетым на него Кольцом.

Оно сияло живым огнем.

— Бесценность, бесценность, бесценность! — вопил Голлум. — Моя бесценность! О, моя бесценность!

Глаза его не отрывались от добычи, он сделал неверный шаг, пошатнулся на краю пропасти и вдруг с криком упал. Из глубины донесся его последний вопль:

— Бесценность!

Раздался оглушительный рев, слившийся с неясным гулом, огонь взметнулся под самые своды и лизнул их языками пламени, и Гору тряхнуло. Сэм подбежал к Фродо, подхватил его на руки и оттащил от края. И здесь, на темном пороге Саммат-Наура, высоко над равнинами Мордора, его охватили такое изумление и такой

ужас, что он стоял, окаменев и забыв обо всем на свете.

В считанные мгновения перед глазами его пронеслись клубящиеся облака, и посреди них — башни и бастионы, высокие, как пики, покоящиеся на могучем горном престоле над бездонными провалами; огромные дворы и донжоны, безглазые тюрьмы, неприступные, как утесы, и распахнутые ворота из стали и адаманта — и все это исчезало. Башни падали, горы скользили, стены осыпались и плавились, толстые столбы дыма и струи пара вздымались вверх, вверх, до тех пор, пока не обрушились сокрушительным валом и их бешено закрутившийся гребень, вспенившись, не достиг земли. А затем на многие мили раскатился грохот, вырастающий в оглушительный треск и рев; земля дрогнула, равнина вздыбилась и покрылась трещинами, и Ородруин пошатнулся. Огонь вырвался из его расколотой вершины. Небо разорвал гром и опалили молнии. Вниз яростными хлыстами метнулся поток черного дождя. И в самое сердце бури, с криком, пронзающим все остальные звуки, разрывая облака в клочья, влетели назгулы, как пламенеющие стрелы, пойманные огненными руинами между землей и небом, они затрещали, сморщились и

— бесследно пропали.

— Ну, вот и все, Сэм Гэмджи, — услышал он рядом с собой.

Это был Фродо, бледный, изможденный, но снова прежний. В его глазах не было ни напряжения воли, ни безумия, ни страха — только мир. Ноша его была сброшена. Это был любимый хозяин Сэма, такой же, как в лучшие дни Шира.

— Хозяин! — воскликнул Сэм и упал на колени. На развалинах целого мира он в эту минуту чувствовал только радость, великую радость. Ноша сброшена. Хозяин спасен, он снова стал самим собой, он свободен. И тут Сэм увидел искалеченную и окровавленную руку Фродо.

— Ваша бедная рука! — сказал он. — Ия еще не перевязал ее, не сделал ничего. Я заставил бы Голлума расстаться с целой рукой за это. Но он ушел, ушел навсегда.

— Да, — сказал Фродо. — Помнишь слова Гэндалфа: «Даже Голлум может пригодиться на что-нибудь». Если бы не он, Сэм, я не уничтожил бы Кольцо. Потерпел бы поражение в самом конце пути. Поэтому простим его. Задача решена, и теперь все кончено. Я рад, что ты здесь, со мной. Здесь, где для нас кончается все на свете, Сэм.

Глава IV

Поле Кормаллен

Вокруг холмов повсюду свирепствовали войска Мордора. Капитаны Запада сдерживали натиск посреди бушующего моря. Солнце полыхало багрянцем, и крылья назгулов отбрасывали на землю черную тень смерти. Арагорн стоял под своим знаменем, безмолвный и суровый, словно погрузившись в мысли и воспоминания о далеком прошлом, но глаза его сверкали, подобно звездам, что светят тем ярче, чем глубже ночь. На вершине холма стоял Гэндалф, белый и холодный, и ни единая тень не падала на него. Атака Мордора разбилась, как волна, об осажденные холмы, голоса ревели, как прибой среди утесов.

Но вот, словно увидев что-то неожиданное, Гэндалф встрепенулся. Повернувшись на север, он поглядел в небо, бледное и ясное в той стороне. Потом воздел руки и громким голосом, перекрывающим шум битвы, крикнул:

— Орлы летят!

И множество голосов подхватило его крик:

— Орлы летят! Орлы летят!

Войска Мордора уставились вверх, гадая, что бы это значило.

В небе появились Гвайхир, Крылатый Владыка, и Лэндровал, его брат, величайшие из всех орлов Севера, могущественнейшие из потомков старого Торондора, что строил свои гнезда на недосягаемых вершинах Кольцевых Гор в пору юности Средиземья. За ними стремительной длинной вереницей летели их подданные с Северных Гор, поднимая крыльями ветер. Прямо на назгулов устремились они, падая с высоты, и ветер от их крыльев налетел на землю, как буря.

Но назгулы внезапно повернули, отступили и скрылись в тени Мордора, услыхав неожиданный страшный зов из Башни Тьмы. В то же мгновение войско Мордора дрогнуло, страх и сомнение пронзили сердца солдат, их смех замер, руки задрожали. Мощь, толкавшая их вперед и наполнявшая ненавистью и яростью, дрогнула, ее воля оставила их, и, глядя в глаза врагов, солдаты Мордора вдруг увидели в них свою смерть и ужаснулись.

Тогда все капитаны Запада возвысили голос, сердца их исполнились новой надеждой посреди глубочайшей Тьмы. С осажденных холмов рыцари Гондора, всадники Рохана, дунаданы Севера,

тесно сомкнув ряды, ударили по дрогнувшему врагу, встретив его натиск острыми копьями. Но Гэндалф поднял руки и еще раз возвысил ясный голос:

— Стойте, люди Запада! Стойте и ждите! Пробил час, решается Судьба.

И в ту же секунду земля у них под ногами дрогнула. Потом высоко над башнями Черных Ворот, высоко над горной грядой поднялся черный столб, обвитый пламенем. Земля стонала и сотрясалась. Башни-Зубы пошатнулись, задрожали и рухнули, могучий бастион пал; Черные Ворота превратились в руины; издалека, сперва глухой, и вот уже нарастающий, и вот уже поднимаясь под облака, донесся оглушительный грохот, рев, долгим эхом раскатившийся шум разрушения.

— Королевству Саурона пришел конец! — сказал Гэндалф. — Хранитель Кольца выполнил свою задачу.

Капитаны взглянули на юг, на землю Мордора, и им показалось, что там поднялась огромная черная фигура, увенчанная молниями, и заполнила собой все небо. Невероятно возвысилась она над Миром, протянув на запад угрожающие руки, ужасные, но бессильные. И когда наклонилась к ним в угрозе, подул сильный ветер и развеял

фигуру по небу. Воцарилась тишина.

Капитаны склонили головы. А когда подняли их, враги уже бежали и власть Мордора рассыпалась, как пыль на ветру. Как муравьи, когда смерть обрушивается на их раздувшееся жилище, сходят с ума, бесцельно бегают взад и вперед и умирают, так и создания Саурона: орки, тролли, укрощенные заклинаниями звери — в безумии метались из стороны в сторону. Одни убивали себя, другие бросались в ямы, с криками бежали прятаться в норы и темные пещеры. Люди Харада, жители Востока и Юга, осознали свое поражение в войне и великую силу и славу капитанов Запада. Правда, те, кто долго и верно служил Злу с ненавистью к Западу, будучи притом людьми гордыми и храбрыми, собрали все силы для последней отчаянной битвы. Но таких было немного, а остальные бежали на Восток, а некоторые бросали оружие и просили о милосердии.

Тогда Гэндалф, оставив все дела на поле битвы Арагорну и другим капитанам, поднялся на вершину холма. К нему спустился большой орел — Гвайхир, Крылатый Владыка.

— Дважды нес ты меня, Гвайхир, друг мой, — сказал Гэндалф. — Третьего не миновать, если ты не против. Мой вес покажется тебе не более

обременительным, чем когда ты нес меня от Зирак-Зигила, где сгорела моя старая жизнь.

— Я понесу тебя куда хочешь, — ответил Гвайхир, — будь ты даже сделан из камня.

— Тогда летим, и пусть с тобой летят твой брат и кто-нибудь еще из самых быстрых! Нам нужна скорость быстрее ветра, чтобы поспорить с крыльями назгулов.

— Дует северный ветер, но мы перегоним его, — сказал Гвайхир.

Он поднял Гэндалфа и полетел на юг, а с ним полетели Лэндровал и молодой быстрый Менелдор. Они пролетели над Удуном и Горгоротом, лежащими в руинах, и вот перед ними встала, полыхая огнем, Гора Судьбы.

— Я рад, что ты здесь, со мной, — сказал Фродо. — Здесь, где для нас кончается все на свете, Сэм.

— Да, я с вами, хозяин, — ответил Сэм, осторожно прижимая искалеченную руку Фродо к своей груди. — А вы со мной. И путешествие окончено. Но, пройдя весь этот путь, я не хочу сдаваться. Мне это не нравится, если вы меня понимаете.

— Понимаю, Сэм, — сказал Фродо, — но так устроен мир. Надежды рассеиваются, и приходит конец. Нам осталось ждать совсем недолго. Мы затерялись среди руин, и отсюда нет спаситель-

ного пути.

— Что ж, хозяин, мы можем по крайней мере уйти подальше от этого опасного места, от Ущелья Судьбы, если так оно называется. Пойдемте, мастер Фродо, попробуем спуститься по дороге.

— Хорошо, Сэм. Если хочешь, пойдем, — согласился Фродо.

Они встали и медленно пошли вниз по извивающейся дороге. Но не успели достичь подножия горы, как большое облако дыма и пара вырвалось из Саммат-Наура, конус раскололся, и огромный яростный поток покатился длинным гремящим каскадом по восточному склону.

Фродо и Сэм не могли идти дальше. Оставшиеся в них силы, душевные и телесные, быстро таяли. Они достигли небольшого холма пепла, насыпанного у подножия, но дальше пути не было. Теперь это был остров среди огненного моря Ородруина. И продержится он недолго. Вокруг него земля зияла трещинами, из них вырывался дым и ядовитые испарения. Гора сотрясалась в конвульсиях. Громадные щели открывались в ее склонах. Из них медленно вытекали огненные реки, направляясь к хоббитам. Скоро они будут поглощены огнем. Сверху падал поток горячего пепла.

Хоббиты стояли, не двигаясь, и Сэм продолжал гладить руку хозяина. Он вздохнул.

— Какое сказание могло бы получиться, мастер Фродо, — проговорил он. — Хотел бы я послушать его! Как вы думаете, начинать будут так: «Послушайте историю Фродо Девятипалого и Кольца Судьбы»? И все вокруг умолкнут, как умолкали мы, когда в Ривенделле слушали о Берене Одноруком и о Сильмариле. Как хочется послушать! И мне интересно, что будет дальше, после нас.

Он говорил так, чтобы прогнать страх, и смотрел на север, в сторону ветра, расчищавшего небо, отгонявшего тьму и обрывки туч.

Такими и увидел их Гэндалф своими зоркими и далеко видящими глазами, когда, кружа в воздухе, опускался вместе с ветром: две маленькие фигурки, держащиеся за руки, одинокие на низком холме, а весь Мир под ними сотрясался, открывались глубокие щели, и реки огня подбирались всё ближе. И, заметив их, быстро спускаясь, он увидел, что они упали, истощенные, или отравленные дымом и испарениями, или пораженные отчаянием и страхом, пряча глаза от смерти.

Они лежали рядом. Опустился Гвайхир, и Ландровал, и быстрый Менельдор. Хоббитов, ничего

не видевших, лежавших в беспамятстве, подняли и унесли далеко от тьмы и огня.

Когда Сэм проснулся, он обнаружил, что лежит на каком-то мягком ложе, но над ним легонько раскачиваются большие буковые ветви, и сквозь их молодую листву сверкает солнечный свет, зеленый и золотой. Воздух насквозь был пропитан сладким смешанным ароматом. Сэм помнил этот запах — чудесный запах Итилиена.

— Да чтоб меня! — пробормотал он. — Долго же я спал!

Ему показалось, что он только что разжигал маленький костер на солнечном пригорке. Он потянулся и глубоко вздохнул.

— Но какой кошмар мне снился! — бормотал он. — Хорошо, что я проснулся.

Он сел и увидел, что рядом с ним лежит и мирно спит Фродо, одна рука под головой, другая — поверх одеяла. Это была правая рука, и третьего пальца на ней не было.

Память внезапно вернулась, и Сэм громко воскликнул:

— Это был не сон! Но где же мы?

Негромкий голос рядом произнес:

— В земле Итилиен, под покровительством короля. Он ждет вас.

Перед Сэмом стоял Гэндалф, весь в белом, борода его сверкала, как чистый снег, в мелькании солнечных пятен.

— Ну, мастер Сэмвайс, как ты себя чувствуешь? — спросил он.

Но Сэм лег, широко открыл рот и, разрываясь между изумлением и великой радостью, ничего не мог ответить. Наконец он выдохнул:

— Гэндалф! А я ж думал, вы умерли! Потом, правда, еще решил, что и сам я умер. Неужто все печальное оказалось неправдой? Что же произошло с Миром?

— Большая Тень ушла, — ответил Гэндалф и рассмеялся, и смех его звучал как музыка — или как вода в пересохшей земле. И, слушая этот смех, Сэм подумал, что уже много дней не слышал смеха, чистого звука веселья, и залился слезами. Потом слезы его высохли, как от весеннего ветра проходит тихий дождь, а солнце сияет еще ярче, и, тоже засмеявшись, он вскочил с постели.

— Как я себя чувствую? — воскликнул он. — Не знаю, как это выразить. Я чувствую, я чувствую... — Он помахал руками в воздухе. — Я чувствую себя как весной после зимы, и солнце на листьях! И словно звучат трубы и арфы и все песни, что я когда-либо слышал! — Он остановился и повернулся

к хозяину. — Но как мастер Фродо? — спросил он. — Как его бедная рука? Надеюсь, все будет в порядке. Ему пришлось пережить такое...

— Да в порядке я, в порядке — ответил за себя Фродо, усаживаясь и в свою очередь заливаясь смехом. — Я снова уснул, ожидая тебя, Сэм, сонная тетеря. Проснулся сегодня рано утром, а теперь, должно быть, уже полдень.

— Полдень? — переспросил Сэм, пытаясь сосчитать. — Полдень какого дня?

— Четырнадцатого дня нового года, — ответил Гэндалф, — или, если хотите, восьмой день апреля по календарю Шира[1], но в Гондоре новый год теперь всегда будет начинаться двадцать пятого марта, в день падения Саурона, в тот день, когда вас уносили от огня к королю. Он лечил вас, а теперь ждет. Вы будете есть и пить с ним. Когда будете готовы, я отведу вас к нему.

— Король? — спросил Сэм. — Король чего и кто он?

— Король Гондора и повелитель Западных земель, — сказал Гэндалф, — он вернул себе все древнее королевство. Скоро он едет на коронацию, но теперь ждет вас.

---

[1] Примечания: 1

В марте — или в реете — по календарю Шира тринадцать дней. — *Примеч. автора.*

— Что же мы наденем? — спросил Сэм: он увидел старую изорванную одежду, в которой они путешествовали. Она лежала свернутая у постели.

— Одежду, которая была на вас в Мордоре, — сказал Гэндалф. — Даже обрывки орксских тряпок, что вы носили в Черной Земле, Фродо, будут сохранены. Ни шелк, ни полотно, никакое вооружение или украшения не могут быть более почетными. Но позже я, конечно, найду для вас другие наряды.

Он протянул им руки, и они увидели, что одна из них сияет.

— Что это у вас? — воскликнул Фродо. — Неужели...

— Да, я принес вам два ваших сокровища. Их нашли у Сэма, когда вас спасли. Подарки Леди Галадриэли: твой сосуд, Фродо, и твой ящичек, Сэм. Вы наверняка обрадуетесь их возвращению.

Одевшись, умывшись и слегка перекусив, хоббиты последовали за Гэндалфом. Они вышли из буковой рощи, где спали, и прошли по длинной зеленой лужайке, сверкающей в золотистых лучах и обрамленной стройными деревьями с темной листвой и алыми цветами. За ними раздавался шум падающей воды, а впереди в цветущих

берегах бежал ручей и скрывался среди зеленой лужайки в аркаде деревьев, сквозь которую был виден блеск воды вдалеке.

На краю лужайки они удивленно уставились на рыцарей в сверкающих кольчугах и стройных стражников в серебряном и черном. Воины приветствовали их поклоном. Затем один просигналил в длинную трубу, и они прошли под деревьями вдоль поющего ручья и очутились на большом зеленом поле. За полем протекала широкая река в серебряной дымке, а в середине ее течения поднимался длинный, поросший лесом остров. У его берегов виднелось множество судов.

На поле выстроилось большое войско, чьи стройные ряды блестели на солнце. И когда хоббиты приблизились, воины обнажили мечи и воздели копья, запели рога и трубы и все на множестве языков провозгласили:

Да здравствуют Халфлинги! Хвала им, высшей хвалы достойным!

Куйо и Перианн ананн! Агларни Перианнат!

Хвала им, высшей хвалы достойным Фродо и Сэмвайсу!

Даур а Бераэл, Конин ен Аннун! Эглерио!

Хвала им!

Эглерио!

А лайта те, лайта те! Андаве лайтувалмет!

Хвала им!

Кормаколиндор, а лайта тариенна!

Хвала им, высшей хвалы достойным Хранителям Кольца!

Лица Фродо и Сэма вспыхнули от удовольствия, глаза их светились изумлением. Они прошли вперед и увидели три высоких трона, устроенных из зеленого дерна. У правого развевался флаг с изображением скачущего коня, белого в зеленом поле. У левого на серебряно-синем знамени красовался корабль-лебедь, плывущий по морю. У самого высокого трона, в середине, стоял высокий стяг, и на его черном полотнище под сияющей короной и семью звездами цвело Белое Древо. На троне сидел человек, одетый в кольчугу, на коленях у него лежал большой меч, шлема на нем не было. Когда хоббиты подошли, человек поднялся. И хотя он изменился, друзья узнали его, узнали повелителя людей, с прекрасным и счастливым лицом, темноволосого, с серыми глазами.

Фродо кинулся ему навстречу бегом, и Сэм поспешил за ним.

— Вот это да! — закричал он. — Скороход или я еще сплю?

— Да, Сэм, Скороход, — улыбнулся Арагорн. — Долог путь, не правда ли, от Бри, где вам так не понравилась моя внешность? Долгий путь для всех нас, но у вас он был самым трудным.

И, к удивлению и полному смущению хоббитов, он опустился перед ними на одно колено. Потом, взяв их за руки, Фродо — за правую и Сэма — за левую, повел их к трону. Посадив их на трон, он повернулся к войску и воскликнул так, что голос его прозвенел над всем войском:

— Хвала им, достойным высшей хвалы!

И после того, как радостный крик прокатился по полю и замер, к окончательному удовлетворению и радости Сэма, вперед выступил гондорский менестрель, поклонился и попросил разрешения спеть:

— О вы, лорды и рыцари, о люди доблести, короли и принцы, и прекрасный народ Гондора, и всадники Рохана, и вы, сыны Эльронда, и дунаданы Севера, и эльф, и гном, и великие сердца из Шира, и весь свободный народ Запада, слушайте мою балладу. Я спою для вас о Фродо Девятипалом

и о Кольце Судьбы.

Услыхав это, Сэм засиял от радости, вскочил и воскликнул:

— Какая слава и великолепие! Все мои желания исполняются!

И вдруг заплакал навзрыд.

И все вокруг и смеялись, и плакали, а посреди веселья и слез ясный голос менестреля зазвенел серебром и золотом, и все притихли. И он пел, то на языке эльфов, то на общем языке Запада, пел до тех пор, пока их сердца, раненные сладкими словами, не переполнились, и радость их была пополам с печалью, и они погрузились в те области памяти, где боль и радость рядом и где слезы лучше благословенного вина.

Наконец, когда полдень уже давно миновал и тени деревьев удлинились, менестрель кончил.

— Хвала им, высшей хвалы достойным! — воскликнул он и поклонился.

Арагорн поднялся, а за ним все остальные, и они прошли в подготовленные павильоны и ели, пили и веселились, пока не кончился день.

Фродо и Сэма отвели в шатер, где с почетом сняли с них старую одежду, аккуратно свернули и унесли. И дали им новые наряды. Пришел Гэндалф. К удивлению самого Фродо, он принес

меч, эльфийский плащ и митриловую кольчугу — все, что у Фродо было отобрано в Мордоре. Для Сэма Гэндалф принес золоченую кольчугу и его эльфийский плащ, починенный и отглаженный. Затем положил перед ними два меча.

— Я больше не хочу никаких мечей, — отказался Фродо.

— По крайней мере сегодня вечером у тебя должен быть меч, — сказал Гэндалф.

Тогда Фродо взял меч поменьше, принадлежавший Сэму и положенный с ним рядом в Кирит-Унголе.

— Я отдаю Жало тебе, Сэм, — сказал он.

— Нет, хозяин! Его подарил вам мастер Бильбо вместе с серебряной кольчугой. Он не хотел, чтобы кто-нибудь другой владел им.

Фродо уступил, и Гэндалф, как будто он был их оруженосцем, склонился и надел на них пояса с мечами, затем он возложил им на головы серебряные венцы. И после этого хоббиты отправились на большой пир и сидели за королевским столом с Гэндалфом, Эомером, королем рохиррим, принцем Имрахилом и всеми главными капитанами, и, конечно, здесь же были Гимли и Леголас.

Когда, после почтительного молчания, при-

несли вино, появились два оруженосца, чтобы служить королям. По крайней мере, они похожи были на оруженосцев — один в черно-серебряном мундире гвардии Минас-Тирита, другой — в бело-зеленом. Сэм удивился, что такие мальчишки могут находиться в армии могучих мужей. Когда же оруженосцы подошли ближе и Сэм разглядел их получше, он воскликнул:

— Поглядите-ка, мастер Фродо! Ведь это Пиппин! То есть, я хотел сказать, мастер Перегрин Тук и с ним мастер Мерри! Как они выросли! Я вижу, что тут должно быть рассказано не только наше сказание!

— Правильно, — ответил Пиппин, поворачиваясь к ним. — И мы начнем рассказывать, как только кончится пир. А пока попросите Гэндалфа. Он теперь не так скрытен, как раньше, хотя и смеется больше, чем говорит. А мы с Мерри сейчас заняты. Мы рыцари Города и Марки, как, я надеюсь, вы заметили.

Наконец радостный день завершился. Когда зашло солнце и круглая луна вышла из туманов Андуина и замерцала в листве, Сэм и Фродо просидели под шепчущимися деревьями среди ароматов прекрасного Итилиена далеко за полночь, рассказывая Мерри, Пиппину и Гэндалфу

о своих приключениях. Немного погодя к ним присоединились Леголас и Гимли. Тут и Фродо с Сэмом узнали многое из того, что случилось с их друзьями после того, как Товарищество распалось в злой день на Парт-Гален у водопадов Рауроса. И еще оставалось много, о чем нужно было поговорить и что рассказать.

Орки, говорящие деревья, лиги поросших травой равнин, скачущие всадники, сверкающие пещеры, белые башни и золотые чертоги, битвы, плывущие высокие корабли — все это проходило перед внутренним взором потрясенного Сэма. Но среди всех этих изумительных событий больше всего он был удивлен ростом Мерри и Пиппина. Он заставил их встать спиной с Фродо и с самим собой и почесал в затылке.

— Не могу понять, как такое возможно в вашем возрасте, — заявил он. — Но так и есть: вы на три дюйма выше, чем должны быть, или я — гном.

— Вы определенно не гном, — заметил Гимли. — Но что я говорил? Смертный не может попробовать энтского напитка и рассчитывать, что он на него подействует не больше, чем кружка пива.

— Энтский напиток? — переспросил Сэм. — Вы опять об энтах. Но кто они такие? Я вижу, нужны недели, чтобы все узнать.

— Конечно, недели, — сказал Пиппин. — А потом Фродо должен будет закрыться в башне Минас-Тирита и все это записать. Иначе он забудет добрую половину, и бедный старый Бильбо сильно разочаруется.

Наконец Гэндалф поднялся.

— Руки Короля — руки целителя, дорогие друзья, — сказал он. — Вы были на самом краю смерти, и он вытащил вас оттуда, напрягая все силы, и отправил вас в целительную забывчивость сна. И хотя вы спали долго и спокойно, теперь вам снова пора отдохнуть.

— И не только Сэму и Фродо, — добавил Гимли, — но и вам тоже, Пиппин. Я люблю вас, хотя бы за ту боль, которой вы нам стоили и которую я никогда не забуду. Не забуду я, и как отыскивал вас на холме после битвы. Я уже решил, что вы навсегда потеряны для гнома Гимли. Но теперь знаю, как выглядит нога хоббита: это все, что виднелось из-под груды тел. А когда я снял с вас огромный труп, я был уверен, что и вы мертвы. Я чуть не порвал на себе бороду. И всего лишь день прошел, как вы на ногах. Давайте-ка в постель! Да и я, пожалуй, пойду спать.

— А я, — сказал Леголас, — поброжу в лесах этой прекрасной земли, которая наконец-то получила

отдых. В будущем, если позволит наш повелитель, мы вернемся сюда. И когда поселимся здесь, земля эта будет благословенна — на некоторое время. На некоторое время: на месяц, на жизнь, на сотню людских поколений. Но Андуин близко, а Андуин ведет к морю. К Морю!

К Морю, к далекому Морю! Где белые чайки кричат,

И белая пена летает, и ветры соленые мчат.

На запад, на запад, где солнце свершает дневной поворот,

Ты слышишь, парусник серый, как зовет меня мой народ?

Всех прежде меня ушедших в тумане звенят голоса —

И хочу я скорей покинуть надоевшие мне леса,

Ибо дни завершаются наши, наше время вот-вот истечет,

И хочу я уплыть на запад, за просторы бескрайних вод.

Долог путь на Последний Берег, но я знаю: меня там ждут,

Голоса дорогие, родные на Потерянный Остров зовут,

В Эрессею, на родину эльфов. Человек не пройдет туда,

Где листва круглый год зеленеет, где наша страна навсегда!

Напевая так, Леголас спустился с холма.

А там и остальные расстались. Фродо и Сэм пошли к себе и уснули. Много дней они провели в Итилиене. Поле Кормаллен, где расположилось войско, было недалеко от Хеннет-Аннуна, и по ночам слышен был шум водопадов. Хоббиты бродили по окрестностям, навещая места, в которых уже бывали раньше. И Сэм все надеялся где-нибудь в тени леса или на тайной поляне увидеть огромного олифаунта. И когда узнал, что в осаде Гондора участвовало много этих зверей, но все они были убиты, подумал, что это печальная утрата.

— Что ж, я не могу одновременно находиться всюду, — сказал он. — Но похоже, я многое потерял.

Тем временем войско готовилось к возвращению в Минас-Тирит. Уставшие отдохнули, а раненые поправились. Некоторым пришлось

сражаться с остатками войск Востока и Юга, пока не были покорены все. Позднее всех вернулись те, кто уходил в Мордор и разрушал крепости на севере этой земли.

Наконец, когда приближался май, капитаны Запада снова выступили в поход. Они взошли на корабли со всеми своими людьми и поплыли от Кайр-Андроса вниз по Андуину к Осгилиату. Здесь они оставались в течение дня. На следующие сутки прибыли на зеленые поля Пеленнора и вновь увидели белые башни под высоким Миндоллуином, город людей Гондора, последнее воспоминание о Великом Западе, что прошел через Тьму и Огонь и вступил в новый день.

И здесь посреди поля они установили шатры и ждали утра. Был канун мая, и король должен был вступить в ворота вместе с восходящим солнцем.

Глава V

Наместник и Король

Над столицей Гондора нависли сомнения и страхи. Прекрасная погода и яркое солнце казались насмешкой людям, в чьей жизни было мало надежды и кто каждое утро ждал новостей о своей судьбе. Повелитель их был мертв и сожжен, мертвый король Рохана лежал в их цитадели, а новый король, явившийся к ним ночью, отправился на войну с Мощью, слишком темной и ужасной, чтобы кто-то мог надеяться успешно соперничать с ней. Не было никаких известий. После того как войска оставили долину Моргула и двинулись в тени гор по Северной Дороге, ни один вестник не возвращался и не доходило никаких слухов.

Через два дня после ухода капитанов леди Эовин попросила женщин, ухаживающих за ней, принести ей одежду. Когда ее одели и закрепили руку на полотняной перевязи, она отправилась к смотрителю Домов Врачевания.

— Сэр, — сказала она, — я очень тревожусь и не могу спокойно лежать.

— Леди, — был ответ, — вы еще не вполне здо-

ровы, и мне приказано особо заботиться о вас. Вы не должны подниматься с постели в течение семи дней. Прошу вас вернуться.

— Я здорова, — возразила она, — по крайней мере телом, если не считать руки, да и та ранена легко. Но мне опять станет хуже, если ничего не стану предпринимать. Нет ли известий о войне? Женщины ничего не говорят мне.

— Ничего нового, — ответил смотритель. — Известно только, что войско миновало долину Моргула. Говорят, его ведет новый капитан с Севера. Он великий военачальник и целитель. И мне кажется странным, что рука лекаря владеет и мечом. Теперь в Гондоре все иначе, и такое встречалось лишь в старину, если только правдивы древние сказания. Уже долгие годы мы, целители, можем лишь исправлять то, что другие натворили мечами. И работы у нас хватает: мир и без войны полон боли и ран.

— Нужен лишь один враг, чтобы развязать войну, а не два, мастер смотритель, — ответила Эовин. — И те, у кого нет мечей, тоже могут умереть от них. Вы хотите, чтобы люди Гондора лишь собирали для вас травы, когда Темный Лорд собирает армии? Не всегда хорошо быть здоровым телесно. И не всегда плохо погибнуть в

сражении, даже в боли и мучениях. Если бы мне было позволено, в этот темный час я выбрала бы второе.

Смотритель пристально поглядел на нее: высокая, стройная, стояла она перед ним, глаза ее ярко сверкали, кулаки сжимались, когда она повернулась и посмотрела через открытое окно на восток. Он вздохнул и покачал головой. После паузы она снова повернулась к нему.

— Разве ничего нельзя сделать? — спросила она. — Кто распоряжается в Городе?

— Точно не знаю, — ответил он. — Меня это не касается. Здесь есть маршал над всадниками Рохана, а лорд Хюрин, как мне говорили, командует людьми Гондора. Но наместником Города по праву является повелитель Фарамир.

— Где я могу найти его?

— В этом доме, леди. Он был тяжело ранен, а сейчас уже на пути к выздоровлению. Но я не знаю...

— Отведите меня к нему. Тогда узнаете.

Лорд Фарамир одиноко прогуливался в саду Домов Врачевания, солнце согревало его, и он чувствовал, как жизнь возвращается в тело. Но на сердце было по-прежнему тяжело, и он то и дело посматривал на восток. Приблизившись, смотри-

тель Домов Врачевания окликнул его. Фарамир обернулся и увидел леди Эовин Роханскую. Он увидел, что она ранена и взволнована, и сердце его мучительно сжалось.

— Милорд, — сказал смотритель, — это леди Эовин Роханская. Она была с королем и получила тяжелое ранение, а теперь находится у меня на излечении. Но она недовольна и желает поговорить с наместником Города.

— Поймите его правильно, милорд, — заметила Эовин. — Не недостаток забот печалит меня. Не бывает лучшего места для исцеляющихся. Но я не могу лежать в праздности, без дела, взаперти. Я искала смерти в сражении. Но уцелела, а сражение все продолжается.

По знаку Фарамира смотритель, поклонившись, удалился.

— Что поделаешь, леди, — вздохнул Фарамир. — Я тоже пленник лекарей.

Он взглянул на нее, и ее красота и печаль глубоко тронули его сердце. Эовин же увидела серьезную нежность в его глазах и, поскольку выросла среди воинов, сразу поняла, что перед нею стоит тот, с кем ни один всадник Рохана не сможет соперничать на поле боя.

— Чего же вам угодно? — спросил Фарамир.

— Если это в моей власти, я выполню любое ваше желание.

— Я хочу, чтобы вы приказали смотрителю выпустить меня, — сказала она. И хотя тон ее оставался горделивым, сердце дрогнуло, и впервые она почувствовала сомнение. Эовин подумала, что этот высокий человек, одновременно строгий и мягкий, решит, что она просто капризничает, как ребенок, у которого не хватает твердости, чтобы закончить скучную работу.

— Я сам теперь подчиняюсь ему, — ответил Фарамир. — Я еще не принял на себя руководство Городом. Но даже если бы принял, все равно прислушался бы к советам смотрителя и не противоречил ему в том, что касается его искусства, разве что в случае крайней необходимости.

— Но я не желаю лечиться, — заявила она. — Я желаю отправиться на войну, как мой брат Эомер или как король Теоден, который погиб и покоится с миром и честью.

— Слишком поздно, леди, следовать за капитанами, даже если бы у вас хватило для этого сил, — сказал Фарамир. — Но смерть в сражении может прийти к любому из нас, хотим мы того или нет. Вам лучше подготовиться к будущим испытаниям и прислушиваться к советам лекарей.

Вы и я, мы оба должны терпеливо сносить часы ожидания.

Она не ответила, но, когда он взглянул на нее, ему показалось, что в ней что-то оттаяло, словно суровый мороз уступил первым признакам весны. Слезы блеснули в ее глазах и поползли по щеке, как сверкающие дождевые капли. Гордая голова поникла. Потом спокойно, скорее разговаривая с собой, чем с ним, она сказала:

— Но лекари заставят меня семь дней лежать в постели. А мое окно выходит не на восток...

Теперь она была всего лишь юной и печальной девушкой.

Фарамир улыбнулся, хотя сердце ему щемило от жалости:

— Ваше окно выходит не на восток? Это легко исправить. Я отдам распоряжение смотрителю. Если вы останетесь в этом доме, леди, то сможете гулять в саду, на солнце, когда пожелаете, и смотреть на восток, туда, где сосредоточены все наши надежды. А здесь вы всегда найдете меня. Я тоже стану ходить, ждать и смотреть на восток. И мне будет лучше, если вы будете рядом.

Она подняла голову и снова поглядела ему в глаза; на ее бледном лице появился румянец.

— Чем я могу облегчить ваше положение, ми-

лорд? — смущенно пробормотала она. — И потом, мне не хочется ни с кем разговаривать.

— Вы хотите получить ясный ответ?

— Хочу.

— Тогда, Эовин из Рохана, я скажу вам: вы прекрасны. В долинах среди наших холмов растут красивые и яркие цветы, а девушки наши еще краше, но я не видел в Гондоре ни цветка, ни девушки, столь же прекрасных и печальных. Может быть, лишь несколько дней осталось Миру до наступления Тьмы, и, когда она придет, я надеюсь мужественно встретить ее. Но у меня будет легче на сердце, если, пока светит солнце, я смогу видеть вас. Мы с вами оба прошли под крыльями Тени, и одна и та же рука вывела нас оттуда.

— Увы, не меня! — возразила она. — Тень все еще лежит на мне. Не ищите лекарей. Я привыкла к мечу, и рука моя крепка. Благодарю вас за то, что мне не нужно возвращаться в мою комнату. Я буду гулять, с позволения наместника Города.

И, вежливо поклонившись, она повернулась и ушла прочь. А Фарамир долго бродил по саду в одиночестве, и теперь его взгляд чаще устремлялся к дому, чем на восток.

Вернувшись в свою комнату, он вызвал смотрителя и выслушал все, что тот мог сказать о Леди

Роханской.

— Не сомневаюсь, милорд, — сказал глава, — что вы больше узнаете от халфлинга. Он тоже был с королем и с нею до конца.

Так случилось, что Мерри послали к Фарамиру, и они проговорили без умолку целый день, и Фарамир узнал многое, гораздо больше, чем было выражено словами. И подумал, что понимает теперь печаль и беспокойство Эовин. Прекрасным вечером Фарамир и Мерри прогуливались в саду, но она не пришла.

Зато наутро Фарамир, едва вышел из дома, увидел ее, стоящую на стене, и она была одета во все белое и сверкала на солнце. Фарамир окликнул, и Эовин спустилась, и они гуляли по траве, и сидели под зелеными деревьями, иногда молча, иногда тихо беседуя. И каждый следующий день они поступали так же. И смотритель, глядя на них из окна, радовался: он был лекарем, и задача его облегчалась. Несмотря на то что время было отравлено страхом и дурными предчувствиями, эти двое с каждой встречей становились сильнее.

Так наступил пятый день с тех пор, как Эовин впервые пришла к Фарамиру. Они стояли на стене Города и смотрели вдаль. Все еще не бы-

ло никаких новостей, и сердца сжимались от мрачных мыслей. К тому же испортилась погода: похолодало, подул резкий северный ветер, земля вокруг Города выглядела серой и унылой.

Они были тепло одеты, а поверх всего на леди Эовин была просторная накидка цвета летней ночи, густо усаженная серебряными звездами. Фарамир послал за этой накидкой, укутал в нее Эовин, и она стояла рядом с ним, прекрасная и гордая, как королева. Накидка эта была изготовлена для матери Фарамира, Финдуилас Амротской, безвременно умершей. И для сына мать была лишь смутным воспоминанием о чем-то ласковом и о первом большом горе, поэтому ее одежда, казалось ему, подходит и красоте, и печали девушки.

Эовин вздрогнула под звездной накидкой и посмотрела на север.

— Куда вы смотрите, Эовин? — спросил Фарамир.

— Разве не в той стороне Черные Ворота? И разве он теперь не там? Прошло семь дней, как он уехал.

— Семь дней, — сказал Фарамир. — Не думайте обо мне плохо, но я скажу вам: эти семь дней принесли мне радость и печаль, которых я не знал

раньше. Радость видеть вас, и боль, потому что теперь страхи и сомнения этого злого времени удвоились. Я не желаю конца света, Эовин, не хочу утратить так скоро то, что нашел.

— Утратить то, что нашли? — переспросила она, серьезно глядя на него. — Я не знаю, о чем вы говорите. Но не надо, друг мой! Давайте не будем говорить об этом. Давайте лучше помолчим. Я стою на самом краю, мрачная пропасть разверзается у моих ног, и существует ли какой-нибудь свет у меня за спиной — не знаю. Я еще не в силах обернуться. Я жду какого-нибудь знака судьбы.

— Да, мы ждем знака судьбы, — согласился Фарамир.

И больше они не сказали ни слова. И пока они так, молча, стояли на стене, им казалось, что ветер умер, и свет потускнел, и солнце угасает, и все звуки в Городе и его окрестностях утихли: ни ветерка, ни голоса, ни птичьего крика, ни шелеста листвы, ни даже их собственного дыхания не было слышно, и даже сердца их не бились. Время остановилось.

И пока они так стояли, руки их нечаянно встретились и сжали друг друга. А они всё стояли и ждали, сами не зная чего. И вот им показалось, что над далекими горными хребтами поднимает-

ся другая огромная гора Тьмы, поднимается, как волна, готовая поглотить весь Мир, и в ней сверкают молнии; и дрожь пробежала по земле, и они почувствовали, как тряхнуло стены Города. Звук, похожий на вздох, вырвался из всех окрестных земель, и внезапно сердца их снова забились.

— Это напомнило мне о Нуменоре, — сказал Фарамир и сам удивился звуку собственного голоса.

— О Нуменоре?

— Да, о великой Западной Стране, что погрузилась на дно, и о громадной темной волне, поднявшейся над зелеными землями и холмами, и о наступлении неумолимой Тьмы. Я часто представляю себе это.

— Так вы думаете, что наступает Тьма? — спросила Эовин. — Неумолимая Тьма?

— Нет, — ответил Фарамир, глядя ей в лицо. — Это была просто игра воображения. Я не знаю, что происходит. Мой трезвый рассудок подсказывает, что надвигается великое Зло и мы стоим вплотную к концу времен. Но сердце говорит: нет; руки и ноги сделались легкими, и надежда и радость пришли ко мне, хотя я сам не понимаю почему. Эовин, Эовин, Белая Леди Рохана, в этот час я не верю, что Тьма победит! — И он склонился и поцеловал ее бровь.

Так стояли они на стене Города, и поднялся великий ветер, и волосы их, черные и золотые, развевались и смешивались в его порывах. И Тень отступила, и слетели завесы с солнца, и свет рванулся вперед; и воды Андуина засверкали как серебро, и во всех домах Города люди запели от радости, что хлынула в их сердца из никому не ведомого источника.

И прежде, чем солнце перевалило полуденную вершину, в небе показался большой орел, и он принес весть о сбывшейся надежде от лордов Запада, восклицая:

Пой теперь, народ Анорской Твердыни,
Ибо королевство Саурона кончилось навсегда
И Темная Башня повержена в прах.

Пой, ликуй, народ Башни Стражи,
Ибо служба ваша была ненапрасной,
И Черные Ворота разбиты,
И Король ваш прошел сквозь них
И стяжал с войсками победу.

Пойте радостно, Запада чада,
Ибо возвращается ваш Король,

И теперь он пребудет с вами
До конца своих дней.

И воскреснет засохшее Древо,
И посадит он его в достойном месте,
И Город будет благословен.

Пойте, ликуйте все!

И люди пели на всех улицах Города.

Наступившие дни были золотыми, весна и лето соединились и пировали на полях Гондора. Быстрые всадники привезли от Кайр-Андроса сообщения обо всем, что случилось, и Город готовился к прибытию Короля. Мерри был вызван и уехал с телегами, которые везли припасы в Осгилиат и оттуда кораблями к Кайр-Андросу. Но Фарамир остался — окончательно поправившись, он принял на себя власть и наместничество, хотя и ненадолго. Его обязанностью было подготовить все для того, кто его сменит.

И Эовин не спешила уезжать, хотя брат просил ее прибыть на поле Кормаллен. Фарамир дивился этому, но он редко видел ее, отвлеченный множеством неотложных дел. Эовин по-прежнему жила в Домах врачевания и в одиночестве бродила по саду. Лицо ее вновь побледнело, и казалось, во

всем Городе она одна была нездорова и печальна. Смотритель Домов забеспокоился и поговорил с Фарамиром.

Фарамир пришел, и они опять стояли вдвоем на стене. И он спросил ее:

— Эовин, почему вы задержались здесь и не отправились в Кормаллен за Кайр-Андросом, где вас ожидает ваш брат?

И она сказала:

— Разве вы не знаете?

Но он ответил:

— Могут быть две причины, но которая из них истинная — мне неведомо.

И она сказала:

— Я не хочу играть в загадки. Говорите яснее.

— Как вам будет угодно, леди, — согласился он. — Вы не пошли, потому что вас звал только ваш брат, и присутствие лорда Арагорна, потомка Элендила, в его торжестве теперь не принесет вам радости. Или же потому, что я не пошел, а вы хотите оставаться рядом со мной. А может, верны обе причины, и вы сами не можете решить, которая важнее. Эовин, любите ли вы меня, полюбите ли когда-нибудь?

— Я желала быть любимой другим, — ответила она. — Но мне не нужна ничья жалость.

— Это я знаю, — сказал он. — Вы желали любви повелителя Арагорна. Он велик и могуществен, а вы хотели славы, хотели подняться над всеми, кто ползает по земле. Он казался вам восхитительным, как великий полководец юному солдату. И он действительно величайший из людей. Но когда он ответил вам лишь пониманием и жалостью, вы не захотели ничего, вы искали доблестной смерти в бою. Посмотрите на меня, Эовин.

И Эовин смотрела на Фарамира долго и пристально, и Фарамир сказал:

— Не презирайте жалости, идущей от всего сердца, Эовин! Но я не предлагаю вам моей жалости. Вы благородная и доблестная леди и сами заслужили славу, которая не будет забыта; и вы прекрасны — я думаю, даже в эльфийском языке не найдется слов, достойных вашей красоты. И я люблю вас. Прежде я сочувствовал вашей скорби. Но теперь, будь вы и вовсе беспечальной, без страхов и несбывшихся желаний, будь вы благословенной королевой Гондора, я все равно любил бы вас. Эовин, любите ли вы меня?

И сердце Эовин переменилось, или же она наконец поняла его. Вдруг холода отступили, и солнце озарило ее.

— Я осталась в Минас-Аноре, Башне Солнца, — сказала она, — и вот Тень отступила! Я не желаю больше ни быть девушкой-воином, ни соперничать с великими всадниками, ни находить радость в песнях о смертельных схватках. Я хочу быть целителем и любить все, что растет. — Она снова посмотрела на Фарамира. — Я больше не мечтаю стать королевой.

И Фарамир весело рассмеялся:

— Это хорошо, ведь я не король. Но я женюсь на Белой Леди Рохана, если она согласна. И если так будет, мы перейдем реку и в счастливые дни заживем в прекрасном Итилиене и разобьем сад. Все станет расти с великой радостью, если придет Белая Леди.

— Значит, я должна буду оставить свой народ, сын Гондора? — спросила она. — И ваши гордые люди станут говорить о вас: «Вот идет лорд, сумевший приручить дикую девушку с Севера! Разве не мог он выбрать себе женщину нуменорской расы?»

— Не мог, — сказал Фарамир, и заключил ее в объятья, и поцеловал под ясными небесами, и его не заботило, что они стоят высоко на стене и многим видны отсюда. И многие действительно видели их и свет, исходивший от них, когда они

спустились со стены и пошли рука об руку к Домам врачевания.

И Фарамир сказал смотрителю:

— Вот леди Эовин Роханская, и отныне она совершенно здорова.

И смотритель сказал:

— Тогда я отпускаю ее из-под своего присмотра и прощаюсь с ней. Пусть никогда не знает она ни ран, ни болезней. И передаю ее в распоряжение наместника Города до тех пор, пока не вернется ее брат.

Но Эовин сказала:

— Теперь, получив разрешение уйти, я хотела бы остаться. Потому что этот дом стал для меня самым благословенным из всех жилищ.

И она осталась там до возвращения короля Эомера.

В Городе все было приготовлено к встрече. Собралось множество людей, ибо новости разлетелись по окраинам Гондора, от Мин-Риммона и до Пиннат-Гелина, до далеких морских берегов. И все, кто мог, поспешили прийти. Город снова наполнился женщинами и прекрасными детьми, вернувшимися домой. Из Дол-Амрота прибыли искусные арфисты, а из долин Лебеннина — сладкоголосые певцы и музыканты, играющие на

виолах, флейтах и серебряных рожках.

Наконец пришел вечер, когда со стен увидели шатры в поле, и всю ночь горели костры, и люди ждали рассвета. Когда ясным утром солнце встало над восточными горами, на чьих склонах больше не лежала тень, зазвонили все колокола, развернулись и затрепетали на ветру знамена. И в последний раз над Гондором на Белой Башне было поднято знамя наместника — ярко-серебряное, как снег под солнцем, без всякого изображения или девиза.

Капитаны Запада повели свое войско к Городу, и народ видел, как приближаются они линия за линией, вспыхивая, сверкая и переливаясь, подобно серебру в рассветных лучах. Воины подошли к дороге, ведущей к воротам, и остановились в одной восьмой мили от стены. И хотя ворота были разрушены и не восстановлены, въезд в Город был перегорожен барьером: здесь стояли люди в черном и серебряном с обнаженными длинными мечами, а перед барьером — Фарамир, наместник, и Хюрин, хранитель ключей, и другие капитаны Гондора, и леди Эовин Роханская с маршалом Эльфхельмом, и множество рыцарей Марки. И с обеих сторон толпился народ в разноцветных одеждах и с охапками цветов.

Перед стенами Минас-Тирита образовалось обширное пространство, ограниченное со всех сторон рыцарями и солдатами Гондора и Рохана и жителями Города и других областей страны. Наступила тишина. И вот из войска выступили дунаданы в серебряном и сером, а перед ними медленно шагал лорд Арагорн. Он был одет в черную кольчугу, отделанную серебром, и в длинную белоснежную мантию, застегнутую у горла великолепным зеленым камнем, сиявшим издалека; а голова ничем не была прикрыта, за исключением звезды на лбу, привязанной тонкой серебряной лентой. С ним были Эомер Роханский, принц Имрахил, Гэндалф, весь в белом, и четыре маленькие фигурки, на которые дивились все люди.

— Нет, сестрица, это не мальчики, — сказала Иорет своей родственнице из Имлот-Мелюя, стоявшей рядом. — Это перианы из далекой земли халфлингов, они славные принцы, говорят. Я знаю это, потому что ухаживала за одним из них в Домах. Они маленькие, но доблестные. Потому что, сестрица, один из них отправился с единственным своим оруженосцем в Черную Страну, и сразился там с самим Темным Лордом, и, веришь ли, башню его поджег. По крайней мере так

говорят в городе. Это он и есть, тот, что идет рядом с Эльфийским Камнем. Я слышала, они большие друзья. А какое чудо лорд Эльфийский Камень! Не слишком сладкоречив, уж ты мне поверь, зато сердце у него золотое и руки исцеляющие. «Руки Короля — руки целителя» — сказала я. Так оно все и открылось. А Митрандир мне и говорит: «Иорет, люди надолго запомнят эти твои слова», ну и... — Но Иорет не смогла продолжить просвещение своей деревенской родственницы, потому что пропела труба, и наступила мертвая тишина. Затем из ворот вышли Фарамир и Хюрин, ключник, а за ними — четверо воинов, в высоких шлемах и мундирах Цитадели, они несли большой ларец из черного лебетрона, отделанного серебром.

Фарамир встретился с Арагорном, поклонился и сказал:

— Последний наместник Гондора просит разрешения сдать службу.

Он протянул белый скипетр. Арагорн принял скипетр и вернул его, сказав:

— Служба не окончена, она останется тебе и твоим потомкам, пока живет мой род. Исполняй свои обязанности.

Тогда Фарамир выпрямился и возвысил голос:

— Люди Гондора, послушайте наместника

этого королевства! Смотрите! Перед вами тот, кто заявил свои права на престол. Это Арагорн, сын Араторна, предводитель дунаданов Арнора, капитан войска Запада, рыцарь Северной звезды, владелец заново скованного меча, победитель в битве, чьи руки приносят исцеление, Эльфийский Камень, Элессар из рода Валандила, сына Исилдура, сына Элендила Нуменорского. Будет ли он королем, и войдет ли в Город, и останется ли жить в нем?

И все войско и все люди дружно воскликнули: «Да!»

А Иорет сказала своей родственнице:

— Это просто церемония, какая у нас в городе и раньше была, сестрица. Так вот, приходит он, как я тебе уже рассказывала, и говорит мне...

И опять ей пришлось замолчать, потому что снова заговорил Фарамир:

— Люди Гондора! Сказители говорят, что в старину по обычаю король получал корону от своего отца перед его смертью. Если это было невозможно, то он получал корону на могиле отца. Но поскольку невозможно и это, я, пользуясь властью наместника, принес сюда из Рат-Динена корону Эарнура, последнего короля, чьи дни кончились во времена далеких наших предков.

Воины вышли вперед, и Фарамир открыл шкатулку и достал древнюю корону. Она была сделана в форме шлема гвардии Цитадели, только выше, и была вся белая, а крылья с обеих сторон, жемчужные и серебряные, напоминали крылья морской птицы, эмблему королей, пришедших из-за моря; и семь драгоценных адамантов были выложены по кругу, а замыкал их кольцо великолепный самоцвет, сиявший, как пламя.

Арагорн принял корону и сказал:

— Эт Аэрелло Эндоренна утулиен. Синоме маруван ар Хилдиньяр тенн Амбарметта!

То были слова, произнесенные Элендилом, когда он пришел из-за Моря на крыльях ветра: «Из-за великого моря в Средиземье я пришел. Я буду владеть этим местом, и все мои потомки до конца Мира». Затем, к удивлению многих, Арагорн не надел корону, а вернул ее Фарамиру и сказал:

— Трудом и мужеством многих возвращаюсь я к наследству своему. В знак этого прошу я Хранителя Кольца вручить мне корону, а Митрандира надеть мне ее на голову, ибо он был главным нашим вождем и это его победа.

Вперед выступил Фродо, взял корону у Фарамира и передал ее Гэндалфу. Арагорн преклонил

колени, и Гэндалф надел корону ему на голову и провозгласил:

— Наступают дни Короля. Да будут они благословенны, пока стоят троны валаров!

И когда Арагорн поднялся, все с удивлением и в молчании смотрели на него, как будто увидели впервые. Высокий, как морские короли древности, стоял он над всеми. Древним казался он и в то же время в расцвете мужества. Мудрость сияла у него во взоре, сила и исцеление были в его руках, и свет исходил от него. И Фарамир воскликнул:

— Да здравствует король!

Взревели трубы, и король Элессар подошел к барьеру, а Хюрин отвел барьер в сторону, и, сопровождаемый музыкой арф, виол и флейт и пением чистых голосов, король прошел по украшенным цветами улицам в Цитадель. И взмыло над башней знамя с Древом и звездами, и началось правление короля Элессара, о коем сложено множество песен.

При нем Город стал прекраснее, чем даже в дни своего первого расцвета. Он наполнился деревьями и фонтанами, а ворота сделали из митрила и стали, а улицы вымостили белым мрамором. И горный народ работал в Городе, и лесной народ часто приходил сюда — и все были здоровы и

веселы. И дома были полны мужчин, женщин и детского смеха, и ни одно окно не было слепым, и ни один двор пустым. И когда кончилась Третья Эра Мира и началась новая, в ней сохранилось воспоминание о славе минувших дней.

В последовавшие за коронацией дни король сидел на троне в Королевском Зале и вершил свое правосудие. От множества земель и народов прибыли послы: с востока и юга, от границ Чернолесья и из Данленда на западе. И король простил жителей Востока, предоставил их себе и отпустил на свободу и заключил мир с Харадом. Рабов Мордора он освободил и отдал им все земли вокруг озера Нурнен. И многих призывали к нему за получением награды за доблесть. И, наконец, капитан гвардии привел к нему на суд Берегонда.

И король сказал ему:

— Берегонд, от твоего меча кровь пролилась в святом месте, а это запрещено. Ты также оставил пост свой без позволения повелителя или капитана — за это полагается смерть. И я объявляю свой приговор. Своей доблестью в битве ты заслужил отмену наказания, но ты сделал еще многое из любви к Фарамиру. Тем не менее ты должен будешь уйти из гвардии Цитадели и из

Минас-Тирита.

Кровь отхлынула от лица Берегонда, он схватился за сердце и опустил голову. Но король продолжал:

— Ты назначаешься в Белый Отряд, в гвардию Фарамира, принца Итилиена, и будешь жить в Эмин-Арнене с честью и миром и служить тому, кого ты, рискуя всем, спас от смерти.

И тогда Берегонд, осознав милость и справедливость короля, несказанно обрадовался и, поклонившись, поцеловал его руку, и ушел счастливый и довольный. Арагорн отдал Фарамиру Итилиен и просил его жить в холмах Эмин-Арнена вне пределов видимости Города.

— Ибо, — сказал он, — Минас-Итил в долине Моргула будет совершенно уничтожен, и, несмотря на то что со временем долина может очиститься, еще много лет в ней не сможет жить ни один человек.

Последним Арагорн приветствовал Эомера Роханского, и они обнялись, и Арагорн сказал:

— Между нами не может быть слов о награде, о том, что давать и брать: мы братья. В счастливый час приехал с севера Эорл, и никогда не будет столь благословен союз людей. Как вы знаете, мы положили Теодена прославленного в могилу

в святилище Гондора, и здесь он может лежать, пока правят короли Гондора, если вы сами пожелаете. А если хотите, мы прибудем в Рохан и привезем его, чтобы он покоился в земле своего народа.

И Эомер ответил:

— С того дня, как вы явились передо мной у зеленой травы, я полюбил вас, и любовь эта никогда не угаснет. Но теперь я должен вернуться в свое королевство, где нужно многое привести в порядок и к исцелению. Когда все будет готово, мы вернемся за павшим: пока же пусть он спит здесь.

И Эовин сказала Фарамиру:

— Я должна вернуться в свою землю и помочь брату в его работе. Но когда тот, кого я любила, как родного отца, будет предан родной земле, я вернусь.

Так проходили радостные дни. А восьмого мая всадники Рохана двинулись северным путем, и с ними ехали сыновья Эльронда. По сторонам дороги стояли люди и выкрикивали приветствия — от самых ворот Города до стен Пеленнора. Потом все, что жили в других областях, отправились по домам. А в Городе начались большие работы по восстановлению разрушенного и уничтожению

всех следов войны и воспоминаний о Тьме.

Хоббиты с Леголасом и Гимли остались в Минас-Тирите: Арагорн не желал расставаться с товарищами.

— В конце концов все проходит, — пояснил он, — но я хочу, чтобы мы прожили вместе подольше: не настал еще час завершения наших подвигов. Приближается день, которого я ждал всю жизнь, и в этот день я хочу, чтобы рядом со мной были мои друзья.

Но что это за день, он не сказал.

Товарищи эти дни жили в прекрасном доме вместе с Гэндалфом и ходили гулять повсюду. И Фродо спросил Гэндалфа:

— Что это за день, о котором говорил Арагорн? Мы счастливы здесь, и я не хочу уходить, но дни бегут быстро, а Бильбо ждет. И мой дом в Шире.

— Что касается Бильбо, — ответил ему Гэндалф, — то он тоже ждет этого дня и знает о том, что удерживает вас здесь. А что касается самого дня, то нынче еще май и лето не наступило. Хотя и кажется, что весь Мир изменился, для деревьев и трав не прошло еще и года с начала нашего путешествия.

— Пиппин, — заметил Фродо, — разве ты не говорил, что Гэндалф стал менее скрытен, чем

раньше? Теперь, я думаю, он устал от этого и вернулся к прежним привычкам.

И Гэндалф сказал:

— Многие хотели бы заранее знать, что поставят на стол. Но те, кто готовит пир, любят держать это в тайне: удивление делает слова похвалы громче. И Арагорн сам ожидает знака.

Настал день, когда Гэндалфа нигде нельзя было найти, и товарищи гадали, что происходит. А Гэндалф ночью вывел Арагорна из Города и привел к южному подножию горы Миндоллуин. Здесь они отыскали древнюю тропу, на которую мало кто осмеливался ступать. Она вела на гору к святилищу, где раньше бывали лишь короли. И Арагорн с Гэндалфом поднялись по крутой тропе и пришли на высокогорную поляну чуть ниже вечных снегов, окутавших вершину, и сверху взглянули на Город. Стоя здесь, они окинули взором землю, ибо как раз пришло утро. И увидели далеко внизу башни Города, издалека походившие на белые кисти, тронутые солнечным светом, и вся долина Андуина была как сад, и Тенистые Горы были затянуты золотой дымкой. С одной стороны они видели серый Эмин-Муил и блеск Рауроса, издали казавшийся мерцающей звездой; с другой — Реку, как лента сбегающую вниз к Пеларгиру,

а дальше всего, на кромке неба, виднелся свет, выдающий море.

Гэндалф протянул руку:

— Это ваше королевство, и оно должно стать сердцем великого государства. Третья Эра Мира кончилась, и начинается новый век. Ваша задача — устроить его начало и сохранить то, что можно сохранить. Ибо хотя многое спасено, гораздо больше уйдет навсегда. Кончилась и власть Трех Колец. И все земли, что вы видите, и всё, что лежит вокруг них, отныне станет жилищем людей. Наступает время их господства, и старшие королевства зачахнут или переместятся в иные края.

— Я хорошо это знаю, дорогой друг, — ответил Арагорн, — но мне по-прежнему нужны ваши советы.

— Уже ненадолго, — сказал Гэндалф. — Эта третья эра — мой век. Я был врагом Саурона. И моя работа окончена. Скоро я уйду. Ноша теперь ляжет на вас и на ваш народ.

— Но когда-нибудь я умру, — сказал Арагорн. — Я смертен, и хотя происхожу по прямой линии от людей Запада и жизнь моя дольше, чем у других людей, но не намного. И когда родятся и состарятся те, кого ныне женщины носят в чревах своих, я тоже состарюсь. И кто тогда станет править

Гондором и теми, кто считает Город своей столицей, если мое желание не исполнится ? Древо на Фонтанном Дворе все еще мертво. Когда же будет мне знак, что все переменится?

— Отверните лицо от зеленой земли и посмотрите туда, где все кажется голым и холодным! — сказал Гэндалф.

Арагорн обернулся. За ним от кромки вечных снегов спускался каменный склон. Посмотрев туда, он увидел какое-то растение. Поднявшись, Арагорн у самого снега увидел деревце не более трех футов высотой. Однако оно уже выпустило молодые листья, темные по краям и серебряные внутри, и в его хрупкой кроне распустился маленький цветок, чьи белые лепестки сверкали, как освещенный солнцем снег.

И Арагорн воскликнул:

— Утувиениес! Я нашел его! Вот потомок старейшего из деревьев! Но как он попал сюда? Ему не больше семи лет.

Гэндалф подошел, взглянул и сказал:

— Вероятно, это отросток Нимлота прекрасного, Галатилиона, Тельпериона — старейшего из деревьев, которое носит много имен. Кто знает, как пришел он сюда в назначенный час? Но это древнее святилище, и до того, как короли исчезли,

а дерево во дворе засохло, здесь было посажено семя. Ибо сказано, что хотя плоды дерева созревают редко, зато жизнь в них может сохраняться долгие годы, и никто не может предсказать, когда эта жизнь проснется. Здесь лежало это семя, скрытое на горе, как род Элендила скрытно жил в пустынях Севера. Но линия Нимлота гораздо старше, чем ваша, король Элессар.

Тогда Арагорн осторожно взял растение в руки, и — о чудо! — оно лишь слегка касалось земли, поднять его оказалось легко. Арагорн отнес его в Цитадель. Высохшее дерево было с почетом выкопано, его не сожгли, но положили в тишине Рат-Динена. И Арагорн посадил новое дерево во дворе у фонтана, и оно принялось и быстро стало расти. И когда наступил июнь, оно все покрылось цветами.

— Знак дан, — сказал Арагорн, — и день уже близок.

И он расставил наблюдателей по стенам.

В разгар лета от Амон-Дина в Город прибыли вестники и сообщили, что едет прекрасный народ с Севера и что приезжие приближаются к стенам Пеленнора. И король сказал:

— Наконец они пришли. Пусть весь Город приготовится к встрече!

И вот в самый канун середины лета, когда небо сияет, словно сапфир, и белые звезды восходят на востоке, хотя запад еще остается золотым, когда воздух прохладен и ароматен, по северному пути к воротам Минас-Тирита прибыли всадники. Первыми ехали Эльрохир и Эльладан с серебряным знаменем, а за ними — Глорфиндел и Эрестор и все прочие жители Ривенделла, затем Леди Галадриэль и Келеборн, Лорд Лотлориена, на белых конях, а за ними множество эльфов из их земель, в серых плащах и с белыми жемчужинами в волосах. Последним ехал мастер Эльронд, могущественнейший среди эльфов и людей, и нес скипетр Аннуминаса, и рядом с ним на серой кобыле — его дочь, Арвен, Вечерняя Звезда его народа.

И Фродо, увидав ее, сверкающую в вечерних лучах, со звездами на лбу и в облаке сладкого аромата, был сильно удивлен и сказал Гэндалфу:

— Теперь я понимаю, чего мы ждали! Теперь уж точно конец! Не только день теперь будет любим, но и ночь прекрасна и благословенна, и все страхи рассеются!

Король приветствовал гостей, и они спешились. И Эльронд передал скипетр и вложил руку своей дочери в руку короля, и вместе они вошли

в Город, и в небе сияли звезды. И король Элессар женился на Арвен Ундомиэль в Городе Королей в день середины лета, и сказание об их долгом ожидании и труде подошло к концу.

Глава VI

Сплошные разлуки

Когда дни торжества закончились, друзья задумались о возвращении домой. И Фродо отправился к королю, когда тот сидел с королевой Арвен подле фонтана и она пела песню Валинора, а дерево тем временем росло и расцветало.

Оба поднялись навстречу Фродо, и Арагорн сказал:

— Я знаю, зачем вы пришли, Фродо. Вы хотите вернуться домой. Что ж, дорогой друг, всякое дерево лучше всего растет в земле своих предков. Но теперь ваш дом — во всех землях Запада. И хотя о вашем народе немногое сказано в старинных легендах, теперь его слава превыше славы многих, не существующих ныне обширных королевств.

— Правда, мне хочется вернуться в Шир, — сказал Фродо, — но прежде я должен побывать в Ривенделле. Ибо если мне кого и не хватало в последние, счастливые дни, так это Бильбо. Я очень опечалился, когда увидел, что он не прибыл с Эльрондом.

— Вы удивляетесь этому, Хранитель Кольца?

— сказала Арвен. — Но кому, как не вам, знать могущество вещи, уничтоженной вами. Все, что питалось этим могуществом, теперь ушло. Ваш родственник владел этой вещью дольше, чем вы. Он очень стар и ждет вас. Он не способен больше совершать далекие путешествия, за исключением одного...

— Тогда я прошу разрешения уехать поскорее, — сказал Фродо.

— Через семь дней мы отправимся, — сказал Арагорн. — Мы долго будем попутчиками, потому что вместе поедем в Рохан. Через три дня вернется Эомер, чтобы увезти останки Теодена в Марку, и мы поедем с ним, чтобы почтить павшего короля. А теперь, прежде чем вы уйдете, я хочу подтвердить слово, данное вам Фарамиром, и заявить, что вы свободны в королевстве Гондор. И ваши товарищи тоже. И если бы существовал дар, достойный ваших подвигов, я преподнес бы его вам. Но вы и так получите все, чего пожелаете, и поедете с почестями, как принц этой земли.

Но королева Арвен сказала:

— Я вас одарю. Ибо я дочь Эльронда. Я не пойду с ним, когда он отправится в Серую Гавань: я выбрала долю Лютиен, сладкую и горькую одновременно. Но вместо меня пойдете вы, Хранитель

Кольца, когда придет время и если вы пожелаете. Если ваша боль все еще мучает вас и воспоминания о Ноше тяжелы, вы можете уйти на Запад, где залечатся все ваши раны и отступит усталость. А это носите в память об Эльфийском Камне и Вечерней Звезде, с чьей жизнью переплелась ваша жизнь.

И она сняла цепочку с подобным звезде белым драгоценным камнем, висевшим у нее на груди, и надела его на шею Фродо.

— Когда память о страхе и Тьме потревожит вас, — сказала она, — *это* принесет вам облегчение.

Через три дня, в точности по слову короля, в город прибыл Эомер Роханский и с ним эорд лучших рыцарей Марки. Их встретили с почестями. И, сидя за столом в Меретронде, большом пиршественном зале, Эомер залюбовался красотой женщин и был потрясен и восхищен ею. И прежде, чем отправиться отдыхать, Эомер послал за гномом Гимли и сказал ему:

— Гимли, сын Глойна, готов ли ваш топор?

— Нет, лорд, — ответил Гимли, — но я быстро его принесу, если понадобится.

— Решайте сами, — сказал Эомер. — Ведь между нами всё еще стоят слова, касающиеся Леди Золотого Леса. А теперь я увидел ее собственными

глазами.

— И что же вы теперь скажете, лорд?

— Увы! — воскликнул Эомер. — Я не скажу, что она прекраснейшая из всех живущих женщин.

— Тогда я иду за топором! — заявил Гимли.

— Но прежде я должен объясниться, — остановил его Эомер. — Если бы я видел ее в другом обществе, не задумываясь сказал бы все, что вы хотите. Но теперь первая для меня — королева Арвен Вечерняя Звезда, и я готов сражаться со всеми, кто не согласен со мной. Идти ли мне за мечом?

Гимли низко поклонился.

— Нет, я извиняю вас, лорд, — проговорил он. — Вам по сердцу вечер, а моя любовь принадлежит утру. И сердце мое предчувствует, что скоро оно уйдет навсегда.

Наконец пришел день отъезда, и большой отряд готов был двинуться на север от Города. Тогда короли Гондора и Рохана отправились в святилище и пришли к могилам на Рат-Динен, на золотых носилках вынесли тело короля Теодена и в молчании прошли по Городу. Носилки положили на большую повозку в окружении всадников Рохана и со знаменем впереди. Мерри, как оруженосец Теодена, сидел в повозке и дер-

жал оружие короля.

Остальным товарищам были подготовлены в соответствии с их ростом лошади. И Фродо, и Сэмвайс ехали рядом с Арагорном, Гэндалф — на Обгоняющем Тень, Пиппин — среди рыцарей Гондора, а Леголас и Гимли, как прежде, вдвоем ехали верхом на Ароде.

В скорбном походе участвовали также королева Арвен, и Галадриэль и Келеборн с их подданными, и Эльронд со своими сыновьями, и принцы Дол-Амрота и Итилиена, и многие капитаны и рыцари. Никогда не передвигался по Марке такой отряд, какой сопровождал возвращение домой Теодена, сына Тенгела.

Неспешно и торжественно пересекли они Анориен и прибыли к Серому Лесу под Амон-Дином, и здесь услышали они в холмах гром барабанов, хотя никого не было видно. Тогда Арагорн приказал трубить в трубы. И герольды прокричали:

— Внемлите, идет король Элессар! Лес Друадан он отдает Ган-Бури-Гану и его народу в вечную собственность. И отныне никто не смеет войти в него без их разрешения!

Барабаны зарокотали громче и внезапно умолкли.

Спустя пятнадцать дней путешествия повозка

короля Теодена прошла по зеленым полям Рохана и прибыла в Эдорас, и здесь все остановились на отдых. Золотой зал был увешан прекрасными занавесами и полон света, и дан был такой торжественный прием, какого не видали со времен постройки дворца. В течение трех дней люди Марки готовились к погребению Теодена. Его положили в каменном доме со всем оружием и многими прекрасными вещами, которыми он владел, и над ним был насыпан большой курган, укрытый зеленым дерном. И теперь с восточной стороны поля курганов было восемь могильных насыпей.

И всадники королевского дома на белых лошадях объехали курган с песней о Теодене, сыне Тенгела, сочиненной его менестрелем Глеовайном. То была последняя песня, написанная им. Торжественные и печальные голоса всадников трогали сердца даже тех, кому их язык не был понятен; слова этой песни зажигали огонь в глазах народа Марки, и люди этой земли снова слышали топот копыт с севера и голос Эорла в битве на поле Келебранта; и разворачивалось сказание о короле, и громко пел рог Хельма в горах о том, как наступила Тьма и король Теоден восстал, и сквозь Тьму помчался в огонь, и умер

в великолепии прежде, чем надежда взошла над Миндоллуином солнечным утром.

Прочь из сомнений и тьмы навстречу рассвету

Помчался он с песней в лучах солнца, меч обнажив.

Надежду разжег он в сердцах и в надежде угас;

Над судьбою, над страхом, над смертью взмыл

За пределы утрат и жизни, к бессмертной славе.

Мерри стоял у подножия зеленой могилы и плакал, а когда песня кончилась, воскликнул:

— Король Теоден! Король Теоден! Прощай! Ты был мне за отца, хотя и недолго... Прощай!

Когда погребение завершилось, утих женский плач и король Теоден остался один в своей могиле, все собрались в Золотом зале для великого пира, отбросив печали: Теоден прожил долгую жизнь и закончил ее не менее доблестно, чем величайшие его предшественники. И когда наступило время по обычаю Марки выпить в память королей, вперед выступила Эовин, леди

Рохана, золотая, как солнце, и белая, как снег, и поднесла Эомеру полную чашу.

Тогда встали менестрель и сказитель и произнесли имена всех повелителей Марки по порядку: Эорл Юный, Брего — Строитель Зала, Алдор — брат несчастного Балдора, Фреа, Фреавайн, Голдвайн, Деор, Грам, Хельм, лежащий в Пропасти Хельма. Так кончились девять могил с западной стороны, ибо здесь линия прерывалась. А затем пошли могилы с восточной стороны: Фреалав — сын сестры Хельма, Леова, Валда, Фолка, Фолквайн, Фенгел, Тенгел и последний — Теоден. И когда произнесли имя Теодена, Эомер осушил чашу. Тогда Эовин попросила вновь наполнить чаши, и все собравшиеся встали и выпили за нового короля, восклицая:

— Да здравствует Эомер, король Марки!

Когда пир подходил к концу, Эомер встал и сказал:

— Сейчас поминальный пир в честь короля Теодена. Но я объявлю радостную новость, и король не будет обижен этим, потому что он был вместо отца моей сестре Эовин. Слушайте, мои гости, прекрасный народ разных земель, какой никогда не собирался в этом зале! Фарамир, наместник Гондора и принц Итилиена, просит руки Эовин,

леди Рохана, и она согласна стать его женой. Поэтому они обручаются перед вами.

Фарамир и Эовин вышли вперед и взялись за руки. Все выпили за их здоровье и возликовали.

— Теперь, — сказал Эомер, — Гондор и Марка связаны новыми узами, и никто не радуется этому больше меня.

— Вы щедры, Эомер, — заметил Арагорн, — вы отдаете Гондору прекраснейшее сокровище вашего королевства.

Эовин взглянула в глаза Арагорну и сказала:

— Пожелайте мне счастья, мой повелитель и исцелитель!

И Арагорн ответил:

— Я желаю тебе счастья с тех пор, как впервые увидел тебя. И теперь сердце мое успокоено видом твоего блаженства.

Когда пир закончился, те, кто должен был ехать, попросили на это позволения у короля Эомера. Готовился к отъезду Арагорн со своими рыцарями, народ Лориена и Ривенделла. Но Фарамир и Имрахил оставались в Эдорасе, осталась и Арвен, Вечерняя Звезда, попрощавшись с братьями. Никто не видел ее последней встречи с Элрондом, ее отцом. Они ушли в холмы и там долго разговаривали, и горьким было их расставание,

потому что разлуке суждено было длиться до конца Мира.

Перед отъездом гостей Эовин и Эомер пришли попрощаться с Мерри.

— Прощайте, Мериадок из Шира и Холдвайн Марки! — сказала Эовин. — Пусть сопутствует вам удача и возвращайтесь к нам поскорее!

И Эомер добавил:

— Короли древности нагрузили бы вас такими дарами, которых не увезла бы и телега с полей Мундберга, но вы говорите, что не возьмете ничего, кроме оружия. У меня и впрямь нет достойного ваших подвигов дара, зато моя сестра просит вас принять эту маленькую вещь в память о Дернхельме и о рогах Марки, трубящих на рассвете.

И Эовин протянула Мерри древний рог, маленький, но искусно выложенный серебром и с зеленой перевязью; на нем была выгравирована линия всадников и руны, полные глубокого смысла.

— Это реликвия нашего Дома, — сказала Эовин. — Рог изготовлен гномами и перешел к нам из сокровищ Скаты, прозванного Червем. Эорл Юный принес его с севера. Если подуть в этот рог, то его голос вселит страх в сердца врагов и радость в сердца друзей. И друзья услышат и придут на

помощь.

Мерри взял рог и поцеловал руку Эовин. Они обнялись и расстались.

Отъезжающие были готовы. Они выпили прощальную чашу и со словами благодарности и дружбы расстались. Прибыв в Пропасть Хельма, они отдыхали два дня. Здесь Леголас, верный данному слову, посетил с Гимли Блистающие Пещеры. Когда они вернулись, он молчал, сказал только, что один Гимли способен найти подходящие слова для того, чтобы поведать об увиденном.

— И никогда раньше гном не торжествовал победу над эльфом в словесном состязании, — добавил он. — Но теперь пойдем в Фангорн, и счет сравняется.

Из Пропасти Хельма они отправились в Исенгард и увидели, чем занимаются энты. Все каменное кольцо было разрушено, земля вокруг превратилась в сад, по которому протекал ручей. В середине раскинулось чистое озеро, и в нем стоял Ортанк, высокий и неприступный, и его черные стены отражались в воде.

Некоторое время путешественники стояли на том месте, где прежде находились ворота Исенгарда, а теперь в начале зеленой аллеи, ведущей к

Ортанку, как часовые, росли два высоких дерева. Они с удивлением осматривали результаты проделанной работы. Сперва никого не было видно поблизости, но вскоре послышалось «хум-хум, хум-хум» — по дороге шагали, направляясь к ним, Древобородый и Быстролуч.

— Добро пожаловать в Ортанкский сад! — сказал Древобородый. — Я знал, что вы идете, но был занят работой в долине. Тут еще многое нужно сделать. До меня дошли слухи о том, что вы тоже не бездельничали на юге и на востоке; и все, что я слышал, хорошо, очень хорошо.

Он похвалил все их дела, о которых, как видно, ему все было известно. Наконец он остановился и пристально посмотрел на Гэндалфа.

— Что ж, — заключил он, — вы оказались сильнее, и вся ваша работа проделана на совесть. Куда же вы теперь направляетесь? И зачем пришли сюда?

— Посмотреть, как продвигаются ваши труды, мой друг, — ответил Гэндалф, — и поблагодарить за вашу помощь во всех наших свершениях.

— Хум, замечательно, — кивнул довольный Древобородый, — разумеется, энты сыграли свою роль. И не только с этим, хум, с этим проклятым древоубийцей, что жил здесь. Было большое

передвижение этих, бурарум, этих злоглазых — черноруких — кривоногих — жестокосердных — когтепалых — грязнобрюхих — кровожадных, моримайте-синкахонда, хум, ну, вы торопливый народ, а их полное имя такое же длинное, как годы пытки от этих паразитов-орков; и они шли по реке, и с севера, и с окрестностей Лаурелиндоренана, в который не сумели войти благодаря великим, присутствующим здесь. — Он поклонился Леди и Лорду Лориена. — И эти подлые существа были более чем удивлены, встретив нас на Волде, поскольку прежде они о нас и не слыхивали, хотя то же самое можно сказать и о лучших народах. И немногие смогут нас вспоминать, поскольку немногие ушли от нас живыми, и река забрала большинство. Но для вас это было хорошо, ведь луговой король не уехал бы далеко, а если бы уехал, то, вернувшись, не нашел бы собственного дома.

— Мы хорошо знаем это, — сказал Арагорн, — и никогда не забудем ни в Минас-Тирите, ни в Эдорасе.

— Никогда — слишком длинное слово даже для меня, — проговорил Древобородый. — Вы хотите сказать, пока живет ваш народ. Он будет действительно жить долго, даже с точки зрения энтов.

— Начинается Новая Эра, — сказал Гэндалф, — и вполне может случиться, друг мой Фангорн, что в новые времена люди переживут энтов. Но скажите, как вы исполнили мое задание? Как там Саруман ? Он еще не устал от Ортанка? Не думаю, чтобы он поблагодарил вас за улучшение вида из его окна.

Древобородый хитро, как показалось Мерри, взглянул на Гэндалфа.

— А-а-а, — сказал он. — Я так и думал, что вы подойдете к этому. Устал от Ортанка? Очень, но не столько от башни, сколько от моего голоса. Хум. Я рассказывал ему долгие сказания — долгие по вашим понятиям.

— Как же он слушал? Вы приходили в Ортанк? — поинтересовался Гэндалф.

— Хум, нет, не в Ортанк! — ответил Древобородый. — Но он стоял у окна и слушал, потому что хотел узнать новости любым путем, и, хотя эти новости ему не нравились, он все же слушал жадно. Я видел, что он ничего не упускает. Но я добавлял кое-что для него, над чем ему можно было подумать. Он очень устал. Это была его гибель.

— Я замечаю, мой добрый Фангорн, — проговорил Гэндалф, — что вы говорите: жил, был, устал. Почему? Он умер?

— Нет, насколько мне известно, — ответил Древобородый. — Но он ушел. Да, семь дней назад. Я позволил ему уйти. Мало что от него осталось, когда он выполз. Как и его червеобразный спутник, он был похож на бледную тень самого себя. Не говорите мне, Гэндалф, что я обещал стеречь его: я и сам помню об этом. Но с тех пор положение изменилось. Я стерег его, пока он мог еще причинить какой-либо вред. Вы знаете, что больше всего я ненавижу, когда живое существо держат в клетке, и даже такого, как он, я не стал бы держать взаперти без особой необходимости. Змея без жала может ползти куда захочет.

— Может, вы и правы, — заметил Гэндалф, — но у этой змеи остался по крайней мере один зуб: его ядовитый голос. И похоже, что он убедил вас, даже вас, Древобородый, зная ваше слабое место. Что ж, он ушел, и говорить об этом больше не стоит.

Башня Ортанк возвращается королю, которому она принадлежала раньше. Хотя, может, она ему и не нужна.

— Поживем — увидим, — сказал Арагорн. — Но я разрешаю энтам делать в этой долине все, что им угодно, пока они следят за Ортанком и никому не позволяют туда входить без моего разрешения.

— Ортанк закрыт, — сказал Древобородый. — Я заставил Сарумана закрыть его и отдать мне ключи. Их теперь хранит Быстролуч.

Быстролуч поклонился, согнувшись, как дерево на ветру, и передал Арагорну два больших черных ключа сложной формы, нанизанных на стальное кольцо.

— Еще раз благодарю вас, — сказал Арагорн. — Пусть ваш лес растет в мире. Когда эта долина будет заполнена, останется много свободного пространства западнее гор, где вы когда-то давно ходили.

Лицо Древобородого стало печальным.

— Леса могут расти, — сказал он. — Деревья могут размножаться. Но не энты. Энтских жен больше нет.

— Однако возможно, ваши поиски небезнадежны, — предположил Арагорн. — Для вас теперь открыты земли на Востоке, куда давно не было доступа.

Но Древобородый покачал головой и сказал:

— Это очень далеко. И теперь там слишком много людей. Но я забыл о вежливости. Не желаете ли остановиться здесь и отдохнуть? А может, кому-нибудь из вас приятно будет пройти по лесу Фангорн и сократить дорогу домой?

И он посмотрел на Келеборна и Галадриэль. Но все, кроме Леголаса и Гимли, сказали, что должны отправляться немедленно и идти на юг или запад.

— Ну, Гимли, — сказал Леголас, — теперь, с разрешения Фангорна, я посещу глубины энтского леса и увижу деревья, каких нет больше нигде в Средиземье. Вы должны сдержать свое слово и пойти со мной. Так мы вместе доберемся до наших земель — Мерквуда и того, что за ним.

Гимли согласился, хотя и не очень охотно.

— Вот и заканчивается история Товарищества Кольца, — сказал Арагорн. — Но я надеюсь, что вскоре вы вернетесь в мои земли с обещанной помощью.

— Мы придем, если наши повелители позволят нам, — сказал Гимли. — Что ж, прощайте, мои хоббиты! Надеюсь, вы благополучно доберетесь до дому и мне больше не придется терять сон от страха за вас. Мы пошлем вам весточку, как только сумеем, и, может быть, кому-то из нас еще доведется встретиться. Но боюсь, что все вместе мы не соберемся уже никогда.

И тут Древобородый попрощался со всеми по очереди и трижды торжественно и низко, с большим уважением, поклонился Келеборну и

Галадриэли.

— Давным-давно мы не встречались у ствола или камня, а ванимар, ванималион ностари! — сказал он. — Печально, что встречаемся еще раз лишь в самом конце. Мир меняется: я чувствую это в воде, и в земле, и в воздухе. Не думаю, что мы встретимся вновь.

И Келеборн ответил:

— Кто знает, старейший...

А Галадриэль добавила:

— По крайней мере, не в Средиземье и не прежде, чем земля, лежащая под водой, поднимется вновь. Только тогда мы сможем встретиться на лугах Тасаринана. Прощайте!

Последними попрощались со старым энтом Мерри и Пиппин, и он немного взбодрился, глядя на них.

— Ну, мои веселые друзья, — воскликнул он, — не желаете ли выпить еще моего напитка перед уходом?

— Конечно желаем!

Он отвел их в сторонку, в тень большого дерева, и они увидели, что там стоит большой каменный кувшин. Древобородый наполнил три чаши, хоббиты выпили и заметили, как смотрит он на них своими странными глазами через край чаши.

— Осторожней, осторожней! — сказал он. — Вы уж и так заметно выросли с тех пор, как я видел вас в последний раз.

И они рассмеялись.

— Что ж, до свидания! — с грустью сказал энт. — И не забудьте, услышав новости об энтских женах, прислать мне весточку.

Он помахал своей большой рукой и исчез среди деревьев.

Путешественники ехали теперь быстрее, направляясь к Проходу Рохана. И здесь, вблизи того места, где Пиппин смотрел в Камень Ортанка, Арагорн попрощался со всеми. Хоббиты очень опечалились при этом расставании, ведь Арагорн был их верным другом и предводителем во многих опасностях.

— Хотел бы я иметь Камень, чтобы видеть в нем своих друзей, — сказал Пиппин. — И чтобы мы могли разговаривать.

— Остался только один камень, который вы могли бы использовать, — ответил Арагорн, — потому что вы не захотите видеть то, что показывает Камень Минас-Тирита. Но палантир Ортанка останется у короля, чтобы он мог видеть, что происходит в его королевстве и что делают его слуги. И не забудьте, Перегрин Тук, что вы

рыцарь Гондора и я не освобождаю вас от службы. Сейчас вы уходите, но я могу позвать вас. И помните, мои дорогие друзья из Шира, что мое королевство простирается и на север, и однажды я приду туда.

Арагорн попрощался с Келеборном и Галадриэлью, и Леди сказала ему:

— Эльфийский Камень, через Тьму пришли вы к победе и получили теперь все, чего желали. Не теряйте времени даром!

А Келеборн добавил:

— Прощайте, родич! Пусть ваша судьба будет не такой, как моя, и ваше сокровище останется с вами до конца!

С этим они расстались на закате и, когда немного погодя обернулись и посмотрели назад, увидели Короля Запада на великолепном коне в окружении рыцарей. Закатное солнце осветило его, и белая мантия Арагорна вспыхнула алым пламенем. Он поднял эльфийский камень, и из его руки вырвался зеленый огонь.

Вскоре поредевший отряд, передвигаясь вдоль Исена, повернул на запад и направился в пустынные земли за ним, а оттуда, свернув на север, добрался до границ Данленда. Жители этих мест бежали, завидев путников: они боялись эльфов,

хотя те редко заходили в их земли. Но путники не обращали на это внимания, потому что их все еще было много и у них было все необходимое. Они, не спеша, двигались своим путем, расставляя для отдыха палатки, где хотели.

На шестой день после расставания с Королем они ехали по лесу, спускавшемуся с холмов у подножия Туманных Гор, которые теперь были справа. И, выбравшись на открытое пространство в час заката, догнали старика, опирающегося на посох, одетого в обрывки серой и грязно-белой одежды. У его ног сидел, сгорбившись и поскуливая, другой нищий.

— Ну, Саруман, — сказал Гэндалф, — куда вы теперь направляетесь?

— Какое вам дело? — фыркнул тот. — Вы хотите и в этом распоряжаться мной? Мало вам моего падения?

— Ответ вам известен, — сказал Гэндалф. — Но в любом случае моя работа подошла к концу. Король принял на себя ношу. Если бы вы подождали в Ортанке, вы увидели бы его и он проявил бы свою мудрость и милосердие.

— Тем больше было причин уйти поскорее, — ответил Саруман. — Мне ничего от него не нужно. Если хотите получить ответ на свой пер-

вый вопрос, то я ищу пути, ведущего прочь из его королевства.

— Значит, вы опять идете неверной дорогой, — сказал Гэндалф, — и я не вижу ни проблеска надежды на вашем пути. Вы не хотите принять от нас помощь? Мы предлагаем ее вам.

— Вы — мне? — удивился Саруман. — Нет, не смейтесь надо мной. Мне больше по душе, когда вы хмуритесь. А что касается присутствующей здесь Леди, то я не верю ей: она всегда ненавидела меня и плела интриги в вашу пользу. Не сомневаюсь, что она и привела вас сюда, чтобы полюбоваться моей нищетой. Если бы я знал заранее, не доставил бы ей этого удовольствия.

— Саруман, — сказала Галадриэль, — у нас хватает дел и забот более важных, чем разыскивать вас. Скажите лучше, что вас догнала удача: это ваша последняя возможность.

— Если и в самом деле последняя, то я рад, — сказал Саруман, — ибо избавлюсь от необходимости отказываться вновь и вновь. Все мои надежды рухнули, но я не желаю разделять ваши, если, конечно, у вас имеются таковые. — На мгновение глаза его блеснули. — Я не зря тратил долгие часы, изучая положение дел, — продолжал он. — Вы обречены и сами знаете это. И

мне доставляет немалое удовольствие в моих скитаниях вспоминать о том, что, разрушая мой дом, вы разрушили и свой. И какой же корабль перенесет вас обратно через морские просторы? Серый корабль, полный призраков. — Саруман рассмеялся, но смех его был хриплым и отвратительным. — Вставай, идиот! — закричал он второму нищему, сидевшему на земле, и ударил его посохом. — Поворачивайся! Если они идут по нашему пути, мы пойдем по другому. Вставай, или не получишь своей корки на ужин!

Нищий поднялся, не переставая скулить и хныкать:

— Бедный старый Грима! Бедный старый Грима! Всегда меня бьют и ругают. Как я его ненавижу! Как я хотел бы уйти от него!

— Так уходи! — сказал Гэндалф.

Но Змеиный Язык бросил на него взгляд, полный ужаса, и поспешил за Саруманом. Когда зловещая пара проходила мимо хоббитов, Саруман остановился и посмотрел на них. Они глядели на него с жалостью.

— Значит, вы тоже пришли поиздеваться надо мной, пострелята? Вам неинтересно, в чем нуждается нищий. Ведь у вас есть все, что вам нужно: еда, и одежда, и лучшее зелье для ваших

трубок. О да, я знаю. Знаю, откуда оно. Не дадите ли нищему на затяжку?

— Я бы дал, если бы оно у меня было, — сказал Фродо.

— Можете взять все, что у меня еще осталось, — сказал Мерри, — если немного подождете. — Он нагнулся и порылся в мешке. Потом протянул Саруману кожаный мешочек: — Возьмите это. Оно из Исенгарда.

— Мое, мое, и дорого за него заплачено! — воскликнул Саруман, сжимая мешочек рукой. — Это только часть, вы взяли гораздо больше. Но нищий должен быть благодарен, если ему возвращают хоть горстку его собственного добра. Ну что ж, оно хорошо послужит вам дома, если вы обнаружите, что в Саутфартинге все обстоит так, как вам хотелось бы. Долго в вашей земле будет не хватать трубочного зелья!

— Спасибо! — сказал Мерри. — В таком случае я хочу получить обратно кисет. Он не ваш, он путешествовал вместе со мной. Заверните лист в какую-нибудь тряпку.

— Один вор стоит другого, — ответил Саруман и, отвернувшись от Мерри и пнув своего спутника, пошел к лесу.

— Вот ничего себе! — воскликнул Пиппин. — А

как же насчет засады, связывания и похода с орками через весь Рохан?

— Ах! — сказал Сэм. — Он сказал «дорого заплачено». Интересно, кому? Ох, не нравится мне то, что он сказал о Саутфартинге. Пора нам возвращаться домой.

— Да, — согласился Фродо. — Но мы не можем идти туда, не повидав Бильбо. Я, во всяком случае, сначала иду в Ривенделл.

— Так будет лучше, — сказал Гэндалф. — Жаль Сарумана! Боюсь, больше ничего нельзя для него сделать. Но не думаю, чтобы Древобородый был прав. Саруман еще способен принести вред.

На следующий день они прибыли в северный Данленд, где людей теперь не было, хотя это зеленая и приятная страна. Наступил сентябрь с золотыми днями и серебряными ночами, и они ехали налегке, пока не добрались до реки Сванфлит, и нашли старый брод к востоку от водопадов, где река неожиданно спускается в низины. Далеко на западе в дымке лежали озера и острова, через которые река, извиваясь, текла к Грейфладу. Здесь в тростниках жили бесчисленные лебеди.

Путешественники пришли в Эрегион и в одно прекрасное утро из своею лагеря на низком холме

увидели на востоке три освещенных солнцем пика над плывущими облаками: Карадрас, Келебдил и Фануидол. Они приближались к воротам Мории.

Здесь задержались на семь дней, ибо близилось еще одно печальное расставание. Келеборн, Галадриэль и их приближенные вскоре должны были повернуть на восток и через проход Красного Рога спуститься по лестнице Димрилл к Сильверлоуд, в свою страну. Они так далеко прошли западным путем, потому что им о многом нужно было поговорить с Эльрондом и Гэндалфом, и, задержавшись, они продолжали беседы со своими друзьями. Часто, после того как хоббиты засыпали, они сидели под звездами, вспоминая минувшие века, и свои радости, и свою работу в Мире или советуясь о днях грядущих. Если бы мимо случилось пройти какому-нибудь путнику, немногое он услышал бы и увидел: пожалуй, ему показалось бы, что он видит вырезанные из камня серые фигуры — след давно забытых времен в заброшенной и опустевшей земле. Ибо они не двигались и не говорили, но обменивались мыслями напрямую, душа в душу, и только их сияющие глаза двигались и вспыхивали по мере движения чувств.

Но наконец все было сказано, и они расстались на время, пока не наступит час ухода Трех Колец. Быстро слившись с камнями, одетый в серое народ Лориена направился в горы. А те, что должны были идти в Ривенделл, сидели на холме и смотрели, пока из тумана вдали не блеснула вспышка. Фродо знал, что это Галадриэль подняла руку в знак прощания.

Сэм отвернулся и вздохнул:

— Хотел бы я еще разок побывать в Лориене!

И вот однажды вечером путники нежданно, как всегда кажется путникам, очутились на высоком краю долины Ривенделла и далеко внизу увидали огни дома Эльронда. Они спустились, миновали мост, подошли к двери — и весь дом наполнился светом и радостными песнями.

Первым делом, не успев ни поесть, ни помыться с дороги и даже не сняв плащей, хоббиты отправились на поиски Бильбо. Он нашелся в своей маленькой комнате. Кругом все было завалено бумагами, перьями и карандашами, а Бильбо сидел в кресле у ярко пылающего очага. Он выглядел очень старым, но добродушным, и он... спал.

Бильбо открыл глаза и взглянул на них.

— Привет, привет! — сказал он. — Стало быть, вернулись? А у меня завтра день рождения. Как

мило с вашей стороны! Вы знаете, мне исполнится сто двадцать девять. Через год, если доживу, сравняюсь со старым Туком. Хотелось бы, конечно, побить его рекорд, но... посмотрим.

Отметив день рождения Бильбо, четверо хоббитов еще несколько дней оставались в Ривенделле. Большую часть времени они проводили со своим старым другом, который теперь почти не выходил из комнаты, разве для того, чтобы поесть, ибо во всем, что касалось еды, он по-прежнему был очень пунктуален и никогда не позволял себе проспать обед или ужин. Сидя у огня, они по очереди рассказывали ему о своих приключениях. Сперва он пытался кое-что записывать, но часто засыпал, а проснувшись, говорил: «Как прекрасно! Как удивительно! Но на чем мы остановились?» И они продолжали рассказ с того места, на котором он задремал.

Единственным эпизодом в их повествовании, который действительно его увлек, были коронация и женитьба Арагорна.

— Меня тоже пригласили, разумеется, — сказал он. — И я достаточно долго ждал этого. Но как-то, знаете, когда уже надо было отправляться, вдруг обнаружил, что у меня здесь так много неотложных дел; к тому же собираться в путь — это такие

хлопоты!

Однажды утром, посмотрев в окно, Фродо обнаружил, что ночью был заморозок и паутина похожа на белые сети. Он понял, что должен попрощаться с Бильбо и идти. Погода, после лета, лучше которого и не могли припомнить люди, по-прежнему была прекрасной. Наступал октябрь, и вскоре должны были начаться дожди. А путь еще предстоял неблизкий.

Но не мысль о погоде заставляла Фродо торопиться. Он чувствовал, что пора возвращаться в Шир. Сэм разделял это чувство. Как раз накануне вечером он сказал:

— Что ж, мастер Фродо, далеко мы ходили и много чего повидали, но я думаю, что места лучше этого так и не нашли. Здесь все есть, вы ж меня понимаете: и Шир, и Золотой Лес, и Гондор, и дворцы королей, и гостиницы, и луга, и горы — всего помаленьку. А все же я чувствую, что нам пора уходить. Беспокоюсь о своем старике, по правде говоря.

— Да, Сэм, всё тут есть, кроме моря, — ответил Фродо и повторил как бы про себя: — Кроме моря.

Фродо поговорил с Эльрондом, и было решено, что они выступят на следующее утро. К их радо-

сти, Гэндалф сказал:

— Пожалуй, мне тоже пора в путь. По крайней мере до Бри. Хочу повидаться с Баттербуром.

Вечером они зашли к Бильбо.

— Ну что ж, раз надо, значит, надо, — опечалился он. — Жаль. Я буду скучать. Приятно было просто осознавать, что вы где-то рядом. Но я стал таким соней.

Затем он вручил Фродо митриловую кольчугу и Жало, забыв, что когда-то уже сделал это. Он передал ему также три книги записей, сделанных им в разное время. На их красных переплетах было начертано: «Переводы с эльфийского Б. Б». Сэму он выдал мешочек с золотом.

— Последняя капля сокровищ Смога, — сказал он. — Пригодится, когда жениться надумаешь, Сэм.

И Сэм покраснел.

— У меня нет ничего для вас, мои юные друзья, — сказал Бильбо, обращаясь к Мерри и Пиппину, — кроме доброго совета.

Он дал им немало советов, завершив наставление в лучших ширских традициях:

— Не допускайте, чтобы ваши головы становились слишком велики для шляп. Если будете продолжать расти, скоро одежда обойдется вам

в копеечку.

— Если вы хотите пережить старого Тука, — парировал Пиппин, — не вижу, почему бы нам не попытаться перерасти старину Бандобраса.

Бильбо засмеялся и достал из кармана пару прекрасных трубок с жемчужными мундштуками и тонкой отделкой из серебра.

— Думайте обо мне, когда будете курить их, — сказал он. — Их сделали для меня эльфы, но я больше не курю. — Тут он вдруг уснул ненадолго, а когда проснулся, сказал: — На чем мы остановились? Ах да, подарки. И, кстати... Кстати, я тут вспомнил: Фродо, а куда подевалось мое Кольцо?

— Я потерял его, Бильбо, дорогой, — ответил Фродо. — Точнее, я избавился от него.

— Какая жалость! — проговорил Бильбо. — Я с удовольствием взглянул бы на него еще разок. Но нет, что за глупости я плету! Вы ведь затем и уходили, чтобы избавиться от него. Но все это так сложно, что перепуталось у меня в голове: дела Арагорна, и Белый Совет, и Гондор, и Всадники, и южане, и олифаунты — ты на самом деле видел олифаунта, Сэм? — и пещеры, и башни, и золотые деревья, и бог знает что еще... Я, видно, вернулся домой из своего путешествия слишком простой дорогой. Думаю, Гэндалф мог бы и мне

кое-что показать. Да, но ведь все началось после моего возвращения, и я испытал гораздо больше тревог, чем рассчитывал. Но в любом случае уже поздно: мне сейчас кажется гораздо удобнее и приятнее сидеть здесь и слушать об этом. Огонь здесь такой уютный и еда замечательная, а когда захочешь, к тебе приходят эльфы. Чего еще можно пожелать?

Тропинка вдаль и вдаль зовет
От милого крыльца,
Других ведет она вперед,
И нету ей конца.
И чей-то будет путь далек,
А мне осталось лишь
Свернуть на первый огонек,
В тепло, уют и тишь.

С последними словами голова Бильбо опустилась на грудь, и он уснул.

Вечер сгущался в комнате, огонь в очаге горел ярче. Друзья смотрели на спящего Бильбо и видели, что он улыбается во сне. Некоторое время они сидели молча. Затем Сэм, осмотревшись по сторонам, негромко сказал:

— Не думаю, мастер Фродо, чтобы он много

работал над своими записями, пока мы отсутствовали. По крайней мере наш рассказ записать ему будет не под силу.

Бильбо открыл глаза, услышав слова Сэма.

— Понимаете, я стал таким сонливым, — сказал он. — А когда находится время, записываю только стихи. Фродо, ты как-то привел в порядок здесь все. Возьми с собой мои заметки, бумаги и мой дневник тоже, если захочешь. Понимаешь, теперь у меня для этого мало времени. Пусть тебе поможет Сэм, а когда вы всё разберете, возвращайтесь, и я перечитаю. Я не буду слишком критиковать.

— Конечно я это сделаю, — сказал Фродо и добавил: — И конечно я скоро вернусь: теперь это неопасно. Есть настоящий король, и он скоро наведет порядок на дорогах.

— Спасибо, мой дорогой, — растрогался Бильбо. — Это принесет мне большое облегчение.

И он тотчас же снова уснул.

На следующий день Гэндалф и хоббиты попрощались с Бильбо в его комнате, потому что у дверей было холодно. Попрощались они и с Эльрондом и другими жителями Ривенделла.

Эльронд пожелал им счастливого пути:

— Думаю, Фродо, вполне вероятно, что вам и не

понадобится возвращаться. В это же время года, когда листья, прежде чем упасть, становятся золотыми, ищите Бильбо в лесах Шира. Я буду с ним.

Никто, кроме Фродо, не слышал этих слов, но он хорошо их запомнил.

Глава VII

Дорога домой

Наконец хоббиты повернулись лицом к дому. Им очень хотелось вновь увидеть Шир, но поначалу они ехали медленно, потому что заболел Фродо. Подъезжая к Броду Бруинен, он остановился и, казалось, не хотел въезжать в воду. Все заметили, что глаза его не видят никого и ничего. Весь этот день Фродо молчал. Было шестое октября.

— Тебе больно, Фродо? — негромко спросил Гэндалф, подъехав к нему.

— Да, — ответил Фродо. — В плече. Рука болит, и память о Тьме тяготит меня. Это было ровно год назад.

— Увы! Есть раны, которых полностью не излечишь, — сказал волшебник.

— Боюсь, у меня как раз такие, — согласился Фродо. — Возвращение невозможно. Я могу прийти в Шир, но это уже будет не то, я сам уже не тот. Я ранен ножом, жалом, зубами и тяжкой Ношей. Где я смогу обрести покой?

Гэндалф не ответил.

К концу следующего дня боль и тревога отступили, и Фродо снова повеселел, словно забыл о Тьме прошлого. После этого путешествие шло хорошо и дни бежали быстро. Друзья ехали не спеша и часто задерживались в прекрасных лесах, где листья были красными и желтыми на осеннем солнце. Наконец они прибыли на Везертоп. День клонился к вечеру, и темная тень холма лежала на дороге. Фродо обратился ко всем с просьбой поторопиться и не смотрел на холм, но проехал через тень, склонив голову и закутавшись в плащ.

Ночью погода переменилась: подул западный ветер, пропитанный запахом дождя, и желтые листья закружили в воздухе, как птицы. Когда приехали в Четвуд, ветви деревьев были почти голые и большой занавес дождя закрывал от взора путников холм Бри.

Итак, в конце дождливого холодного дня пятеро путешественников поднялись по дороге и подошли к южным воротам Бри. Ворота были крепко заперты. Дождь заливал лица, по темному небу стремительно неслись низкие облака, и сердца путников сжались: они ожидали более радушного приема.

После многократных окликов появился при-

вратник с большущей дубиной в руках. Привратник посмотрел на них со страхом и подозрением, но, узнав Гэндалфа и хоббитов, немного успокоился и поздоровался.

— Входите! — сказал он, открывая ворота. — Никому не захочется стоять здесь в ожидании новостей под ветром и дождем в этот разбойничий вечер. Но старина Барли наверняка радушно встретит вас в «Пони», и там вы услышите все, что пожелаете услышать.

— А позже вы услышите все, что скажем мы, и даже больше, — засмеялся Гэндалф. — Как поживает Гарри?

Привратник нахмурился.

— Ушел, — сказал он. — Но лучше расспросите Барлимана. Доброго вам вечера!

— Доброго вечера и вам, — сказали они, проезжая в ворота. И тут заметили, что возле ограды, рядом с дорогой, построено длинное приземистое здание. Оттуда вышли несколько мужчин и уставились на приезжих. Подъехав к дому Билла Ферни, путники увидели, что изгородь сломана, а окна выбиты.

— Не убил ли ты его своим яблоком, Сэм? — спросил Пиппин.

— Не надеюсь на это, мастер Пиппин, — отве-

тил Сэм. — Но я хотел бы знать, что случилось с бедным пони. Я много раз вспоминал его, и как выли волки, и вообще всё.

Наконец они подъехали к «Норовистому Пони». Гостиница ничуть не изменилась: за красными занавесями низких окон горел свет. Они позвонили, вышел Ноб и, приоткрыв дверь, посмотрел в щелку. Узнав их, он закричал:

— Мастер Баттербур! Хозяин! Они вернулись!

— Вернулись? Я их проучу, — послышался голос Баттербура, а вслед появился и он, с дубиной в руке. Но, увидав приезжих, остановился, и свирепое выражение его лица сменилось удивленным и радостным.

— Ноб, дубина с кудрявой башкой! — взревел он. — Не можешь назвать старых друзей по именам? Обязательно нужно испугать меня! Ну и дела! Откуда же вы? Уж и не думал, что снова вас увижу. Ведь факт — уйти в Дикие земли с этим Скороходом, а вокруг шныряют Черные Люди... Но я рад встрече с вами, а больше всего с Гэндалфом. Входите, входите! Те же комнаты, что и раньше? Они не заняты. Да и большинство комнат, не стану скрывать, теперь свободно. Да вы и сами увидите. А я бегом погляжу, что можно предпринять насчет ужина, хоть у меня и не очень много

чего съедобного. Эй, Ноб, засоня! Скажи Бобу! Ах, я забыл, Боба нет: он ушел вечером домой. Ладно, отведи пони в конюшню. Ноб! А свою лошадь вы отведете сами, Гэндалф, я уж знаю. Прекрасное животное, как я сказал, впервые увидев его. Ну, входите! Будьте как дома!

Манера речи, во всяком случае, у мастера Баттербура не изменилась, и выглядел он живущим по-прежнему в запарке и суматохе. И хотя вокруг никого не было И все было тихо, из гостиной все же доносились два-три негромких голоса. В лучах пары свечей, которые хозяин зажег и понес перед гостями, было видно, что лицо у него усталое и встревоженное.

Он провел их по коридору к гостиной, где они были той странной ночью, больше года назад. Друзья следовали за ним, тоже слегка обеспокоенные, поскольку им стало ясно, что старый Барлиман лишь пытается бодриться, а на самом деле почему-то места себе не находит. Положение было не таким, на какое они рассчитывали. Но они ничего не сказали и ждали.

Как они и предполагали, после ужина мастер Баттербур пришел к гостям проверить, всем ли они довольны. Они были довольны: изменения, во всяком случае, не коснулись ни пива, ни еды

в «Пони».

— Сегодня у меня уже недостанет смелости, чтоб приглашать вас в общий зал на ночь глядя, — сказал хозяин. — Вы устали, и у меня сегодня собрался кое-какой народ. Но если вы мне уделите полчаса перед сном, я с удовольствием поговорю с вами.

— Мы тоже хотим этого, — откровенно признался Гэндалф. — И вовсе не устали. Путь у нас был легкий. Мы всего лишь промокли, замерзли и голодны, но все это вам под силу исправить. Садитесь. И если у вас есть трубочное зелье, мы вас благословим.

— Что ж, если бы вы попросили что-нибудь другое, я был бы счастлив, — сказал Баттербур. — Но именно этого у нас и нет. Только то, что выращиваем сами, а этого недостаточно. Из Шира в последнее время мы ничего не получаем. Но я посмотрю, что можно сделать.

Вернувшись, он принес пачку ненарезанного листа, которой хватило бы дня на два.

— Лучшее, что у нас есть, — сказал он. — Но, конечно, не сравнится с зельем из южного Шира, как я всегда говорил, хотя в остальном я всегда на стороне Бри, прошу прощения.

Они усадили хозяина в большое кресло у очага,

Гэндалф сел по другую сторону, а хоббиты на низких стульях — между ними. И проговорили не полчаса, а много раз по полчаса, до тех пор пока мастер Баттербур не сообщил все, что мог, и сам не узнал все новости. Большинство из того, что они сообщали ему, было удивительно и казалось хозяину невероятным, намного превосходя его воображение. И у него часто вырывалось: «Не может быть!»

— Не может быть, мастер Бэггинс! Или мастер Андерхилл? Я запутался. Не может быть, мастер Гэндалф! Кто бы мог подумать!

Он и сам сообщил немало. Положение совсем нельзя было назвать хорошим. Больше того — пожалуй, скорее надо было признать, что дела плохи.

— Никто теперь не приходит в Бри извне, — рассказал он. — А наши жители по большей части сидят дома, закрыв двери. Это всё из-за разбойников, что пришли по Гринвею в прошлом году, как вы, должно быть, помните. Потом их пришло еще больше. Некоторые были беженцами, но большинство просто плохие люди, воры и головорезы. У нас были неприятности прямо в Бри, большие неприятности. Настоящая схватка, и — вы не поверите — были даже убитые!

— Отчего же, верю, — сказал Гэндалф. — И много убитых?

— Трое и двое, — ответил Баттербур, имея в виду рослый и маленький народ. — Бедный Мет Хетсертоу, и Роули Эпплдор, и маленький Том Пикторн из-за холма, и Вилли Бэнкс сверху, и один из Андерхиллов из Стэддла. Все хорошие парни, и мы их потеряли. А Гарри Гоутлиф, привратник западных ворот, и Билл Ферни оба перешли на сторону чужаков и ушли с ними. Думаю, они-то их и впустили. В ночь схватки, я имею в виду. Тогда мы прогнали их, в самом конце года, после большого снегопада. А теперь они скрываются и разбойничают в лесах за Арчетом и в пустынях на севере. Как в дурные старые времена, о которых говорится в сказаниях. На дорогах небезопасно, никто не ездит далеко, и люди рано закрываются на все замки. Нам пришлось поставить часовых вдоль всей ограды и держать по ночам людей у ворот.

— Нас никто не трогал, — сказал Пиппин, — а мы двигались медленно и не соблюдали предосторожностей. Мы думали, что все неприятности остались позади.

— Нет, увы, мастер, — сказал Баттербур. — А то, что вас не тронули, не удивительно. Они не

нападают на вооруженных, у кого есть мечи, щиты, шлемы и все такое. Сначала дважды подумают. Должен сказать, что и я призадумался, увидев вас.

И тут хоббиты поняли, что люди смотрели на них с удивлением не из-за того, что они внезапно вернулись, а из-за их одежды и вооружения. Сами они так привыкли к оружию и к передвижению в военном порядке, что совсем забыли о том, что яркие кольчуги, видные из-под плащей, шлемы Гондора и Марки, прекрасные гербы на щитах должны казаться необычными в их стране. А Гэндалф ехал на высоком сером коне, весь одетый в белое, и на боку у него висел длинный меч Гламдринг.

Гэндалф рассмеялся.

— Ну, ну, — сказал он, — если они испугались нас пятерых, тогда мы встречали врагов пострашнее. Во всяком случае, пока мы здесь, они оставят вас в покое.

— Надолго ли? — Баттербур вздохнул. — Не стану скрывать: мы будем рады, если вы задержитесь тут подольше. Видите ли, мы не привыкли к таким делам, а рейнджеры все исчезли, как говорят. До сих пор мы не понимали, что они делали для нас. Тут были существа похуже грабителей.

Волки выли у ограды в прошлую зиму. А эти темные фигуры в лесах, от одной мысли о которых застывает кровь. Все это очень тревожно, если вы меня понимаете.

— Да, — сказал Гэндалф, — все земли были охвачены тревогой в эти дни, великой тревогой. Но приободритесь, Барлиман! Вы оставались на самом краю действительно крупных неприятностей, и я рад слышать, что вы не увязли в них глубже. Наступают лучшие времена. Может, даже лучше, чем вы себе представляете. Рейнджеры вернулись. Мы прибыли с ними. И у нас опять есть король, Барлиман. Он скоро обратит свое внимание и на ваши края. Гринвей вновь будет открыт, гонцы поскачут на север, начнется движение по дорогам, а злые существа будут изгнаны в пустоши. А там и пустошей не станет. Всюду, где теперь Дикие земли, поселятся люди и засеют поля.

Мастер Баттербур покачал головой.

— Если на дорогах будут порядочные проезжие, это нам не повредит, — сказал он. — Но мы не хотим больше грабежей и разбойников. Не хотим чужаков в Бри или поблизости. Мы хотим, чтобы нас оставили в покое. Не желаю, чтобы вокруг поселялись толпы чужаков, опустошая

наши земли.

— Вас оставят в покое, Барлиман, — заверил Гэндалф. — Между Исеном и Грейфладом достаточно места для нескольких королевств. Много пустых земель и к югу от Брендивайна. А многие поселятся к северу, в ста и больше милях отсюда, в дальнем конце Гринвея — у северных склонов или у озера Ивендим.

— У Плотины Мертвецов? — спросил с сомнением Баттербур. — Говорят, это земля призраков. Даже разбойник не пойдет туда.

— Пойдут рейнджеры, — ответил Гэндалф. — Вы говорите, Плотина Мертвецов? Так называли ее долгие годы. Но ее настоящее имя — Форност-Эрайн, Королевский Норбери. И однажды король снова прибудет туда, и тогда мимо вас проедет немало народу.

— Что ж, согласен, это звучит обнадеживающе, — сказал Баттербур. — Да и для дела неплохо. Только пусть король не трогает Бри.

— Не тронет, — заверил Гэндалф. — Он вас знает и любит.

— Откуда? — удивился Баттербур. — Он сидит на троне в большом зале в сотнях миль отсюда. И пьет вино из золотого кубка. И что ему «Пони» или кружка пива? Не то чтобы у меня было пло-

хое вино, Гэндалф. Оно необыкновенно хорошо, с тех пор как прошлой осенью вы сказали над ним несколько слов.

— Ага! — сказал Сэм. — Вот и он говорит, что у вас хорошее пиво.

— Он говорит?

— Конечно. Он — Скороход. Глава рейнджеров. Вы еще не поняли этого?

До Барлимана наконец дошло, и лицо его представляло сплошное удивление. Глаза его округлились, рот широко раскрылся.

— Скороход! — воскликнул он, схватив воздуху ртом. — Он — с короной, с золотым кубком! Куда же мы катимся?

— К лучшим временам, во всяком случае для Бри, — сказал Гэндалф.

— Надеюсь! Что ж, это были самые добрые вести за много месяцев. И не стану скрывать, что сегодня я буду спать спокойнее и с легким сердцем. Вы мне дали много пищи для размышлений, но я все отложу на утро. Иду спать, и вы тоже, конечно. Эй, Ноб! — позвал он, подходя к двери. — Ноб, разиня! Ноб! — Он хлопнул себя по лбу. — О чем же это напоминает мне?

— Надеюсь, не о другом забытом письме, мастер Баттербур? — сказал Мерри.

— Ну, ну, мастер Брендибак, не нужно напоминать мне об этом. Но вы сбили меня с мысли. О чем это я? Ноб, конюшня, ах! Вот оно! У меня есть кое-что, принадлежащее вам. Если вы помните Билла Ферни и кражу лошадей, то пони, которого вы у него купили, находится здесь, вернулся сам. Но где он побывал, вам лучше моего известно. Пришел лохматый, как старый пес, и тощий, как бельевая веревка, но живой. Ноб ухаживал за ним.

— Что? Мой Билл! — воскликнул Сэм. — Ну, чего бы там ни говорил мой старик, я от роду счастливчик. Вот и еще одно исполнившееся желание! Где он? Скорее к нему!

Путники оставались в Бри весь следующий день, и вечером мастер Баттербур не мог пожаловаться на отсутствие посетителей. Любопытство победило все страхи, и его дом был переполнен. Хоббиты навестили общий зал и ответили на множество вопросов. У жителей Бри оказалась хорошая память, и Фродо несколько раз спрашивали, написал ли он свою книгу.

— Еще нет, — отвечал он. — Иду домой, чтобы привести в порядок свои записи.

Он обещал изложить и удивительные события в Бри, и жители Бри решили, что это будет самое

интересное место в книге, гораздо интереснее, чем рассказ о далеких и незначительных событиях «на юге».

Кто-то из молодых заикнулся о песне, но на него зашикали. Наступило неловкое молчание. Очевидно, никто не хотел повторения необычных событий в общем зале.

Ни днем ни ночью ничто не нарушало спокойствия Бри, пока путники находились там. На следующее утро они встали рано. Погода оставалась дождливой. Они хотели до наступления ночи попасть в Шир, и путь предстоял немалый.

Жители Бри высыпали на улицы, чтобы посмотреть на их отъезд. Они были сейчас в лучшем настроении, чем в течение всего года.

Те, кто не видел путников во всем их вооружении, с удивлением рассматривали их: Гэндалфа с белой бородой, с разливающимся вокруг него светом, четверых хоббитов, похожих на воинов из древних сказаний. Даже те, кто смеялся над разговорами о короле, задумались, нет ли в этих разговорах правды.

— Ну, удачи вам на дорогах и благополучного возвращения домой, — сказал мастер Баттербур. — Должен предупредить вас, что не все ладно и в Шире, если верно то, что мы слышали. Странные

события там происходят. Но то одно, то другое, а голова у меня и так забита собственными тревогами. Осмелюсь сказать, вы изменились и вполне сумеете справиться с любыми неприятностями. Не сомневаюсь, что скоро все у вас будет в порядке. Счастливого пути! И чем чаще вы будете приезжать к нам, тем я буду веселее.

Они попрощались с ним, проехали через западные ворота и направились в Шир. Пони Билл шел с ними. Как и в прошлый раз, на него было не мало навьючено, и все же он трусил рядом с Сэмом и казался вполне довольным.

— Интересно, на что намекал старый Барлиман? — беспокоился Фродо.

— Догадываюсь, — угрюмо ответил Сэм. — Я видел в зеркале: срубленные деревья и мой старик, изгнанный с Роу. Надо поторопиться.

— И очевидно, что-то неладно с Саутфартингом, — сказал Мерри. — Совсем не стало зелья.

— Что бы там ни случилось, — заметил Пиппин, — можете быть уверены, что в центре событий Лото.

— Может, и так, но не в самом центре, — возразил Гэндалф. — Вы забыли о Сарумане. Он интересовался Широм раньше, чем Мордор.

— Но, поскольку вы с нами, — сказал Мерри,

— скоро все прояснится.

— Пока я с вами, — возразил Гэндалф, — однако скоро мы расстанемся. Я не пойду в Шир. Вы сами должны справиться со своими делами, для этого вы вполне подготовлены. Разве вы еще не поняли? Мое время кончилось: наводить порядок, помогать друзьям — это уже не моя задача. А что касается вас, мои дорогие, то вы и не нуждаетесь в помощи. Вы выросли. И очень выросли. Теперь вы равны величайшим Мира, и я не боюсь за вас. И если хотите знать, скоро я сверну в сторону. Мне нужно поговорить с Бомбадилом. В свое время я не успел это сделать. Мои дни подходят к концу, и теперь нам многое нужно сказать друг другу.

Вскоре они добрались до того места на дороге, где когда-то расстались с Бомбадилом. Они надеялись, что увидят его там, но не увидели. Над Курганами стоял серый туман, и темная завеса скрывала Старый Лес.

Путники остановились, и Фродо задумчиво посмотрел на юг.

— Хорошо бы снова увидеть старину Тома, — немного погодя заметил он. — Интересно, что с ним?

— Можешь быть уверен, ничего особенного, — заверил Гэндалф. — Живет спокойно и, я думаю,

не очень интересуется нашими делами, разве что посещением энтов. Может, позднее вы увидите его. Но на вашем месте я поспешил бы домой и прибыл к мосту через Брендивайн до того, как закроют ворота.

— Какие ворота? — удивился Мерри. — Нет там никаких ворот. Конечно, есть ворота в Бакленде, но меня через них пропустят в любое время.

— Нет никаких ворот? Ты так считаешь? — сказал Гэндалф. — А мне кажется, вы все же на них наткнетесь. И даже у Баклендских ворот вас может поджидать больше неожиданностей и неприятностей, чем вы думаете. Но вы справитесь. До свидания, дорогое друзья! Мы еще увидимся с вами. До свидания!

Он повернул Обгоняющего Тень в сторону от дорого, и великолепный конь прыжком преодолел выросшую перед ним зеленую преграду, а затем, повинуясь голосу Гэндалфа, помчался к Курганам, как северный ветер.

— Ну, вот и снова нас четверо, как в самом начале, — сказал Мерри. — Один за другим, все наши друзья остались позади. Это похоже на то, как постепенно бледнеет и забывается сновидение.

— Не для меня, — сказал Фродо. — Я чувствую себя так, будто именно теперь опять погружаюсь

в сон.

Глава VIII

Очищение Шира

Уже наступила ночь, когда путники, промокшие и усталые, добрались наконец до Брендивайна и увидели, что путь закрыт. С обоих концов мост был перегорожен большими воротами, и на дальнем конце они увидели несколько новых домов, двухэтажных, с узкими окнами, мрачных и совсем непохожих на ширские жилища.

Хоббиты стучали во внешние ворота и кричали, но сначала не было никакого ответа, а потом, к их удивлению, кто-то затрубил в рог, и в окнах вспыхнули огни. Чей-то гортанный голос прокричал в темноте:

— Кто такие? Убирайтесь! Хода нет. Не видите, что ли, объявления: не разрешается проход от заката до восхода солнца?

— Конечно не видим в темноте, — крикнул Сэм. — И если хоббитов будут держать снаружи ночью под таким дождем, я сорву ваше объявление, как только найду его.

Хлопнуло окно, и толпа хоббитов с фонарями вывалилась из дома справа. Они открыли боль-

шие ворота, и некоторые из них вышли на мост. Увидев путников, они испугались.

— Эй! — закричал Мерри, узнав одного из хоббитов. — Вы меня должны узнать, Хоб Хэйворд! Я Мерри Брендибак и хочу знать, что все это значит и что вы тут делаете?

— Будь я проклят! Это мастер Мерри, конечно, — удивился Хоб. — Говорили, что вы умерли! Погибли в Старом Лесу! Я рад вас видеть живым!

— Тогда перестаньте смотреть на меня через прутья и откройте ворота! — крикнул Мерри.

— Мне очень жаль, мастер Мерри, но у нас приказ.

— Чей приказ?

— Вождя из Бэг-Энда.

— Вождя? Вождя? Вы имеете в виду мастера Лото? — спросил Фродо.

— Полагаю, что так, мастер Бэггинс; но с некоторых пор мы говорим просто «Вождь».

— Надо же! — сказал Фродо. — Ну что же, я рад, что он прибавил весу семейству Бэггинсов. Но очевидно, пришло время заняться им по-семейному и поставить его на место.

Хоббиты за воротами притихли.

— Нехорошо так говорить, — сказал один из них. — А ну как он об этом узнает. И если вы буде-

те производить столько шуму, может проснуться Большой Человек Вождя.

— Мы его так разбудим, что ему не поздоровится, — сказал Мерри. — Если вы хотите сказать, что ваш драгоценный Вождь нанял разбойников с большой дороги, тогда мы пришли как раз вовремя.

Он соскочил с пони и, увидев в свете фонарей объявление, сорвал и перебросил его через ворота. Хоббиты попятились, не собираясь открывать.

— Давай, Пиппин! — сказал Мерри. — Вдвоем справимся.

Мерри и Пиппин взобрались на ворота, и хоббиты побежали. Еще раз прозвучал рог. В освещенном дверном проеме большого дома, стоявшего справа, показалась широкая кряжистая фигура.

— Что тут происходит? — взревел появившийся, выступая вперед. — Взлом ворот? Убирайтесь, или я сломаю ваши грязные маленькие шеи.

Но тут он остановился, увидев блеск мечей.

— Билл Ферни, — громко объявил Мерри, — если за десять секунд ты не откроешь ворота, то пожалеешь об этом. Я проучу тебя сталью, если ты не будешь повиноваться. А открыв ворота, ты

выйдешь из них и никогда больше не вернешься. Ты разбойник и грабитель с большой дороги.

Билл Ферни вздрогнул, подбежал к воротам и открыл их.

— Давай сюда ключ! — приказал Мерри.

Но разбойник проскочил мимо него и нырнул в темноту. Когда он пробегал мимо пони, один из них лягнул его сзади. Билл Ферни с криком полетел в ночь, и его больше не было слышно.

— Отличная работа, Билл! — засмеялся Сэм, имея в виду пони.

— Большому Человеку хватило, — сказал Мерри. — А с Вождем увидимся позже. Теперь важнее найти помещение на ночь, и поскольку вы, похоже, разрушили гостиницу у моста и поставили вместо нее эти отвратительные дома, ведите нас туда.

— Мне очень жаль, мастер Мерри, — сказал Хоб, — но это не разрешается.

— Что не разрешается?

— Впускать посторонних, есть лишнюю пищу и вообще все, — сказал Хоб.

— А почему? Выдался плохой год? Мне казалось, что лето было прекрасное и урожай должен быть хороший.

— Да, год был неплохой, — сказал Хоб. — И мы

вырастили богатый урожай, но точно не знаем, что с ним. Это всё «сборщики»: ходят повсюду, отбирают и говорят о запасах и о справедливом дележе. Но они больше отбирают, чем делят, а после мы собранного не видим.

Пиппин зевнул:

— Слишком утомительно для меня на ночь глядя. Дайте нам место, где мы могли бы поспать. Все равно оно будет лучше многих мест, которые мне приходилось видеть.

Хоббиты у ворот по-прежнему казались очень встревоженными: видимо, было нарушено еще какое-то правило. Но больше никто не противоречил таким опытным и вооруженным путникам, двое из которых были очень высоки и выглядели необыкновенно сильными. Фродо приказал снова закрыть ворота. Разумнее было сохранить предосторожности, пока вокруг бродят разбойники. Затем четверо хоббитов отправились в караульню и устроились там поудобнее. Это было голое и неприятное помещение с маленьким очагом, в котором нельзя было развести хороший огонь. На втором этаже стояли ряды твердых лежанок, а на стене висели объявления и своды каких-то правил. Пиппин сорвал их. Пива не было, а еды действительно оказалось слишком

мало, но с тем, что принесли с собой путники, ее хватило даже для небольшого пира. И Пиппин нарушил правило номер четыре, бросив в огонь большую часть дров.

— Покурим, пока вы расскажете нам о том, что происходит в Шире, — сказал он.

— Трубочного зелья нет, — ответил Хоб, — только для людей Вождя. Все запасы куда-то исчезли. Мы слышали, что большая телега с грузом отправилась из Саутфартинга по Старой Дороге через Брод Сарн. Это было в конце прошлого года, после вашего отъезда. Но с тех пор многое изменилось.

— Заткнись, Хоб Хэйворд! — закричали остальные. — Ты знаешь, что такие разговоры запрещены. Вождь узнает о них, и мы все поплатимся.

— Он ничего не узнал бы, если бы среди нас не было доносчиков, — горячо возразил Хоб.

— Ладно, ладно, — сказал Сэм. — Довольно. Не желаю больше слушать. Ни приветливой встречи, ни пива, ни курева, а вместо того — куча дурацких правил и оркской болтовни. Я надеялся отдохнуть, но теперь вижу, что предстоят сплошные труды и тревоги. Давайте спать и забудем обо всем до утра!

У новоявленного Вождя, очевидно, был способ узнавать новости. От моста до Бэг-Энда было доб-

рых сорок миль, но кто-то их быстро преодолел. Фродо и его друзья вскоре были обнаружены.

Никакого определенного плана у них не было, они просто предполагали сначала вместе отправиться в Крикхоллоу и немного отдохнуть. Но теперь, увидев, как складываются дела, решили направиться прямо в Хоббитон. Поэтому на следующее утро они неторопливо двинулись по дороге. Ветер прекратился, но небо по-прежнему было серым. Земля вокруг выглядела печальной и мрачной; правда, помимо всего прочего, было начало ноября, конец осени. И все же казалось, повсюду горит бессмысленно много костров, и то здесь, то там поднимается дым. Особенно большое облако было заметно издалека где-то над Вуди-Эндом.

Вечер застал хоббитов у Фрогмортона — деревни на дороге в двадцати двух милях от моста. Здесь они собирались переночевать: фрогмортонское «Плывущее бревно» считалось отличной гостиницей. Но, подъехав к восточной околице деревни, они увидели барьер и большое объявление, гласившее: «ПРОЕЗД ЗАКРЫТ». За барьером стоял большой отряд ширрифов с палками в руках и перьями на шляпах. Они выглядели одновременно важными и испуганными.

— Что здесь происходит? — спросил Фродо, чувствуя, что вот-вот рассмеется.

— А вот что, мастер Вэггинс, — ответил глава ширрифов, хоббит с двумя перьями на шляпе. — Вы арестованы за недозволенный проход через ворота, срывание объявлений, нападение на хранителя ворот, браконьерство, сон в помещении караульни и подкуп стражи едой.

— Еще что-нибудь? — спросил Фродо.

— Этого достаточно, — ответил главный ширриф.

— Могу кое-что добавить, — вмешался Сэм. — Обзывание вашего Вождя неподходящими словами, намерение ударить кулаком по его прыщеватой роже и выражение благодарности ширрифам за то, что они выглядят круглыми дураками.

— Потише, потише, господин хороший! Вождь приказал, чтобы вы вели себя спокойно. Мы отведем вас в Байуотер и передадим людям Вождя. И он разберет ваш случай, тогда и сможете представить ему объяснения. Но если вы не хотите надолго застрять в тюремных норах, советую вам помалкивать.

К удивлению ширрифов, Фродо и его товарищи расхохотались.

— Не говорите глупостей! — сказал Фродо. — Я пойду, куда и когда захочу. Сейчас я направляюсь по делу в Бэг-Энд, но, если вы хотите идти с нами, мы не возражаем.

— Хорошо, мастер Бэггинс, — сказал глава ширрифов, отводя барьер в сторону. — Но не забудьте, что я арестовал вас.

— Не забуду, — заверил Фродо. — Никогда не забуду. Хотя еще могу простить вас. Сегодня я не собираюсь идти дальше, поэтому можете отвести меня в «Плывущее бревно».

— Я не в праве этого делать, мастер Бэггинс. Гостиница закрыта. На том краю деревни есть помещение ширрифа. Я отведу вас туда.

— Ладно, — согласился Фродо. — Ступайте, мы пойдем за вами.

Сэм внимательно разглядывал ширрифов и вскоре увидел знакомого хоббита.

— Эй, Робин Смоллбарроу! — позвал он. — Иди сюда, я хочу поговорить с тобой.

Украдкой взглянув на предводителя, который выглядел рассерженным, но не решался вмешиваться, ширриф Смоллбарроу подошел к Сэму, который слез с пони.

— Послушай-ка, Робин, — сказал Сэм. — Ты ведь из Хоббитона, и у тебя должно было хватить

разума не устраивать засаду на мастера Фродо и вообще. И почему закрыта гостиница?

— Они все закрыты, — ответил Робин. — Вождь запретил пиво. С этого все и началось. И он не разрешает свободно передвигаться. Если хочешь куда-нибудь отправиться, нужно идти в дом ширрифа, объяснить дело и получить разрешение.

— Стыдно позволять такое, — сказал Сэм. — Тебе самому содержимое гостиницы нравилось больше, чем ее наружный вид. Ты всегда, по делу или без него, заходил туда.

— Я и сейчас хотел бы этого, Сэм. Но не думай обо мне слишком плохо. Что я могу сделать? Ты знаешь: я поступил в ширрифы семь лет назад, до того, как все это началось. Думал, что получу возможность побродить по стране, послушать новости и узнать, где лучшее пиво. Теперь же все по-другому.

— Но тогда уйди из ширрифов, если это стало плохим делом.

— Нам это не позволено.

— Если часто буду слышать «не позволено», рассержусь, — заявил Сэм.

— Я ведь тоже не могу сказать, что мне это нравится, — сказал Робин, понижая голос. — Если мы рассердимся все вместе, что-нибудь можно

будет сделать. Но люди, Сэм, люди Вождя... Он посылает их всюду, и если кто-нибудь из нас, маленьких хоббитов, заявляет о своих правах, его тащат в тюремные норы. Они взяли старого Флордамплинга, старого Уилла Витфута, мэра и еще многих других. Потом стало еще хуже. Они нас часто избивают.

— Зачем же служить им? — гневно спросил Сэм. — Кто послал тебя во Фрогмортон?

— Никто. Мы находимся здесь в доме ширрифа. Мы теперь Первый Истфартингский отряд. Большинство здесь против своей воли. Даже в Шире, впрочем, нашлись такие, которым нравится вмешиваться в чужие дела. Хуже того: некоторые шпионят для Вождя и его людей.

— Так вот как вы о нас узнали?

— Именно. Они используют старую почтовую службу и держат повсюду специальных бегунов. Один сегодня ночью прибыл с «секретным сообщением», а другой ушел отсюда. А утром поступил приказ арестовать вас и доставить в Байуотер, а не прямо в тюремные норы. Очевидно, Вождь сперва хочет посмотреть на вас.

— Боюсь, что скоро ему расхочется, — сказал Сэм.

Дом фрогмортонского ширрифа был не лучше,

чем дом у моста: одноэтажный, с узкими окнами, построенный из плохо пригнанных кирпичей. Внутри было сыро и неуютно.

Ужин стоял на длинном столе, который не мыли уже несколько недель. Да и пища была отвратительная. Путники с радостью оставили это место. До Байуотера оставалось восемнадцать миль, и они выступили в десять часов утра. Выступили бы и позже, но задержка явно раздражала главу ширрифов.

Западный ветер сменился северным, стало холодней, но вот дождь прекратился. Комичная кавалькада покидала деревню, хотя мало кто из жителей осмелился выйти посмотреть на нее. Дюжине ширрифов было приказано конвоировать «пленников», но Мерри заставил их идти впереди, а сами друзья поехали сзади. Мерри, Пиппин и Сэм смеялись, разговаривали и пели, а ширрифы брели впереди, стараясь выглядеть строгими и важными.

Фродо, однако, был молчалив и выглядел печальным и задумчивым.

Последним, кого они встретили в деревне, был крепкий старик, подрезавший живую изгородь.

— Эй! — усмехнулся он. — Кто кого арестовал?

Два ширрифа немедленно отправились к нему.

— Эй, ширриф! — крикнул Мерри. — Прикажи своим парням вернуться, если не хочешь, чтобы я занялся ими!

После окрика своего начальника два хоббита понурю поплелись назад.

— А теперь — марш! — скомандовал Мерри, и после этого путешественники следили за тем, чтобы их пони шли достаточно быстро и не давали ширрифам возможности оглядываться. Взошло солнце, и, несмотря на холодный ветер, ширрифы быстро вспотели и запыхались.

У Камня Трех Фартингов они сдались. Они преодолели почти четырнадцать миль с короткой остановкой в полдень. Было уже три часа. Ширрифы проголодались, стерли ноги и не могли идти дальше.

— Ну, доберетесь сами, — сказал Мерри. — Мы поедем вперед.

— До свидания, Робин! — сказал Сэм. — Я подожду тебя у «Зеленого дракона», если ты еще не забыл, где это. Не задерживайся в пути.

— Вы уходите из-под ареста — вот как это называется, — уныло сказал глава ширрифов. — Я снимаю с себя ответственность.

— Мы уже нарушили много правил и никого не просим отвечать за это, — сказал Пиппин.

— Желаю удачи!

Всадники двинулись вперед и, когда солнце уже покатилось к белым склонам далеко на западном горизонте, прибыли к широкому пруду у Байуотера. Здесь их ждала первая по-настоящему прискорбная неожиданность. Это была родина Сэма и Фродо, и они поняли, что все это время тосковали по ней. Но многие дома, которые они помнили, теперь исчезли. Некоторые словно сгорели. Привычный ряд хоббитских нор на северном берегу пруда был разрушен, небольшие сады, сбегавшие к самой воде, заросли сорняком. Хуже всего было то, что вдоль берега пруда, где проходила дорога на Хоббитон, был выстроен ряд безобразных новых домов. Раньше здесь была аллея. Теперь все деревья были вырублены. В отчаянии глядя в направлении Бэг-Энда, путники увидели в отдалении высокую кирпичную трубу. Из нее валил черный дым.

Сэм был вне себя.

— Я отправлюсь туда, мастер Фродо! — воскликнул он. — Я должен своими глазами увидеть! И я хочу отыскать своего старика.

— Сперва нужно выяснить, в чем дело, — сказал Мерри. — Я думаю, у Вождя при себе целая шайка разбойников. Лучше отыскать кого-нибудь, кто

объяснил бы нам, что к чему.

Но в Байуотере все дома и норы были закрыты и никто не встречал путников. Они удивились этому, однако вскоре поняли причину. Достигнув «Зеленого дракона», последнего дома со стороны Хоббитона, теперь безжизненного, с разбитыми окнами, они увидели с полдюжины больших, зловеще выглядевших людей, сидевших у стены гостиницы. Все они были смуглолицы и косоглазы.

— Похожи на друга Билла Ферни в Бри, — сказал Сэм.

— Похожи на многих в Исенгарде, — пробормотал Мерри.

В руках у разбойников были дубины, а на поясах рога, но больше никакого оружия не было видно. Когда путники подъехали ближе, разбойники отошли от стены и преградили им дорогу.

— Куда это вы направляетесь? — спросил один из разбойников, самый большой и злобный. — Дальше вам нельзя. И где эти замечательные ширрифы?

— Скоро придут, — ответил Мерри. — Они немного стерли ноги. Мы обещали подождать их здесь.

— Гарри, что я говорил? — сказал разбойник, об-

ращаясь к своим товарищам. — Я говорил Шарки, что нельзя доверять этим глупым коротышкам. Надо было послать наших парней.

— А зачем? — спросил Мерри. — Мы здесь не привыкли к разбойникам, но знаем, как с ними обращаться.

— К разбойникам? Вот вы, значит, как? Лучше смените тон, пока мы вам его не сменили. Вы, маленький народец, что-то слишком высоко задираете нос. Не очень-то полагайтесь на доброе сердце Хозяина. Пришел Шарки, и все будет так, как он говорит.

— И как же это? — спокойно поинтересовался Фродо.

— Пора эту страну разбудить и привести в порядок, — сказал разбойник, — и Шарки пришел, чтобы сделать это, и он будет действовать жестко, если вы его к этому подтолкнете. Вам нужен хозяин покрепче. И вы его получите еще до конца года, если все пойдет, как задумано. И уж тогда вы быстро усвоите пару простых вещей, крысиное племя!

— Что ж, рад был познакомиться с вашими планами, — сказал Фродо. — А теперь я намерен поговорить с Лото, и, возможно, ему будет интересно меня выслушать.

Разбойник захохотал:

— Лото! Ему все известно. Не волнуйтесь. Он делает все, что говорит Шарки. Потому что, если Вождь причиняет нам неприятности, мы можем заменить его.

Ясно? А если маленький народец сует свой нос куда не следует, мы сумеем удержать их подальше от греха. Понял?

— Да, я понял, — сказал Фродо. — Во-первых, я понял, что вы здесь отстали от времени. Многое случилось с тех пор, как вы ушли с Юга. Кончились дни ваши и всех остальных разбойников. Башня Тьмы рухнула, а в Гондоре есть король. Исенгард разрушен, а ваш драгоценный хозяин просит подаяния. Мы встретили его на дороге. По Гринвею скачут теперь посланники короля, а не вассалы Исенгарда.

Человек посмотрел на него и улыбнулся:

— Просит подаяния у дороги! Да неужто? Пой-пой, мой маленький хвастливый петушок! Этим ты нам не помешаешь жить в жирной, уютной стране, где вы слишком долго бездельничали. А что касается, — он щелкнул пальцами у Фродо под носом, — посланников короля, как бы не так! Вот увижу хоть одного, тогда, может, и обращу на него внимание.

Это было слишком для Пиппина. Он еще не забыл поле Кормаллен, а здесь косоглазый мошенник называет Хранителя Кольца «маленьким хвастливым петушком». Он распахнул плащ и выхватил меч. Блеснул черно-серебряный гвардейский мундир Гондора.

— Я посланник короля, — сказал он. — Как ты разговариваешь с другом короля и одним из самых славных героев Запада, ты, разбойник и дурак! На колени и проси прощения, пока я не всадил в тебя это проклятие троллей! — И его меч сверкнул в лучах заходящего солнца.

Мерри и Сэм тоже обнажили мечи и подъехали к Пиппину, но Фродо не двигался. И разбойники отступили. Их работой было пугать жителей Бри и колотить испуганных хоббитов. Бесстрашные хоббиты с острыми мечами и суровыми лицами явились для них неприятным сюрпризом. И в голосе пришельцев были нотки, которых они раньше не слышали. Они испугались.

— Ступайте прочь! — сказал Мерри. — И если снова потревожите поселок, пожалеете.

Три хоббита двинулись вперед, а разбойники повернули и побежали по дороге на Хоббитон. На бегу они затрубили в рога.

— Ну, мы прибыли вовремя, — сказал Мерри.

— Может, слишком поздно, по крайней мере для того, чтобы спасти Лото, — ответил Фродо. — Несчастный простофиля, жаль мне его.

— Спасти Лото? — удивился Пиппин. — Что ты имеешь в виду? Лучше скажи: прикончить его.

— Думаю, ты чего-то не понимаешь, Пиппин, — сказал Фродо. — Лото никогда не хотел, чтобы все так обернулось. Конечно, ума у него не палата, но теперь он сам попался. Грабители все делают от его имени. Он сам пленник в Бэг-Энде и наверняка испуган до полусмерти. Надо попытаться освободить его.

— Ну ты даешь! — пробормотал Пиппин. — Меньше всего я ожидал такого конца нашего путешествия — сражаться в самом Шире с полуорками и разбойниками, чтобы освободить прыщавого Лото!

— Сражаться? — переспросил Фродо. — Что ж, вероятно, дойдет и до этого. Но помните: нельзя убивать хоббитов, даже если они перешли на другую сторону. То есть на самом деле перешли, а не просто повиновались приказам разбойников, потому что испугались. Ни один хоббит не был убит в Шире, и не нужно начинать сейчас. И вообще лучше никого не убивать. Воздерживайтесь от этого до последней возможности!

— Но если этих разбойников много, — сказал Мерри, — то схватка неизбежна. Ты не сможешь освободить ни Лото, ни Шир, оставаясь печальным и бездеятельным, мой дорогой Фродо.

— Да, — согласился Фродо. — Второй раз испугать их так легко не удастся. Вы слышали голос рога? Очевидно, неподалеку есть еще разбойники. Нужно укрыться где-нибудь на ночь. В конце концов, нас всего четверо, хотя мы и вооружены.

— У меня идея! — сказал Сэм. — Идемте к старому Тому Коттону, на южной аллее. Он всегда был крепким парнем. И у него много сыновей, все они мои друзья.

— Нет, — возразил Мерри. — Нам не пристало «укрываться на ночь». Именно так здесь все поступали, и это нравится грабителям. Они тогда просто загонят нас в угол и захватят или сожгут. Нет, нужно сделать что-то другое.

— Что же? — спросил Пиппин.

— Поднять Шир! — ответил Мерри. — Немедленно! Разбудить всех! Вы сами видите: все недовольны, все, кроме нескольких мошенников и дураков, которые хотят быть важными и не понимают, к чему это ведет. Но народ Шира так долго жил в спокойствии, что не знает, как поступить. Нужна лишь спичка, и все вспыхнет. Люди

Вождя знают это. Они попытаются как можно быстрее покончить с нами. У нас очень мало времени. Сэм, если хочешь, беги на ферму Коттона. Он самый решительный из всех местных жителей. А я затрублю в роханский рог: пусть послушают незнакомую музыку.

Друзья двинулись назад через поселок. Сэм свернул в сторону и поскакал на юг, к Коттону. Не успев отъехать далеко, он услышал поднимающийся в небо чистый звук рога. Далеко над полями и холмами разносился он. И таким властным был его зов, что Сэм чуть не повернул и не поскакал назад. Его пони попятился и заржал.

— Вперед, старина! Вперед! — крикнул Сэм. — Мы скоро вернемся!

Тут он услышал, что Мерри изменил сигнал, и, потрясая воздух, взвился тревожный призыв Бакленда:

«Подъем! Берегись! Огонь! Враги! Подъем!»

«Огонь! Враги! Подъем!»

Сэм услышал хлопанье дверей и шум голосов. Впереди вспыхнули огни, залаяли собаки, послышался топот ног. И прежде, чем он добрался до конца аллеи, к нему подбежал фермер Коттон и трое его сыновей: Том, Джолли и Ник. В руках у них были топоры. Они преградили ему путь.

Сэм услышал голос их отца:

— Нет, это не один из тех разбойников. По виду хоббит, но очень странно одет. Эй! Кто ты такой и что здесь делаешь?

— Это я, Сэм, Сэм Гэмджи. Я вернулся.

Фермер Коттон подошел ближе и уставился на него в сумерках.

— Ну! — воскликнул он. — Голос похож, да и лицо тоже, Сэм. Но я не узнал бы тебя в этом наряде. Похоже, ты был в чужих землях. Мы боялись, что ты умер.

— А вот и нет! — крикнул Сэм. — И мастер Фродо тоже жив. Он здесь со своими друзьями. И еще суматоха началась. Они поднимают Шир. Мы хотим выгнать этих разбойников и их Вождя. Начинаем прямо сейчас.

— Хорошо, хорошо! — воскликнул фермер Коттон. — Наконец-то началось! Весь год я ждал этого, но наши не хотели слушать меня. И мне приходилось думать о жене и Рози. Эти разбойники никого не жалеют. Но идемте, парни! Байуотер встает! Мы должны принять участие.

— Как миссис Коттон и Рози? — спросил Сэм. — Не опасно ли оставлять их одних?

— Нибс остался с ними. Но можешь идти и помочь, если хочешь, — добавил фермер Коттон,

усмехнувшись, и вместе с сыновьями побежал к поселку.

Сэм поспешил к дому. У большой круглой двери на верху ступенек, ведущих с широкого двора, стояли миссис Коттон и Рози, а перед ними, потрясая вилами, маячил Нибс.

— Это я! — закричал Сэм, подбегая. — Сэм, Сэм Гэмджи! Не тыкай в меня, Нибс. На мне кольчуга.

Он соскочил с пони и побежал по ступенькам. Они молча смотрели на него.

— Добрый вечер, миссис Коттон! — поклонился Сэм. — Привет, Рози!

— Здравствуй, Сэм! — ответила Рози. — Где ж ты был? Говорили, что ты умер, но я все равно жду тебя с самой весны. Ты не очень торопился с возвращением.

— Может, и так, — смущенно сказал Сэм. — Но сейчас я тороплюсь. Мы решили прогнать разбойников, и я должен вернуться к мастеру Фродо. Но я прежде должен был взглянуть, как вы здесь, миссис Коттон, и ты, Рози.

— Все хорошо, спасибо, — ответила миссис Коттон. — Вернее, было бы хорошо, если бы не эти воры и грабители.

— Ну, хватит, — сказала Рози. — Если ты все

время был с мастером Фродо, то зачем ты его оставил, когда стало опасно?

Это было слишком для Сэма. Не зная, что ответить, он повернулся и сел на пони. Но когда уже собрался уезжать, Рози сбежала со ступенек.

— Ты хорошо выглядишь, Сэм, — сказала она. — Ступай! Но береги себя и не задерживайся, когда покончите с этими разбойниками!

Вернувшись, Сэм увидел всю деревню на ногах. Кроме множества молодых парнеьков, здесь собралось свыше ста крепких хоббитов с топорами, тяжелыми молотами, длинными ножами и прочными палками. У нескольких были охотничьи луки. Из близлежащих ферм подходили всё новые.

Развели большой костер, чтобы подбодриться, а также потому, что это было запрещено Вождем. Костер ярко пылал в ночи. По приказу Мерри устанавливались баррикады с обоих концов поселка. Когда ширрифы подошли к поселку, они были ошарашены, но, поняв, что происходит, большей частью сорвали свои перья и присоединились к восставшим. Остальные убежали.

Фродо и его друзья разговаривали у костра со старым Томом Коттоном, а восхищенная толпа байуотерцев стояла вокруг и смотрела на них.

— Итак, каким будет следующий ход? — спросил фермер Коттон.

— Не могу сказать, — ответил Фродо, — пока не узнаю больше. Сколько здесь этих разбойников?

— Сосчитать непросто. Они все время передвигаются, приходят и уходят. Около пятидесяти в бараках в Хоббитоне. Но оттуда они все время разбредаются воровать и грабить, или «собирать», как они говорят. Но вокруг Хозяина, как они его называют, всегда не менее двух десятков. Вообще-то Вождя уже около двух недель никто не видел: люди никого к нему не пускают.

— Хоббитон — единственное место, где они живут? — спросил Пиппин.

— К сожалению, нет, — ответил Коттон. — Я слышал, у них лагеря на юге в Лонгботтоме и у Брода Сарн. Еще они бродят у Вуди-Энда, и у перекрестка дорог у них есть лачуги. И еще — тюремные норы, как они их называют, — старые запасные туннели в Майкл-Дельвинге, которые они превратили в темницу для непокорных. Я считаю, что их в Шире всего около трехсот, а то и меньше. Мы справимся с ними, если будем действовать сообща.

— Какое у них оружие? — спросил Мерри.

— Кнуты, ножи, дубины — все, что нужно для

их грязной работы, — сказал Коттон. — Но думаю, если дело дойдет до схватки, у них найдется и что-нибудь похуже. У некоторых из них есть луки. Одного-двух наших они подстрелили.

— Видишь, Фродо! — заметил Мерри. — Я знал, что дело дойдет до схватки. Они сами начали убивать.

— Не совсем так, — возразил Коттон. — Первыми стреляли не они. Начали Туки. Видите ли, мастер Перегрин, ваш папаша никогда не желал иметь ничего общего с Лото, с самого начала. Говорил, что если кто и будет Вождем Шира, то не этот выскочка. И когда Лото послал своих людей, они не смогли добраться до Туков. У Туков глубокие норы в Зеленых Холмах, Большой Смайле и все остальные. И они не пустили разбойников в свои земли. Когда те попытались туда войти, Туки обстреляли их и троих застрелили. С тех пор разбойники внимательно следят за Туками и Туклендом. Никого не впускают туда и не выпускают оттуда.

— Молодцы Туки! — воскликнул Пиппин. — Но кому-то нужно туда идти. Я отправляюсь в Смайле. Кто со мной в Такборо?

Пиппин уехал с полдюжиной парней на пони.

— Скоро увидимся! — крикнул он. — Туда всего

четырнадцать миль полями. Утром я приведу сюда армию Туков.

Мерри затрубил в рог, и хоббиты разразились воинственными криками.

— Все равно, — сказал Фродо, обращаясь ко всем, кто стоял поблизости, — я считаю, не надо никого убивать, даже разбойников. Разве что этого действительно нельзя будет избежать, чтобы не дать им причинить вред хоббитам.

— Ладно! — сказал Мерри. — Но мы можем ждать нападения из Хоббитона в любую минуту. Теперь они придут не для разговоров. Попытаемся кончить по-хорошему, но готовиться надо к худшему. У меня есть план.

— Очень хорошо, — сказал Фродо. — Займись подготовкой.

Прибежали несколько хоббитов, посланных к Хоббитону.

— Идут! — кричали они. — Больше двух десятков. А двое отправились на запад.

— К перекрестку дорог, должно быть. Собирать всю банду. Ну, туда пятнадцать миль, так что о них пока можно не беспокоиться, — сказал Коттон.

Мерри спешно отдавал приказы. Фермер Коттон расчистил улицу, посылая всех домой, за

исключением старших хоббитов. Ждать пришлось недолго. Вскоре послышались громкие голоса и тяжелый топот. На дороге появился отряд разбойников.

Они увидели барьеры и засмеялись, поскольку и представить себе не могли, что в этой маленькой стране кто-то сможет противостоять двадцати разбойникам.

Хоббиты отодвинули барьер и отошли в сторону.

— Вот спасибо! — издевались люди. — А теперь быстренько домой и в постельку, пока вас не угостили кнутом. — И они двинулись по улице с криками: — Погасить огни! Все по домам и не высовываться! Или мы полсотни ваших отправим в тюремные норы на год. Хозяин и так уже сердится!

Никто, конечно, не слушался их приказов. Когда разбойники прошли, хоббиты задвинули барьер и направились следом. Люди подошли к костру, возле которого в одиночестве стоял фермер Коттон и грел руки.

— Ты кто такой? И что тут делаешь? — спросил предводитель разбойников.

Фермер Коттон медленно повернулся к нему.

— Я как раз собирался у вас спросить о том же,

— сказал он. — Это наша страна, и вас сюда не звали.

— Ну так позовете! — зарычал предводитель. — Взять его, парни! В тюрьму, и всыпьте ему, чтобы утихомирить.

Люди шагнули вперед и остановились. Вокруг них послышался гул голосов, и они внезапно поняли, что фермер Коттон вовсе не один. Они были окружены. В темноте на краю света от костра кольцом стояли хоббиты, подкравшиеся в тени. Их было не менее двухсот, и все вооруженные.

Вперед вышел Мерри.

— Мы уже встречались, — сказал он предводителю, — и я предупреждал, чтобы вы не возвращались. Теперь снова предупреждаю: вы стоите на свету и окружены лучниками. Если хоть пальцем тронете этого фермера или еще кого-нибудь, будете немедленно застрелены. Сложите оружие!

Предводитель огляделся. Он был в ловушке. Но, чувствуя за собой поддержку двадцати товарищей, не испугался. Он слишком плохо знал хоббитов и не понимал всей опасности. И принял неразумное решение сражаться. Ему показалось, что они легко прорвутся.

— Вперед, ребята! — закричал он. — Бей их!

С длинным ножом в одной руке, с дубиной — в другой он устремился из светлого круга, стараясь пробиться к Хоббитону. На его пути стоял Мерри. Предводитель занес дубину, собираясь нанести жестокий удар. Но упал, мертвый, пронзенный четырьмя стрелами.

Для других этого было достаточно. Они сдались. У них отобрали оружие, связали, загнали в пустой барак и там оставили под охраной. Мертвого предводителя оттащили и закопали.

— Оказывается, это совсем нетрудно, — проговорил Коттон. — Я говорил, что мы можем справиться с ними. Нам нужен был лишь сигнал. Вы вовремя появились, мастер Мерри.

— Еще многое нужно сделать, — ответил на это Мерри. — Если ваши подсчеты верны, здесь их не больше десятой части. Но сейчас темно. Я думаю, следующего удара нужно ждать утром. После этого мы сможем поговорить с Вождем.

— А почему не прямо сейчас? — сказал Сэм. — Времени — около шести. И я хочу повидаться со своим стариком. Вы не знаете, что с ним, мастер Коттон?

— Не слишком хорошо, но и не слишком плохо, Сэм, — ответил фермер. — Перекопали Бэгшот-Роу, а для него это был тяжелый удар. Он в одном

из новых домов, которые строили люди Вождя в свободное от грабежей и воровства время, — в миле от окраины Байуотера. Он часто приходил ко мне, и я следил, чтобы его кормили получше, не то что некоторых наших бедняков. Всё вопреки правилам, конечно. Я оставил бы его у себя, но это не было позволено.

— Спасибо, мастер Коттон, я никогда не забуду этого, — сказал Сэм. — Но я хочу его видеть. Этот Хозяин и этот Шарки, о которых они говорили, ничего не предпримут до утра.

— Ладно, Сэм, — сказал Коттон. — Подбери парочку парней и отведи отца в мой дом. Мой Джолли покажет тебе дорогу.

Сэм ушел. Мерри организовал патрули вокруг поселка и ночную охрану. Потом он и Фродо пошли с фермером Коттоном.

Они сидели с семьей фермера в теплой кухне, и Коттон вежливо расспрашивал их о путешествии, но едва слушал ответы: его гораздо больше интересовали события в Шире.

— Все началось с Прыщавого, как мы его называем, — сказал фермер Коттон, — и началось вскоре после вашего отъезда, мастер Фродо. У него забавные идеи, у этого Прыщавого. Похоже, он хотел обладать всем и все привести в порядок

по-своему. Он начал скупать все вокруг, хотя, где он брал для этого деньги, — так и не известно: мельницы, солодовни, гостиницы, фермы и плантации листа. Он и мельницу Сэндимена купил, кажется, еще до того, как явился в Бэг-Энд. Конечно, отец в Саутфартинге кое-что ему оставил, и он отправлял куда-то лучший лист. Но в конце прошлого года он начал отправлять большие грузы, и не только лист. Приближалась зима. Народ рассердился, но у Лото на все находился ответ. Много людей, главным образом разбойников, явилось в больших фургонах, некоторые увозили на юг товары, другие остались здесь. Их прибывало все больше. И прежде, чем мы поняли, что происходит, в Шире они были уже повсюду: рубили деревья, копали, строили для себя амбары и дома. Сначала Прыщавый платил за товары и возмещал убытки, а потом люди начали просто так отбирать все, что им нравилось. Были волнения, но слабые. Старый Уилл, мэр, отправился в Бэг-Энд с протестом, да так и не вернулся. Разбойники схватили его и заперли в Майкл-Дельвинге. Он там до сих пор сидит. После этого Прыщавый объявил себя Вождем ширрифов, или просто Вождем, и делал все, что хотел. И если кто-то становился «высокомерным» — так

они это называют, — то следовал за Уиллом. Дела шли все хуже и хуже. Не было зелья ни для кого, кроме людей. Вождь не разрешал никому, кроме людей, пить пиво и закрыл все гостиницы. И всюду — правила, так что нельзя было даже ничего спрятать, когда шли эти грабители и отбирали наше добро «для правильного распределения». А это означало, что у них есть, а у нас нет. Но с тех пор, как появился Шарки, все пошло еще хуже.

— Кто такой этот Шарки? — спросил Мерри. — Я слышал, как один из разбойников говорил о нем.

— Главный разбойник, наверное, — ответил Коттон. — Во время последней жатвы, в сентябре, мы впервые услышали о нем. Мы его никогда не видели, но он в Бэг-Энде, он и есть настоящий Вождь, я думаю. Все разбойники делают то, что он говорит, а он обычно говорит: рубить, жечь, разрушать, а теперь, похоже, и убивать. В их действиях нет никакого смысла. Они валят деревья и оставляют их гнить, жгут дома и не строят новых. Возьмите мельницу Сэндимена. Прыщавый снес ее, как только поселился в Бэг-Энде. Потом привел много людей, которые должны были построить другую, гораздо большую мельницу, со множеством колес и разных иностранных хитроумных приспособлений. Только глупый Тэд

был доволен этим, и теперь он работает там, где отец его был хозяином: чистит колеса для этих чужеземцев. Идея Прыщавого заключалась в том, чтобы молоть больше и быстрее. Но прежде, чем молоть, нужно иметь зерно для помола, а его стало не больше, а меньше. С тех пор как явился Шарки, на мельнице вообще ничего не мелют. Там все время стучат молотки, оттуда валит дым и распространяется зловоние, и нет больше мира в Хоббитоне. Всю грязь спускают в воду, а оттуда она попадает в Брендивайн. Если они собираются превратить Шир в пустыню, то идут верным путем. Не думаю, что за всем этим стоит дурак Прыщавый. Это Шарки.

— Верно, — подхватил Том. — Они ведь взяли даже старую Лобелию, а Лото любил свою мать, хоть больше никто ее не любил. Некоторые жители Хоббитона видели ее. Она шла вниз по аллее со своим старым зонтиком. Навстречу ей несколько разбойников с большой телегой.

«Куда это вы?» — спросила она.

«В Бэг-Энд!»

«Зачем?»

«Строить амбары для Шарки».

«А кто велел?»

«Шарки, — ответили они. — Прочь с дороги,

старая перечница!»

«Я покажу вам Шарки, грязное ворье!» — закричала Лобелия, подняла свой зонтик и набросилась на предводителя разбойников, который был вдвое выше ее ростом. Ну, они и схватили ее. Потащили в тюремные норы, и это в ее-то возрасте. Там видели и других, которых мне жаль больше, но нельзя отрицать, что она оказалась смелее всех.

Во время этого разговора пришел Сэм со своим отцом. Почтенный старик выглядел не намного старше, но слегка оглох.

— Добрый вечер, мастер Бэггинс, — сказал он. — Рад видеть вас в добром здравии. Но у меня есть на вас зуб, так сказать, если позволите говорить откровенно.

Вам не следовало продавать Бэг-Энд. С этого и начались все неприятности. И пока вы блуждали по чужим землям, охотились за Черными Людьми, если мой Сэм говорит правду, хотя я не совсем его понял, они здесь перекопали Бэгшот-Роу и погубили мой картофель.

— Мне очень жаль, мастер Гэмджи, — сказал Фродо. — Но я вернулся и постараюсь возместить вам потери.

— Лучше и сказать нельзя, — заметил старик.

— Мастер Фродо Бэггинс — настоящий джентльхоббит, как я всегда говорил, чего не скажешь о некоторых других представителях этой фамилии, прошу вашего прощения. Надеюсь, мой Сэм вел себя хорошо и вы довольны?

— Вполне доволен, мастер Гэмджи, — сказал Фродо. — Вы можете не поверить, но он теперь одна из самых известных личностей во всем Средиземье, и о его подвигах слагают песни отсюда до самого Моря по обоим берегам Великой Реки.

Сэм покраснел, но с благодарностью посмотрел на Фродо: глаза Рози сверкали и она улыбалась ему.

— Верится с трудом, — сказал старик, — хотя я вижу, что он побывал в странном обществе. Что это за наряд? Пришла же фантазия — носить на себе всякие железяки!

Семья фермера Коттона и его гости на следующее утро встали рано. Ночью ничего не было слышно, но день, несомненно, должен был принести новые осложнения.

— Похоже, никого из разбойников не осталось в Бэг-Энде, — сказал Коттон, — но банда с перекрестка дорог может нагрянуть с минуты на минуту.

После завтрака появился вестник из Тукленда.

Он был в приподнятом настроении.

— Тэйн поднял всю нашу землю, — заявил он, — и во все стороны, как огонь, разлетаются новости. Разбойники, сторожившие нас, бежали на юг — те, что уцелели. Тэйн пошел за ними, чтобы преградить дорогу большой банде. А мастера Перегрина с отрядом он послал сюда.

Следующие новости были не такими хорошими. Мерри, отсутствовавший всю ночь, прискакал в десять часов.

— Большая банда в четырех милях отсюда, — сказал он. — Идут по дороге от перекрестка. К ним присоединилось много отбившихся разбойников. Их около сотни.

— Да, эти не станут разговаривать. Они сразу начнут убивать, — сказал фермер Коттон. — Если Туки не подойдут раньше, нам лучше уйти в укрытие и стрелять оттуда без предупреждения. Все-таки придется сражаться, мастер Фродо.

Туки пришли раньше. Вскоре показалась сотня хоббитов из Такборо и с Зеленых Холмов во главе с Пиппином. Теперь у Мерри было достаточно сил, чтобы справиться с грабителями.

Разведчики сообщили, что разбойники держатся вместе. Они знали, что страна поднялась против них, и, очевидно, решили безжалостно

расправиться с восстанием в самом его центре — в Байуотере. Но среди них, по-видимому, не было предводителя, опытного в военном искусстве. Они шли без всяких предосторожностей. Мерри быстро изложил свой план.

Разбойники шумно, с топотом, шли по восточной дороге. Не останавливаясь, они свернули на Байуотерскую дорогу, которая на небольшом расстоянии спускается между высокими откосами с низкими ивовыми зарослями наверху. За поворотом, примерно в одной восьмой мили от главной дороги, они встретили баррикаду из старых фермерских телег, наваленных друг на друга. Это их остановило. В тот же миг они увидели, что изгороди над их головами полны хоббитов. За ними другие хоббиты громоздили одну на другую спрятанные в поле телеги, отрезая им путь назад. Сверху послышался голос Мерри:

— Итак, вы в ловушке. И с вашими товарищами из Хоббитона произошло то же самое: один из них мертв, остальные в плену. Бросайте оружие! Потом отступите на двадцать шагов и садитесь. Кто не послушается, будет застрелен.

Но разбойников было не так легко запугать. Некоторые попытались повиноваться, однако другие тут же одернули их. Около двух десятков

нападающих повернули и ударили по второй баррикаде.

Шестерых застрелили, остальные прорвались, убив двух хоббитов, и рассыпались по полям, направляясь к Бэг-Энду. Еще двоих застрелили во время бегства. Мерри громко затрубил в рог, и на расстоянии послышался ответ.

— Они не уйдут далеко, — сказал Пиппин. — Теперь по всей стране наши охотники.

В ловушке оставалось около восьмидесяти человек. Они пытались взобраться на баррикаду или на откосы, хоббиты были вынуждены стрелять или рубить их топорами. Но самые сильные все же пробились на западную сторону и с яростью набросились на противника, скорее склонные теперь убивать, а не спасаться бегством. Погибло семь хоббитов, остальные дрогнули. Тогда Мерри и Пиппин, находившиеся с разных сторон, напали на разбойников. Мерри убил предводителя, косоглазого гиганта, похожего на большого орка. Потом он повел свои силы, окружая оставшихся людей кольцом лучников.

И скоро все было кончено. Около семидесяти разбойников мертвыми лежали в полях и дюжина попала в плен. Было убито девятнадцать хоббитов и около тридцати получили ранения.

Мертвых разбойников погрузили на телеги, отвезли в заброшенный песчаный карьер и там похоронили. Впоследствии это место было названо Ямой Битвы. Погибших хоббитов положили в общей могиле на склоне холма, позже тут поставили большой камень, а вокруг разбили сад. Так завершилась битва при Байуотере 1419 года, последняя битва в Шире и единственная после сражения на Зеленых Полях 1147 года в Нортфартинге. Глава об этих событиях появилась в Красной Книге, а имена всех участников были занесены в особый список и изучались всеми историками Шира. С этой даты начинается слава и известность Коттонов, но возглавляют список имена капитанов Мериадока и Перегрина.

Фродо участвовал в схватке, но не обнажил меча и главным образом удерживал хоббитов, не давая убивать тех, кто бросил оружие. Когда битва кончилась и были организованы все нужные работы, Мерри, Пиппин и Сэм присоединились к нему и поехали обратно к Коттонам. Они подкрепились, и Фродо со вздохом сказал:

— Ну что ж, вероятно, пора говорить с Вождем?

— Да, и чем скорее, тем лучше, — согласился Мерри. — И не будь слишком мягким! Он ответствен за появление этих разбойников и за все

причиненное ими зло.

Фермер Коттон собрал эскорт из двух дюжин крепких хоббитов.

— Это только предположение, что в Бэг-Энде нет больше разбойников, — сказал он. — Мы точно не знаем.

И они двинулись пешком. Впереди шли Фродо, Сэм, Мерри и Пиппин.

Это был один из самых печальных моментов в их жизни. Перед ними поднялась большая труба. И когда через ряд новых домов по обе стороны дороги подошли ближе к старому поселку, увидели новую мельницу, во всем ее безобразии: большое кирпичное здание, перегородившее ручей и наполнявшее его грязью и зловонием. Все деревья вдоль Байуотера и дороги были спилены.

Перешли мост и, взглянув на холм, были потрясены. Даже Сэм, смотревший в зеркало, не был готов к увиденному. Старый амбар на западной стороне был снесен, и его место занял ряд приземистых, вымазанных смолой бараков. Весь орешник вырублен. Живые изгороди выкорчеваны. По всему голому вытоптанному полю в беспорядке стояли большие телеги. Посреди Бэг-шот-Роу зияли песчаный и гравийный карьеры. Бэг-Энд не был виден из-за большого скопления

хижин.

— Они всё срубили! — сокрушался Сэм. — Они срубили дерево Бильбо! — И он указал на то место, где стояло дерево, под которым Бильбо произносил свою прощальную речь. Теперь это дерево, высохшее, с отрубленными ветвями, лежало в поле. Этого последнего удара Сэм не выдержал и залился слезами.

Конец им положил внезапно раздавшийся смех. Это был неотесанный хоббит, стоявший у низкой стены мельничного двора. У него было грязное лицо и черные руки.

— Что, Сэм, не нравится? — насмехался он. — Ты всегда был неженкой. Я думал, ты уплыл на кораблях, о которых всегда болтал. Чего тебе здесь нужно? У нас в Шире работников хватает.

— Вижу, — ответил Сэм. — Некогда умыться, но достаточно времени, чтобы стены подпирать. Послушай, мастер Сэндимен, у меня немалый счет в этой деревне, не удлиняй его своими насмешками, а то тебе до конца жизни со мной не расплатиться.

Тэд Сэндимен сплюнул через стену.

— Гарн! — сказал он. — Ты меня не тронешь, я это, друг самого Хозяина. А вот он-то уж тя тронет как следует, коли будешь раскрывать рот.

— Не трать слов на дурака, Сэм! — сказал Фродо. — Надеюсь, немногие хоббиты похожи на него. Это было бы худшим из всего вреда, нанесенного нам людьми.

— Ты грязен и невежествен, Сэндимен, — сказал Мерри. — И не очень хорошо соображаешь. Мы как раз идем на холм, чтобы убрать твоего драгоценного Хозяина. С его людьми мы уже разделались.

Тэд разинул рот, впервые заметив эскорт, который по знаку Мерри начал переходить мост. Нырнув в мельницу, он выбежал с рогом и громко затрубил.

— Побереги дыхание! — засмеялся Мерри. — Давай лучше я...

Подняв свой серебряный рог, он затрубил в него, и его чистый звук полетел над холмами. Из нор, лачуг и домов Хоббитона в ответ понеслись крики. Многочисленные хоббиты с громкими приветствиями выбежали и последовали за отрядом к Бэг-Энду.

В верхней части аллеи отряд остановился, а Фродо и его друзья продолжали подъем. Наконец они пришли на некогда любимое свое место. Сад был забит хижинами и навесами, некоторые были построены так близко к окнам, что закрывали

свет. Повсюду груды мусора. Дверь изрублена, дверной колокольчик сорван. Стук в дверь ни к чему не привел. Пришедшие толкнули ее, и дверь подалась. Они вошли. Внутри царили грязь и беспорядок. Стоял отвратительный запах. По-видимому, здесь уже давно никто не жил.

— Где прячется этот жалкий Лото? — недоумевал Мерри. Они обыскали все комнаты и не нашли никого, кроме крыс и мышей. — Не вернуться ли поискать в бараках?

— Это хуже, чем Мордор, — сказал Сэм. — Гораздо хуже. Беда пришла к тебе в дом.

— Да, это Мордор, — согласился Фродо. — Это его работа. Саруман все время выполнял ее, хотя и думал, что действует в своих интересах. То же самое с теми, кого Саруман обманул, как Лото.

Мерри в отчаянии и отвращении оглянулся.

— Идемте отсюда! — сказал он. — Если бы я знал об этом раньше, я заткнул бы Саруману глотку своим кисетом.

— Несомненно, несомненно! Но вы этого не сделали, и поэтому я могу приветствовать вас дома. — У двери стоял сам Саруман. Он выглядел сытым и довольным, глаза его блестели от злорадства и удовольствия.

Внезапно Фродо все понял.

— Шарки! — воскликнул он.

Саруман засмеялся:

— Значит, вы слышали это имя? Так меня называли мои люди в Исенгарде. Знак восхищения, я думаю[2]. Но, как видно, вы не ожидали встретить меня здесь.

— Не ожидал, — сказал Фродо. — Но должен был догадаться. Гэндалф предупреждал меня, что вы еще способны принести вред.

— Совершенно верно, — согласился Саруман и добавил: — и не просто вред. Вы, хоббиты, вообразившие себя повелителями, заставили меня хохотать, когда проехали вместе с этими великими господами, такие уверенные, такие самодовольные. Вы решили, что хорошо со всем справились и теперь можете просто вернуться и спокойно жить в своей стране. Дом Сарумана разрушен, сам он изгнан, но вас-то уж никто не тронет. О нет! — Саруман снова засмеялся. — Гэндалфу нет больше дела до вас. Когда его инструменты выполнили работу, он их бросает. Можете бегать за ним, тратить зря время, болтать и ездить вдвое более далеким путем, чем нужно. Что ж, подумал я, если они такие глупцы и дают

---

[2] Примечания: 2

Вероятно, происходит от оркского *шарку* — старик. — *Примеч. автора.*

мне возможность опередить их, я им преподам урок. Одна злая перемена влечет за собой другую. Урок был бы гораздо внушительнее, если бы вы дали мне чуть больше времени и людей. И все же я многое успел, и вам теперь придется потрудиться, чтобы исправить сделанное. И мне будет приятно помнить и об этом, а не только о нанесенных мне обидах.

— Что ж, если вы находите в этом удовольствие, — сказал Фродо, — мне жаль вас. Уходите немедленно и никогда не возвращайтесь!

Хоббиты из отряда заметили Сарумана и теперь столпились у дверей Бэг-Энда. Услышав слова Фродо, они гневно загомонили:

— Не отпускайте его! Смерть ему! Он негодяй и убийца.

Саруман посмотрел на их враждебные лица и усмехнулся:

— «Смерть ему!» Убейте меня, если можете, если это в ваших силах, мои храбрые хоббиты. — Он распрямился и мрачно посмотрел на них своими темными глазами. — Но не думайте, что, утратив свою власть, я вместе с ней потерял и силу! Ударивший меня будет проклят! И если моя кровь обагрит Шир, он заболеет и никогда не поправится.

Хоббиты отступили. Но Фродо сказал:

— Не верьте ему! Он потерял свое могущество. Остался лишь голос, который еще способен обманывать. Но я не позволю его убить. Бессмысленно на месть отвечать местью — это никому не поможет. Ступайте прочь, Саруман, кратчайшим путем.

— Червь! Червь! — позвал Саруман, и из ближайшего барака с видом побитой собаки вышел Змеиный Язык. — Опять в дорогу, Червь, — сказал Саруман. — Эти славные великодушные парни опять выгоняют нас из дому. Прочь отсюда!

Саруман повернулся, собираясь уходить, и Змеиный Язык поспешил за ним. Но когда Саруман проходил мимо Фродо, в его руке сверкнул нож, и он быстро ударил. Лезвие попало в скрытую под одеждой кольчугу и сломалось. Хоббиты во главе с Сэмом схватили негодяя и повалили на землю. Сэм выхватил меч.

— Нет, Сэм! — крикнул Фродо. — Не убивай его даже теперь. Он не повредил мне. Во всяком случае, я не хочу, чтобы его убивали в таком состоянии. Некогда он был велик и благороден, и мы никогда не посмели бы посягнуть на него. Он пал, и мы не можем помочь ему. Но я пощажу его в надежде, что для него еще возможно

исцеление.

Саруман поднялся и взглянул на Фродо. Это был странный взгляд, в котором смешались удивление, уважение и ненависть.

— Ты вырос, халфлинг, — сказал он. — Да, сильно вырос. Ты мудр и жесток. Ты отравил мне радость мщения своей мягкостью, и я, по твоей милости, пойду отсюда отравленный горечью. Ненавижу тебя и твое великодушие. Я уйду и больше не стану тебя тревожить. Но не жди от меня пожеланий здоровья и долгой жизни. Не будет тебе ни того, ни другого. Жаль только, не моя это заслуга. Я лишь предсказываю.

Он пошел, и хоббиты расступились, образовав проход. Их кулаки сжимались, они хватались за оружие. Змеиный Язык на мгновение поколебался и все же последовал за хозяином.

— Змеиный Язык! — окликнул Фродо. — Вы можете не идти за ним. Вы не причинили мне никакого зла. Можете отдохнуть и подкормиться у нас, а когда окрепнете, пойдете, куда захотите.

Змеиный Язык остановился и посмотрел на него, готовый остаться. Саруман обернулся.

— Никакого зла? — хихикнул он. — О да! Он ведь выползал по ночам, только чтобы полюбоваться на звезды. Но я не слышу, чтобы кто-нибудь спро-

сил, где прячется бедный Лото. Ты ведь знаешь, а, Червь? Расскажи им!

Змеиный Язык припал к земле и заскулил:

— Нет, нет!

— Ну, тогда я скажу, — заявил Саруман. — Червь прикончил вашего Вождя, этого бедного идиота, нашего прекрасного маленького Хозяина. Не так ли, Червь? Ударил его ножом во сне. И закопал. Так что ошибаетесь, Червь тоже кое в чем отличился. Оставьте его мне.

Дикая ненависть сверкнула в налитых кровью глазах Змеиного Языка.

— Вы приказали мне, вы заставили меня, — прошипел он.

Саруман рассмеялся.

— Ты всегда делал то, что говорил Шарки. Верно, Червь? Ну, а теперь Шарки говорит: за мной! — Он пнул Змеиного Языка, лежавшего на земле, повернулся и пошел. Но Змеиный Язык неожиданно вскочил, выхватил спрятанный нож, с ворчанием, как собака, прыгнул на спину Сарумана, дернул его голову назад, перерезал горло и с криком побежал по дороге. Прежде чем Фродо смог что-либо сказать, прозвенели тетивы трех луков, и Змеиный Язык упал, сраженный насмерть.

К общему изумлению, вокруг тела Сарумана собрался серый туман и медленно поднялся на большую высоту, как столб огня. Большая, завернутая в саван фигура нависла над холмом. Она дрожала, глядя на запад. Но с запада подул холодный ветер, призрак покачнулся и со вздохом растаял.

Фродо с ужасом и жалостью смотрел на тело, и ему показалось, что в нем происходят быстрые изменения. Лицо сморщилось, и вскоре лишь тонкая черная кожа обтягивала череп.

Подняв кусок грязной ткани, лежавший рядом, Фродо закрыл им тело и отвернулся.

— Вот и все, — сказал Сэм. — Страшный конец, и лучше бы я его не видел. Но может, так оно и лучше.

— Надеюсь, что это конец и войне, — сказал Мерри.

— Я тоже, — проговорил Фродо и вздохнул. — Самый последний удар. И только подумать, что он упал здесь, у самой двери Бэг-Энда. Во всех своих страхах и надеждах ничего подобного я не мог вообразить.

— А я не стал бы говорить о конце, пока мы не расчистим всю грязь, — сказал Сэм угрюмо. — Ох и много же времени и труда уйдет на это!

Глава IX

Серая Гавань

Очищение действительно потребовало большого труда, но, вопреки опасениям Сэма, гораздо меньше времени. На следующий день после сражения Фродо поехал в Майкл-Дельвинг и освободил из тюремных нор пленников. И первым, кого он там встретил, оказался бедняга Фредегар Болджер, уже не Фэтти. Он попался, когда разбойники захватили отряд восставших, который он вел из укрытия в холмах Скари.

— Лучше бы ты отправился с нами, бедный старина Фредегар! — сказал Пиппин, когда Болджера принесли, слишком слабого, чтобы ходить.

Болджер открыл глаза и предпринял доблестную попытку улыбнуться.

— Кто этот юный гигант с громким голосом? — прошептал он, — Неужели маленький Пиппин? Какой же теперь у тебя размер шляпы?

Тут была и Лобелия. Бедняжка, она выглядела очень старой и худой, когда ее вывели из темной тесной норы. Она настояла на том, чтобы идти самостоятельно. И ее так приветствовали, так

восторженно хлопали и кричали, когда она появилась, опираясь на руку Фродо, по-прежнему сжимая свой зонтик, что она была тронута и даже расплакалась. Никогда в жизни она не была так популярна. Но известие о смерти Лото сразило ее, и она не захотела возвращаться в Бэг-Энд. Она вернула его Фродо и уехала к своим родственникам Брейсгердлам из Хардботтла.

Когда следующей весной старушка умерла — в конце концов, ей было больше ста лет, — Фродо был удивлен и сильно тронут: все имущество, и свое, и Лото, она завещала ему с условием, чтобы он помогал бездомным хоббитам. Так закончилась семейная вражда.

Старый Уилл Витфут дольше всех находился в тюремных норах, и, хотя, вероятно, с ним обращались не так плохо, как с остальными, ему потребовалось много времени, чтобы восстановить силы, прежде чем он снова смог исполнять обязанности мэра. Фродо согласился быть его заместителем, пока мастер Витфут не придет в норму. Единственное решение, которое он принял в качестве заместителя мэра, касалось возвращения ширрифов к их прежним числу и функциям. Задача поиска оставшихся в Шире разбойников была возложена на Мерри и Пиппина,

и они отлично с ней справились. Южные отряды, узнав о битве при Байуотере, разбежались, не оказывая сопротивления тэйну. К концу года их всех переловили и выслали за пределы Шира.

Тем временем закипела восстановительная работа, и Сэм был очень занят. Хоббиты могут трудиться как пчелы, когда это необходимо. К услугам Сэма были руки тысяч добровольцев всех возрастов, от маленьких, но проворных рук юношей и девушек до стариковских — высохших и огрубевших. К началу июля от новых домов ширрифов и других построек людей Вождя не осталось ни одного кирпичика: все пошло на ремонт старых нор, в итоге сделавшихся еще уютнее и суше. В бараках, амбарах и старых норах были найдены устроенные разбойниками запасы добра: провизии и даже пива. Особенно богатые склады были в туннелях Майкл-Дельвинга и в старых карьерах Скари. Поэтому июль встретили с большей радостью и надеждой, чем ожидали.

Первое, что предприняли в Хоббитоне еще до сноса новой мельницы, была очистка холма и Бэг-Энда и восстановление Бэгшот-Роу. Песчаный карьер засыпали, заровняли и превратили в сад. В южном откосе холма выкопали новые норы и выложили их кирпичом. Старик Гаффер вернулся

в нору номер три.

Он часто говорил, не заботясь о том, слышат его или нет:

— Злой ветер никому не приносит добра, как я всегда говорил, но все хорошо, что хорошо кончается!

Были некоторые споры о том, как назвать новую улицу. Предлагались названия «Сады Битвы» и «Лучший Смайле». Но все же в соответствии с хоббитским здравым смыслом ее назвали Новой улицей. А байуотерцы шутливо именовали ее Концом Шарки.

Хуже всего обстояло дело с деревьями: по приказу Шарки их безжалостно вырубали по всему Ширу. И Сэм горевал из-за этого больше всех. Эту рану залечить было по-настоящему трудно, и Сэм понимал, что лишь его далекие потомки увидят Шир таким, каким был он раньше.

Но однажды — в течение многих недель он был слишком занят, чтобы думать о своих приключениях, — он вспомнил о подарке Галадриэли. Достал ящичек, показал остальным путешественникам — так их теперь называли — и попросил у них совета.

— Я все гадал, когда ты о нем вспомнишь, — сказал Фродо. — Открывай!

В ящичке оказался серый порошок, а в нем семечко, похожее на маленький орешек в серебряной скорлупке.

— Что мне с ним делать? — спросил Сэм.

— Пусти по воздуху в ветреный день, и пусть работает, — посоветовал Пиппин.

— Над чем? — спросил Сэм.

— Выбери одно место и посмотри, что будет с растениями на нем, — посоветовал Мерри.

— Но я уверен, что Леди не понравилось бы, если бы я использовал его только для своего сада, когда теперь так много пострадавших, — сказал Сэм.

— Используй этот подарок в своей работе, Сэм, — сказал Фродо. — И используй бережно. Его здесь немного, а я думаю, что каждая его песчинка ценна.

И вот Сэм сажал отростки там, где раньше были деревья, и бросал в почву у корней каждого немного порошка. С этой работой он обошел весь Шир, но особое внимание уделял Хоббитону и Байуотеру. В конце концов у него осталось немного порошка. И тогда он отправился к камню Трех Фартингов, который находится в самом центре Шира, и бросил остаток порошка в воздух. А маленький серый орешек посадил на Званом Поле,

там, где некогда росло дерево Бильбо. Его очень интересовало, что из этого получится. Всю зиму он усмирял свое нетерпение и старался удержаться от постоянного посещения этого места.

Весна превзошла самые смелые его надежды. Посаженные им деревья принялись и начали стремительно расти, как будто торопились за год достичь двадцатилетнего возраста. На Званом Поле появилось прекрасное новое дерево с серебряной корой и длинными листьями. В апреле оно покрылось золотыми цветами. Это был маллорн, и он приводил в изумление всех соседей. В последующие годы это огромное прекрасное дерево пользовалось широкой известностью и любопытные приходили издалека, чтобы взглянуть на него — единственный маллорн к западу от гор и к востоку от Моря и один из прекраснейших в Мире.

Год 1420 в Шире был необыкновенным. Не только ярко светило солнце и выпало достаточно дождей, но во всем чувствовались достаток, богатство и преуспевание, отблески красоты, которой не дано видеть смертным и которая давно ушла из Средиземья. Дети, рожденные или зачатые в этом году — а их было множество, — росли красивыми и сильными, и у большинства из них были

золотые волосы, что раньше у хоббитов встречалось довольно редко. Фрукты и ягоды созрели в таком изобилии, что молодые хоббиты чуть не купались в землянике со сливками. А позднее они сидели на лужайках под сливовыми деревьями и ели плоды, складывая косточки до тех пор, пока их куча не вырастала, как маленькая пирамида или груда вражеских черепов, а потом разрушали ее. И никто не болел, и все были довольны, кроме тех, кому приходилось косить траву.

В Саутфартинге хорошо уродился виноград, а урожай листа был поразителен. И повсюду было столько зерна, что в пору жатвы все амбары переполнились. А пиво 1420 года вспоминалось долго и вошло в пословицу. Еще поколение спустя можно было услышать, как старик в гостинице, выпив добрую пинту эля, отдавал кружку и говорил со вздохом:

— Ах, хорошо, в точности как четыреста двадцатого!

Сначала Сэм вместе с Фродо оставался у Коттонов. А потом, когда Новая улица была отстроена, он переселился туда с Гаффером. Ко всем своим прочим трудам он занимался очищением и ремонтом Бэг-Энда. И ему часто приходилось ездить по Ширу из-за своих лесовосстановительных

работ. Поэтому его не было дома в начале марта и он не знал, что Фродо заболел. Тринадцатого марта фермер Коттон нашел Фродо в постели. Фродо сжимал белую жемчужину, висевшую на цепочке у него на шее, и, казалось, бредил.

— Оно ушло навсегда, — говорил он, — и теперь все темно и пусто.

Но болезнь прошла, и, когда двадцать пятого вернулся Сэм, Фродо ему ничего не сказал. Тем временем Бэг-Энд привели в порядок, Мерри и Пиппин привезли из Крикхоллоу прежнюю мебель и все имущество, и вскоре старая нора выглядела так, будто ничего и не менялось.

Когда все было готово, Фродо спросил:

— Когда же ты поселишься у меня, Сэм?

Сэм неуверенно посмотрел на него.

— Если не хочешь, не надо, — прибавил Фродо. — Но, ты знаешь, здесь твой старик был бы рядом, и вдова Рамбл за ним отлично присматривала бы.

— Дело не в этом, мастер Фродо, — сказал Сэм и покраснел.

— А в чем же?

— В Рози, в Рози Коттон. Ей не нравятся эти мои разъезды, но она ничего не говорит. А я, пока был занят, тоже молчал, потому что хотел сначала за-

кончить работу. А теперь я поговорил с ней, и она мне сказала: «Ну, мы зря потратили целый год, так зачем же тянуть дальше?» «Зря потратили? — переспросил я. — Вот уж не сказал бы». Хотя ведь прекрасно понял, что она имела в виду. И чувствую, что разрываюсь пополам.

— Понимаю, — сказал Фродо, — ты хочешь жениться и в то же время хочешь жить со мной в Бэг-Энде. Но, дорогой Сэм, это же так легко! Женись побыстрее и переезжай сюда с Рози. В Бэг-Энде хватит места для самой большой семьи.

Так и сделали. Весной 1420 года — а этой весной было заключено очень много браков — Сэм женился на Рози и они поселились в Бэг-Энде. И если Сэм был счастлив, то и Фродо тоже. И ни за одним хоббитом в Шире не ухаживали так ласково и заботливо, как за ним. Когда закончились восстановительные работы, Фродо зажил спокойной жизнью, много писал и приводил в порядок свои записи. Он сложил с себя обязанности заместителя мэра на ярмарке в середине лета, и старый Уилл Витфут был избран мэром на следующие семь лет.

Мерри и Пиппин некоторое время жили вместе в Крикхоллоу, и между Баклендом и Бэг-Эндом было много хождений и поездок. Два молодых

путешественника наделали много шума в Шире своими песнями, рассказами, пышными нарядами и удивительными манерами. «Благородные» — называли их хоббиты, в хорошем смысле, разумеется: все радовались, завидев, как они едут в своих ярких кольчугах, с прекрасными щитами, весело смеются и поют, и, хотя они стали очень велики ростом, в других отношениях не изменились, разве что больше, чем прежде, шутили и веселились.

Фродо и Сэм, однако, не привлекали всеобщего внимания. Лишь иногда надевали они серые плащи необычного покроя, заколотые у шеи прекрасными брошами. Кроме того, Фродо всегда носил на цепочке белую жемчужину и часто касался ее рукой.

Все шло хорошо, а в будущем обещало идти еще лучше; и Сэм был настолько занят и настолько доволен жизнью, что любой хоббит мог бы ему позавидовать. И ничто не омрачало его жизнь в этом году, кроме смутного беспокойства за хозяина. Фродо почти не занимался делами Шира, и Сэм с болью отмечал, какой невеликой известностью тот пользуется у себя на родине. Мало кто знал или хотел знать о его подвигах и приключениях. Восторг и уважение хоббитов были отданы

преимущественно мастеру Мериадоку, мастеру Перегрину и (Сэм подозревал это) ему самому. Осенью снова возникла тень старых тревог.

Однажды вечером Сэм вошел в кабинет и увидел, что хозяин выглядит очень странно. Он был бледен, а глаза его казались устремленными куда-то вдаль.

— В чем дело, мастер Фродо? — поинтересовался он.

— Я ранен, — ответил Фродо, — ранен, и рана никогда не заживет.

Но приступ прошел, и на следующий день Фродо вновь стал самим собой. Впоследствии Сэм припомнил, что это было шестого октября. Два года назад они сидели в темной яме на Везертопе.

Шло время, наступил 1421 год. В марте Фродо опять заболел, но, хоть и с большим трудом, ему удалось скрыть это, поскольку Сэм был занят другими делами. Двадцать пятого марта родился первый ребенок Сэма и Рози.

— Ну, мастер Фродо, — сказал Сэм, — я в затруднении. Рози и я решили назвать его Фродо, с вашего позволения, но это не он, а она. Хотя более красивой девочки и быть не может. Она больше похожа на Рози, чем на меня. И мы не знаем, как быть.

— Что ж, Сэм, — ответил Фродо, — что плохого в старых обычаях? Выбери ей имя цветка, как у Рози. Половину девочек в Шире называют такими именами, и ничего не может быть лучше.

— Наверно, вы правы, мастер Фродо, — сказал Сэм. — В своем путешествии я слышал немало прекрасных имен, но, боюсь, что они немного великоваты для повседневной носки, вы ж знаете. Гаффер говорит: «Дай ей короткое имя, чтобы потом не обрезать для удобства». Но если это будет название цветка, то длина меня не волнует. Лишь бы цветок был красивый, потому что, понимаете, я считаю, она настоящая красавица и со временем будет становиться все краше.

Фродо на мгновение задумался.

— Сэм, как тебе нравится Эланор — Дневная Звезда? Вспомни маленькие золотые цветы в траве Лотлориена.

— И опять вы правы, мастер Фродо! — воскликнул Сэм радостно. — Как раз то, что нужно!

Маленькой Эланор исполнилось шесть месяцев и наступила осень 1421 года, когда Фродо позвал Сэма в свой кабинет.

— В четверг день рождения Бильбо, Сэм, — сказал он. — И он обойдет Старого Тука. Ему исполнится сто тридцать один год!

— Так и будет! — сказал Сэм. — Он чудо!

— Что ж, Сэм, — сказал Фродо, — я хочу, чтобы ты спросил у Рози, сможет ли она некоторое время обойтись без тебя. Мы отправимся вместе. Но конечно, теперь ты не сможешь уезжать далеко или надолго, — печально добавил он.

— Это плохо, мастер Фродо?

— Да, но неважно. Проводишь меня немного. Скажи Рози, что ты будешь отсутствовать недолго, не больше четырех дней. И что приедешь домой целым и невредимым.

— Я хотел бы дойти с вами до Ривенделла, мастер Фродо, и повидать мастера Бильбо, — сказал Сэм. — И все же единственное место, где я по-настоящему хочу быть, — здесь. И я снова разрываюсь надвое.

— Бедный Сэм! Боюсь, тебе еще долго жить с этим чувством, — сказал Фродо. — Но ты поправишься, ты должен быть сильным и цельным, и обязательно станешь таким.

Весь следующий день, а то и два дня Фродо разбирал свои бумаги и записи в присутствии Сэма и передал ему ключи. Была там и большая книга в обложке из гладкой красной кожи: ее большие страницы теперь были почти заполнены. Вначале там было много листов, испещренных тонким

сбивчивым почерком Бильбо, но в большей части угадывалась твердая и плавная рука Фродо. Книга была разбита на главы, но глава восьмидесятая осталась неоконченной, и после нее оставалось несколько чистых страниц. На титульном листе было много названий, зачеркнутых и снова написанных, одно под другим: «Мой дневник», «Мое непредвиденное путешествие», «Туда и обратно. И что случилось потом», «Приключения пяти хоббитов», «Сказание о Великом Кольце, составленное Бильбо Бэггинсом по его собственным наблюдениям и рассказам друзей», «Как мы участвовали в Войне Кольца».

Далее рукой Фродо было начертано:

> «ПАДЕНИЕ ПОВЕЛИТЕЛЯ КОЛЕЦ И ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЯ
>
> (с точки зрения Маленького Народа;
>
> воспоминания Бильбо и Фродо из Шира, дополненные рассказами их друзей и поучениями Мудрецов),
>
> а также извлечения из „Книги Знаний“, переведенные Бильбо в Ривенделле»

— Ого, да вы почти закончили, мастер Фродо! — воскликнул Сэм. — Здорово потрудились, уж это я вам говорю!

— Не почти, а совсем закончил, — ответил Фродо. — Последние страницы заполнишь ты.

Двадцать первого сентября они выступили — Фродо на пони, который принес его из Минас-Тирита и которого теперь называли Скороходом, а Сэм на своем любимом Билле. Стояло прекрасное золотое утро, и Сэм не спрашивал, куда они направляются: он думал, что и так догадывается.

Они поехали к Вуди-Энду, позволив пони идти не спеша. Переночевали в Зеленых Холмах и двадцать второго сентября спустились с холмов. В полдень въехали в лес.

— Уж не за этим ли самым деревом вы прятались, мастер Фродо, когда впервые показался Черный Всадник? — сказал Сэм, указывая куда-то влево. — Сейчас все это кажется сном.

Наступил вечер и на востоке замерцали звезды, когда они миновали старый высохший дуб и спустились с холма между рядами ореховых деревьев. Сэм молчал, погрузившись в воспоминания. Вскоре он расслышал, как Фродо негромко напевает старую песню, слова которой, однако, были немного переделаны:

А за углом, наверно, ждет
Нас новый путь и тайный ход.

И хоть по ним прошел уж я,
Сегодня очередь моя
По тропам тем, что не видны,
Идти на запад от Луны.

И как бы в ответ снизу донеслась песня:

А! Эльберет Гильтониэль!
силиврен пенна мириэль
о менел аглар эленат,
Гильтониэль, А! Эльберет!

В густых лесах чужих земель,
Кто жив, мы не забыли, нет,
И за Морем твой белый свет!

Фродо и Сэм остановились и молча ждали в тени, пока не увидели впереди огоньки и путников.

Здесь был Гильдор со множеством эльфов. И, к удивлению Сэма, были здесь Элронд и Галадриэль. Элронд в сером плаще и со звездой во лбу, в руках у него серебряная арфа, а на пальце золотое кольцо с большим голубым камнем — Кольцо Вилья, самое могучее из Трех Колец. Галадриэль сидела на белой лошади и была вся в белом, как облачко под луной. Она сама, казалось,

испускала легкий свет. На пальце у нее сверкала Ненья — Кольцо, сделанное из митрила, с белым камнем, светившимся, как холодная звезда. А за ними на маленьком сером пони ехал и Бильбо. Казалось, он спит.

Эльронд серьезно и вежливо поздоровался, а Галадриэль улыбнулась.

— Ну, мастер Сэмвайс, — сказала она, — я слышала и видела, что вы хорошо использовали мой подарок. Шир станет теперь еще прекрасней и благословенней.

Сэм поклонился, но не нашел что ответить. Он уже совсем забыл, как прекрасна Леди.

Тут проснулся Бильбо и открыл глаза.

— Здравствуй, Фродо, — заулыбался он. — Знаешь, я сегодня обошел старого Тука! И думаю, что теперь готов к новому путешествию. Ты пойдешь со мной?

— Да, я пойду, — сказал Фродо. — Хранители Кольца пойдут вместе.

— Куда вы хотите идти, хозяин? — воскликнул Сэм, начиная соображать, что происходит.

— В Гавань, Сэм.

— А я не могу пойти?

— Ты — нет. Вернее — не дальше Гавани. Хотя ты тоже был Хранителем Кольца, пусть и нена-

долго. Твое время еще придет. Не грусти, Сэм. Ты не можешь все время разрываться надвое. Ты будешь цельным долгие годы. Впереди у тебя еще много радостей.

— Но... — начал Сэм, и слезы сверкнули у него в глазах. — Я ж думал, вы тоже будете жить и радоваться в Шире долгие годы, после всего сделанного вами.

— Я тоже так думал раньше. Но раны мои слишком глубоки, Сэм. Я старался спасти Шир и спас его, но не для себя. Так часто бывает, Сэм: когда появляется опасность, кто-то должен отдать все, чтобы спасти других. Но ты мой наследник: все, что у меня было, я оставляю тебе. И у тебя есть Рози и Эланор, а потом будут маленький Фродо, и маленькая Рози, и Мерри, и Голдилокс, и Пиппин, и еще другие, которых я уже не увижу. Твои руки и твой разум нужны будут повсюду. Ты, конечно, будешь мэром столько, сколько захочешь, и станешь самым знаменитым садовником в истории. И ты будешь читать Красную Книгу и сохранять память об ушедшей эре так, чтобы все помнили великую опасность и любили свою землю еще больше. И это даст тебе занятие и счастье такие большие, на какие только может рассчитывать смертный. А теперь — вперед, поезжай рядом

со мной.

Эльронд и Галадриэль поскакали впереди. Так завершилась Третья Эра, миновала Эпоха Колец, пришла пора умолкнуть сказаниям и песням этого времени. А с тем уходили и высокие эльфы, которые не могли дольше задерживаться в Средиземье. И среди них, исполненный светлой грусти, ехал Сэм, а с ним Фродо и Бильбо, и эльфы выказывали им почет и уважение.

Хотя весь вечер и всю ночь они ехали в пределах Шира, никто, кроме диких зверей, их не видел. Лишь изредка какой-нибудь путник замечал слабое мерцание между деревьями или движение света и теней под луной, уходящей на запад. И когда они миновали Шир, проехали по южному краю Белых Склонов, прибыли на Дальние Холмы, к башням, и оттуда увидели далекое Море, наконец спустились к Митлонду, к Серой Гавани в длинном заливе Луне.

Когда они подъехали к воротам, навстречу им вышел Кирдан, корабельный мастер. Он был очень высокий, и борода у него была длинная, и он был совсем седой и старый, но с глазами пронзительными, как звезды. Он посмотрел на них и, поклонившись, сказал:

— Все готово.

Кирдан провел их в Гавань, и здесь они увидели белый корабль, а на берегу, рядом с большим серым конем, их поджидал некто весь в белом. Фродо узнал Гэндалфа, который теперь открыто носил на руке Третье Кольцо — великую Барию, и камень ее был алым, как пламя.

Сэм еще больше опечалился и подумал, какой одинокой и тоскливой будет его дорога домой. Но прежде, чем эльфы взошли на борт и все было готово к отплытию, прискакали запыхавшиеся Мерри и Пиппин. И Пиппин смеялся и плакал.

— Однажды ты уже пытался ускользнуть от нас, Фродо, и неудачно, — крикнул он. — И на этот раз мы опять были предупреждены, только не Сэмом, а самим Гэндалфом.

— Да, — сказал Гэндалф, — потому что лучше будет ехать назад втроем, чем одному. Итак, дорогие друзья, здесь, на берегу Моря, нашему Товариществу в Средиземье приходит конец. Ступайте с миром! Я не говорю «не плачьте», ибо не всякие слезы зло.

И вот Фродо поцеловал Мерри, Пиппина и, последним из всех, Сэма и взошел на борт; и взмыли паруса, и подул ветер, и корабль медленно поплыл по длинному серому заливу; и свет фиала Галадриэли, который держал Фродо, потускнел

и вовсе пропал. И корабль вышел в открытое море и двигался по нему на запад, до тех пор пока однажды дождливой ночью Фродо не почувствовал в воздухе сладкий аромат и не услышал над водой звуки пения. И ему показалось, что он опять видит сон в доме Бомбадила: серый дождевой занавес превратился в серебристое стекло и откатился назад; и открылись белые берега, а за ними прекрасная зеленая страна под мягкими лучами солнца.

Но для Сэма, оставшегося в Гавани, вечер сгустился в темную ночь, и, глядя на воду, он видел лишь смутную тень, удалявшуюся на запад. Далеко за полночь стоял он на берегу, слыша лишь вздохи и бормотание волн у берегов Средиземья, и звук этот глубоко запал в его сердце. Рядом с ним стояли Мерри и Пиппин и молчали.

Наконец три товарища повернулись и, не оглядываясь, двинулись домой. До самого Шира они не произнесли ни слова, но каждый чувствовал великое облегчение оттого, что рядом по длинной серой дороге едут друзья.

На восточной дороге они разделились: Мерри и Пиппин поехали в Бакленд. И тут они снова начали петь, коротая дорогу. А Сэм направился в Байуотер и в конце дня подъехал к холму. И он

на него поднялся, и там был желтый свет и пламя очага, и ужин был готов, и его ждали. И Рози впустила его, и усадила в его любимое кресло, и положила к нему на колени маленькую Эланор. Он глубоко вздохнул и сказал:

— Ну, вот я и вернулся!

Приложения

От редактора

Исходя из того, что, по нашему глубокому убеждению, приложения — неотъемлемая часть общего замысла Дж. Р. Р. Толкина, мы представляем их здесь почти без изменений и сокращений. Единственное исключение — алфавитные указатели специальных терминов, личных имен и географических названий. Кроме технических причин, отказ от них продиктован обобщенным читательским опытом: никто из известных нам любителей и вдумчивых исследователей «Властелина Колец» не проголосовал за то, что в этих указателях есть какой-либо прагматический смысл. Скорее всего, в оригинальном издании они действительно носят чисто декоративную функцию и призваны лишь довершить академический образ книги. В какой-то степени этот образ тоже часть авторского замысла, но все же не настолько важная, чтобы нельзя было несколько ее модифицировать.

В тексте приложений опущены и все ссылки на повесть «Хоббит, или Туда и обратно», а также на «Сильмариллион»: слишком много изданий, и обоснованный выбор одного из них для ссылок

представляется затруднительным. Все ссылки на «Властелина Колец» сохранены и постранично переведены на настоящее издание: римские цифры — порядковый номер книги, арабскими обозначены страницы.

Пой теперь, народ Анорской Твердыни,

Ибо королевство Саурона кончилось навсегда

И Темная Башня повержена в прах.

А. З.

Приложение А

Анналы королей и правителей

Относительно источников большей части материалов, излагаемых в следующих приложениях, смотри «Замечание о записях Шира» в конце пролога. Раздел III приложения А «Народ Дюрина» основан на материалах, полученных, очевидно, от гнома Гимли, который поддерживал дружбу с Перегрином и Мериадоком и много раз встречался с ними в Гондоре и Рохане.

Легенды, повести и сказания, содержащиеся в источниках, очень длинны. Здесь представлены лишь извлечения из них, и то существенно сокращенные. Их главное назначение — иллюстрировать Войну Кольца и ее предысторию и заполнить некоторые пробелы в главном повествовании. Древние легенды Первой Эры, больше всего интересовавшие Бильбо, изложены очень кратко и только в той части, где они касаются происхождения Эльронда и нуменорских королей и вождей. Действительные цитаты из длинных записей и сказаний помещаются в кавычках. Позднейшие вставки даются в скобках.

Замечания внутри цитат находятся в источниках. Замечания в виде сносок в конце приложения принадлежат издателю.

Все даты относятся к Третьей Эре, если рядом не проставлено В. Э. (Вторая Эра) или Ч. Э. (Четвертая Эра). Третья Эра кончается, когда Три Кольца уходят из Мира — в сентябре 3021 года, но для удобства записей в Гондоре началом первого года Четвертой Эры считается 25 марта 3021 года. По поводу соотношения датировки Гондора и летоисчисления Шира см. I, 22-23. В списках и генеалогических древах за именами следуют даты жизни. Знак «†» означает гибель в сражении или иную преждевременную смерть, хотя запись об этом событии не всегда приводится.

I
НУМЕНОРСКИЕ КОРОЛИ

1

Нуменор

Феанор был величайшим из Старейших в искусстве и сказаниях, но также и самым гордым и своевольным. Он изготовил три драгоценных

камня — Сильмарила — и наполнил их сиянием двух деревьев — Тельпериона и Лаурелина[3], которые давали свет земле валаров. Этих драгоценностей домогался Враг — Моргот. Он украл их и, уничтожив деревья, взял драгоценности с собой в Средиземье и хранил их в мощной крепости Тангородрим[4].

Против воли валаров Феанор покинул Благословенное Королевство и отправился в изгнание в Средиземье, многих уведя с собой: в своей гордости он решил силой отнять драгоценности у Моргота. Последовала безнадежная война Старейших и эдайнов против Тангородрима, в которой они потерпели окончательное поражение. Эдайны (атани) были людьми, что первыми прибыли на запад Средиземья, к берегам Великого Моря, и стали союзниками Старейших в борьбе против Врага.

Было заключено три брачных союза между Старейшими и эдайнами: Лютиен и Верен, Идриль и Туор, Арвен и Арагорн. Благодаря последнему союзу долго разъединенные ветви полуэльфов воссоединились и их линия получила продол-

---

[3] Примечания: 3
III, 251; VI, 149. В Средиземье нет ничего подобного Лаурелину.

[4] Примечания: 4
II, 323; IV, 403.

жение.

Лютиен Тинувиэль была дочерью короля Тингола Серого Плаща из Дориата в Первую Эру, ее матерью была Мелиан из валаров. Верен был сыном Барахира из Первого Рода эдайнов. Вместе они и вырвали Сильмарил из железной Короны Моргота[5]. Лютиен стала смертной и была потеряна для своих родственников-эльфов. У нее было двое детей — сын Диор и дочь Эльвинг, хранившая Сильмарил.

Идриль Келебриндал была дочерью Тургона, короля скрытого города Гондолина. Туор был сыном Хуора из рода Хадора, третьего и наиболее прославленного в войне с Морготом рода эдайнов. Их сыном был Эарендил Моряк.

Эарендил женился на Эльвинг, при помощи Сильмарила он миновал Тень[6], прибыл на Крайний Запад и там, выступая в качестве посла эльфов и людей, заручился поддержкой, благодаря которой был свергнут Моргот. Эарендилу не было разрешено вернуться в земли смертных, и его корабль, несущий Сильмарил, превратился в небесную звезду, знак надежды для жителей

---

[5] Примечания: 5
I, 264; IV, 403.

[6] Примечания: 6
II, 311-314.

Средиземья, угнетаемых Великим Врагом и его слугами[7]. Только Сильмарилы сохранили древний свет двух деревьев Валинора, который они испускали до того, как Моргот отравил их. Но другие два Сильмарила были утеряны в конце Первой Эры. Полный рассказ об этих и многих других событиях, касающихся эльфов и людей, содержится в книге «Сильмариллион».

У Эарендила было два сына: Эльрос и Эльронд — перэдилы, или полуэльфы. В них одних продолжилась линия героических вождей эдайнов Первой Эры; после падения Гил-Галада[8] родословная королей высоких эльфов была представлена в Средиземье только их потомками.

В конце Первой Эры валары предложили полуэльфам выбрать, к какому племени они будут принадлежать. Эльронд выбрал участь эльфа и стал знаменитым мудрецом. Ему было дано то же право, что имеют высокие эльфы, остающиеся в Средиземье: когда устанут от земли смертных, они могут сесть на корабль в Серой Гавани и уплыть на Крайний Запад; право это сохраняется и после изменения Мира. Перед детьми Эльронда

---

[7] Примечания: 7
II, 314; IV, 403.

[8] Примечания: 8
I, 82, 253, 261.

тоже вставал выбор: либо вместе с ним уйти из Кругов Мира, либо, если они останутся, стать смертными и умереть в Средиземье. Поэтому для Эльронда любой исход Войны Кольца был печальным[9].

Эльрос выбрал участь человека и остался с эдайнами; но ему была дарована продолжительность жизни во много раз большая, чем у обычных людей.

В награду за страдания в борьбе с Морготом валары, опекуны Мира, дали эдайнам землю для житья, удаленную от опасностей Средиземья. И в большинстве они отправились по Морю и, ведомые звездой Эарендила, приплыли к острову Эленна, самой западной из всех земель смертных. Здесь было основано королевство Нуменор.

В центре этого острова находилась высокая гора — Менельтарма, и с ее вершины люди с острым зрением могли рассмотреть Белую Башню в гавани Старейших в Эрессеа. Оттуда к эдайнам прибыли Старейшие и обогатили их знаниями и множеством даров; но одно ограничение было наложено на нуменорцев — «Запрет валаров»: им было запрещено плыть на запад за преде-

[9] Примечания: 9
VI, 376.

лы видимости своих берегов и высаживаться на землю Бессмертных. Зато им была обещана долгая жизнь, поначалу втрое превышавшая по продолжительности жизнь малых людей. Но они оставались смертными, ибо валары не могли взять у них Дар Человеческий (или Участь Людей, как его впоследствии называли).

Эльрос стал первым королем Нуменора и впоследствии был известен под высокоэльфийским именем Тар-Миньятур. Потомки его были долгожителями, но смертными. Позднее, обретя могущество, они пожалели о выборе своего предка, жаждали бессмертия, которое было уделом Старейших, и роптали против Запрета. Так началось их восстание, вдохновленное Злом Саурона и приведшее к падению Нуменора и гибели всего древнего мира. Об этом рассказывается в книге «Акаллабет».

Вот имена королей и королев Нуменора: Эльрос Тар-Миньятур, Вардамир, Тар-Амандил, Тар-Элендил, Тар-Менелдур, Тар-Андарион, Тар-Анкалиме (первая правящая королева), Тар-Анарион, Тар-Сурион, Тар-Тельпериен (вторая королева), Тар-Минастир, Тар-Кирьятан, Тар-Атанамир Великий, Тар-Анкалимон, Тар-Телеммайте, Тар-Ванимельде (третья королева), Тар-Алкарин,

Тар-Калмакил.

После Калмакила короли при короновании принимали имя на нуменорском (адунайском) языке: Ар-Адунахор, Ар-Зимратон, Ар-Сакалтор, Ар-Гимилзор, Ар-Инзиладун. Инзиладун вернулся к обычаям прежних королей и сменил имя на Тар-Мириэл, но племянник короля захватил престол и стал Ар-Фаразоном Золотым, последним королем нуменорцев.

В правление Тар-Элендила первые корабли нуменорцев приплыли снова к берегам Средиземья. Старшим ребенком Тар-Элендила была дочь Сильмариен. У нее был сын Валандил, первый из повелителей Андунис на Западе, прославленный своей дружбой со Старейшими. От него происходит Амандил, последний повелитель, и его сын Элендил Высокий.

У шестого короля был только один ребенок — дочь. Она стала первой королевой, и был принят впоследствии закон, что королем становится старший ребенок короля, независимо от пола.

Королевство Нуменор сохранялось до конца Второй Эры, наращивая свою мощь и великолепие; и до середины Эры возрастали также мудрость и радость нуменорцев. Первые признаки Тени, упавшей на них, появились в дни

Тар-Минастира, одиннадцатого короля. Именно он послал большое войско на помощь Гил-Галаду. Он любил Старейших, но и завидовал им. Нуменорцы стали великими моряками: они исследовали все моря на Востоке и начали мечтать о запретных западных водах; и чем радостней становилась их жизнь, тем больше тосковали они по бессмертию.

Больше того, после Минастира короли стали жадны до богатства и власти. Вначале нуменорцы пришли в Средиземье как друзья и наставники малых людей, унижаемых Сауроном; но теперь их гавани стали крепостями, удерживая в повиновении обширные береговые полосы. Атанамир и его потомки наложили тяжелую дань, и корабли нуменорцев возвращались, груженные добычей.

Именно Тар-Атанамир первым открыто выступил против Запрета и заявил, что бессмертие Старейших принадлежит и ему по праву. Тень углублялась, и мысль о смерти омрачала сердца нуменорцев. Они разделились. С одной стороны находились короли и их последователи. Они отдалились от Старейших и от валаров. Другую группу составили немногие, называвшие себя верными. Они жили главным образом в западной

части острова.

Короли и их последователи постепенно отказывались от использования языка Старейших. Наконец двадцатый король принял при коронации имя в нуменорской форме, назвав себя Ар-Адунахор — Повелитель Запада. Это показалось дурным предзнаменованием верным, которые до этого величали таким титулом только валаров или короля Старейших[10]. И действительно, Ар-Адунахор начал преследовать верных и наказывать тех, кто открыто использовал эльфийский язык. И Старейшие больше не приходили в Нуменор.

Власть и богатство нуменорцев тем не менее продолжали расти, однако продолжительность их жизни сократилась, страх перед смертью вырос, а радость ушла из их глаз. Тар-Палантир попытался исправить это зло, но было уже слишком поздно, и в Нуменоре начались восстания и раздоры. Когда он умер, его племянник, предводитель восставших, захватил скипетр и стал королем Ар-Фаразоном. Ар-Фаразон Золотой был самым гордым и могучим из всех королей, и желания его были не меньшими, чем власть над

---

[10] Примечания: 10
II, 297.

всем Миром.

Он решил бросить вызов Саурону Великому и вступить с ним в борьбу за господство в Средиземье; с огромным флотом он сам выступил в поход и высадился в Умбаре. Так велики были мощь и великолепие нуменорцев, что собственные слуги Саурона предали его, и сам Саурон был унижен, принеся присягу на верность и умоляя о прощении. Тогда Ар-Фаразон, ослепленный гордостью, взял Саурона с собой в Нуменор в качестве пленника. Вскоре Саурон околдовал короля, сделался его главным советником и обратил сердца всех нуменорцев, кроме верных, к могуществу Тьмы.

Саурон лгал королю, заявляя, что вечная жизнь будет принадлежать тем, кто завладеет землей Бессмертных, и что Запрет был наложен, только чтобы помешать королям людей превзойти валаров. «Но великие короли сами берут то, что принадлежит им по праву», — говорил Саурон.

Наконец Ар-Фаразон прислушался к его советам, потому что видел, как убывают его дни, и был одурманен страхом смерти. Он приготовил невиданно сильную армию и, когда все было готово, велел трубить в трубы и ставить паруса; он нарушил Запрет валаров, выступив с войной, чтобы отвоевать вечную жизнь у повелителей

Запада. Но когда Ар-Фаразон ступил на берег благословенного Амана, валары отбросили свое опекунство и призвали Одного, и Мир изменился. Нуменор был низвергнут и поглощен Морем, а земля Бессмертных навсегда отодвинулась от Кругов Мира. Так кончилась слава Нуменора.

Последние предводители верных, Элендил и его сыновья, бежали от Падения на девяти кораблях, унося с собой семена Нимлота и Семь Видящих Камней (дары Старейших их роду)[11]; и их унесло на крыльях бури и бросило на берега Средиземья. Здесь, на северо-западе, они основали нуменорские королевства в изгнании: Арнор и Гондор[12]. Элендил стал королем и жил на Севере в Аннуминасе; а править Югом было поручено его сыновьям Исилдуру и Анариону. Они основали Осгилиат между Минас-Итилом и Минас-Анором[13], недалеко от границ Мордора. Ибо они считали, что Саурон погиб, а земля Мордор очистится от Зла.

Однако они ошибались. Саурон пострадал от

---

[11] Примечания: 11
III, 250; VI, 314.

[12] Примечания: 12
II, 325.

[13] Примечания: 13
II, 325, 336.

катастрофы в Нуменоре, и телесная форма, в которой он существовал, исчезла; но он улетел в Средиземье, дух ненависти на крыльях Тьмы. Он неспособен был больше принимать форму, кажущуюся людям прекрасной, но стал черным и отвратительным, и власть его была властью ужаса. Он снова пришел в Мордор и здесь затаился в безмолвии. Но велик был его гнев, когда он узнал, что Элендил, которого он ненавидел больше всего, спасся и теперь правит королевством у самых границ Мордора.

Поэтому спустя какое-то время он начал войну с изгнанниками, прежде чем они окрепли. Ородруин выбросил пламя и был назван в Гондоре Амон-Амарт — Гора Судьбы. Но Саурон ударил слишком поспешно, прежде чем его собственная сила восстановилась, а между тем сила Гил-Галада в его отсутствие возросла. Эльфы и люди заключили Последний Союз, Саурон был низвергнут, и Кольцо Власти было отобрано у него[14]. Так завершилась Вторая Эра.

---

[14] Примечания: 14
II, 324.

2

Королевства в изгнании

Северная линия

Потомки Исилдура

Арнор. Элендил †В. Э. 3441, Исилдур †2, Валандил 249[15], Эльдакар 339, Арантар 435, Таркил 515, Тарондор 602, Валандур †652, Элендур 777, Эарендур 861.

Артедайн. Амлайт из Форноста[16] (старший сын Эарендура) 946, Белег 1029, Маллор 1110, Келефарн 1191, Келебриндор 1272, Малвегил 1349[17], Аргелеб I †1356, Арвелег I 1409, Арафор 1589, Аргелеб II 1670, Арвегил 1743, Арвелег II 1813, Аравал 1891, Арафант 1964, Арведуй Последний Король †1974. Конец Северного Королевства.

Вожди. Арапарт (старший сын Арведуя) 2106,

---

[15] Примечания: 15

Валандил был четвертым сыном Исилдура, рожденным в Имладрисе. Братья его были убиты на Полях Радости.

[16] Примечания: 16

После Эарендура короли не принимали имен в эльфийской форме.

[17] Примечания: 17

После Малвегила короли Форноста вновь провозгласили свое господство над всем Арнором и в знак этого принимали имена с приставкой Ар- (Ара-).

Арахаэл 2177, Арануир 2247, Аравир 2319, Арагорн I †2327 , Араглас 2455, Арахад I 2523, Арагост 2588, Араворн 2654, Арахад II 2719, Арассуил 2784, Араторн I †2848, Аргонуй 2912, Арадор †2930, Араторн II †2933, Арагорн II Ч. Э. 120.

Южная линия

Потомки Анариона

Короли Гондора. Элендил (Исилдур) и Анарион †В. Э. 3440, Менелдил, сын Анариона 158, Кемендур 238, Эарендил 324, Анардил 411, Остогер 492, Ромендакил I (Тарostар) †541, Турамбар 667, Атанатар I 748, Сириондил 830.

Далее следуют четыре «корабельных короля».

Тараннон Фаластур 913. Он был первым бездетным королем, и его сменил сын брата Таркирьяна. Эарнил I †936, Кирьяндил †1015, Хьярмендакил I (Кирьягер) 1149. Гондор достигает вершины своего могущества.

Атанатар II Алкарин Великолепный 1226, Нармакил I 1294 — он был вторым бездетным королем, его преемником стал его младший брат. Калмакил 1304, Миналкар (регент 1240—1304), коронованный как Ромендакил II в 1304, умер в 1366; Валакар. В это время начинается первое

бедствие Гондора — родственная рознь.

Эльдакар, сын Валакара (вначале назвавшийся Винитарья); низложен в 1437. Кастамир Узурпатор †1447. Возвращение Эльдакара, умер в 1490.

Алдамир (второй сын Эльдакара) †1540, Хьярмендакил II (Виньярион) 1621, Минардил †1634, Телемнар †1636. Телемнар и все его дети погибли от чумы; он был сменен своим племянником, сыном Минастана, второго сына Минардила. Тарондор 1798, Телумехтар Умбардакил 1850, Нармакил II †1856, Калимехтар 1936, Ондогер † 1944. Ондогер и два его сына были убиты в сражении. Через год, в 1945 году, скипетр был отдан победоносному генералу Эарнилу, потомку Телумехтара Умбардакила. Эарнил II 2043, Эарнур †2050. Здесь кончилась линия королей, впоследствии восстановленная в 3019 году Элессаром Телконтаром. С этого времени королевством стали править наместники.

Наместники Гондора. Род Хюрина: Пелендур 1998. Он правил в течение года после смерти Ондогера, и по его настоянию Гондор отверг притязания Арведуя на корону. Ворондил Охотник

2029[18], Мардил Воронме Стойкий, первый из правящих наместников. Его потомки прекратили использовать эльфийские имена.

Правящие наместники. Мардил 2080, Эрандан 2116, Херион 2148, Белегорн 2204, Хюрин I 2244, Турин I 2278, Хадор 2395, Барахир 2412, Диор 2435, Денетор I 2477, Боромир 2489, Кирион 2567. В это время в Каленардон прибывают рохирримы.

Халлас 2605, Хюрин II 2628, Белектор I 2655, Ородрет 2685, Эктелион I 2698, Эгалмаус 2743, Верен 2763, Берегонд 2811, Белектор II 2872, Торондир 2882, Турин II 2914, Тургон 2953, Эктелион II 2984, Денетор II. Он был последним правящим наместником, его преемник, второй сын Фарамир, принц Эмин Арнена, был наместником короля Элессара (Ч. Э. 82).

3

Эриадор, Арнор и потомки Исилдура

«*Эриадор* — старое название всех земель между Туманными и Синими Горами; на юге он ограни-

---

[18] Примечания: 18

V, 19. Дикие белые коровы, которые и до сих пор водятся в Руне на берегу Моря, как говорит легенда, происходят от коров Арава, охотника из валаров, который единственный из валаров часто появлялся в Средиземье в Давние Дни. Эльфийская форма его имени — Ороме (VI, 296).

чивается Грейфлад и Гландуином, впадающим в Грейфлад выше Тарбада.

В период расцвета Арнор занимал весь Эриадор, за исключением районов у Луне и земель к востоку от Грейфлад и Лаудуотер, где находятся Ривенделл и Холлин. За Луне находилась земля эльфов, зеленая и спокойная, куда не ходили люди; но гномы жили, и до сих пор живут, на восточной стороне Синих Гор, особенно в их части к югу от залива Луне, где у них есть все еще используемые шахты. Поэтому они привыкли проходить к востоку от Большой Дороги, как делали долгие годы до прихода хоббитов в Шир. В Сером Приюте жил Кирдан, корабельный мастер, и некоторые говорят, что он и сейчас живет там и будет жить, пока последний корабль не уплывет на запад. Во дни королей большая часть высоких эльфов, все еще остающихся в Средиземье, жили с Кирданом или в приморских районах Линдона. Если кто-то из них и остался теперь, то очень немногие».

Северное Королевство и дунаданы

После Элендила и Исилдура было восемь королей Арнора. Эарендур, боясь раздоров между своими сыновьями, разделил королевство на три

части: Артедайн, Рудаур и Кардолан. Артедайн находился на северо-западе и включал земли между Брендивайн и Луне, а также земли к северу от Большой Дороги до самых холмов Везер. Рудаур находился на северо-востоке, между болотами Эттен, холмами Везер и Туманными Горами, но включал также угол между Хорвелл и Лаудуотер. Кардолан был на юге, в границах между Брендивайн, Грейфлад и Большой Дорогой.

В Артедайне линия Исилдура сохранилась и продолжалась, но в Кардолане и Рудауре она вскоре исчезла. Между этими королевствами часто проходили раздоры, которые ускорили ослабление дунаданов. Главный предмет споров — обладание холмами Везер и землями западнее Бри. И Рудаур, и Кардолан желали владеть Амон-Сулом (Везертопом), который стоял на границе их королевств: в башне Амон-Сула хранился главный палантир Севера; остальные два находились во владении Артедайна.

«В начале правления Малвегила в Артедайне Зло явилось в Арнор. В это время на севере, за болотами Эттена, возникло королевство Ангмар. Его земли лежали по обе стороны гор, и здесь собралось много злых людей, орков и других свирепых существ. (Повелитель этой земли был

известен как Король-Колдун, и лишь впоследствии стало ясно, что он Глава Духов Кольца, который, явился на Север с целью уничтожить дунаданов в Арноре, надеясь на их разъединение, в то время как Гондор оставался сильным.)»

Во дни Аргелеба, сына Малвегила, поскольку в остальных королевствах не осталось потомков Исилдура, короли Артедайна заявили права на весь Арнор. Требование было отвергнуто Рудауром. Здесь осталось мало дунаданов, и власть была захвачена злым повелителем горцев, находившимся в тайном союзе с Ангмаром. Поэтому Аргелеб укрепил холмы Везер[19]; но он был убит в войне с Рудауром и Ангмаром.

Арвелег, сын Аргелеба, с помощью Кардолана и Линдона отогнал врагов от холмов, и в течение многих лет Артедайн и Кардолан удерживали полосу вдоль холмов Везер, Большую Дорогу и нижнее течение Хорвелл. Говорят, в это время был осажден Ривенделл.

В 1409 году из Ангмара вышло большое войско и, переправившись через Реку, прибыло в Кардолан и окружило Везертоп. Дунаданы потерпели поражение, а Арвелег был убит. Башня Амон-Сула

---

[19] Примечания: 19
I, 253.

сгорела и была разрушена до основания, но палантир был спасен и увезен в Форност. Рудаур был занят злыми людьми, покорными Ангмару[20], а оставшиеся там дунаданы убиты или бежали на запад. Кардолан был опустошен. Арафор, сын Арвелега, еще не достиг совершеннолетия, но он был доблестен и с помощью Кирдана отогнал врагов от Форноста и от Северных Склонов. Остаток верных дунаданов Кардолана удержался в Тирн-Гортаде (Большие Курганы) или спасался в лесу за Тирн-Гортадом.

Говорят, на время Ангмар был покорен эльфами из Линдона; к ним присоединились эльфы Ривенделла и Лориена, прибывшие по призыву Эльронда. В это время сторы, жившие раньше в Углу (между Хорвелл и Лаудуотер), двинулись на запад и на юг из-за войн и страха перед Ангмаром, а также из-за того, что климат Эриадора, особенно на востоке, ухудшился и стал суровым. Некоторые вернулись в Дикие земли и жили возле Полей Радости, превратившись в народ речников и рыбаков.

Во дни Аргелеба II в Эриадор с юго-востока пришла чума, и большая часть населения Кардолана

---

[20] Примечания: 20
I, 274.

погибла, особенно в Минхириате. Хоббиты и другие племена пострадали очень сильно, но чем дальше на север, тем меньше свирепствовала чума, и северные районы Артедайна были слабо затронуты ею. В это время пришел конец дунаданам Кардолана, и злые духи Ангмара и Рудаура вошли в покинутые могилы и поселились там.

«Говорят, могилы в Тирн-Гортаде, как в древности называли Большие Курганы, очень старые и большинство из них построено в дни старого мира в Первую Эру предками эдайнов, до того как они пересекли Синие Горы и вошли в Белериand, от которого теперь осталась лишь часть в виде Линдона. Поэтому дунаданы после своего возвращения чтили эти могилы, и здесь были похоронены многие их повелители и короли. Некоторые говорят, что могила, в которой был пленен Хранитель Кольца, принадлежала последнему принцу Кардолана, павшему в войне в 1409 году».

«В 1974 году власть Ангмара вновь усилилась, и до конца зимы Король-Колдун обрушился на Артедайн. Он захватил Форност и отогнал большую часть оставшихся дунаданов к Луне; и среди них были сыновья короля. Но король Арведуй долго держался в Северных Склонах и затем с

небольшой охраной бежал на Север; они спаслись благодаря быстроте своих лошадей.

Некоторое время Арведуй скрывался в старых шахтах гномов в дальнем конце гор, но из-за голода вынужден был уйти оттуда и искать помощи у лоссотов, снежных людей Форочела[21]. Он нашел их в лагере у моря; но они неохотно оказывали ему помощь, потому что он ничего не мог предложить им, кроме нескольких драгоценных камней, которые они как раз невысоко ценили; и они боялись Короля-Колдуна, который (так они говорили) мог по своей воле вызывать мороз. Но, частью из жалости к исхудалому королю и его людям, частью из страха перед их оружием, они дали им немного еды и построили для них снежный дом. Здесь Арведуй вынужден был ждать, надеясь на помощь с Юга, ибо лошади его погибли.

Когда Кирдан узнал от Аранарта, сына Арведуя,

---

[21] Примечания: 21

Это странный недружелюбный народ, остатки фородвейтов, людей далекого прошлого, привыкший к жестоким холодам в королевстве Моргота. До сих пор холода держатся в этом районе, хотя он расположен всего лишь в ста милях к северу от Шира. Лоссоты строят свои дома из снега, и, говорят, они умеют бегать по льду, прикрепив к ногам кости, и что у них телеги без колес. Они большей частью живут, недосягаемые для своих врагов, на большом мысе Форочел, который ограничен с северо-запада огромным одноименным заливом, но они часто разбивают походный лагерь на южных берегах этого залива у подножия гор.

о бегстве короля на Север, он немедленно послал корабль к Форочелу на поиски. Корабль прибыл через несколько дней из-за встречного ветра, и моряки издалека увидели маленький костер из плавника, который собрали люди короля. Но в этом году зима долго не разжимала оковы, и, хотя уже наступил март, лед только еще начал таять и лежал далеко от берега.

Когда снежные люди увидели корабль, они удивились и испугались, ибо никогда не видели таких кораблей; но они стали более дружелюбны к этому времени и вывезли короля и тех, кто был с ним, на своих скользящих по льду повозках. Только таким путем к ним могли приблизиться лодки с корабля.

Но снежные люди беспокоились, они говорили, что чувствуют опасность в ветре. А вождь лоссотов сказал Арведую: „Не езди на морском чудище! Пусть лучше морские люди привезут нам пищу и нужные вещи, и ты можешь остаться с нами, пока Король-Колдун не уйдет домой. Летом сила его слабеет, а теперь дыхание его смертоносно и ледяные руки длинны“.

Но Арведуй не внял его совету. Он поблагодарил вождя и, расставаясь, дал ему кольцо, сказав: „Ценность этой вещи вы не можете себе предста-

вить. Это наша наследственная драгоценность. У нее нет власти, кроме той, что она поддерживает любящих мой род. Она вам не поможет, но если вы будете испытывать нужду, мои родичи выкупят ее у вас за все, что вам потребуется“[22].

Совет лоссотов был правильным — случайно или из-за способности к пророчествам: корабль не успел выйти в открытое море, как поднялась сильная буря, повалил густой снег, ослепивший моряков; ветер понес корабль на льды, и он застрял в них. Даже моряки Кирдана были беспомощны, и ночью корпус проломило льдом и корабль затонул. Так погиб последний король Арведуй, и с ним утонули палантиры[23]. Лишь много времени спустя от снежных людей узнали о гибели корабля у Форочела».

---

[22] Примечания: 22

Так было спасено кольцо рода Исилдура; впоследствии оно было выкуплено дунаданами. Говорят, это то самое кольцо, которое Фелагунд из Нарготронда дала Барахиру и которое с большим риском освободил Верен.

[23] Примечания: 23

Это были Камни Аннуминаса и Амон-Сула. Единственным сохранившимся на Севере был теперь Камень в башне на Эмин-Берайде, что смотрит на залив Луне. Он охранялся эльфами, и, хотя мы этого не знали, он там находился до тех пор, пока Кирдан не поместил его на корабль Эльронда, когда тот уплывал (VI, 376). Но говорят, что этот Камень не похож на другие Камни и не связан с ними, он смотрел только на Море. Элендил установил его здесь, чтобы смотреть на Эрессеа исчезнувшего Запада, чтобы как можно дольше видеть то, что наяву уже не увидеть никогда; но изгиб Моря навсегда скрыл

Народ Шира выжил, хотя война прокатилась над ним и большая часть жителей была вынуждена скрываться. На помощь королю Шир послал лучников, которые так и не вернулись; другие участвовали в битве, в которой был разгромлен Ангмар (о чем больше говорится в анналах Юга). Воцарился мир, и народ Шира сам правил собой и процветал. Ширцы выбрали на место короля тайна и были довольны, хотя очень долго ждали возвращения короля. Но наконец эта надежда была забыта и сохранилась лишь в поговорке «Когда вернется король», употреблявшейся в случае, когда что-то недостижимо или нельзя помочь ничем. Первым тайном Шира был Бакка из Мэриша, от него происходят Олдбаки. Он стал тайном в 379 году по нашему летоисчислению (1979).

После Арведуя кончилось Северное Королевство, ибо дунаданов осталось мало и вообще население Эриадора уменьшилось. Но линия королей продолжилась в вождях дунаданов, из которых первым был Аранарт, сын Арведуя. Его сын Арахаэл воспитывался в Ривенделле, и впоследствии так же поступали со всеми сыновьями вождей. Здесь хранилось и наследие их дома: кольцо Барахира, обломки Нарсила, звезда Элен-

дила и скипетр Аннуминаса[24].

«Когда королевство погибло, дунаданы ушли в тень и стали тайным бродячим народом, и об их делах редко говорили или делали записи. После отплытия Эльронда теперь мало кто помнит о них. Хотя еще до конца Бдительного Мира злые существа снова начали нападать на Эриадор и тайно проникать в него, вожди дунаданов все же проживали свои долгие жизни. Арагорн I, говорят, был убит волками, которые всегда представляли и до сих пор представляют опасность в Эриадоре. Во дни Арахада I орки, которые, как выяснилось позже, втайне давно уже заняли крепости в Туманных Горах, чтобы закрыть все проходы в Эриадор, внезапно заявили о себе. В 2509 году Келебриан, жена Эльронда, направ-

[24] Примечания: 24

Скипетр был в Нуменоре главным знаком королевского достоинства — так было и в Арноре, чьи короли не носили короны, но украшали себя единственным белым камнем — Элендилмиром, звездой Элендила, привязанной ко лбу серебряной лентой (I, 312; VI, 294). Там, где Бильбо в своих стихах упоминает корону, он, несомненно, имеет в виду Гондор: похоже, он хорошо знаком со всем, что касается родословной Арагорна. Говорят, что скипетр Нуменора погиб с Ар-Фаразоном. Скипетр Аннуминаса был серебряным жезлом повелителей Андунис и теперь, вероятно, является самым древним предметом, изготовленным людьми, в Средиземье. Ему было не менее 5000 лет, когда Эльронд вручил его Арагорну (VI, 295). Корона Гондора происходит от нуменорского боевого шлема. Говорят, именно его носил Исилдур в битве при Дагорладе (шлем Анариона был разбит камнем, брошенным из Барад-Дура). Но в дни Атанатара Алкарина он был заменен драгоценным шлемом, которым короновался и Арагорн.

лялась в Лориен. На Перевале Красного Рога она попала в засаду… Охрана ее была рассеяна внезапным нападением орков, а ее захватили в плен. Эльладан и Эльрохир пошли по ее следам и освободили ее, но до этого орки подвергли ее пыткам и нанесли рану отравленным лезвием[25]. И ее привезли назад в Имладрис, и тело ее было излечено Эльрондом, но радость жизни к ней так и не вернулась, и она отправилась в Серую Гавань и уплыла за Море. Позднее, во дни Арассуила, орки, вновь расплодившись в Туманных Горах, начали грабить земли и дунаданы и сыновья Эльронда боролись с ними. Именно в это время большой отряд орков дошел до самого Шира и был остановлен Бандобрасом Туком»[26].

Всего было четырнадцать вождей до рождения пятнадцатого и последнего — Арагорна II, который стал королем Гондора и Арнора.

«Наш король — называем мы его. И когда он прибыл на Север в свой дом в восстановленном Аннуминасе и жил некоторое время у озера Ивендим, все в Шире радовались. Но он не вошел в нашу землю и сам связал себя собственным

---

[25] Примечания: 25
И, 303.

[26] Примечания: 26
I, 23.

законом, по которому никто из рослого народа не должен переступать наши границы. Но он часто с большой свитой приезжал к мосту и здесь приветствовал своих друзей и других, желавших видеть его; и некоторые уезжали с ним и жили в его доме, сколько хотели. Тэйн Перегрин бывал там много раз; и мэр мастер Сэмвайс тоже. Его дочь Эланор Прекрасная была одной из фрейлин королевы Ивенстар».

Гордостью северной линии было то, что, хоть власть ее исчезла и люди рассеялись, преемственность от отца к сыну сохранялась на протяжении многих поколений. К тому же, несмотря на то что продолжительность жизни дунаданов в Средиземье неуклонно сокращалась, в Гондоре этот процесс шел быстрее и многие вожди Севера по-прежнему жили вдвое дольше обычных людей и намного дольше даже самых старых из нас. Арагорн прожил сто девяносто лет, дольше всех в своем роду, за исключением короля Арвегила, но в Арагорне Элессаре воскресло достоинство королей древности.

4

Гондор и потомки Анариона

После Анариона, убитого в битве у Барад-Дура, в Гондоре был тридцать один король. Хотя война на границах Гондора никогда не затихала, в течение более чем тысячи лет богатство и власть над землей и морем дунаданов Юга всё возрастали — до правления Атанатара II, прозванного Алкарином — Великолепным. Но уже тогда появились признаки упадка: короли и маршалы Юга женились поздно, и у них было мало детей. Первым бездетным королем был Фаластур, вторым — Нармакил I, сын Атанатара Алкарина.

Остогер, седьмой король, восстановил Минас-Анор, в котором впоследствии короли жили летом. В это время на Гондор впервые напали дикие люди с Востока. Но Таростар, сын Остогера, нанес им поражение, отогнал от границ Гондора и принял имя Ромендакил — «Победитель Востока». Позже, однако, он был убит в битве с новыми полчищами восточных дикарей. Его сын Турамбар отомстил за него и завоевал обширные территории.

С Тараннона, двенадцатого короля, начинается линия «корабельных королей», которые строили

флотилии и распространили власть Гондора по берегам к западу и югу от устья Андуина. Чтобы отметить свои победы, Тараннон короновался под именем Фаластура — Повелителя Берегов.

Эарнил I, его племянник, сменивший его на престоле, восстановил древнюю гавань в Пеларгире и построил большой флот. Он осадил Умбар на море и на суше и взял его, и Умбар превратился в сильную крепость и порт Гондора[27]. Но Эарнил недолго прожил после своего триумфа. Он со множеством кораблей и людей погиб в буре на пути из Умбара. Его сын Кирьяндил продолжил строительство кораблей, но люди Харада во главе с бежавшими предводителями Умбара, собрав большое войско, напали на эту крепость, и сам Кирьяндил пал в битве при Харадвайте.

В течение многих лет Умбар был осажден, но так и не был захвачен, благодаря силе Гондорского флота. Кирьягер, сын Кирьяндила, дождался благоприятной возможности и с большой силой пришел с севера по воде и по суше. Его армии

---

[27] Примечания: 27

Большой мыс и хорошо укрытый залив Умбар с давних времен был нуменорской землей; но это была крепость людей короля, которых впоследствии называли черными нуменорцами. Их развратил Саурон, и они больше всего ненавидели последователей Элендила. После падения Саурона их раса быстро пришла в упадок, но они унаследовали ненависть к Гондору. Умбар был взят с большим трудом.

нанесли сокрушительное поражение людям Харада, и короли Харада вынуждены были признать господство Гондора (1050). Кирьягер принял имя Хьярмендакил — Победитель Юга.

Во все время его правления ни один враг не осмеливался бросить вызов мощи Хьярмендакила. Он был королем сто тридцать четыре года. Это было, за одним исключением, самое долгое правление во всей линии Анариона. В его дни Гондор достиг вершины своего могущества. Королевство протянулось на север до Келебранта и южных окраин Мерквуда, на запад — до Грейфлад, на восток — до Внутреннего Моря Руна, на юг — до реки Карнен и оттуда по берегу до полуострова и гавани Умбара. Люди долин Андуина признавали его власть; короли Харада платили Гондору дань, а их сыновья в качестве заложников жили при дворе короля Гондора. А Мордор был опустошен, и мощные крепости на его границах охраняли все выходы из него.

Так кончилась линия «корабельных королей». Атанатар Алкарин, сын Хьярмендакила, жил в такой роскоши, что люди говорили: «Драгоценные камни в Гондоре все равно что булыжники, и ими играют дети». Но Атанатар любил безделье и ничего не делал для поддержания унаследованной

мощи, и два его сына имели такой же характер. Увядание Гондора началось еще до его смерти и было, несомненно, подмечено врагами. Охрана границ с Мордором ослабла. Тем не менее только в дни Валакара первое большое зло пришло в Гондор — гражданская война из-за родственных раздоров, которая вызывала большие потери и разрушения, чьи последствия так никогда и не удалось изжить полностью.

Миналкар, сын Калмакила, был человеком большой доблести, и в 1240 году Нармакил, чтобы избавиться от всех забот, сделал его правителем королевства. С этого времени он управлял Гондором от имени короля, пока не сменил своего отца. Главная его забота была связана с людьми Севера.

Благодаря миру, обеспеченному мощью Гондора, они быстро прирастали числом. Короли оказывали им благоволение, поскольку из малых людей они были ближе всего к дунаданам (будучи потомками тех людей древности, от которых происходили и эдайны); и короли дали им обширные земли за Андуином южнее Гринвуда, чтобы они сдерживали натиск Востока. Ибо в прошлом набеги восточных орд главным образом осуществлялись через равнину между Внутрен-

ним Морем и Пепельными Горами.

Во дни Нармакила I их нападения возобновились, хотя поначалу и малыми силами; но правитель узнал, что люди Севера не всегда сохраняли верность Гондору и некоторые из них присоединялись к отрядам Востока либо с жаждой добычи, либо вследствие раздоров между принцами. Поэтому Миналкар в 1248 году выступил с большим войском, между Рованьоном и Внутренним Морем нанес поражение людям Востока и уничтожил все их лагеря и поселения к востоку от Моря. Затем он принял имя Ромендакил.

Вернувшись, Ромендакил укрепил западный берег Андуина до впадения в него Лимлайта и запретил чужеземцам проезд вдоль реки ниже Эмин-Муила. Именно он поставил столбы Аргоната у входа в Нен-Хитоел. Но поскольку он нуждался в людях и хотел усилить и Гондор, и Север, он принимал многих к себе на службу и давал им высокие звания в своей армии.

Ромендакил проявлял особую склонность к Видугавии, который помогал ему в войне. Он называл себя королем Рованьона и был действительно самым сильным из северных принцев, хотя его собственное государство лежало меж-

ду Гринвудом и рекой Кельдуин[28]. В 1250 году Ромендакил отправил своего сына Валакара в качестве посла к Видугавии, чтобы он жил с ним и познакомился с языком, обычаями и политикой людей Севера. Но Валакар пошел дальше желаний своего отца. Он полюбил Север и его людей и женился на Видумави, дочери Видугавии. Это было за несколько лет до его возвращения. Из-за этого брака впоследствии вспыхнула гражданская война.

«Ибо высокие люди Гондора искоса смотрели на северян; и было неслыханным поступком для наследника короны или вообще для сына короля жениться на представительнице малой и чуждой расы. Когда король Валакар состарился, в южных районах начались восстания. Его королева была прекрасной и благородной леди, но в соответствии с участью малых людей жила она недолго, и дунаданы боялись, что ее потомки унаследуют эту ее особенность и мощь королей ослабнет. К тому же они не хотели признавать своим повелителем ее сына, который, хоть теперь и назывался Эльдакаром, был рожден в чужой стране и в юности носил имя Винитарья — имя

[28] Примечания: 28
Река Быстротечная.

народа своей матери.

Поэтому, когда Эльдакар занял место отца, в Гондоре началась война. Но Эльдакар не пожелал легко отказаться от своего наследия. К гондорскому происхождению в нем прибавился бесстрашный дух северян. Он был прекрасен и отважен и не проявлял никаких признаков быстрого старения. И когда восставшие под предводительством потомков королей выступили против него, он сражался изо всех сил. Наконец он был осажден в Осгилиате и долго удерживал его, но из-за голода и большого превосходства сил противника вынужден был бежать, оставив Город в огне. Во время этой осады и пожара была разрушена Башня Камня в Осгилиате, а сам палантир утонул в реке.

Но Эльдакар ускользнул от своих врагов и прибыл на Север, к своим родичам в Рованьон. Здесь к нему примкнуло много как северян, так и гондорцев, в том числе дунаданы из северных частей королевства. Многие успели по достоинству оценить его, другие приходили из-за ненависти к узурпатору. Им оказался Кастамир, внук Калимехтара, младшего брата Ромендакила II. Он не только был ближайшим по крови претендентом на корону, но и имел больше всех сторонников

среди восставших: он был адмиралом флота и пользовался поддержкой населения берегов и больших портов Пеларгира и Умбара.

Не успел Кастамир сесть на трон, как проявил свое высокомерие и невеликодушие. Он был жестоким человеком, что и продемонстрировал при взятии Осгилиата. Он приговорил к смерти захваченного в плен Орнендила, сына Эльдакара; а убийства и разрушения в Городе, произведенные по его приказу, намного превосходили нужды войны. Это запомнили в Минас-Аноре и Итилиене; любовь к Кастамиру еще уменьшилась, когда стало ясно, что он мало заботится о землях, думая только о флоте и собираясь перенести королевскую резиденцию в Пеларгир.

Кастамир пробыл королем десять лет. Эльдакар, дождавшись удобного момента, пришел с большой армией с Севера, и народ сбегался к нему из Каленардона, и с Анориен, и из Итилиена. Произошло большое сражение в Лебеннине у перекрестка Эруй, в котором было пролито много лучшей гондорской крови. Эльдакар сам убил Кастамира в поединке и так отомстил за смерть Орнендила, однако сын Кастамира бежал и со своими родичами и сторонниками закрепился в Пеларгире.

Когда здесь собралось много противников короля (у Эльдакара не было кораблей, чтобы осадить Пеларгир с моря), они уплыли и обосновались в Умбаре. И здесь были убежище для всех врагов короля и земля, не зависящая от его короны. Умбар оставался в состоянии войны с Гондором на протяжении многих поколений и представлял постоянную угрозу береговой линии и движению по морю. Он никогда не был полностью подчинен до дней короля Элессара, а район южного Гондора оставался спорной территорией между пиратами и королями.

Потеря Умбара была большим ударом для Гондора не только потому, что были утрачены земли на юге и возросла угроза со стороны Харада, но и потому, что именно там Ар-Фаразон Золотой, последний король Нуменора, высадился и покорил Саурона. Хотя затем наступили злые времена, даже последователи Элендила с гордостью вспоминали прибытие большого войска Ар-Фаразона из глубин Моря, и на самом высоком холме над большой гаванью они установили как памятник большой белый столб. Он был увенчан хрустальным шаром, который отражал лучи солнца и луны и сиял, как яркая звезда, что в самую ясную погоду была видна далеко в Гондоре и в Море. Так

он стоял, пока после второго подъема Саурона Умбар не попал под власть его слуг и памятник его уничтожения не был низвергнут».

После возвращения Эльдакара кровь королевского рода и других дунаданских родов смешалась с кровью малых людей. Многие великие были убиты в междоусобной резне; после этого Эльдакар проявил милость к северянам, с чьей помощью он вернул себе корону, и люди Гондора часто заменялись теми, кто пришел с Севера.

Это смешение поначалу не настолько ослабило дунаданов, как того опасались, но мало-помалу они увядали. Несомненно, происходила медленная, но неуклонная утрата нуменорских даров после падения Земли Звезд. Эльдакар дожил до двухсот тридцати пяти лет и занимал престол в течение восьмидесяти пяти лет, из которых десять провел в изгнании.

Второе и еще большее зло явилось в Гондор во время правления Телемнара, двадцать шестого короля, чей отец Минардил, сын Эльдакара, был убит в Пеларгире пиратами из Умбара (ими командовали Ангамайте и Сангахьяндо, правнуки Кастамира). Вскоре темные ветры принесли с востока смертоносную чуму. Король и его дети

умерли, и множество жителей Гондора, особенно в Осгилиате. Из-за болезни и отсутствия людей наблюдение за границами Мордора прекратилось, и крепости, охранявшие проходы, опустели.

Позднее было замечено, что это случилось тогда, когда на Гринвуд легла Тень и появилось много злых существ, что указывало на оживление Саурона. Конечно, враги Гондора тоже пострадали, иначе они захватили бы его; но Саурон мог ждать, а для него желаннее всего была свобода границ Мордора.

Когда умер король Телемнар, засохло Белое Древо Минас-Анора. Но Тарондор, сменивший его на престоле, посадил росток дерева в Цитадели. Он перенес постоянную резиденцию короля в Минас-Анор, поскольку Осгилиат к этому времени опустел и начал разрушаться. Мало кто из бежавших от чумы в Итилиен или в западные долины вернулся в город.

Тарондор, заняв престол юношей, правил дольше всех королей Гондора; но он немногого сумел достичь, наводя порядок в своем королевстве и медленно восстанавливая его мощь. Но Телумехтар, его сын, не забывший о гибели Минардила и обеспокоенный высокомерием и дерзостью пиратов, которые нападали на побережье вплоть

до Анфаласа, собрал силы ив 1810 году штурмом взял Умбар. В этой войне погибли потомки Кастамира, и Умбар вновь стал крепостью королей. Телумехтар добавил к своему имени титул Умбардакил. Но в новых бедствиях, которые вскоре обрушились на Гондор, Умбар был вновь потерян и оказался в руках людей Харада.

Третьим бедствием было вторжение вейнрайдеров (воинов на телегах), истощивших и без того увядающую мощь Гондора в войне, которая длилась почти сто лет. Это было вторжение многочисленных восточных племен. Вейнрайдеры были сильнее и лучше вооружены, чем участники всех предшествующих набегов. Они передвигались в больших телегах, а их вожди сражались на колесницах. Приведенные в движение, как стало известно впоследствии, послами Саурона, они внезапно обрушились на Гондор, и король Нармакил II пал в сражении с ними за Андуином в 1856 году. Население восточного и южного Рованьона было порабощено, границы Гондора в это время отодвинулись к Андуину и Эмин-Муилу. (Считают, что именно в это время Духи Кольца вернулись в Мордор.)

Калимехтар, сын Нармакила II, возглавив восстание в Рованьоне, отомстил за отца и одержал

большую победу над вейнрайдерами под Дагорладом в 1899 году. На некоторое время опасность была предотвращена. В правление Арафанта на Севере и Ондогера, сына Калимехтара, на Юге два королевства вновь заключили союз после долгого периода размолвки и отчуждения. Ибо наконец стало ясно, что все нашествия на уцелевших потомков Нуменора направляются единой волей. В этот период Арведуй, наследник Арафанта, взял в жены Фириэль, дочь Ондогера (1940). Но ни одно королевство того времени не смогло оказать помощь другому: Ангмар возобновил набеги на Артедайн и в то же время вновь появились усилившиеся вейнрайдеры.

Множество вейнрайдеров прошло южнее Гондора и Мордора, заключив союз с людьми Ханда и ближнего Харада; и при одновременном наступлении с севера и юга Гондор едва не погиб. В 1944 году король Ондогер и оба его сына, Артамир и Фарамир, пали в битве севернее Мораннона, и враг хлынул в Итилиен. Но Эарнил, капитан южной армии, одержал большую победу в южном Итилиене и уничтожил армию Харада, которая перешла реку Порос. Быстро двинувшись на север, он собрал остатки отступавшей северной армии и напал на главный лагерь вейнрайдеров,

когда те пировали, считая, что Гондор поражен и ничто не отделяет их от богатой добычи. Эарнил уничтожил лагерь и сжег телеги, и враг бежал из Итилиена. Большая часть бежавших погибла в Мертвых Болотах.

«После смерти Ондогера и его сыновей Арведуй, король Северного Королевства, заявил свои права на Гондор как прямой потомок Исилдура и как муж Фириэли, единственной оставшейся в живых дочери Ондогера. Требование было отвергнуто. В этом главную роль сыграл Пелендур, наместник короля Ондогера.

Совет Гондора ответил: „Право на Гондор принадлежит единственно потомкам Менелдила, сына Анариона, которому Исилдур передал королевство. В Гондоре это наследие передавалось только сыновьям; и мы не слышали, чтобы закон в Арноре был иным“.

На это Арведуй отвечал: „У Элендила было два сына, из них Исилдур был старшим и наследником отца. Мы слышали, что имя Элендила до сих пор стоит во главе линии королей Гондора, так как он был провозглашен высоким королем всех земель дунаданов. Пока Элендил был жив, правление Югом было передано его сыновьям; но, когда Элендил пал, Исилдур принял высокое

королевство своего отца и передал право на правление Югом сыну своего брата. Он не отказывался от Гондора и не считал, что государство Элендила должно быть разделено надвое.

Больше того, в древности в Нуменоре скипетр передавался старшему из детей короля независимо от его пола. Правда, этот закон не соблюдался в землях изгнанников из-за постоянной военной угрозы; но таков был закон нашего народа, который мы восстанавливаем, видя, что сыновья Ондогера умерли бездетными“[29].

На это Гондор ничего не ответил. Право на корону предъявил Эарнил, победоносный капитан; она была передана ему с одобрения всех дунаданов Гондора, ибо принадлежал он к королевскому роду, будучи сыном Сириондила, сына Калиммакила, сына Аркирьяса, брата Нармакила II. Арведуй не настаивал на своем требовании: у него не было ни сил, ни желания противостоять решению дунаданов Гондора; но это требование никогда не было забыто его потомками, даже

[29] Примечания: 29

Такой закон был принят в Нуменоре (как мы узнали от короля), когда Алдарион, шестой король, оставил после себя только дочь. Она стала первой правящей королевой — Тар-Анкалиме. Но до нее закон был иным. Тар-Элендил, четвертый король, был сменен своим сыном Тар-Менелдуром, хотя дочь короля Сильмариен была старше его. Именно от Сильмариен и происходит Элендил.

когда собственное королевство было ими потеряно. Приближалось время конца Северного Королевства.

Арведуй действительно оказался последним королем, как и показывает его имя. Говорят, что это имя было дано ему при рождении пророком Малбетом, который сказал его отцу: „Ты назовешь его Арведуем, ибо он будет последним в Артедайне. Хотя дунаданам придется сделать выбор, и, если они сделают его в пользу твоего сына, он сменит имя и станет королем большого королевства. А если же нет, тогда много горя и человеческих жизней унесет время, прежде чем дунаданы восстанут, вновь объединившись“.

В Гондоре также только один король последовал за Эарнилом. Может, если бы корона и скипетр объединились, королевство сохранилось бы и много зла было бы предотвращено. Но Эарнил был человеком мудрым и невысокомерным, хотя большинству жителей Гондора королевство Артедайн казалось незначительным, несмотря на родословную его королей.

Он послал Арведую письмо, объявив, что получил корону Гондора в соответствии с законами и нуждами Южного Королевства. „Но я не забываю верность Арнора, не отрицаю нашего родства

и не хочу отчуждения королевств Элендила. Я пошлю вам помощь, когда потребуется, если буду в состоянии“.

Однако не скоро Эарнил почувствовал себя достаточно уверенно, чтобы выполнить свое обещание. Король Арафант продолжал с убывающими силами отражать нападения Ангмара, и Арведуй, занявший его место, поступал так же. Наконец весной 1973 года в Гондор прибыли вестники с сообщением, что Артедайн находится в большой опасности и что Король-Колдун готов окончательно сокрушить его. Тогда Эарнил послал, как мог быстро, на Север своего сына Эарнура с большим флотом и со всеми силами, какие смог выделить. Но опоздал. Прежде чем Эарнур достиг гаваней Линдона, Король-Колдун захватил Артедайн и Арведуй погиб.

И все же, когда Эарнил прибыл в Серую Гавань, радость и удивление охватили людей и эльфов. Так велик был этот флот, что кораблям негде было приставать, хотя и Харлонд, и Форлонд были заполнены; и с кораблей высадилась огромная армия. Так, во всяком случае, казалось людям Севера, хотя это было лишь слабое напоминание о былой мощи Гондора. Больше всего хвалили лошадей, которые прибыли из долин Андуина,

а с ними были высокие и прекрасные всадники — гордые принцы Рованьона.

Тогда Кирдан созвал к себе всех, кого мог, из Линдона и Арнора, и — когда все было готово, войско пересекло Луне и двинулось на север, бросая вызов Королю-Колдуну Ангмара. Говорили, что он теперь живет в Форносте, наполнив его злыми существами и захватив дом и права королей. В своей гордости он не стал ждать врагов в крепости, но вышел им навстречу, думая смести их в Луне.

Но войско Запада обрушилось на него в холмах Ивендим, и здесь, на поле между Ненуйалом и Северными Склонами, произошло большое сражение. Силы Ангмара дрогнули и начали отступать к Форносту, когда главный отряд всадников, обойдя вокруг холмов, ударил по ним с севера. Тогда Король-Колдун со всеми силами, какие смог собрать после поражения в битве, бежал на север, пробираясь в собственное королевство Ангмар. Прежде чем он укрылся в Карн-Думе, его догнала кавалерия Гондора во главе с Эарнуром. В то же время из Ривенделла выступило войско под командованием эльфийского лорда Глорфиндела. Ангмар потерпел окончательное поражение, и ни одного человека или орка из

этого королевства не осталось западнее гор.

Но говорят, когда все было потеряно, появился сам Король-Колдун, в черном, с черной маской и на черном коне. Страх охватил видевших его, однако он в своей ненависти выбрал лишь капитана Гондора и с ужасным криком двинулся на него. Эарнур готов был дать ему отпор, но лошадь его не выдержала и понесла, и он не сумел управиться с ней.

Тогда Король-Колдун рассмеялся, и никто из слышавших не мог забыть этого ужасного смеха. И когда Глорфиндел подъехал к нему на белом коне, Король-Колдун, не переставая смеяться, повернулся и скрылся в Тени. Никто не видел, куда он исчез.

Эарнур хотел было ехать за ним следом, но Глорфиндел, глядя в собирающийся уже мрак, сказал: „Не преследуйте его! Он не вернется в эту землю. Его судьба далеко, и не от руки мужа он падет“. Многие запомнили эти слова; но Эарнур был в гневе и жаждал отомстить за свой позор.

Так кончилось злое королевство Ангмар; и так Эарнур, капитан Гондора, заслужил смертельную ненависть Короля-Колдуна; но прошло много лет, прежде чем это обнаружилось».

Как стало ясно впоследствии, при короле Эар-

ниле Король-Колдун бежал с Севера и явился в Мордор, и здесь собрались остальные Духи Кольца, главой которых он был. Но лишь в 2000 году они по перевалу Кирит-Унгол вышли из Мордора и осадили Минас-Итил. Они взяли его в 2002 году и захватили палантир башни. На протяжении всей Третьей Эры они оставались там, и Минас-Итил стал местом ужаса и с тех пор назывался Минас-Моргул. Многие жители Итилиена покинули свою страну.

«Эарнур был подобен своему отцу доблестью, но не мудростью. Он был человеком с сильным телом и горячим характером. Единственным его удовольствием были сражения или упражнения с оружием. Отвага его была такова, что никто в Гондоре не мог устоять против него в состязаниях с оружием. Он был скорее чемпионом, чем предводителем армии. Он сохранил свою силу и искусство до глубокой старости».

Когда в 2043 году Эарнур получил корону, король Минас-Моргула вызвал его на единоборство, издеваясь над тем, что тот не устоял против него в битве на Севере. Наместник Мардил сдержал гнев короля. Минас-Анор, который со времен короля Телемнара стал главным городом королевства и

постоянной резиденцией королей, был переименован в Минас-Тирит (Башня Стражи), ибо город этот стоял на страже против Зла Мордора.

Эарнур правил уже в течение семи лет, когда Лорд Моргула повторил свой вызов, издеваясь над королем и говоря, что к юношеской трусости в нем прибавилась старческая слабость. Мардил не мог больше удержать короля, и тот с небольшим отрядом рыцарей поехал к Минас-Моргулу. Ни о ком из них больше никогда ничего не слышали. В Гондоре верили, что вероломный враг заманил короля в ловушку и что король умер от пыток в Минас-Моргуле; но поскольку свидетелей его смерти не было, наместник Мардил много лет правил Гондором именем короля.

К этому времени осталось мало представителей королевского рода. Их число сильно уменьшилось в родственней: раздорах; к тому же короли стали ревнивы и бдительно следили за своими родичами. Часто те, на кого падало подозрение, бежали в Умбар и присоединялись к мятежникам; другие, отказываясь от своей родословной, породнились с малыми людьми Средиземья.

Так получилось, что нельзя было найти ни одного претендента на корону с чистой кровью или пользующегося всеобщей поддержкой. Все

боялись новых распрей, опасаясь, что при возобновлении гражданской войны Гондор погибнет. Поэтому наместник продолжал править Гондором, а корона Элендила лежала на коленях короля Эарнила в Доме Мертвых, где ее оставил Эарнур.

Наместники

Род наместников назывался родом Хюрина, ибо они были потомками наместника короля Минардила (1621 —1634) Хюрина из Эмин-Арнена, человека высокого нуменорского происхождения. После него короли всегда избирали себе наместников из числа его потомков, и после дней Пелендура наместничество стало наследственным, передаваясь от отца к сыну.

Каждый новый наместник принимал должность с клятвой «держать жезл и править именем короля до его возвращения». Вскоре это превратилось в ритуал, значение которого утратилось, ибо наместники сосредоточили в своих руках всю полноту королевской власти. Но в Гондоре многие по-прежнему верили, что со временем король вернется, и вспоминали древнюю линию на Севере, представители которой, как говорили, всё еще скрываются в тени. И сердца правящих

наместников ожесточились такими слухами.

Тем не менее наместники никогда не садились на древний трон, не носили короны и не держали скипетра. Знаком их власти служил белый жезл, и у них было белое знамя; а королевское знамя было черным с изображением цветущего Белого Древа под семью звездами.

После Мардила, первого в линии правящих наместников, их было двадцать четыре до времен Денетора II, двадцать шестого и последнего правящего наместника Гондора. Вначале их правление было спокойно, ибо это были дни Бдительного Мира, когда Саурон отступил перед Белым Советом и Духи Кольца скрылись в долине Моргула. Но со времен Денетора I никогда не было полного мира, и, даже если Гондор не вел открытых войн, его границы находились под постоянной угрозой.

В конце правления Денетора I из Мордора впервые вышла раса уруков — черных орков, свирепых и сильных. В 2475 году они прошли через Итилиен и захватили Осгилиат. Боромир, сын Денетора (в его честь в свое время был назван Боромир, один из девяти участников Товарищества), нанес им поражение и освободил Итилиен; но Осгилиат был полностью разрушен, а боль-

шой каменный мост сломан. Впоследствии люди здесь уже не жили. Боромир был великим военачальником, и даже Король-Колдун опасался его. Благородный и прекрасный, с сильным телом и волей, он был ранен во время войны отравленным оружием, и эта рана сократила его дни: он высох от боли и умер через двенадцать лет после своего отца.

После Боромира началось долгое правление Кириона. Он был бдителен и осторожен, но Гондор ослаб и мог лишь охранять свои границы, в то время как враги (или власть, двигающая ими) готовили свои удары, а он не мог помешать этому. Пираты грабили берега Гондора, но главная опасность сосредоточилась на Севере. На широких землях Рованьона, между Мерквудом и Рекой Быстротечной, жили теперь свирепые люди, находившиеся в тени Дол-Гулдура. Они часто совершали набеги через лес, пока долина к югу от Андуина и Полей Радости не превратилась в пустыню. Эти балхоты постоянно усиливались за счет своих родичей, приходивших с Востока, в то время как население Каленардона сокращалось. И Кирион с трудом удерживал линию по Андуину.

«Предчувствуя бурю, Кирион послал на север

за помощью, но опоздал: в этом году (2510) балхоты, построив много больших лодок и плотов на восточном берегу Андуина, переплыли Реку и смели защитников. Армия, двигающаяся с юга, была отрезана и отступила на север, к Лимлайту, где на нее внезапно напала и потеснила ее к Андуину орда горных орков. И тогда с севера пришла помощь, которой никто не ждал, и впервые в Гондоре услышали рога рохирримов. Эорл Юный со своими всадниками ударил по врагам, и балхоты все были перебиты на полях Каленардона. Кирион подарил эти земли Эорлу, и тот поклялся в дружбе Гондору, пообещав оказывать помощь в случае необходимости».

Во дни Берена, девятнадцатого наместника, еще большая опасность обрушилась на Гондор. Из Умбара и Харада приплыли три долго втайне готовившихся флота и высадили на берега Гондора большое войско: враг совершал множество высадок вплоть до самого устья Исена. В то же время на рохирримов напали с запада и востока, земля их была захвачена, и они отступили в долины Белых Гор. В этом году (2758) была Долгая Зима с сильными ветрами, длившаяся пять месяцев. Хельм Роханский и оба его сына погибли в войне; нищета и смерть царили во всем Эриадоре

и Рохане. Но в Гондоре, южнее гор, положение было легче, и с наступлением весны Берегонд, сын Берена, прогнал захватчиков. Немедленно он отправил помощь в Рохан. Он был величайшим из капитанов Гондора после Боромира, и, когда он сменил своего отца (2763), Гондор начал восстанавливать свои силы. Но Рохан было труднее излечить от ран войны. Поэтому-то Верен приветствовал Сарумана и передал ему ключи Ортанка, и с этого года (2759) Саруман поселился в Исенгарде.

Во дни Берегонда в Туманных Горах разгорелась война гномов и орков (2793—2799), и на юг о ней долетели лишь слухи. Затем орки бежали из Нандухириона, пытаясь перейти Рохан и обосноваться в Белых Горах. В горных долинах много лет шла борьба, пока все не затихло и опасность не миновала.

Когда умер Белектор II, двадцать первый наместник, Белое Древо засохло и в Минас-Тирите, но его оставили стоять «до возвращения короля», ибо не смогли найти ни одного отростка.

Во дни Турина II враги Гондора оживились снова: власть Саурона возрастала и день его появления приближался. Все, кроме самых мужественных, покинули Итилиен и переселились

к западу от Андуина, ибо земля кишела мордорскими орками. Именно Турин построил тайные убежища для своих солдат в Итилиене — из этих убежищ дольше всего сохранялся Хеннет-Аннун. Он также укрепил остров Кайр-Андрос[30], чтобы защищать Анориен. Но главная опасность находилась на юге, где харадримы заняли южный Гондор и по всей реке Порос проходили ожесточенные схватки. Когда враг наводнил Итилиен, король Рохана Фолквайн выполнил клятву Эорла и отплатил за помощь, оказанную Берегондом, послав много людей в Гондор. С их помощью Турин одержал победу на Поросе, но оба сына Фолквайна пали в этой битве. Всадники похоронили их по обычаю своего народа в одной могиле, так как они были близнецами. Долго простояла их могила — Хауд-Гванур — высоко на берегу реки, и враги опасались проходить мимо.

Турина сменил Тургон. Его время памятно главным образом тем, что за два года до его смерти вновь восстал Саурон и открыто объявил о себе; он вошел в Мордор, который долго к этому готовился. Вновь поднялся Барад-Дур, Гора Судьбы

[30] Примечания: 30

Это название означает «корабль с длинной пеной»: остров напоминает корабль с высоким носом, указывающим на север; о него разбиваются воды Андуина, образуя длинные полосы пены.

извергла пламя, и последние люди бежали из Итилиена. Когда Тургон умер, Саруман объявил Исенгард своей собственностью и начал укреплять его.

«Эктелион II, сын Тургона, был мудрым человеком. Он вновь начал укреплять королевство, чтобы предотвратить нападение из Мордора. Он приглашал отовсюду достойных людей к себе на службу и тем, кто оправдывал его ожидания, давал звания и награды. Во всех его делах ему помогал великий воин, которого он любил больше всех. В Гондоре этого человека звали Торонгил — Звездный Орел, ибо он был зорким и быстрым, а на плаще у него была вышита серебряная звезда. Но никто не знал ни его настоящего имени, ни того, в какой земле он родился. Он пришел к Эктелиону из Рохана, где до этого служил королю Тенгелу, но был не из рохирримов. Он был великим предводителем людей на суше и на море, но до конца дней Эктелиона исчез.

Торонгил убеждал Эктелиона, что мятежники Умбара представляют большую опасность для Гондора. Если Саурон начнет открытую войну, это будет смертельная угроза для южных районов. Наконец он получил разрешение наместника, собрал небольшой флот, внезапно приплыл но-

чью в Умбар и сжег большую часть пиратских кораблей. Сам он в сражении на причалах убил начальника гавани и отступил с малыми потерями. Но когда флот вернулся в Пеларгир, к печали и удивлению людей, Торонгил не показался в Минас-Тирите, где его ждали великие почести.

Он отправил прощальное послание Эктелиону, в коем было сказано: „Другие задачи ждут меня теперь, повелитель, и много времени пройдет, много опасностей минует, прежде чем я снова появлюсь в Гондоре, если такова будет моя судьба“. И хотя никто не знал, о каких задачах он говорил и кто его вызвал, было известно, куда он направился. Он на лодке пересек Андуин, попрощался со своими спутниками и дальше пошел один, и, когда его видели в последний раз, лицо его было обращено к Тенистым Горам.

В городе уход Торонгила вызвал отчаяние, всем это казалось огромной потерей, кроме Денетора, сына Эктелиона, готового принять наместничество. Через четыре года после смерти своего отца он стал наместником.

Денетор II был гордым человеком, высоким, отважным и более похожим на короля, чем любой из людей Гондора. К тому же он был мудр, проницателен и хорошо знал сказания прошлого.

Он был так похож на Торонгила, что мог быть принят за его ближайшего родственника, и все же в сердцах людей и во мнении отца он находился на втором месте после чужеземца. Многие подумали, что Торонгил удалился, прежде чем его соперник станет наместником; хотя на самом деле Торонгил никогда не соперничал с Денетором и не претендовал на большее, чем роль слуги его отца. И лишь в одном их советы расходились: Торонгил часто предупреждал Эктелиона, чтобы он не верил Саруману Белому в Исенгарде, но приветствовал бы Гэндалфа Серого. Но между Денетором и Гэндалфом не было любви, и после смерти Эктелиона Серого Пилигрима встречали в Минас-Тирите неодобрительно. Поэтому позже, когда все прояснилось, многие считали, что Денетор, обладавший проницательным умом и видевший дальше и глубже других людей, догадался, кто такой на самом деле этот чужеземец Торонгил, и заподозрил, что он в союзе с Митрандиром и хочет отстранить наместника.

Когда Денетор стал наместником (2984), он оказался властным повелителем, державшим все дела государства в своих руках. Он мало говорил. Выслушивал все советы, а затем поступал по-своему. Он поздно женился (2976), взяв в жены

Финдуилас, дочь Адрахила из Дол-Амрота. Она была женщиной великой красоты и с нежным сердцем, но через двенадцать лет умерла. Денетор любил ее по-своему, и еще больше он любил старшего сына. Но людям казалось, что она увяла в крепости, как цветок из приморской долины, пересаженный на голую скалу. Тень Востока наполняла ее ужасом, и она обращала взор на юг, к Морю, которое утратила.

После ее смерти Денетор стал еще угрюмее и молчаливее, чем прежде; часто он сидел в одиночестве в башне, погрузившись в задумчивость и предвидя, что нападение Мордора произойдет в его время. Впоследствии стало ясно, что, нуждаясь в знаниях, будучи гордым и веря в свои силы и волю, Денетор осмелился заглянуть в палантир Белой Башни. Никто из наместников не решался на это, не делали этого даже короли Эарнил и Эарнур после падения Минас-Итила, когда палантир Исилдура попал в руки Врага, ибо Камень Минас-Тирита был палантиром Анариона, наиболее близким к тому, которым владел Саурон.

Таким путем Денетор получил знания обо всем, что происходит в его королевстве и далеко за его пределами, чему удивлялись все люди; но он дорого заплатил за эти знания, преждевременно

состарившись из-за своей напряженной борьбы с Сауроном. Гордость росла в Денеторе вместе с отчаянием, пока он не стал во всех делах видеть соперничество повелителя Белой Башни и повелителя Барад-Дура и не перестал доверять всем остальным борющимся с Сауроном, даже если они служили ему самому.

Приближалось время Войны Кольца, и сыновья Денетора выросли. Боромир, старше своего брата на пять лет, любимый отцом, был похож на него лицом и гордостью, но мало чем еще. Характером он скорее напоминал древнего короля Эарнура, не пожелавшего жениться и находившего удовольствие только в занятиях с оружием. Он был бесстрашен и силен, но не интересовался стариной, за исключением сказаний о битвах. Младший, Фарамир, был похож на него внешне, но с характером совсем иным. Он читал в сердцах людей так же легко, как и его отец, но это вызывало у него скорее жалость, чем презрение. Он был мягок в обращении, любил сказания и музыку, и поэтому многие в эти жестокие дни считали его менее храбрым, чем его брат. Однако это было не так, хотя Фарамир никогда не искал славы и опасности без необходимости. Он радостно встречал Гэндалфа, когда тот появлялся в городе, и узнавал

от него, что было можно, и этим, как многим другим, он вызывал недовольство своего отца.

Но братья очень любили друг друга, и с детства Боромир был помощником и защитником Фарамиру. Не было между ними ни ревности, ни соперничества из-за милостей отца или из-за похвалы воинов. Фарамир считал, что никто в Гондоре не может соперничать с Боромиром, наследником Денетора, капитаном Белой Башни, и сам Боромир считал так же. На деле все оказалось иначе. Но обо всем, что выпало на долю этих троих в Войне Кольца, многое уже сказано. А после войны дни правящих наместников кончились, ибо вернулся наследник Исилдура и Анариона, возобновилось Королевство, и на Башне Эктелиона развернулось черное знамя с Белым Древом».

5

Далее излагается часть сказания об Арагорне и Арвен

Арадор был дедом короля. Его сын Араторн захотел жениться на Гильрайн Прекрасной, дочери Дирхаэла, который сам был потомком Аранарта. Дирхаэл противился этому браку: Гильрайн была молода и еще не достигла возраста, в котором

женщины дунаданов вступают в брак.

— Больше того, — говорил он, — Араторн уже взрослый человек и скоро будет вождем, но сердце мое предсказывает, что ему суждена короткая жизнь.

Однако Иворвен, его жена, которая тоже обладала даром предвидения, ответила:

— Тем более надо поспешить! День меркнет перед бурей, и приближается время великих событий. Если эти двое теперь поженятся, в нашем народе может возродиться надежда; но если они опоздают, надежда угаснет навсегда.

И вот, когда Араторн и Гильрайн были женаты всего год, Арадора захватили горные тролли к северу от Ривенделла, и он был убит, и Араторн стал вождем дунаданов. На следующий год Гильрайн родила ему сына, названного Арагорном. Арагорну было только два года, когда Араторн отправился с сыновьями Эльронда в поход против орков и был убит вражеской стрелой, пронзившей ему глаз, — у него действительно оказалась короткая жизнь для его расы: он погиб шестидесяти лет от роду.

Тогда Арагорн, будучи наследником Исилдура, был отправлен со своей матерью в дом Эльронда. И Эльронд заменил ему отца и полюбил как

собственного сына. Арагорна называли Эстел, что означает «надежда», а его подлинное имя и происхождение по просьбе Эльронда хранили в тайне: Мудрые уже знали, что Враг ищет наследника Исилдура, если он существует на земле.

Когда Эстелу исполнилось двадцать лет, он вернулся в Ривенделл после долгой поездки в обществе сыновей Эльронда; и Эльронд взглянул на него и обрадовался, потому что Эстел был прекрасен и благороден, он рано возмужал и стал силен телом и мудр. В этот день Эльронд назвал его настоящим именем и открыл ему, кто он такой и чей сын; и он передал ему наследие его рода.

— Вот кольцо Барахира, — сказал он, — давний знак королевского рода. Вот обломки Нарсила. С этим мечом ты еще совершишь великие деяния, ибо я предсказываю, что твоя жизнь продлится дольше жизни обычных людей, если только ты выдержишь испытание. Будет оно суровым и долгим. Скипетр Аннуминаса я оставлю у себя: ты еще не заслужил его.

На следующий день в час заката Арагорн в одиночестве ходил по лесу, и сердце его радовалось. Он пел, он был полон надежды, и Мир казался ему прекрасным. И неожиданно увидел он девушку, идущую по лужайке среди белых березовых

стволов; он остановился, пораженный, полагая, что видит сон или обрел дар эльфийских менестрелей, способных то, о чем поют, показывать слушателям.

Ибо Арагорн пел как раз ту часть баллады о Лютиен, в которой рассказывается о встрече Лютиен и Берена в лесу Нельдорета. И вот перед его глазами в Ривенделле ожила Лютиен, одетая в сине-серебряный плащ, прекрасная, как вечер в эльфийском доме; ее темные волосы развевались на ветру, а на лбу у нее блестела звезда.

Мгновение Арагорн смотрел в молчании, но, боясь, что она уйдет и он ее больше не увидит, он позвал ее: «Тинувиэль! Тинувиэль!» — как когда-то давно, в древние дни, звал ее Верен.

Девушка повернулась к нему, улыбнулась и спросила:

— Кто ты? И почему зовешь меня этим именем?

И он ответил:

— Потому что думаю, ты действительно Лютиен Тинувиэль, о которой я пел. А если ты не она, то очень похожа на нее.

— Многие так говорят, — серьезно ответила она. — Однако у меня другое имя. Но может, судьба моя будет подобна ее судьбе. А кто ты?

— Меня звали Эстел, — сказал он, — я Арагорн, сын Араторна, наследник Исилдура, глава дунаданов. — Но, говоря это, он почувствовал, что вся его высокая родословная, которой так радовалось его сердце, не слишком многого стоит в сравнении с ее благородством и красотой.

Но она весело рассмеялась и сказала:

— Тогда мы оба издалека. Я Арвен, дочь Эльронда, и меня называют также Ундомиэль.

— Часто в опасные времена люди прячут свое главное сокровище, — сказал Арагорн. — Но я дивлюсь Эльронду и его сыновьям, твоим братьям: я живу в этом доме с детства и не слышал о тебе ни слова. Как случилось, что мы никогда не встречались раньше? Ведь отец не держал тебя запертой в сокровищнице?

— Нет, — ответила она и взглянула на горы, поднимавшиеся на востоке. — Я жила некоторое время в земле родичей моей матери, в далеком Лотлориене. Я лишь недавно приехала навестить отца. Уже много лет не ходила я в Имладрисе.

Арагорн удивился, потому что она казалась не старше его, а ему было всего двадцать лет. Но Арвен посмотрела ему в глаза и сказала:

— Не удивляйся! У детей Эльронда жизнь Старейших.

Арагорн смутился, увидев в ее глазах эльфийский свет и мудрость многих лет; но с этого часа он полюбил Арвен Ундомиэль, дочь Эльронда.

В последующие дни Арагорн был молчалив, и мать поняла, что с ним что-то случилось. Наконец он уступил ее расспросам и рассказал о встрече в лесу.

— Сын мой, — сказала Гильрайн, — цель твоя высока, даже для потомка многих королей. Ибо эта девушка прекрасней и благородней всех ходящих теперь по земле. И не годится смертным жениться на эльфах.

— Но ведь мы с ними в родстве, — сказал Арагорн, — если не лгут сказания о моих предках.

— Они не лгут, — ответила Гильрайн, — но это было давно, в другую эру нашего Мира, до того, как наша раса пришла в упадок. И поэтому я боюсь: доброе отношение мастера Эльронда к наследнику Исилдура может перемениться. Не думаю, что ты встретишь согласие Эльронда в этом деле.

— Тогда дни мои станут горькими, и я стану бродить одиноко в Диких землях, — сказал Арагорн.

— Такая уж выпала тебе доля, — сказала Гильрайн и, хотя она владела даром пророчества, ничего не открыла сыну о своих предвидениях и

никому не говорила о том, что рассказал ей сын.

Но Эльронд многое видел и легко читал в сердцах. Однажды, незадолго до конца года, он позвал Арагорна в свои покои и сказал:

— Слушай меня, Арагорн, сын Араторна и глава дунаданов! Великая судьба ожидает тебя. Либо ты достигнешь высоты своих предков, начиная с Элендила, либо падешь во тьму вместе с остатками твоего народа. Долгие годы труда ждут тебя. Ты не женишься, пока не придет твое время и пока ты не будешь достоин этого.

Арагорн встревожился и сказал:

— Неужели моя мать рассказала вам об этом?

— Нет, — ответил Эльронд. — Твои глаза выдали тебя. Но я говорю не только о своей дочери. Ты вообще не должен обручаться ни с кем из детей земли. Что же касается Арвен Прекрасной, леди Имладриса и Аориена, Ивенстар — Вечерней Звезды моего народа, то ее родословная гораздо выше твоей, и она жила в Мире так долго, что ты по сравнению с ней годовалый саженец рядом с молодой березой, прожившей уже много лет. Она слишком далека от тебя. И я думаю, она считает так же. Но даже если это было бы не так и сердце ее повернулось бы к тебе, я по-прежнему горевал бы из-за ожидающей нас судьбы.

— Какова же эта судьба? — спросил его Арагорн.

— Пока я живу здесь, она сохраняет молодость Старейших, — ответил Эльронд, — а когда я уплыву, она должна будет уплыть вместе со мной или же расстаться с этим даром.

— Понятно, — сказал Арагорн. — Я поднял глаза на сокровище, не менее ценное, чем то, коего некогда пожелал Верен. Такова моя участь. — Внезапно дар пророчества ожил в нем, и он сказал: — Мастер Эльронд, час вашего ухода приближается, и вашей дочери придется делать выбор: отправиться с вами или остаться в Средиземье.

— Верно, — согласился Эльронд, — это будет скоро, по нашему счету, хотя много человеческих жизней может пройти до того времени. Но перед Арвен не будет выбора, если только ты, Арагорн, сын Араторна, не встанешь между нами и не поставишь нас перед необходимостью горького расставания до конца Мира. Ты не знаешь, чего ты хочешь от меня. — Он вздохнул и, серьезно глядя на юношу, добавил: — Годы приведут к решению. Больше не будем говорить об этом. Тьма сгущается, и приближаются злые времена.

На следующий день, получив разрешение Эльронда, Арагорн попрощался с матерью, со всеми

жителями дома Эльронда, не исключая и Арвен, и отправился в Дикие земли. Он около тридцати лет боролся с Сауроном. Он стал другом Гэндалфа Серого, получив от него много мудрости. Вдвоем они совершили много опасных путешествий. Но чем дальше, тем чаще Арагорн действовал один. Пути его были долгими и трудными, внешность стала суровой, и редко случалось ему улыбаться. И люди узнавали в нем короля в изгнании, если только он не скрывал своего облика. Ибо он действовал во многих образах и завоевал славу под многими именами. Он служил в войске рохирримов и сражался за повелителя Гондора на суше и на море; а в час победы он ушел из видимости людей Запада и отправился один далеко на восток и на юг, изучая сердца людей, злых и добрых, раскрывая и срывая заговоры и интриги слуг Саурона.

Он стал мудрейшим из людей, знатоком их искусств и сказаний; он обладал мудростью эльфов, и мало кто мог выдержать огонь в его глазах. Лицо его было печально и строго из-за возложенной на него участи, но надежда жила в глубинах его сердца, и иногда, как родник в скалах, оживала в нем радость.

В возрасте сорока девяти лет Арагорн воз-

вращался из опасного путешествия к самым границам Мордора, где теперь жил и творил свои злые дела Саурон. Арагорн устал и хотел вернуться в Ривенделл, чтобы отдохнуть немного от своих путешествий в далекие страны; путь его пролегал мимо границ Лориена, и Леди Галадриэль приняла его у себя.

Он не знал, что здесь же в это время жила Арвен Ундомиэль. Она не изменилась, ибо годы смертных не трогали ее, но лицо ее было серьезно, и редко звучал ее смех. Арагорн же достиг расцвета тела и разума, и Галадриэль просила его расстаться с изношенным дорожным платьем и одела его в белое с серебром, в серый эльфийский плащ, а на лоб ему повязала звезду. Казалось, это не человек, а эльфийский лорд с западных островов. Таким увидела его Арвен впервые после долгой разлуки. И когда он подошел к ней под цветущими деревьями Карас-Галадона, выбор ее был сделан и судьба решена.

Все лето ходили они вдвоем по лужайкам Лотлориена, пока не пришло время расставаться. И вечером в день середины лета Арагорн, сын Араторна, и Арвен, дочь Эльронда, пошли на холм Керин-Амрот в самом центре Лориена и босиком прошли по траве, усеянной цветами эланора и

нифредила. Отсюда, стоя на холме, смотрели они на восток, в сторону Тени, и на запад, в сторону Сумерек. Здесь они обручились и были счастливы.

И Арвен сказала:

— Тень темна, но сердце мое радуется: ты, Эстел, будешь среди тех великих, кто ее уничтожит.

Но Арагорн ответил:

— Увы! Я не вижу этого. От меня скрыто, как это произойдет. Но в твоей надежде моя надежда. Тень я отвергаю полностью. Но и Сумерки не для меня. Ведь я смертный, и если ты останешься верна мне, Ивенстар, то и ты должна отказаться от Сумерек.

Она стояла, как белое деревце, глядя на запад, и наконец сказала:

— Я буду верна тебе, дунадан, и откажусь от Сумерек. Но там земля моего народа и дом моих предков.

Она горячо любила своего отца.

Узнав о выборе дочери, Эльронд ничего не сказал, но сердце его опечалилось, и он понял, что, хотя давно все предвидел, горе не оказалось от этого легче.

Однако по прибытии Арагорна в Ривенделл Эльронд призвал его к себе и сказал:

— Сын мой, приближаются годы, когда надежда

моя слабеет и я мало что вижу вдали. Тень легла меж нами. Может, так и было предначертано, чтобы моя потеря привела к спасению людей. И хотя я люблю тебя, говорю тебе: Арвен Ундомиэль не расстанется со своим бессмертием из-за меньшей цели. Она не станет женой ни одного человека, кроме короля Гондора и Арнора. Мне твоя победа принесет лишь горе разлуки, тебе — радость и надежду. Увы, сын мой! Боюсь, что на Арвен в конце концов тяжким грузом ляжет людская участь.

Больше Эльронд и Арагорн не говорили об этом. Арагорн вернулся к опасностям и трудам. И пока Тьма нарастала в Мире, пока страх расползался по Средиземью, по мере того как прибывала сила Саурона и Барад-Дур становился выше и неприступнее, Арвен жила в Ривенделле, и, когда Арагорна с ней не было, она издали мысленно следовала за ним и с надеждой подготовила для него большое королевское знамя, которое мог поднять тот, кто заявляет права на руководство всеми нуменорцами и на наследие Элендила.

Через несколько лет Гильрайн вернулась к своему народу в Эриадор и жила в одиночестве; она редко видела сына, проводившего долгие годы в далеких странах. Но однажды, вернувшись на

Север, он пришел к ней, и она сказала ему:

— Это наша последняя встреча, Эстел, сын мой. Я состарилась от забот, как все малые люди; я не могу смотреть на Тьму, сгустившуюся над Средиземьем. Я скоро покину тебя.

Арагорн пытался успокоить ее, говоря:

— Но за Тьмой может скрываться Свет — ты еще увидишь его и возрадуешься.

Но она ответила только таким линнордом:

— Онен и-Эстел Эдайн у-кебин Эстел аним[31].

И Арагорн уехал с тяжелым сердцем. Гильрайн умерла до следующей весны.

Приближалась Война Кольца. О ней уже много сказано в другом месте: как было обнаружено средство, при помощи которого можно победить Саурона, и как в безнадежном положении это средство помогло. И в час поражения Арагорн пришел со стороны Моря и развернул знамя Арвен в битве на полях Пеленнора, и в этот день его впервые приветствовали как короля. И наконец, когда все свершилось, он вступил в права наследства, получил корону Гондора и скипетр Арнора. И в день середины лета года падения Саурона он взял за руку Арвен Ундомиэль, и они

---

[31] Примечания: 31

Я отдаю надежду дунадану, не оставив ее для себя.

поженились в городе королей.

С победой и воскресением надежд закончилась Третья Эра; и среди всеобщей радости тем более печальным было расставание Эльронда и Арвен, ибо Море и судьба разделяли их до конца Мира. Когда Одно Кольцо было уничтожено, а Три Кольца лишились своей власти, Эльронд почувствовал усталость и решил покинуть Средиземье, чтобы никогда не возвращаться. Арвен же стала смертной женщиной, но не судьба ей было умереть, пока она не утратит все свои дары.

Как королева эльфов и людей жила она с Арагорном сто двадцать лет в великой славе; но наконец он почувствовал приближение старости и понял, что жизнь его подходит к концу.

И Арагорн сказал Арвен:

— Наконец, леди Ивенстар, прекраснейшая в Мире и самая любимая, мир мой тускнеет. Мы собирали и тратили, а теперь приближается время последней платы.

Арвен знала, о чем он говорит, она давно предвидела это, и все же ее охватило горе.

— Неркели, повелитель, — сказала она, — ты раньше своего времени уйдешь от народа?

— Совсем не раньше, — ответил он. — И если я не уйду сейчас, я должен буду скоро уйти по

необходимости. И наш сын Эльдарион созрел, чтобы быть королем.

Арагорн пошел в Дом Королей на Безмолвной улице и возлег на смертное ложе, приготовленное для него. Здесь он попрощался с Эльдарионом и отдал ему крылатую корону Гондора и. скипетр Арнора; затем все вышли, кроме Арвен, и она одна стояла в его изголовье. И, несмотря на всю ее мудрость и родословную, никто не мог ей позволить остаться с ним и дальше. Она еще не устала от жизни и полностью испытала добровольно принятую горечь доли смертного.

— Леди Ундомиэль, — сказал Арагорн, — тяжек этот час, но начался он, когда мы встретились под березами в саду Эльронда, где теперь никто не ходит. И мы приняли эту судьбу на холме Керин-Амрот, откуда видели и Тень, и Сумерки. Подумай сама, любимая, нужно ли ждать, пока я совсем сморщусь и упаду со своего высокого трона, выжив из ума. Нет, леди, я последний из нуменорцев и последний из королей Давних Дней, и мне дана не только жизнь обычного человека, но и право уйти по собственной воле. Поэтому сейчас я усну. Я не утешаю тебя, ибо в Кругах Мира нет утешения для такой боли. Но перед тобой снова выбор: раскаяться — и тогда ты

сможешь отправиться в Гавань и унести на Запад память о нашей жизни, ты будешь вечно молода, но я для тебя стану лишь воспоминанием; либо окончательно принять людскую судьбу.

— Нет, дорогой повелитель, — ответила она, — выбор сделан уже давно. Нет больше кораблей, что могли бы унести меня отсюда, и я должна принять участь людей, хочу я этого или не хочу. Но говорю тебе, король нуменорцев, что лишь теперь я поняла сказание о твоем народе и его падении. Я смеялась над ним, теперь я жалею его. Если таков, как говорят Старейшие, дар Одного людям, то как горько принимать его!

— Кажется, что так, — ответил он. — Но мы не сдадимся перед последним испытанием, мы, одолевшие Тень и сумевшие отвергнуть искушение Кольца. Мы уходим в печали, но не в отчаянии. Смотри, Арвен! Мы не связаны ни с одним из Кругов Мира, а за этим Миром нас ждет не только воспоминание. Прощай!

— Эстел, Эстел! — воскликнула она, а он взял ее руки, поцеловал их и — уснул. И великая красота открылась в нем, так что вошедшие потом в изумлении глядели на него: красота молодости, доблести, зрелости, мудрости и мощь старости соединились в нем. И так лежит он, точно символ

великолепия королей человечества, чья слава не затмится до конца Мира.

А Арвен ушла из дома, и свет в глазах ее померк, и людям казалась она холодной и серой, как зимняя беззвездная ночь. Она попрощалась с Эльдарионом, со своими дочерьми и со всеми, кого любила, и ушла из Минас-Тирита, и пришла в Лориен, и жила здесь в одиночестве под увядающими деревьями до прихода зимы. Галадриэль давно ушла, и Келеборн с нею, и земля была тиха и пустынна.

И вот, когда наконец опали листья маллорна, а весна все же не пришла[32], она легла отдохнуть у подножия Керин-Амрота; и здесь ее зеленая могила будет стоять, пока не изменится Мир и дни ее жизни не забудутся людьми, пришедшими ей на смену, и эланор и нифредил больше не цветут к востоку от Моря.

Так кончается сказание, дошедшее до нас с Юга; и уход Ивенстар — позднейшее из упомянутых в этой книге событий, связанных с Давними Днями.

---

[32] Примечания: 32
II, 442.

II
РОД ЭОРЛА

«Эорл Юный был повелителем людей Эотеода. Эта земля лежит у истоков Андуина, между дальними отрогами Туманных Гор и северной частью Мерквуда. Они переселились сюда во дни короля Эарнила II из земель в долинах Андуина между Карроком и Полями Радости; народ этот близок по происхождению к беорнингам и людям с западных окраин леса. Предки Эорла происходили от королей Рованьона, чье королевство лежало за Мерквудом до вторжения вейнрайдеров, и считали себя родственниками королей Гондора. Они любили равнины, больше всего ценили лошадей и искусство верховой езды, но в средних долинах Андуина было густое население; к тому же тень Дол-Гулдура поредела. Услышав о падении Короля-Колдуна, они увидели на севере много свободных земель и прогнали остатки людей Ангмара на восток от гор. Но во дни Леода, отца Эорла, их число снова очень возросло, и они опять испытывали нужду в свободных землях.

В 2510 году Третьей Эры новая опасность нависла над Гондором. Большое войско диких людей

с северо-востока прокатилось по Рованьону и, спустившись с Бурых земель, на плотах переправилось через Андуин. В то же самое время, случайно или намеренно, орки (чья сила перед войной с гномами беспримерно возросла) ударили с гор. Захватчики наводнили Каленардон, и Кирион, наместник Гондора, послал на Север за помощью, ибо была древняя дружба между населением долины Андуина и людьми Гондора. Но теперь в долине Реки людей было мало, и они едва ли могли оказать помощь. Наконец известие о беде Гондора достигло Эорла, и, хотя казалось, что уже поздно, он выступил с большим войском всадников.

И прибыл он к полю битвы Келебрант — так называлась зеленая местность между Сильверлоуд и Лимлайт. Северная армия Гондора находилась в смертельной опасности. Потерпев поражение в Волде и отрезанная с юга, она была прижата к Лимлайт, и здесь ее внезапно атаковали орки. Когда казалось, что все пропало, с Севера прибыли всадники и ударили в тыл врага. Ход сражения изменился, и враг с большими потерями бежал. Эорл возглавил преследование, и так велик был страх перед всадниками с Севера, что захватчики в Волде тоже бежали в панике, и всадники охоти-

лись за ними на равнинах Каленардона».

После чумы население этих районов уменьшилось, да и те, что остались, были убиты свирепыми жителями Востока. Поэтому-то Кирион в награду за помощь отдал Каленардон между Андуином и Исеном Эорлу и его людям. Они послали на север за своими женами и детьми и поселились здесь. Землю эту они назвали Маркой всадников, а себя стали называть эорлингами; но в Гондоре их землю называли Роханом, а их самих рохирримами, или повелителями лошадей. Эорл стал первым королем Марки и выбрал для поселения зеленый холм у подножия Белых Гор, ограждавших с юга его землю. Тут рохирримы впоследствии жили как свободные люди, под управлением своих королей и законов, в нерушимом союзе с Гондором.

«Много повелителей и воинов, много прекрасных и отважных женщин упоминается в песнях Рохана, которые до сих пор помнят на Севере. Говорят, что вождя, который повел людей на Эотеод, звали Фрумгар. Его сын, Фрам, убил Скату, большого дракона в Эред-Митрине, и земля приобрела долгожданный мир. Фрам получил огромное богатство, но враждовал с гномами, которые считали сокровища Скаты своими. Фрам

не дал им ни пенни, но послал ожерелье из зубов Скаты, заявив:

— Таких драгоценностей еще не бывало в ваших сокровищницах, потому что их не так легко добыть.

Говорят, что гномы убили Фрама за это оскорбление. Между людьми Эотеода и гномами никогда не было большой любви.

Отца Эорла звали Леод. Он был укротителем диких лошадей: их было множество в его земле в это время. Он поймал белого жеребца, который быстро превратился в сильного, прекрасного и гордого коня. Ни один человек не мог справиться с ним. Когда Леод попробовал оседлать его, конь понес, сбросил Леода, тот ударился головой о скалу и умер. Ему было тогда всего сорок два года, а его сыну — шестнадцать.

Эорл поклялся, что отомстит за отца. Он долго охотился за конем и наконец увидел его; спутники ожидали, что он подберется на расстояние выстрела из лука и убьет его. Однако, когда они подъехали ближе, Эорл выпрямился во весь рост и громко сказал:

— Иди сюда, Проклятие Человека, и получи новое имя!

К их удивлению, конь обернулся, подошел и

остановился около Эорла, и Эорл сказал:

— Феларофом назову я тебя. Ты любил свободу, и я не осуждаю тебя за это. Но ты должен мне большую виру, и я отбираю у тебя свободу до конца твоей жизни.

Эорл оседлал коня, и Фелароф подчинился, и Эорл поскакал на нем без узды и стремян, и впоследствии он всегда на нем ездил так же. Конь понимал все, что говорили люди, но никому, кроме Эорла, не позволял прикасаться к себе. Именно на Феларофе Эорл мчался на врага по полю Келебрант. Конь этот жил столько же, сколько люди, и таковы же были все его потомки. Их называли меарами, и они носили только королей Марки и их сыновей, пока не пришло время Обгоняющего Тень. Люди говорили, что Бема (Старейшие называли его Ороме) привез их предка с Запада из-за Моря».

«Из королей Марки между Эорлом и Теоденом больше всего известен Хельм Хаммерхенд (Молоторукий). Это был суровый человек огромной силы. Был в его время человек по имени Фрека, который заявлял, что происходит от короля Фреавайна, хотя, как говорят, в нем текла данлендская кровь и волосы его были темны. Он был богат и влиятелен, владея обширными землями по обоим

берегам Адорна[33]. У истоков Адорна он построил крепость и мало считался с королем. Хельм не доверял ему, но приглашал на свои советы, и, когда ему хотелось, Фрека приходил.

На один из советов Фрека приехал с большим отрядом и просил руки дочери Хельма для своего сына Вульфа. Но Хельм сказал:

— Ты сильно вырос, с тех пор как последний раз был здесь, но все это только жир.

И люди смеялись над ним, потому что у фреки был большой живот.

Фрека разгневался, и принялся бранить короля, и сказал наконец:

— Король, который отвергает предложенный ему посох, может упасть на колени.

Хельм ответил ему:

— Погоди! Женитьба твоего сына — малозначительное дело. Хельм и Фрека им займутся позднее. У короля и его совета сейчас есть дела поважнее.

Когда совет окончился, король встал и, положив большую руку на плечо Фреки, сказал:

— Король не разрешает ссоры в своем доме, но снаружи мы почувствуем себя свободнее.

И он заставил Фреку идти перед собой и вывел

---

[33] Примечания: 33

Эта река впадает в Исен западнее Эред-Нимрайса.

его из Эдораса в поле. Людям Фреки он сказал:

— Убирайтесь! Нам не нужны слушатели. Мы хотим поговорить наедине. Уходите и говорите с моими людьми.

Они оглянулись и увидели, что королевских людей гораздо больше, чем их, и отступили.

— Ну, данлендец, — сказал король, — теперь ты имеешь дело только с Хельмом, и одним, и невооруженным. Но ты уже достаточно сказал, и теперь моя очередь говорить. Фрека, твоя глупость выросла вместе с твоим брюхом. Ты говоришь о посохе! Если Хельму не нравится предложенный ему кривой посох, он его ломает. Вот так! — И он ударил Фреку кулаком с такой силой, что тот упал, оглушенный, и скоро умер.

Затем Хельм провозгласил сына и ближайших родственников Фреки врагами короля, и они бежали, потому что Хельм немедленно послал множество людей к западным границам».

Четыре года спустя (2758) большая опасность нависла над Роханом, а Гондор не мог помочь, потому что три пиратских флота одновременно атаковали все его берега. На Рохан напали с востока, а данлендцы, увидев такую возможность, переправились через Исен и выступили из Исенгарда. Скоро стало известно, что их возглавляет

Вульф. Их было множество, да еще к ним присоединились враги Гондора, высадившиеся в устье Левнуя и Исена.

Рохирримы потерпели поражение, и земля их была захвачена. Уцелевшие и не попавшие в плен бежали в горные долины. Хельм с большими потерями отступил от Исена и укрылся в Хорнбурге и в ущелье за ним (впоследствии это ущелье было известно как Пропасть Хельма). Здесь он был осажден. А Вульф взял Эдорас, сел в Медусельде и провозгласил себя королем. Защищая двери королевского зала, последним пал Халет, сын Хельма.

«Вскоре началась Долгая Зима, и Рохан пять месяцев лежал под снегом (с ноября по март 2758—2759). И рохирримы, и их враги сильно страдали от холода и голода. В Пропасти Хельма начался сильный голод, и, впав в отчаяние, младший сын Хельма Хама, вопреки приказу короля, вывел своих людей в набег. Все они погибли в снегу. Хельм был истощен яростью, голодом и горем, и ужас перед ним заставил бежать многих осаждавших. Он выходил один, одетый в белое, прокрадывался, как снежный тролль, в лагерь своих врагов и так убил многих своими руками. Все верили, что если у Хельма нет оружия, то ни-

какое оружие не может поразить его. Данлендцы говорили, что, не находя другой пищи, он пожирал людей. И такие рассказы долго сохранялись в Данленде. У Хельма был большой рог, и вскоре было замечено, что перед выходом из крепости он трубит в него; и при звуках рога такой ужас нападал на врагов, что, вместо того чтобы собраться, схватить его и убить, они бежали куда глаза глядят.

Однажды люди услышали рог Хельма, но сам он не вернулся. Утром впервые за много дней блеснуло солнце, и все увидели неподвижную белую фигуру у выхода из Пропасти. Ни один данлендец не осмелился подойти к ней. Так стоял Хельм, мертвый, как камень, но даже не преклонив колен. Люди говорят, что до сих пор в горах иногда слышен рог Хельма, а сам гнев Хельма ходит среди врагов Рохана, убивая их ужасом.

Вскоре после этого кончилась зима. Из Данхэрроу спустился Фреалав, сын Хильды, сестры Хельма. С небольшим отрядом отчаянных воинов он захватил Вульфа в Медусельде и убил его. После таяния снегов начались большие наводнения и широко разлился Энтвош. Захватчики с Востока погибли или отступили, и наконец пришла помощь из Гондора одновременно по

западной и восточной дорогам с гор. До конца этого года (2759) данлендцы были изгнаны даже из Исенгарда. Фреалав стал королем.

Хельма перенесли из Хорнбурга и похоронили в девятой могиле. Впоследствии на ней так густо цвели симбельмины, что вся могила казалась укрытой снегом. Когда Фреалав умер, началась новая линия могил».

Число рохирримов существенно сократилось из-за войны и голода, сильно пострадал их скот и лошади; и хорошо, что в течение многих лет им больше не угрожала никакая опасность. До правления короля Фолквайна они не могли восстановить свою прежнюю силу.

Во время коронации Фреалава с большими отрядами появился Саруман, произнося хвалу могуществу рохирримов. Вскоре он получил разрешение поселиться в Исенгарде. Это разрешение дал ему Верен, наместник Гондора, так как Гондор по-прежнему считал Исенгард своей крепостью, а не частью Рохана. Верен также передал Саруману ключи от Ортанка. Ни один враг не мог войти в эту башню или причинить ей ущерб.

Так Саруман начал вести себя как повелитель людей. Сначала он удерживал Исенгард как лейтенант наместника и комендант крепости.

Фреалав, как и Верен, был доволен, считая, что Исенгард находится в руках сильного друга. Саруман долго казался другом, а может, и был им сначала. Хотя впоследствии мало кто сомневался, что Саруман пришел в Исенгард в надежде найти Камень и с целью созидания собственного могущества. Несомненно, что после последнего Белого Совета (2953) его намерения по отношению к Рохану, хотя он и скрывал их, были враждебными. Он объявил Исенгард своей собственностью и начал укреплять его, как бы в намерении соперничать с Барад-Дуром. А друзей и слуг он выбирал себе из тех, кто ненавидит Гондор и Рохан. Среди них были и люди, и более злые существа.

Короли Марки

Первая линия

Годы даны по летоисчислению Гондора (Третья Эра).

Обозначены даты рождения и смерти.

2485-2545

1. Эорл Юный. Назван так потому, что сменил своего отца в юности и до старости оставался рыжеволосым и румяным. Дни его были укорочены внезапным нападением жителей Востока. Пал

Эорл по ходу сражения в Волде, и тогда была воздвигнута первая могила. Здесь же был похоронен и Феларофф.

2512-2570

2. Брего. Он изгнал неприятеля из Волда, и в течение многих лет Рохан не подвергался нападениям. В 2569 году он завершил строительство большого дворца Медусельда. На пиру его сын Балдор поклялся, что пройдет Тропами Смерти, пошел и не вернулся[34]. Брего умер от горя на следующий год.

2544-2645

3. Алдор Старый. Второй сын Брего. Известен как Старый, потому что прожил долгую жизнь и был королем в течение семидесяти пяти лет. В его время рохирримы усилились и изгнали или подчинили себе последних данлендцев к востоку от Исена. Были заселены Хэрроудейл и другие горные долины.

О следующих трех королях можно сказать очень немного, потому что в Рохане в это время царили мир и процветание.

2570-2659

---

[34] Примечания: 34
V, 76-77.

4. Фреа. Старший сын, но четвертый ребенок Алдора. Стал королем уже в старости.

2594-2680

5. Фреавайн.

2619-2699

6. Голдвайн.

2644-2718

7. Деор. В его время данлендцы часто нападали, переправляясь через Исен. В 2710 году они заняли пустой Круг Исенгарда, и их не смогли изгнать оттуда.

2668-2741

8. Грам.

2691-2759

9. Хельм Молоторукий. В конце его правления Рохан понес большие потери из-за вторжения неприятеля и Долгой Зимы. Хельм и его сыновья Халет и Хама погибли. Королем стал Фреалав, сестрич Хельма.

Вторая линия

2726-2798

10. Фреалав Хильдесон (сын Хильды). В его вре-

мя в Исенгарде, откуда были изгнаны данлендцы, поселился Саруман. Сначала рохирримы приветствовали его дружбу в дни смерти и слабости.

2752-2842

11. Бритта. Люди прозвали его Леова, потому что он помогал всем нуждавшимся. В его время происходила война с орками, которые, изгнанные с Севера, искали убежища в Белых Горах[35]. Когда он умер, считалось, что все орки уничтожены; но на самом деле это было не так.

2780-2851

12. Валда. Он был королем лишь в течение девяти лет. Убит вместе со всеми спутниками, когда, возвращаясь горными тропами из Данхэрроу, попал в засаду орков.

2804-2864

13. Фолка. Он был великим охотником, но поклялся не охотиться на диких зверей, пока хоть один орк остается в Рохане. Когда была найдена и уничтожена последняя оркская крепость, он отправился на охоту на огромного кабана в пихтовом лесу Эверхолта. Он убил кабана, но тот нанес ему клыками смертельную рану.

---

[35] Примечания: 35
Приложение, раздел «Наместники».

2830-2903

14. Фолквайн. Когда он был королем, рохиррим восстановили свои силы. Он отвоевал западные территории (между Адорном и Исеном), занятые данлендцами. Рохан оказал большую помощь Гондору в тяжелые дни. Когда Фолквайн узнал, что харадримы с большим войском напали на Гондор, он послал много людей на помощь наместнику. Он хотел сам вести войско, но его отговорили, и его сыновья-близнецы Фолкред и Фастред (родились в 2858 году) пошли вместо него. Они пали рядом в Итилиенском сражении (2885). Турин II, наместник Гондора, выслал Фолквайну богатую виру золотом.

2870-2953

15. Фенгел. Третий сын и четвертый ребенок Фолквайна. Его не поминают добрым словом. Он был жаден к золоту, прожорлив, ссорился со своими маршалами и детьми. Тенгел, его третий ребенок и единственный сын, достигнув совершеннолетия, оставил Рохан, долго жил в Гондоре и заслужил большие почести на службе Тургону.

2905-2980

16. Тенгел. Он долго не брал себе жены, но в 2943 году женился на Морвен из Лоссарнаха в

Гондоре, хотя она была моложе его на 17 лет. В Гондоре она родила ему троих детей, из которых единственным сыном был Теоден, второй ребенок. Когда Фенгел умер, рохирримы призвали Тенгела, и он очень неохотно вернулся. Он оказался добрым и мудрым королем, хотя в доме его звучала речь Гондора, и не всем это нравилось. Морвен родила ему в Рохане еще двух дочерей, и последняя из них, Теодвин, была самой прекрасной, хотя родилась поздно, в 2963 году. Брат очень любил ее.

2948-3019

17. Теоден. В сказаниях Рохана его называют Теоден Эднью, или Возобновленный, потому что он поддался чарам Сарумана, был излечен Гэндалфом и восстал в последний год своей жизни, поведя своих людей к победе у Хорнбурга, а затем в битву на полях Пеленнора — самое грандиозное сражение эры. Он пал перед воротами Мундберга. Некоторое время он лежал в земле своего рождения, среди мертвых королей Гондора, но впоследствии был отвезен в Эдорас и захоронен в восьмой могиле своей линии. После него началась новая линия.

Третья линия

В 2989 году Теодвин вышла замуж за Эомунда из Истфолда, главного маршала Марки. Ее сын Эомер родился в 2991 году, а дочь Эовин — в 2995-м. В это время снова поднялся Саурон, и тень Мордора достигла Рохана. Орки начали нападать на восточные районы Марки, убивать или красть лошадей. А другие орки спустились с Туманных Гор, в основном это были большие уруки, которых нанял к себе на службу Саруман, в чем его давно уже подозревали. Главные заботы Эомунда сосредоточились в восточных районах; он любил лошадей и ненавидел орков. Получив сообщение о нападении, он в гневе бросался на врага, сколько бы всадников с ним ни было. Так он и погиб в 3002 году: преследовал небольшой отряд до границ Эмин-Муила, а там его поджидало, затаившись в скалах, большое войско.

Вскоре после этого Теодвин заболела и умерла, к большому горю короля. Ее детей он взял к себе в дом, называя их сыном и дочерью. У него был лишь один собственный ребенок — сын Теодред, которому исполнилось двадцать четыре года. Королева Эльфхильд умерла при рождении сына, и Теоден не женился снова. Эомер и Эовин

росли в Эдорасе и видели, как сгущалась Тьма в залах Теодена. Эомер был похож на отца, но Эовин была высока и стройна, отличалась грацией и гордостью, унаследованными от Морвен Лоссарнахской, которую рохирримы прозвали Стальным Блеском.

2991-Ч. Э. 63 (3084)

Эомер Эадиг. Еще юношей он стал маршалом Марки (3017), и ему были поручены обязанности его отца по охране восточных районов. В Войне Кольца Теодред пал в битве с Саруманом у переправы через Исен. Поэтому перед своей смертью на поле Пеленнор Теоден назвал Эомера своим наследником и провозгласил его королем. В эти дни Эовин также стяжала славу, ибо участвовала в сражении, переодевшись мужчиной; а впоследствии она была известна в Рохане как леди Шильдарм[36].

Во дни Эомера люди Марки обрели драгоцен-

[36] Примечания: 36

Шильдарм — Рука Щита. Ее правая рука была сломана булавой Короля-Колдуна; но он сам превратился в ничто, и так оправдались давно сказанные королю Эарнуру слова Глорфиндела, что Король-Колдун падет не от руки мужа. В песнях Рохана говорится, что Эовин помогал оруженосец Теодена и что он тоже был не мужчиной, не человеком, а халфлингом из далекой страны. Эомер оказал ему почести Марки и назвал Холдвайном (этот Холдвайн не кто иной, как Мериадок Великолепный, впоследствии хозяин Бакленда).

ный мир, население равнины и горных долин прирастало, и лошадей год от года становилось все больше. В Гондоре теперь правил король Элессар, он же правил и Арнором. Он стал королем всех своих древних земель, за исключением Рохана; он подтвердил Эомеру дар Кириона, а Эомер подтвердил клятву Эорла. И часто выполнял ее. Ибо хотя Саурон и ушел, порожденные им ненависть и зло не умерли, и королю Запада пришлось покорить множество врагов, прежде чем Белое Древо смогло расти в мире. И куда бы ни отправился с войной король Элессар, вместе с ним шел и король Эомер, и топот кавалерии Марки был слышен и у Моря Руна, и в далеких полях Юга. И великое множество ветров развевало знамя с изображением белого коня в зеленом поле, пока король Эомер не состарился.

III
НАРОД ДЮРИНА

Относительно происхождения гномов Старейшие и сами гномы рассказывают странные легенды, но, поскольку эти события лежат далеко в прошлом, мало что можно сказать здесь о них. Дюрином гномы называют старейшего из Семи

Отцов своей расы и предка королей Длиннобородых. Он спал в одиночестве, пока в глубинах времени не проснулся, и не пришел в Азанулбизар, и не устроил свое жилище в пещерах над Келед-Зарамом в восточной части Туманных Гор, где впоследствии находились воспетые во множестве песен шахты Мории.

Он жил так долго, что был повсюду известен как Дюрин Бессмертный. Но в конце концов он умер на исходе Давних Дней, и его могила находится в Казад-Думе; однако линия его никогда не прерывалась, и пять раз в его потомстве рождался наследник, столь похожий на него, что он получал имя Дюрина. И гномы на самом деле считали его Бессмертным, который возвращается, у них вообще было много странных сказаний и верований, касавшихся их самих и их судьбы в Мире.

После окончания Первой Эры могущество и богатство Казад-Дума во много раз увеличились: они созидались трудом многих поколений гномов, с тех пор как древние города Ногрод и Белегост в Синих Горах одновременно с падением Тангородрима обратились в руины. Могущество Мории сохранялось на протяжении всех Темных Лет и господства Саурона, ибо, хотя Эрегион был разрушен и ворота Мории закрыты, залы Казад-

Дума были слишком глубоки, неприступны и полны многочисленных доблестных воинов, чтобы Саурон смог захватить их извне. Богатства эти долго оставались нетронутыми, хотя население Мории стало уменьшаться.

Все это кончилось в середине Третьей Эры, когда королем был Дюрин, шестой носитель этого имени. Власть Саурона, Слуги Моргота, вновь возросла в Мире, хотя Тень в лесу, выходящем к Мории, еще не явилась полностью. Все злые твари оживились. Гномы в это время ушли глубоко под горы, надеясь отыскать под Баразинбаром митрил, бесценный металл, с каждым годом все реже попадавшийся добытчикам[37]. Так они разбудили[38] ужасное существо, которое, бежав из Тангородрима, лежало глубоко в основании земли со времени прихода войск Запада. То был Балрог Моргота. Он убил Дюрина, а через год и его сына Найна I — и развеялась слава Мории, а народ ее бежал.

В большинстве своем беженцы направились на север, и Трайн I, сын Найна, прибыл к Эребору,

---

[37] Примечания: 37
II, 420-421.

[38] Примечания: 38
Или освободили из длительного заключения; возможно также, что оно было разбужено злобой Саурона.

Одинокой Горе, вблизи восточной окраины Мерквуда, начал здесь новые работы и стал Королем Под Горой. В Эреборе он отыскал большой драгоценный камень Аркенстоун — Сердце Горы. Но Торин I, его сын, ушел оттуда на далекий Север, к Серым Горам, где собралась теперь большая часть народа Дюрина: эти горы были богаты и мало разработаны. В пустыне за горами жили драконы; через много лет они обрели былую силу и расплодились, начали войну с гномами и разграбили их дворцы. Наконец Дайн I вместе со своим вторым сыном Фрором были убиты на пороге собственного зала огромным драконом.

Вскоре после этого большая часть народа Дюрина покинула Серые Горы. Грор, сын Дайна, ушел с многочисленными последователями в Железные Холмы; но Трор, наследник Трайна, вместе с Борином, братом своего отца, вернулся в Эребор. В большой зал Трайна Трор принес Аркенстоун, и здесь он и его народ процветали и богатели, и все жившие поблизости люди сделались его друзьями. Ибо гномы не только изготавливали оружие необыкновенной красоты и прочности: между ними и их родственниками в Железных Холмах началась оживленная торговля медной рудой. Таким образом северяне, жившие между

Кельдуином (Река Быстротечная) и Карненом (Редуотер — Красная Вода), стали сильны и прогнали всех врагов на восток, и гномы приросли числом, и в залах Эребора часто устраивались пиры и звучали песни.

Слухи о богатствах Эребора разнеслись далеко и достигли ушей драконов, и наконец Смог Золотой, самый большой из драконов того времени, поднялся, напал на короля Трора и без предупреждения в огненном облаке опустился на Гору. Вскоре все королевство было разрушено, а город Дейл, расположенный поблизости, сожжен и покинут. Смог вошел в Большой зал и лег там на груды золота.

Многие родственники Трора спаслись от разграбления и пожара, последними из зала через потайную дверь выбрались сам Трор и его сын Трайн II. Они со всей семьей[39] отправились на юг в долгое бездомное путешествие. С ними была небольшая группа родственников и верных последователей.

---

[39] Примечания: 39

Среди них были и дети Трайна II — Торин (Оукеншильд), Фрерин и Дис. Торин, в представлении гномов, был еще маленьким. А впоследствии выяснилось, что из-под горы спаслось гораздо больше народа, чем можно было надеяться, но в большинстве своем они бежали в Железные Холмы.

Много лет спустя Трор, состарившийся, бедный и покинутый, отдал сыну единственное большое сокровище, которым он обладал, — последнее из Семи Колец и ушел с одним старым товарищем по имени Нар. Об этом Кольце он сказал Трайну при расставании:

— Оно может оказаться подножием нового счастья для тебя, хотя сейчас это кажется невероятным. Но оно нуждается в золоте, чтобы порождать золото.

— Ты ведь не думаешь о возвращении в Эребор? — спросил Трайн.

— Не в моем возрасте, — сказал Трор. — Но наша месть Смогу лежит на тебе и твоих сыновьях. А я устал от нищеты и презрения людей. Я хочу посмотреть, что я еще смогу найти.

Но он не сказал, куда идет.

Возможно, к тому времени он был немного не в себе от старости, несчастий и долгих размышлений о великолепии Мории в дни его предков; или Кольцо, теперь, когда восстал его хозяин, обратившееся ко Злу, привело его к безумию и самоуничтожению. От данлендцев, у которых он затем жил, он пошел вместе с Наром на север, они прошли через перевал Красного Рога и спустились в Азанулбизар.

Когда Трор подошел к Мории, ворота были открыты. Нар просил его быть осторожным, но Трор не обратил на его слова внимания и гордо вошел, как возвращающийся наследник. Но назад не вышел. Нар много дней скрывался у входа в укрытии. Однажды он услышал громкий крик и звук рога, и на ступени лестницы выбросили тело. Боясь, что это Трор, Нар начал подбираться ближе, но из ворот послышался голос:

— Подойди, бородатый! Мы тебя видим. Но сегодня можешь нас не бояться. Ты нужен нам как посланник.

Нар подошел и увидел, что это действительно тело Трора. Но голова его была отрублена и лежала лицом вниз. Наклонившись, он услышал смех орков, и тот же голос сказал:

— Если нищий не ждет у двери, а пробирается внутрь, как вор, так мы поступаем с ним. Если кто-нибудь из ваших сунет сюда свою глупую бороду, его ждет то же самое. Иди и скажи это всем! А если его семья желает знать, кто теперь здесь король, то имя короля написано на его лице. Я написал его! Я убил его! Я здесь хозяин!

Нар перевернул мертвую голову и увидел выжженное на лбу рунами гномов имя *Азог*. Впоследствии это имя горело в его сердце и в сердцах

всех гномов. Нар наклонился, чтобы подобрать голову, но голос Азога сказал[40]:

— Брось ее и убирайся! Вот твоя плата, бородач нищий!

В него ударился маленький мешочек. В нем оказалось несколько мелких монет.

С плачем Нар побежал вниз по Сильверлоуд; оглянувшись, он увидел, как из ворот выходят орки, рубят тело и бросают куски черным воронам.

Такие известия принес Нар Трайну, и Трайн плакал и рвал на себе бороду, а потом замолчал. Семь дней сидел он, не говоря ни слова. Потом встал и сказал:

— Это невозможно вынести!

Так началась война гномов с орками, которая была долгой и смертоносной и велась главным образом глубоко под землей.

Трайн немедленно разослал вестников с этим рассказом на север, восток и запад, но лишь три года спустя гномы завершили сосредоточение своих сил. Народ Дюрина собрал большое войско, и к нему присоединились немалые силы, посланные родами других Отцов, ибо бесчестье потомка одного из Старейших в их расе всех преисполни-

---

[40] Примечания: 40
Азог был отцом Волга.

ло гневом. Когда все было готово, они выступили и, одну за другой, захватили все крепости орков от Гундабада до Полей Радости. Обе стороны были безжалостны, и смерть и жестокость творились и днем и ночью. Но гномы побеждали благодаря своей силе, непревзойденному оружию и огню гнева, и во всех берлогах и укрытиях искали они Азога.

Наконец все орки, бежавшие от них, собрались в Мории, а войско гномов, преследуя их, подошло к Азанулбизару. Здесь есть большая долина между отрогами гор у озера Келед-Зарам, которая в старину была частью королевства Казад-Дум. Когда гномы на склоне холма увидели ворота своего древнего жилища, они испустили громовой крик. Но перед воротами стояло большое вражеское войско, а из ворот выходили бесчисленные орки, которых Азог держал здесь на крайний случай.

Сперва удача отвернулась от гномов: был темный зимний день без солнца, и орки не дрогнули, они превосходили гномов числом и занимали более удобную позицию. Так началась битва у Азанулбизара, или Нандухириона, на языке эльфов, вспоминая о которой орки дрожат, а гномы плачут. Первая атака авангарда под предводительством Трайна была отбита с потерями, и

Трайна оттащили в лес с большими деревьями, который все еще стоит недалеко от Келед-Зарама. Здесь пал его сын Фрерин, и его родственник Фундин, и многие другие, а Трайн и Торин оба были ранены[41]. Битва перекатывалась туда и сюда с огромными потерями с обеих сторон, пока ход ее не повернуло войско с Железных Холмов. Свежие, одетые в кольчуги воины Найна, сына Грора, с криками: «Азог! Азог!» — оттеснили орков к самому порогу Мории и рубили топорами всех, кто попадался на пути.

Тогда Найн встал перед воротами и громким голосом воскликнул:

— Азог! Если ты там, выходи! Или игра в долине тебе не нравится?

Тогда Азог вышел. Это был здоровенный орк с отвратительной, закованной в железо головой, но проворный и сильный. С ним вышло много таких же орков, бойцов его гвардии, и Азог, обращаясь к Найну, сказал:

— Что? Еще один нищий у моих дверей? И тебя заклеймить тоже?

---

[41] Примечания: 41

Говорят, что щит Торина разбился и он отбросил его прочь и топором вырубил дубовую ветвь и держал ее в левой руке, отражая или используя как дубину. Так он получил свое прозвище (Оукеншильд — Дубовый Щит).

С этими словами он обрушился на Найна, и они начали сражаться. Но Найн был наполовину ослеплен гневом и устал от битвы, в то время как Азог был свеж, свиреп и полон коварства. Вскоре Найн изо всех оставшихся у него сил нанес удар, но Азог отскочил в сторону и пнул Найна в ногу — топор Найна раскололся о камень, а сам он пошатнулся. И Азог нанес ему молниеносный удар в горло. Воротник кольчуги отразил лезвие, но удар был так силен, что сломал Найну шею, и тот упал.

Азог захохотал и, задрав нос, издал короткий торжествующий крик — но крик замер в его глотке. Он увидел, что его войско в долине терпит поражение, а гномы всюду убивают орков, и орки с криками бегут на юг, и большая часть солдат из его охраны уже перебита. Он повернулся и сам бегом кинулся к воротам.

За ним вверх по ступеням припустил гном, вооруженный красным топором. Это был Дайн Айронфут (Железноногий), сын Найна. У самого входа он догнал Азога, убил его и отрубил ему голову. Дайн был в представлении гномов совсем юношей. Впереди у него была длинная и трудная дорога и множество сражений, пока, состарившийся, но не смирившийся, он не пал наконец

в Войне Кольца. И хотя он был силен и полон гнева, но, говорят, когда спустился по ступеням, лицо у него было серым, как будто он испытал великий страх.

Когда битва завершилась победой, уцелевшие гномы собрались в Азанулбизаре. Они взяли голову Азога, набили ей рот мелкими монетами и посадили на кол. Ни пира, ни песен не было в этот вечер: бесчисленно было количество мертвых и велико горе. Говорят, едва половина участников битвы стояла на ногах или могла надеяться на излечение.

На следующее утро встал перед ними Трайн. Он ослеп на один глаз и хромал из-за раненой ноги. Но он сказал:

— Хорошо! Мы победили. Казад-Дум наш!

Но они ответили:

— Ты, конечно, наследник Дюрина, но даже с одним глазом тебе должно бы видеть лучше. Мы начали эту войну с жаждой мести, и наша месть свершилась. Но она не была сладкой. Если это победа, то наши руки слишком малы, чтобы удержать ее.

И те, что не принадлежали к народу Дюрина, тоже сказали:

— Казад-Дум не был домом наших отцов, и что

он для нас, если только не надежда на сокровища? И поскольку мы должны вернуться без добычи и виры, то чем скорее мы вернемся в свои земли, тем будет лучше.

Тогда Трайн повернулся к Дайну и сказал:

— Но ведь мой род не покинет меня?

— Нет, — ответил Дайн. — Ты отец нашего рода, мы проливали из-за тебя кровь и прольем снова. Но мы не войдем в Казад-Дум. И ты тоже не войдешь. Там ждет нас Проклятие Дюрина. Мир должен измениться, и должна прийти какая-то другая сила, до того как народ Дюрина сможет вернуться в Морию.

Так после Азанулбизара гномы снова рассеялись. Но прежде они забрали оружие и доспехи своих погибших, чтобы орки не смогли создать запас вооружения и кольчуг. Говорят, каждый гном, уходя с поля битвы, сгибался под тяжелой ношей. Затем они сложили много погребальных костров и сожгли тела своих родичей. Почти все деревья в долине были вырублены, и долго еще она стояла обнаженной, а дым от костров был

виден в Лориене[42].

Когда ужасные костры рассыпались пеплом, союзники разошлись по своим землям, и Дайн Айронфут повел людей своего отца назад в Железные Холмы. Тогда, стоя около большого камня, Трайн сказал Торину Оукеншильду:

— Какое-то время будут думать, что за эту голову заплатили слишком дорого! Мы отдали за нее все наше королевство. Вернешься ли ты со мной к наковальне? Или предпочтешь просить свой хлеб у чужих дверей?

— К наковальне, — ответил Торин. — Молот поможет сохранить силу рук, пока они не вынуждены будут взять более острое оружие.

Так Трайн и Торин со своими последователями (среди них были Валин и Глойн) вернулись в Данленд, а вскоре после этого принялись блуждать по Эриадору, пока не поселились в изгнании к востоку от Эред-Луина за Луне. Большинство

---

[42] Примечания: 42

Такое обращение с мертвыми было особенно прискорбным для гномов, потому что противоречило их обычаям; чтобы сделать такие могилы, какие им нужны были (а они привыкли хоронить своих мертвецов в камне, а не в земле), потребовались бы долгие годы. Поэтому они обратились к огню, лишь бы не оставлять своих родственников в добычу пожирателям падали. Но те, кто погиб у Азанулбизара, всегда пользовались у них почетом, и если по сей день гном с гордостью говорит о своем предке: «Он был сожжен на костре у Азанулбизара вместе со многими другими», то этого вполне достаточно для того, чтобы быть понятым.

вещей, которые они ковали в эти дни, было из железа, но они по-своему процветали, и число их медленно увеличивалось[43]. И все же, как говорил Трор, Кольцо нуждалось в золоте, чтобы порождать золото, а этого драгоценного металла и других у них было мало или совсем не было.

Кое-что можно здесь сказать об этом Кольце. Гномы из народа Дюрина считали, что оно было выковано первым из Семи Колец; и они говорят, что его дали королю Казад-Дума Дюрину III сами эльфийские кузнецы, а не Саурон, хотя, несомненно, в Кольце была его злая сила, поскольку он участвовал в изготовлении всех Семи Колец. Но обладатели Кольца редко показывали его или говорили о нем и не передавали его до самой смерти, так что другие точно не знали, где оно находится. Некоторые считали, что оно осталось в Казад-Думе, в тайной могиле королей, если только эта могила не была обнаружена и разграблена; но среди родственников наследника Дюрина существовало мнение (неправильное), что Трор взял его с собой, когда безрассудно вернулся в Морию. Что потом стало с Кольцом, они не знали.

---

[43] Примечания: 43

Среди них было очень мало женщин. Одной из них была Дис, дочь Трайна, мать Фили и Кили, родившихся в Эред-Луине. А у Торина жены не было.

На теле Азога его не нашли[44].

Могло быть и так (как теперь считают гномы), что Саурон, благодаря колдовству, обнаружил владельца этого Кольца, последнего из оставшихся свободными, и постоянные несчастия наследников Дюрина объясняются его злобой. Ибо гномов оказалось невозможно приручить. Единственное, что смогло совершить над ними Кольцо, — это воспламенить в их сердцах жадность к золоту и драгоценным предметам, так что все остальное казалось им не имеющим цены и они были полны гнева и жажды мести по отношению к тем, кто лишил их богатств. Но с самого начала они были стойкими и не подчинялись никакой чуждой власти. Их можно было убить, но нельзя было поработить злой волей; поэтому же их жизнь не поддавалась влиянию Кольца и не делалась от этого длиннее или короче. Тем более ненавидел их Саурон.

Частично из-за злого влияния Кольца Трайн через несколько лет почувствовал беспокойство и неудовлетворенность. Жажда золота овладела его разумом. Наконец, когда уже не мог выдержать, он обратился мыслями к Эребору и решил

---

[44] Примечания: 44
II, 357.

вернуться туда. Он ничего не сказал Торину о том, что делалось в его сердце, но вместе с Балином, Двалином и несколькими другими гномами собрался и, распрощавшись, ушел.

Мало известно о том, что случилось с ними впоследствии. Теперь кажется вероятным, что, когда Трайн находился в дороге, за ним охотились слуги Саурона. Его преследовали волки, поджидали в засаде орки, злые птицы наблюдали за ним, и чем дальше он продвигался к северу, тем больше препятствий встречал. Наконец настала темная ночь, когда он со своими товарищами блуждал в земле за Андуином, и проливной дождь заставил их искать убежища на окраине Мерквуда. Утром Трайн ушел из лагеря, и товарищи тщетно звали его. Много дней они его искали, пока не лишились всякой надежды, и вернулись к Торину. Лишь много лет спустя стало известно, что Трайн был захвачен живым и доставлен в подземелья Дол-Гулд ура. Здесь у него отобрали Кольцо, подвергли пыткам, и здесь он умер.

Так Торин Оукеншильд стал наследником Дюрина, но наследником без надежды на наследство. Когда пропал Трайн, Торину уж было девяносто пять лет, он был большим гномом и с сознанием своего достоинства и происхождения; но он

казался удовлетворенным своим положением в Эриадоре. Он много работал, торговал и копил сокровища; и к его народу присоединялись те, кто слышал о нем и собирался отовсюду. Теперь у них были прекрасные залы в горах и запасы добра, и дни их не казались больше трудными, хотя в песнях они по-прежнему вспоминали о далекой Одинокой Горе.

Годы шли. Угли в сердце Торина разгорались, когда он размышлял о потерях своего рода и унаследованном им долге мести дракону. И когда его большой молот гремел в кузнице, он думал об оружии, армиях и союзах; но армии рассеялись, союзы были разорваны, а топоров в его распоряжении было мало; и сильный, но безнадежный гнев разгорелся в нем, когда он бил своим молотом по раскаленному железу на наковальне.

Но наконец произошла случайная встреча с Гэндалфом, изменившая всю судьбу рода Дюрина и вызвавшая другие, необыкновенные и грандиозные события. Торин однажды[45], возвращаясь на Запад из путешествия, остановился на ночь в Бри. Здесь же был Гэндалф. Он направлялся в Шир, где не был уже около двадцати лет. Вол-

---

[45] Примечания: 45
15 марта 2941 года.

шебник устал в дороге и здесь решил немного отдохнуть.

Среди многочисленных забот его особенно тревожило положение Севера: он знал, что Саурон готовит войну и собирается, как только почувствует себя достаточно сильным, напасть на Ривенделл. И помешать попыткам Востока восстановить Ангмар и захватить северные проходы в горах могли только гномы Железных Холмов. Но перед ними лежала земля, опустошенная драконами. Дракон Смог способен был действовать с ужасающей силой. Как же положить этому конец?

И как раз когда Гэндалф размышлял об этом, рядом остановился Торин и сказал:

— Мастер Гэндалф, я знаю вас только внешне, но сейчас был бы рад поговорить с вами. Я часто думал о вас и хотел вас отыскать. Если бы я знал, где вы, я давно уже отправился бы к вам.

Гэндалф удивленно взглянул на него.

— Как странно, Торин Оукеншильд, — сказал он. — Я тоже думал о вас, и, хотя я сейчас направляюсь в Шир, мне пришло в голову, что это путь и в ваши чертоги.

— Зовите их так, если хотите, — согласился Торин. — Но на самом деле это лишь бедные

жилища изгнанников. Однако, если вы туда придете, вас примут с радостью. Говорят, вы мудры и знаете больше всех живущих теперь в Мире, и я рад был бы поделиться с вами своими мыслями и получить ваш совет.

— Я приду, — сказал Гэндалф, — ибо, по-моему, нас тревожит одно и то же. У меня не выходит из головы дракон Эребора, и я не думаю, что внук Трора может о нем забыть.

В другом месте рассказывается о результатах этой встречи: о необычных планах, придуманных Гэндалфом для помощи Торину, о том, как Торин со своими спутниками выступил из Шира на поиски Одинокой Горы, и о непредвиденном конце их путешествия. Здесь упоминается лишь то, что непосредственно касается народа Дюрина.

Дракон был убит Бардом из Эсгарота, но в Дейле произошла битва. Ибо, как только стало известно о возвращении гномов, пришли орки, их вел Болг, сын Азога, которого в юности убил Дайн. В этой первой битве у Дейла был смертельно ранен Торин Оукеншильд: он умер и был похоронен под Горой с Аркенстоуном на груди. Здесь пали также его племянники Фили и Кили. Но Дайн Айронфут, его двоюродный брат, пришедший из Железных Холмов на помощь и ставший его

законным наследником, сделался королем Данном II, и Королевство Под Горой было восстановлено, как того и хотел Гэндалф. Дайн оказался великим и мудрым королем, и в его дни гномы процветали и наращивали силу.

Поздним летом того же года (2941) Гэндалф наконец убедил Белый Совет, вопреки мнению Сарумана, напасть на Дол-Гулдур, и Саурон отступил и ушел в Мордор, где считал себя недосягаемым для любых врагов. И так случилось, что главные события Войны Кольца развернулись на Юге; но даже и в этом случае своей далеко протянутой правой рукой Саурон мог бы натворить немало зла, если бы на его пути не стояли король Дайн и король Бранд. Так говорил впоследствии Гэндалф Фродо и Гимли, когда они жили некоторое время вместе в Минас-Тирите (незадолго до этого известия о событиях на Севере достигли Гондора):

— Я сожалел о гибели Торина, а теперь мы узнали о смерти Дайна, сражавшегося в Дейле, когда мы сражаемся здесь. Я назвал бы это тяжелой потерей, хотя и удивлен, что он, в своем возрасте, мог так мощно действовать топором, стоя над телом короля Бранда перед воротами Эребора. Дело могло бы обернуться гораздо хуже, — про-

должал Гэндалф. — Когда думаете о великой битве у Пеленнора, не забывайте о сражениях в Дейле и о доблести народа Дюрина. Подумайте, что могло бы быть. Пламя драконов и свирепые мечи в Эриадоре, ночь в Ривенделле. Могло бы не быть королевы Гондора. Мы могли бы после победы здесь вернуться к развалинам и пеплу. Но этого не случилось — потому что однажды вечером в начале весны я встретил в Бри Торина Оукеншильда. Случайная встреча, как мы говорим в Средиземье.

Дис была дочерью Трайна II. Она единственная женщина гномов, которая упоминается в этих историях. Гимли рассказывал, что у гномов мало женщин: вероятно, не более трети всего народа. Они редко выходят на поверхность, разве что при крайней необходимости. По голосу, наружности и одежде они не отличаются для глаз человека от гномов-мужчин. Поэтому среди людей появилось глупое мнение, будто женщин-гномов не существует и что гномы «родятся из камня».

Из-за малочисленности женщин и в целом число гномов прирастает медленно, и, не имея безопасных жилищ, они всегда рискуют полностью исчезнуть. Гномы женятся только раз в жизни и в этом деле ревнивы, как и по отно-

шению к другим своим правам. Число гномов, вступающих в брак, гораздо меньше одной трети. Не все женщины выходят замуж: некоторые не хотят этого. Что касается гномов-мужчин, то многие из них тоже не хотят жениться, будучи поглощены своим ремеслом.

Широко прославился Гимли, сын Глойна, ибо он один из Девяти, пустившихся в путь с Кольцом, и он сражался бок о бок с королем Элессаром во время Войны. Он был прозван Другом Эльфа по причине великой любви, возникшей между ним и Леголасом, сыном короля Трандуила, и, конечно, из-за своего преклонения перед Леди Галадриэлью.

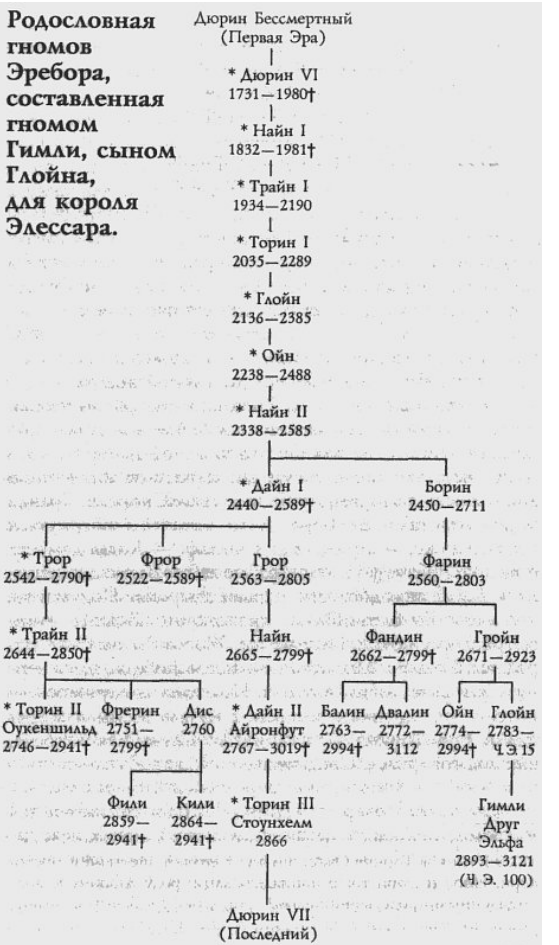
После падения Саурона Гимли привел на Юг часть народа Дюрина из Эребора и стал Повелителем Блистающих Пещер. Он и его подданные выполнили большие работы в Гондоре и Рохане. Для Минас-Тирита они сковали ворота из митрила взамен разбитых Королем-Колдуном. Его друг Леголас привел на Юг эльфов из Гринвуда, и они поселились в Итилиене, вновь превратившемся в прекраснейший на Западе край.

Но когда король Элессар почил, Леголас наконец выполнил заветное желание своего сердца и уплыл за Море.

Далее следует одна из последних записей в Красной Книге.

«Мы слышали, что Леголас взял с собой Гимли, сына Глойна, из-за их дружбы, большей, чем когда-либо между эльфом и гномом. Если это правда, то это весьма странно. Странно, что гном может добровольно, из любви к кому-либо, покинуть Средиземье, или что Старейшие могли принять его, или что повелители Запада разрешили этот отъезд. Но говорят также, что Гимли уплыл, желая вновь увидеть красоту Галадриэли, и, может быть, именно она, будучи одной из самых могущественных среди Старейших, оказала ему эту милость. Больше сказать об этом нечего».

Родословная гномов Эребора, составленная гномом Гимли, сыном Глойна, для короля Элессара.



* *Короли народа Дюрина, в том числе и в изгнании. Из других спутников Торина Оукеншильда в его путешествии в Эребор Ори, Нори и Дори тоже принадлежали к роду Дюрина и были отдаленными родственниками Торина; Бифур, Бофур и Бомбур были потомками гномов Мории, но не принадлежали к роду Дюрина.*

1999 — основание Эребора
2589 — Дайн I убит драконом
2590 — возвращение в Эребор
2770 — разграбление Эребора
2790-2793 — убийство Трора
2793-2799 — сбор гномов
2799 — битва при Нандухирионе
2841 — Трайн уходит в странствия
2850 — Битва Пяти Армий и смерть Торина II
2989 — Балин уходит в Морию

Приложение Б

Летопись (*Хронология Западных земель*)

Первая Эра закончилась Великой Битвой, в которой войско Валинора разрушило Тангородрим[46] и свергло Моргота. Тогда в большинстве своем нолдеры вернулись на дальний Запад и жили в Эрессеа вне пределов видимости Валинора[47]; и многие из синдаров тоже отправились за Море.

Вторая Эра закончилась первым свержением Саурона, слуги Моргота, и взятием Одного Кольца.

Третья Эра приблизилась к завершению в Войне Кольца, но Четвертая Эра не начиналась до ухода мастера Эльронда. Только с этого времени начинается период господства людей и упадка других «говорящих народов» Средиземья[48].

---

[46] Примечания: 46
II, 323.

[47] Примечания: 47
III, 251.

[48] Примечания: 48
VI, 376.

В Четвертую Эру предыдущие эры часто называют Давними Днями, но обычно это название связано с годами, предшествующими свержению Моргота. Сказания этого времени здесь не представлены.

Вторая Эра

Для людей в Средиземье это были темные годы, но для Нуменора — славные. От этой эры сохранилось мало записей о событиях в Средиземье, записи эти кратки, а даты часто неопределенны.

В начале Второй Эры в Средиземье оставалось еще много высоких эльфов. В основном они жили в Линдоне к западу от Эред-Луина; но до строительства Барад-Дура многие синдары ушли на восток и некоторые основали королевства в далеких лесах, и населяли эти королевства лесные эльфы. Одним из них был Трандуил, король северной части Гринвуда Великого. В Линдоне к северу от Луне жил Гил-Галад, последний наследник нолдерских королей в изгнании. Он известен как Высокий Король эльфов Запада. В Линдоне к югу от Луне некоторое время жил Келеборн, родственник Тингола; женой его была Галадриэль, величайшая из эльфийских женщин. Она была сестрой Финрода Фелагунда, друга людей, некогда

короля Нарготронда, который отдал свою жизнь ради спасения Берена, сына Барахира.

Позднее некоторые из нолдеров отправились в Эрегион, что на западе от Туманных Гор и вблизи от западных ворот Мории. Они так поступили, узнав об открытии в Мории митрила[49]. Нолдеры были искусными мастерами и не столь враждебными по отношению к гномам, как синдары; но дружба между народом Дюрина и эльфийскими кузнецами Эрегиона была теснее, чем любые связи между двумя расами. Келебримбор был повелителем Эрегиона и величайшим из мастеров; он происходил от Феанора.

Годы и основные события

1 — основание Серой Гавани и Линдона.

32 — эдайны достигают Нуменора.

Примерно 40 — гномы оставляют свои старые города в Эред-Луине, отправляются в Морию, и число их увеличивается.

442 — смерть Эльроса Тар-Миньятура.

Примерно 500 — Саурон снова начинает действовать в Средиземье.

548 — рождение в Нуменоре Сильмариен.

---

[49] Примечания: 49
II, 420.

600 — первые корабли нуменорцев появляются у берегов.

750 — основание нолдерами Эрегиона.

Примерно 1000 — Саурон, встревоженный растущей мощью нуменорцев, выбирает Мордор в качестве своей крепости. Он начинает сооружение Барад-Дура.

1075 — Тар-Анкалиме становится первой правящей королевой Нуменора.

1200 — Саурон пытается соблазнить Старейших. Гил-Галад отказывается иметь с ним дело. Но кузнецы Эрегиона поддаются его уговорам. Нуменорцы начинают строительство постоянных гаваней.

Примерно 1500 — эльфийские кузнецы под руководством Саурона достигают вершины своего мастерства. Они приступают к изготовлению Колец Власти.

Примерно 1590 — в Эрегионе выкованы Три Кольца.

Примерно 1600 — Саурон выковывает Одно Кольцо в Ородруине. Он завершает строительство Барад-Дура. Келебримбор разгадывает замыслы Саурона.

1693 — начинается война эльфов с Сауроном. Три Кольца спрятаны.

1695 — силы Саурона вторгаются в Эриадор. Гил-Галад посылает Эльронда в Эрегион.

1697 — опустошение Эрегиона. Смерть Келебримбора. Ворота Мории закрыты. Эльронд отступает с остатками нолдеров и находит в Имладрисе убежище. Саурон захватывает Эриадор.

1699 — Саурон опустошает Эриадор.

1700 — Тар-Минастир посылает большой флот Нуменора в Линдон; Саурон терпит поражение.

1701 — Саурон вытеснен из Эриадора. Западные земли на долгое время обретают мир.

Примерно 1800 — с этого времени нуменорцы устанавливают свое господство на берегах. Саурон простирает свою власть на восток. Тень падает на Нуменор.

2251 — Тар-Атанамир принимает скипетр. Начинается восстание и разделение нуменорцев. Примерно в это время впервые появляются назгулы, Духи Кольца.

2280 — Умбар превращается в сильную нуменорскую крепость.

2350 — основание Пеларгира. Он становится главной пристанью верных нуменорцев.

2899 — Ар-Адунахор принимает скипетр.

3175 — раскаяние Тар-Палантира. Гражданская война в Нуменоре.

3255 — Ар-Фаразон Золотой захватывает скипетр.

3261 — Ар-Фаразон высаживается в Умбаре.

3262 — Саурон отвезен пленником в Нуменор.

3262-3310 — Саурон соблазняет короля и развращает нуменорцев.

3310 — Ар-Фаразон начинает строительство Большого Арсенала.

3319 — Ар-фаразон нападает на Валинор. Падение Нуменора. Элендил и его сыновья спасаются.

3320 — основание королевств в изгнании: Арнора и Гондора. Камни разделены. Саурон возвращается в Мордор.

3429 — Саурон нападает на Гондор, захватывает Минас-Итил и сжигает Белое Древо. Исилдур бежит по Андуину и уходит к Элендилу, на Север. Анарион защищает Минас-Анор и Осгилиат.

3430 — создан Последний Союз эльфов и людей.

3431 — Гил-Галад и Элендил двигаются на восток от Имладриса.

3434 — войско Союза переходит Туманные Горы. Битва у Дагорлада и поражение Саурона. Начинается осада Барад-Дура.

3440 — убит Анарион.

3441 — Саурон свергнут Элендилом и Гил-Га-

ладом, которые погибают. Исилдур берет Одно Кольцо. Саурон и Духи Кольца уходят в тень. И кончается Вторая Эра.

Третья Эра

Это были годы увядания Старейших. Долго и мирно владели они Тремя Кольцами, пока Саурон спал, а Одно Кольцо было потеряно; однако они не предпринимали ничего нового, довольствуясь воспоминаниями о прошлом. Гномы скрылись в глубоких подземельях, охраняя свои богатства; но, когда Зло оживает и появляются драконы, их древние сокровищницы одна за другой разграбляются и они становятся бродячим народом. Мория долго оставалась в безопасности, но население ее уменьшалось, и многие из ее обширных залов становятся темными и пустыми. Мудрость и продолжительность жизни нуменорцев также сокращаются, по мере того как они смешиваются с малыми людьми.

Когда проходит около тысячи лет и первая Тень вновь падает на Гринвуд Великий, в Средиземье впервые появляются истари-колдуны. Впоследствии говорилось, что они прибыли с далекого Запада, чтобы противостоять Саурону и объединить всех, у кого есть воля для сопротивления

ему; тем не менее им запрещено состязаться с ним в силе или искать господства над эльфами или людьми при помощи силы или страха.

Поэтому они появляются в облике людей, хотя они никогда не были молоды и старели очень медленно, обладая огромной силой разума и рук. Они мало кому открывали настоящие свои имена[50], но использовали те имена, которые им давали. Двое главных из их ордена (а всего их, как говорят, было пятеро) среди Старейших звались Курунриром — Искусником и Митрандиром — Серым Пилигримом, а люди Севера называли их Саруманом и Гэндалфом. Курунир много путешествовал на Востоке, пока не поселился окончательно в Исенгарде. Митрандир был в тесной дружбе со Старейшими, он больше путешествовал на Западе и нигде не селился окончательно.

На протяжении всей Третьей Эры власть Трех Колец была известна лишь их владельцам. Впоследствии выяснилось, что поначалу этими владельцами были трое из числа Старейших: Гил-Галад, Галадриэль и Кирдан. Гил-Галад перед смертью отдал свое Кольцо Эльронду, Кирдан

---

[50] Примечания: 50
IV, 347-348.

позже передал свое Митрандиру. Ибо Кирдан видел дальше всех в Средиземье и приветствовал Митрандира в Серой Гавани, зная, откуда тот пришел и куда вернется.

— Возьмите это Кольцо, мастер, — сказал он, — ибо ваша работа будет тяжелой; оно поддержит вас в часы усталости. Это Кольцо Огня, и с его помощью вы сможете воспламенять сердца, когда в Мире воцарится холод. Что же касается меня, то мое сердце с Морем, и я буду жить у серых берегов, пока не отплывет последний корабль. Я обязательно дождусь вас.

Годы и основные события

2 — Исилдур сажает отросток Белого Древа в Минас-Аноре. Он передает Южное Королевство Менелдилу. Битва на Полях Радости; Исилдур и трое старших его сыновей убиты.

3 — Отар приносит обломки Нарсила в Имладрис.

10 — Валандил становится королем Арнора.

109 — Эльронд женится на дочери Келеборна.

130 — рождение Эльладана и Эльрохира, сыновей Эльронда.

241 — рождение Арвен Ундомиэль.

420 — король Остогер восстанавливает Ми-

нас-Анор.

490 — первое вторжение жителей Востока.

500 — Ромендакил I наносит поражение жителям Востока.

541 — Ромендакил убит в сражении.

830 — Фаластур начинает линию «корабельных королей» Гондора.

861 — смерть Эарендура и разделение Арнора.

933 — король Эарнил I захватывает Умбар, который становится гондорской крепостью.

936 — Эарнур погибает в море.

1015 — король Кирьяндил убит при осаде Умбара.

1050 — Хьярмендакил завоевывает Харад. Гондор достигает вершины своего могущества. Примерно в это время Тень падает на Зеленый Лес, и люди начинают называть его Мерквудом (Мрачный Лес). В записях впервые — с приходом хартфутов в Эриадор — упоминаются перианнаты.

Примерно 1100 — Мудрые (истари и вожди Старейших) обнаруживают, что злая власть укрепилась в Дол-Гулдуре. Считают, что это один из назгулов.

1149 — начинается правление Атанатара Алкарина.

Примерно 1150 — феллоухайды появляются в Эриадоре. Сторы проходят через перевал Красного Рога и направляются в Угол, или Данленд.

Примерно 1300 — злые существа снова размножаются. Нарастает количество орков в Туманных Горах, они начинают нападать на гномов. Опять появляются назгулы. Глава назгулов приходит на Север, в Ангмар. Перианнаты переселяются на Запад; многие оседают в Бри.

1356 — король Аргелеб I убит в сражении с Рудауром. Примерно в это время сторы оставляют Угол, некоторые из них возвращаются в Дикие земли.

1409 — Король-Колдун Ангмара вторгается в Арнор. Король Арвелег I убит. Форност и Тирн-Гортад захвачены. Разрушена башня Амон-Сул.

1432 — умирает король Гондора Валакар, и начинается родственная вражда.

1437 — сожжение Осгилиата и утрата паланти-ра. Эльдакар бежит в Рованьон; его сын Орнендил убит.

1447 — Эльдакар возвращается и изгоняет узурпатора Кастамира. Битва при переходе через Эруй. Осада Пеларгира.

1448 — мятежники бегут и захватывают Умбар.

1540 — король Алдамир убит в войне с Харадом

и пиратами Умбара.

1551 — Хьярмендакил II наносит поражение людям Харада.

1601 — многие перианнаты переселяются из Бри и получают от Аргелеба II землю у Барандуина.

Примерно 1630 — перианнаты объединяются со сторами, пришедшими из Данленда.

1634 — пираты грабят Пеларгир и убивают короля Минардила.

1636 — великая чума опустошает Гондор. Смерть короля Телемнара и его детей. Белое Древо засыхает в Минас-Аноре. Чума распространяется на север и запад, и многие части Эриадора превращаются в пустыню. За Барандуином перианнаты несут большие потери, но выживают.

1640 — король Тарондор перемещает королевскую резиденцию в Минас-Анор и сажает отросток Белого Древа. Осгилиат начинает разрушаться. Мордор остается без охраны.

1810 — король Телумехтар Умбардакил снова захватывает Умбар и изгоняет оттуда пиратов.

1851 — начинается нашествие вейнрайдеров на Гондор.

1856 — Гондор теряет свои восточные территории, и Нармакил II погибает в сражении.

1899 — король Калимехтар наносит поражение вейнрайдерам при Дагорладе.

1900 — Калимехтар строит Белую Башню в Минас-Аноре.

1940 — Гондор и Арнор возобновляют связи и заключают союз. Арведуй женится на Фириэль, дочери Ондогера Гондорского.

1944 — Ондогер погибает в битве. Эарнил наносит поражение врагу в Южном Итилиене. Он оттесняет вейнрайдеров в Мертвые Болота. Арведуй заявляет свои права на корону Гондора.

1945 — Эарнил II получает корону.

1974 — конец Северного Королевства. Король-Колдун побеждает Артедайн и захватывает Форност.

1975 — Арведуй тонет в заливе Форочел. Палантиры Аннуминаса и Амон-Сула погибают. Эарнур приводит флот в Линдон. Король-Колдун терпит поражение в битве при Форносте. Он исчезает с Севера.

1976 — Аранарт принимает титул вождя дунаданов. Наследие Арнора передается на сохранение Эльронду.

1977 — Фрумгар ведет людей Эотеода на Север.

1979 — Бакка из Мэриша становится первым тайном Шира.

1980 — Король-Колдун приходит в Мордор и здесь собирает назгулов. В Мории появляется Балрог и убивает Дюрина VI.

1981 — убит Найн I. Гномы Лориена бегут на Юг. Нимродель и Амрот погибают.

1999 — Трайн I приходит в Эребор и основывает Королевство Под Горой.

2000 — назгулы выходят из Мордора и осаждают Минас-Итил.

2002 — Падение Минас-Итила, впоследствии известного как Минас-Моргул. Захват палантира.

2043 — Эарнур становится королем Гондора. Его вызывает Король-Колдун.

2050 — вызов повторяется. Эарнур едет в Минас-Моргул и исчезает. Мардил становится первым правящим наместником.

2060 — власть Дол-Гулдура растет. Мудрые опасаются, что вновь проснется Саурон.

2063 — Гэндалф отправляется в Дол-Гулдур. Саурон отступает и скрывается на Востоке. Начинается Осторожный Мир. Назгулы остаются в Минас-Моргуле.

2210 — Торин I покидает Эребор и уходит на север к Серым Горам, где собирается большая часть остатков народа Дюрина.

2340 — Исумбрас I становится тринадцатым

тайном и первым из рода Туков. Олдбаки занимают Бакленд.

2460 — Осторожный Мир кончается. Саурон с удвоенными силами возвращается в Дол-Гулдур.

2463 — создание Белого Совета. Примерно в это время стор Деагол находит Одно Кольцо. Его убивает Смеагол.

2470 — примерно в это время Смеагол-Голлум скрывается в Туманных Горах.

2475 — нашествие на Гондор возобновляется. Осгилиат окончательно разрушен, а каменный мост уничтожен.

Примерно 2480 — орки начинают строить тайные крепости в Туманных Горах, чтобы перерезать все проходы в Эриадор. Саурон приступает к заселению Мордора своими созданиями.

2509 — Келебриан, путешествуя в Лориен, попадает в засаду на перевале Красного Рога и получает ранение отравленным оружием.

2510 — Келебриан уплывает за Море. Орки и жители Востока захватывают Каленардон. Эорл Юный одерживает победу на поле Келебрант. Рохирримы поселяются в Каленардоне.

2545 — Эорл погибает в сражении в Волде.

2569 — Брего, сын Эорла, заканчивает строительство Золотого зала.

2570 — Балдор, сын Брего, входит в Запретную Дверь и погибает. Примерно в это время на далеком Севере вновь объявляются драконы и начинают нападать на гномов.

2589 — Дайн I убит драконом.

2590 — Трор возвращается в Эребор. Грор, его брат, уходит в Железные Холмы.

Примерно 2670 — Тобольд выращивает «трубочное зелье» в Саутфартинге.

2683 — Исенгрим II становится тэйном и начинает строительство Большого Смайлса.

2698 — Эктелион I перестраивает Белую Башню в Минас-Тирите.

2740 — орки возобновляют вторжение в Эриадор.

2747 — Бандобрас Тук наносит поражение отряду орков в Нортфартинге.

2758 — Рохан подвергается нападению с запада и востока и захвачен. На Гондор нападают флоты пиратов. Хельм Роханский скрывается в Пропасти Хельма. Вульф захватывает Эдорас.

2758-2759 — Долгая Зима. Большие потери и страдания в Эриадоре и Рохане. Гэндалф приходит на помощь народу Шира.

2759 — смерть Хельма. Фреалав убивает Вульфа и начинает вторую линию королей Марки. Сару-

ман поселяется в Исенгарде.

2770 — дракон Смог спускается на Эребор. Дейл разрушен. Трор бежит с Трайном II и Торином II.

2790 — Трор убит орками в Мории. Гномы собираются для войны возмездия. Рождение Геронтия, впоследствии известного как Старый Тук.

2793 — начинается война между орками и гномами.

2799 — битва при Нандухирионе перед восточными воротами Мории. Дайн Айронфут возвращается в Железные Холмы. Трайн II и его сын Торин уходят на Запад. Они поселяются южнее Эред-Луина за Широм (2802).

2800-2864 — орки беспокоят набегами Рохан. Король Валда убит ими в 2861.

2841 — Трайн II выступает, чтобы навестить Эребор, но его преследуют слуги Саурона.

2845 — гном Трайн пленен в Дол-Гулдуре; у него отбирают последнее из Семи Колец.

2850 — Гэндалф снова входит в Дол-Гулдур и открывает, что его хозяин действительно Саурон, который собирает все Кольца и выпытывает сведения об Одном Кольце и о наследнике Исилдура. Он находит Трайна и получает ключ Эребора. Трайн умирает в Дол-Гулдуре.

2851 — собирается Белый Совет. Гэндалф сове-

тует напасть на Дол-Гулдур. Саруман, который в это время начинает свои поиски в районе Полей Радости, добивается другого решения Совета[51].

2852 — умирает Белектор II Гондорский. Засыхает Белое Древо, и ни одного отростка его не могут найти. Засохшее дерево остается стоять.

2885 — побуждаемые эмиссарами Саурона, харадримы переходят Порос и нападают на Гондор. Сыновья Фолквайна Роханского погибают на службе Гондору.

2890 — рождение Бильбо в Шире.

2901 — большая часть жителей Итилиена покидает его, опасаясь нападения уруков из Мордора. Строится тайное убежище Хеннет-Аннун.

2907 — рождение Гильрайн, матери Арагорна II.

2911 — Свирепая Зима. Барандуин и другие реки замерзают. Белые волки вторгаются в Эриадор с Севера.

2912 — большие наводнения опустошают Энедвейт и Минхириат. Тарбад разрушен и покинут.

2920 — смерть Старого Тука.

2929 — Араторн, сын Арадора, дунадан, женится на Гильрайн.

---

[51] Примечания: 51

Как ясно стало впоследствии, Саруман сам желал овладеть Одним Кольцом и считал, что обнаружит его, наблюдая за Сауроном.

2930 — Арадор убит троллями. Рождение Денетора II, сына Эктелиона II, в Минас-Тирите.

2931, 1 марта — рождение Арагорна, сына Араторна II.

2933 — Араторн II убит. Гильрайн увозит Арагорна в Имладрис. Эльронд воспитывает его как сына и дает ему имя Эстел (Надежда); его происхождение держится в тайне.

2939 — Саруман обнаруживает, что слуги Саурона обыскивают Андуин у Полей Радости и что таким образом Саурон узнал о конце Исилдура. Он встревожен, но ничего не говорит Совету.

2941 — Торин Оукеншильд и Гэндалф навещают Бильбо в Шире. Бильбо встречает Смеагола-Голлума и находит Кольцо. Собирается Белый Совет; Саруман соглашается с необходимостью атаковать Дол-Гулдур, поскольку теперь он хочет помешать Саурону в поисках на Реке. Саурон покидает Дол-Гулдур. Битва Пяти Армий в Дейле. Смерть Торина II. Бард из Эсгарота убивает Смога. Дайн из Железных Холмов становится Королем Под Горой (Дайн II).

2942 — Бильбо с Кольцом возвращается в Шир. Саурон тайно возвращается в Мордор.

2944 — Бард восстанавливает Дейл и занимает королевский престол. Голлум покидает горы и

начинает поиски «похитителя Кольца».

2948 — рождение Теодена, сына Тенгела, короля Марки.

2949 — Гэндалф и Балин навещают Бильбо в Шире.

2950 — рождение Финдуилас, дочери Адрахила из Дол-Амрота.

2951 — Саурон открыто объявляет о себе и собирает силы в Мордоре. Он начинает восстановление Барад-Дура. Голлум движется к Мордору. Саурон посылает троих назгулов занять Дол-Гулдур. Эльронд открывает Эстелу его настоящее имя и происхождение и передает ему обломки Нарсила. Арвен, вернувшись из Лориена, встречается с Арагорном в лесах Имладриса. Арагорн отправляется в Дикие земли.

2953 — последняя встреча Белого Совета. Споры о Кольце. Саруман сознательно лжет, говоря, что узнал об уходе Кольца вниз по Андуину в Море. Саруман уходит в Исенгард, объявляет его своей собственностью и превращает в крепость. Будучи завистливым и опасаясь Гэндалфа, он посылает шпионов следить за каждым его движением и замечает его интерес к Ширу. Вскоре он начинает содержать агентов в Бри и Саутфартинге.

2954 — Гора Судьбы вновь извергает пламя.

Последние обитатели Итилиена бегут через Андуин.

2956 — Арагорн встречает Гэндалфа, начинается их дружба.

2957-2980 — Арагорн предпринимает свои путешествия и труды. Под именем Торонгил он служит Тенгелу Роханскому и Эктелиону II Гондорскому.

2968 — рождение Фродо.

2976 — Денетор женится на Финдуилас из Дол-Амрота.

2977 — Байн, сын Барда, становится королем Дейла.

2978 — рождение Боромира, сына Денетора II.

2980 — Арагорн вступает в Лориен и там снова встречает Арвен Ундомиэль. Арагорн дает ей кольцо Барахира, и они обручаются на холме Керин-Амрот. Примерно в это время Голлум достигает границ Гондора и знакомится с Шелоб. Теоден становится королем Рохана.

2983 — рождение Фарамира, сына Денетора. Рождение Сэмвайса.

2984 — смерть Эктелиона II. Денетор II становится наместником Гондора.

2988 — безвременная смерть Финдуилас.

2989 — Балин покидает Эребор и входит в Мо-

рию.

2991 — рождение в Рохане Эомера, сына Эомунда.

2994 — Балин погибает, колония гномов уничтожена.

2995 — рождение Эовин, сестры Эомера.

Примерно 3000 — Тень Мордора удлиняется. Саруман осмеливается использовать палантир Ортанка и оказывается во власти чар Саурона, владеющего Камнем Итила. Он изменяет Совету. Его шпионы доносят, что Шир тщательно охраняют рейнджеры.

3001 — прощальный прием Бильбо. Гэндалф начинает подозревать, что кольцо Бильбо и есть Одно Кольцо. Охрана Шира удваивается. Гэндалф разыскивает сведения о Голлуме и призывает на помощь Арагорна.

3002 — Бильбо становится гостем Эльронда и поселяется в Ривенделле.

3004 — Гэндалф навещает Фродо в Шире и делает это с перерывами на протяжении следующих четырех лет.

3007 — Бранд, сын Варна, становится королем Дейла. Смерть Гильрайн.

3008 — осенью Гэндалф наносит последний визит Фродо.

3009 — Гэндалф и Арагорн возобновляют поиски Голлума и занимаются этим с перерывами на протяжении следующих восьми лет, обыскивая долины Андуина, Мерквуд и Рованьон до границ Мордора. Между тем Голлум приходит в Мордор и становится пленником Саурона. Эльронд посылает за Арвен, и она возвращается в Имладрис; горы и земли к востоку от них становятся опасными.

3017 — Голлума выпускают из Мордора. Он захвачен Арагорном в Мертвых Болотах и доставлен к Трандуилу в Мерквуд. Гэндалф посещает Минас-Тирит и читает свиток Исилдура.

Великие годы

3018

Апрель
12 — Гэндалф приходит в Хоббитон.

Июнь
20 — Саурон нападает на Осгилиат. Примерно в это же время нападают на Трандуила и Голлум бежит.

Июль
4 — Боромир выступает из Минас-Тирита.
10 — Гэндалф пленен в Ортанке.

Август

Все следы Голлума потеряны. Вероятно, примерно в это время, отыскиваемый и эльфами, и слугами Саурона, он находит убежище в Мории; но когда он обнаруживает наконец путь к западным воротам, то не может выйти.

Сентябрь

18 — до рассвета Гэндалф бежит из Ортанка. Черные Всадники пересекают броды Исена.

19 — Гэндалф приходит в Эдорас как проситель, и его отказываются впустить.

20 — Гэндалф добивается входа в Эдорас. Теоден приказывает ему: «Бери любую лошадь, только уходи до завтра!»

21 — Гэндалф встречает Обгоняющего Тень, но конь не позволяет ему подойти. Он преследует Обгоняющего Тень по полям.

22 — Черные Всадники вечером достигают Брода Сарн; они отгоняют охрану рейнджеров. Гэндалф укрощает Обгоняющего Тень.

23 — четыре Всадника до рассвета вступают в Шир. Остальные теснят рейнджеров на восток, а затем возвращаются, чтобы стеречь Гринвей. Черный Всадник ночью приходит в Хоббитон. Фродо покидает Бэг-Энд. Гэндалф, приручив Обгоняющего Тень, уезжает из Рохана.

24 — Гэндалф переходит Исен.

26 — Старый Лес. Фродо приходит к Бомбадилу.

27 — Гэндалф переходит Грейфлад. Вторая ночь у Бомбадила.

28 — хоббиты захвачены в могильнике. Гэндалф посещает Брод Сарн.

29 — Фродо ночью достигает Бри. Гэндалф посещает Гаффера.

30 — нападение в утренние часы на Крикхоллоу и гостиницу в Бри. Фродо оставляет Бри. Гэндалф приходит в Крикхоллоу и ночью достигает Бри.

Октябрь

1 — Гэндалф покидает Бри.

3 — ночью на Гэндалфа нападают на Везертопе.

6 — ночное нападение на Везертопе. Фродо ранен.

9 — Глорфиндел покидает Ривенделл.

11 — Глорфиндел отгоняет всадников от моста Митейтель.

13 — Фродо проходит по мосту.

18 — Глорфиндел находит Фродо. Гэндалф прибывает в Ривенделл.

20 — бегство через Брод Бруинен.

24 — Фродо приходит в себя. Ночью в Ривенделл прибывает Боромир.

25 — Совет у Эльронда.

Декабрь

25 — Товарищество Кольца в сумерках покидает Ривенделл.

3019

Январь

8 — Товарищество достигает Холлина.

11, 12 — снега на Карадрасе.

13 — нападение волков в ранние часы. Вечером Товарищество достигает западных ворот Мории. Голлум начинает идти по следу Хранителя Кольца.

14 — ночь в двадцать первом зале.

15 — мост Казад-Дума и падение Гэндалфа. Ночью Товарищество достигает Нимродели.

17 — вечером Товарищество приходит на Карас-Галадон.

23 — Гэндалф преследует Балрога на вершине Зирак-Зигил.

25 — Гэндалф сбрасывает вниз Балрога и сам умирает. Тело его лежит на вершине.

Февраль

14 — зеркало Галадриэли. Гэндалф оживает и лежит в оцепенении.

16 — прощание с Лориеном. Голлум из укрытия на западном берегу следит за отплытием.

17 — Гвайхир приносит Гэндалфа в Лориен.

23 — ночное нападение на лодки у Сарн-Гебира.

25 — Товарищество, миновав Аргонат, разбивает лагерь на Парт-Галене. Первая битва у бродов через Исен; смерть Теодреда, сына Теодена.

26 — распад Товарищества. Смерть Боромира; его рог слышат в Минас-Тирите. Мериадок и Перегрин захвачены. Фродо и Сэмвайс вступают в восточный Эмин-Муил. Вечером Арагорн начинает преследование орков. Эомер узнает о выходе отряда орков из Эмин-Муила.

27 — на восходе солнца Арагорн достигает западных отрогов. Эомер, вопреки приказу Теодена, в середине ночи выступает из Истфолда против орков.

28 — Эомер догоняет орков на окраинах леса Фангорн.

29 — Мериадок и Перегрин бегут и встречают Древобородого. Рохирримы нападают на рассвете и уничтожают орков. Фродо спускается с Эмин-Муила и встречает Голлума. Фарамир видит погребальную лодку Боромира.

30 — начинается энтмут. Эомер, возвращаясь в

Эдорас, встречает Арагорна.

Март

1 — на рассвете Фродо начинает переход через Мертвые Болота. Продолжается энтмут. Арагорн встречает Гэндалфа Белого. Они выступают в Эдорас. Фарамир покидает Минас-Тирит, чтобы выполнить задание в Итилиене.

2 — Фродо достигает края болот. Гэндалф приходит в Эдорас и исцеляет Теодена. Рохирримы выступают на запад против Сарумана. Вторая битва у бродов Исена. Поражение Эркенбранда. В полдень кончается энтмут. Энты движутся на Исенгард и достигают его к ночи.

3 — Теоден отступает в Пропасть Хельма. Начинается битва у Хорнбурга. Энты заканчивают разрушение Исенгарда.

4 — Теоден и Гэндалф выступают из Пропасти Хельма в Исенгард. Фродо достигает шлаковых холмов на краю пустыни перед Моранноном.

5 — Теоден в полдень вступает в Исенгард. Переговоры с Саруманом в Ортанке. Крылатый назгул пролетает над лагерем у Дол-Барана. Гэндалф уезжает с Перегрином в Минас-Тирит. Фродо скрывается от наблюдателей Мораннона и в сумерках уходит.

6 — рано утром Арагорна догоняют дунаданы.

Теоден выступает из Хорнбурга в Хэрроудейл. Арагорн выходит позже.

7 — Фарамир уводит Фродо в Хеннет-Аннун. Вечером Арагорн приходит в Данхэрроу.

8 — Арагорн проходит Тропами Смерти и к середине ночи достигает Эреха. Фродо покидает Хеннет-Аннун.

9 — Гэндалф приезжает в Минас-Тирит. Фарамир покидает Хеннет-Аннун. Арагорн выступает из Эреха и достигает Калембела. В сумерках Фродо выходит на дорогу в Моргул. Теоден приходит в Данхэрроу. Из Мордора начинает исходить Тьма.

10 — день без рассвета. Сбор Рохана: рохирримы выступают из Хэрроудейл. Гэндалф спасает Фарамира у ворот Города. Арагорн переходит Рингло. Армия из Мораннона захватывает Кайр-Андрос и приходит в Анориен. Фродо минует Перекресток и видит выступление войска Моргула.

11 — Голлум посещает Шелоб, но, глядя на спящего Фродо, едва не раскаивается. Денетор отправляет Фарамира в Осгилиат. Арагорн достигает Линхира и проходит в Лебеннин. Восточный Рохан подвергается вторжению с севера. Первое нападение на Лориен.

12 — Голлум ведет Фродо в логово Шелоб. Фарамир отступает. Теоден останавливается лагерем

под Мин-Риммоном. Арагорн гонит врага к Пеларгиру. Энты наносят поражение захватчикам в Рохане.

13 — Фродо схвачен орками Кирит-Унгола. Пеленнор занят. Фарамир ранен. Арагорн достигает Пеларгира и захватывает флот. Теоден в лесу Друадан.

14 — Сэмвайс находит Фродо в башне. Минас-Тирит осажден. Рохирримы, которых ведут дикие люди, проходят через Серый Лес.

15 — Рано утром Король-Колдун взламывает ворота Города. Денетор сжигает себя на погребальном костре. Звучат рога рохирримов. Битва у Пеленнора. Теоден убит. Арагорн поднимает знамя Арвен. Фродо и Сэмвайс бегут и начинают свой путь на север вдоль Моргая. Битва под деревьями Мерквуда; Трандуил дает отпор силам Дол-Гулдура. Второе нападение на Лориен.

16 — совещание командиров. Фродо с Моргая смотрит на лагерь у Горы Судьбы.

17 — битва в Дейле. Смерть королей Бранда и Дайна Айронфута. Множество гномов и людей находят убежище в Эреборе и осаждены там. Шаграт приносит в Барад-Дур плащ, кольчугу и меч Фродо.

18 — войско Запада выходит из Минас-Тирита.

Фродо подходит к Исенмауту; он захвачен орками на пути из Дуртанга к Удуну.

19 — войско приходит в долину Моргула.

22 — Фродо и Сэмвайс оставляют дорогу и поворачивают на юг, к Горе Судьбы. Третье нападение на Лориен.

23 — войско выходит из Итилиена. Арагорн отпускает слабых духом. Фродо и Сэмвайс бросают оружие и снаряжение.

24 — Фродо и Сэмвайс совершают последний переход к подножию Горы Судьбы. Войско останавливается лагерем в пустыне перед Моранноном.

25 — войско окружено в шлаковых холмах. Фродо и Сэмвайс достигают Саммат-Наура. Голлум захватывает Кольцо и падает в Ущелье Судьбы. Падение Барад-Дура и уход Саурона.

После падения Барад-Дура и ухода Саурона Тень оставляет сердца противостоявших ему людей, а его слуг и союзников охватывают страх и отчаяние. Трижды Лориен подвергается атакам из Дол-Гулдура, но, благодаря доблести эльфов, Лориен неприступен, и справиться с ним мог бы лишь сам Саурон. И хотя ужасный ущерб был причинен лесам этой страны, враги были отброшены; а когда Тень ушла, Келеборн повел

лориенское войско через Андуин на множестве лодок. Эльфы вскоре взяли Дол-Гулдур, Галадриэль обрушила стены и темницы этой крепости, а леса были очищены.

На Севере также шла война. Королевство Трандуила подверглось вторжению, и здесь была большая битва под деревьями; но в конце концов Трандуил одержал победу. И в день эльфийского нового года Келеборн и Трандуил встретились в середине леса; и они переименовали Мерквуд в Эрин Ласгален — Лес Зеленых Листьев. Трандуил взял все северные районы, вплоть до гор, как леса своего королевства, а Келеборн взял южные леса, назвав их Восточным Лориеном; все обширные лесные районы между эльфийскими королевствами были отданы беорнингам и лесным людям. Но после ухода Галадриэли через несколько лет Келеборн почувствовал усталость от своего королевства и ушел в Имладрис, чтобы жить с сыновьями Эльронда. В Гринвуде лесные эльфы жили спокойно, но в Лориене от прежнего населения остались очень немногие, и на Карас-Галадоне больше не было света и песен.

В то время, когда большая армия осадила Минас-Тирит, войско союзников Саурона, долго угрожавшее границам короля Бранда, перешло

реку Карнен, и Бранд вынужден был отступить к Дейлу. Здесь ему на помощь пришли гномы Эребора, и у подножия горы состоялась большая битва. Она длилась три дня, в ней были убиты и король Бранд, и король Дайн Айронфут, а победу одержали жители Востока. Но они не смогли взять ворота, и многие люди и гномы нашли убежище в Эреборе, где и выдержали осаду.

Когда пришли известия о великих победах на Юге, северная армия Саурона пришла в отчаяние; осажденные вышли и напали на осаждающих, и остатки армии Врага бежали на Восток и больше не тревожили Дейл. Тогда Бард II, сын Бранда, стал королем Дейла, а Торин Стоунхельм, сын Дайна, стал Королем под Горой. Они отправили своих послов на коронацию короля Элессара, и их королевства всегда впоследствии сохраняли дружбу с Гондором; и они находились под покровительством короля Запада.

Главные дни от падения Барад-Дура до конца Третьей Эры[52]

---

[52] Примечания: 52
Месяцы и дни даются в соответствии с Ширским календарем.

3019

Л. Ш. 1419

Март

27 — Бард II и Торин III Стоунхельм отгоняют врага от Дейла.

28 — Келеборн пересекает Андуин; начинается разрушение Дол-Гулдура.

Апрель

6 — встреча Келеборна и Трандуила.

7 — Хранителям Кольца воздают почести на поле Кормаллен.

Май

1 — коронация короля Элессара; Эльронд и Арвен выступают из Ривенделла.

8 — Эомер и Эовин выезжают в Рохан с сыновьями Эльронда.

20 — Эльронд и Арвен прибывают в Лориен.

27 — свита Арвен оставляет Лориен.

Июнь

14 — сыновья Эльронда встречают эскорт и привозят Арвен в Эдорас.

16 — они выезжают в Гондор.

25 — король Элессар находит отросток Белого

Древа.

Первый поворотный день — Арвен прибывает в Город.

День середины года — свадьба Элессара и Арвен.

Июль

18 — Эомер возвращается в Минас-Тирит.

19 — погребальный эскорт короля Теодена выступает в путь.

Август

7 — эскорт прибывает в Эдорас.

10 — погребение короля Теодена.

14 — гости покидают короля Эомера.

18 — они прибывают в Пропасть Хельма.

22 — они прибывают в Исенгард. Прощание с королем Запада на закате.

28 — они догоняют Сарумана. Саруман тайком поворачивает в Шир.

Сентябрь

6 — они останавливаются в виду гор Мории.

13 — уезжают Келеборн и Галадриэль, остальные двигаются в Ривенделл.

21 — они возвращаются в Ривенделл.

22 — день рождения Бильбо, ему исполняется 129 лет. Саруман приходит в Шир.

Октябрь

Гэндалф и хоббиты покидают Ривенделл.

6 — они пересекают Брод Бруинен; Фродо чувствует первый приступ боли.

28 — вечером они подъезжают к Бри.

30 — путешественники оставляют Бри и в темноте достигают моста через Брендивайн.

Ноябрь

1 — хоббиты «арестованы» во Фрогмортоне.

2 — они приходят в Байуотер и поднимают народ Шира.

3 — битва у Байуотера и уход Сарумана. Конец Войны Кольца.

3020

Л. Ш. 1420 — Год Изобилия

13 марта — Фродо болен (год назад он был ранен Шелоб).

6 апреля — на Званом Поле расцветает маллорн.

1 мая — Сэмвайс женится на Рози.

День середины года — Фродо отказывается от должности мэра, мэром вновь становится Уилл Витфут.

22 сентября — Бильбо исполняется 130 лет.

6 октября — Фродо снова болен.

3021

Л. Ш. 1421 — последний год Третьей Эры

Март

13 — Фродо снова болен.

25 — рождение дочери Сэмвайса Эланор Прекрасной[53]. В этот день по летоисчислению Гондора начинается Четвертая Эра.

Сентябрь

21 — Фродо и Сэмвайс выезжают из Хоббитона.

22 — они встречают в Вуди-Энде Последний Выезд Владельцев Колец.

29 — они приходят в Серую Гавань. Фродо и Бильбо уезжают за Море с тремя Владельцами Колец. Конец Третьей Эры.

6 октября — Сэмвайс возвращается в Бэг-Энд.

---

[53] Примечания: 53

Прозвище Прекрасная Эланор получила из-за своей красоты. Многие говорили, что она больше похожа на эльфийскую, чем на хоббитскую девушку. У нее были золотые волосы — весьма редкое явление в Шире. Но две другие дочери Сэмвайса тоже были золотоволосые, да и многие другие дети, родившиеся в это время.

Позднейшие события, касающиеся участников Товарищества Кольца

Л. Ш.

1422 — с этого года начинается Четвертая Эра, но счет годов по летоисчислению Шира продолжается.

1427 — Уилл Витфут слагает с себя полномочия. Сэмвайс избирается мэром Шира. Перегрин Тук женится на Дайамонд из Лонг-Клива. Король Элессар издает указ: ни один человек не имеет права входить в Шир; он объявляет Шир свободной землей под защитой северного скипетра.

1430 — рождение Фарамира, сына Перегрина.

1431 — рождение Голдилокс, дочери Сэмвайса.

1432 — Мериадок, прозванный Великолепным, становится хозяином Бакленда. Король Эомер и леди Эовин Итилиенская шлют ему богатые дары.

1434 — Перегрин становится тэйном. Король Элессар назначает тэйна Перегрина, мастера Мериадока и мэра Сэмвайса советниками Северного Королевства. Мастер Сэмвайс избирается мэром на второй срок.

1436 — король Элессар едет на Север и живет

некоторое время у озера Ивендим. Он приезжает к мосту через Брендивайн и здесь встречается со своими друзьями. Он отдает звезду дунаданов мастеру Сэмвайсу, а Эланор делает почетной фрейлиной королевы Арвен.

1441 — мастер Сэмвайс в третий раз становится мэром.

1442 — мастер Сэмвайс с женой и дочерью Эланор едет в Гондор и живет там в течение года. Мастер Толман Коттон исполняет обязанности мэра.

1448 — мастер Сэмвайс в четвертый раз становится мэром.

1451 — Эланор Прекрасная выходит замуж за Фастреда Гринхолма из Далеких Склонов.

1452 — западные районы от Далеких Склонов до Башенных Холмов (Эмин-Берайд[54]) присоединяются к Ширу как дар Короля Элессара. Многие хоббиты переселяются туда.

1454 — рождение Эльфстана Феабейна, сына Фастреда и Эланор.

1455 — мастер Сэмвайс в пятый раз становится мэром. По его просьбе тэйн назначает Фастреда губернатором Западных Границ. Фастред и

---

[54] Примечания: 54
См. примеч. 21 к Приложению А.

Эланор поселяются в Андертауэре на Башенных Холмах, где в течение многих поколений живут их потомки Феабейны Из Башни.

1463 — Фарамир Тук женится на Голдилокс, дочери Сэмвайса.

1469 — мастер Сэмвайс становится мэром в седьмой, и последний, раз, будучи в 1479 году, в конце своего правления, девяноста шести лет.

1482 — смерть Рози, жены мастера Сэмвайса, в день середины года. Двадцать второго сентября мастер Сэмвайс уезжает из Бэг-Энда. Он приходит в Башенные Холмы и последний раз видится с Эланор, которой отдает Красную Книгу, впоследствии хранившуюся у Феабейнов. Среди них по традиции передавался рассказ о том, что Сэмвайс ушел в Серую Гавань и последним из Хранителей Кольца уплыл за Море.

1484 — весной этого года приходит из Рохана в Бакленд сообщение, что король Эомер снова хочет видеть мастера Холдвайна. Мериадок в это время был уже стар (102 года), но вполне здоров. Он советуется со своим другом тэйном, затем они передают свои должности сыновьям и уезжают к Броду Сарн, после чего их уже не видели в Шире. Впоследствии стало известно, что мастер Мериадок прибыл в Эдорас и был там до смерти короля

Эомера осенью. Затем он и тэйн Перегрин уехали в Гондор и провели оставшиеся недолгие годы в этом королевстве. Похоронили их в Рат-Динен среди великих людей Гондора.

1541 — 1 марта[55] уходит король Элессар. Говорят, что ложа Мериадока и Перегрина установлены рядом с ложем Великого Короля. Леголас строит серый корабль в Итилиене и плывет вниз по Андуину к Морю. Вместе с ним, как говорят, плывет гном Гимли. И когда уплывает этот корабль, приходит конец Товариществу Кольца в Средиземье.

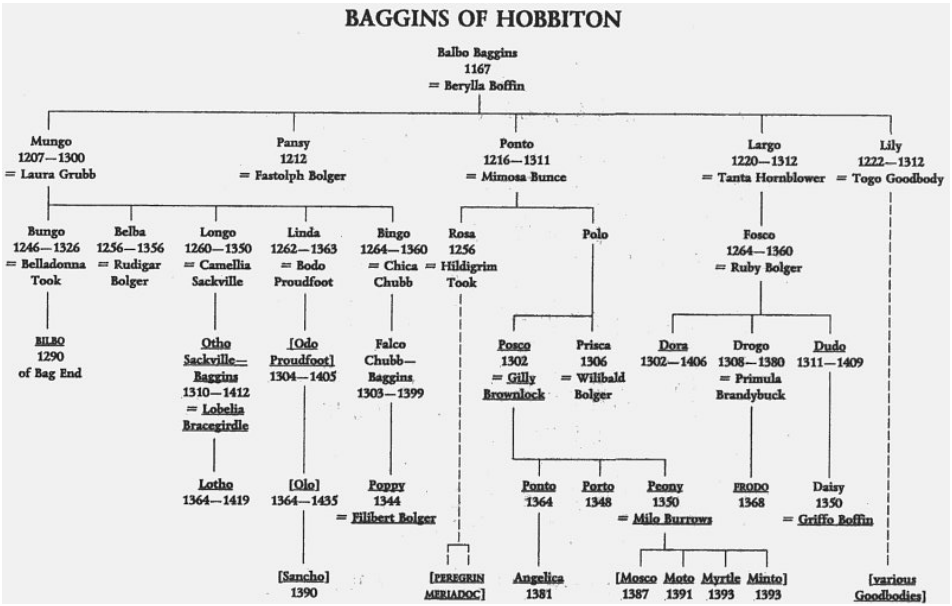
[55] Примечания: 55
Сто двадцатый год Четвертой Эры по летоисчислению Гондора.

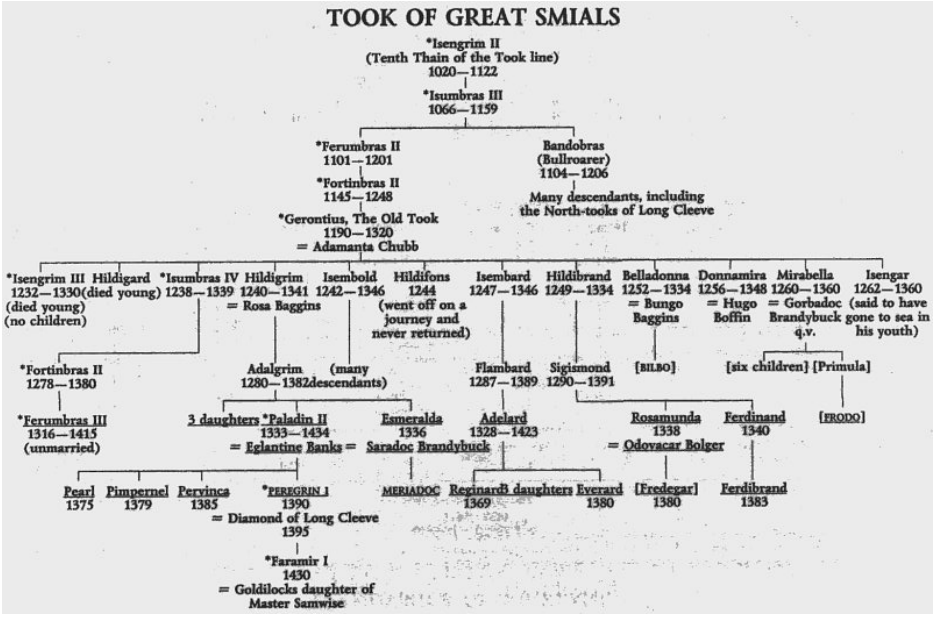
Приложение В

Семейные древа

В этих древах указаны лишь немногие имена. Это преимущественно гости на прощальном приеме Бильбо или их прямые потомки. Имена гостей, присутствовавших на приеме, подчеркнуты. Приводятся также имена и некоторых других персонажей, принимавших участие в событиях. Вдобавок даются некоторые генеалогические сведения о Сэмвайсе, основателе семьи Гарднеров (Садовников), впоследствии весьма известной и влиятельной.

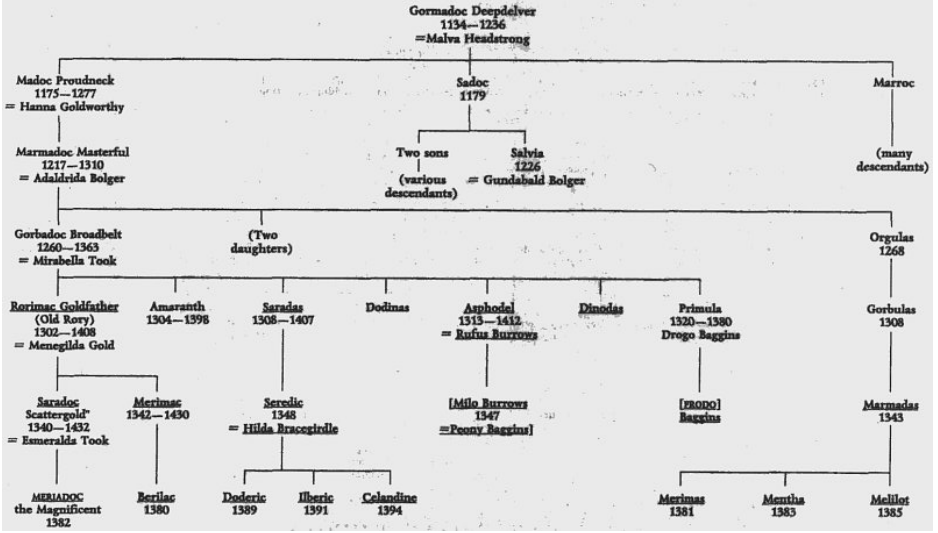
За именами указаны даты рождения (и смерти, если известно). Все даты даются по летоисчислению Шира, начинающемуся от перехода братьев Марчо и Бланко через Брендивайн в первом году Шира (1601 год Третьей Эры).

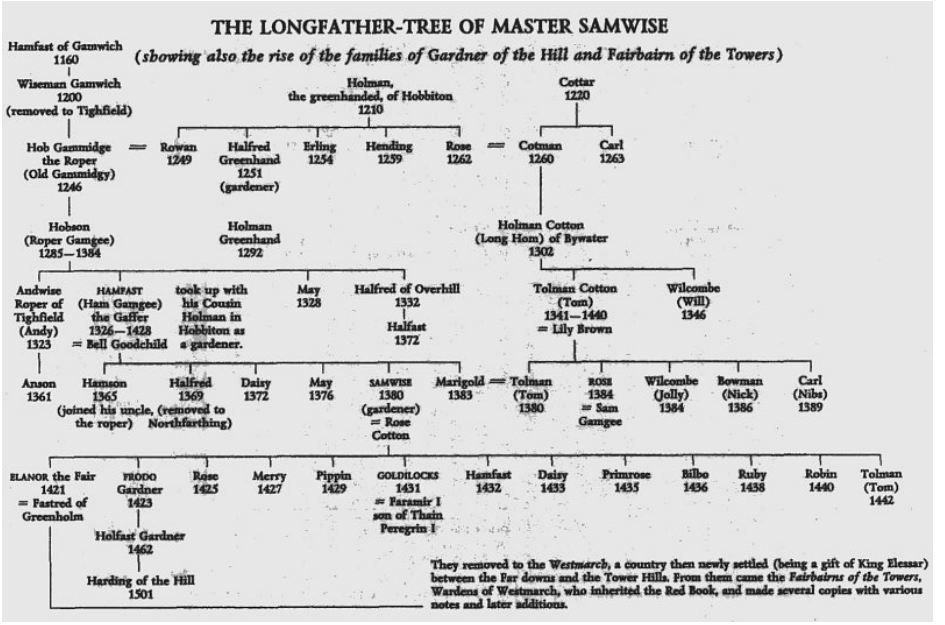

BAGGINS OF HOBBITON
Balbo Baggins
1167
= Berylla Boffin
Mungo
1207—1300
= Laura Grubb
Pansy
1212
= Fastolph Bolger
Ponto
1216—1311
= Mimosa Bunce
Largo
1220—1312
= Tanta Hornblower
Lily
1222—1312
= Togo Goodbody
Bungo
1246—1326
= Belladonna Took
Belba
1256—1356
= Rudigar Bolger
Longo
1260—1350
= Camellia Sackville
Linda
1262—1363
= Bodo Proudfoot
Bingo
1264—1360
= Chica Chubb
Rosa
1256
= Hildigrim Took
Polo
Fosco
1264—1360
= Ruby Bolger
BILBO
1290
of Bag End
Otho Sackville—Baggins
1310—1412
= Lobelia Bracegirdle
[Odo Proudfoot]
1304—1405
Falco Chubb—Baggins
1303—1399
Posco
1302
= Gilly Brownlock
Prisca
1306
= Wilibald Bolger
Dora
1302—1406
Drogo
1308—1380
= Primula Brandybuck
Dudo
1311—1409
Lotho
1364—1419
[Olo]
1364—1435
Poppy
1344
= Filibert Bolger
Ponto
1364
Porto
1348
Peony
1350
= Milo Burrows
FRODO
1368
Daisy
1350
= Griffo Boffin
[Sancho]
1390
[PEREGRIN MERIADOC]
Angelica
1381
[Mosco
1387
Moto
1391
Myrtle
1393
Minto]
1393
[various Goodbodies]


TOOK OF GREAT SMIALS
*Isengrim II
(Tenth Thain of the Took line)
1020—1122
*Isumbras III
1066—1159
*Ferumbras II
1101—1201
*Fortinbras II
1145—1248
*Gerontius, The Old Took
1190—1320
= Adamanta Chubb
Bandobras
(Bullroarer)
1104—1206
Many descendants, including
the North-tooks of Long Cleeve
*Isengrim III
1232—1330
(died young)
(no children)
Hildigard
(died young)
*Isumbras IV
1238—1339
Hildigrim
1240—1341
= Rosa Baggins
Isembold
1242—1346
Hildifons
1244
(went off on a
journey and
never returned)
Isembard
1247—1346
Hildibrand
1249—1334
Belladonna
1252—1334
= Bungo
Baggins
Donnamira
1256—1348
= Hugo
Boffin
Mirabella
1260—1360
= Gorbadoc
Brandybuck
q.v.
Isengar
1262—1360
(said to have
gone to sea in
his youth)
*Fortinbras II
1278—1380
Adalgrim
1280—1382
(many
descendants)
Flambard
1287—1389
Sigismond
1290—1391
[BILBO]
[six children]
[Primula]
*Ferumbras III
1316—1415
(unmarried)
3 daughters
*Paladin II
1333—1434
= Eglantine Banks
Esmeralda
1336
= Saradoc Brandybuck
Adelard
1328—1423
Rosamunda
1338
= Odovacar Bolger
Ferdinand
1340
[FRODO]
Pearl
1375
Pimpernel
1379
Pervinca
1385
*PEREGRIN I
1390
= Diamond of Long Cleeve
1395
MERIADOC
Reginard
1369
3 daughters
Everard
1380
[Fredegar]
1380
Ferdibrand
1383
*Faramir I
1430
= Goldilocks daughter of
Master Samwise

BRANDYBUCK OF BUCKLAND

Gorhendad Oldbuck of the Marish, c. 740 began the building of *Brandy Hall* and changed the family name to *Brandybuck*.




THE LONGFATHER-TREE OF MASTER SAMWISE
(showing also the rise of the families of Gardner of the Hill and Fairbairn of the Towers)
Hamfast of Gamwich 1160
Wiseman Gamwich 1200 (removed to Tighfield)
Holman, the greenhanded, of Hobbiton 1210
Cottar 1220
Hob Gammidge the Roper (Old Gammidgy) 1246
Rowan 1249
Halfred Greenhand 1251 (gardener)
Erling 1254
Hending 1259
Rose 1262
Cotman 1260
Carl 1263
Hobson (Roper Gamgee) 1285—1384
Holman Greenhand 1292
Holman Cotton (Long Hom) of Bywater 1302
Andwise Roper of Tighfield (Andy) 1323
HAMFAST (Ham Gamgee) the Gaffer 1326—1428 = Bell Goodchild
took up with his Cousin Holman in Hobbiton as a gardener.
May 1328
Halfred of Overhill 1332
Halfast 1372
Tolman Cotton (Tom) 1341—1440 = Lily Brown
Wilcombe (Will) 1346
Anson 1361
Hamson 1365 (joined his uncle, the roper)
Halfred 1369 (removed to Northfarthing)
Daisy 1372
May 1376
SAMWISE 1380 (gardener) = Rose Cotton
Marigold 1383
Tolman (Tom) 1380
ROSE 1384 = Sam Gamgee
Wilcombe (Jolly) 1384
Bowman (Nick) 1386
Carl (Nibs) 1389
ELANOR the Fair 1421 = Fastred of Greenholm
FRODO Gardner 1423
Rose 1425
Merry 1427
Pippin 1429
GOLDILOCKS 1431 = Faramir I son of Thain Peregrin I
Hamfast 1432
Daisy 1433
Primrose 1435
Bilbo 1436
Ruby 1438
Robin 1440
Tolman (Tom) 1442
Holfast Gardner 1462
Harding of the Hill 1501
They removed to the Westmarch, a country then newly settled (being a gift of King Elessar) between the Far downs and the Tower Hills. From them came the Fairbairns of the Towers, Wardens of Westmarch, who inherited the Red Book, and made several copies with various notes and later additions.

Приложение Г

Календарь Шира

Каждый год начинается в первый день недели, субботу, и заканчивается последним днем недели, пятницей. День середины года, а в високосные годы и поворотный день не имеют названия дня недели. Поворотный накануне дня середины года называется первым поворотным, а следующий за днем середины день — вторым поворотным. День в конце года называется первым святочным, а в начале — вторым святочным. Добавочный поворотный — день особого праздника, но на годы, важные для истории Великого Кольца, этот день ни разу не приходится. Он был в 1420 году — в год богатого урожая и удивительного лета, и празднование его тогда, как говорят, было самым грандиозным в истории Шира.

(1) *Afteryule*	(4) *Astron*	(7) *Afterlithe*	(10) *Winterfilth*
YULE 7 14 21 28	1 8 15 22 29	LITHE 7 14 21 28	1 8 15 22 29
1 8 15 22 29	2 9 16 23 30	1 8 15 22 29	2 9 16 23 30
2 9 16 23 30	3 10 17 24 —	2 9 16 23 30	3 10 17 24 —
3 10 17 24 —	4 11 18 25 —	3 10 17 24 —	4 11 18 25 —
4 11 18 25 —	5 12 19 26 —	4 11 18 25 —	5 12 19 26 —
5 12 19 26 —	6 13 20 27 —	5 12 19 26 —	6 13 20 27 —
6 13 20 27 —	7 14 21 28 —	6 13 20 27 —	7 14 21 28 —
(2) *Solmoth*	(5) *Thrimidge*	(8) *Wedmath*	(11) *Blotmath*
— 5 12 19 26	— 6 13 20 27	— 5 12 19 26	— 6 13 20 27
— 6 13 20 27	— 7 14 21 28	— 6 13 20 27	— 7 14 21 28
— 7 14 21 28	1 8 15 22 29	— 7 14 21 28	1 8 15 22 29
1 8 15 22 29	2 9 16 23 30	1 8 15 22 29	2 9 16 23 30
2 9 16 23 30	3 10 17 24 —	2 9 16 23 30	3 10 17 24 —
3 10 17 24 —	4 11 18 25 —	3 10 17 24 —	4 11 18 25 —
4 11 18 25 —	5 12 19 26 —	4 11 18 25 —	5 12 19 26 —
(3) *Rethe*	(6) *Forelithe*	(9) *Halimath*	(12) *Foreyule*
— 3 10 17 24	— 4 11 18 25	— 3 10 17 24	— 4 11 18 25
— 4 11 18 25	— 5 12 19 26	— 4 11 18 25	— 5 12 19 26
— 5 12 19 26	— 6 13 20 27	— 5 12 19 26	— 6 13 20 27
— 6 13 20 27	— 7 14 21 28	— 6 13 20 27	— 7 14 21 28
— 7 14 21 28	1 8 15 22 29	— 7 14 21 28	1 8 15 22 29
1 8 15 22 29	2 9 16 23 30	1 8 15 22 29	2 9 16 23 30
2 9 16 23 30	3 10 17 24 LITHE	2 9 16 23 30	3 10 17 24 YULE
	Midyear's Day (Overlithe)		

Календари

Календарь Шира несколькими особенностями отличается от нашего. Год, несомненно, имел ту же продолжительность[56]. В записях хоббитов говорится, что у них не было «недели», когда они были блуждающим народом, и, хотя у них были «месяцы», устанавливаемые в соответствии с движением луны, определение ими дат и расчеты времени были смутными и неточными.

В западных районах Эриадора, где они начали оседать, они приняли королевское летоисчисление дунаданов, которое восходит к Старейшим; но хоббиты в Шире ввели несколько небольших усовершенствований. Этот календарь, или летоисчисление Шира, как его называют, был принят также в Бри, за исключением правила считать первым годом год колонизации Шира.

Часто бывает трудно из старых сказаний и традиций получить точные сведения относительно таких предметов, которые считаются сами собой разумеющимися и известными всем (как, напри-

---

[56] Примечания: 56
365 дней 5 часов 48 минут 46 секунд.

мер, названия букв, дней недели или названия и продолжительность месяцев). Но, благодаря своему общему интересу к генеалогии, а также к древней истории, который развился у них после Войны Кольца, хоббиты Шира немало занимались датировкой событий; они даже составили сложные таблицы, показывающие отношение их системы к другим. Я не специалист в этом вопросе и могу допустить много ошибок, но, во всяком случае, хронология решающих лет 1418-1419 Л. Ш. так тщательно изложена в Красной Книге, что относительно датировки этих событий не может быть никаких сомнений.

Кажется ясным, что Старейшие в Средиземье, которые имели, как заметил Сэмвайс, гораздо больше времени в своем распоряжении, считали его длинными промежутками и что слово *йен*, часто переводимое как «год», на самом деле обозначает 144 наших года. Старейшие предпочитали вести счет в шестиричной или двенадцатиричной системах. Солнечные сутки называли *ре* и считали их продолжительность от захода до захода солнца. Йен содержал 52 596 суток. Скорее с ритуальной, чем практической целью Старейшие выделяли и неделю, *энкви*, из шести дней; йен содержал 8766 таких энкви.

В Средиземье Старейшие выделяли и более короткий период — солнечный год, называя его *коранар* — «солнечный круг», если он определялся с астрономической точки зрения, но чаще они называли его *лоа* — «рост» (особенно в северо-западных районах Средиземья), и главное содержание этого понятия составляли сезонные изменения растительности, что для эльфов вообще весьма существенно. Лоа делился на периоды, которые могут рассматриваться как длинные месяцы или короткие сезоны (времена года). Они, несомненно, варьировались в разных районах; хоббиты получили информацию о них главным образом из календаря Имладриса. В этом календаре выделялось шесть таких сезонов. Квеньянские их названия — *туиле, лайре, йавие, квелле, риве, коире,* что можно перевести как «весна», «лето», «осень», «увядание», «зима», «оживление». Синдаринские названия этих сезонов — *этунл, лаер, йавас, фирит, рив, эчуир*. «Увядание» также называлось *ласса-ланта* — «листопад», или по-синдарински *нарбетел* — «увядание солнца».

Лаире и риве содержали по 72 дня, остальные — по 54 дня. Лоа начинался с йестаре — дня сразу перед туиле — и кончался меттаре — днем сразу после коире. Между йавие и квелле находились

три *эндери*, или «серединных дня». Это составляло год в 365 дней, а каждые 12 лет к нему добавлялись удвоенные эндери.

Как регулировалась накапливающаяся неточность календаря — неизвестно. Если год был той же продолжительности, что и сейчас, то йен оказывался длиннее на день. О том, что в этом календаре была неточность, свидетельствует замечание в Красной Книге: в летоисчислении Ривенделла каждый третий йен укорачивался на три дня — удвоение трех эндери в этом году отменялось; «...но в наше время этого не случилось». Относительно других попыток ликвидировать эту погрешность никаких записей нет.

Нуменорцы изменили этот порядок. Они разделили лоа на более короткие периоды равной длины, и они твердо придерживались обычая считать началом года середину зимы, как это было у людей Северо-Запада, от которых они и отделились в Первую Эру. Позднее они также приняли семидневную неделю и считали сутки от восхода (солнца из Восточного Моря) до восхода.

Нуменорская система, использовавшаяся как в Нуменоре, так и в Арноре и Гондоре до конца правления королей, называлась королевским летоисчислением. Обычный год состоял из 365

дней. Он делился на 12 *астаров*, или месяцев, из которых в десяти было по 30 дней, а в двух — по 31. Длинные астары находились по обе стороны середины года, приблизительно соответствуя нашим июню и июлю. Первый день года назывался *йестаре*, средний день (сто восемьдесят третий) — *лоенде*, а последний — *меттаре*; эти три дня не относились ни к каким месяцам. Каждые четыре года, за исключением последнего года столетия (*харание*), вместо лоенде вставлялись два эндери.

В Нуменоре хронология начиналась с первого года Второй Эры. Недочет, вызывавшийся вычитанием дня у последнего года столетия, не регулировался до последнего года тысячелетия, составляя недочет тысячелетия в 4 часа 46 минут 40 секунд. Такая добавка делалась в Нуменоре в 1000, 2000 и 3000 годах В. Э. После падения в 3319 году В. Э. эта система была принята изгнанниками, но сложности возникали в связи с изменением нумерации годов в Третью Эру. 3442 год В. Э. стал первым годом Т. Э. Превратив четвертый год Т. Э. в високосный вместо третьего года Т. Э. (3444 год В. Э), изгнанники ввели еще один короткий год из 365 дней и довели недочет до 5 часов 48 минут 46 секунд. Тысячелетняя добавка была сделана 441 год спустя — в 1000 году Т. Э. (4441 год В. Э.) и

2000 (5441 год В. Э.). Чтобы исправить ошибку и уменьшить накапливающийся тысячелетиями дефицит, наместник Мардил провел реформу календаря, добавив к 2059 году Т. Э. (5500 год В. Э.) два дня, — это уничтожило накопившуюся с начала нуменорского исчисления за пять с половиной тысяч лет ошибку. Но еще оставался дефицит в 8 часов. В связи с этим Хадор добавил к 2360 году еще один день. После этого никаких изменений в календаре не производилось. В 3000 году Т. Э., под угрозой неизбежной войны, этот вопрос казался несущественным. К концу Третьей Эры, через 660 лет, дефицит еще не достигал одного дня.

Реформированный календарь, введенный Мардилом, назывался наместническим летоисчислением и был принят почти всеми говорящими на языке вестрон, за исключением хоббитов. Все месяцы состояли из тридцати дней, вводились два дня, не принадлежавших месяцам: один между третьим и четвертым месяцем (мартом и апрелем), другой — между девятым и десятым месяцем (сентябрем и октябрем). Пять дней, не принадлежавших месяцам, йестаре, туилере, лоенде, йавиере и меттаре (включая три дня в середине года), были праздниками.

Хоббиты были консервативны и продолжали

использовать королевское летоисчисление, но приспособили его к своим обычаям. Все их месяцы были одинаковы: в каждом по 30 дней; но у них было три летних дня, именуемых в Шире поворотными, между июнем и июлем. Первый и последний дни года назывались святочными. Святочные и поворотные не входили в месяцы, так что 1 января всегда было вторым, а не первым днем года. В каждом четвертом году, за исключением последнего года столетия[57], было четыре поворотных дня. Поворотные и святочные дни были главными праздниками. А добавочный поворотный день, вставлявшийся после середины года и бывший сто восемьдесят четвертым днем високосного года, был днем особого веселья.

Народ Шира ввел небольшое изменение (оно было принято также и в Бри), которое он называл Ширской реформой. Хоббиты решили, что перемещение названий дней недели от года к году неудобно и утомительно. Поэтому во времена Исенгрима II они договорились, что добавочный день, приводящий к этому перемещению, не будет иметь своего названия как день недели.

[57] Примечания: 57

Так, в Шире, где первый год соответствовал 1601 году Т. Э., в Бри, где первый год соответствовал 1300 году Т. Э., это был также первый год столетия.

Впоследствии же день середины года (а также добавочный поворотный) перестал принадлежать неделе (I, 233). Как следствие этой реформы, год всегда начинался первым днем недели и кончался последним днем; и в каждом году любое число всегда соответствовало одному и тому же дню недели, так что народ Шира мог больше не беспокоиться об указании дней недели в письмах и дневниках[58]. Пребывая дома, жители Шира находили это очень удобным, но, когда им случалось выезжать дальше Бри, удобство оборачивалось путаницей.

В предыдущих замечаниях, так же как и в повествовании, я использовал наши современные названия месяцев и дней недели, хотя, конечно, ни Старейшие, ни дунаданы, ни хоббиты их не употребляли. Я поступал так, чтобы избежать трудностей понимания, поскольку примерно времена года у нас совпадают. Существенно, однако, то, что день середины года соответствовал, по возможности точно, летнему солнцестоянию.

---

[58] Примечания: 58

При первом же взгляде на календарь Шира заметно, что единственный день недели, с которого не начинается месяц, — это пятница. Поэтому в Шире возникла шутливая идиома: «Пятница — первое число», в соответствии с несуществующим днем или же днем, в который происходят невероятные события, вроде летающих свиней или ходящих деревьев (в Шире).

Отсюда следует, что даты Шира опережают наши примерно на десять дней, так что наш новый год соответствует приблизительно 9 января Шира.

В вестроне использовались квеньянские названия месяцев, как сейчас латинские названия используются в европейских языках. Это следующие названия: *нарвинье, пенимэ, сулимэ, виресс, лотесс, нарье, кермье, уримэ, явание, наркелие, хисимэ, рингаре*. Синдаринские названия (используемые только дунаданами) таковы: *нарвайн, нинуй, гваерон, гвирит, лотрон, норуй, кервет, уруй, иваннет, нарбелет, хитуй, гиритрон.*

Но в этой номенклатуре хоббиты Шира и Бри, однако, отличались от принятой в вестроне и использовали собственные местные названия, которые, по-видимому, в древности они заимствовали у людей долин Андуина; во всяком случае, такие же названия употреблялись в Дейле и Рохане. Значения этих названий, понятные людям, как правило, давно были забыты хоббитами, даже если они поначалу знали эти значения; и форма названий несколько видоизменилась в процессе употребления: *мат*, например, в конце некоторых названий представляет собой видоизмененное *month (мант)* «месяц».

Ширские названия месяцев указаны в кален-

даре. Можно отметить, что *солмат* часто произносили и даже писали как *сомат*, *тримидж* часто писался как *тримих* (устаревшее *тримилх*) и *блотмат* произносился как *блодмат* или *бломмат*. В Бри произошли изменения в словах *фрери, солмат, рете, читинг, тримидж, лайз, саммедейс, меде, ведмат, хавистмат, винтринг, блотинг* и *джулмат. Фрери, читинг* и *джулмат* также использовались в Истфартинге[59].

Хоббитская неделя была заимствована у дунаданов, и названия дней недели были переводом существовавших в старом Северном Королевстве названий, в свою очередь восходящих к названиям Старейших. Названия дней шестидневной недели Старейших восходили к *звездам, солнцу, луне, двум деревьям, небу* и *валарам* (или *власти*) таким образом, что последний день недели был главным днем. На квеньянском они назывались: *элення, анария, исилия, алдуйа, менелья, валанья* (или *тарион*); синдаринские названия таковы: *оргилион, оранор, оритиль, оргаладад, орменель,*

[59] Примечания: 59

В Бри принято было в шутку говорить о винтерфилт (зимней грязи) в (мутном) Шире, но ширский фольклор гласит, что *винтринг* в Бри было изменением старого названия, которое изначально связывалось с окончанием года накануне зимы и перешло от времени перед полным принятием королевского летоисчисления, когда новый год стал начинаться после сбора урожая.

орбелайн (или *родин*).

Нуменорцы переняли названия и их последовательность, заменив лишь название четвертого дня на *алдеа* (*оргалад*) в знак почитания того Белого Древа, чьим потомком считался Нимлот, растущий в королевском дворце Нуменора. Нуменорцы ввели также седьмой день; будучи искусными моряками, они вслед за днем неба пометили день моря — *еренья* (*орайарон*).

Хоббиты переняли эти названия, но значения их вскоре были забыты, форма названий редуцировалась, особенно в повседневном бытовом произношении. Первый перевод нуменорских названий был сделан, вероятно, за две тысячи лет (или больше) до конца Третьей Эры, когда дунаданскую неделю переняли люди Севера. Так же как в названиях месяцев, хоббиты придерживались этого перевода, хотя повсеместно в районах вестрона использовались квеньянские названия.

Немного древних документов сохранилось в Шире. Самым значительным из них в конце Третьей Эры была годовая книга Такборо[60]. Самые древние записи в ней относятся ко времени за девятьсот лет до Фродо, и многие записи цити-

[60] Примечания: 60

Запись рождений, браков и смертей семьи Туков, а также договоры на продажу земли и изложение различных событий в Шире.

руются в анналах и генеалогиях Красной Книги. В этих записях названия дней недели представлены в архаичных формах, из которых самые старые таковы: (1) *стерренди*, (2) *санненди*, (3) *манненди*, (4) *тревесди*, (5) *хевенсди*, (6) *мересди*, (7) *хайди*. В языке времени Войны Кольца эти названия превратились в *стерди, санди, манди, тревсди, квенсди* (или *хенсди*), *мерсди, хайди*.

Я переводил эти названия также на современные, естественно, начиная с воскресенья и понедельника. Последним днем недели была пятница (хайди) — это был день праздника (после полудня) и вечерних пиров. Суббота Шира, таким образом, соответствовала нашему понедельнику, а четверг — нашей субботе[61].

Можно упомянуть также некоторые другие названия, имеющие отношение ко времени, хотя и не дающие точных обозначений. Времена года обычно назывались *туиле* — «весна», *лаире* — «лето», *йавие* — «осень» (или «жатва»), *риве* — «зима»; но точною значения у них не было, и *квелле* (или *ласселанта*) обычно использовалось для обозначения последней части осени и начала зимы.

---

[61] Примечания: 61

Поэтому в песне Бильбо (I, 219) я вместо *пятницы* использовал *воскресенье*.

Старейшие обращали особое внимание на сумерки (в северных районах), главным же образом — на время, когда зажигаются звезды и когда они гаснут. У них были особые названия для таких периодов, из которых наиболее часто использовались *тиндоме* и *ундоме*: первое обозначало начало рассвета, второе — начало вечера. Синдаринское название для сумерек было *уйал*, начало рассвета — *минуйал*, начало вечера — *адуйал*. В Шире начало рассвета называлось *морроудим*, начало вечера — *ивендим*. Так, например, оригинальное название озера Ивендим — *Ненуйал*.

Для рассказа о Войне Кольца важны только даты по летоисчислению Шира. Все дни и месяцы и даты в Красной Книге переведены в термины Шира или сопоставлены с ними в примечаниях. Поэтому и на протяжении всего «Властелина Колец» месяцы и дни указываются по календарю Шира. Исключительные пункты, в которых разница между их и нашим календарем представляется важной для решающих лет — конца 3018 и начала 3019 (л. Ш. 1418, 1419), таковы: октябрь 1418 года имеет 30 дней, 1 января — второй день 1419 года, а в феврале 30 дней; так что 25 марта — дата падения Барад-Дура — соответствовало бы нашему 27 марта, если наши годы начались в

том же сезоне. Но эта дата, однако, тоже 25 марта в летоисчислении и королей, и наместников.

Новое летоисчисление началось с восстановления королевства в 3019 году Т. Э. Оно означало возвращение к королевскому летоисчислению, приспособленному так, чтобы весна соответствовала началу лоа Старейших[62].

По новому летоисчислению год начинался 25 марта по старому стилю в ознаменование падения Саурона и подвигов Хранителей Кольца. Месяцы сохранили свои прежние названия, начинаясь теперь с виресс (апрель), но обозначая периоды на пять дней раньше, чем предыдущие месяцы. Все месяцы насчитывали по 30 дней. Было три эндери, или серединных дня (из которых второй назывался лоенде), между йаванние (сентябрь) и нарквелие (октябрь), которые соответствовали 23, 24 и 25 сентября старого стиля. Но в честь Фродо 30 йаванние, соответствовавшее прежнему 22 сентября, дню его рождения, было объявлено праздником, а в високосные дни этот праздник длился два дня, и второй день назывался *кормаре*, или День Кольца.

---

[62] Примечания: 62

Хотя на самом деле йестаре нового летоисчисления приходит раньше, чем по календарю Имладриса, в котором оно приблизительно соответствует 6 апреля Шира.

Четвертая Эра начинается с отъезда мастера Эльронда в сентябре 3021 года; но в целях удобства записей первый год Ч. Э. начинается в соответствии с новым летоисчислением 25 марта 3021 года по старому стилю.

Это летоисчисление во времена правления короля Элессара было принято во всех его землях, за исключением Шира, где сохранились старый календарь и летоисчисление Шира. Первый год Четвертой Эры здесь считался 1422 годом.

Нет записей, указывающих на то, что народ Шира отмечал каждое 25 марта и 22 сентября; но в Вестфартинге, особенно в местности, известной как холм Хоббитон, сложился обычай 6 апреля устраивать веселье и танцы на Званом Поле, если позволяла погода. Некоторые говорят, что это был день рождения старого Сэма Гарднера (Гэмджи), другие — что это эльфийский Новый год, а некоторые — что это день, когда впервые с 1429 года зацвело Золотое Древо. В Бакленде каждого 2 ноября на рассвете дули в рог Марки, зажигали огни и пировали[63].

---

[63] Примечания: 63
Годовщина первого звучания этого рога в Шире в 3019 году.

Приложение Д

Написание и произношение

I

Произношение слов и собственных имен

Вестрон, или общая речь, полностью передается английскими эквивалентами. Все слова и имена из языка хоббитов и специальные слова предполагается произносить соответственно их подлинному произношению: например, в *Bolger* произносится *дж*, как в *bulge*, и *mathom* (мэтом) рифмуется с *fathom*.

При передаче древних рукописей я пытался отразить первоначальное звучание (насколько его можно было установить) с наибольшей точностью и в то же время не создавать слова и имена, которые выглядели бы грубыми или сниженными в современном написании. Квеньянский язык (язык высоких эльфов) располагал произношением, как в латинском, насколько позволяют звуки последнего. По этой причине в обоих языках Старейших *k* отдается предпочтение перед *c*.

Для интересующихся подробностями приведу

следующие замечания.

Согласные

C всегда произносится как *k* даже перед *e* и *i: celeb* «серебро» должно произноситься как *келеб*.

CH используется только для передачи звука, произносимого в слове *bach* (в немецком или уэлльском языках), а не в английском *church*. Во всех случаях, кроме конца слов и перед *t*, в языке Гондора этот звук ослабляется до *h*, и это произношение отмечено в словах *Rohan* (Рохан), *Rohirrim* (рохиррим), *Imrahil* (Имрахил) — нуменорское имя.

DH представляет звонкий (мягкий) th в английском these, clothes. Обычно происходит от *d*, как в синдаринском *galadh* «дерево» сравнительно с квеньянским *alda*; но иногда восходит к *n+r*, как в *Caradhras* «Красный Рог» (Карадрас) из *caran-rass*.

F — f, кроме абсолютного конца слова, где обычно *f* читается как звук *v* (как в английском *of*).

G обозначает звук *g(г)* в словах *give, get: Gildor* (Гильдор), *Gilraen* (Гильрайн), *Osgiliat* (Осгилиат) — как в английском *gild.*

H в одиночку, вне комбинации с другими согласными, обозначает звук *h*, как в *house, behold*.

Квеньянская комбинация *ht* передает звук *cht*, как в немецких *ehct, ahct* например, *Telumechtar* «Орион»[64]. См. также *CH, DH, L, Я TH, W, Y.*

I в начале слова перед другим гласным имеет согласный призвук (*j*), как в *you, yore*, только в синдаринском: *Ioreth* (Иорет), *Iarwain* (Иарвайн). См. *Y*.

K используется в словах, заимствованных из других языков в том же значении, что *c; kh*, таким образом, обозначает тот же звук, что и *ch*, например, в оркском *Grishnakh* (Гришнах) или адунаикском (нуменорском) *Adunakhor*. Относительно языка гномов (куздулского) см. ниже.

L обозначает приблизительно английское начальное *l* в *let.* Однако оно до некоторой степени палатализуется в позиции между *e* или *i* с одной стороны и согласным с другой или в конце слова после *e, i (*Старейшие, вероятно, передали бы английские *bell, fill* как *beol, feol). LH* обозначает тот же звук, но приглушенный (обычно он восходит к начальному сочетанию *sl-*). В древнем квеньянском существует написание *hl*, но в Третьей Эре обычно произносилось просто *l*.

NG обозначает звук *ng* в английском *finger,* за

[64] Примечания: 64

Обычно в синдаринском называется *Menelvagor*, в квеньянском — *Menehnacar*.

исключением положения в конце слова, где оно звучит как в английском *sing*. Этот последний звук иногда встречается в начале квеньянских слов, но в соответствии с произношением Третьей Эры он передается просто как *n(н)* (как в *Нолдо*).

PH обозначает звук *ф*. Это сочетание используется: а) в конце слова, как в *alph* «лебедь»; б) если оно связано или возникло из *p*, как в *Pheriannath* «халфлинги» (*perian*); в) в середине нескольких слов, где оно обозначает долгое *ff* (из *pp*), как в *Ephel* «наружная ограда»; г) в адунаикском и в вестроне, как в *Ar-Pharazon* (*pharaz* «золото»),

QU используется для передачи *cw* — сочетания, очень распространенного в квеньянском, хотя не встречающегося в синдаринском.

R обозначает звонкое *r(p)* во всех положениях; этот звук не утрачивается перед согласными (как в английском *part*). Говорят, орки и некоторые племена гномов использовали заднее, или язычковое, *r(p)* — звук, который Старейшие считали отвратительным. *RH* обозначает глухое *r(p)*, обычно восходящее к более древнему начальному *sr-*. В квеньянском письме оно передается сочетанием *hr*. См. *L*.

S всегда глухой согласный, как в английских *so*,

geese; звук *z (з)* в современном квеньянском или синдаринском не используется. *SH*, встречающееся в вестроне гномов и орков, обозначает звук, аналогичный английскому *sh*.

TH обозначает глухое *th*, как в английских *thin, cloth*. В разговорном квеньянском оно перешло в *s (c)*, хотя на письме передается другой буквой, как в квеньянском *Isil*, синдаринском *Ithil* «луна».

TY обозначает звук, вероятно аналогичный *t (т)* в английском *tune*. Происходит он главным образом из *c* или сочетания *t* + *y*. Этот звук обычно заменял для говорящих на вестроне распространенный в этом языке согласный, аналогичный английскому *ch*. См. *HY* в примечании к *Y*.

V — звук, аналогичный английскому *v (в)*, но не используется в конце слов. См. *F*.

W обозначает звук, аналогичный английскому *w. HW* — глухое *w*, как в английском *white* (в северном произношении). В квеньянском этот звук может встречаться в начальной позиции, хотя, кажется, в данной книге соответствующих примеров нет. Оба звука: *t* и *w* — используются для передачи квеньянских слов, несмотря на то что их произношение похоже на латинское, поскольку оба звука, различные по своему происхождению, встречаются в квеньянском.

Y обозначает в квеньянском согласный звук, как в английском *you*. В синдаринском *y* — гласный звук (см. ниже). *HY* так же соотносится с *y*, как *HW* с *w*, и представляет звук, который произносится в английских словах *hew, huge; h* в квеньянских *eht, iht* передает тот же звук. Английское *sh*, которое часто встречалось в вестроне, могло заменяться описанным выше звуком. См. *TY. HY* обычно восходит к *sy-* и *khy-*; в обоих случаях в соответствующих синдаринских словах мы имеем начальное *h*; ср. квеньянское *Hyarmen* «Юг» — синдаринское *Harad*.

Заметим, что согласные буквы, написанные дважды, обозначают долгие, или «двойные», согласные звуки. В конце слов в таком случае обычно происходило сокращение: например, *Rohan* из *Rohann* (древнее *Rochand*).

В синдаринском сочетания *ng, nd, mb*, которые очень часто встречались в языках Старейших на древней стадии, претерпели разнообразные изменения. *Mb* во всех случаях упростилось в *m*, но для определения места ударения все еще считается долгим (см. ниже) и поэтому пишется как *mm*, если определение места ударения вызы-

вает затруднения[65]. *Ng* остается неизменным, за исключением начала и конца слов, где оно превращается в простой носовой согласный (как в английском *sing). Nd* обычно становится *nn*, как в *Ennor* — Средиземье, квеньянское *Endore*; но остается *nd* в конце ударных односложных слов, как *thond* «корень» (ср. *Morthond* «черный корень»), а также перед *r*, как в *Andros* «высокая пена». *Nd* встречается также в нескольких именах древнего происхождения, таких как *Nargothrond* (Нарготронд), *Gondolin* (Гондолин), *Beleriand* (Белерианд). В Третью Эру конечное *nd* в длинных словах превратилось в *n* через ступень *nn*, как в *Itilien* (Итилиен), *Rohan* (Рохан), *Anorien* (Анориен).

Гласные

Для обозначения гласных звуков используются буквы *i, e, a, o, u, y* (последняя только в синдаринском). Насколько можно судить, звуки, обозначенные этими буквами, за исключением *y*, были обычными, хотя, несомненно, многие диалектные разновидности остались неотмеченными.

---

[65] Примечания: 65

Как в *galagbremniin ennorat* «оплетенные деревьями просторы Средиземья». *Remmirath* содержит в себе *rem* «сеть», квеньянское *vembre, mdr* «драгоценность».

Таким образом, это были те же приблизительно звуки, что мы находим в английских словах *machine, were, father, for, brute*, безотносительно к их долготе.

В синдаринском долгие *e, a, o* имели то же качество, что и краткие гласные, поскольку образовались от них в сравнительно недавние времена (древние долгие гласные *e, a, o* изменились). В квеньянском долгие *e* и *o* были, когда их произносили правильно[66], как это делали Старейшие, более напряженными и закрытыми, чем краткие гласные.

Из всех современных языков только синдаринский обладает модифицированным, или передним, *u*, более или менее соответствующим и во французском *lune*. В одних случаях это модификация *o* и *u*, в других — результат развития дифтонгов *eu, iu*. Для обозначения этих звуков ис-

---

[66] Примечания: 66

Рукописи отражают широко распространенное произношение долгих *e* и *o* как *ei* и *ou*, примерно как в английских словах *say, no*, в вестроне и при передаче квеньянских имен говорящими на вестроне; мы встречаем в рукописях *ei* и *ou*. Но такое произношение всегда рассматривалось как неправильное и грубое. Естественно, такое произношение встречалось и в Шире. Поэтому те, кто произносит *yeni unotime* «многая лета» — с долгими или дифтонгическими *e* и *o* — как естественно было для английского произношения — примерно *yaini oonoatimy*, — ошибаются не больше, чем Бильбо, Мериадок или Перегрин. Фродо, говорят, проявлял большие способности «к произношению иностранных звуков».

пользовалась буква *y*, как в древнеанглийском *lyg* «змея», квеньянское *leuca* или *emin*— множественное число от *amon* «холм». В гондорском это *y* обычно произносилось как *i*.

Долгие гласные обычно обозначались знаком акута — восходящего ударения, как в некоторых феанорских рукописях. В синдаринском долгие гласные в односложных словах обозначаются циркумфлексом — знаком нисходящего ударения, поскольку в таких случаях они бывают особенно длительными[67]; например, в *dûn* сравнительно с *Dunadan*. Использование циркумфлекса в других языках, как адунаикский или языки гномов, не имеет особого содержания и призвано просто обозначить чуждый характер этих языков (так же как и использование *k*).

Конечное *e* никогда не является непроизносимым, «немым», или простым обозначением долготы, как это бывает в английском языке. Чтобы обозначить конечное *e*, его часто пишут с двумя точками.

Сочетания *er, ir, ur* (в конце слов или перед

[67] Примечания: 67

Например, в *Annûn* «заход солнца», *Amrûn* «восход солнца», под воздействием родственных *dûn* «запад» и *rhûn* «восток».

согласными) должны произноситься не как в английских словах *fern, fir, fur*, а скорее как в английских *air, eer, oor*.

В квеньянском *ui, oi, ai* и *iu, eu, au* — дифтонги, то есть произносятся в составе одного слога. Все остальные сочетания гласных двусложные. Это часто обозначают двумя точками над *e* в сочетаниях *ea, eo, oe*.

В синдаринском дифтонги обозначаются *ae, ai, ei, ui* и *au*. Все остальные комбинации не дифтонгические. Написание конечного *au* как *aw* сделано в соответствии с английской традицией, но часто встречается и в феанорском произношении.

Все эти дифтонги[68] были нисходящими, то есть с ударением на первом элементе, и состояли из произнесенных вместе обычных гласных. Таким образом, *ai, ei, oi, ui* должны произноситься соответственно как гласные в английских словах *rye* (не *ray), grey, boy, ruin-*, и *au (aw)* — как в *loud, how*, а не как в *laud, haw*.

В английском языке нет соответствий *ae, oe* и *eu; ae* и *oe* могут произноситься как *ai, oi*.

---

[68] Примечания: 68

По происхождению. Но *iu* в квеньянском в Третью Эру обычно произносилось как восходящий дифтонг *yu* (как в английском *yule*).

Ударение

Место ударения не обозначается, потому что в языках Старейших оно зависит от формы слова. В двусложных словах оно всегда падает на первый слог. В более длинных словах оно приходится на предпоследний слог, если он содержит долгий гласный, дифтонг или гласному предшествует сочетание двух (или более) согласных. Если предпоследний слог содержит (как это часто бывает) краткий гласный или перед ним стоит один согласный (или вообще нет согласных), ударение падает на предыдущий слог, то есть на третий с конца. Слова, состоящие из более чем двух слогов, чаще встречались в языках Старейших, особенно в квеньянском.

В следующих примерах ударный гласный обозначен прописной буквой: *Исилдур, Ороме, эрЕссеа, фЕанор, анкАлима, элентАри, дЕнетор, периАннат, эктЕлион, пелАргир, силИврен.* Слова вроде *элентАри* редко встречаются в квеньянском, только если, как в этом случае, гласные *е, а, о*; чаще встречаются простые гласные *i, u*, как *андУне* «закат солнца, запад». В синдаринском они не встречаются. Отметим, что синдаринские *db, th, ch* являются простыми согласными и в

древних рукописях обозначаются одной буквой.

Примечание

Если в словах, заимствованных из других языков, кроме языков Старейших, звуковое значение букв соответствует описанным правилам, это особо не оговаривается. Исключение составляют языки гномов, в которых нет звуков, эквивалентных описанным выше *th* и *ch (kh)*; в этих языках *th* и *kh* обозначают придыхательные согласные; произношение примерно соответствует *t* или *k*, за которым следует *h*, как в английских *backhand, outhouse*.

Буква *z* передает звук, соответствующий английскому *z*. *Gh* в черной речи и в языке орков представляет собой задний спирант (он относится к *g*, как *db* относится к *d*); примерно как в английских *ghash* и *agh*.

«Внешние», или человеческие, имена гномов даются в северном произношении, но значения букв соответствуют описаниям. Точно так же обстоит дело с именами и географическими названиями Рохана (если они не подверглись модернизации), кроме того что здесь *ea* и *eo* являются дифтонгами, которые могут быть представлены *ea* в английском *bear* и *eo* в *Teobald*; *y*

является модификацией *u*. Модернизированные формы легко распознаются и должны произноситься по законам английской фонетики. В основном это географические названия, как *Dunbarrow* вместо *Dunbagr*; исключение составляют такие описательные имена, как *Shadowfax* «Обгоняющий Тень» и *Wormtongue* «Змеиный Язык».

II

Написание

Все системы письма и алфавиты, использовавшиеся в Третью Эру, восходят к Старейшим и все исключительно древние. Они достигли стадии полного развития алфавитов, но всё еще использовались и более древние, консонантные системы, в которых на письме обозначались только согласные звуки.

Существовало два основных алфавита, возникших независимо друг от друга: Tengwar (тенгвар), или Tiw (тив), который в книге переводится как «буквы»; и Certar (кертар), или Cirth (кирт), который мы переводим как «руны». Тенгвар был придуман для письма кисточкой или пером, и его своеобразные буквы являются производными от

рукописных форм. Кертар создавался и использовался главным образом для высеченных или нацарапанных надписей.

Более древний — тенгвар: он был изобретен нолдерами, из всех Старейших наиболее искусными в таких делах, задолго до их изгнания. Самые древние формы алфавита Старейших — тенгвар Румила — не использовались в Средиземье. Более поздний алфавит — феанорский тенгвар — сравнительно новое изобретение, немногое сохранившее от румильского тенгвара. Этот алфавит был принесен в Средиземье изгнанными нолдерами и таким образом стал известен эдайнам и нуменорцам. В Третьей Эре этот алфавит использовался примерно в тех же землях, где была распространена и общая речь.

Кирт был создан в Белерианде синдарами и долгое время использовался только для имен и кратких эпитафий на дереве или камне. Этому происхождению буквы кирта обязаны своей угловатостью, весьма напоминающей современные руны, хотя они отличаются от них в деталях и совершенно отличны во взаиморасположении. Кирт в своих старейших и простейших формах во Вторую Эру распространился далеко на Востоке и стал известен многим народам: людям,

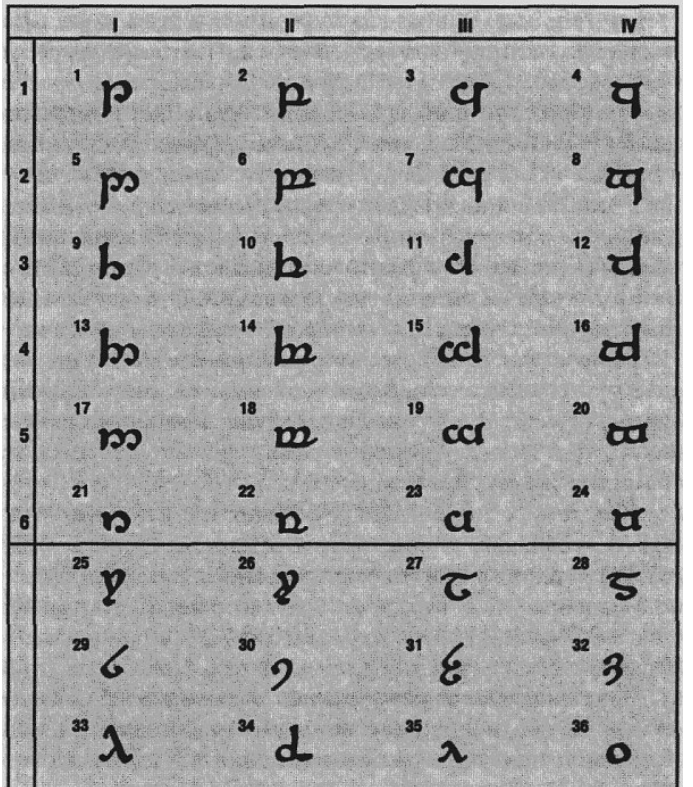
гномам и даже оркам, и везде он изменялся в соответствии с конкретными потребностями, а также искусством письма или отсутствием такового искусства. Одна из таких простейших форм использовалась жителями Дейла, другая — рохирримами.

Но в Белерианде, перед самым концом Первой Эры, кирт — частично под воздействием тенгвара нолдеров — был реорганизован и усовершенствован. Эта более совершенная и удобная форма известна как алфавит Даерона, поскольку в эльфийской традиции утверждалось, что он был изобретен Даероном, менестрелем и хранителем легенд и преданий короля Тингола из Дориата. У Старейших алфавит Даерона не имел рукописного варианта, поскольку для письма эльфы использовали феанорские буквы. Западные эльфы, в сущности, вообще перестали пользоваться рунами. В Эрегионе, однако, алфавит Даерона продолжал использоваться и оттуда перешел в Морию, где стал наиболее используемым алфавитом гномов. Он оставался их основным алфавитом и впоследствии вместе с ними перешел на Север. Поэтому в позднейшие времена его часто называли Angerthas Moria «ряды долгих рун Мории». Гномы хорошо знали не только феанор-

ский язык, но и алфавит и искусно пользовались им; однако для внутреннего употребления они использовали кирт и разработали его скоропись-ные формы.

Феанорские буквы

THE TENGWAR


I
II
III
IV
1
2
3
4
5
6
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36

В таблице «The Tengwar» приводятся — в принятой для книг форме — все буквы, распространенные в Западных землях в Третью Эру. Последовательность букв — наиболее распространенная для этого времени; обычно в таблице приводились и названия букв.

Это, в сущности, не алфавит, то есть случайная последовательность букв, имеющих каждая независимое звуковое значение, расположенных в традиционном порядке независимо от их формы или функций[69]. Скорее это система консонантных знаков аналогичной формы и стиля, которые можно применить для обозначения согласных звуков любых известных Старейшим языков. Ни одна из этих букв не имеет закрепленного значения, но отношения между буквами постоянны и лето распознаваемы.

Система содержит двадцать четыре исходные буквы (1-24), организованные в четыре темара (серии); каждый темар имеет шесть ступеней. Имеются также «добавочные буквы», примерами которых могут служить 25-36. Из них только 27 и

---

[69] Примечания: 69

Единственное отношение в английском алфавите, которое показалось бы Старейшим разумным, — это отношение букв *P* и *B*; но их отличия друг от друга, а также отличия от *F, M* и *V* Старейшие сочли бы абсурдными.

29 — независимые буквы; остальные представляют собой модификации других букв. Существует также некоторое количество тектаров (надстрочных и подстрочных знаков) с различным использованием. Эти знаки не приводятся в таблице[70]. Они использовались главным образом для обозначения гласных, которые в квеньянском рассматривались как модификации соответствующих согласных, или для обозначения наиболее часто встречавшихся сочетаний согласных.

Исходные буквы состоят из telko (ствола) и luva (лука). Буквы 1-4 считались нормальными. Ствол может быть поднят, как; в 9-16, или сокращен, как в 17-24. Лук может быть открыт, как в сериях I и III, или закрыт, как в сериях II и IV; во всех случаях он может удваиваться, как в 5-8.

Теоретическая свобода в применении букв в Третью Эру была ограничена обычаем обозначать буквами серии I дентальные согласные (t-серия, или tincotema) и буквами серии II — лабиальные согласные, (p-серия или parmatema). Применение букв серий III и IV изменялось в соответствии со строем различных языков.

---

[70] Примечания: 70

Многие из них можно видеть в примерах на суперобложке и титульном листе, а также в иллюстрациях к первой книге (Речь идет о первом английском издании. — *Ред.*).

В языках типа вестрона, в которых часто встречаются согласные *ch, j, sh, j*, к таким согласным обычно применялась серия III[71]. В квеньянском, который, помимо calmatema, обладает палатальной серией (tyelpetema) и лабиализованной серией (quessetema), палатальные согласные обычно обозначаются феанорским диакритическим знаком «далее следует *y*» (обычно две точки ниже строки), а серия IV является *kw*-серией.

В рамках этих общих закономерностей обычно наблюдаются также следующие отношения. Нормальные буквы, ступень 1, обозначают глухие взрывные согласные: *t, d, k* и т. д. Удвоение лука означает добавление «голоса»: таким образом, если 1, 2, 3, 4 = *t, p, c, k* (или *t, p, k, kw*), то 5, 6, 7, 8= *d, b, j, g* (или *d, b, g, gw*) Поднятие ствола обозначает открытие согласного до степени спиранта; тогда, в соответствии со значениями букв ступени 1, ступень 3 (9-12) = *th, f, sh, ch* (или *tb, f, hk, khw/hw*) и ступень 4 (13-16) = *dh, v, zh, gh* (или *dh, v, gh, ghw/w*).

Первоначальная феанорская система также

---

[71] Примечания: 71

Обозначение звуков здесь такое же, как в транскрипциях и как описано выше, за исключением того, что здесь *ch* обозначает английское *ch* в *church*; *j* обозначает английское *j* и *sh* — звук, который мы слышим в *azure* и *occasion*, они обычно обозначаются буквами серии III; в таком случае буквы серии IV образуют нормальную *k*-серию (calmatema).

обладала ступенями, в которых ствол мог располагаться как над, так и под строкой. Такими буквами обычно обозначались придыхательные согласные (*t+h, p+h, k+h*), но в случае необходимости могли обозначаться и другие сочетания согласных. Они не были необходимы в языках Третьей Эры, использовавших эту разновидность письма; но использовалось множество вариантов (наиболее сильно отличимых от букв ступени 1) букв ступеней 3 и 4.

Ступень 5 (17-20) обычно использовалась для обозначения носовых согласных: так, 17 и 18 были наиболее обычными буквами для *m* и *n*. В соответствии с описанным выше принципом, ступень 6 должна представлять глухие носовые; но, поскольку такие звуки (типа уэлльского *nh* или древнеанглийского *hn*) весьма редки в описываемых языках, ступень 6 (21-24) обычно обозначала самые слабые, или «полугласные», звуки предыдущих серий. Она содержит самые маленькие и самые простые из всех исходных букв. Так, 21 часто обозначал слабый (без вибрации) *r*, известный в квеньянском и рассматривавшийся в системе этого языка как слабейший согласный серии tincotema; 22 повсеместно обозначал *w*; там, где серия III обозначала палатальные согласные,

23 обычно использовался как консонантное *y*[72].

Поскольку некоторые согласные ступени 4 имели тенденцию к ослаблению, то есть к слиянию с теми, что обозначались ступенью 6 (как описано выше), большинство этих букв потеряло свои постоянные функции; именно из них впоследствии выработались обозначения гласных звуков.

Примечание

Общераспространенное значение букв, описанное выше, не вполне соответствует квеньянскому. Здесь буквы ступени 2 обозначали *nd, mb, ng, ngw*, все эти буквы редки, поскольку *b, g, gw* встречаются только в этих сочетаниях, в то время как для обозначения *rd, ld* использовались специальные буквы 26, 28. (Вместо *lv,* но не *lw* многие, особенно эльфы, произносили *lb*; этот звук обозначался при помощи 27+6, так как звук *lmb* не мог существовать). Аналогично ступень 4 использовалась для обозначения исключительно распространенных комбинаций *nt, mp, nk, ngu,* так как в квеньянском нет *dh, gh, ghw*, а для *v* использовалась буква 22.

---

[72] Примечания: 72

Надпись на западных воротах Мории — пример такой письменной передачи синдаринского, когда ступень 6 представляет простые носовые; но обычно в синдаринском ступень 5 обозначала двойные или долгие носовые: 17 = *nn*, но 21 = *n*.

См. ниже названия букв в квеньянском.

Добавочные буквы

Номер 27 обычно обозначал *l*. Номер 24 (по происхождению модификация номера 21) использовался для обозначения полного (с вибрацией) *r*. Номера 26 и 28 — модификации этих букв. Они часто обозначали глухие *r(rh)* и *l(lh)* соответственно. Но в квеньянском они обозначали *rd* и *rl*. 29 обозначал *l*, а 31 (с двойным завитком) — *z*, в тех языках, где это требовалось. Обратное написание 30 и 32 хотя иногда и использовалось как самостоятельные буквы, чаще просто варианты 29 и 31 для удобства пишущих — так обычно писали, когда букву сопровождал надстрочный техтар.

Номер 33 по происхождению является слабым вариантом 11; в Третью Эру с его помощью обычно обозначали *p*. 34 часто (если не всегда) обозначал глухое *w (hw)*. 35 и 36, если это согласные буквы, чаще всего обозначали *y* и *w* соответственно.

Обозначение гласных звуков

Гласные в большинстве систем письма обозначались надстрочным знаком — техтаром, сперва он ставился над соответствующей согласной буквой. В таких языках, как квеньянский, где

большинство слов оканчивается на гласный, тектар ставился над предшествующим согласным; а в таких, как синдаринский, где большинство слов оканчивается на согласный, — над последующим согласным. Если подходящей согласной буквы не было, тектар ставился над специальной буквой — так называемым «кратким носителем», который представлял собой нечто вроде *i* без точки. Сами тектары, используемые в разных языках для обозначения гласных, многочисленны. Комбинации, использовавшиеся для обозначения разнообразных вариантов *e, i, a, o, u*, представлены в примерах. Три точки, которые обычно обозначали *a*, в скорописи могли заменяться знаком, напоминающим крест[73]. Одна точка и знак восходящего ударения часто обозначали *i* и *e* (но в некоторых вариантах — *e* и *i*). Завиток обозначал *o* и *u*. В надписи на Кольце завиток, открытый вправо, обозначает *u*, но в надписи на титульном листе — *o*, а завиток, открытый влево, — *u*. Обычно использовался завиток, открытый

[73] Примечания: 73

В квеньянском, где *a* встречается очень часто, обозначение этого гласного обычно просто опускалось. Так, слово *calma* «лампа» могло быть записано *clm*, что естественно читалось *calma*, поскольку в квеньянском слова не могли начинаться с *cl*, а *m* никогда не встречалось на конце слов. Возможен вариант прочтения *calama*, но такого слова в языке не было.

вправо, и его значение зависело от языка: так, в черной речи звук *o* вообще редок.

Долгие гласные обычно обозначались постановкой техтара над так называемым «долгим носителем», обычной формой которого служил *j* без точки. Но для той же цели мог использоваться удвоенный техтар. Это, однако, чаще делалось со знаком завитка и реже — со знаком восходящего ударения. Две точки чаще обозначали следующий гласный *y*.

Надпись на западных воротах Мории содержит пример обозначения гласных особыми буквами. Здесь показаны все гласные буквы, использовавшиеся в синдаринском. Отметим использование 30 как буквы, обозначающей гласный *y*, отметим также обозначение дифтонгов путем постановки над соответствующей гласной буквой техтара последующего *y*. Знак для последующего *w* (он нужен для обозначения *au, aw*) в этом варианте — *u*-завиток или его модификация — тильда. Но дифтонги часто записывались полностью, как в транскрипции. В этом варианте долгота гласных обычно обозначалась знаком восходящего ударения, его называли *andaith* — знак долготы.

Кроме техтара, известен еще ряд диакритических знаков, использовавшихся для сокращения

письма, особенно для обозначения часто встречающихся сочетаний согласных, чтобы не писать их полностью. Среди них горизонтальная черточка (или знак, напоминающий испанскую тильду) — такой знак, помещенный над согласной буквой, означал, что ей предшествует носовой согласный соответствующей серии (*nt, mp* или *nk*); такой же знак, но помещенный под строкой, обычно обозначал долготу или удвоенность согласного. Крючок, приделанный к луку снизу (как в последнем слове — *хоббиты* — в надписи на титульном листе), означал последующее *s*, особенно в комбинациях *ts, ps, ks (x),* которые очень часты в квеньянском.

Разумеется, в Средиземье не было варианта, представлявшего английский язык. Можно разработать такой вариант, достаточно полно передающий английскую фонетику, на основе феанорской системы. Но краткий пример на титульном листе (Речь идет о первом английском издании. — *Ред*.) совсем не предназначен для демонстрации такого варианта. Скорее это пример того, что произвел бы житель Гондора, разрываясь между привычными ему значениями букв и традиционным английским произношением. Отметим, что точка снизу (обычно использо-

вавшаяся для обозначения слабых закрытых гласных) здесь обозначает безударный союз *and* (русск. и), но также в *here* обозначает конечное непроизносимое *e; the, of* и *of the* обозначены сокращенно (вытянутое *dh*, вытянутое *v* и последний знак с черточкой снизу).

Названия букв

Во всех вариантах каждая буква и знак имеют собственное название; но эти названия видоизменяются в соответствии с различными фонетическими значениями букв. Однако обычно считалось, что каждая буква, особенно при описании букв чужого варианта, должна иметь и общее для разных вариантов название. Для этих целей обычно использовались квеньянские так называемые «полные имена», даже если они применялись в необычных для квеньянского языка функциях. Каждое «полное имя» — это слово квеньянского языка, включающее в свой состав соответствующий звук. Если возможно, это первый звук слова; если же данный звук в начальной позиции не употребляется, то в названии буквы он стоит на втором месте.

Названия букв, приведенных в таблице, следующие: 1) *tinko* «металл», *parma* «книга», *calma*

«лампа», *quesse* «перо»; 2) *and*o «ворота», *umbar* «судьба», *anga* «железо», *ungwo* «паутина»; 3) *thule* (sule) «дух», *formen* «север», *harmna* «сокровище» (или *aha* «гнев»), *hwesta* «ветерок»; 4) *anto* «рот», *ampa* «крюк», *anca* «челюсти», *unque* «яма»; 5) *numen* «запад», *malta* «золото», *noldo* (древнее *gnoldo*) «племена, родственные нолдерам», *nwalme* (древнее *ngwahne*) «пытка»; *ore* «сердце, душа», *vala* «ангельская мощь», *anna* «дар», *vily*a (древнее *wilya*) «воздух, небо»; *romen* «восток», *arda* «область», *lambe* «язык», *alda* «дерево», *silme* «звездный свет», *silme nunquerna* (*s* перевернутое), *are* «солнечный свет» (или *esse* «имя»), *are nunquerna; hyarmen* «юг», *bwesta sindarinwa, yanta* «мост», *ure* «жара».

Отступления от этих названий связаны с переменами, происшедшими в квеньянском в изгнании. Так, номер 11 назывался *harma*, когда он представлял спирант *ch* во всех позициях, но, когда этот звук в начальной позиции превра-

тился в придыхательное *h*[74], было добавлено название *aha. Are* первоначально было *aze*, но когда это *z* смешалось с 21, эта буква в квеньянском стала использоваться для частых в этом языке сочетаний *ss* и получила название *esse. Hwesta sindarinwa*, или «*hw* серых эльфов», называлось так, потому что в квеньянском 12 обозначал звук *hw* и не требовались отдельные буквы для обозначения *chw* и *hw*. Наиболее известными и часто используемыми названиями букв были 17 *n*, 33 *hy*, 25 *r*, 9 *f* соответственно: *numen, hyannen, romen, formen* — «запад», «юг», «восток», «север» (ср. синдаринское *dun* или *annum, harad, rhun* или *amrun, forod*). Эти буквы обычно обозначали стороны света даже в языках, которые использовали совсем другие названия. В Западных землях они перечислялись именно в таком порядке, причем следовало обратиться лицом на запад; *hyarmen* и *fonnen* действительно при этом обозначают направление левой руки и правой руки (в

[74] Примечания: 74

Для обозначения придыхательного *h* в квеньянском первоначально использовался простой поднятый ствол без лука, называвшийся *halla* «высокий». Его ставили перед согласной буквой, показывая, что она обозначает глухой придыхательный согласный; глухие *r* и *l* обычно обозначались именно так и транскрибировались как *hr, hl.* Позже для обозначения независимого *h* стал использоваться номер 33, а значение *hy* (его прежнее значение) стало передаваться добавлением техтара последующего *y*.

большинстве человеческих языков наблюдается прямо противоположное).

Кирт

THE ANGERTHAS

THE ANGERTHAS

Values

1	p	16	zh	31	l	46	e
2	b	17	nj–z	32	lh	47	ē
3	f	18	k	33	ng–nd	48	a
4	v	19	g	34	s–h	49	ā
5	hw	20	kh	35	s–’	50	o
6	m	21	gh	36	z–ŋ	51	ō
7	(mh) mb	22	ŋ–n	37	ng*	52	ö
8	t	23	kw	38	nd–nj	53	n*
9	d	24	gw	39	i (y)	54	h–s
10	th	25	khw	40	y*	55	*
11	dh	26	ghw, w	41	hy*	56	*
12	n–r	27	ngw	42	u	57	ps*
13	ch	28	nw	43	ū	58	ts*
14	j	29	r–j	44	w		+h
15	sh	30	rh–zh	45	ü		&

Кертас Даерона первоначально предназначался только для обозначения звуков синдаринского языка. Старейшими буквами кирта являются (см. таблицу «The Angerthas») 1, 2, 5, 6; 8, 9, 12; 18, 19, 22; 29, 31; 35, 36; 39, 42, 46, 50 и буквы кертаса между 13 и 15. Звуковые значения этих букв непостоянны. Номера 39, 42, 46, 50 обозначали гласные и сохранили это значение во всех последующих модификациях. Номера 13 и 15 обозначали *h* или *s*, соответственно 35 обозначал *s* или *h*. Во всех последующих модификациях сохранилась эта особенность: колебания при обозначении буквами звуков *s* и *h*. В буквах, состоящих из «ствола» и «ветвей» (1-31), если ветви присоединялись с одной стороны, то обычно справа. Встречается и левое присоединение, но оно не имеет фонетического значения.

Древняя форма расширенного и усовершенствованного кертаса называлась *Angerthas Daeron*, поскольку добавление к старому кирту и его усовершенствование приписывалось Даерону. На самом деле главное видоизменение — добавление двух новых серий: 13-17 и 23-28, — вероятно, создано нолдерами Эрегиона, так как им потребовалось обозначать звуки, отсутствующие в синдаринском.

В дальнейших преобразованиях кертаса заметны следующие принципы (очевидно, под воздействием феанорской системы): 1) добавление штриха к ветви означает звучность согласного; 2) перевернутое написание буквы означает открытый спирант; 3) размещение ветвей по обе стороны ствола означает звонкий носовой согласный. Эти принципы выдерживаются регулярно, за одним исключением. В древнем синдаринском требовалась буква для обозначения спиранта *m* (или носового *v*), и, поскольку лучше всего было обозначить его перевернутым знаком *m*, перевернутый 6 обозначал *m*, а 5 — *hw*. Номер 36, теоретическое значение которого — *z*, в разговорных синдаринском и квеньянском обозначал *ss*: ср. феанорский номер 31. Номер 39 обозначал либо *i*, либо *y* (согласный); 34 и 35 на равных использовались для обозначения *s*; 38 обозначал часто встречающееся сочетание *nd*, хотя форма его не предназначена для дентальных согласных.

В таблице звуковых значений слева указаны значения древнего Angerthas. Справа — значения Angerthas Moria гномов[75]. Как легко заметить,

[75] Примечания: 75

В скобках указаны значения, использовавшиеся только эльфами; звездочка обозначает буквы кирта, использовавшиеся только гномами.

гномы Мории добавили несколько несистематических изменений в звуковое значение букв, а также некоторые новые буквы: 37, 40, 53, 55, 56. Путаница звуковых значений вызывалась двумя главными причинами: 1) изменение звуковых значений 34, 35, 54 соответственно на *h* (чистое или глотгальное начало слова с начальной гласной, что наблюдается в кузгулском) и на *s*; 2) отказ от использования 14, 16, которые гномы заменили на 29, 30. Частое использование 12 для обозначения *r*, изобретение 53 для обозначения *n* (и смешение с 22); использование 17 для обозначения *z*, а 54 — *s*, частое использование 36 как *n* и новая буква 37, обозначающая *ng*, — эти изменения также следует отметить. Новые буквы 55 и 56 представляют собой по происхождению половинки 46 и использовались для передачи звуков вроде того, что слышен в английском *butter*, которые часто встречались в языке гномов и в вестроне. Эти знаки использовались впоследствии все реже и часто обозначались просто штрихом без ствола. Этот вариант Angerthas Moria представлен в могильной надписи (I, 423).

Гномы Эребора создали свой вариант письма, известный как эреборский вариант и представленный в книге Мазарбул. Главные отличия этого

варианта: использование 43 для обозначения *z;* 17 — *ks (x);* изобретение двух новых знаков: 57 и 58 — для *ps* и *ts*. Также обозначение с помощью 14, 16 *j* и *zh*; но 29 и 30 обозначали *g, gh* как простые варианты 19, 21. Эти особенности не включены в таблицу, за исключением особых эреборских 57 и 58.

Приложение E

I

Языки и народы Третьей Эры

Язык, с которого это повествование переведено на английский, — вестрон, или «общая речь» Западных земель Средиземья в Третью Эру. В течение этой эры он стал родным почти для всех народов (за исключением эльфов), которые жили в пределах старых границ Арнора и Гондора, вдоль берегов моря от Умбара и до земель севернее залива Форочел, а на суше — до самых Туманных Гор и Эффел-Дуата. Он распространился также вверх по Андуину, занимая земли к западу от Реки и к востоку от гор до самых Полей Радости.

Ко времени Войны Кольца это были по-прежнему границы вестрона, хотя большая часть Эриадора была пустынна и мало людей жило на берегах Андуина между Полями Радости и Рауросом.

В небольшом количестве дикие люди, потомки древних, всё еще жили в лесу Друадан в Анори-

ене; и в холмах Данленда сохранились остатки прежнего древнего населения Гондора. Они пользовались собственными языками; в то время как на равнинах Рохана жил теперь северный народ — рохирримы, пришедшие в эту землю пятьсот лет назад. Но вестрон использовался как второй язык в общении между племенами и всеми, кто еще придерживался старых языков, даже эльфами, и не только в Арноре и Гондоре, но и по всем долинам Андуина и на восток до самых окраин Мерквуда. Даже среди диких людей и данлендцев, сторонившихся других народов, кое-кто все же говорил на вестроне, хотя и с ошибками.

Об эльфах

В Давние Дни, очень давно, эльфы разделились на две главные линии-ветви: западные эльфы (Старейшие) и восточные эльфы. К восточным принадлежала большая часть эльфов Мерквуда и Лориена, однако их языки не присутствуют в этом рассказе, где все эльфийские имена и слова

даны в формах Старейших[76].

Из языков Старейших в этой книге упоминаются два: язык высоких эльфов, или квеньянский, и язык серых эльфов, или синдаринский. Язык высоких эльфов — это древний язык Эльдамара за Морем, он первый обрел письменную форму. Он перестал быть живым языком, а превратился в своеобразную «эльфийскую латынь», по-прежнему используемую в торжественных церемониях, сказаниях и песнях высокими эльфами, которые в конце Первой Эры вернулись в изгнание в Средиземье.

Серые эльфы по происхождению пользовались квеньянским — это был язык тех Старейших, которые, подойдя к берегам Средиземья, не уплыли за Море, а задержались в приморской стране Белериand. Здесь их королем был Тингол Серый Плащ, и в долгих сумерках их язык изменился, как меняются языки смертных, и стал сильно

---

[76] Примечания: 76

В Лориене в этот период говорили на синдаринском языке, хотя и с акцентом, поскольку большинство эльфов принадлежало по происхождению к лесным. Этот акцент и недостаточное знание синдаринского ввели Фродо в заблуждение (на что указано в «Книге тэйна» гондорским комментатором). Все эльфийские слова, цитируемые в первой части, по существу, являются синдаринскими, то же относится к большинству географических названий и личных имен. Но *Аориен, Карас-Галадон, Амрот, Нимродель*, вероятно, слова, по происхождению восходящие к языку лесных эльфов, хотя и приспособленные к синдаринскому.

отличаться от речи Старейших за Морем.

Изгнанники, живя среди более многочисленных серых эльфов, усвоили для повседневного употребления синдаринский; и с того времени он стал языком всех тех эльфов и их повелителей, что участвуют в этом рассказе. Ибо все они принадлежали к расе Старейших, хотя народ, которым они правили, относился к малым расам. Самого благородного происхождения была Леди Галадриэль из королевского дома Финарфира, сестра Финрода Фелагунда, короля Нарготронда. В сердцах изгнанников сохранилось неутомимое стремление к Морю; в сердцах серых эльфов оно дремало, но, раз проснувшись, уже не давало покоя.

О людях

Вестрон был языком людей, хотя и обогащенным и смягченным под влиянием эльфов. По происхождению это был язык тех, кого Старейшие называли атани или эдайны — «отцы людей», будучи в особенности языком трех родов друзей эльфов, пришедших на Запад, в Белериланд, еще в Первую Эру и помогавших Старейшим в войне Большой Драгоценности против Темной Силы Севера.

После свержения Темной Силы, в ходе которого Белериand был почти полностью разрушен и затонул, в качестве награды друзьям эльфов было разрешено, подобно Старейшим, уплыть за Море. Но поскольку Королевство Бессмертных было запретно для них, посреди Моря, западнее всех земель смертных, был воздвигнут большой остров. Название этого острова было Нуменор (Западная земля). Большая часть друзей эльфов переселилась в Нуменор, они обрели величие и могущество, сделавшись прославленными моряками, владельцами множества кораблей. Они были прекрасны и высоки, и продолжительность их жизни втрое превышала жизнь людей Средиземья. Это были нуменорцы, короли людей, которых эльфы назвали дунаданами.

Дунаданы единственные среди человеческих племен знали эльфийский язык и пользовались им: их отцы овладели синдаринским языком и передавали его детям, как передают сказания, почти не изменяя его с течением лет. А мудрецы нуменорцев знали и квеньянский — язык высоких эльфов и ценили его превыше всех языков, и на нем они дали названия многим знаменитым местам, а также имена людям королевского про-

исхождения и большой славы[77].

Но родным языком нуменорцев оставался их древний человеческий — адунаикский, и позже в своей гордыне их короли и повелители вернулись к этому языку, отвергнув эльфийский; верными эльфийскому языку оставались лишь те немногие, кто сохранял дружбу со Старейшими. В годы своего могущества нуменорцы возвели множество крепостей и гаваней на Западе Средиземья для обслуживания своих кораблей. Одной из главных среди этих гаваней был Пеларгир, близ устья Андуина. Здесь люди говорили на адунаикском языке, который, смешавшись со словами языков малых людей, стал общим языком, распространившись вдоль всего берега среди тех, кто общался с нуменорцами.

После падения Нуменора Элендил провел выживших друзей эльфов снова к северо-западным берегам Средиземья. Здесь проживали многочисленные люди, в чьих жилах текла частью

---

[77] Примечания: 77

Квеньянскими были, например, слова: *Нуменор (*в полной форме *Нуменоре), Элендил, Исилдур* и *Анарион*, все имена королей Гондора, включая *Элессар* «эльфийский камень». Большинство имен дунаданских мужчин и женщин, такие как Арагорн, Денетор, Гильрайн, синдаринские, будучи часто именами эльфов и людей, упоминаемых в песнях и сказаниях Первой Эры (как, например, Верен, Хюрин). Некоторые имена собственные являются смешанными формами (например, Боромир).

нуменорская кровь, но мало кто из них помнил эльфийскую речь. Все свидетельствует о том, что дунаданов с самого начала было очень мало, гораздо меньше тех людей, среди которых они жили и которыми правили, будучи повелителями с долгой жизнью, большой властью и мудростью. Они поэтому использовали общий язык в своих делах с народом и для управления своими королевствами; но они усложнили и обогатили этот язык многими словами, заимствованными из эльфийских языков.

Во дни нуменорских королей этот облагороженный вестрон распространился широко и далеко, даже среди их врагов; он все чаще и чаще использовался самими дунаданами, так что ко времени Войны Кольца эльфийский язык был известен лишь немногим в Гондоре, и с каждым днем употребление его сокращалось. Эти немногие жили главным образом в Минас-Тирите и в прилегающих областях, а также в земле вассальных принцев Дол-Амрота. Однако названия большинства областей и имена людей Гондора — эльфийского происхождения. Смысл некоторых названий забыт; они, несомненно, представляют собой остатки языка, существовавшего до того, как корабли нуменорцев вышли в Море,

— таковы названия Умбар, Арнах и Эрех, а также названия гор Эйленах и Риммон. Того же ряда и название Форлонг.

Большинство людей в северных районах Западных земель было потомками эдайнов Первой Эры или их близкими родственниками. Их языки были поэтому родственными адунаикскому и до сих пор сохраняли сходство с общей речью. Таково население верховий Андуина: беорнинги и лесные люди западного Мерквуда, а дальше к северу и востоку — люди озера Долгого и Дейла. Из земель между Полями Радости и Карроком происходит народ, известный в Гондоре как рохирримы, повелители лошадей. Они по-прежнему говорят на своем родном языке и почти все новые места называют словами из этого языка; себя они именуют эорлингами, или людьми Риддермарки. Но сказания этих людей свободно используют общую речь, и сказители говорят на этом языке в гондорской манере, ибо в Гондоре, откуда и происходит вестрон, он до сих пор сохраняет благородный древний стиль.

Совершенно неродственной была речь диких людей леса Друадан. Чуждым или лишь отдаленно родственным был также язык данлендцев. Это были далекие потомки людей, живших в

долинах Белых Гор. Их родичами были мертвые люди Данхэрроу. Другие их предки в Темные Годы перешли в южные долины Туманных Гор, а оттуда некоторые переселились в пустые земли на Севере вплоть до Больших Курганов. От них происходят люди Бри, но они уже очень давно стали подданными северного королевства Арнор и приняли язык вестрон. Только в Данленде люди этой расы сохранили свой древний язык. Это был таинственный народ, враждебный дунаданам и ненавидевший рохирримов.

Из их языка ничто не попало в эту книгу, за исключением слова *форгойл* — так они называли рохирримов (говорят, это значит «соломенные головы»), Рохирримы же называли их данлендцами, потому что они смуглы и темноволосы. Поэтому никакой связи между частью *дан* в их названии и эльфийским словом *дан* («запад») нет.

О хоббитах

Хоббиты Шира и Бри к этому времени на протяжении уже не менее тысячи лет пользовались общей речью. Они использовали ее по-своему, свободно и беззаботно; правда, наиболее ученые из них могли, когда требовалось, употреблять и более правильную речь.

Не сохранилось никаких записей о собственном языке хоббитов. В древние дни они, по-видимому, тоже использовали язык людей, по соседству с которыми жили. Поэтому после прихода в Эриадор они быстро усвоили общую речь и ко времени своего переселения в Бри уже начали забывать свой прежний язык. Очевидно, это был язык людей, населявших верховья Андуина, родственный языку рохирримов; хотя южные стуры, по-видимому, до прихода в Шир усвоили язык, близкий языку данлендцев[78].

Многие следы этого прошлого во времена Фродо можно было отыскать в словах и именах, напоминавших слова и имена Дейла и Рохана. Наиболее интересны в этом отношении названия дней недели, месяцев и времен года; некоторые другие слова того же происхождения (среди них *мэтом* и *смайлс*) также использовались повсеместно, а еще больше сохранилось таких в географических названиях Бри и Шира. Личные имена хоббитов особые, и большинство из них восходит к древности.

Народ Шира обычно называл себя хоббитами.

---

[78] Примечания: 78

Стуры из Угла, вернувшиеся в Дикие земли, также приняли общую речь, но Деагол и Смеагол — это имена из языка людей, населявших местность вблизи Полей Радости.

Люди называли их халфлингами, а эльфы — перианнатами. Происхождение слова *хоббит* забыто. Похоже, что первоначально это было название, данное харфутам феллоухайдами и стурами, и что это редуцированная форма слова, сохранившегося в более полном виде в Рохане: *холбитла* — «строитель нор».

О других расах

Энты

Наиболее древним народом Третьей Эры были онодримы, или энты. Энтами они называются на языке Рохана. Старейшие в древние дни знали их, и Старейшим энты приписывают не только свой язык, но вообще способность говорить. Их язык не похож на все другие: он медленный, богатый гласными, аггломерирующий, со множеством повторений; в нем используется множество оттенков гласных, повышений и понижений тона, разная долгота звуков, и даже мастера сказаний среди Старейших не пытались придать ему письменный вид. Этот язык энты использовали только между собой, но они не нуждались в том, чтобы держать его в тайне: никто не мог его выучить.

Сами энты, однако, обладали большими способностями к языкам, изучали их быстро и никогда не забывали. Но они предпочитали языки самих Старейших, а самым любимым их языком был язык высоких эльфов. Незнакомые слова и имена, которые хоббиты слышали от Древобородого и других энтов, эльфийские, это фрагменты эльфийской речи, соединенные по правилам языка энтов[79]. Большинство этих фрагментов восходят к квеньянскому, например: *Таурелиломеа-тумбалеморна Тумбалетаурeа Ломеанор*, что можно передать как «лесомноготеневая-глубокодолиннотемная глубокодолиннолесная темноземля», — Древобородый хотел сказать что-то вроде: «В глубоких долинах леса лежит густая тень».

Некоторые же слова относятся к синдаринскому: *Фангорн* — «борода дерева» или *Фимбретил* — «стройный бук».

Орки и черная речь

Орками, или гоблинами, этот мерзкий народ называли другие племена, в частности на язы-

---

[79] Примечания: 79

Лишь в отдельных случаях хоббиты пытались отразить более короткое бормотание и призывы энтов; *а-лалла-лалла-рамба-каманда-линдор-буруме* — не эльфийская фраза, это попытка (очень неточная) передать фрагмент энтского языка.

ке Рохана. На синдаринском их называли орч. Несомненно, родственным для слов *орк* или *орч* является и *урук* — слово из черной речи, которое, однако, использовалось для обозначения только больших орков, вышедших к тому времени из Мордора и Исенгарда. Сами же урук-хай называли меньших орков словом *снага* («раб»).

Орки впервые были выращены Темной Мощью на Севере в Давние Дни. Скорее всего, у них не было собственного языка, и они говорили на других языках, извращая их для своего пользования: они делали из них грубые жаргоны, едва пригодные для их собственных нужд, наполовину состоявшие из проклятий и брани. Эти существа, полные злобы и ненавидевшие друг друга, быстро развили много варварских диалектов — столько же, сколько было групп и поселений их расы, так что их оркский язык стал бесполезен для общения между различными племенами.

Поэтому в Третью Эру для общения между племенами орки вынуждены были использовать вестрон; и многие из их более древних племен, таких, которые жили на Севере и в Туманных Горах, долго говорили на вестроне как на своем собственном языке, хотя в их версии он становился грубым и неприятным, как все оркские

языки. На этом жаргоне *тарк* «житель Гондора» было образовано от *таркиль* — квеньянского слова, обозначавшего потомков нуменорцев (см. VI, 214).

Говорят, черная речь была изобретена в Темные Годы Сауроном и он хотел сделать ее языком всех своих слуг, но это ему не удалось. Из черной речи, однако, заимствовано много слов, широко распространенных среди орков в Третью Эру, таких как *гаш* «огонь». Но после первого свержения Саурона этот язык был забыт всеми, кроме назгулов. Когда Саурон вновь возродился, черная речь стала языком Барад-Дура и капитанов Мордора. Надпись на Кольце была сделана на древней черной речи, а проклятия орков Мордора (III, 53) — на основе более упрощенной формы черной речи, использовавшейся солдатами Башни Тьмы, капитаном которых был Гришнах. На этом языке *шарку* означает «старик».

Тролли

Слово *тролли* соответствует синдаринскому *торог*. Со времени своего появления в сумерках Давних Дней это были тупые неповоротливые создания, подобные зверям, но владевшие даром речи. Саурон использовал их, обучив тому немно-

гому, чему можно было их научить, и усилив их злобность. Тролли свой язык заимствовали у орков; в Западных землях горные тролли говорили на упрощенном варианте общего языка.

Но в конце Третьей Эры в южном Мерквуде и в горных районах вблизи Мордора появилась новая раса троллей. На черном языке их называли *олог-хай*. Несомненно, их вывел Саурон, но неизвестно, от какого племени. Некоторые утверждали, что это не трюлли, а гигантские орки; но ологхай по телосложению и уму были непохожи даже на самых больших орков, которых они намного превосходили размером и силой. То были тролли, но полные злой воли своего хозяина: свирепая раса, сильная, проворная, яростная и коварная. В отличие от старой, сумеречной расы, они могли находиться на солнце столько, сколько удерживала их воля Саурона. Они мало говорили, и единственным знакомым им языком была черная речь Барад-Дура.

Гномы

Гномы — совершенно особая раса. О их странном бытии и о том, почему они одновременно и похожи и непохожи на эльфов и людей, рассказывается в «Сильмариллионе»; тем не менее об

этих сказаниях меньшие эльфы Средиземья не знают, а сказания поздних людей перепутаны с воспоминаниями об их собственной расе.

Гномы — крепкий, упорный народ, таинственный, работящий, хорошо помнящий обиды (и добрые дела тоже); гномы любят камень, драгоценности, любят придавать вещам форму своими руками. Они не злы по природе, и мало кто из них добровольно служил Врагу, что бы ни утверждалось об этом в сказаниях людей, ибо люди древности завидовали богатству гномов и искусству их рук и между этими расами не было дружбы.

Но в Третью Эру во многих местах между гномами и людьми устанавливаются более дружественные отношения; и, в соответствии со своей природой, гномы, работая, путешествуя и торгуя после разрушения своих древних жилищ, использовали языки людей, среди которых жили. Но тайно (в отличие от эльфов, они строго хранили свои тайны, не раскрывая их даже друзьям) они говорят на своем собственном странном языке, мало изменяющемся с годами: он превратился в язык скорее фольклора, чем повседневного употребления, и они берегут его и охраняют, как сокровище прошлого. Мало кто из

представителей других рас преуспел в его изучении. В повествовании его отголоски встречаются лишь в нескольких географических названиях, которые Гимли сообщает своим товарищам, и в воинственном кличе, который он издает при осаде Хорнбурга. Этот клич, собственно, не является тайной и был слышен на многих полях сражений со времен молодости Мира. *Барук казад! Казад ай мену!* — «Топоры гномов! Гномы против вас!»

Однако имя самого Гимли и имена всех его родственников — северного (человеческого) происхождения. Свои собственные имена гномы не открывают никому. Даже на могилах они не высекают их.

II

Относительно перевода

В ходе представления материалов Красной Книги современному читателю главная лингвистическая трудность заключалась в том, чтобы перевести их, насколько это возможно, в систему наших терминов. Лишь языки, чуждые вестрону, были оставлены в оригинальной форме, но они сохранились главным образом в названиях местностей и именах людей.

Общий язык, как язык хоббитов и их повествования, неизбежно заменялся современным английским. В процессе перевода разница, существующая между различными диалектами вестрона, сильно уменьшалась. Были сделаны некоторые попытки отразить эту разницу при помощи различных стилей современного английского языка; но разница между произношением и идиомами вестрона Шира и эльфов и высших людей Гондора гораздо значительнее, чем показано в книге. Хоббиты, в сущности, по большей части говорят на деревенском диалекте, в то время как в Гондоре и Рохане используют древний язык, более формальный и выразительный.

Следует указать одно очень важное различие, которое оказалось невозможно передать. Язык вестрон делает во втором (а также и в третьем) лице, независимо от числа, различие между «фамильярной» и «почтительной» формами. Однако одной из особенностей диалекта Шира был выход из повседневного употребления почтительной формы. Эта форма задержалась лишь в Вестфартинге как выражение ласки. Именно это имели в виду люди Гондора, когда говорили о странностях языка хоббитов. Перегрин Тук, например, в первые дни своего пребывания в Гондоре ис-

пользовал фамильярную форму при обращении к лицам всех рангов, включая самого повелителя Денетора. Это могло забавлять престарелого наместника, но очень удивляло его слуг. Несомненно, свободное использование фамильярных форм способствовало распространению слуха о том, что Перегрин у себя на родине является важным лицом[80].

Можно отметить, что такие хоббиты, как Фродо, а также Арагорн и Гэндалф не всегда используют этот стиль. Это сделано намеренно. Более образованные и способные из хоббитов знали кое-что о «книжной речи», как ее называют в Шире: они быстро подмечали и легко усваивали стиль встречных. Очень естественно для многих путешественников говорить так, как говорят те, среди которых оказываешься, особенно если приходится скрывать свое происхождение и дела (как Арагорну). Но в те дни все противники Врага

---

[80] Примечания: 80

В одном или двух случаях была сделана попытка намекнуть на эти различия путем непоследовательного использования устаревшего местоимения *thou* «ты». Поскольку в настоящее время это местоимение неупотребительно и архаично, оно используется для передачи церемониального языка; но переход от *you* к *thou, thee* часто, когда не было других средств, должен показать переход от почтительного обращения или обращения мужчины к женщине к обычному, фамильярному обращению (В русском переводе этому, как правило, соответствует переход от *вы* к *ты. — Ред.*).

преклонялись перед древностью, и в языке это проявлялось так же, как и во всем другом. Старейшие, будучи чрезвычайно искусными в словах, владели многими стилями, но в естественной обстановке пользовались речью еще более древней, чем язык Гондора. Гномы тоже говорили искусно и легко адаптировались в любом обществе, хотя их произношение казалось резким и гортанным. Но орки и тролли говорили безо всякого внимания к словам, и речь их гораздо примитивнее, чем это показано в книге. Не думаю, что читатели захотят ближе познакомиться с их речью, хотя похожие образцы мы можем найти и в наше время.

Переводы такого рода, разумеется, неизбежны, когда речь идет о прошлом. Но переводчики редко идут дальше. Однако я решил сделать это. Я перевел все вестронские имена в соответствии с их смыслом. Если в тексте появляется английское имя или название — это означает, что в общей речи это обычное имя, оно не связано по происхождению с другими (обычно эльфийскими) языками.

Вестронские имена являются правильным переводом древних имен, такие как Ривенделл, Хорвелл, Сильверлоуд, Лангстранд, Враг, Башня

Тьмы. Некоторые различаются по значению: Гора Судьбы Ородруин — Orodruin «горящая гора», Мерквуд — Taur e-Ndaedelos «*лес великого страха*». Некоторые являются производными от эльфийских названий, как *Луне* и *Брендивайн* происходят от *Lhun* и *Baranduin*.

Эта процедура, возможно, нуждается в некотором оправдании. Мне кажется, что сохранение в настоящем всех имен в их первоначальной форме означало бы существенное пренебрежение особенностями времени и восприятия мира хоббитами (а именно их восприятие я и старался главным образом передать): контраст между широко распространенными языками, такими же привычными и обычными для них, как для нас английский, и остатками гораздо более древних и почитаемых языков. Для современного читателя простая транскрипция этих имен делала все их одинаково непонятными: например, эльфийское название *Имладрис* и его перевод на вестрон *Karningul*, если бы оба были оставлены без изменения. Но назвать Ривенделл Имладрисом все равно, что назвать современный Винчестер Камелотом, хотя в Ривенделле жил властитель гораздо более древний, чем король Артур, появись он в Винчестере в наши дни.

Название *Шир (Suza)* и другие географические названия хоббитов были англизированы. Это редко представляло трудности, поскольку хоббитские названия обычно составлены из тех же простейших элементов, что и распространенные английские: либо из все еще распространенных слов, вроде *hill* «холм» или *field* «поле», либо из несколько видоизмененных (*ton* вместо *town*). Но некоторые различаются, как, например, образованные от старых хоббитских слов, вышедших из употребления, — они были заменены соответствующими английскими архаичными словами, вроде *wich, bottle* «жилище», *michel* «большой».

Что касается имен, то имена хоббитов в Шире и Бри для своих дней являются нехарактерными, поскольку обычай иметь наследственные семейные имена-фамилии возник у хоббитов за несколько столетий до описываемых событий. В основной массе эти фамилии имеют вполне очевидные значения в современном языке (они происходят от шутливых прозвищ, от географических названий и — применительно к Бри — от названий растений и деревьев). Перевести такие фамилии нетрудно; однако остаются одна или две более старые фамилии с неясным смыслом, и тут мне пришлось удовлетвориться их передачей

в англизированном виде: *Тук* передает *Tuk* и *Боффин — Bophin*.

Так же, насколько это возможно, я передавал и имена хоббитов. Девочек хоббиты обычно называют именами цветов и драгоценных камней. Мальчики же получают имена, не имеющие никакого смысла в современном языке, — есть и женские имена такого типа. Именно таковы имена Бильбо, Банго, Поло, Лото, Танта, Нина и т. д. Получилось множество неизбежных совпадений с уже знакомыми нам именами, например: Ото, Одо, Дрого, Дора, Кора и другие. Я сохранил эти имена, обычно англизируя их путем изменения окончаний; хоббитские имена, оканчивающиеся на *а*, принадлежат мужчинам, а женские оканчиваются на *о* и *е*.

В древних родах, особенно феллоухайдского происхождения, например в семьях Туков и Болджеров, было принято давать торжественно звучащие имена. Поскольку в основном они заимствованы из легенд о прошлом, как человеческих, так и хоббитских, и многие из этих имен, теперь не имеющие смысла, в то же время определенно напоминают имена людей в долине Андуина, в Дейле или Марке, — я обратился к тем нашим старым именам, в основном франкского

или готского происхождения, которые изредка еще встречаются и известны по историческим хроникам. Я постарался также сохранить часто встречающийся комический эффект соотношения торжественных имен и фамилий-прозвищ, который сами хоббиты хорошо ощущали. Имена классического происхождения использовались редко; эквивалентом греческих и латинских по происхождению имен для хоббитов служили бы эльфийские имена, но сами хоббиты их использовали нечасто. Мало кто из них во все времена был знаком с «языком королей», как называли они язык эльфов.

Имена жителей Бакленда отличаются от хоббитских имен в остальных районах Шира. Население Мэриша и потомки его за рекой Брендивайн, как уже говорилось, вообще отличались причудливостью. Несомненно, большинство своих древних имен они унаследовали из языка южных стуров. Я их обычно оставлял без изменений, поскольку, хоть они и звучат сегодня непривычно, так же непривычно они звучали во времена хоббитов. Стиль этих имен я бы назвал «отдаленно напоминающим кельтский».

Поскольку следы древних языков стуров и первоначального населения Бри подобны следам

кельтских языков в английском, я иногда в своем переводе имитировал эти следы. Так, *Бри, Комб, Арчет* и *Четвуд* сконструированы по модели кельтских реликтов с использованием соответствующих значений: *bree* «холм», *chet* «дерево». Но лишь одно личное имя было изменено таким образом. Мною было избрано имя Мериадок, так как первая часть его оригинала в сокращенном варианте *Kali* на вестроне означает «весельчак», хотя на самом деле это просто сокращение полного имени *Kalimas*, не имеющего смысла в современных языках в Бакленде (Англ. *merry* означает «веселый». — *Ред.*).

Я не использовал в своей транскрипции имена древнееврейского или иного происхождения. В именах хоббитов нет соответствий таким именам. Краткие формы, вроде Сэм, Том, Тим, Мэт, были распространены как сокращения соответствующих полных хоббитских имен Томба, Толма, Матта и т. д. Но Сэм и его отец Хэм на самом деле звались Бен и Рен. Это краткие формы от *Banazir* и *Ranugad*, означающих соответственно «простак» и «домосед»; эти слова выпали из повседневного употребления, но сохранились в некоторых семьях как традиционные имена. Поэтому я заменил их на *Сэмвайс* и *Хэмфест*

— модернизации древнеанглийских *samwis* и *hamfast*, близко соответствующих по значению.

Зайдя так далеко в своем стремлении модернизировать и сделать знакомыми имена и фамилии хоббитов, я оказался вовлеченным и в дальнейший процесс. Человеческие языки, родственные вестрону, как мне показалось, должны быть представлены как имеющие отношение к английскому. Соответственно язык Рохана я сделал напоминающим древнеанглийский, поскольку он был связан (более отдаленно) с общей речью и (более тесно) с прежними языками северных хоббитов и по сравнению с вестроном воспринимался как архаический. В нескольких местах Красной Книги отмечается, что, когда хоббиты слышали речь Рохана, они узнавали многие слова и чувствовали, что этот язык родствен их языку, поэтому мне казалось абсурдным оставлять имена и слова рохирримов совершенно чуждыми.

В нескольких случаях я модернизировал формы и произношение географических названий Рохана, как в *Данхэрроу* и *Сноуборн*, но в этом я следовал хоббитам. Они аналогично изменяли названия, если встречали в них знакомые элементы или если эти названия напоминали что-нибудь в Шире; но большинство они оста-

вили без изменений, как и я, например *Эдорас* «дворы». По тем же причинам были модернизированы некоторые личные имена (*Shadowfax* «обгоняющий тень»; *Wonntongue* «змеиный язык» и т. п.)[81].

Такая ассимиляция давала удобную возможность представления особых местных хоббитских слов северного происхождения. Они получали формы, которые приобрели бы утраченные английские слова, если бы сохранились до наших дней. Так, *mathom* (мэтом) должен напоминать древнее английское *mathm* и так представить отношение хоббитского *kast* к рохирримскому *kastu*. Аналогично *smial* (или *smile*) «нора» — возможная форма, восходящая к древнеанглийскому *smygel* и соответствующая отношениям хоббитского *tran* и рохирримского *trahan*. *Smeagol* — Смеагол и *Deagol* — Деагол представляют аналогичные эквиваленты именам *Trahald* «ютящийся в норе» и *Nahald* «тайна» в северных языках.

Стиль более северного языка Дейла отражен в

[81] Примечания: 81

Эта лингвистическая процедура вовсе не означает, что рохирримы и в других отношениях — в культуре или искусстве, в оружии или военных обычаях — напоминают древнюю Англию, сходство здесь только типологическое: более примитивные и простые племена, находящиеся в контакте с племенами более высокой культуры и занимающие земли, некогда принадлежавшие этой культуре.

этой книге только в нескольких именах гномов, которые происходят из этого района и усваивают слова человеческого языка для своих «внешних» имен. Можно отметить, что в этой книге, как и в «Хоббите», используется множественное число *dwarves*, хотя все словари утверждают, что множественное от *dwarf* «гном» — *dwarfs* «гномы». Если бы единственное и множественное число развивались по своим законам, как в современных *man* «человек» и *men* «люди», *goose* «гусь» и *geese* «гуси», то множественное число для *dwarf* было бы *dwarrows* (или *dwerrows*). Но теперь мы говорим о гномах не так часто, как о людях или даже о гусях, воспоминания о гномах не настолько живы, чтобы сохранять особую форму множественного числа для народа, переселившегося в народные сказки, где сохраняется хотя бы тень истины, или в анекдоты, где гномы превратились в шутов. Но в Третью Эру помнили о характерах и прежней силе гномов, хотя и тогда воспоминания уже затуманивались: гномы — потомки Наутрима, жившего в Давние Дни, в чьих сердцах все еще горит огонь великого кузнеца Алуе и теплятся угли их древней вражды с эльфами; в чьих руках живет никем не превзойденное искусство работы по камню.

Чтобы подчеркнуть это, я решил использовать форму *dwarves* и тем хоть немного отграничить их от глупых гномов — героев анекдотов наших дней. Еще лучше было бы использовать форму *dwarrows*, но я применил ее только однажды — название *Dwarrowdelf* должно отразить обозначение Мории в общей речи: *Phurunagrian*. Это слово означает «жилище гномов» и в то же время действительно является древней формой. Но *Мория* — это эльфийское название, данное без любви, потому что Старейшие, в своих жестоких войнах с Врагом и его слугами вынужденные создавать подземные крепости, в отличие от гномов жили там без желания. Они любили зеленую землю и небесный свет; слово *Мория* на их языке означает «черная пропасть». Но сами гномы — и это название они никогда не хранили в тайне — называли ее *Казад-Дум* «дом казада»; ибо таково их самоназвание, и было оно таким с тех древних времен, когда его дал им Алуе.

Слово *эльфы* соответствует и слову в языке высоких эльфов *квенди* — «говорящие», и слову *Старейшие* — названию трех родов, искавших Королевство Бессмертных и прибывших в Средиземье в начале дней. Это старое слово — *эльфы* — было единственно подходящим, так как соот-

ветствовало сохранившимся у людей воспоминаниям. Но в этих воспоминаниях представление об эльфах искажено, и для большинства они теперь лишь красивая или глупая сказка. Эльфы наших сказок так же соответствуют «квенди», как бабочка напоминает быстрого сокола. У эльфов не было крыльев, они для них столь же неестественны, как и для людей. Это была высокая и прекрасная раса, первые дети Земли, и среди них Старейшие были королями. Ныне они ушли — народ Великого Путешествия, народ Звезд. Они были высоки, прекрасны и сероглазы, с темными волосами, за исключением золотого рода Финрода; голоса их были так мелодичны, что сегодня никто не может себе этого представить. Они были доблестны, но история оказавшихся в изгнании в Средиземье печальна. Господство их давно в прошлом, они не живут больше в Кругах Мира и уже никогда в него не вернутся.

Примечания о трех словах:

хоббит, Гэмджи* и *Брендивайн.

Хоббит. Это неологизм. Когда в вестроне упоминался этот народ, использовалось слово *banakil* «халфлинги». Но сами жители Шира и Бри обычно

называли себя словом *kuduk*, которое больше нигде не употреблялось. Мериадок, однако, записал, что король Рохана употребил слово *kud-dukan*, что означает «живущие в норе». Поскольку уже было отмечено, что, по-видимому, некогда хоббиты говорили на языке, близко родственном роханскому, то, вероятно, *kuduk* — это редуцированная форма *kud-dukan*. Последнее слово я перевел, по уже объясненным причинам, как *hotbitla*; а *hobbit* вполне может быть редуцированной формой *holbitla*, если бы это слово существовало в нашем собственном древнем языке.

Гэмджи. В соответствии с семейной традицией, описанной в Красной Книге, фамилия *Galbasi*, или ее редуцированная форма *Galpsi*, происходит от названия деревни *Galaba*s, которое, в свою очередь, считается образованным от *galab-* «дичь» и древнего элемента *bas-*, более или менее эквивалентного нашему *wick, wich. Gamwich* (произносится *Gammidge*) кажется поэтому неплохим переводом. Однако при редуцировании *Gammidgy* в *Gamgee*, чтобы представить *Galpsi*, не ставилась цель связать Сэмвайса с семьей Коттонов, хотя шутка такого рода звучала бы вполне по-хоббитски, если бы в их языке нашлись для нее достаточные основания.

Коттон, в сущности, представляет *Hlothran* — весьма распространенную в Шире фамилию, которая происходит от *hloth* «двухкомнатное жилище или нора» и *rgn(u)* — «небольшая группа таких жилищ на склоне холма». Эта фамилия может быть также видоизменением слова *blothram(a)* «живущий в коттедже». Hlothram, которое я перевел как *Коттмен*, — имя деда фермера Коттона.

Брендивайн. Хоббитское название этой реки представляет собой видоизменение эльфийского *Baranduin* — Барандуин (ударение на втором слоге), происходящего от *baran* «золотисто-коричневый» и *duin* «(большая) река». *Брендивайн* вполне естественно может происходить от Барандуин. На самом деле древнее хоббитское название этой реки *Branda-nin* «пограничная вода», что лучше было бы перевести как *Мачбуэн*; но в описываемые времена широко распространена шутка, намекающая на цвет воды в реке: реку называли *Bralda-him* «крепкий эль».

Следует отметить, однако, что, когда Олдбаки (*Zaragamba*) сменили свое имя на Брендибаки (*Brandagamba*), первый элемент означал «пограничная земля», и *Мачбаки* было бы гораздо ближе. Только очень смелый хоббит позволил бы

себе назвать хозяина Бакленда Braldagamba в его присутствии.